МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

НОВЕЙШАЯ ФИЛОЛОГИЯ
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник статей

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2019

ISBN 978-5-7779-2426-1

Омск
2019

УДК 80
ББК 80я43
Н727

Рецензенты:
канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы ОмГУ им. Ф.М. Достоевского *С.А. Демченков*;
д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания ОмГУ им Ф.М. Достоевского *Е.Н. Гуц*

Ответственный редактор
канд. филол. наук, доцент ОмГУ *О.В. Золтнер*

Редколлегия сборника:
доктор филол. наук, профессор *Н.В. Орлова*,
канд. филол. наук, доцент *М.А. Харламова*,
канд. филол. наук, доцент *О.В. Золтнер* (отв. редактор)

Н727 **Новейшая филология: итоги и перспективы исследований** [Электронный ресурс] : сборник статей / [отв. ред. О. В. Золтнер]. – Электрон. текст. дан. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-7779-2426-1

Настоящий сборник статей создан на основе очных и заочных докладов участников Международной научно-практической конференции «Новейшая филология: итоги и перспективы исследований» (15–16 февраля 2019 года), которая была посвящена памяти учёных, внёсших значительный вклад в развитие филологии, – кандидата филологических наук профессора Майи Петровны Одинцовой и доктора филологических наук профессора Бориса Ивановича Осипова.

Круг тем, освещаемых в статьях авторов, пересекается с научными интересами М.П. Одинцовой и Б.И. Осипова, а потому он весьма широк: предметом изучения являются как традиционные, так и новые явления в языке, литературе, культуре, в том числе требующие комплексного, междисциплинарного подхода; нашли своё отражение и проблемы, связанные с преподаванием филологических дисциплин в школе и вузе. Авторы статей предлагают свои подходы к решению многих дискуссионных вопросов.

Книга адресована филологам – настоящим и будущим специалистам, теоретикам и практикам, а также коллегам из смежных исследовательских областей: культурологам, философам, социологам, психологам.

УДК 80
ББК 80я43

Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание

Минимальные системные требования:
PC, процессор с частотой 1,3 ГГц или выше; ОЗУ 512 МБ;
Microsoft Windows XP/Vista/7/8/10;
Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше; CD-ROM; мышь

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2019

Издается в соответствии с оригиналом,
предоставленным редакционной коллегией.

Статьи печатаются в соответствии с авторской редакцией.
Ответственность за содержание и корректность заимствований несут авторы статей.

Макет подготовлен в Издательстве ОмГУ

Технический редактор *Т.Н. Чечуков*

Дата выпуска: 18.09.2019.
1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
Тираж 10 копий. Объём 4,2 Mb.

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 67-32-55, 64-30-61, 64-13-07

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 12

Раздел 1. ФОНЕТИКА, ФОНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПИСЬМА ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ ПРОШЛЫХ ЭПОХ

Бекасова Е.Н. Об орфографической обусловленности употребления рефлексов *dj в древнерусских рукописях 15

Бреусова Е.И. О радикальности реформирования русской орфографии 19

Бугаева И.В. Современная городская номинация и её влияние на графику и орфографию русского языка 23

Будейко В.Э. Вклад Б.И. Осипова в современную грамматологию 27

Демидов Д.Г. Доверие к орфографии: Русици «Слова о полку Игореве» как «Русики» 31

Кокорина Ю.Г. Информационная технология письма и развитие археологической терминологии 35

Кремзикова С.Е. Социокоммуникативные аспекты образования и функционирования nomina agentis в диахронии дискурсивной деятельности 39

Курулёнок А.А. Фонологическая терминология в описании исторической фонетики русского языка 44

Михайлов А.В., Михайлова Т.В. Отражение предикативных «узлов» в древнерусском рукописном тексте 48

Никитина Е.А. Теория письма профессора Б.И. Осипова 52

Рогожникова Т.П. Варианты глоссирования в старорусских житиях 57

Русанова С.В. Новые формы деловой письменной коммуникации XVIII в.: смена социокультурных стереотипов и проблемы практической реализации 61

Хисамитдинова Ф.Г. Из истории башкирского письма 65

Щербакова Н.Н. Взаимодействие морфемной и семантической деривации в просторечии XVIII века 70

Раздел 2. ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ, КУЛЬТУРЕ

Бектурова Ж.Б. Правовые взгляды кочевников 74

Здриковская Т.А. Формирование протоконцептов «альтруизм» и «эгоизм» во французском фольклоре 78

Калёнова Н.А. Образ адресанта частного письма в зеркале эпистолярной фразеологии 84

Киндеркнехт А.С. К вопросу об исследовании языковой личности в профессиональном дискурсе 88

Корсакова Ю.И. Языковая личность ученого-лингвиста через призму использования дискурсивных маркеров (на материале устной публичной речи А.А. Зализняка) 92

Ляпина А.В., Риферт А.А. Литературные юбилеи в омском журнале «Искусство» периода Гражданской войны (1921–1922): к 100-летию Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского 96

Николенко О.Ю. Отражение современного понимания феномена родства в народно-разговорной речи 102

Орлова Н.В. Существует ли дискурс пожилых людей? 106

Пашкевич О.И. Отражение в языке особенностей национального менталитета (на примере национальной литературы Якутии) 110

Постникова Е.Г. Роль и функции фронтового дневника в боевых буднях комбатанта (на материале дневников 1943–1946 гг. матроса-подводника, уроженца г. Омска Г.И. Сенникова) 114

Савченко А.В., Хмелевский М.С. Русскоязычие крупных городов Украины 118
Сироткина Т.А. «Человек этнический» как объект исследования современной лингвоантропологии 121
Федяева Н.Д. Машина умная, человек продуктивный: о современных акцентах взаимодействия образов машины и человека в русской языковой картине мира 126
Шифрова Е.С. Средства самоидентификации людей пожилого возраста в дискурсе 130
Раздел 3. ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА ЯЗЫКА В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОБЫДЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
Балонкина О.В. Лингвокультурологические особенности русских фразеологизмов с именами первостихий 134
Белая Е.Н. Культурные смыслы французских и русских фразеологических единиц с компонентом названий цветов 139
Бутакова Л.О. Возрастная лексика как объект рецепции (на примере стимулов «пенсионер», «пенсионерка», «пенсия») 143
Голованова Е.И. Проблемы лексикографирования профессиональной разговорной речи 150
Димитриева О.А. Глагол «киснуть» в метафорическом употреблении 155
Зинковская Л.С. Политематичность речи носителей говоров и параметры тематической разметки в диалектном корпусе 159
Золтнер О.В. Синтаксическая концепция М.П. Одинцовой 163
Костина В.А. Номинативное поле концепта «дилетант» 168
Лесников С.В. Словарная поисковая система русского языка 172
Мохаммед Хассан Саммани Мансур. Метафорические эвфемизмы в аспекте лингвокультурологии 178
Михеева С.Л. Прилагательное «нормальный» в русском языке: соотношение семантики нормы и не-нормы 181
Назарова Н.А. Социолингвистические аспекты изучения иноязычных слов 185
Николаева Т.Г. Особенности семантически осложнённых предложений с субъектными и объектными предикативными атрибутами как разновидность связанных структур в современном английском языке 188
Плешков Е.С. Психолингвистическое измерение имени собственного 192
Позднякова Е.Ю. Наименования автомагазинов в языковом пространстве города (на примере эргонимов г. Барнаула) 195
Садиева Д.В. Использование метода дополнения языкового знака при изучении особенностей функционирования аббревиатур в русском языке 199
Сафонова Н.Н. Компрессивы в современной разговорной речи 202
Седова Н.А. Лексикографическое описание наименований одежды как средство репрезентации советской повседневности (на примере наименований плечевых изделий) 206
Стрекалов Д.А. Категория неопределённости в русском языке в аспекте понятия нечётких множеств 210
Харламова М.А. Диалектный корпус полиэтнического региона (на материале говоров Омского Прииртышья) 213
Раздел 4. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Анисова А.А. Лексический повтор как репрезентатор мотива возвращения в рассказе А.П. Платонова «Река Потудань» 217
Базылев В.Н. Герменевтический подход к проблеме авторского понимания текста 220
Бобрикова Т.А. Семиотика сновидений в контексте антропологии пространства (на материале романа Милорада Павича «Другое тело») 224

Григорян Э.Р. Русские национальные социокультурные автостереотипы в повести А.И. Куприна «Олеся» 228
Даутова Е.А. О жанровой специфике «Алмазного моего венца» В.П. Катаева 231
Жапанова М.Е. Мотив памяти в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» 235
Исина Н.У. Жанровое своеобразие прозы Герольда Бельгера 239
Кабылкова А.А. Дом – опорная точка художественного пространства В.Н. Крупина 243
Калугина В.В. Флоросимволика в мужских образах романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» 247
Киселева О.Д. Тема острова в мифологии, фольклоре, литературе 251
Клименчук М.К. Языковые приемы комического и их функции в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» 255
Козлова Я.О. Проблема свободы человека в календарных рассказах А.П. Чехова «Ведьма», «На пути» 258
Колягина Т.Ю. Утрата детства-рая в «Воспоминаниях» Т.Л. Сухотиной-Толстой 263
Кукуева Г.В. Смешанные формы чужой речи в женской прозе конца XX – начала XXI века 268
Мельникова Л.А. Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в восприятии и оценке немецкого писателя Г. Бёлля 272
Погребная Я.В. Диалектика неомифологизма в современной литературе 275
Руднева О.В. Образно-экспрессивные и оценочные компоненты в описании внешности героев в художественном дискурсе И.А. Бунина 279
Сердечная В.В. Уильям Блейк в культуре русского зарубежья 283
Смагина А.А. Власть vs религия (по роману Ю. Арабова «Чудо») 287

Раздел 5. НОВЫЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ: АППАРАТ И МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ

Абросимова Е.А., Шкайдерова Т.В. Типология интермедиальных знаков современного медиатекста: к постановке проблемы 291
Акаева Э.В. Анализ языковой личности врача и телеведущего Александра Мясникова 295
Васильева Д.С. Этические оценки в телевизионном жанре ток-шоу 298
Гуц Е.Н., Прохоренко Ю.Ю. Тексты социального проекта «Возраст счастья»: прагматический аспект 302
Зеленин А.В., Иванова Н.Л. Мотивация выбора родителями детского имени в полилингвальных семьях (финский контекст) 306
Крашенинникова И.В., Ломакина О.В. Современные песни в аспекте лингвоэкологии 315
Максимюк Е.В. Психоэмоциональные особенности жанрового наполнения речевого портрета подростка (на материале сериала «Деффчонки») 319
Малышева Е.Г., Рогалева О.С. Медиаобразы сибирских городов в региональных СМИ: опыт сопоставительного анализа 323
Нелюбина Ю.А. Языковой облик врача в кинодискурсе 328
Никитина Л.Б. Человек в интернет-формате традиционного речевого жанра 331
Петров В.В. Стратегии интерпретации поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в фанфикшн-словесности 336
Ромашова И.П. Виды дискурсивных технологий 340
Соловцова Е.В. Семантическое поле русских перформативных глаголов современного газетного дискурса 344
Хрипункова О.В. Интернет-коммуникация в творческой рефлексии В.О. Пелевина (на примере произведения «Шлем ужаса») 349
Часовский Н.В. Особенности коммуникации подростков в социальной сети «Instagram» 353

Шашков И.А. Языковая личность продуцента в религиозном интернет-дискурсе 356

Раздел 6. ПРЕПОДАВАНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Айкенова Р.А., Исакова Ж.М. Мультимедиа технологии в обучении неродному языку.....360

Боева Г.Н. Дискурсивный разлом: восприятие студентами-рекламистами литературных концептов.....365

Волкова С.Н. Основные тенденции развития речевой культуры современных студентов.....368

Вольская Н.Н. Журналистское образование: проблемы и перспективы.....373

Гетманская Е.В. Внешкольные факторы литературного образования 376

Замашанская Е.С. Типы грамматических ошибок в диалогической речи на иностранном языке у студентов неязыковых вузов.....380

Зензеря И.В. Проблема выделения обращений в художественном тексте в вузе и школе.....383

Золтнер О.В. Проблемы лингвистической подготовки школьников к участию в олимпиадах филологического профиля.....387

Карташёва А.Н., Кенжегалиева С.К. Проблема преподавания русского языка в национальной аудитории.....392

Лопатина М.В. Основы обучения лексической стороне иноязычной речи студентов вуза (на примере немецкого языка).....397

Массалова А.Э. Преподавание русского языка как иностранного в специальных целях в военно-инженерном вузе 402

Миленич Ж. Актуальные проблемы изучения русской литературы в вузах Боснии и Герцеговины.....405

Миллер В.А. Стратегии семантизации эмоционально-оценочной лексики студентами-филологами: экспериментальное исследование 409

Муль И.Л., Виданов Е.Ю. Речетворческое моделирование в процессе изучения русского языка как иностранного, или Языковая игра устами инофона.....413

Невежина С.Б. Получение опыта творческой деятельности в процессе изучения иностранного языка студентами вуза 417

Песина С.А. Проблемы преподавания филологических дисциплин: развитие лексической компетенции у студентов лингвистического направления 421

Ронина Е.А. Дискурсивные слова русской и испанской разговорной речи: проблемы перевода и преподавания 425

Самсонова А.В. «Нелитературные» темы сочинений в истории литературного образования 429

Снежицкая О.С. Проблемы языковой подготовки индийских студентов при изучении русского языка как иностранного 433

Хохловская О.Г. Особенности преподавания русского языка в условиях диалогической парадигмы образования 436

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....440

Contents

FOREWORD 12

Section 1. PHONETICS, PHONOLOGY, HISTORY AND THEORY LETTERS STUDYING TEXTS OF PAST EPOCHS

Bekasova E.N. About the Spelling of Condition the Use of Reflexes of *dj in the Old Russian Manuscripts 15

Breusova E.I. About Radical Reform Russian Spelling 19

Bugaeva I.V. Modern Urban Nomination and its Impact Graphics and Spelling of the Russian Language 23

Boudeyko V.E. The Contribution of B.I. Osipov to Modern Grammatology 27

Demidov D.G. The Credibility of the Spelling: Rusitsi in “The Lay of The Warfare Waged by Igor” as “Rusiki” 31

Kokorina Yu.G. The Information Technology of Writing and the Development of the Archaeological Terminology 35

Kremzikova S.Ye. Socio-Communicative Aspects of Education and Functioning of the Nomina Agentis in Diachrony of Discourse 39

Kurulenok A.A. Phonological Terminology in the Description of Historical Phonetics of the Russian Language 44

Mikhaylov A.V., Mikhaylova T.V. The Reflection of the Predicate “Nodes” in Ancient Russian Hand-written Text 48

Nikitina E.A. The Theory of Writing by Professor B.I. Osipov 52

Rogozhnikova T.P. Options Gliding in the Old Russian Lives of Saints 57

Rusanova S.V. New Forms of Business Written Communication of the 18th Century: Change of Sociocultural Stereotypes and Problem of Practical Realization 61

Khisamitdinova F.G. From the History of Bashkir Writing 65

Shcherbakova N.N. Interaction of Morphemic and Semantic Derivations in the Vernacular Language of the XVIII Century 70

Section 2. MAN IN LANGUAGE, SPEECH, TEXT, CULTURE

Bekturova Zh.B. Legal Views of the Nomads 74

Zdrikovskaya T.A. The Formation of Protoconcepts Altruisme and Egoisme in the French Folklore 78

Kalyonova N.A. The Image of the Sender of a Private Letter in the Mirror of Epistolary Phraseology 84

Kinderknekht A.S. To the Study of a Linguistic Personality in Professional Discourse 88

Korsakova Yu.I. Language Personality of the Scientist-linguist Through the Prism Use Discourse Markers (on the Material of A.A. Zaliznyak’s Oral Public Speech) 92

Lyapina A.V., Rifert A.A. Literary Anniversaries in Omsk Magazine “Art” During the Civil War (1921–1922): to the Hundred Anniversary of Nekrasov and Dostoevsky 96

Nikolenko O.Yu. The Reflection of the Modern Understanding of the Phenomenon of Kinship in Colloquial Speech 102

Orlova N.V. Is there a Discourse for Elderly People? 106

Pashkevich O.I. Reflection of Special Features of the National Mentality in the Language (on the Example of Yakut National Literature) 110

Postnikova Y.G. The Role and Function of Battlefield Diary in Daily Military Life of a Combatant (Based on Diaries Dated 1943–1945 Written by the Native of Omsk Submarine Sailor G.I. Sennikov) 114

Savchenko A.V., Khmelevsky M.S. The Russian Language in Major Cities of Ukraine 118

Sirotkina T.A. “Ethnic Person” as an Object of Research Modern Linguoantopology 121

Fedyaeva N.D. Machine is Smart, People are Productive: about the Modern Accents of the Interaction of Images of Machines and Humans in the Russian Language Picture of the World 126
Shifrova E.S. Means of Self-Identification of Seniors in the Discourse 130

Section 3. LEXICS AND GRAMMAR OF THE LANGUAGE IN THEORETICAL MODELS, PROFESSIONAL AND COMMON INTERPRETATION

Balonkina O.V. Linguocultural Features of Russian Idioms with Names of the Elements 134
Belaya E.N. Cultural Senses of French and Russian Phraseological Units with Components of the Names of Flowers 139
Butakova L.O. Words with the Semantic Age as an Object of Reception (on the Example of Incentives Pensioner, Pensioner, Pension) 143
Golovanova E.I. Problems of Professional Colloquial Speech Lexicography 150
Dimitrieva O.A. The Verb Kisnut' (Sour) in a Metaphorical Use 155
Zinkovskaya L.S. The Polythematically Speech of Speakers of Dialects and the Thematic Marking in the Dialect Corpus 159
Zoltner O.V. The Syntactic Conception by M.P. Odintsova 163
Kostina V.A. The Nominative Field of the Conceptual Space Amateur 168
Lesnikov S.V. Academic Vocabulary of a Hypertext Search System of the Russian Language 172
Mohammed Hassan Sammani Mansour. Metaphorical Euphemisms in the Aspect of Linguoculturology 178
Mikheeva S.L. Adjective Normal in the Russian Language: Relationship of the Semantic of Norm and Non-norm 181
Nazarova N.A. Sociolinguistic Aspects Studying of Foreign Words 185
Nikolayeva T.G. Features Semantically Complicated Sentences with Subject and Object Predicative Attributes as a Variety of Related Structures in Contemporary English 188
Pleshkov E.S. The Psycholinguistic Study of a Proper Name 192
Pozdnyakova E.Yu. The Proper Names of Auto Shops in the Linguistic Space of the City (for Example Ergonyms Barnaul) 195
Sadiyeva D.V. Using the Method of Additions of the Linguistic Sign in the Study of the Peculiarities of Abbreviations in the Russian Language 199
Safonova N.N. Compressive Words in Modern Colloquial Speech 202
Sedova N.A. The Lexicographic Description of the Items of Clothing as a Means of Representation Soviet Everyday Life (for Example, Items of Shoulder Products) 206
Strekalov D.A. Category of Indefiniteness in the Russian Language in the Aspect of the Concept of Fuzzy Sets 210
Kharlamova M.A. The Dialect Corpus of the Polyethnic Region (on the Material of Middle Irtysh Region Dialect) 213

Section 4. ARTISTIC TEXT AS AN OBJECT OF MODERN HUMANITARIAN SCIENCES

Anisova A.A. The Lexical Reiteration and Motive of Return in Andrej Platonov's Short Story "The Potudan River" 217
Bazylev V.N. Hermeneutic Approach to the Problem of the Author's Understanding of the Text 220
Bobrikova T.A. Semiotics of Dreams in the Context of the Anthropology of Space (Based on the Novel by Milorad Pavić "Other Body") 224
Grigorian E.R. Russian National Socio-Cultural Autostereotypes in the Novel "Olesya" by A.I. Kuprin 228
Dautova E.A. About Genre Specific "Diamond my Wreath" by V.P. Kataev 231

Zhapanova M.E. The Motif of Memory in the Novel by G. Yakhina “Zuleikha Opens Her Eyes” 235
Isina N.U. The Genre Originality of Prose of Herold Belger 239
Kabylkova A.A. The House is the Reference Point of V.N. Krupin’s Artistic Space 243
Kalugina V.V. Florosymbolic in the Male Characters of L.N. Tolstoy’s Novel “Anna Karenina” 247
Kiseleva O.D. Theme of an Island in Mythology, Folklore and Literature 251
Klimenchuk M.K. Linguistic Means of Representing Comic and Their Functions in Short Novel “Pushkin Hills” by S.D. Dovlatov 255
Kozlova Ya.O. The Problem of Human Freedom in a Calendar the Short Stories by Anton Chekhov “The witch”, “On the way” 258
Kolyagina T.Yu. The Loss of Childhood-Paradise in the “Memoirs” by T.N. Sukhotina-Tolstaya 263
Kukueva G.V. The Mixed Forms of Someone Else's Speech in Female Prose in the End of the XX – the Beginnings of the XXI Century 268
Melnikova L.A. V. Grossman’s Novel “Life and Fate” in the Perception and Assessment of the German Writer H. Böll 272
Pogrebnaya Ya.V. The Dialectic of Neonatologist in Modern Literature 275
Rudneva O.V. Figurative-Expressive and Evaluative Components in the Description of the Character's Appearance in I.A. Bunin's Artistic Discourse 279
Serdechnaya V.V. William Blake in the Culture of the Russian Abroad 283
Smagina A.A. Reign vs Religion (Based on the Novel “Miracle” by Yu. Arabov) 287

Section 5. NEW SOCIO-COMMUNICATIVE PRACTICES: APPARATUS AND METHODS OF DESCRIPTION

Abrosimova E.A., Shkayderova T.V. About the Question of Typology of Intermedial Signs in Modern Mediatext 291
Akaeva E.V. Doctor and TV Presenter Alexander Myasnikov Speech Personality 295
Vasilieva D.S. Ethical Evaluations in the Television Genre Talk-Show 298
Gouts E.N., Prokhorenko Yu.Yu. The Texts of the Social Project “Age of Happiness”: the Pragmatic Aspect 302
Zelenin A.V., Ivanova N.L. The Motivation of the Parents Choice of Baby Name in Polylingual Families (Finnish Context) 306
Krasheninnikova I.V., Lomakina O.V. Modern Songs in the Aspect of Linguoecology 315
Maksimyuk E.V. Psychoemotional Perculiarities of the Genre Filling in Teenager’s Speech Portrait (Based on TV Series “Deffchonki”) 319
Malysheva E.G., Rogaleva O.S. Media Image of Siberian Cities in the Regional Media: Experience of Comparative Analysis 323
Nelyubina Yu.A. Image of Doctor in Film Disourse 328
Nikitina L.B. People in the Online Format of Traditional Speech Genre 331
Petrov V.V. Strategy Interpretation of N. Gogol’s Poem “Dead Souls” in Fanfics-Literature 336
Romashova I.P. The Types of Discursive Technologies 340
Solovtcova E.V. Semantic Field of Russian Performative Verbs in Modern Newspaper Discourse 344
Khripunkova O.V. Internet Communication in the Creative Reflection of V.O. Pelevin (on the Example of the Work “The Helmet of Horror”) 349
Chasovsky N.V. Features of Teenagers’ Communication in the “Instagram” Social Network 353
Shashkov I.A. Producent’s Language Identity in the Religious Internet-Discourse 356

Section 6. TEACHING HUMANITARIAN DISCIPLINES IN HISTORICAL RETROSPECTIVE AND IN CONTEMPORARY TIMES

Aykenova R.A., Iskakova Zh.M. Multimedia Technology in Teaching a Second Language 360
Boyeva G.N. Discursive Break: Perception of Literary Concepts by Advertisement Students 365
Volkova S.N. The Main Trends of Modern Students Speech Culture Development 368
Volskaya N.N. Journalism Education: Problems and Prospects 373
Getmanskaya E.V. Out-of-school Factors of Literary Education 376
Zamashanskaya E.S. Types of Grammar Mistakes in Dialogical Speech in Foreign Language of Non-Linguistic University Students 380
Zenzerya I.V. The Problem of Highlighting Appeals in the Artistic Text in the University and School 383
Zoltner O.V. Problems of Linguistic Training of Schoolchildren to Participate in Olympiads of Philological Profile 387
Kartashyova A.N., Kenzhegaliyeva S.K. The Problem of Teaching Russian in a National Audience 392
Lopatina M.V. Basics of Learning the Lexical Side of Foreign Language Speech University Students (on the Example of the German Language) 397
Massalova A.E. Teaching Russian as a Foreign Language for Special Purposes in a Military Engineering College 402
Milenich Z. Actual Problems of Studying Russian Literature in Universities of Bosnia and Herzegovina 405
Miller V.A. Strategy Semantics Emotional and Evaluative Vocabulary of Students-Pphilologists: Experimental Study 409
Mul I.L., Vidanov E.Yu. The Game Spelling Modeling in the Process of Studying Russian as a Foreign Language, or a Language Game of the Mouths of Foreign Students 413
Nevezhina S.B. The Experience of Creative Activity in the Process of Learning a Foreign Language University Student 417
Pesina S.A. Problems of Teaching Philological Disciplines: the Development of Lexical Competence of Linguistic Students 421
Ronina E.A. Discursive Words of Russian and Spanish Conversational Speech: Translation and Teaching Questions 425
Samsonova A.V. “Non-literary” Essay Topics in the History of Literary Education 429
Snezhytskaya O.S. Problems of Language Training of Indian Students in Learning Russian as a Foreign Language 433
Khokhlovskaya O.G. Peculiarities of Teaching the Russian Language in the Conditions of Dialogue Paradigm of Education 436
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 440

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Перед вами сборник статей, созданный на основе очных и заочных докладов участников Международной научно-практической конференции «Новейшая филология: итоги и перспективы исследований» (15–16 февраля 2019 года). Конференция была посвящена памяти наших Учителей, коллег, единомышленников – кандидата филологических наук профессора Майи Петровны Одинцовой и доктора филологических наук профессора Бориса Ивановича Осипова.

М.П. Одинцова, стоявшая у истоков Омской лингвистической школы, – известный ученый-синтаксист. В своих трудах она не боялась «открывать» проблемы и формулировать постулаты новых теорий, что хорошо просматривается в названиях её работ разных лет: «Вопросы теории и методики описания синтаксических синонимов» (кандидатская диссертация 1973 г.); «Доминантное звено в синонимическом ряду (постановка вопроса)» (1988 г.); «Общие и частные вопросы синтаксической теории» (2005 г.). М.П. Одинцова исповедовала «широкий синтаксис», предмет которого она определяла как «глобальное («без каких-либо изъятий») содержание коммуникативных единиц, рассмотренных в контексте их реального функционирования». Из широко понимаемого синтаксиса вырос интерес М.П. Одинцовой к человеку как объекту лингвистики и субъекту-творцу языка и речи. Традиционно «человеческий фактор» в языке искали и находили на лексико-фразеологическом уровне языковой системы. В том направлении лингвоантропологии, которое развивала М.П. Одинцова, человек «прорастал» из более крупных образований: семантической структуры предложения, типа пропозиции, элементарных и неэлементарных коммуникативных единиц. Так, ею описаны способы семантического воплощения непроизвольных состояний человека в структуре русского простого предложения (1988 г.), высказывания с соматизмами и квазисоматизмами (1994); языковые ипостаси человека (2000) и т. д. На рубеже XX–XXI вв. появился программный, хотя и лаконичный, труд М.П. Одинцовой «Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира» (2000 г.), который имел широкий резонанс в научном мире. Вопросы синтаксической теории и лингвистической антропологии в разных аспектах и на разном материале разрабатывались в диссертационных работах учеников профессора Одинцовой.

Целая эпоха в отечественной лингвистике связана с именем Б.И. Осипова, автора более 400 научных и научно-методических работ. Он вошел в науку прежде всего как историк языка, который впервые системно описал эволюцию русской графики, орфографии и пунктуации начиная с древнейших созданных на Руси письменных памятников и кончая современным состоянием русского письма. Неоценим его вклад в теорию фонемы, фонетическую интерпретацию языковых фактов в диахронии и синхронии. Б.И. Осипов опубликовал ряд статей о межъязыковых контактах славян и финно-угров (фонетический и лингвокультурологический аспекты), был участником VIII–X конгрессов финно-угроведов и ряда международных конференций по финно-угроведению и славистике.

Под руководством Б.И. Осипова, при его непосредственном активном участии преподаватели, сотрудники, студенты и аспиранты филологического факультета ОмГУ создали «Словарь современной городской речи» (Омск – Москва, 2003), который явился воплощением его лексикографических подходов, новаторских по тем (да и теперешним) временам. В словаре реализован подход к пониманию омонимии и полисемии, согласно которому каждое новое значение порождает новое слово. Профессора Осипова отличал неподдельный интерес к русским народным говорам: он с удовольствием ездил в диалектологические экспедиции, «по крупицам» собирая образную народную речь; был ответственным редактором дополнений к Словарю русских старожильческих говоров Средне-

го Прииртышья (Омск, 1998, 2003). Борис Иванович был первооткрывателем жанра народных мемуаров. Он подготовил к изданию серию рукописей: редактировал, снабжал лингвистическими и историко-культурными предисловиями, решая при этом целый ряд исследовательских задач.

Наконец, будучи сам поэтически одаренным человеком, написавшим замечательные стихотворения о событиях «в стране и мире», о людях, которые были рядом с ним, о природе, которую он тонко чувствовал, профессор Осипов исследовал и теоретически осмыслил природу и эволюцию стиха. В конце жизни Борис Иванович издал свои поэтические сборники и опубликовал монографию «Язык советской поэзии» (2017).

Майя Петровна Одинцова и Борис Иванович Осипов умели писать о сложном просто, понятно, доступно, были увлеченными популяризаторами лингвистики. Сухая статистика наглядно отражает масштаб их педагогического дара и заботу о развитии научных идей: под руководством М.П. Одинцовой защищено 26 кандидатских диссертаций, под руководством Б.И. Осипова – 19 кандидатских и 4 докторских диссертации.

С научными интересами М.П. Одинцовой и Б.И. Осипова пересекается круг тем, затронутых авторами этого сборника. Он весьма широк: предметом изучения являются как традиционные, так и новые явления в языке, литературе, культуре, в том числе требующие комплексного, междисциплинарного подхода. Не остались в стороне и вопросы, связанные с преподаванием филологических дисциплин в школе и вузе. Примечательным является тот факт, что многие вопросы, которые освещают в своих работах авторы, являются дискуссионными. Все сказанное нашло своё отражение в структуре настоящего издания.

В разделе 1 «Фонетика, фонология, история и теория письма. Исследование текстов прошлых эпох» представлены статьи, посвящённые истории письма (ст. Е.Н. Бекасовой, Д.Г. Демидова, С.В. Русановой, Ф.Г. Хисамитдиновой), проблемам фонологии, орфографии и графики в синхронии и диахронии, в том числе в свете теоретических воззрений Б.И. Осипова (ст. Е.И. Бреусовой, И.В. Бугаевой, В.Э. Будейко, Ю.Г. Кокориной, А.А. Курулёнка, Е.А. Никитиной), а также исследованию текстов предшествующих эпох (ст. С.Е. Кремзиковой, А.В. и Т.В. Михайловых, Т.П. Рогожниковой, Н.Н. Щербаковой).

В разделе 2 «Человек в языке, речи, тексте, культуре» помещены работы, посвящённые изучению народной мемуаристики в традиции концепции Б.И. Осипова (ст. Е.Г. Постниковой), языковой личности сквозь призму социальных параметров (ст. А.С. Киндеркнехт, Ю.И. Корсаковой, Н.В. Орловой, Е.С. Шифровой), социально-политических условий (ст. А.В. Савченко и М.С. Хмелевского), описанию различных параметров образа человека в русской языковой картине мира (ст. Н.А. Калёновой, Т.А. Сироткиной, Н.Д. Федяевой), исследованию базовых ценностей, отражённых в менталитете и языке (казахском, русском, французском: ст. Т.А. Здриковской, О.Ю. Николенко, Ж.Б. Бектуровой), а также изучению оценки деятельности выдающихся личностей, получившей своё отражение в публикациях переломного для России периода – периода революции и гражданской войны (ст. А.В. Ляпиной и А.А. Риферт). Следует отметить, что многие исследования, опубликованные в этом разделе, осуществлены с опорой на лингвоантропологическую концепцию М.П. Одинцовой.

В раздел 3 «Лексика и грамматика языка в теоретических моделях, профессиональной и обыденной интерпретации» вошли статьи, в которых семантика языковых единиц изучается в лингвокультурологическом (ст. О.В. Балонкиной, Е.Н. Белой, О.А. Димитриевой, Мансура Мохаммеда Хассана Саммани, Е.Ю. Поздняковой), психолингвистическом (ст. Л.О. Бутаковой, Е.С. Плешкова, Д.В. Садиевой), социолингвистическом (ст. Н.А. Назаровой), когнитивно-семантическом (ст. В.А. Костиной, С.Л. Михеевой, Н.Н. Сафоновой) аспектах, исследуются проблемы лексикографирования разнооб-

разных языковых и речевых единиц, в том числе профессиональных и диалектных, и освещаются вопросы построения и организации материала в электронных словарях (ст. Е.И. Голованова, Л.С. Зинковской, М.А. Харламовой, С.В. Лесникова, Н.А. Седовой), а также представлена синтаксическая концепция Майи Петровны Одинцовой (ст. О.В. Золтнер).

В раздел 4 «Художественный текст как объект современных гуманитарных наук» включены исследования, посвящённые лингвистическому, литературоведческому, культурологическому анализу творчества писателей и отдельных произведений русской и зарубежной литературы: освещаются теоретические проблемы изучения художественного текста и творчества авторов (ст. В.Н. Базылева, Я.В. Погребной, Л.А. Мельниковой, В.В. Сердечной), исследуются особенности языка и отдельные языковые приёмы (ст. А.А. Анисовой, М.К. Клименчук, Г.В. Кукуевой, О.В. Рудневой), семиотика (ст. Т.А. Бобриковой, В.В. Калугиной), основные мотивы, темы, образы (ст. М.Е. Жапановой, Э.Р. Григорян, В.В. Кабылковой, О.Д. Киселевой, Я.О. Козловой, Т.Ю. Колягиной, А.А. Смагиной), жанровая специфика (ст. Е.А. Даутовой, Н.У. Исиной) классических и современных литературных произведений.

Раздел 5 «Новые социально-коммуникативные практики: аппарат и методы описания» представлен работами, анализирующими новые коммуникативные сферы, в которых проявляет себя и наивный, и профессиональный носитель языка: это и медиасфера (ст. Е.А. Абросимовой и Т.В. Шкайдеровой, Е.Г. Малышевой и О.С. Рогалевой, И.П. Ромашовой, Е.В. Соловцовой), и телекоммуникация (ст. Э.В. Акаевой, Д.С. Васильевой), и интернет-коммуникация, в том числе социальные сети (ст. Л.Б. Никитиной, О.В. Хрипунковой, Н.В. Часовского, И.А. Шашкова), и новые социальные ситуации и проекты, в том числе творческие (ст. А.В. Зеленина и Н.Л. Ивановой, Е.Н. Гуц и Ю.Ю. Прохоренко, В.В. Петрова, И.В. Крашенинниковой и О.В. Ломакиной, Е.В. Максимюк, Ю.А. Нелюбиной).

Филологи не обходят своим вниманием и методико-педагогический аспект своей деятельности: **в разделе 6 «Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин в исторической ретроспективе и в новейшее время»** опубликованы статьи, посвящённые теоретическим и прикладным аспектам изучения и преподавания разнообразных филологических дисциплин. В их числе русский язык как неродной и иностранный (ст. Р.А. Айкеновой и Ж.М. Искаковой, А.Н. Карташёвой и С.К. Кенжегалиевой, А.Э. Массаловой, В.А. Миллер, И.Л. Муль и Е.Ю. Виданова, О.С. Снежицкой), журналистская подготовка (ст. Н.Н. Вольской), иностранный язык, преподаваемый студентам различных факультетов, в том числе нелингвистических (ст. Е.С. Замашанской, М.В. Лопатиной, С.Б. Невежиной, С.А. Песиной, Е.А. Рониной), а также проблемы лингвистического (ст. С.Н. Волковой, И.В. Зензери, О.В. Золтнер, О.Г. Хохловской) и литературного (ст. Г.Н. Боевой, Е.В. Гетманской, Ж. Миленича, А.В. Самсоновой) образования школьников и студентов.

В целях продолжения научного диалога в конце сборника опубликован список авторов статей и их контактных данных. Надеемся, что книга будет востребована филологами – настоящими и будущими специалистами, теоретиками и практиками, а также нашими коллегами из смежных исследовательских областей: культурологами, философами, социологами, психологами.

Благодарим всех авторов за плодотворную работу!

Редколлегия

Раздел 1
ФОНЕТИКА, ФОНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПИСЬМА ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ ПРОШЛЫХ ЭПОХ

Е.Н. Бекасова
Оренбургский государственный
педагогический университет,
г. Оренбург

УДК 811.161.1'04

*Об орфографической обусловленности употребления рефлексов *dj в древнерусских рукописях*

Аннотация. В статье рассматриваются возможные критерии выбора в древнерусских рукописях рефлексов *dj, которые демонстрируют изначальную сингулярность среди других южнославянских и восточнославянских групп праславянских рефлексов. Феномен асимметрии исконного /ж/ на фоне неполногласия и южнославянских по происхождению рефлексов *tj, *gt, *kt требует всестороннего анализа особенностей реализации гетерогенных *dj и причин их отбора в древнерусских рукописях, включая памятники церковнославянского языка. В связи с этим возникает необходимость исследования орфографической обусловленности фиксации генетически неоднородных рефлексов *dj правилами конца строки или употребления выносных букв.

Ключевые слова: рефлексы праславянских сочетаний, рефлексы *dj, древнерусские рукописи, конец строки, выносные буквы.

E.N. Bekasova
Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

*About the Spelling of Condition the Use of Reflexes of *dj in the Old Russian Manuscripts*

Abstract. In this article are considered possible selection criteria in Old Russian manuscripts of reflexes * dj who show initial singularity among other South Slavic and East Slavic groups the praslavyanskikh of reflexes. The phenomenon of asymmetry primordial / against the background of a nepolnoglasiya and reflexes South Slavic by origin *tj, *gt, *kt demands the comprehensive analysis of features of realization heterogeneous *dj and the reasons of their selection in Old Russian manuscripts, including monuments of Church Slavonic language. In this regard there is a need of a research of spelling conditionality of fixing of genetically non-uniform reflexes *dj rules of the end of a line or the use of portable letters.

Keywords: reflexes praslavyanskikh of combinations, reflexes *dj, Old Russian manuscripts, end of a line, portable letters.

Судьба генетически неоднородных рефлексов праславянских рефлексов *dj в древнерусских памятниках письменности настолько неоднозначна и противоречива, что исследователи вынуждены констатировать расхождения в его реализации с соотносительными, казалось бы, другими рефлексами: при неполногласии и *щ* < *tj, как правило, фиксируется *ж* < *dj, в том числе и в памятниках церковнославянского языка русской редакции. В попытках хоть как-то объяснить подобную генетическую асимметрию, которая особенно нарушает гармонию генетического фона богослужебных текстов, приходят к

© Е.Н. Бекасова, 2019

выводу о церковнославянской норме *ж*<*dj, в результате чего окончательно оставляют восточнославянскую письменность и без нормы, и без собственного рефлекса.

Однако подобные интерпретации не могут прояснить не только особенности реализации *dj в диссонансе с другими рефлексами, но и широкую его вариативность (включая графический комплекс *жг*).

Следует отметить, что достоверные восточнославянские и южнославянские по происхождению элементы уже достаточно чётко осознаются Памвой Берындой в его «Лексиконе славянороссийском, имен толкование» (Киев, 1627), где «славенские» формы правильно соотносятся с «росскими» типа *вижду – вижу* [9, с. 22], *единорождъ – единорожец* [9, с. 35], *рождение – роженье* [9, с. 109]; *обхожду – вколо обхожую* [9, с. 149], *межда – межа* [9, с. 62], *чуждъ – чужии* [9, с. 157], *осуждаю – усужаю, отвождение – отвожение* [9, с. 145] и т. д. В этом случае показательна вариативность генетически соотносительных рефлексов *dj, которая требует определённого объяснения.

Наши исследования показывают, что сложность фонетической адаптации южнославянского рефлекса *dj определила его вхождение в смешанный тип чередования, реализующийся в системных глагольных и отглагольных образованиях, где он чаще всего фиксировался в качестве непродуктивного альтернанта в ряде древнерусских памятников, не исключая церковнославянские. Выбор альтернантов южнославянского или восточнославянского происхождения смешанного типа чередования определялся рядом причин, носящих избирательный, а не запретительный характер, в результате чего возникли морфонологические корреляты. При этом в исследованных нами источниках XI–XVII вв. (более 2 800 наименований) в 78 % случаев *жд*<*dj предпочитается в отглагольных существительных, в то время как 93,6 % форм 1 лица ед. ч. настоящего (простого будущего) времени фиксируются в исконном оформлении. В группе «отдельных слов» (А.А. Шахматов), не отягощенной различными системными связями и спецификой морфонологической позиции, была широко представлена генетическая разнооформленность типа *межа – межда, одежа – одежда, вожь – вождь* и др. (подробнее см.: [2]).

При всех указанных критериях отбора, среди которых важнейшим является позиционная обусловленность, есть ряд случаев, остающихся неясными, в том числе в плане выбора основного генетического фона рукописи [1]. Следует подчеркнуть, что реализация рефлексов *dj за счёт написаний **жд** во всех древнерусских рукописях входит в те рамки, где «фонетический принцип орфографии активно ограничивался традиционным» [10, с. 77], поскольку за **жд**, как нам представляется, не стоял южнославянский звуковой комплекс. Оставляя в стороне разные версии фонетического воплощения написаний с **жд** (подробнее см.: [4]), считаем возможным согласиться с П.Д. Филковой, что, несмотря на возможность произношения /*ж*/ вместо чуждого /*жд*/, «древнерусские книжники безусловно понимали специфику звуковой формы таких слов церковнославянского языка» [12, с. 15]. Отсюда сложность отделения фонетического и традиционного принципа орфографической нормы. Однако можно утверждать, что в древнерусских рукописях они не только по-разному были представлены, но и сложно переплетались, о чём свидетельствует формирование различного типа альтернаций, которые сохранили основные принципы своей реализации до настоящего времени.

В этом плане необходимо исследование орфографической обусловленности реализации альтернантов /*ж*/ или /*жд*/ смешанного типа чередования.

О правомерности такой постановки вопроса свидетельствует обоснование Т.Н. Кандауровой случаев орфографической обусловленности фиксации полногласных сочетаний на фоне неполногласия, которые, по подсчетам автора, объясняют четверть всех рассматриваемых случаев их фиксации в древнерусских рукописях XI–XIV вв. [8].

Введение полногласия, отличающегося от неполногласия гласной, что способствовало сохранению ровности строк и их окончания на гласный, в определённой степени могло бы сработать и в ситуации с рефлексами *dj, когда писец при необходимости мог, наоборот, убрать лишнюю букву при нехватке места для её правильного окончания на гласный.

В связи с этим нами были проверены все случаи графики строчных окончаний в принятой до падения редуцированных фонетической традиции, превратившейся впоследствии «в искусственное правило конца строки» [10, с. 109], которое особенно тщательно выполняется «в памятниках XI–XIV вв., писанных уставом и полууставом», где «недописывание обычно не превышало половины ширины буквы» [5, с. 47].

Для подобного исследования наиболее значимы данные Остромирова Евангелия как древнейшего, точно датированного списка авторитетного церковнославянского памятника. Эта рукопись характеризуется высоким уровнем графического исполнения и характеризуется чёткими полями. На фоне преобладания жд (89 %) в образованиях, реализующих полную парадигму морфонологических чередований, имеются 9 случаев фиксации ж [3], при этом чрезвычайно редкое их употребления в корнях *-род-, -ход-* (не более 2%) в некоторой степени обусловлено правилами переноса, соблюсти которые можно было только при условии восточнославянского облика корня, напр.: *прихожѫ* ОЕ **23** об., *рожьшоу сѧ* ОЕ **251.**

Однако трактовать наличие жд как реабилитацию себя в следующей строке нет оснований, ср.: *троужа сѧ* ОЕ **62** об. – *троуждь сѧ* **45**, *троуждаѥте* **156**; *заблѫжьшиихъ* **56**, *оутврьжаѫщюу* **205** об. – *оутврьждѥние* **277** об. и под. Аналогичны и другие примеры в древнерусских рукописях, свидетельствующие о том, что случаи выбора ж или жд, обусловленные правилами переноса, практически несущественны, в отличие от широко представленной возможности мены полногласия / неполногласия в конце строки.

Другой возможностью орфографической поддержки ж или жд, по всей видимости, можно назвать отмеченные В.М. Живовым случаи преимущественного употребления ж «в сокращённых заголовках» [6, с. 12] и использование выносной буквы д, позволяющей быстро и эффективно корректировать написания. Если в первом случае мы встречаемся с эффектом экономии, реализующимся за счёт потери согласной, которой, как писал А.А. Потебня, готов жертвовать язык, то выносная буква по-разному используется в случаях реализации рефлексов *dj.

С одной стороны, можно предполагать, что использование выносной буквы является простым способом редактирования в сторону усиления южнославянского генетического фона. Об этом свидетельствует особый статус выносной буквы, что отмечает О.В. Творогов: «Трудно установить, почему именно буква д пользовалась столь “широкими” правами: она первая начала выноситься в середине слова, она же – единственная (если не считать спорадических вынесений в отдельных рукописях) могла выноситься в середине слова перед любой гласной» [11, с. 172]. Именно такая позиция – перед любой гласной в середине слова – характерна для ж^{д}, что убедительно показано на материале списков Проложного Жития Евгении исследователем Л.П. Жуковской, доказавшей роль данной выносной буквы в механическом поновлении текста [7, с. 45], тем более что выносная д могла писаться непосредственно над ж и без титла [13, с. 148].

С другой стороны, в Изборнике 1076 г. имеется случай редактирования при помощи титла над **е** в слове с восточнославянским ж, оказавшимся в окружении однокоренных слов в южнославянском оформлении: **вѣруи въ оЦа и сНа и сТаа/го дХа въ трЦю нераздѣ/льну бЖьство едино/ оЦя не рождена сНа <u>рожЕ/на</u> а не зъдана дХа сТа ни/ рождена ни зъдана нъ и/сходяшта** [Изб. 1076, л. 29].

Однако такие факты следует оценивать как попытки определиться с критериями распределения гетерогенных возможностей реализации рефлексов *dj в ситуации, когда уже на первом этапе сосуществования двух языковых стихий возникли разные традиции в реализации *dj – с сохранением жд в текстах или его заменой. Возникновение в результате этого большого количества оппозитов типа осуждати – осужати способствовало становлению наряду с исконной альтернацией /д’–ж’/ смешанного типа чередования /д’–ж’–ж’д’/, а соответственно и закреплению определяющей роли морфонологической позиции.

Список источников

ОЕ – Остромирово Евангелие 1056–1057: Факсимильное воспроизведение. Л.: Аврора, 1988. 16 с., 294 л.: ил.

Изб. 1076 – Изборник 1076 г. / под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1965.1093 с.

Список использованной литературы

1. *Бекасова Е.Н.* Генетический фон древнерусского текста: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 208 с.

2. *Бекасова Е.Н.* Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний): монография. Brno: Tribun EU, 2016. 194 с.

3. *Бекасова Е.Н.* Традиции генетического оформления церковнославянского текста // Слово русской культуры в мире. Мат-лы Всероссийской науч. конф. Великий Новгород 25–28 июня 2007 г. Великий Новгород, 2009. С. 34–37.

4. *Бекасова Е.Н.* Фонетический фактор в судьбе праславянских рефлексов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. М., 2014. № 2. С. 56–63.

5. *Дурново Н.Н.* Casopis pro slovanskou filologiї. Slavia, 1933. С. 24–48.

6. *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI–XVII вв. М.: Языки славянских культур, 2006. 312 с.

7. *Жуковская Л.П.* О южнославянском влиянии XIV–XV вв. (На материале проложного Жития Евгении) // Язык и письменность среднеболгарского периода. М.: Наука, 1982. С. 26–60.

8. *Кандаурова Т.Н.* Случаи орфографической обусловленности слов с полногласием в памятниках XI–XIV вв. // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968. С. 7–18.

9. Лексикон словенороський Памви Беринди / подг. тексту В.В. Німчука. Київ: Изд-во АН УССР, Институт языкознания им. О. Потебни, 1961. 271 с.

10. *Осипов Б.И.* Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации: монография. М.: Ин-т русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. 320 с.

11. *Творогов О.В.* О выносных буквах в русских рукописях XV–XVII вв. // Исследование источников по истории языка и письменность. М.: Наука, 1966. С. 162–175.

12. *Филкова П.Д.* Слова с сочетанием -ЖД (из *dj) в истории русского литературного языка // Годишник на Софийския университет. Факултет на славянски филологии. София, 1979. Т. 62. С. 3–70.

13. *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М.: Аспект-Пресс, 1999. 269 с.

Е.И. Бреусова
Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут

УДК 81`35

О радикальности реформирования русской орфографии

Аннотация. После реформы русской орфографии 1917–1918 годов прошло сто лет. Однако вопрос унификации русского правописания остается дискуссионным. В ходе обсуждения всех проектов усовершенствования орфографии ставился вопрос о радикальности реформы.

Были проанализированы все проекты, которые выдвигались в послеоктябрьский период, с точки зрения кардинальности реформ. Самыми радикальными следует признать Проект Главнауки 1930 г., а затем «Предложения...» 1964 г. Остальные проекты не отвечают требованию, предъявляемому к реформам правописания с точки зрения радикальности.

Ключевые слова: усовершенствование орфографии, радикальность реформ правописания, проект реформирования орфографии.

E.I. Breusova
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

About Radical Reform Russian Spelling

Abstract. After the reform of the Russian spelling of 1917–1918, a hundred years passed. However, the question of the unification of Russian spelling remains debatable. During the discussion of all projects to improve spelling, the question of radical reform was raised.

All the projects that were put forward in the post-October period were analyzed from the point of view of the cardinality of the reforms. The most radical one should recognize the Glavnauka Project of 1930, and then the “Proposals ...” of 1964. The remaining projects do not meet the requirement for spelling reforms in terms of radicalism.

Keywords: improvement of spelling, radical spelling reform, spelling reform project.

Прошло уже чуть более ста лет после реформирования русской орфографии 1917–1918 гг., однако проблема ее унификации до сих пор остается одной из актуальных в науке о языке и методике его преподавания.

В послеоктябрьский период в ходе всех дискуссий остро ставился вопрос о том, какой должна быть последующая стадия усовершенствования орфографии: реформа или упорядочение (унификация, урегулирование) написаний и правил орфографии. Процесс нормализации русской орфографии протекал в столкновении различных точек зрения на проблему радикальности возможного реформирования правописания: сторонников коренного преобразования орфографии; сторонников умеренно-радикальных преобразований; антиреформаторов (сторонников орфографической традиции) и даже контрреформаторов. Однако научная аргументация каждой из этих точек зрения нуждалась и нуждается в существенном углублении.

Предметом дискуссии была также проблема периодичности и кардинальности реформ (Л.В. Щерба, В.А. Малаховский, А.М. Пешковский, Л.Р. Зиндер, В.Ф. Иванова, Б.И. Осипов).

© Е.И. Бреусова, 2019

Между тем проекты по усовершенствованию русского правописания, выдвигавшиеся почти каждое десятилетие, характеризовались различной степенью радикальности и системности. «В каждой орфографической дискуссии горячо обсуждалась проблема радикальности возможной реформы: одни выступают за реформу решительную, другие за осторожную, третьи считают, что степень радикальности не может свидетельствовать ни о преимуществах, ни о недостатках того или иного проекта реформы, лишь бы новая орфография была научно обоснованной и рациональной» [3, с. 59].

Несмотря на то что на первом месте стоит вопрос о рациональности любой орфографии, вопрос о мере радикальности не должен оставаться без внимания, поскольку от него в определенной степени зависит продолжительность переходного периода в случае, когда вводится новое правописание. Таким образом, радикальность входит в число общетеоретических основ реформ правописания. Определение оптимальной меры радикальности реформы – это один из главных структурных компонентов научной обоснованности орфографических реформ.

Необходимо отметить, что определение оптимальной меры радикальности реформ будет зависеть: а) от объема новых орфограмм, при котором текст узнается как отличный от старой орфографии, б) от степени контрастирования новых орфограмм со старыми (чем больше новые написания будут отличаться от старых, тем быстрее зрительная память будет реагировать на нововведения, т. е. быстрее их воспринимать и фиксировать), в) от частотности употребления новых орфограмм (часто встречающиеся орфограммы быстрее проявят себя, чем те, которые встречаются значительно реже).

Экспериментальным путем [1] был определен тот минимум новых написаний, при котором текст* узнается как отличный от написанного по привычной орфографии. Этот объем составляет приблизительно 0,2 % от общего количества букв текста (буква является традиционной единицей исчисления объема текста). 0,2 % видоизменений – это точка перелома, когда текст начинает узнаваться как написанный по-новому. Еще одна точка перелома, когда текст моментально воспринимался бы как написанный по новой орфографии, – это максимум новых написаний – больше 0,5 % орфограмм.

Проанализировав все выдвигаемые проекты реформирования орфографии в послеоктябрьский период с точки зрения радикальности, обнаруживаем, что наиболее радикальным, по сравнению со всеми остальными проектами (1951, 1964, 1973, 1990–2000-х годов), был проект Главнауки 1930 г., которому отказывалось в научности (если минимум новых написаний должен быть 0,2 %, то в тексте, написанном в соответствии с этим проектом, имеется приблизительно 3,4 % видоизмененных написаний. Притом часть таких нововведений приходится на наиболее частотные орфограммы). Часто встречающимися орфограммами в тексте, записанном по предлагаемым Проектом 1930 г. правилам, оказались следующие: 18 нововведений коснулось правописания личных глагольных окончаний; 12 – правописания окончаний прилагательных в форме множественного числа именительного и винительного падежей; 10 – правописания Н-НН в суффиксах прилагательных и причастий; 9 – правописания Ы после шипящих; 7 – правописания – ОВО в родительном падеже единственного числа прилагательных; 5 – правописания О после шипящих; 2 – ликвидации Ь после шипящих; 1 – ликвидации дефиса в написаниях слов с разделительными частицами; единичными оказались случаи написания – ЬЕ в предложном падеже существительного и уничтожения удвоенных согласных в иноязычных словах.

* Для эксперимента был взят орфографически насыщенный текст (1900 буквенных знаков) из пособия А.И. Кайдаловой и И.К. Калининой «Современная русская орфография» (М., 1998), который авторами издания предлагается в качестве диктанта.

Итак, данный проект при всех его недостатках отвечает тому требованию, чтобы написанный по новой орфографии текст достаточно быстро узнавался как отличный от написанного по-старому.

Предпринятые же изменения 1956 года не отвечают требованиям, предъявляемым к реформам правописания с точки зрения радикальности реформ. Текст, записанный в соответствии с этим сводом правил, демонстрирует тот факт, что только один знак (0,05 %) подвергся изменению, и тот пришелся на редко встречающееся слово – ***панцИрь***. И неслучайно новые написания, введенные в 1956 году, приживались так медленно.

Противоречивость и несовершенство «Правил…» 1956 года послужили причиной возобновления деятельности по усовершенствованию орфографии в 60-е годы. Достоинством «Предложений…» 1964 года можно считать то, что они не вторгаются в сферу языка, однако по степени радикальности данный проект ниже, чем проект Главнауки. Это наглядно видно при сопоставлении текстов, написанных в соответствии с этими проектами: на текст, написанный по правилам 1930 года, приходится 3,4 % новых написаний, а на написанный по правилам 1964 года текст – всего 0,5 %, из которых 3 нововведения касаются написаний гласных в корнях с чередованием; 2 – правописания О после шипящих, 2 – ликвидации Ь после шипящих, 2 – устранения удвоенных согласных; 1 – ликвидации дефиса в словах с частицами. Тем не менее, если исходить из результатов проведенного эксперимента, и этот проект обеспечил бы достаточно быстрое опознание текста, написанного по-новому.

Проекты же 1973 года и девяностых – начала двухтысячных годов не отвечают указанному требованию, они в этом плане даже хуже изменений 1956 года. Изменения, предлагаемые этими проектами, настолько нечастотны, что текст, записанный в соответствии с этими проектами, не подвергся исправлениям. Предлагаемые этими проектами нововведения не требовали столь трудоемкой работы, которая была затрачена на их обсуждение. Их можно было внедрить в частном порядке, через Орфографический словарь и справочники по орфографии, что, впрочем, и было сделано. Проект 90-х годов, основанный на морфологическом принципе, претендовал только на звание новой редакции Свода правил. Он кодифицировал появившиеся в языке слова и выражения, а также откорректировал сами правила орфографии, не привнося существенных изменений в современное правописание.

Тем не менее мелочные реформы, как показывает опыт, нерациональны, поскольку они привносят в систему правописания слишком незначительное упрощение. К тому же самые малочисленные из новых написаний, как уже сказано, медленно приживаются в практике письма.

Таким образом, минимуму кардинальности, выявленному экспериментальным путем, в послеоктябрьский период отвечают Проект Главнауки и «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 года. Все же остальные проекты находятся ниже того уровня новых написаний, который бы давал быстрое опознавание текста как написанного по-новому и тем самым обеспечивал бы отталкивание от старого правописания.

Значительный уровень новых написаний, который бы давал быстрое опознавание текста как написанного по-новому, могло бы обеспечить расширение сферы написаний по фонетическому принципу. Так, анализ попыток усовершенствования с принципиальных позиций основ правописания еще раз подтверждает, что при разработке проектов доминирующим выступал и выступает (как в случае подготовки новой редакции Свода правил) морфологический принцип.

Современная орфография насчитывает свыше 90 % морфологических написаний, против 75–80 % в дореформенной орфографии [2, с. 65]. Правописание, основанное на этом принципе, требует постоянной регламентации появляющихся в языке новообразо-

ваний и заимствований. Это, в свою очередь, как справедливо отмечает Б.И. Осипов, ведет к тому, что «попытки дальнейшего усовершенствования нашей орфографии на базе морфологического принципа не могут уже дать сколько-нибудь значительного результата, морфологический принцип почти исчерпал свои возможности в этом плане» [2, с. 65].

Действительно, возможности морфологического принципа, как показывает опыт анализа проектов по усовершенствованию русского правописания, исчерпаны, главным образом, при упрощении орфографии безударных гласных, в первую очередь, беспроверочных, а это и есть самый болезненный вопрос реформирования правописания. Поэтому радикальность реформ орфографии, конечно же, будет зависеть и от пересмотра ключевых позиций принципов орфографии.

Вместе с тем радикальность реформ орфографии, являясь одним из аспектов научного обоснования орфографических реформ, еще требует своего дальнейшего изучения.

Список использованной литературы

1. *Бреусова Е.И.* Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2000. С. 172–186.

2. *Осипов Б.И.* История русского письма: учебное пособие. Омск: Омск. ун-т, 1990. 82 с.

3. *Зиндер Л.Р.* К итогам дискуссии об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. М., 1969. № 6. С. 56–63.

И.В. Бугаева
Российский государственный
аграрный университет – МСХА
им. К.А. Тимирязева,
г. Москва

УДК 811.161

Современная городская номинация и её влияние на графику и орфографию русского языка

Аннотация. В статье анализируются примеры коммерческих названий с нарушениями орфографической, графической и пунктуационной норм. Наиболее многочисленны примеры с использованием букв латинской графики, букв дореформенного алфавита, преднамеренными орфографическими ошибками. Появилась тенденция слитного написания слов в многокомпонентных названиях, а также зафиксированы нарушения правил постановки знаков препинания. Коммерческие названия с элементами языковой игры не всегда положительно оцениваются целевой аудиторией, что позволяет поставить вопрос о целесообразности использования таких приёмов в городских названиях и рекламных текстах.

Ключевые слова: городской ономастический ландшафт, коммерческие названия, латиница, кириллица, игры с орфографией, пунктуационные ошибки.

I.V. Bugaeva
Russian State Agrarian University –
Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Moscow, Russia

Modern Urban Nomination and its Impact Graphics and Spelling of the Russian Language

Abstract. The article analyzes examples of commercial names with violations of spelling, graphic and punctuation norms. The most examples are using letters of the Latin alphabet, letters of the old alphabet, deliberate spelling errors. There was a tendency to write words together in multi-component names, as well as a violation of the rules of punctuation. Commercial names with elements of a language game are not always positively evaluated by the target audience, which makes it possible to raise the question of the appropriateness of using such techniques in city names and advertising texts.

Keywords: urban onomastic landscape, commercial names, Latin, Cyrillic, spelling games, punctuation errors.

Название статьи звучит, на первый взгляд, парадоксально и может вызвать закономерный вопрос: могут ли вывески на улицах городов влиять на графику и орфографию русского языка? Кажется, что нет, так как никто особенно на вывески не обращает внимания. Если многочисленные учебники, словари, справочники по орфографии и пунктуации не особенно справляются с задачей повысить грамотность населения, то что может сделать наружная реклама? Но не всё так безобидно. Надписи на вывесках и баннерах, если в них даже осознанно допущены ошибки, которые копирайтеры могут называть «языковой игрой» [2], «игрой с орфографией» [1], нарушая нормы русского языка и методические основы преподавания орфографии, во-первых, волей-неволей закрепляют в памяти людей ошибочные написания, а во-вторых, воспитывают небрежное отношение к родному языку и необязательность в соблюдении правил.

© И.В. Бугаева, 2019

Цель данной статьи – систематизировать и проанализировать образцы коммерческой номинации с нарушениями графической, орфографической и пунктуационной нормы.

Материалом исследования послужила картотека автора, включающая более 250 примеров московских урбанонимов.

Кириллический алфавит является графической основой современного русского письма, следовательно, и основой создания облика русских брендов, торговых марок, коммерческих наименований. Но это не всегда так, потому что часто встречаются названия транснациональных брендов на латинице, а также многочисленные случаи, когда российские бренды мимикрируют под зарубежные торговые марки и представлены в латинском оформлении, например, иностранные бренды Sony, Coca-Cola, BMV, российские бренды Carlo Pazolini, Ralf Ringer, Tervolina, Carnaby, Chester, O'stin, inCity, Savage, Zolla и другие.

Еще в 1999 году Б.И. Осипов эмоционально выказывал обеспокоенность обилием латинских названий и потенциальным результатом того, к чему это может привести: «Сегодня, когда нахраписты энтузиасты американского образа жизни добрались и до нашей страны и украсили все наши города, "как Питер монументами", латиницей реклам, снова возникает мысль, которая нет-нет высказывалась отдельными лицами, но всякий раз решительно отметалась: а не перейти ли русскому языку на латиницу?» [5, с. 122]. Б.И. Осипов видел в таких рассуждениях не лингвистическую причину, а политическую, что подтверждается результатами перехода молдавского языка на латиницу, проектом перевода казахского языка также на латиницу и т. д.

Действительно, примеров коммерческих названий, иногда трудно произносимых для большинства российских граждан, представляющих собой заимствованные слова и словосочетания (ресторан «Per se cafe», «Balzi Rossi», «Humans Sea food Bar», «OliveYard Pizza», «Hops Craft Beer», «Twins Wine Space», «Pain Quotidien»); придуманные слова, зарегистрированные в латинской графике (магазины и торговые марки BAON, FinnFlare, Vitek, Oodji, ресторан «Shishas Sferum Bar»), и графогибриды, включающие в себя буквы кириллической и латинской графики (кафе «Breach Муло», «BerËzkabar», ресторан «Хищnik Стейкs&Burgers», спортивный центр «The Бassейн»), а также транслитерированные на латиницу русские слова (рестораны «Uhvat», «Pravda», «Domovoj», «PIV'Bar», «Haval», «Valenok»), очень много.

Графический аспект. Слитное написание эргонимов напоминает чтение памятников древнерусской письменности, когда не использовался пробел в функции словоделения. Б.И. Осипов посвятил кандидатскую диссертацию, защищенную в 1968 году, истории слитных и раздельных написаний в рукописной книжности XVII–XVIII веков [3]. «При сплошном письме, когда слова писались слитно от точки до точки, а в беспунктуационных памятниках – от начала до конца строки, косвенными сигналами словесных границ могли служить диакритические знаки, выносные начертания, буквы Ъ и Ь» [4, с. 259]. Ученый выделил лексико-семантический и лексико-морфологический принципы раздельного написания слов.

Теперь перед нами стоит задача объяснить причины возврата к беспробельному написанию словосочетаний, являющихся коммерческими названиями. Имеющиеся у нас примеры позволяют выделить две основные причины. Во-первых, это языковая игра, выполняющая аттрактивную функцию в маркетинговой коммуникации и выражающаяся в окказиональном словообразовании (например, название магазинов цветов «Восадули», «ПростоЦветы», кафе «Япокофе», «ТоДаСё», «Icoffee», «МОРЕПИVA», «Tornadогриль», медцентры «Отёковнет», «Риммарита»). Во-вторых, соответствие названия магазина доменному имени в сети Интернет или хештегу, где пробелы между словами не предусмотрены компьютерной программой (магазины «ВсеИнструменты.ru», «Кудавезти.ру», «Мойчай.ру», «Всяпосуда», «Gosmoke.ru», #следуйзамной, #летомаленькаяжизнь, #ко-

фессобой, #вкусноиполезно и т. п.). В этом случае есть указание на то, что магазин, ресторан или туристическое агентство оказывает также интернет-услуги, следовательно, необязательно тратить время на визит, а можно всё заказать через Интернет. Таким образом, у слитного написания появляется дополнительная адресная функция, отсылающая к конкретному сайту или аккаунту в Инстаграм. Причем, знак # «хэштег» обязателен, а компонент «.ru» или «.ру» в эргониме – вспомогательный.

Таким образом, слитное написание слов в коммерческой номинации вызвано двумя основными причинами: привлечение внимания целевой аудитории с помощью окказионального словообразования и отсылка к интернет-сайту организации.

Еще одним маркером границы слов является прописная буква. Как известно, «до конца XII в. прописные начертания во всей европейской письменности употреблялись только в начале абзацев. С XIII в. в западноевропейском, а с XVI–XVII вв. и в русском письме утверждается их употребление в начале предложений и определенных разрядов слов (прежде всего в именах собственных)» [4, с. 57]. В коммерческой номинации прописные буквы выполняют несколько функций:

– словоразделительную (магазин «КухняСити», кафе «КафеСити», «БирХаус», «MadMan», клиника «ДентаВита»);

– семантическую (кафе «вГОСТи», «АндерСон»);

– декоративную (магазин «NeViDiMcA», кафе «di PAOLO»);

– словообразовательную при образовании сложносокращенных слов (аптека «ГорЗдрав», кафе «МосКальян», «СушиЕд», «ГлавПивТорг»).

Среди коммерческих наименований зафиксировано также неправомерное использование дефиса: магазин хозяйственных товаров «Дом-вверх-дном», медицинский центр «Справки-надом.ru», спортклуб «Fit-n-Go» гостиница «Кауфман-Отель», кафе «Ешь-Бери».

Пунктуационный аспект. Долгий исторический путь прошли графические средства русской пунктуации, пока сформировались в современную систему знаков препинания с четкими правилами их применения. Авторы коммерческих названий иногда творчески подходят к использованию разных пунктуационных знаков, что также нарушает правила. Приведем только несколько самых ярких примеров:

1) использование восклицательного знака между двух слов без пробелов: кафе «WOW!Кофе»;

2) отсутствие запятых при однородных членах: кафе «Чай кофе вафли»;

3) апостроф, который не входит в современный арсенал пунктуационных знаков русского языка: Л’Этуаль, Eddy’s;

4) знак амперсаунд, который употребляется не только в английских словосочетаниях, но и в русских: ресторан «Peter’s&St.Anton», магазин «Пробка&Бутылка», «Крафт&Рулька», кафе «Хмель&эль».

В последние годы появилась тенденция использовать в коммерческих названиях не слово или словосочетание, а предложение или его фрагменты. В результате нами зафиксированы примеры городских вывесок с нарушениями правил пунктуации: кафе «Чай кофе вафли», магазин «Если орехи то…».

Орфографический аспект. Приведем примеры нарушений буквенного обозначения звукового состава слов: пекарня «Булошная», кафе «НЕбулошная», магазин «ЛаФФка», японский ресторан «Хёлёсё», последнее название является графически закрепленной транскрипцией произнесения русского слова «хорошо» носителями японского языка.

Звук [ф] в прагматонимах и эргонимах передается разными буквами и их сочетаниями **в**, **ф**, **фф**,**v**,**ff**: «Лавка», «ЛаФка», «ЛаФФка», «Lavkalavka», «Лаffка», «Утесофф», «Skuratov», «Koffe», «Хинкалоff», «Подсолнухoff».

В нашей картотеке есть примеры названий, которые претендуют на иностранные слова, но представлены с ошибкой в английском правописании. Например, «**K**offee» с

начальной буквой **К** вместо **С**. Если такое название кафе в центре Москвы ориентировано на иностранных посетителей, то они с трудом узнают привычное во всем мире слово «coffee».

Л.Р. Замолетдинова оценивает орфографические ошибки в коммерческих урбанонимах как сознательные «игры с орфографией» и реализацию лингвокреативной техники. «Принципиальное отличие данного приема от обычной ошибки заключается в ее мотивированности для говорящего или пишущего» [1, с. 122]. Данное рассуждение нуждается в некотором уточнении. В частности, в акте номинации нет «говорящего и пишущего», поэтому корректно использовать термины номинатор, с одной стороны, и потребитель, адресат, целевая аудитория, с другой.

Примеров орфографических ошибок, к счастью, мало, все они, безусловно, относятся к осознанной языковой игре, но это не оправдывает их право на существование. Среди наших примеров самые яркие – это магазин «Пятьница» в Москве и кафе «Ёмаё» в Нижнем Новгороде.

Итак, результаты исследования показали, что количество примеров с нарушениями графической, орфографической и пунктуационной нормы современного русского языка невелико. Все они выполняют основную маркетинговую функцию, которая складывается из таких стратегий, как привлечение внимания, кастомизация товара или услуги, повышение статуса через использование букв латинского алфавита. Наши исследования показывают, что коммерческие названия с элементами языковой игры (графической, орфографической, пунктуационной) далеко не всегда положительно оцениваются целевой аудиторией, что позволяет поставить вопрос о целесообразности использования данного приёма в городских названиях, рекламных текстах и в СМИ. Есть много апробированных способов создания названий, которые будут привлекательными, оригинальными, запоминающимися, но при этом не нарушающими существующие нормы русского языка. Важно сохранять лингвистическую экологию российских городов. Целесообразно, чтобы дети, у которых еще не закреплены навыки грамотного письма, всегда видели нормативное написание, в том числе и на ярких вывесках. «Игры с орфографией» рассчитаны на образованную часть населения, которая знает правила и может оценить шутку. Весёлая реакция на шутку кратковременна, а вывеска с ошибкой длительное время будет на глазах у прохожих, постепенно стирая представления о «правильном – ошибочном» написании. Как писал Б.И. Осипов, «высокий орфографический уровень печатных изданий прямо и непосредственно отражает уровень орфографической культуры общества. <…> большое количество образцовых текстов делает гораздо более чёткой самую грань между понятием высокой и низкой грамотности и при желании открывает современному человеку несравнимо б**о**льшие возможности научиться писать хорошо» [4, с. 271].

Список использованной литературы

1. *Замалетдинова Л.Р.* Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности: дис. … канд. филол. наук. М., 2016. 204 с.

2. *Ильясова С.В., Амири Л.П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.

3. *Осипов Б.И.* История слитных и раздельных написаний в русской рукописной книжности конца XVII–XVIII вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 1968. 20 с.

4. *Осипов Б.И.* Судьбы русского письма. История русской графики, орфографии и пунктуации: монография. М.: Ин-т русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. 320 с.

5. *Осипов Б.И.* Учителю об истории русского письма. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 127 с.

В.Э. Будейко
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

УДК 81-112.2

Вклад Б.И. Осипова в современную грамматологию

Аннотация. В статье анализируются результаты некоторых наблюдений над научной деятельностью великого русского филолога Бориса Ивановича Осипова, а также некоторые критические замечания о теории письма и грамматологии по материалам научной литературы. От частных вопросов русской орфографии и графики к общим методологическим проблемам теории и истории письма – таков научный путь Б.И. Осипова как русского грамматолога.

Ключевые слова: грамматология, форма, письменная форма, язык, языковая деятельность, языковая непрерывность.

V.E. Boudeyko
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

The Contribution of B.I. Osipov to Modern Grammatology

Abstract. Author of the article analyzes the results of some observations on scientific works by the great Russian philologist Boris Ivanovich Osipov (1938–2018), and some critical remarks about writing theory and grammatology on materials of scientific literature. From the particular problems of Russian orthography and graphics to the general methodological problems of theory and history of writing – such is scientific way of B.I. Osipov as Russian grammatologist.

Keywords: grammatology, form, writing form, language, linguistic activity, linguistic continuity.

После смерти великого учёного принято подводить итоги его научной и педагогической деятельности. Борис Иванович Осипов (5.12.1938 – 10.02.2018) работал очень много и сделал много для будущего нашей отечественной филологической науки. Им опубликовано свыше 450 научных и методических работ, под его руководством были подготовлены и защищены 4 докторские и 19 кандидатских диссертаций. Мы коснёмся только одной стороны его деятельности – грамматологии.

Грамматология – это наука, предметом которой является письмо, его письменные знаки в теоретическом и историческом аспектах. В русском письме, на самом деле, очень много письменных знаков, имеющих разнообразные формы, а также – по типу и виду разные значения. Кроме букв в русском письме есть иные виды знаков: пиктограммы, идеограммы, логограммы.

В своих первых работах 1960-х гг. Б.И. Осипов уделял большое внимание исследованию связи русской морфологической идеи с письмом, пытаясь установить осознание писцами сущности языка и речи, а уже в итоговом труде – в книге «Судьбы русского письма» (2010 г.) была на большом фактологическом материале показана значимость письменных знаков в их богатом многообразии и видоизменении [3]. Надобно заметить, что до Б.И. Осипова никто из современных историков письма не касался так системно и многосторонне значения русских письменных знаков. Именно поэтому его труды продолжают цитироваться в известных научных журналах под опекой ВАК. В европейской традиции новейшей теории письма, в её узком лингвистическом определении, письмен-

© В.Э. Будейко, 2019

ный знак исследовался только со стороны его звукового значения. На то, что у письменного знака есть иные значения и аспекты, не обращалось должного научного внимания. Эта узость исследования была традицией до 1982 г., года выхода в свет книги А.А. Волкова «Грамматология. Семиотика письменной речи». Семиотика в исследованиях Александра Александровича, обусловленная европейской традицией, распространялась на комбинаторные соответствия звуков речи и письменных знаков, на системные связи письменных знаков с иными стратами реальности письменной деятельности. К сожалению, после 1982 г. А.А. Волков ничего значительного не издал по грамматологии. Иную направленность избрал себе Б.И. Осипов, который постоянно занимался этим предметом в традиционном направлении, продолжая в методологическом ключе идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, и своей работой 2010 г. ввёл в науку по-настоящему широкий семиотический спектр значений и смыслов письменного знака, на большом фактическом материале представил весь уклад русского письма в его ретроспективе. Примечательно, что в работе «Значение трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ для построения теории письма» (2000 г.) Б.И. Осипов, определяя перспективы этой лингвистической дисциплины, пытается определить круг проблем, которые предстоит решать учёным в построении новой теории письма, исходя из исторического аспекта изучения общей орфографии, а также критически оценивая достижения своих великих предшественников.

С чувством глубокой признательности вспоминается, что в 2002 году он откликнулся на мою диссертационную работу, посвящённую семиотическим проблемам письменного знака. Речь шла о многозначности русской буквы. Надо заметить, что грамматология как новая филологическая наука требует от исследователя очень многого: знания истории языка и письменности, знания и владения компаративными и сопоставительными методами, философией и методологией языкового анализа и синтеза, семиотикой, фонологией, историей и теорией письма, прагматикой и прочими современными методами, а также сопутствующими нашей истории языками (церковнославянским, древнегреческим, древнееврейским, латинским и пр.). Подготовка ради выхода на научное поле этих исследований требует много времени и значительных интеллектуальных вложений. Б.И. Осипов хорошо это понимал и трудился в этом направлении долгие годы. Мы переписывались с ним с 2003 года, надо отметить, что Борис Иванович, как русский филолог, учёный, прекрасно и безошибочно владел древнерусской и старой дореформенной (до 1918 г.) орфографией, что можно было видеть в его прилежных письмах, всегда написанных чернильной перьевой ручкой. Он был весьма порядочный респондент, незамедлительно откликавшийся на очередное письмо и предлагаемую лингвистическую задачу.

К сожалению, большинство современных деятелей нашего образования и науки смутно понимает значение и ценность изучения древних языков и культур. В настоящее время практически мало, или почти ничего, не вкладывается в развитие современной компаративистики (как основы европейского языковедения с к. XVIII в.), в подготовку специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, классической филологии, славяноведению, закрываются кафедры сравнительно-исторического языкознания, сокращаются часы на преподавание древних языков, да и новые предметы по древним языкам встречают массу препятствий и запретов. Уходят из жизни такие замечательные и великие учёные как Б.И. Осипов, а следовательно, разрушаются научные историко-филологические школы и традиция той школы, на которой растут специалисты высокого уровня. Если бы не смерть Б.И. Осипова, то он смог бы ещё много сделать на весьма трудном нашем грамматологическом поприще.

Развитие не воспоследует безусловно, поскольку оно требует от нас некоей *непрерывной* связи, языковой исследовательской непрерывной деятельности, усиленного целенаправленного движения, процесса, обеспечивающего неуклонное улучшение качества и

увеличение количественных характеристик объекта. Нашим объектом, несомненно, является язык и обучающийся человек. Если мы утверждаем, что в древнем языке слов было меньше, нежели в современном, то, как следствие, мы не берём в расчёт малую изученность древнего языка, а второе – его недостаточную документированность, если речь идёт о лексике и синтаксисе. Так, например, на удивление, в древнегреческом, латинском и древнецерковнославянском языке есть развитая система исторических времён по сравнению с соответствующими современными языками, а именно: новогреческим, итальянским и русским, ибо последние явно уступают древнейшим в сложности глагольных форм. Почему? На этот вопрос нет обоснованного ответа с точки зрения философии языка. Есть гипотезы, свидетельствующие о неразвитости теории форм. Именно поэтому наши вложения в этот объект связаны с трансляцией древнего знания, которое передаётся через язык, незнание древнего языка и средств его использования ведёт к непониманию прошлого, к остановке развития современного языка и человеческой личности. Это прекрасно понимал Б.И.Осипов, прилагая немалые усилия к подобной трансляции древнего языка в современный язык. Его последнее крупное издание «К истории языка, письма и культуры» (Т. 1–2) 2014–2015 гг. – глубокое и яркое тому подтверждение.

В аналитической работе «К типологии орфограмм в русском письме» (1988 г.) он писал: «… морфологическое правописание обращено в прошлое языка, а потому с необходимостью требует умения взглянуть на каждое слово с точки зрения хотя бы его ближайшей истории. Вряд ли нужно доказывать, насколько важна с учётом этого обстоятельства историко-лингвистическая подготовка учителя, а она-то и составляет пока что одно из самых слабых звеньев в нашей работе» [2, с. 172].

Ещё один грамматологический аспект, на который следует обратить наше внимание, вспоминая труды Б.И. Осипова. Речь должна пойти о форме письма, которая изучена мало и весьма поверхностно. По существу, на основной вопрос: «Почему форма такова?» – мы не находим доказательного ответа.

Изучая работы Б.И. Осипова, мы встретим исследование разнообразных шрифтов, укладов и видов письма, соответствующих времени их написания, которым Борис Иванович придавал немаловажное значение. Так, например, графическое наследие средневековой Руси имеет апогей своего развития (в сложности и многообразии форм XV–XVII вв.). К великому сожалению, академические специалисты, не принимая это к сведению, упрощают графику в своих словарных исследованиях, как бы опуская древний текст до низкого уровня массового читателя, что создаёт в итоге массу проблем для специалиста-грамматолога в интерпретации орфографии и графики древних и средневековых текстов (см., например, известный академический «Словарь русского языка XI–XVII вв.»). В таком случае приходится прибегать к поиску первоисточников, что затрудняет и без того тяжёлую исследовательскую деятельность грамматолога. Этот недостаток графической информационной составляющей Б.И. Осипов стремился восполнить в своих работах. Поэтому определение графики, учитывая вклад Бориса Ивановича, можно дополнить следующим определением: графика – это образы (т. е. информационные паттерны) письменных знаков, а также правила связывания письменных знаков или их сочетаний в письменном тексте с некоторыми единицами устного языка.

Итак, предполагая некоторые выводные умозаключения, мы вправе задаться иерархией тех категорий, которые упомянуты в данной работе. Что является простым, а что сложным и что на чём строится? Самым, пожалуй, простым в представляемой нами иерархии будет физическое строение, проявление, его артефакты (языковой формы, образ знака) и его законы, далее последует химическое (которое не изучается традиционно, разве что в палеографии), потом – биологическое (о биологической функции языка стало известно не так давно, но биологическая функция письма ещё не изучается), потом – психологическое (с недавно открытым когнитивным аспектом), потом – социальное (ко-

торое изучается давно социолингвистикой), потом самое сложное – духовное, которое вершит то, что очевидно составляет систему как пирамиду знания о мире и человеческом обществе. В таком отношении, вероятно, надлежит изучать последовательно форму письма, не перескакивая с одного уровня на отдалённый. Именно поэтому последние работы Б.И. Осипова посвящены русской истории и культуре, как рефлексия умудрённого жизнью и опытом учёного, обратившего внимание на сложные страты языковой системы [2].

Согласно концепции культуры К.Н. Леонтьева [1, с. 97–107], мы со всею очевидностью переживаем ныне полосу некоторого культурного смешения, эклектики. К сожалению, когда говорят о диалектике, не учитывают одну весьма важную особенность диалектики в научном развитии теории: развитие научной теории возможно на основе глубокого взаимопонимания, взаимоуважения и даже братской любви представителей научных партий, находящихся на разных методологических полюсах. В противном случае происходит то, что произошло в XX в. Этот повтор XX в., это повторение ошибок прошлого определяет и ограничивает наше нынешнее положение, наше духовно-умственное состояние не в лучшем культурно-языковом отношении, и в будущем нас ожидает либо глубокая системная деградация, либо новый виток усложнённости. Сможет ли этот новый виток породить новую гармоническую, самонастраивающуюся систему как итог отражения культурного состояния российского общества hic et nunc?

Список использованной литературы

1. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. Что такое процесс развития? // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. С. 97–107.

2. *Осипов Б.И.* К истории языка, письма и культуры: избранные статьи. Омск: ЛИТЕРА, 2015. Т. 2. 492 с.

3. *Осипов Б.И.* Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации: монография. М.: Ин-т русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. 320 с.

Д.Г. Демидов
Государственный университет Чжэнчжи,
г. Тайбэй, Китай

УДК 811.161.1

Доверие к орфографии: РУСИЦИ «Слова о полку Игореве» как «РУСИКИ»

Аннотация. Рассматриваются все 4 словоупотребления в написаниях *русичи* и *русици*. Вариант *русици* связан с иронической оценкой и полностью соответствует орфографическому правилу текста передавать результат второй палатализации *к* как *ц*. Оснований для вывода о новгородском диалектном смешении намного меньше, поэтому слова *русичи* и *русици* разделяются как возвышенный поэтизм и иронизм. Оба слова суть авторские неологизмы поэта XVIII в. В.П. Петрова. Помимо употребления в переводах «Слова», слово *русичи* появляется в прозе не ранее XX века, сначала только у Бунина и Добычина, а с 1968 г. – у многих прозаиков. В поэзии, не связанной прямыми аллюзиями со «Словом», это слово появляется только с 1942 г. у Кедрина и продолжает употребляться у немногих поэтов.

Ключевые слова: вторая палатализация заднеязычных, поэтизм, иронизм, диалектизм, конъектура, авторский неологизм.

D.G. Demidov
Zhengzhi State University,
Taipei, China

The Credibility of the Spelling: RUSITSI in "The Lay of The Warfare Waged by Igor" as "RUSIKI"

Abstract. We consider all 4 word usage in the spelling of *rusichi* and *rusitsi*. The version *rusitsi* is associated with an ironic assessment and fully complies with the spelling rule of the text to transmit the result of the second palatalization *k* as *ts*. The reason for the conclusion about the Novgorod dialect intermixing is much less, therefore the words *rusichi* and *rusitsi* are divided as sublime poetism and ironism. Both words are the author's neologisms of the poet of the XVIII century V.P. Petrov. In addition to the translations of the Igor's Tale, the word *Rusich* appears in prose no earlier than the twentieth century, at first only in Bunin and Dobychin, and since 1968 in many prose writers. In poetry, not connected with direct allusions with the Igor' Tale, this word appears only from 1942 in Kedrin and continues to be used by a few poets.

Keywords: the second palatalization of the posterior-lingual, poetism, ironism, dialectism, conjuncture, author's neologism.

В [8] имеются два варианта заголовочного слова: *русичь* и *русиць*. Приводится и два толкования: «русский человек, русский воин». В орфографии *русичи* первое издание [6] оформляет два контекста. В первом говорится об успешном начальном рейде русских войск в половецкие земли. Наступила ночь, и ***Русичи*** *великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы*. После ночлега с четверга на пятницу «съ заранія въ пяткъ» русские успешно «потопташа поганыя плъкы Половецкыя». Второй день не принес успеха, на третий день к полудню войско и вовсе было разгромлено: *Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи* ***Русичи****: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую*. Передается трагизм ситуации.

В орфографии *русици* в том же первом издании имеются также два контекста. В первом контексте это слово употреблено в прямой речи князя Игоря, которого певец явно

© Д.Г. Демидов, 2019

осуждает: *Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами* ***Русици****, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону*. Он еще только собирает дружину в поход и обращается как к тем, кто остается в Новгород-Северском княжестве, так и к тем, кто отважится пойти с ним в рискованный поход. Второй контекст описывает отступление русских войск на второй день, но совершенно таким же образом, как и ночлег перед первой успешной битвой: *Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи* ***Русици*** *преградиша чрълеными щиты*. Орфографическое оформление всех 4-х случаев в [5] совпадает с печатным изданием 1800 г.

Оба первых контекста показывают восторженное отношение к храбрым русским воинам. Образ кровавого пира выражает искреннее сострадание певца к павшим героям, которые полегли за родную землю. Написание же *русици* привносит элемент иронии в оценке действий Игоря и его дружины мудрым певцом, учеником легендарного Бояна. Сначала князь Игорь колеблется и откровенно выражает свои сомнения перед народом: «*...хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону*». И русские на второй день, действительно, стали нести огромные и страшные потери, отступили и вынуждены были плотно закрыться своими щитами, точно так, как это делают при ночлеге, а значит, отказаться от активного сопротивления. Повтор выражения, подходящего для приготовления войска ко сну, совершенно ясно осуждает такой маневр в разгар сечи. Эффект усиливается за счет антитезы *кликомъ*: *чрълеными щиты* и игры со словом *преградиша*: половцы, эти «дети бесовы», свободно носятся по полю, крича кто во что горазд, русские же заняли круговую оборону. Как видим, доля иронии есть и во втором контексте со словом *русици*. Такое семантическое и эмоционально-оценочное различие *русичей* и тех, кого певец называет *русици*, подсказывает, что ход мысли, заданный Словарем [8], верен. Здесь не одна, а две лексемы. Слово *русичь* имеет значение ‘русский воин’, всегда *храбрый* безо всякой двусмысленности. Второе слово имеет расширительное значение ‘русский человек’, способный, увы, и на необдуманные действия, не всегда до конца стойкий. Разве можно назвать по-настоящему *храбрыми* тех, кто, слыша крик-клик противника, плотно прижимается друг ко другу и выставляет щиты для глухой обороны? Эпитет *храбріи* при *Русици* следует понимать в противоположном ироническом смысле.

Подводя все 4 словоупотребления под одну лексему, исследователи и переводчики «Слова» предполагают новгородское смешение *ц* и *ч*. Однако «новгородская тема» рассматривается только на фоне событий и терминов, известных по Новгородским летописям (см. статьи Т.Вс. Рождественской «Новгород» и Д.С. Лихачева «Новгородские элементы в “Слове”» в [10]). Диалектное замещение *ч* на *ц* отражается непоследовательно. Кроме рассматриваемых примеров в «Слове» имеются *луцежъ, галици стады, Днепре словутицю,* возможно, *птиць*. Обратим внимание: ни одной мены *ч* на *ц* на месте рефлекса 2-й палатализации! Для чоканья В.В. Колесов в ст. «Диалектизмы в “Слове”» [10] приводит два примера: *вѣчи* и *сыновчя*, предупреждая о ненадежности определения места создания предполагаемого списка (от себя добавим – и времени создания – *Д.Д.*) и тем более оригинала по противоречивым диалектным характеристикам памятника.

Зато очень надежно и последовательно передается рефлекс 2-й палатализации: *влъци* (2 раза)*, на рѣцѣ, Стрибожи внуци, плъци, вѣци, Венедици* (в слове с тем же суффиксом -ик-, в [8] приводится и исторически засвидетельствованная форма *венедики* ‘венецианцы’), *Греци, рѣцѣ, сморци, цвѣты, къ рѣцѣ*. Это дает веское основание отказаться от исключительного, не подходящего под общую тенденцию орфографии «Слова» решения *русици=русичи* и предложить для словоформы мн. ч. начальную форму **русикъ* по модели *венедикъ*. Таким образом, оценочное семантическое содержание слова, отличного от *русичь*, находит своё надежное формальное фонетико-орфографическое оправдание, и *русици* вполне допустимо читать как **русики*.

Во всех допечатных списках переводов «Слова» [4], во всех 4-х контекстах, слова́ *русичи* и *русици* передаются как *россияне*. Этот же перевод оставлен и в [6], лишь во втором употреблении *русичи* подчеркивается эпичность случившегося: *храбрые Руссы*.

Если автором «Слова» является поэт Екатерининской эпохи В. Петров [ср. 1, 3], то слово *русик-русики* является его авторским неологизмом. Прекрасно владея латинским языком, В. Петров переводил «Энеиду»; вполне возможно ожидать именно от него такого латинизированного новообразования.

Первые переводчики для выражения смысла слова *русичи* употребляли выражения *россияне, русские, русские сыны, люди русские, россы, руссы*. Только во втором употреблении словоформы *русичи* и только Грамматин и Сумаруков (во 2-м варианте перевода) решаются сохранить это слово. Словоформа *русици* ни у кого из первых переводчиков, включая В.А. Жуковского, не передается словом *русичи*. Оно, как и *русици*, считалось редким, слишком экзотическим и подлежащим непременному переводу.

Следовательно, возникает вторая задача – проследить внедрение в современный русский литературный язык нового слова *русичи*, заимствованного из «Слова» и употреблявшегося всегда в возвышенном положительном контексте, и значит, именно из тех двух мест, в которых оно передано в точности как *русичи*. По сведениям [7], первым, кто употребил в прозе слово *русич*, был ак. Ф.И. Буслаев (1850 г.), однако он просто цитирует «Слово» в своем переводе. Только с начала XX века это новое слово стало понемногу входить в русскую художественную прозу и публицистику: оно встречается у И.А. Бунина (1900 и 1925 гг.) и Л.И. Добычина (1935). Гудзий (1938), как и Буслаев, употребляет эту лексему в цитате из «Слова». Только с Ю. Черниченко и В. Лихоносова (оба – 1968 г.) начинается активное вхождение слова *русич* в русскую прозу. В поэзии, помимо поэтических переводов произведения, это слово первым употребляет А.Н. Майков, однако лишь в прямой аллюзии к «Слову»: Се ветри, Стрибожьи внуци, веют с моря… на силы Дажьбожья внука, храбрых *русичей* <…> [А.Н. Майков. Стрибожьи внуки [В степях, 5] (1863)]. В поэзию это слово входит труднее, чем в прозу. Кроме поэзии Майкова, НКРЯ [7] фиксирует лишь 3 поэтических словоупотребления: у Д. Кедрина (1942), Вс. Рождественского (1944) и А. Николева (Егунова, 1966). Это странно и несколько разочаровывает, ибо *русичи* есть, несомненно, очень красивый и богатый поэтизм. Будем надеяться, что наши поэты не отгородятся червлеными щитами постмодернизма от этого прекрасного и возвышенного слова. Таким образом, первые попытки освоить слово *русич* в нашей словесности относятся к 1900–1944 годам. В прозу оно вошло широко лишь с конца 1960-х годов, а в поэзию основательно так и не входит.

Конъектура, недоверие к написанию в рукописи, к орфографии в печатном издании, к какому бы времени рукопись ни относилась, есть прием вынужденный и исключительный. К нему прибегают только в тех случаях, когда иные попытки толкования того или иного графического исполнения слова исчерпаны. Мы стремились показать, что не все попытки прямого и доверительного отношения к орфографии Екатерининской копии и издания 1800 г. исчерпаны, и всего лишь довели до конца робкий замысел составителя [8] до логического конца, «всмотревшись» в образы, рисуемые словами *русичи* и *русици*.

Вслед за проф. К. Тростом [9] мы высказали предположение об участии Н.М. Карамзина в создании «Слова» [2]. Если В. Петров – автор, то Карамзин – редактор этого произведения. Руке автора «Бедной Лизы», вероятно, принадлежат вставки многих эпитетов, которыми щедро насыщена и его собственная сентиментальная проза. Может быть, одним из таких добавленных эпитетов является *храбрый*, особенно в ироническом контекте *храбріи Русици*. Автором слова **русики* мог быть только переводчик «Энеиды» В. Петров.

Борис Иванович Осипов, прекрасный языковед, литератор, летописец своего времени, много сил отдал успешному изучению истории русской орфографии. Мы исходим из

его принципов опоры на письмо. Написание *русици* вполне соответствует общему орфографическому правилу текста «Слова» передавать современное *к* на месте бывшей 2-й палатализации как *ц*. В отличие от усвоенного современной русской культурой возвышенного поэтизма *русичи* его латинизированный пароним **русики,* созданный по образцу *венедики-венедицы*, следует отнести к иронизмам. Слово *русичи*, вслед за В.П. Петровым, в русскую художественную прозу ввел И.А. Бунин, а в поэзию – Д.Б. Кедрин.

Список использованной литературы

1. *Власов С.В.* Некоторые материалы к опыту сравнительного анализа военных образов в «Слове о полку Игореве» и в оде В.П. Петрова «На взятие Измаила» (1790) // Язык и социальная динамика: спец. вып. Ценности социума. Красноярск, 2013. С. 169–181.
2. *Демидов Д.Г.* «Слово о полку Игореве», Н.М. Карамзин и мы // Там же. С. 182–193.
3. *Демидов Д.Г.* Поэзия В.П. Петрова и «Слово о полку Игореве» // Вестник Владимирского гос. ун-та им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2018. № 1 (17). С. 61–72.
4. *Дмитриев Л.А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». Мат-лы и исследование. М.-Л., 1960. С. 318–325, 337–350.
5. Екатерининская копия «Слова о полку Игореве». URL: http://slovoopolku.ru/catherine_copy (дата обращения: 12.01.2019).
6. Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. М., 1800.
7. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-main.html (дата обращения: 12.01.2019).
8. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 вып. / сост. В.Л. Виноградова. Л., 1965–1984. Вып. 5. Л., 1968.
9. *Трост К.* Карамзин и Игорева песнь. По поводу спора о подлинности Игоревой песни. Перевод Д. Г. Демидова // Вестник литературного института им. А.М. Горького. М., 2014. № 2. С. 14–29.
10. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / отв. ред. О.В. Творогов. СПб., 1995.

Ю.Г. Кокорина
Московский политехнический университет,
г. Москва

УДК 81'73.46

Информационная технология письма и развитие археологической терминологии

Аннотация. Данная статья посвящена характеристике процесса развития археологической терминологии в эпоху освоения и использования информационной технологии письменности. Эта информационная технология способствовала формированию научного термина и науки в целом. Археология как наука родилась в эпоху информационной технологии книгопечатания, но основа для развития этой науки была заложена в ходе освоения человечеством и развития информационной технологии письма. Следующие информационные технологии базируются на письменной культуре, и развитие археологической терминологии, естественно, связано с письменностью и обусловлено ею.

Ключевые слова: письменная культура, терминология, история науки, археология, знание, информационные технологии.

Yu.G. Kokorina
Moscow Polytechnic University,
Moscow, Russia

The Information Technology of Writing and the Development of the Archaeological Terminology

Abstract. This article is devoted to the characteristic of the process of development of archaeological terminology in the era of development and use of information technology of writing. This information technology has contributed to the formation of the scientific term and science in General. Archeology as a science was born in the era of information technology of printing, but the basis for the development of this science was laid in the course of the development of mankind and the development of information technology of writing. The following information technologies are based on written culture, and the development of archaeological terminology is naturally connected and conditioned by it.

Keywords: written culture, terminology, history of science, archeology, knowledge, information technologies.

Археология – относительно молодая наука, ее возраст насчитывает немногим более двухсот лет. В этот период включено формирование и развитие археологического знания, за рамками этого периода остались случаи проявления интереса к древностям и грабительские раскопки с целью извлечения из земли ценностей и разрушения археологических памятников для хозяйственных нужд. Имея дело с предметами старины, люди стремились понять их функцию, а именно функция является основой для номинации. Так зарождалась научная терминология археологического знания. Анализируя основные тенденции развития археологической терминологии, мы использовали концепции информационных переворотов в истории человечества, выделенных С.Н. Гринченко и Ю.Л. Щаповой [11; 12].

Напомним, что С.Н. Гринченко и Ю.Л. Щапова применили информационно-кибернетический подход к изучению истории человечества, выявив при этом моменты в его развитии, связанные с появлением новых информационных технологий. Названными

© Ю.Г. Кокорина, 2019

авторами было разработано понятие информационных технологий как интеллектуальных компонентов «технологий проектирования, производства и управления сложными процессами и структурами» [12, с. 55]. При интерпретации пространственной структуры и временных характеристик развития иерархической системы человечества были использованы *числовые ряды* со знаменателем e^e = 15, 15426 [3, с. 2]. В результате были определены информационные перевороты в развитии человечества, связанные с освоением ИТ компьютеров и сетевых ИТ, книгопечатания, создание письменности, возникновение членораздельной речи, появление языка мимики и жестов, сигнальных звуков и поз [3, с. 2]. Нас будет интересовать этап освоения информационной технологии письменности.

Судить о том, как называли в прошлом люди древние находки, мы можем начиная с появления информационной технологии письменности, которая начала формироваться в 6,1…5 тыс. до н.э. и максимум развития которой приходится на 2–1 тыс. до н.э. [3, с. 22]. Используя ИТ письменности, люди сообщали о «раскопках» и находках древностей, называя их, для этого применялись слова естественного языка, выбор которых зависел от реконструкции функции древней вещи. Так, известны сообщения о «громовых стрелках» – кремневых стрелах – и «громовых топорах» – полированных топорах эпохи неолита, которые считали падающими с неба в вовремя грозы и которым приписывали магические свойства [6, с. 49–51]. По летописям мы знаем о «граде из тучи великой» – стеклянных бусинах, обнаруживаемых населением Ладоги, по записям хронистов – о сосудах, найденных в земле, которые называли «естественные сосуды», «стихийно порожденные сосуды» [6, с. 59]. Записки путешественников сообщают о «девках каменных» в причерноморских степях, летописи XVI века – о каменных «вавилонах» (лабиринтах, выложенных на земле) и т. п. В XVII веке в рукописных сыскных делах упоминается «кудеярова казна» – клады в курганах и на городищах, приписываемые разбойнику Кудеяру [10, с. 9–10]. На глиняной табличке из Ларсы в Ираке сделана надпись о раскопках древнего храма вавилонского царя Набонида (556–539) (употреблены термины *зиккурат* и *теменос*) с целью понять его план и декор, а также провести его реконструкцию. Античные авторы описывают находки *урн*, *статуй*, *треножников* и других ценных вещей на территории Древней Греции и Римской Империи [6, с. 75–76]. С данной ИТ связано появление термина *археология* в диалоге Платона «Гиппий Больший» как рассказа «о родословных героев и людей, о переселениях, то есть о том, как в старину основывались города, и вообще обо всей археологии» (Платон. Гиппий Больший, 285 E) [8, с. 28].

Следующая информационная технология, с которой связано и развитие археологической терминологии, – ИТ тиражирования текстов – книгопечатания, начало которой относится к 1446 г., а пик развития – 1796–1816 гг. [1, с. 22]. Данная ИТ способствовала распространению и тиражированию знания, что приводило к формированию собственно термина, для которого характерны, с одной стороны, конвенциональность, с другой – однозначность [7, с. 55]. «Основное требование, предъявляемое к наименованиям понятий, заключается в установлении единства в использовании и понимании данных наименований», – писал один из основоположников русской школы терминоведения Э.К. Дрезен [5, с. 227].

К XVIII–XIX вв. относится формирование терминологии основных разделов археологии, начало которой было положено сибирской и античной археологией. В основу терминологии последней легли слова из древнегреческого и латинского языков, которые сохранились в памяти Человечества благодаря информационной технологии письменного общения на основе фонетического алфавита. Первые археологи-античники использовали для обозначения древнегреческих памятников слова естественного языка. Вот как один из первооткрывателей причерноморских древностей Поль Дюбрюкс (1770–1835) описывает свой музей: «В нем хранится много золотых вещей, как-то: *браслеты, серьги, кольца, фигуры животных, женщин* и прочее; обломки *статуй*… Много *надгробных камней*

с фигурами и *надписями*, два из них мраморные; драгоценнее всего *надписи* памятников, воздвигнутых в царствование царей Боспора. *Медалей* (так Дюбрюкс называет монеты, – *И. Б.*) должно быть до 200, большая часть коих прекрасно сохранилась и чрезвычайно интересна. Кроме упомянутых вещей, в музеуме хранится значительное количество стеклянных *сосудов* и глиняных *ваз* различной формы и величины; три шкафа, наполненные *статуэтками* и *бюстами* из глины и гипса» [2]. Исследователь в своем рукописном отчете употребляет для обозначения древних сосудов слова, называющие современные ему предметы: «круглая *ваза* без ручек, глиняная *чарка*, или *чашка*, два серебряные *рога*, служившие древним вместо *стакана*» [4, с. 18], «какая-то *каска*» [4, с. 20] (имеется в виду шлем). Для того времени характерно наименование без описания, с общей передачей эмоций: «маленькая амфора красивой формы» [1, с. 21], «бронзовый таз с ручками красивой формы» [1, с. 30], «множество других вещиц из золота и электрума» [1, с. 32], «замечательных в художественном отношении предметов» [1, с. 42], «прекрасная ваза с великолепным рисунком» [1, с. 44], «перстень с маленьким гранатом, в азиатском вкусе» [1, с.51], «серьги самого изящного вкуса» [1, с. 69]. В работе исследователей античности встречаются латинские эквиваленты вводимым терминам: *рог* (rhuton) [1, с. 30], *поножи* (ocera) [1, с. 91], *воинский убор* (plaudamentum) [9, с. 82]. Однако нет дифференциации античных сосудов – все они названы «вазами с выемкою» (как говорят современные археологи, с *каннелюрами*), встречаются термины *амфора* и *лекана*.

И только усиленный обмен информацией, связанный с расцветом ИТ тиражирования текстов, позволил археологам вынести на суд своего научного сообщества термины, заимствованные из древнегреческого и латинского языков. Именно благодаря расцвету этой ИТ были приняты такие термины, как *акинак* (скифский короткий меч), *псалий* (элемент узды), *мегарон* (тип древнегреческого и скифского дома), названия сосудов: *арибалл, лепаст, пиксида, канфар, скифос* и т. п.

Этнографические заимствования, а для XVIII–XIX вв. – просторечные слова, легли в основу терминологии славяно-русской археологии, формирование которой приходится на период дальнейшего развития ИТ книгопечатания. В публикациях З. Ходаковского появляются термины-синонимы *городище, городок, городня, городец* [10, с. 51]. Российские археологи находили аналогии в обнаруженных вещах среди предметов современного им крестьянского быта: *колт* (женское украшение), *ендова, братина, кисельница* (типы сосудов), *жальник* (тип кургана), *матица* (терминология древнерусского жилища) и многие другие.

Таким образом, с применением информационной технологии письменности археология, как и многие другие области знания, стала формироваться как наука. Именно благодаря этой ИТ было положено начало и развитию ее терминологии, в основу которой сначала легли слова естественного языка – русского, древнегреческого, латинского. Благодаря развитию письменной культуры расширился круг ученых, обсуждавших проблемы молодой науки, и создававшееся научное сообщество не могло обойтись без археологических терминов. Будущее археологической терминологии оказывается связанным с ИТ книгопечатания, компьютерными технологиями и развитием информационных сетей, но зарождение термина, в том числе и термина археологического, связано с ИТ письменности.

Список использованной литературы

1. *Ашик А.Б.* Боспорское царство. Одесса: Типография Неймана Н.К., 1848. Т. 1. 489 с.

2. *Брашинский И.Б.* В поисках скифских сокровищ. URL: http://arheologija.ru/i-b-brashinskiy-v-poiskah-skifskih-sokrovishh (дата обращения: 11.01.2019).

3. *Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л.* Информационные технологии в истории человечества // Приложение к журналу «Информационные технологии». М., 2013. № 8. 32 с.

4. Древности Боспора Киммерийского. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1854. Т. 1. 279 с.

5. *Дрезен Э.К.* Интернационализация научно-технической терминологии: история, современное положение и перспективы // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований. Очерк и хрестоматия. Книга 2. М.: Московский Лицей, 1999. С. 220–227.

6. *Клейн Л.С.* История археологической мысли: в 2 т. СПб.: СПбГУ, 2011. Т. 1. 688 с.

7. *Лотте Д.С.* Очередные задачи технической терминологии // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. Очерк и хрестоматия. М.: Московский Лицей, 1994. С. 49–57.

8. Платон. Диалоги / пер. Вл. Соловьева, М.С. Соловьева и кн. С.Н. Трубецкого. М.: Академический проект, 2011. 351 с.

9. *Спасский Г.И.* Боспор Киммерийский с его древностями и достопримечательностями. М.: Типография Московского университета, 1846. 148 с.

10. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 238 с.

11. *Щапова Ю.Л.* Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М.: КомКнига, 2005. 192 с.

12. *Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н.* Введение в теорию археологической эпохи. Числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. М.: Исторический факультет МГУ, Федеральный Исследовательский Центр «Информатика и управление» РАН, 2017. 236 с. (Труды исторического факультета МГУ, вып. 97. Серия II, Исторические исследования.)

С.Е. Кремзикова
Донецкий национальный университет,
г. Донецк

УДК 801.54 – 804.022

Социокоммуникативные аспекты образования и функционирования nomina agentis в диахронии дискурсивной деятельности

Аннотация. Статья посвящена анализу концептуальных и социокоммукативных аспектов образования и функционирования производных со значением агентивности в различные исторические периоды языка. Выявляются композиционные составляющие комплексного знака, которые дают возможность проследить степень мотивированности компонентов семантики производных слов, а также специфические особенности реализации их значения в дискурсе определенного типа и периода. Основной задачей исследования конкретного языкового материала является выход на уровень изучения структур представления знаний для имени деятеля соответственно ситуации, участником которой он выступает, а также типа дискурса.

Ключевые слова: агентивное производное, концепт, когниция, дискурс, деятельностная ситуация.

S.Ye. Kremzikova
Donetsk National University,
Donetsk

Socio-Communicative Aspects of Education and Functioning of the Nomina Agentis in Diachrony of Discourse

Abstract. The article is devoted to the analysis of conceptual and sociolinguistic aspects of the formation and functioning of derivatives with the significance of agent in different historical periods of the language. The compositional features of the complex sign are revealed that make it possible to trace the degree of motivation of the components of the semantics of derived words and the peculiar properties of realizing their meaning in discourseof certain type and period. The main task of researching a specific language material is to reach the level of studying the knowledge representation structures for the name of the actor according to the situation in which he is a participant and the type of discourse.

Keywords: agent derivative, concept, cognition, discourse, activity based situation.

Сочетание системного и антропоцентрического подходов в лингвистических исследованиях делает возможным описание функционирования механизмов вербализации внеязыковой действительности, учитывая и непосредственную роль человека в ее организации, в частности, систематизацию полученных знаний в виде понятий, концептов, картин мира, фреймов, и их репрезентацию в виде вербального кода с помощью номинативных и предикативних единиц [1, с.175;6, с. 13–14; 7, с. 9]. Одним из центральных принципов данного лингвистического исследования является системно-деятельностный поход к производным существительным со значеним агентивности, что предполагает привнесение социокоммуникативного компонента, включающего интерес к личности и социальным сторонам деятельности, акцентирующего внимание на субъекте как инициаторе действия. Все процессы познания связаны с определенными структурами деятельности, поэтому описание различных типов деятельности подчинено описанию их отдельных компонентов – участников деятельности – лиц и предметов, операций, инструментов

© С.Е. Кремзикова, 2019

или средств деятельности, времени и места, ее целей и результатов, а также отношений между ними. Неотделимость событий от людей, которые в них участвуют и которые их создают, а также людей от их деятельности проявляется при изучении категорий в процессе их пересечения в качестве компонентов вербализованной деятельностной ситуации [8, с. 51–55]. Деятельностная ситуация представляется универсальной и комплексной категорией, она формируется на пересечении субстанциональных и процессуальных характеристик. Семантической базой ситуации деятельности является такой атрибут любого субстанционального участника, как персональность / одушевленность. Одним из главных компонентов деятельностных ситуаций является категория деятеля, которая коррелирует с категорией деятельности, выраженной именем действия. Изучая категорию деятеля во взаимодействии с одноосновными структурными формированиями других категорий, мы как бы находимся в позиции наблюдателя, перед которым разворачиваются отдельные сцены человеческой деятельности, представленные в свернутом виде в номинациях производными словами. Имя агента действия чаще всего определяется как одушевленное существительное, обозначающее того, кто выполняет целенаправленное действие, называемое исходным глаголом. Что же касается имени инструмента, то, как считают некоторые исследователи, оно обозначает прототипический артефакт, используемый для того, чтобы реализовать действие, представленное глаголом [12]. Анализ суждений для имен деятеля обусловливает вывод о том, что категоризаторы «лицо, которое...», «тот, кто...» представляют собой базовый концепт членения концептуальной и языковой картин мира и позволяют выделять людей из их социального окружения. По правилам когнитивной модели деятельности Агенс является очевидным источником энергии, которая направлена на пациенса и которая каузирует изменения состояния пациенса или его перемещение в пространстве.

Создание производного имени деятеля рассматривается как выбор из структуры концепта определенного фрагмента знаний, характерного для данного социума, который становится мотивационной базой слова. К компетенции нашего исследования относится устройство и организация категории по тем структурами знаний, которые составляют ее концептуальную структуру. Кроме того, исследование реализации таких формирований в дискурсивной деятельности позволяет сделать вывод о том, как организованы знания о человеческой деятельности с позиций ее исполнителя и средств реализации. Обращение к категории имени деятеля в историческом и дискурсивном аспектах актуально также в связи с дискуссионностью вопроса об определении параметров данной категории.

Известно, что формы языка культуры и формы знания образуют такое единство, которое отмечается исторической сменяемостью, то есть на каждом историческом этапе нормы и стереотипы мышления отражают опыт освоения и осмысления мира, окружающего человека, в форме определенного культурного кода [1; 3; 11]. Объектом изучения в лингвистическом исследовании является вербализованное знание. С этой позиции знание рассматривается как созидаемое исторически и упорядочиваемое с помощью той или иной ценностно-смысловой структуры. В работах по словообразованию обращается внимание на возможность потенциального присутствия в семантической и словообразовательной структуре производного агента действия дополнительного признака женскости, реализация которого зависит от культурного контекста и возможного количества и качества участников деятельностной ситуации.

В работе делается попытка представить суффиксальные производные имена деятеля не как отдельные словообразовательные формы «ино-структурных языков» (термин Н.А. Катагощиной: [4, с. 3]), а как модели, реализующие один и тот же тип концептуальной структуры. В разноструктурных языках, например романских (французском, испанском), германских (английском), славянских (русском), отмечается образование продуктивных агентивных существительных по прототипическим моделям. Определение кон-

цепта-категоризатора агенса как «лицо, которое...» предусматривает обращение к таким свойствам человека, как волеизъявление, контролируемость, а также к такому антропоцентрическому противопоставлению, как одушевленный / неодушевленный. Прототипичный Агенс как лицо, которое может изменять свое положение в пространстве не через внешнее воздействие, а по собственному желанию, характеризуется интенциональным поведением, он контролирует свои действия, обладает определенной энергией, которую передает в процессе взаимодействия с объектами окружающего мира [3; 10]. В Средневековье происходил постоянный процесс обозначения именами деятеля концептуальной сферы человеческой деятельности. В этой области находит свое воплощение как лингвокреативная деятельность человека, так и образования слов по существующим словообразовательным моделям. Словообразовательные модели понимаются не только как категоризаторы языкового опыта о том, как возникают слова, но и как категоризаторы опыта человека, приобретенного им в процессе взаимодействия с окружающим миром, а производные слова понимаются как маркированные единицы, в которых эксплицируется информация о системе ценностей человека [8].

Старофранцузский период характеризуется эпохой фундаментальных изменений, духовных трансформаций, разнообразием дискурсов, в частности, появлением в XIII столетии делового дискурса. Имеют место трансформация мировоззрения, появляется новая картина социального устройства общества. Задачей исследования словообразовательного моделирования данного этапа становится поиск и нахождение определенных корреляций между когнитивными и языковыми структурами, поэтому важно определить, какая информация передается через семантические связи исходного слова и производного имени деятеля, какие значения актуализируются словообразовательными компонентами производного слова. Словообразовательные типы отыменных производных со значением агентивности толкуются по предложениям, которые восстанавливают отсутствующий в словообразовательном процессе предикат. Так, в старофранцузский период по продуктивной модели *N+Suf.-ier---Nag* образуются отсубстантивные агентивные существительные, называющие лиц по их профессиональным занятиям, ремеслу. В деловых и поэтических списках зафиксированы ряды таких производных: «*Li cir**ier** et li espic**ier**, Li cel**ier** et li cordouann**ier**, Et li bouch**ier** et li trip**ier**, Li teisserant, il taintur**ier**, herbergeor et cuisin**ier**, Escrivain et parchemin**ier** et cil qui sont de touz mestiers puissant en enfer trebuchier*» [8]. Исходными словами в деловом дискурсе выступают существительные, называющие предметы, которые являются компонентами деятельностных ситуаций производственного или реляционного действия и выполняют функции – актанта – предмета / объекта действия или продажи: *miroir---miroirier* ‘fabricant de miroirs’; *aille* ‘ail’---*aillier* ‘marchand d'ail’; *bacon* ‘porctué etsalé’ ---*baconier* ‘celui qui vend du bacon’; *espice* ‘épice’---*espicier* ‘vendeur d'épices’ [14]. Прозводные этого же типа, называющие деятеля по ремеслу, формируются и в других языках средневековой Европы. Так, в среднеанглийском по модели V/*N + Suf.-er/-ere---Nag* образуются слова: *tanner* ‘дубильщик’, *bak**er*** ‘пекарь’, *brew**er*** ‘пивовар’, *bleach**er*** ‘отбеливатель’, *dy**er*** **‘**красильщик’ [9].

Деятельностные ситуации, которые имеют место в определенной социально-культурной сфере, вербализуются в соответствующем дискурсе путем актуализации ключевых аспектов – концептуального ядра значения, выраженного внутренней формой слова, ассоциативных связей, деривационных связей, парадигматических связей, стереотипов как регулярно повторяющихся характеристик объектов, действий, событий, процессов. Концептуальная структура слов меняется быстрее формальной, поскольку связана с появлением новых значений в словах, которые служат мотивирующими агентивных производных, а также с возможностью отображения в сочетаемости элементов новых отношений [11].

Современные лингвисты выделяют в синхронии на материале различных европейских языков (в частности испанского, французского, английского, русского) прототипические суффиксальные словообразовательные модели со значением агентивности, среди которых особое место занимают отыменные производные с суффиксом *-iste/-ist/-ista* [2; 5; 10; 13, с.7]. Отыменные производные имена деятеля с суффиксом *-iste* в современном французском языке образуются по модели *Nchose+Suff.-iste---NAg* с исходным словом неодушевленным существительным, называющим объект, на который направлено действие субъекта,например: *antenniste (1984)'*installateur d'antennes', *catastrophiste (1975)* 'quien visage le pire, prevoit des catastrophes', *harpist* 'qui joue de l'harpe; *suprémaciste, terroriste, machiniste, trapéziste, garagiste.* Подобного типа агентивные производные образуются и в современном испанском по моделям: *NChose+Suff.-ista---NAg: autostop--- autostopista; NPers.+Suff.-ista ---NAgclientel--- clientelista (Esp.).*

В современных языках мотивационные отношения между исходным словом и производным агентивным существительным приобретают новые дополнительные характеристики, отражающие более сложный тип отношений между онтологическими сущностями. Например, французские производные ссуффиксом *-iste: semantic**iste**, national**iste**, néo-monarch**iste**, terror**iste**, antiterror**iste**, environnemental**iste**, suprémac**iste**, conspirationn**iste**, masculin**iste** (Fr.);* и испанские агентивные производные с суффиксом *-ista: ambiental**ista**, fotoperiod**ista**, infograf**ista**, autonom**ista**, supremac**ista**, period**ista** (Esp.)* называют людей по их принадлежности к различным социальным и политическим течениям, партиям, движениям. Эти производные, актуализируя дополнительные семы *движение, партия, течение, организация, социальный*, участвуют в реализации деятельностной ситуации общественно-политического характера. Особый статус субъекта как активного участника процесса, нередко его инициатора, обусловливает его влияние на результативность, динамизм и другие характеристики деятельностной ситуации.

Продуктивной в современный период является словообразовательная модель с усложняющейся основой N-tion/-ation+Suf.-iste---NAg: conspir**ation**---conspirationn**iste** (Fr.), N-cion+Suf.-ista---Nag: oposicion---oposicionista (Esp.), а также N chose/ notion abstraite---Adj.+Suff.-al/-el---NAg-iste/-ista: environnement--environnement**al**-environnementaliste-néo-environnementaliste (Fr.); ambiental**ista**---medioambiental**ista**, (Esp.)' борец за охрану окружающей среды'.

Очевидно, что в концептуальном пространстве «активное начало» категория имени деятеля, Агенса, занимает центральное место. Однако агентивной функцией периферийного плана наделяются также инструменты, средства материального и нематериального воздействия на человека и другие объекты, что, в свою очередь, приводит к развитию других концептов, которые коррелируют со структурой человеческой деятельности. Имена-лица способствуют результативности действия благодаря двум своим характеристикам: многомерности семантики (наличие таких аспектов значения, которые соотносятся с признаками живого: одушевленный, мужской / женский, взрослый/ребенок и другими характеристиками.), а также реальной и потенциальной активности участника ситуации. Так, современные производные имена со значением агента действия нередко мотивируются производящими основами со значением признака абстрактного понятия социального, философского, политического, мировоззренческого плана, которые по сравнению с производными ранних периодов развития языка, характеризуются более сложной семантической структурой.

Список использованной литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языкею. М.: Наука, 2005. 416 с.

2. *Арутюнова Н.Д.* Проблемы морфологии и словообразования (На материале испанского языка). М.: Языки славянских культур, 2007. 288 с.

3. *Демьянков В.З.* Семантические роли и образы языка // Язык о языке / под общим руководством и редакцией Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 193–270.

4. *Катагощина Н.А.* Соотношение глагольных и именных категорий в русском и французском языках. М., 1985. 40 с.

5. *Катагощина Н.А.* Как образуются слова во французском языке. М.: Просвещение, 1980. 109 с

6. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. М.: Языки словянской культуры, 2004. 555 с.

7. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН Серия литературы и языка. М.: Наука, 2004. Т. 63, № 3. С. 3–12.

8. *Кремзикова С.Ю.* Словотвір та дискурс: діяльнісні ситуації у старофранцузькій мові: монографія. К.: Вид. Дім Дмитра Бураго, 2010. 512 с.

9. *Никитина Л.А.* Словообразовательное поле суффиксальных существительных со значением лица в среднеанглийском языке: дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 187 с.

10. *Позднякова Е.М.* Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном иноминативномаспекте.: дис. … д-р филол. наук. М., 1999. 318 с.

11. *Чередниченко О.І.* Багатомовність і концептуальна картина світу //Вісник. Іноземна філологія. К.: КНУ, 2002. Вип. 32. С. 7–10.

12. *Huyghe R.* Noms d'agents et noms d'instruments : Le cas des déverbaux en *–eur*// Armand Colin, Langue française n° 185 (1/2015), pp. 99–112, 2015.

13. Kastovsky Dieter. 2009. Astronaut, astrology, astrophysics: About Combining Forms, Classical Compounds and Affixoids. In Selected Proceedings of the 2008 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL-LEX 2), ed. R.W. McConchie, Alpo Honkapohja, and Jukka Tyrkkö, 1–13. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project.

14. *Godefroy F.* Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle. Paris : Vieweg, 1881–1902. T. I–X. 877 p.

А.А. Курулёнок
Чжецзянский университет иностранных языков Юесю,
Шаосин, Китай

УДК 811.161.1

Фонологическая терминология в описании исторической фонетики русского языка

Аннотация. Фонология для современных лингвистов может стать той наукой, которая будет уверенно себя чувствовать и в современной антропоцентрической парадигме. Ведь именно в фонетике очень рано сложилась теория, в центре которой находится человеческая оценка языковых фактов – теория фонемы. В статье обсуждается неоднозначный термин «фонема», который используется для описания синхронической фонетики. Консолидированная теория фонемы, предложенная Б.И. Осиповым, может быть использована и при рассмотрении вопросов диахронической фонетики.

Ключевые слова: русский язык, историческая фонетика, фонема, синтагмо-фонема, парадигмо-фонема.

A.A. Kurulenok
Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages,
Shaoxing, China

Phonological Terminology in the Description of Historical Phonetics of the Russian Language

Abstract. Phonology for modern linguists can become a reliable scientific method that will fit confidently in the modern anthropocentric paradigm. After all, it was early on in phonetics that a theory was formed, in the center of which was a human assessment of linguistic facts – the theory of phoneme. The article discusses the ambiguous term "phoneme", which is used to describe synchronic phonetics. The consolidated theory of phonemes, as proposed by Boris Osipov, can be used in conjunction with questions concerning diachronic phonetics.

Keywords: Russian language, historical phonetics, phoneme, sintagm-phoneme, paradigm-phoneme.

Впервые учение о фонеме было сформулировано во второй половине XIX в. российским и польским языковедом И.А. Бодуэном де Куртенэ. Неоднозначное понимание фонемы самим учёным впоследствии привело к возникновению различных фонологических школ, направлений, концепций, среди которых в отечественной лингвистике выделяются Санкт-Петербургская (Ленинградская) фонологическая школа (СПФШ), основателем которой явился Л.В. Щерба, и Московская фонологическая школа (МФШ), возникновение которой связано с именами Р.И. Аванесова, В.Н. Сидорова, А.А. Реформатского и др.

В ходе своего исторического развития указанные школы постоянно находились в противостоянии вследствие того, что в их теориях одним и тем же термином «фонема» фактически называются разные языковые явления.

По словам Б.И. Осипова, не совсем корректное использование основоположниками московской школы термина «фонема» породило разногласия и дискуссии: они рассматривали фонему как комплекс позиционно чередующихся звуков в пределах морфемы [4, с. 16], тогда как Л.В. Щерба, Н.С. Трубецкой и другие фонологи называли фонемой класс звуков,

© А.А. Курлёнок, 2019

имеющих общий набор смыслоразличительных признаков. Фонема щербовской школы и более абстрактная фонема московской школы, появившаяся в науке позже, – это реальные явления фонологической системы языка, но совершенно разного порядка. Преодолеть омонимию терминов пытался М.В. Панов, который назвал московскую фонему «парадигмо-фонемой». Для «сильных и слабых фонем» Р.И. Аванесова, учение о которых возникло в рамках московской школы, был предложен термин «синтагмо-фонема».

Попытка М.В. Панова имеет свои перспективы: продуманная и рациональная консолидация теорий разных фонологических школ может способствовать созданию общей фонологической концепции, объединяющей в единую фонологическую иерархическую систему разные единицы, которые всеми в целом определяются одним термином «фонема».

Ещё в 1976 году Б.И. Осипов заявил о необходимости интеграции фонологических школ и показал, что при правильном терминологическом обозначении фонологических понятий разные фонологические школы не опровергают, а дополняют друг друга (см. об этом: [5; 6]). Предложенная учёным консолидированная система разных фонологических единиц, находящихся друг с другом в определённых отношениях, может быть представлена следующим образом [4]:

1) *собственно фонема* – класс звуков, которые характеризуются идентичностью набора дифференциальных признаков (петербургская фонема). Аллофон фонемы (конкретный звук в конкретном слове) может быть представлен единицами более абстрактными – синтагмо-фонемой и парадигмо-фонемой;

2) *синтагмо-фонема* – фонема, охарактеризованная с учетом её позиции, в частности, с вычетом нейтрализованных признаков (пражская фонема, сильная и слабая фонемы Р.И. Аванесова);

3) *парадигмо-фонема* – ряд позиционно чередующихся звуков (московская фонема). В слабой позиции может выступать не только парадигмо-фонема (когда звук слабой позиции чередуется со звуком сильной позиции), но и *гиперфонема* (когда звук в слабой позиции чередуется с несколькими звуками в сильной позиции или вообще не имеет соответствия в сильной позиции).

Подобная классификация представляет собой последовательные уровни системы фонологических единиц, где на основной ступени находится собственно фонема, а её более отвлечённая характеристика объединяет такие языковые явления, как синтагмо-фонема и парадигмо-фонема.

Преодоление противоречий может способствовать адекватным фонетическим исследованиям как в синхронии, так и в диахронии. Интеграционный подход, стремящийся консолидировать фонологические направления, поможет исследователям по-новому взглянуть на многие, казалось бы, достаточно уже разработанные проблемы русской исторической фонетики. Предпринятое в русле этого подхода исследование истории русской фонологической системы, с одной стороны, может привести к новому осмыслению отдельных её фрагментов, традиционное описание которых, как кажется, уже не вызывает вопросов, а с другой – систематизировать взгляды разных фонологических школ в исторической плоскости.

Покажем, как теории СПФШ и МФШ решают вопрос о фонологическом статусе носовых гласных [*ę*] и [*ǫ*], которые в IX – начале X в. были утрачены в древнерусском языке.

Напомним, что носовые гласные звуки развились в праславянском языке из сочетаний гласных с носовым сонантом *n* в закрытых слогах (т. е. в положении перед согласным и на конце слова) в результате действия тенденции к открытию слога. Перед гласными эти фонемные сочетания передних или непередних гласных с сонантом сохранялись без изменения: гласный сочетания отходил к предшествующему, а согласный – к последующему слогу. Возникновение носовых гласных привело к чередованиям в одних морфемах носовых гласных с *o/n, e/n*: *zvǫkъ – zvonъ, imę – imena*. Эти чередования

наблюдаются только в тех случаях, если чередующиеся звуки в одной морфеме могут употребляться как в положении перед согласным (и на конце слова), так и перед гласным. Чередования отсутствуют, если носовой гласный находится в морфеме только перед согласным: *rǫka, zǫbъ, pętь, męso*.

В трактовке фонемы представители Московской фонологической школы исходят из того, что эта единица, названная М.В. Пановым парадигмо-фонемой [7], может быть представлена рядом позиционно чередующихся звуков в пределах морфемы, которые могут иметь, а могут и не иметь никаких общих фонетических признаков: они объединены только своим позиционным поведением. Исходя из этого получается, что звуки [*ę*] и [*ǫ*] должны быть интерпретированы как позиционно обусловленные реализации фонемных сочетаний в положении перед согласными и на конце слова. Эти позиции для дифтонгических сочетаний были слабыми, потому что представлены они были здесь не сочетаниями фонем, а их вариациями – новыми звуками [*ę*] и [*ǫ*], поскольку «в результате позиционного видоизменения выступают звуки, которые, хотя и отличаются по качеству от основного вида фонемы (фонемного сочетания гласного и сонанта *n* – *А. К.*), но не совпадают с другими фонемами» [1, с. 42]. По словам С.И. Бернштейна, москвичи считают, что все звуки, связанные живым позиционным чередованием в морфеме, принадлежат к составу одной фонемы, и такие (позиционные) чередования, возможные только в пределах фонемы, не затрагивают фонемного состава морфем [2, с. 63].

Итак, с позиций Московской фонологической школы получается, что носовых гласных фонем в древнерусском языке вовсе не было, точнее, если оперировать понятиями консолидированной теории, не было парадигмо-фонем, объединяющих ряд позиционно чередующихся единиц *en* // *ę, on* // *ǫ*. Закономерно чередующиеся звуки должны представлять одну фонему, которая реализуется звуком, не обусловленным позицией, однако данный ряд возглавляет не одна фонема, а сочетание гласной и носовой согласной фонем. Поскольку доминантой в этом чередовании является фонемное сочетание, о парадигмо-фонеме мы не можем говорить.

В.В. Иванов, один из первых пытавшийся дать систематическое описание развития русского языка в фонологическом русле, исходил в своих учебниках современного русского языка из теории фонемы московской школы, а в книгах по исторической фонетике не разделял московского понимания фонемы и определял носовые [*ę*] и [*ǫ*] как самостоятельные гласные фонемы [3, с. 105]. И в этом случае В.В. Иванов с позиций московской школы перемещается в область понимания фонемы Л.В. Щербой, который основным признаком фонемы считал *смыслоразличение*. В древнерусском языке были носовые фонемы <*ę*> и <*ǫ*>, поскольку они обладали теми важными качествами, которые могли участвовать в различении слов и морфем. Различаясь между собой важнейшим для того периода дифференциальным признаком ряда, эти гласные были противопоставлены всем остальным гласным по признаку назальности и участвовали в дифференциации смысла разных слов: *rǫka – rěka, pętь – pětь* и т. д. О самостоятельности носовых гласных говорит и представленная В.В. Ивановым сочетаемость гласных позднего праславянского языка: они были возможны как после твёрдых, так и после мягких согласных и противопоставлялись другим фонемам в тождественных фонетических условиях [3, с. 110].

Итак, в IX – начале X в. происходит утрата носовых гласных, которая заключалась в утрате ими признака назальности, в результате чего на месте [*ǫ*] стал произноситься [*u*], а на месте [*ę*] – звук [*'a*] после мягкого согласного. Новый гласный [*u*] органически объединился с [*u*] дифтонгического происхождения и в дальнейшем пережил общие с ним процессы. Носовой [*ę*], потеряв носовую артикуляцию, продолжал уже функционировать в системе вокализма как самостоятельная фонема <*ä*>, вступившая сначала в корреляцию по признаку ряда со старой фонемой <*a*>, а потом совпавшая с ней в период вторичного смягчения согласных.

В заключение определим иерархию фонологических единиц древнерусского вокализма после утраты носовых гласных [ę] и [ǫ], используя трёхчленную систему, предложенную Б.И. Осиповым.

Собственно гласных *фонем* было десять: <*е*>, <*о*>, <*ь*>, <*ъ*>, <*i*>, <*у*>, <*u*>, <*ё*>, <*а*>, <*ä*>. Они противопоставлялись в одинаковых позициях (после твёрдых согласных) по трём признакам: подъёму, лабиализованности и ряду – и тем самым различали слова.

На следующих этапах фонологического описания вокалической системы древнерусского языка можно сказать о возможных позиционно обусловленных разновидностях фонем (аллофонах), которые появляются в результате взаимодействия с согласными фонемами. Если таковые определяются, то следует говорить о таких фонологических единицах, как синтагмо-фонема и парадигмо-фонема.

На второй ступени фонологического анализа выделяются *синтагмо-фонемы* – «сильные» (без нейтрализованных признаков, их количество равно числу собственно фонем) и «слабые» <*е*>, <*ь*>, <*i*> (с нейтрализованным признаком ряда в оппозициях <*е*> – <*о*>, <*ь*> – <*ъ*>, <*i*> – <*у*>после мягких согласных).

И наконец, на последней ступени определяются *парадигмо-фонемы*, представленные гиперфонемами <*е/о*>, <*ь/ъ*>, <*i/у*> как совокупностью фонем <*е*> и <*о*>, <*ь*> и <*ъ*>, <*i*> и <*у*>, нейтрализованных по признаку передней / непередней зоны образования в позиции после мягких согласных. Звук в слабой позиции ([*е*], [*ь*] или [*i*]) чередуется с несколькими звуками в сильной позиции: после твёрдых согласных мог выступать как переднерядный ([*е*], [*ь*] или [*i*]), так и непереднерядный гласный ([*о*], [*ъ*] или [*у*]), поэтому речь идёт о гиперфонемах.

Мы видим, что в истории языка фонологи принимают за основу важные положения Л.В. Щербы и признают фонемой такую единицу, которая прежде всего способна дифференцировать слова и которая определяется признаками, отличающими её от других фонем. Главной и определяющей в диахроническом анализе системы, т. е. в определении фонем и описании основной фонологической единицы (собственно фонемы) на определённом этапе развития языка, становится теория петербургской школы.

Теория московской школы для определения состава фонем в диахронии не даёт достаточных оснований, она играет вспомогательную роль для рассмотрения языковых реалий прошлого – для определения фонологических единиц другого, более абстрактного порядка (синтагмо-фонем и парадигмо-фонем) и их отношений в системе. В целях создания целостной и системной картины взаимоотношений фонологических единиц в диахронии необходимо использовать и идеи МФШ.

Список использованной литературы

1. *Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1945. Ч. 1. Фонетика и морфология. 234 с.

2. *Бернштейн С.И.* Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания. М.: Издательство АН СССР. 1962. № 5. С. 62–81.

3. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.

4. *Осипов Б.И.* Варьирование фонем и проблема консолидации фонологических школ // Варьирование в языке и культуре речи. Томск, 2012. С. 15–18.

5. *Осипов Б.И.* Понятие позиции и «физикалистские» фонологические школы // Вопросы русского языкознания. Куйбышев, 1976. Вып. 2: Русский язык и его диалекты. С. 35–45.

6. *Осипов Б.И.* Теория фонемы – антропоцентрический аспект фонетики. Размышления над книгой В.В. Колесова «Русская историческая фонология» // Мир русского слова. М., 2013. № 3. С. 4–10.

7. *Панов М.В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.

А.В. Михайлов
Сибирский государственный университет науки
и технологий им. академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск

Т.В. Михайлова
Сибирский государственный университет науки
и технологий им. академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск

УДК 811.161.1

Отражение предикативных «узлов» в древнерусском рукописном тексте

Аннотация. В работе обсуждается фрагмент истории русского языка и древнего русского рукописного текста, а именно отражение в пунктуационных знаках смыслового членения и синтаксиса. В данной работе это явление получило название «узлов предикации», или «предикативных узлов». Авторы опираются на труды В.В. Колесова, Б.И. Осипова, Д.Г. Демидова и др. В трудах профессора Б.И. Осипова систематизированы знания о развитии системы орфографии и пунктуации русского языка.

Отражение на письме синтаксического членения древнерусского текста в знаках пунктуации описано на материале более 100 рукописей из разных хранилищ России. Эти рукописи относятся к X–XVII векам. Данные пунктуации рукописей дополнены показаниями древнерусских грамматических сочинений о системе знаков пунктуации.

Ключевые слова: древнерусский текст, рукописи, пунктуация, «предикативные узлы», смысловая структура текста, синтаксические единицы.

A.V. Mikhaylov
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russia

T.V. Mikhaylova
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russia

The Reflection of the Predicate “Nodes” in Ancient Russian Hand-written Text

Abstract. The paper discusses a fragment of the history of the Russian language and the ancient Russian handwritten text. It is a reflection in punctuation marks of semantic division and syntax. He called in this paper “node predicate” or “predicate nodes”. The authors rely on the works of linguists V.V. Kolesov, B.I. Osipov, D.G. Demidov and others. In the works of professor B.I. Osipov systematized knowledge about the development of orthography and punctuation of the Russian language.

The reflection on the letter of the syntactic division of the old Russian text in punctuation marks is described on the material of more than 100 manuscripts from different repositories of Russia. These manuscripts date back to the X–XVII centuries. Data punctuation of the manuscripts are supplemented by the testimony of ancient grammatical works on the system of punctuation marks.

Keywords: old Russian text, manuscripts, punctuation, “predicative nodes”, semantic structure of the text, syntactic units.

© А.В. Михайлов, Т.В. Михайлова, 2019

Данная работа посвящена одному из интересных аспектов истории русского языка, а именно формированию системы способов отражения смыслового членения древнерусского текста в системе средств пунктуации. Эти приемы и в целом древнерусская традиция интересовали профессора Бориса Ивановича Осипова, к которому авторы статьи всегда испытывали глубокое уважение и личную симпатию. В целом ряде трудов Б.И. Осипова отдается дань этой проблематике [6; 7].

В трудах по истории русского языка очень важно не упустить за синтаксическими, семантическими, грамматическими, орфографическими, пунктуационными явлениями общий смысл, аксиоматику и аргументацию создаваемого в текстах Древней Руси мировоззрения. Эта черта – внимание к целому – характерна для трудов больших мыслителей, к каковым, без сомнения, можно отнести Бориса Ивановича.

Профессор СПбГУ В.В. Колесов говорит о системе мировоззрения древнерусского человека: «… о русской ментальности как о глубинном корне народной жизни – содержании, которое постоянно ищет новых форм <…>, о ментальности народа можно говорить только в исторической перспективе. Тогда она не конструируется, а воссоздается в действительных своих различиях <…> аналитическое дробление исходного синкретизма мысли-слова, в результате чего сознание воссоздавало отношение *род-виды* метонимической связью идеи с вещью: синтез источников развивающейся ментальности, <…> совершился полный оборот идеологически важного соотношения между миром реальным (идеальным, помысленным, идейным) и миром действительным (действенным, действующим), от прагматичного номинализма через романтику реализма и рассудочность концептуализма ко взвешенной и устоявшейся в русской традиции точке зрения «русского неореализма» [3, с. 11].

Древнерусский рукописный текст после крещения Руси создавался в условиях сложившейся традиции (традиций), перенимая в своих структурных, формальных и внешних свойствах и качествах те образцы, которые сформировались в течение веков в византийской церкви.

При этом способы отражения синтактико-смысловых черт текста на письме могли быть относительно своеобразными и развиваться уже на славянско-русской почве.

Авторы исходят из того, что наблюдали в более чем 100 рукописных книгах от X века до XVII. Изучалась система средств пунктуации как отражение смысловой и синтаксической организации древнерусского текста.

Очевидно, что правы составители «Церковнославянской грамматики»: «Знаки препинания складывались постепенно и приобрели нынешний вид примерно к XVIII веку. Система их следует «Грамматике» Мелетия Смотрицкого [1; 2, с. 315]: «церковное письмо отражает смысло-ритмическое деление предложение наиболее полно и точно» [2, с. 325].

Авторы опираются также на исследования И.В. Ягича, в частности, на его публикационно важную работу «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», в которой собраны труды древних книжников на грамматические темы, опубликованы и прокомментированы «Азбуковники» и подобные сочинения [8].

В данном же тексте отдельно взят фрагмент, связанный с так называемыми «предикативными узлами».

Уровни предикации древнерусского письменного текста можно соотнести с пониманием всеобщей предикации. В тексте ее лучше всего соотнести с различными по объему фрагментами. Мы обнаруживаем в древнерусских азбуковниках понятие «уряда», или «уряжения», что можно трактовать примерно как современное «словосочетание». Можно особо выделить значения этого слова: ‘устроение’, ‘расположение’, ‘установление’ и т. п. [9, стлб. 1262–1263]. Можно считать, что термин древнерусской грамматики *уряд* имеет общее значение упорядочения, гармонизации, лада.

Уряды встречаются как в тексте, так и в заголовках произведений. Они выделяются при помощи либо точки, либо «розставки» (пробела), либо сочетанием точек в виде креста, прописными буквами, либо «киноварным» написанием, либо иным образом.

Уряды могут иметь иерархию даже в заголовке произведения: уряды, указывающие на автора текста («от св. Епифания», «Иоанна Златоуста» и др.), обозначающие жанровую соотнесенность («слово», «повѣсть», «притъча», «канонъ» и т. п.), очевидно выше по статусу, нежели иные уряды.

В современных публикациях (и вообще в публикациях не фототипического способа), к сожалению, производится неизбежное упрощение системы средств выделения урядов, пунктуационные средства древнерусского текста заменяются на запятые, точки, пробелы. Это приводит в ряду упрощений и смыслового плана.

Древнерусский текст, который мы анализируем как арену встречи трех миров, трёх сфер, демонстрирует связи-сопряжения словесного, идеального и физического. Эти связи более точно можно назвать предикацией. Предикация может рассматриваться как процесс и как результат. Отдельные предицирующие узлы и моменты присутствуют в тексте в виде «стихов», «урядов», периодов [4, с. 149].

Эти же предикативные узлы на лексико-семантическом уровне трансформируются в номинативные и глагольные словосочетания. Размеренность, связность потока речи, потока предикации находит свое наиболее явное отражение в пунктуации и графико-орфографическом оформлении текста. Таким образом, существуют интенсивные взаимоотношения между этими проявлениями предикативности в тексте [4, с. 107].

Внутренняя форма слова, которая связана с признаками обозначаемого предмета (как указано А.А. Потебней), мотивирует именование как акт предикации по одному из возможных признаков. На синтаксическом (формальном) уровне номинацию можем связывать с отдельным «минимальным» урядом.

Акт именования и его результат представляют собой минимальный участок такой действительности. Слово может обозначать субстанции как субъект («творець», «кънязь», «Богъ»), объект («пълкъ», «мѣсто»), процесс («поношение», «страсть» ‘страдание’), признак («дѣвьствьнии», «сионьску»), может лишь указывать на субстанции, процессы и признаки либо отсылать к предыдущему содержанию (независимо от его объёма – «самъ», «ихъ», «вься»). Наиболее ёмкие в этом смысле те, которые относятся к теме целого текста, например, в заголовке. Отдельное слово, таким образом, имеет предикативную силу.

Особенное внимание следует уделить синтаксическим группам, в которых важнейшую роль играют глаголы и приглагольные слова. Глагольное слово становится в центр предикативной единицы.

Здесь «пунктирно» указаны лишь некоторые проблемы выявления связи между древнерусской пунктуационной системой и понимания устройства текста, и авторы с неизменной теплотой вспоминают труды профессора Б.И. Осипова. В них определены принципы реконструкции аксиом древней и современной русской пунктуации, в них даны и векторы дальнейших исследований.

Как отмечено Е.А. Никитиной и М.А. Харламовой, «обсуждение вопросов истории русской орфографии и пунктуации на любом уровне сегодня невозможно представить без обращения к трудам Б.И. Осипова. Он является автором <…> [настаивающим] не на описании отступлений от правил, а на реконструкции самих этих правил в письменном узусе» [5, с. 208].

Список использованной литературы

1. *Демидов Д.Г.* Славянорусский (славянороссийский) язык – лингвистическая реальность (языковая действительность) конца XVIII – начала XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 9. Вып. 3. С. 13–24.

2. *Демидов Д.Г., Невзорова Н.Н., Шумская Н.Н.* Церковнославянская грамота. СПб., 1998. 588 с.

3. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 624 с.

4. *Михайлов А.В.* Древнерусский текст: пунктуация и предикация: дис. … канд. филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. Машинопись. 231 с. На правах рукописи.

5. *Никитина Е.А., Харламова М.А.* Юбилей профессора Бориса Ивановича Осипова // Вестник Омского университета. 2009. № 4. С. 208–209.

6. *Осипов Б.И.* История русского письма: дис. ... докт. филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 414 с.

7. *Осипов Б.И.* История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1992. 253 с.

8. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянком языке / Собрал и объяснил И.В. Ягич. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1885–1895. Исследования по русскому языку. Т. I. 1069 с.

9. *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. I–III. М.: Книга, 1989. 5237 с.

Е.А. Никитина
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 801

Теория письма профессора Б.И. Осипова

Аннотация. Б.И.Осипов является автором более 400 научных работ в различных областях культуры. Данная статья посвящена обзору работ по истории орфографии и пунктуации, которые составили не только историю, но и полноценную теорию письма. Эта теория основывается на исходном положении о специфике нормы в средневековом письме и на авторском толковании понятий «орфограмма» и «принцип орфографии». История орфографии и пунктуации описывается Осиповым как борьба конкурирующих приемов записи языковых элементов и приводит автора к формулированию теории орфографических реформ. Не менее значимы для науки и уроки истории русского письма, сформулированные автором в результате многолетних исследований письменных памятников. Идеи профессора Б.И. Осипова оказались плодотворными, нашли продолжение и развитие как в трудах его учеников, так и коллег-единомышленников.

Ключевые слова: Б.И. Осипов, история письма, принцип орфографии, теория орфографических реформ.

E.A. Nikitina
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The Theory of Writing by Professor B.I. Osipov

Abstract. B.I. Osipov is the author of more than 400 scientific papers in various fields of culture. This article is devoted to a review of works on the history of spelling and punctuation, which constituted not only history, but also a full-fledged theory of writing. This theory is based on the initial position about the specifics of the norm in medieval writing and on the author's interpretation of the concepts of “orthogram” and “principle of spelling”. The history of spelling and punctuation is described by Osipov as a struggle of competing methods of recording language elements and leads the author to formulate a theory of spelling reforms. No less significant for science are the lessons of the history of Russian writing, formulated by the author as a result of research of written records. Ideas of Professor B.I. Osipov proved to be fruitful, they found continuation and development in the works of his students and like-minded colleagues.

Keywords: B. Osipov, writing history, spelling principle, spelling reform theory.

Обсуждение вопросов теории и истории письма (и не только русского) сегодня невозможно представить без обращения к трудам Б.И. Осипова, автора более 400 научных работ в различных областях культуры (лингвистики, истории, культурологии и др.).

Конечно, всемирно известным его сделали работы по истории русской орфографии и пунктуации, которые в совокупности составили полноценную теорию письма. Именно этим аспектам его научного наследия и посвящена данная статья.

Орфография (да и письмо в целом) занимает довольно странное положение в общественном сознании: у рядового носителя языка обычно школьные штудии воспитывают систему главенства орфографии в языковой системе, профессионалы-лингвисты же очень долго отказывали орфографии в связи с языковой / речевой системой. Все изменилось, когда «…вслед за Н.Н. Дурново, Г.О. Винокур впервые поставил задачу изучения орфо-

© Е.А. Никитина, 2019

графии не как материала для фонетических реконструкций, а как самостоятельной формы выражения письменной речи» [1, с. 56]. В свете этого нового взгляда и появились работы В.Ф. Ивановой, В.В. Колесова, В.М. Маркова, О.А. Князевской, Л.П. Жуковской, Б.И. Осипова и их последователей (о которых позже). Что же отличает теорию письма профессора Б.И. Осипова?

Думаю, что фундаментальным для него стало положение о том, что древнее и средневековое письмо отличалось от современного подходом к понятию «норма»: «…старинная норма строится по схеме «нельзя – можно», а современная – «нельзя – нужно», стремясь не оставлять места для факультативности. Примером может служить его правило расстановки знаков препинания: «…внутри минимальной синтагмы нельзя ставить знак препинания – в конце можно, но можно еще не значит обязательно» [4, с. 269]. При этом он настаивал на разграничении понятий правило / норма: правило – это кодифицированный закон письма, а норма – система практических ориентиров, складывающихся непосредственно в конкретном типе письма и выявляющихся по памятникам письменности. Норма – это фактически исполняемый закон письма, хотя бы он не был сформулирован. Именно выявлению этой самой нормы русских текстов и посвятил свои труды Борис Иванович. Нормативность варианта написания определяется методом количественной интерпретации орфографических данных, а динамика цифровых показателей свидетельствует об изменении нормы – и в этом тоже уникальность работ профессора Осипова: они насыщены (иногда кажется, что даже перегружены) примерами живых орфографических написаний, подсчетами, цифрами, процентами, именами. Достоверность его выводов объясняется и скрупулезным подбором материала: выбирались памятники (или отрывки из них), отражающие «более бытовые» жанры не литургического характера (насколько это было возможно в древнерусской письменности), принадлежащие перу разных писцовых школ, был проведен анализ почти 200 письменных памятников XI–XX вв., среди которых «Остромирово евангелие», «Изборники» 1073 и 1076 гг., «Новгородская псалтырь», «Успенский сборник», древнейшие летописи, берестяные грамоты, «Апостол Ивана Федорова», «Домострой», «Уложение 1649», «Вести-куранты», «Житие протопопа Аввакума», автографы М. В. Ломоносова и др. И в этом Борис Иванович, конечно, продолжатель традиций великих русских палеографов Е.П. Щенникова, М.А. Соколовой, О.А. Князевской и др.

Специфична и структура системы письма Б.И. Осипова, в рамках которой он, кажется, вполне традиционно выделяет графику, орфографию и пунктуацию. Но в рамках графики он рассматривает именно лингвистические аспекты истории графики: 1) изменения значений букв, которые, по его мнению, «значительно важнее, чем изменения их начертаний» (впрочем, без его работ по русской скорописи современная наука осталась бы слепой – с его уходом правильность прочтения многих текстов теперь будет под вопросом); 2) изменение состава и значений диакритик, 3) принципы графики (побуквенный и слоговой); 4) судьбу строчных, прописных и выносных начертаний букв; 5) судьбу знаков специального назначения (цифирь, ноты и пр.). Орфография обычно состоит из трех частей: правила передачи фонемной структуры слов, правила членения на слова, правила переноса слов. Борису Ивановичу традиция включать в орфографию правила разбивки текста на слова видится спорной – и он относит этот раздел к пунктуации.

Конечно, самым важным для теории письма профессора Осипова оказывается вопрос о понятии «орфограмма» и о принципах орфографии. Их рассмотрение не может не вывести к спорам о фонологических школах, в которых Борис Иванович, как известно, стоит на позициях ЛФШ и довольно критичен по отношению к МФШ. Не буду подробно останавливаться на этом вопросе, отмечу лишь, что теория орфографии скорректирована им введением понимания *типа* письма. Так, на сегодняшний день под *принципом орфографии* понимается «руководящая идея», которая составляет установку для участника естественной письменной коммуникации, этих принципов только два – фонетический

(«так пишется, потому что так произносится») и традиционный («так пишется, потому что так принято»), а *тип* написания определяется объективно-исторической причиной установления орфограммы именно в данном виде: при фонетическом принципе мы имеем дело с фонематическим типом, или с аллофонным (отражаются не аллофоны, а фонемы: *ра**з**валить, ра**з**ум*). При традиционном принципе – с историческим типом (сохранение старого написания при любом типе чередования: *его, шить*), морфологическим типом (старое написание сохраняется только при позиционном чередовании: *г**о**ра, т**о**пить, **е**жи*) и гиперическим типом (если новое написание возникает вопреки как происхождению фонемы, так и ее звучанию: *к**о**лготки*). Кроме того, вводится так называемый проверочный тип, но он должен привести к большому числу вариантов в орфографии (*т**о**пить и т**а**пить*, потому что *топит* и *вытапливает*), и символический (цифры, сокращения, заглавные буквы). Предложенный подход скорректирован с учетом исследования естественной письменной коммуникации рядовых носителей языка.

Таким образом, в связи с фундаментальностью для теории письма Б.И. Осипова понятия «принцип орфографии» выстраивается совершенно оригинальная история русского письма (а потом и не только русского): в более ранних исследованиях история орфографии начиналась не с первых письменных памятников славян, а с того момента, когда в обществе возникают научные споры о природе правописания. Такие споры начали вести только с появлением в России Академии наук, то есть, по сути дела, с Петровской эпохи. Поэтому в работах такого рода исследовалась не реальная практика правописания, а дискуссии по вопросам правописания [2]. У Б.И. Осипова же история письма начинается не с XVIII в., а со времени появления первых письменных памятников на Руси, орфография которых строилась на комбинации фонетического и традиционного принципов. XI–XIII вв. характеризуется зависимостью от южнославянской письменной традиции, в силу чего в памятниках представлено значительное количество традиционных написаний. Основная тенденция этого периода – постепенное освобождение от южнославянской зависимости и увеличение числа фонетических написаний. В XIV в. происходят существенные изменения в русской орфографии, обусловленные значительными фонетическими изменениям. Именно в это время русская орфография, по мнению Б.И. Осипова, начинает ориентироваться на морфологический принцип: позиционные изменения согласных, вызванные падением редуцированных, на письме не отражаются. Тенденция к морфологическим написаниям была осложнена вторым южнославянским влиянием, во время которого увеличивается число условных написаний, но в эту же эпоху происходит унификация русской орфографии. «Русская орфография в середине XVI в. избавляется, наконец, от груза исторических написаний, связанных как с эпохой редуцированных, так и со вторым южнославянским влиянием» [4, с. 145]. В это время происходит фонетизация русского письма, но его морфологические основы, по мнению Осипова, сохраняются.

Появление книгопечатания по-новому ставит вопрос об орфографии. Появляются печатные грамматики церковнославянского языка, которые в силу своей авторитетности в образованной среде (для того времени большей частью церковной) оказывали влияние на орфографическую практику. Так, в изданном Иваном Фёдоровым в 1564 г. «Апостоле» «в области графики наблюдаются известные уступки традиционно-историческим установкам, не исключая и элементов второго южнославянского влияния, хотя и в заметно ослабленном виде» [4, с. 151].

В 1675 г. появляется указ Алексея Михайловича, в котором допускаются орфографические погрешности в деловом письме. «В рукописной литературе выделяются две группы памятников: со всё более значительными уступками фонетическим написаниям и со стремлением удержать традиционно-морфологическую орфографию. Печатные издания придерживаются второй линии, хотя имеются и исключения» [4, с. 183].

Важным шагом в развитии русского письма была реформа Петра I. На протяжении XVIII в. сохраняются две традиции написания: книжная и рукописная, однако постепен-

но начинают складываться единые нормы орфографии, ориентированные на книжную традицию, в рамках которой морфологический принцип орфографии проводился более последовательно.

В истории орфографии XIX в. утрачивается масштабность орфографических преобразований, которая была характерна для предшествующих эпох, зато растет «…стремление к мелочной регламентации. Мы не ошибёмся, если скажем, что орфографический педантизм и орфографический террор – порождение именно XIX в.» [4, с. 196].

Реформу русской орфографии 1917–1918 гг. Б.И. Осипов не разбирает подробно, адресуя читателя к работам Т.М. Григорьевой, в которых этот период в истории письма тщательно описан. И в этом в очередной раз отражается исключительный научный педантизм профессора Осипова в отношении авторских прав – он скрупулезен в ссылках как на работы классиков, так и на работы своих учеников. Историю русской орфографии XX в. Б.И. Осипов представляет как череду незначительных поправок и бурных профессиональных и общественных обсуждений возможных изменений.

История пунктуации, можно без сомнения сказать, впервые представлена научному миру как переход от коммуникативно-синтаксического принципа к конструктивно-синтаксическому.

Непосвященным эти страницы работ Б.И. Осипова покажутся «башней из слоновой кости», «наукой ради науки». Но такой непрагматический подход невозможен для профессора, выросшего в глухой сибирской глубинке. Его внешне абсолютно наукообразные размышления приводят к выводам практического характера о возможности / невозможности орфографических реформ. Б.И.Осипов формирует целую теорию орфографических реформ, состоящую из следующих положений:

1) графико-орфографические реформы «всегда возникали как продукт значительных общественных движений – продукт побочный и необязательный…»;

2) искусственная архаизация, или мелочная регламентация русской письменности терпела крах на протяжении всей русской истории, а радикальная и прогрессивная реформа увенчалась успехом;

3) при радикальной реформе наиболее медленно приживаются наименее частотные нововведения;

4) примерно в течение 10 лет после реформы снижается уровень грамотности, орфография (или ее реформирование) всегда нуждается в поддержке авторитета;

5) орфографические проекты не должны выноситься на широкое обсуждение.

В 1992 г. Б.И. Осипов сформулировал основные задачи исследований письма, большая часть из которых уже в какой-то степени решена его учениками – представителями омской лингвистической школы: экспериментальное исследование механизмов письма и чтения, создание теории и типологии орфографических реформ, описание истории отдельных частей письменной системы (история переноса слов, пунктуации), изучение графической интерференции и создание общеевропейского алфавита и др. (Елена Бреусова, Лидия Попова, Елена Никитина, Владимир Попков, Дмитрий Парамонов, Наталья Камынина, Владимир Безъязыков, Людмила Пушкарева и др.). Идеи профессора Б.И. Осипова оказались плодотворными, нашли продолжение и развитие как в трудах его учеников, так и коллег-единомышленников. Так, например, взгляд на орфографию как на предмет общего языкознания привёл профессоров Николая Даниловича Голева и Наталью Борисовну Лебедеву к осознанию антиномического характера орфографической деятельности и развитию целой научной школы изучения живой, обыденной орфографии.

В своей итоговой работе 2010 г. «Судьбы русского письма» профессор Б.И. Осипов пришел к 10 уроками истории русского письма:

1) изменения письма носят перманентный характер при неравномерности развития разных ее участков: так, приемы написания слов развивались довольно активно и «целе-

направленно», деление текста на более мелкие языковые единицы развивалось гораздо медленнее от лексико-синтаксического к лексико-морфологическому принципу словоделения; графика развивается крайне медленно, ведущий ее принцип – слоговой – сложился уже в XI веке и остается ведущим до сих пор;

2) еще раз подчеркнут особый характер древней письменной нормы;

3) в отношении ведущего принципа современной орфографии был сделан вывод о том, что большая часть непроверяемых написаний оформляются согласно морфологическому принципу (вернее – по Осипову – морфологическому типу традиционного принципа);

4) при реформировании письма любое предложение неадекватнофонемных написаний должно быть отклонено;

5) письмо представляет собой целостную систему, а значит, есть какая-то степень корреляции изменений ее частей: так, переход от лексико-синтаксического к лексико-морфологическому членению текста на слова возродил исчезнувшие уже редуцированные гласные после предлогов на согласные, или употребление выносных явно коррелирует с изменением принципов переноса слов и др.;

6) судьба письма определяется и экстралингвистическими факторами, в частности, реформирование письма всегда проходит на волне роста общественных движений;

7) Б.И. Осипов отдает должное развитию технологий, позволяющих обществу иметь большее число эталонных в орфографическом отношении текстов (при всем скепсисе отношения Бориса Ивановича к технике);

8) конечно, в работе признается иноземное влияние на русское письмо (раздельное написание слов – из польского, петровская реформа – под влиянием германских письменностей, из европейской культуры были заимствованы горафические системы спецназначения, например, музыкальная и естественно-научная графика); при этом профессора восхищает стихийно-критическое отношение средневековых русских писцов к иноземным графико-орфографическим идеалам;

9) в очередной раз подчеркнута роль подлинно научной лингвистической доктрины в развитии письма (успех «большевистской» реформы обусловлен теорией Шахматова, Фортунатова);

10) современная система письма ведет к чрезмерной кропотливой работе по его регламентации, что часто приводит к сверхпедантизму, принимающему иногда форму орфографического террора. Конечно, профессор Осипов против орфографического террора, но он ревностный сторонник здравого реформирования письма: «В одной из работ по истории письма реформаторы орфографии приравнивались к разрушителям храмов и библиотек. Но разрушать… можно по-разному. Кто-то их жжет или взрывает, а кто-то просто не ремонтирует. Я не знаю, какое разрушение хуже. Я знаю, что гораздо лучше – своевременно ремонтировать обветшавший храм или давшую трещину библиотеку. Вот к этому последнему типу поведения я и приравнял бы усилия тех, кто стоит за научно обоснованное усовершенствование письма путем реформ» [3, с. 272].

Список использованной литературы

1. *Колесов В.В.* Введение в историческую фонологию. Л.: Ленградский гос. университет им. А.А. Жданова, 1982. 120 с.

2. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1965. 500 с.

3. *Осипов Б.И.* К истории языка, письма и культуры: Избранные статьи. Омск: Литера, 2015. Т. 2. 492 с.

4. *Осипов Б.И.* Судьбы русского письма: история русской графики, орфографии и пунктуации: монография. М.: Ин-т русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. 320 с.

Т.П. Рогожникова
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 811.161.1-112+801.8

Варианты глоссирования в старорусских житиях

Аннотация. На примере текстовых лексических пар анализируется соотношение заимствованной, книжной и разговорной лексики в агиографических текстах. Применен историко-стилистический метод, в основе которого лежит функциональный аспект истории русского литературного языка. Выявляются семантические модели оппозиций и функции глоссирования (пояснение, конкретизация, абстрагирование). Материал свидетельствует о маркированности обиходно-бытовой лексики в агиографическом тексте как инородной.

Ключевые слова: агиография, глосса, лексико-семантические оппозиции, пояснение, конкретизация, абстрагирование.

T.P. Rogozhnikova
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Options Gliding in the Old Russian Lives of Saints

Abstract. The ratio of borrowed, book and colloquial vocabulary in hagiographic texts is analyzed on the example of text lexical pairs. The historical and stylistic method is applied, which is based on the functional aspect of the history of the Russian literary language. Identifies semantic model of oppositions and functions of glossing (clarification, concretization, abstraction). The material testifies to the marking of everyday vocabulary in the hagiographic text as foreign.

Keywords: hagiography, gloss, lexico-semantic opposition, clarification, concretization, abstraction.

Настоящее исследование выполнено в русле исторической стилистики – отрасли исторического языкознания, основной проблемой которой является функциональный аспект истории русского литературного языка. Наиболее сложной проблемой этого направления лингвистами-историками признается зарождение идеи среднего стиля как основы нормы, а также проблемы стилистического отбора нормативных вариантов и, в целом, проблемы нормирования языка и стиля в отсутствие кодификации.

Материалом исследования послужили тексты официальной книжной разновидности старорусского периода – жития, включенные в состав Великих Миней Четий: тексты как ранние (XV в.), так и середины XVI. Включенность житий в этот знаменитый компендиум означало признание их образцовыми в жанровом и текстовом отношении произведениями, язык которых характеризовался отталкиванием от разговорности во всех ее проявлениях.

Целью исследования является соотношение заимствований, книжной и разговорной (деловой и бытовой) лексики в пределах житийных текстов. В качестве объекта исследования рассматриваются лексические пары, соотносимые в тексте как оппозиции «заимствованное – исконное» и «книжное – разговорное». Предметом являются способы семантического соположения оппозитов (эквиполентность, градуальность), механизмы и функции глоссирования (пояснение, конкретизация, абстрагирование и др.).

© Т.П. Рогожникова, 2019

В работе использован комплекс методов, главным из которых следует признать историко-стилистический, подразумевающий функционально-семантический анализ в тексте и в складывающейся стилистической системе. Следует уточнить, что историческая стилистика отличается от других отраслей исторического языкознания своей «надуровневостью» и «общефилологическим характером», изучением языковых явлений в динамике [3, с. 155]. Необходимо также отметить, что наименование «глоссирование» в сравнении с традиционным употреблением данного понятия как толкования иноязычного слова путем подбора более понятного в данной языковой среде эквивалента в рамках нашей статьи передает сущность рассматриваемых текстовых единиц как парного соположения языковых средств. При этом парность исследуется как в пределах текста, так и в пределах редакций одного текста.

Анализ житий «Макариевского цикла» позволяет говорить о складывающемся в конце XV – середине XVI вв. функциональном распределении стилистических ресурсов трех групп: книжных единиц (с XVIII в. – «славянизмов»), бытовых и разговорных средств (с XVIII века – «просторечия») и заимствований – трех стилистических пластов, вокруг которых разгорались ожесточенные споры в XVIII–XIX вв.

Назидательная направленность макариевских житий нашла своеобразное отражение в борьбе с крайностями языка и стиля. С одной стороны, устранялись «иностраньские пословицы», с другой – факты «общей речи», поскольку первые нарушали требование простоты и ясности изложения, вторые лишали житийный текст достоинства – очень важной характеристики, выполняющей функцию нормы в средние века.

Анализ конкретных текстов «Макариевского цикла» позволяет говорить о различном отношении к выделенным двум типам «излишеств» в конце XV и в середине XVI вв. В житиях XV в. отношение к заимствованиям проявляется непосредственно в тексте и реализуется не как их устранение, а как приведение в соответствие с русскими вариантами (как правило, греческих слов). Внешне такой прием пояснения обнаруживает сходство с глоссированием: содержание греческого термина раскрывается через доступное пониманию обозначение реалии. Текстовая эквиполентность подобных оппозиций мотивирована конкретностью семантики оппозитов и их полной семантической тождественностью. Глоссирование в житиях XV в. близко к подобному способу языковой и текстовой работы древнерусского периода [2, с. 190–195]. Как правило, в текстах представлены греческо-славянские оппозиции: *и в* ***дохию*** *сирѢчь* ***казноу*** *отношахоу роукодѢліе* (ЖтКБ, л. 265); *таже посылаемъ бываетъ от настоятеля в* ***магерню*** *сирѢчь в* ***поварню*** (ЖтКБ, л. 189).

Характерно, что и греческий, и славянский вариант могут употребляться в тексте изолированно, вне глоссы: *изыти от* ***поварни****… помале же настоятель посылаетъ его пакы в* ***поварню…****тѢм же паки Кирилъ отходитъ в* ***поварню*** (ЖтКБ, л. 295). Видимо, глосса как способ пояснения была актуальна до тех пор, пока русское слово не стало эквивалентом греческого, а в качестве элемента текста (введение «авторитетно» маркированного грецизма) использовалась лишь в житиях первой половины XV в. В житиях ВМЧ конца XV в. глоссы не употребляются вовсе, а в созданных к канонизации на соборах по заказу Макария встречаются лишь в житиях, ориентированных на тексты сербского агиографа Пахомия Логофета, – в житиях Ферапонта и Мартиниана.

В отличие от лексических пар конкретной семантики, семантически абстрактные оппозиции «заимствованное – славянское» имеют в системе житийных текстов градуальный характер, при этом славянский вариант семантически шире, нежели грецизм-термин: *изыде же* ***поламонарь служитель церкви*** (ЖтПБ, л. 67 об.). Возможны и обратные замены, когда многозначное славянское по происхождению слово заменяется в одном из своих значений греческим термином, достаточно хорошо усвоенным в церковном обиходе: *настоятель* ***запрещеніе*** *томоу даяше, рекше* ***епитемью*** (ЖтКБ, л. 58). Смысловые

отношения в подобных объяснениях строятся по типу уточнения, а не соотнесения единиц разной языковой природы, как это происходит в глоссе. Характерно, что в обоих случаях в текстовом ряду соотнесены славянские по происхождению слова, родовые по смыслу, и греческие термины, уточняющие их и являющиеся по отношению к ним видовыми характеристиками. Оба компонента раскрывают свой смысл в рядоположенности. Таким образом, глосса является частным случаем пояснения, растворяется в нем.

Смысловые отношения строятся по родо-видовому принципу и в следующих случаях: *к симъ поставляетъ и* ***властели*** *по всѢм градомъ отъ безбожныхъ агарянъ . ихже* ***баскакы*** *нарицаетъ половецкымъ языкомъ* (ЖтПБ, л. 64 об.). Церковнославянская лексема, семантически обобщенная и неопределенная, уточняется тюркизмом с указанием (хотя и неточным) на его лингвистический источник.

Относительно стиля житийных текстов особенно важны примеры книжного и разговорного (обиходно-бытового) соответствий: *и видитъ тамо безсчисленно множество* ***рыбъ*** *. ихже мѢстная речь* ***сижкы*** *обыче нарицають* (ЖтПБ, л.65)*; нѢкогда же оученикоу блаженаго нападе* ***болѢзнь окоу*** *. яже обычною рѢчью* ***преломъ*** *нарицается* (ЖтПБ, л. 71). Обиходно-бытовой вариант относится в данном случае к книжному как вид к роду, характеризуется конкретизацией семантики. Ремарка, отсылающая к разговорной речи, основана на понятии «обычный», тем самым переводит повествование в обыденную (тривиальную), доступную для понимания сферу бытия прихожан.

В XVI в. в светских жанрах в качестве средства реализации сходных единиц глоссирование вновь актуализируется в связи с введением в текст неизвестных ранее иностранных слов: *тѢхъ сребрениковъ положитивъ* ***корвану*** *сирѢчь въ* ***казну*** (Письма А. Курбского); *а новгороцкие посадници всѢ и тысяцкие, купци и житии людие* ***мастри*** *всякие, спроста речи,* ***плотници и горчары и прочии*** (Московский летописный свод) (Цит. по:[1, с. 340]). В этих примерах принцип дифференциации ремарок аналогичен минейному.

В этой функции лексические соответствия входят в общий прием пояснения, широко распространенный в минейных житиях: *посреде всѢхъ* ***оцѢпнѢлъ*** *и* ***разслабленъ*** *просто рещи* ***всеми съставы разскривлянъ и безгласенъ лежааше*** (ЖтДП, л. 81 об.); ***съвозлюбися*** *с нимъ, яко же рещи* ***оба едину волю имѢста духовную с любовью*** (ЖтГП, стб. 2273); *и слово его бѢше сладко вельми* ***божественною солию*** *растворено . сирѢчь* ***благодатью*** (ЖтФ, л. 33); ***терніе и волчець*** *възрасти тому повелѢ, сирѢчь* ***образъ грѢху и преступленію*** (ЖтМК, стб. 758). В приведенных примерах нет уточнения по родо-видовому принципу на основе соотнесения книжного и обиходного языка: в первых двух случаях описательно дано пояснение глаголов, в двух других истолковываются библейские метафоры.

Другим способом соположения книжного и разговорного вариантов является редактирование, особенно тот его тип, который условно можно назвать «стилистическим», представленный в Первой и Тучковской редакциях Жития Михаила Клопского. Первая редакция, созданная в пределах Новгородской земли около 1748–1479 гг., замечательна своим легендарно-биографическим содержанием и обилием разговорных и диалектных явлений. Редакция, созданная боярином В.М. Тучковым в 1537 г. по поручению Макария, носит рабочее название «тучковская».

Тучковская редакция, по замыслу автора, должна была стать книжным вариантом известного новгородского текста. Однако в функционально-семантическом плане она относится к легендарно-биографической не как высокий стиль к низкому, а как род к виду, что особенно ярко проявляется в замене слов и выражений, конкретных по значению: *отселе не пускаите* ***ни конеи, ни коровъ*** *на жары* (ЖтМК Перв., л. 129) – *да не повелитъ паствити близ села его* ***стадъ монастырьскых*** (ЖтМК Тучк., стб. 749). Смена форм повелительного наклонения (второго – на третье лицо) связана с устранением прямой речи,

в изобилии представленной в Первой редакции и переведенной в косвенную в Тучковской (также следствие повышения степени отвлеченности смысла). Диалектное конкретизирующее обозначение места *на жары* заменено неопределенно-обобщенным *близъ села*.

Аналогичное соответствие видового смысла родовому представлено в примере: *снемъ с себе* ***шубу*** (ЖтМК Перв., л. 162) – *и* ***одежоу*** *снемъ съ себе* (ЖтМК Тучк., стб. 752). Замена диалектного слова-термина происходит также в следующем фрагменте: *намъ человѢкъ тои* ***своитинъ*** (ЖтМК Перв. А, л. 163 об.) – *сеи старець* ***сродъствіа съоузомъ*** *намъ приплѢтается* (ЖтМК Тучк., стб. 739). Однако автору приходится прибегать здесь к описательному выражению степени родства с семантически отвлеченным глаголом в роли предиката, придающим сочетанию обобщенно-отстраненный смысл. Повышение степени семантической обобщенности происходит также за счет устранения конкретизирующего существительного: *чада, почто хлѢба* ***не ясте*** (ЖтМК Перв. А, л. 163) – *почто, чада,* ***не вкушаите*** (ЖтМК Тучк., л. 741). В данном случае конкретное развернутое выражение свернуто в семантически отвлеченное наименование. Замена объекта может осуществляться путем простой его замены: *въ трапезу* ***хлѢба ясти*** (ЖтМК Перв. А, л. 163) – ***да ядят*** *на трапезѢ* (ЖтМК Тучк., л. 741). В качестве усиления абстрактности изложения реализуются разные значения существительного *трапеза,* метонимически связанные по принципу конкретного и отвлеченного признаков: трапеза как ‘помещение, где принимают пищу’, и как ‘процесс ее принятия’.

Прием пояснения убедительно доказывает маркированность в рамках житийных текстов конкретно-вещественной сферы. В пределах житийных текстов чувственное (низкое) реализуется преимущественно на лексическом уровне: вводится бытовая лексика для придания повествованию конкретизирующего характера. Важно, что инородность таких включений специально акцентируется авторами. В результате важным оказывается градуальный характер оппозиции «высокое – низкое»: сфера «высокого» охватывает более широкую область влияния, включая и «среднее».

Список источников

ЖтКБ – *Житие Кирилла Белозерского:* РНБ, Соф. собр., № 1361, л. 285-337, XVI в.

ЖтМК – *Житие Михаила Клопского:* Редакция В.М. Тучкова: ВМЧ, январь, дни 6–11, М., 1914, стб. 734–740; Первая редакция: вариант А: РНБ, собр. Вяз., Q.278, л. 161–170 об.

ЖтПБ – *Житие Пафнутия Боровского*: РНБ, Соф. собр., № 1321, л. 64–80, XVI в.

ЖтФ – *Житие Ферапонта:* РНБ, Соф. собр., № 467, л. 14–48, XVI в.

Список использованной литературы

1. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978. 445 с.

2. *Ковтун Л.С.* Языкознание у восточных славян в XI–XV вв. // История лингвистических учений: Позднее средневековье: сб. ст. СПб.: Наука, 1991. С. 182–207.

3. *Тарланов З.К.* Место и своеобразие стилистики в парадигме историко-лингвистических дисциплин // Историческая стилистика русского языка. Сборник научных трудов / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 6–13.

С.В. Русанова
Новосибирский государственный
технический университет,
г. Новосибирск

УДК 811.161.1

Новые формы деловой письменной коммуникации XVIII в.: смена социокультурных стереотипов и проблемы практической реализации

Аннотация. В статье исследуются некоторые особенности функционирования в XVIII в. неизвестных приказному делопроизводству документных жанров, в частности промемории, обслуживающей «горизонтальные» отношения в системе государственного управления. Функционирование данного жанра вводило в языковую практику подчеркнуто вежливый речевой этикет и способствовало распространению новой речевой культуры. Однако утверждение новых форм межведомственных отношений представляло собой сложный процесс, сопровождающийся рядом конфликтных ситуаций, обусловленных разницей в знаниях и представлениях участников деловой коммуникации.

Ключевые слова: деловая коммуникация XVIII в., речевой этикет, документный жанр, промемория, законодательные акты, региональная письменность.

S.V. Rusanova
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia

New Forms of Business Written Communication of the 18th Century: Change of Sociocultural Stereotypes and Problem of Practical Realization

Abstract. This article is devoted to the problem of development of document genres being unknown to mandative paperwork in the 18th century. The promemoriya which served the “horizontal” relations in the system of public administration was one of such genres. Functioning of the promemoriya entering new speech etiquette into language practice and promoting distribution of new speech culture was followed, however, by conflict situations which have been caused by distinction in understanding by participants of business communication of limits of subordination between structures of uniform hierarchical bureaucratic system.

Keywords: business communication of the 18th century, speech etiquette, document genre, promemoriya, legislative actions, regional writing.

Радикальные преобразования в разных сферах жизнедеятельности общества, начатые Петром I, обусловили необходимость реформирования делового языка, призванного обслуживать сложную систему государственного устройства, координировать отношения между его разными звеньями. Усложнение социально-экономической, административно-политической, судебно-правовой жизни приводит к расширению функциональных возможностей делового языка, активизации его жанрово-стилистического потенциала. Актуальными становятся выработка нового речевого этикета, неизвестных ранее форм выражения распоряжений, рекомендаций, отчетов, прошений.

Среди новых жанров особое место занимает промемория.В канцелярское делопроизводство она вводится именным указом от 28 июня 1723 г. «О сношении Коллегиям с неподчиненными им Канцеляриями промемориями, а с подчиненными указами» [6, VII: 4260]. Данная законодательная прескрипция была семиотически значимой, так как

© С.В. Русанова, 2019

утверждала совершенно новую форму общения между звеньями государственной бюрократической системы: коллегиям вменялось в обязанность по-разному обращаться к канцеляриям в зависимости от того, находились ли последние в их непосредственном подчинении или нет*. Кроме того, сопоставление промеморий с указами и доношениями в законодательном документе акцентирует внимание на том, что в функционально-содержательном плане они могли соотноситься как с распорядительной, так и отчетной документацией [8].

Историки и лингвисты отмечают активное функционирование промеморий на протяжении почти всего XVIII в. [1, с. 70; 9, с. 437]; из документооборота промемория выходит в начале 80-х гг. XVIII столетия. Данный тип документов, по мнению ученых, применялся в переписке между учреждениями, равными по рангу [3, с. 40], по социальному статусу [2, с. 139], по административной значимости [4, с. 31–32].

Региональные источники свидетельствуют, что круг учреждений, вступающих в переписку промемориями, был достаточно широк, поэтому говорить об однозначной административной равности не всегда легко. Так, по данным архивного фонда Троицкого Селенгинского монастыря, его адресатами и адресантами в подобной переписке были Ратуша Селенгинского дистрикта, Земская контора Иркутской провинции, Земская контора Селенгинского дистрикта, Канцелярия надворного суда Удинского пригорода, Духовный приказ Вознесенского Иркутского монастыря [5].

Исследования показывают: промемория была одним из первых жанров канцелярского делопроизводства, обслуживающих не вертикальные, а горизонтальные отношения в системе государственного управления, что отражалось в двунаправленности жанра: промемория, инициирующая переписку, всегда предполагала ответную промеморию. С этой коммуникативно-прагматической спецификой промеморий связано появление особой, неизвестной приказному языку этикетной официально-деловой формулы, ключевым в которой был глагол *благоволить* с нетипичным для него значением оптативной модальности [7]. Данная формула выступала средством выражения не только настойчивой рекомендации или вежливого приказа, но и вежливой просьбы принять отчетное уведомление. Ср. указанные формулы из промеморий разных архивных фондов: и о приеме сеі промемории и при неі окладные книги и додаточных денег и о даче ему Галецкому квитанцыи Иркуцкоі правинцыи *земская канторада благоволит учинитъ* по Его императорского величества указом [5, д. 4, л. 17]; и о ведении в Удинскъ в канцелярию надворноі суд *да благоволитъ* синодалные каманды Троецкого м[о]н[а]стыря св[я]тыі *отецъ архимандритъ Мисаил учинить* какъ Ея императорского величества указы повелеваютъ [5, д. 3, л. 258 об.]; для того *благоволитъ исетская пров: канц*: тех восприемниковъ *допросить*, которые и могутъ показать, что реченныя ево расколника толстых дети волею или неволею крещены [10, с. 27]; почему они тому образу и молебствие с водоос[вя]щением учинили, о чемъ *воскресенское духовное пр[а]вление благоволит быть известно* [2, с. 252].

Однако, как свидетельствуют законодательные акты эпохи, реализация закона о сношениях промемориями, ориентированного на новые стандарты государственно-административной политики, в делопроизводственной практике XVIII в. сталкивалась с рядом проблем, обусловленных различием в понимании границ подчиненности между

* Полный текст указа гласит: «Его Императорское Величество указал: в Магистрат, также в Полициймейстерскую и в другия Канцелярии, которыя имеют особыя правления и токмо под одною Сенатскою дирекциею состоят, а к Коллегиям не подчинены, в те из Коллегий, также и из тех Канцелярий в Коллегии писать промемориями; а которыя Канцелярии или Конторы подчинены Коллегиямъ, тем в Коллегии подавать доношения, а из Коллегий к ним посылать указы» [6, VII: 4260, с. 88].

структурами единой иерархической бюрократической системы. На протяжении всего времени функционирования промеморий периодически возникали межведомственные споры, связанные с неоднозначной интерпретацией социального статуса и административной «равности» учреждений, имеющих право (или обязанных) переписываться промемориями, что тормозило прохождение документации и решение поставленных задач. Так, в указе Сената от 28 июля 1738 г. «О сношениях находящихся под ведением Правительствующего Сената Коллегий и Канцелярий с подчиненными им Конторами, Канцеляриями и Приказами» отразился спор этих учреждений в отношении того, что «…подчиненныя к Коллегиям Конторы в прочия Коллегии и Канцелярии, которыя под одною Сенатскою Дирекциею посылают промемории, которых от них в тех Коллегиях и Канцеляриях, ссылаясь на вышеписанный Его Императорскаго Величества указ (т.е. указ 1723 г. – *С. Р.*), не принимают, а оныя подчиненныя к Коллегиям и Канцеляриям Конторы доношениями к ним писать не хотят, толкуя, что они к тем Коллегиям и Канцеляриям не подчинены, от чего ж в правлении дел остановка и продолжение чинятся» [6, X: 7624, с. 576–577]. Основанием для сенатского указа от 30 января 1769 г. «О сношении Консисториям с Провинциальными и Городовыми Канцеляриями по прежнему промемориями» послужил спор о форме сношения между коллегиями, канцеляриями, конторами и прочими «в равном преимуществе состоящими правительствами» и духовными правлениями, подчиненными святейшему Синоду, в частности между Новгородской губернской канцелярией и епархиальной духовной консисторией, отказывающейся принимать от провинциальной канцелярии и провинциального магистрата промемории и требующей доношений [6, XVIII: 13.246, с. 825–826]. Резолюция указа сводилась к следующему: в связи с тем, что «определение о переписках между собою сделано не по рангам их членов и служителей, а по мере порученных им дел», следует поступать «по преждевведенным на сей случай обрядам» [Там же, с. 826].

Черту под периодически вспыхивающими спорами о форме сношения между неподчиненными и неравными по рангу учреждениями подвел указ 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», в котором рекомендуется воздерживаться от перекрестных сообщений между неподчиненными и неравными учреждениями [6, XX: 14.392, с. 304]. Исключается из списка разновидностей документов и сама промемория, оставившая после себя прочно утвердившуюся этикетную формулу «благоволит/благоволите + инфинитив».

Таким образом, введение в канцелярское делопроизводство промемории утверждало альтернативную форму делового общения, вводило в языковую практику новый речевой этикет, способствуя тем самым распространению новой речевой культуры, подчеркнуто вежливого стиля речевого взаимодействияи свидетельствуя о смене социокультурных стереотипов. Однако утверждение новых форм межведомственных отношений, получивших отражение в подчеркнуто вежливом речевом этикете, представляло собой сложный процесс, сопровождающийся рядом конфликтных ситуаций, обусловленных разницей в знаниях и представлениях участников деловой коммуникации.

Список использованной литературы

1. *Бородина Е.В.* Тобольский надворный суд в 1721–1727 гг.: к вопросу о функционировании канцелярии // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. 2009. С. 70–75. URL: http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/3RNMK/012_Borodina.pdf (дата обращения: 05.02.2019).

2. *Косов А.Г.* Эволюция документных жанров XVIII века: На материале рукописных и печатных текстов Объединённого государственного архива Челябинской области: дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 273 с.

3. *Лукашевич А.А.* Виды документов в российском государстве первой четверти XVIII века на основе Генерального регламента // Советские архивы. 1991. № 4. С. 40.

4. *Майоров А.П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006. С. 31–32.

5. Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 262. Троицкий Селенгинский монастырь, оп. 1., д. 3–4.

6. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VII, X, XVIII, XX.

7. *Русанова С.В.* Глагол *благоволить* в региональном тексте промемории XVIII века и в словаре (на материале забайкальской деловой письменности) // Проблемы истории, филологии, культуры. Научный рецензируемый ж-л. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 2014. № 3 (45). С. 188–189.

8. *Русанова С.В.* Промемория в региональном делопроизводстве XVIII в.: функциональная направленность и жанровая специфика // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 2. С. 153–164.

9. *Трофимова О.В.* Жанрообразующие особенности русских документов XVIII в.: На материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.: дис. … докт. филол. наук. Тюмень, 2002. С. 437.

10. Челябинская старина: Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи. Составитель Е.Н. Сухина (Воронкова). Челябинск, 2005. 174 с.

Ф.Г. Хисамитдинова
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
г. Уфа

УДК 811.512.141:003.3(09)

Из истории башкирского письма

Аннотация. В статье рассматривается история башкирского письма в тесной связи с письмом тюркских и других народов. Отмечается, что, как и все народы, башкиры в древности пользовались предметным, узелковым, пиктографическим письмом. Как и все тюрки, башкиры пользовались уйгурским и руническим алфавитами. В статье отмечается, что с принятием ислама происходит коренное изменение письма башкир: как и все мусульманские народы, они стали пользоваться арабским алфавитом.

В статье также описывается перевод башкирского письма в советскую эпоху сначала на латиницу, затем на кириллицу, которой башкиры пользуются и сегодня.

Ключевые слова: башкирское письмо, история письма, арабский алфавит, руническое письмо, латиница, кириллица.

F.G. Khisamitdinova
Institute of History, Language and Literature,
Federal Ufa Research Center, RAS,
Ufa, Russia

From the History of Bashkir Writing

Abstract. The article deals with the history of the Bashkir writing in close connection with the writing of the Turkic and other peoples. It is noted that like all peoples in antiquity, they used object, nodular, pictographic writing. Like all Turks, the Bashkirs used rhunic, Uygur alphabets. It is noted that with the adoption of Islam, a radical change in the Bashkir writing takes place. Like all Muslim nations, they began to use the Arabic script (alphabet). The article describes the transition of the Bashkir writing in the Soviet era, first to Latin, then to Cyrillic, which the Bashkirs use today.

Keywords: Bashkir writing, history of writing, Arabic alphabet, rhunic letter, Latin, Cyrillic.

Башкирский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков.

Первые сведения о башкирском языке относятся к XI в. В средневековом словаре М. Кашгари «Дивану-лугат ат-турк», созданном в конце XI в., среди тюркских языков того времени отмечается и башкирский язык. Он пишет: «У *кыргызов, кыпчаков, огузов, тухси, ягма, чигилей, ораков, чаруков* – чистый и единственный тюркский язык; язык *емеков* и *башкир* близок к их языку» [8, с. 76]. Что же касается башкирского письма, то сведения о нем появляются гораздо позже. В частности, к XV–XVI вв. восходят записанные арабскими буквами письменные варианты башкирских родословных – шежере [3, с. 8–9]. Следовательно, к указанному времени башкиры пользовались уже арабским письмом.

Интересный факт истории письма башкир зафиксирован членом академической экспедиции конца XVIII в. И.И. Лепехиным. И.И. Лепехин пишет о том, что члены академической экспедии в башкирских деревнях давали прочитать «Указ Оренбургской губернской канцелярии с татарским переводом» [5, с. 51]. Под татарским переводом в

© Ф.Г. Хисамитдинова, 2019

XVIII в. имели в виду переводы документов губернской канцелярии, сделанные на язык тюрки на арабской графике. Но более интересными являются сведения И.И. Лепехина о сохранении у башкир реликтов их древнего узелкового письма. Ср.: «Наша подорожная, которая хотя была и с татарским переводом, однако не имела узлов. На подорожной припечатывается веревочка со столькими узлами, сколько кому подвод давать определено; и сие узелки башкирцов гораздо важнее почитаются, нежели все скрепы губернаторские и воеводские» [5, с. 44]. К сожалению, больше каких-либо письменных источников о ранних традициях башкирского письма не сохранилось. Безусловно, в башкирском фольклоре, изданном в 18 томах, содержатся сведения о таких материалах раннего башкирского письма, как камень, береста, шкура и др. В качестве примера можно привести такие строки из башкирских народных песен:

Һау – сәләмәт ҡайтһам Уралыма
Тарих яҙыр инем ташына
(из народ. протяжной песни «Илсе Ғайса»)

Если бы вернулся живым и здоровым на мой Урал,
Написал бы историю на его **камне.**

К сожалению, в фольклоре не сохранились сведения о самом письме, т. е. в них присутствуют указания только на материал. Отсутствие письменных документированных, а также фольклорных источников, представленных в сводах башкирского народного творчества, не позволяет представить историю башкирского письма в полном объеме. В связи с изложенным отдельные этапы развития башкирского письма будут представлены в виде предположений и гипотез.

Как и все народы, на более ранних этапах своего развития башкиры пользовались предметным письмом. Об этом свидетельствуют существующие еще в начале XX в. деревянные бирки башкир, которые использовались при сдаче шкур для выделки. На шкуру привязывался небольшой кусок дерева, который при сдаче шкуры расщеплялся мастером на две половинки. Одну часть дерева мастер вместе со шкурами оставлял у себя, вторую – отдавал хозяину шкур. При получении готовых шкур мастер прикладывал две части бирки, и если они совпадали, то хозяин получал свой товар [14, с. 6].

Реликты древнего предметного письма сохранились в произведениях башкирских писателей, фольклоре.

Ярким примером предметного письма является послание героини Гюльюзем своему возлюбленному Айбулату, описанное в романе Х. Давлетшиной «Иргиз»: «*Гюльюзем вырезала из густо-розового платка, в котором была весною у родника, два цветка. Тут же лежала спичка с обугливщимся концом, а к ней было привязано голубиное перышко. И еще кисет из красного бархата с оторочкой из зеленого атласа, с бахромой из разноцветных шерстяных ниток. Эти подарки были полны сокровенного смысла! Два лоскутка с цветками, вырезанные ею из платка, означали, что Гюльюзем помнит ту встречу у ручья, за аулом, встречу двух любящих, молодых, как весенние цветы, сердец… Головка спички сгорела – это Гюльюзем лето промучилась в тоске, сгорала от нетерпения свидеться с суженым… Были б у нее крылья, прилетела бы к нему! Кисет… Ну понятно, если девушка добровольно прислала парню кисет, то сие обет верности на всю жизнь, до скончания века*» [1, с. 140–141].

Частью предметного письма является узелковое письмо башкир, о реликтах которого писал И.И. Лепехин (пример см. выше). Следует только добавить то, что еще в 20–30 гг. прошлого столетия с помощью узелков молодежь договаривалась о встрече, приглашала друг друга на свидание [11].

Судя по древним рисункам пещеры Шульганташ (Каповая), которые сюжетно близки башкирским эпосам «Урал-батыр» и «Акбузат», древние предки башкир могли пользоваться и пиктографическим письмом.

Башкиры, как коренные обитатели Южного Урала, безусловно, генетически связаны с древними южноуральскими племенами. Вот как об этом пишет известный археолог В.В. Овсянников: «Несмотря на смену эпох, материальной культуры, климатические и политические изменения здесь [Южном Урале – *Ф.Х.*] всегда сохранялось этническое ядро, выступающее посредником и коммуникатором для последующих поколений. Результатом развития этой традиции является формирование современного башкирского народа, культура которого несет в себе следы всех прошедших эпох» [10, с. 11].

Как часть огромного тюркского мира, имеющего собственную письменную историю, руническую письменность, башкиры, бесспорно, пользовались и древнетюркским руническим алфавитом. В пользу данного предположения свидетельствует несколько фактов.

Во-первых, судя по данным историков и этнологов, а также по памятникам рунической письменности древних тюрок, многие названия башкирских родов и племен имеют параллели в памятниках древнетюркской письменности. К таковым можно отнести этнонимы кыпсак, канлы, ун, кыргыз, катай / кытай, табын, тиляу / теле, тунгаур / тангаур / тонгаур и др. [6, с. 29–33; 4]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что многие башкирские племена имеют отношение к создателям древнетюркской рунической письменности.

Во-вторых, судя по данным археологов, часть башкирских племен была в составе как Первого, так Второго тюркских каганатов, в которых, как и в любых государственных образованиях, функционировали различные документы. Если в древнетюркских Каганатах, судя по документам, использовалось руническое письмо, то оно имело место быть и у подданных Каганатов, в том числе у башкирских племен.

В-третьих, об этом свидетельствуют тамги, являющиеся одним из атрибутов башкирских родов и племен. В качестве примера можно привести тамги XVII–XVIII вв. башкирских племен, представленных в I томе «Материалов по истории Башкирской АССР» [7]. Если сравнить представленные в письменных источниках башкирские тамги с буквами рунического алфавита, то можно заметить полное или частичное совпадение начертания отдельных тамг и букв [7, с. 538–542; 6, с. 17]. Сюда же следует добавить и то, что тамги у башкир использовались для обозначения границ родовой территории, скота того или иного рода, семьи. Тамги выполняли, кроме этого, и функцию подписи, печати. В частности, при заключении договоров, обращений и др. документов тамги использовались наряду с подписями, т. е. выполняли функцию письма. Изложенные факты, на наш взгляд, позволяют говорить о том, что башкирские и другие тюркские тамги и руническое буквы имеют общие корни. Сегодня сложно говорить о том, что возникло раньше, тамги или руническое письмо древних тюрков, но, судя по семантике и функциям, они имеют единые истоки. В связи с изложенным есть все основания говорить о том, что башкиры, как и большинство тюрков, пользовались руническим письмом. И наконец, в пользу нашего предположения о том, что древние башкиры пользовались руническим письмом, свидетельствуют найденные на территории Чекмагушевского, Зианчуринского районов Республики Башкортостан нагробные памятники с руническим письмом, на которые в более поздние эпохи была нанесена надпись арабским письмом.

Как и большинство тюрков, входивших в состав Золотой Орды, башкиры пользовались и уйгурским письмом, так как ханские ярлыки XIV в. Токтамыша, Темир – Кутлуга и других писались уйгурскими буквами, хотя языком их был среднеазиатский чагатайский язык, а не уйгурский. Помимо ярлыков ханов Золотой Орды уйгурскими буквами были написаны многие средневековые памятники тюрко-мусульманской литературы. В частности, известное произведение средневековья «Кутадгу – Билиг», ряд памятников, связанных с историей Казани и Булгар, дошли до нас не только на арабском, но и на уйгурском письме. [6, с. 97]. Вышеперечисленная литература была популярна и среди башкир.

С приходом ислама к башкирам проникает и арабское письмо. Сведения о том, что к части башкир ислам проник еще до X в., содержатся в записках Ибн-Фадлана, секретаря посольства арабов, к средневековым волжским булгарам. Судя по тексту, проводником Ибн-Фадлана был башкир-мусульманин [2, с. 130].

В более поздних источниках есть сведения о башкирских юношах-мусульманах, которые учились в г. Алеппо и других городах Востока [15, с. 248–249]. В связи с изложенным логично предположить, что ислам начинает проникать к башкирам довольно рано. Вместе с тем следует отметить, что арабское письмо начинает массово распространяться среди башкир где-то в XIV в. Об этом свидетельствуют многочисленные эпитафии, шежере, оригинальные или переводные произведения средневековых авторов, написанные на арабской графике.

В арабском алфавите, которым пользовались башкиры в разные годы, было представлено 33–36 букв. В частности, в досоветских арабских алфавитах у ученого, просветителя М.Уметбаева используется 33, у учителя Х. Әхтямова – 35, учителя С. Камала – 36 букв и т. д. [14, с. 34–36]. Все это свидетельствует о недостатках арабского письма башкир. Однако, как бы то ни было, арабское письмо сыграло огромную роль в развитии башкирского языка и культуры. Практически все наследие башкир досоветского периода было создано на арабской графике. В связи с тем, что с конца 20-х годов прошлого столетия башкиры перешли сначала на латиницу, затем на кириллицу, все то, что было создано предками, к сожалению, стало недоступно народу.

С установлением советской власти в стране начинается реформа письменностей. К.М. Мусаев делит процесс разработки и совершенствования письменности народов СССР на три этапа [9, с. 22].

Первый этап, связанный с усовершенствованием существовавших алфавитов, для башкирского языка, имевшего свою письменную традицию, основанную на арабской графике, не стал шоковым. Изменение отдельных норм орфографии, орфоэпии, начертаний отдельных букв не привело к изменению традиций письма башкир. Поэтому в истории башкирского письма данный этап не характеризуется чем-то примечательным, чего не скажешь о втором этапе реформы письменности народов СССР.

В начале 20-х годов прошлого столетия в СССР начинается движение по созданию алфавитов для тюркоязычных народов на латинской основе. В 1923–1924 гг. были составлены алфавиты на базе латинской графики для ряда тюркских языков, в том числе и для башкир.

В марте 1926 г. в Баку на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде было принято решение о переходе тюркских народов на латинизированное письмо. Законодательно введение латинизированного письма в Советском Союзе было закреплено Постановлением Президиума ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1929 г. [9, с. 25–28].

Что же касается Башкортостана, то решение о переходе на новый латинизированный алфавит было принято 7 июля 1928 г. [14, с. 68]. Первый башкирский алфавит на латинской графике включал в себя 34 буквы, позднее добавляется еще две. В 1927 г. башкирский алфавит на латинской основе, который включал 36 букв, был уже утвержден [14, с. 61–66]. Началась работа по разработке новой орфографии, орфоэпии башкирского языка, изданию учебников, введению новой письменности в систему школьного образования. В целом в 30-х годах прошлого столетия было сделано довольно много по реализации латинизации башкирского письма.

С середины тридцатых годов прошлого столетия начинается движение за введение новой, основанной на русской (кириллической) графике письменности для народов Советского Союза. В результате 4 августа 1938 г. появляется Постановление бюро Башкирского обкома ВКП(б) о переводе башкирской письменности с латинизированного алфавита на русский алфавит [12, с. 272]. В последующем как на уровне республики, так и всей страны было принято множество документов, обеспечивающих перевод алфавитов языков народов Советского Союза на русскую графику [9, с. 35–39; 12, с. 273–297].

Русско-кириллическое письмо для башкирского языка не было новым. Башкирское письмо, основанное на кириллице, восходит к XIX в. Его появление связано с попыткой христианизации башкир. Именно в те годы на кириллице вышли не только религиозная литература, но и словари, буквари. В качестве примера можно указать первую кириллическую азбуку (әлифбу) башкир, созданную в 1892 г. В.В. Катаринским в Оренбурге. В его азбуке было 22 буквы. Он же издал русско-башкирский и башкирско-русский словари на кириллице. В 1902 г. Н.Ф. Катановым был подготовлен и издан еще один букварь для башкир. Этот букварь включал 33 буквы. В 1907 г. увидел свет букварь для башкир А.Г. Бессонова. Данный букварь уже включал 41 букву.

В 1912 г. в Казани вышла азбука первого ученого, методиста из башкир М.А. Кулаева. Этот букварь включал 34 буквы [13, с. 207–213]. Как уже говорилось выше, новый башкирский алфавит, основанный на славяно-русской графике, был введен в 1939 г. Он включает в себя 42 буквы, из них 33 совпадает с русскими буквами. Для специфических башкирских звуков были разработаны особые буквы, которые в количестве 9 составляют особенность современного башкирского алфавита.

В целом, подводя итоги, можно сказать, что башкирское письмо, как и письмо других народов, имеет свою историю, которая тесно связана с историей самого этноса.

Список использованной литературы

1. *Давлетшина Х.* Иргиз: Роман. М.: Современник, 1979. 480 с.

2. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во. Харьковского гос. университета им. А.М. Горького, 1956. 345 с.

3. *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.

4. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. 576 с.

5. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768–1770 гг. В 4 т. В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии Наук, 1772. Т. 2. 338 с.

6. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.

7. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII в и первой половине XVIII в. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 631 с.

8. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (свод тюркских слов). В 3 т. // под ред. И.В. Кормушина, пер. А.Р. Рустамовой. Т. 1. М.: Восточная литература, 2010. 461 с.

9. *Мусаев К.М.* Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). Алматы: Гылым, 1993. 240 с.

10. *Овсянников В.В.* Предисловие к I тому // История башкирского народа. В 7 т. Т. 1. М.: Наука, 2009. С. 11.

11. Полевые материалы автора из Абзелиловского района Республики Башкортостан (1991 г.).

12. Языки и народы Республики Башкортостан. Государственные языки: история и современность. Сборник документов и материалов. Ч. 2: Реализация государственных языков в письменности и системе народного образования. Научное издание. Уфа. ГУП РБ УПК. 2008 г. 312 с.

13. *Ғәләүетдинов И.* Башҡорт әҙәби теле тарихы: XIX быуат – XX быуат башы. Өфө: Китап, 2008. 271 б.

14. *Әхмәров К.З.* Башҡорт яҙыуы тарихенән. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1972. 134 б.

15. Togan Zeki Velidi.Başkurtlarin Tarihi. Ankara: Türksoy, 2003. 523 s.

Н.Н. Щербакова
Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

УДК 482-30

Взаимодействие морфемной и семантической деривации в просторечии XVIII века

Аннотация. В статье анализируются единицы, образование которых демонстрирует взаимосвязь двух типов деривации в русском языке: морфемной и семантической. Материалом для анализа является русская просторечная лексика XVIII в. Автор доказывает необходимость особого подхода к анализу лексических единиц, созданных в результате метафорической мотивации при одновременном использовании словообразовательных морфем. В работе показаны возможности использования классической теории словообразования для выявления специфики механизмов создания подобных дериватов при одновременном учете достижений лексической семантики.

Ключевые слова: метафора, метафорическая мотивация, семантическая деривация, русское словообразование, русское просторечие XVIII века.

N.N. Shcherbakova
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

Interaction of Morphemic and Semantic Derivations in the Vernacular Language of the XVIII Century

Abstract. The article analyzes the units, which formation demonstrates the interrelation of two derivation types in the Russian language: morphemic and semantic. The Russian vernacular language of the 18th century is the material for the analysis. The author proves the need for a special approach to the analysis of lexical units created as a result of metaphorical motivation while using word formation morphemes. The paper shows the possibility of using the classical theory of word formation to educe the specifics of the mechanisms for creating such derivatives while taking into account the achievements of lexical semantics.

Keywords: metaphor, metaphorical motivation, semantic derivation, Russian word formation, Russian vernacular language of the XVIII century.

В современной теории словообразования вопросы семантической деривации, вне всякого сомнения, занимают одно из приоритетных мест, отметим, однако, что роль семантического компонента никогда не отвергалась как в теории словообразования, так и в практике словообразовательного анализа. Иначе и быть не могло, ведь основная единица, которая создается в результате деривационного процесса, – слово – представляет собой единство плана выражения и плана содержания.

В то же время классическая теория словообразования, сложившаяся в рамках сравнительно-исторической и системно-структурной парадигм языкознания, достигла серьёзных успехов при четком размежевании с лексикологией в процессе анализа лексической единицы: задачи словообразования сосредоточивались главным образом на формальной структуре слова. Такой подход отражен, например, в следующем высказывании Е.А. Земской: «В современном языке существуют регулярные способы семантических переносов <…>. Однако в результате таких переносов образуются не особые слова, а особые

© Н.Н. Щербакова, 2019

значения слова, так что нет основания считать такие переносы способом словообразования. Изучение подобных явлений – задача лексической семантики» [3, с. 170–171].

По мнению Б.И. Осипова, в течение длительного времени альтернативное мнение по поводу семантической деривации принципиально замалчивалось [5, с. 9], однако это не помешало проведению глубоких научных исследований, которые позволили превратиться теории семантической деривации в серьёзное научное направление. Важную роль в признании новых подходов к явлениям словообразования сыграло развитие антропоцентрического направления в лингвистике. Именно оно убедительно показало объективную необходимость развития теории семантической деривации: «Любые типы семантического изменения – сужение, расширение значения, метафора, метонимия – имеют когнитивную природу, обусловлены психофизиологической природой мышления, экономично закрепляют возникающие новые смыслы с помощью привлечения всей смысловой и части вербальных систем. Именно поэтому механизмы морфемной и семантической деривации принципиально близки. Различна лишь роль в них единства акустической оболочки и акустического образа слова. <…> Психоментальная природа всех видов деривации едина...» [1, с. 21].

Однако признание семантической деривации не привело к попытке объединить достижения классического и антропоцентрического словообразования, хотя существуют явления, которые требуют подобного объединительного подхода. К таким интересным явлениям относится, например, явление метафорической мотивации, которая впервые была описана В.В. Лопатиным, обратившим внимание на то, что при создании слов типа *грибок* в значении «постройка для защиты от солнца и дождя» возникает «семантическая связь между словами, однако эта связь в них не прямая, а переносная, причем метафорическое значение оказывается здесь номинативным значением таких слов» [4, с. 53]. Совершенно очевидно, что при анализе подобных единиц невозможно игнорировать ни структурную модель, ни семантические преобразования. В то же время совершенно очевидно, что использование традиционной трехчастной структуры словообразовательного типа (мотивирующая база, формант, деривационное значение) должно быть при этом уточнено.

Рассмотрим специфику анализа подобных единиц на примере русских просторечных дериватов XVIII в. Уточним при этом, что термин *просторечие* применительно к XVIII столетию имеет специфику значения: для начального этапа развития общенационального русского языка просторечие – это обыденная устная спонтанная речь. В указанный период общенациональные языковые нормы только начинают складываться, осмысляться, и потому многие из тех слов, которые в современном русском литературном языке не воспринимаются как сниженные, в «Словаре Академии Российской» сопровождаются пометой *прост*. по причине того, что они обозначают нечто обыденное, характерное для обычной, т. е. простой жизни. Именно по этой причине в составе просторечных оказались, например, слова *бахилы, валенки, вышка, крыша, лунка, свадьба* и др. В то же время в составе просторечной лексики немало единиц, сниженный характер которых вызван их оценочным характером, который обусловлен выбором деривационной модели, в частности метафорической мотивации.

Сразу же отметим, что при описании словообразовательных особенностей единиц, образованных путем метафорической мотивации, не возникает проблем при выделении форманта: новые слова образуются при помощи морфем, и это роднит данный способ с морфемной деривацией. Заметные проблемы возникают на этапе описания мотивирующей базы. Рассмотрим некоторые примеры.

Глагол *взбелениться* – «прийти в крайнее раздражение, гнев, неистовство» (СлРЯ XVIII, т. 3, с. 110–111) – образован от основы существительного *белена*, но очевидно, что прямой мотивации в паре *производящее – производное* здесь нет, в данном случае не-

адекватность поведения человека оценивается посредством скрытого сравнения: он ведёт себя так, словно отравился беленой.

Слово *безмозглый* – «глупый, скудоумный» (САР[1], т. 4, с. 220; СлРЯ XVIII, т. 6, с. 101) – образовано при помощи конфикса от основы существительного *мозг*, но очевидно серьёзное приращение смысла: мозг становится в данном случае обозначением ума, хотя такого значения у данного существительного источниками XVIII столетия не зафиксировано.

Словом *гудильщик* в просторечии XVIII в. называли человека, который играл на каком-либо струнном музыкальном инструменте; слово создано на базе глагола *гудеть*, который не вызывает ассоциаций с музыкальной гармонией, а потому у слова *гудильщик* фиксируется значение «кто нескладно, дурно, противно слуху на каком со струнами орудии играет» (САР[2], т. 1, с. 1293).

Подобные примеры свидетельствуют о необходимости уточнения мотивирующей базы в случаях метафорической мотивации. Понятно, что формально это может быть, как и при морфемной деривации, основа или целое слово, но этого явно недостаточно для её характеристики, поскольку семантика нового слова получает приращение смысла, никак не связанное с формантом, но обусловленное какими-то свойствами мотивирующей базы. В связи с этим обратимся к проблеме сущности языкового значения. Подробный обзор теорий языкового значения дан Л. М. Васильевым [2, с. 67–72], указавшим, что понятие *значение* квалифицируется либо как психологический, либо как знаковый феномен. В том случае, когда речь идёт о метафорической мотивации, уместнее опираться на первый из указанных подходов, поскольку новое значение образуется на основе представлений о предмете, действии, признаке, которые называет мотивирующее слово, т. е. на целый комплекс ассоциаций. В связи с этим мотивирующей базой для создания нового слова при метафорической мотивации является не только основа или слово, но и их ассоциативный потенциал.

Специфика форманта при описании метафорической мотивации, на первый взгляд, ничем не отличается от морфемной: используются аффиксы. Однако анализ семантики производного слова позволяет увидеть, что у нового слова появляется метафорическое приращение внутренней формы, которое также играет роль форманта.

Описание словообразовательного типа завершается определением его словообразовательного значения. И здесь тоже наблюдается двойная характеристика: с формальной и семантической стороны. Так, в просторечии XVIII в. среди просторечных дериватов, созданных путём метафорической мотивации, преобладают единицы со значением носителя предметного или процессуального признака (формальная характеристика), но словообразовательное значение должно быть дополнительно уточнено указанием на сходство с тем, что названо мотивирующей базой.

Таким образом, метафорическая мотивация – это способ создания слов, при котором и мотивирующая база, и формант, и словообразовательное значение должны быть охарактеризованы как со структурных, так и с семантических позиций. В противном случае описание деривата будет неполным и неточным.

Список источников и сокращений

1. Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: Имп. Акад. наук, 1789–1794 (САР[1]).

2. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб.: Имп. Акад. наук, 1805–1822 (САР[2]).

3. Словарь русского языка XVIII века / отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.; СПб.: Наука, 1984–2011. (СлРЯ XVIII).

Список использованной литературы

1. *Бутакова Л.О.* Природа семантической деривации: когнитивный аспект // Семантическая деривация и её взаимодействие с морфемной: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 20–35.

2. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 174 с.

3. *Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. М, 1973. 304 с.

4. *Лопатин В.В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Ученые записки Ташкентского пед. ин-та. Ташкент, 1975. Т. 143. Вып. 1. С. 53–57.

5. *Осипов Б.И.* Проблема целостного изучения словообразовательной системы языка: современное состояние и дальнейшие перспективы // Семантическая деривация и её взаимодействие с морфемной: межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 5–19.

Раздел 2
ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ТЕКСТЕ, КУЛЬТУРЕ

Ж.Б. Бектурова
Инновационный Евразийский университет,
г. Павлодар, Казахстан

УДК 811:81-26. 81' 44

Правовые взгляды кочевников

Аннотация. В статье рассматриваются инструменты регулирования социальных отношений в Казахском государстве, сложившиеся господствующей системой патриархально-феодальных отношений с середины XV до начала XVII вв. Исторически первичный тип правовой системы в казахском обществе связан с возникновением Казахского ханства.

Ключевые слова: улус, казахский этнос, Казахское ханство, степное право, бийское правосудие, адат, обычай.

Zh.B. Bekturova
The Innovative University of Eurasia,
Pavlodar, Kazakhstan

Legal Views of the Nomads

Abstract. The article discusses the tools for regulating social relations in the Kazakh state, formed by the dominant system of patriarchal-feudal relations from the middle of the 15th century to the beginning of the 17th centuries. Historically, the primary type of legal system in the Kazakh society is associated with the emergence of the Kazakh Khanate.

Keywords: ulus, Kazakh ethnos, Kazakh khanate, steppe law, biysk justice, adat, custom.

В Казахском государстве сложилась господствующая система патриархально-феодальных отношений: с середины XV века до начала XVII века родо-племенные союзы объединялись в улусы, возглавляемые султанами. Малые и большие улусы формировали военно-политический союз-улус–государство во главе с ханом. С начала XVII века формируется экономическая основа для объединения кочевавших общин, отдельных родов и племен в племенные союзы и образование жузов.

Инструментом регулирования социальных отношений в Степи была система генеалогического родства, основанная на приоритетности этнических и родоплеменных отношений. Жуз определяют как исторически сложившиеся этно-территориальные объединения казахов-кочевников, хозяйственно и географически относительно обособленный район, населенный группой общин, который до образования казахского этноса являлся территорией племенного союза. Во главе жузов стояли бии. Одним из древнейших институтов судебного характера являлся суд биев, сыгравший ключевую роль в формировании обычного права казахов. Совет биев созывался в особых случаях для согласования и решения важных социально-экономических, военно-политических, правовых вопросов. Пренебрежение мнением биев всегда приводило к падению престижа и изоляции ханствующей династии.

© Ж.Б. Бектурова, 2019

Важную роль в духовной жизни казахов играли кожа и муллы, способствовавшие поддержанию устоев ислама в среде номадов. Наследственные привилегии давали им право проводить ритуальные обряды.

В традиционном казахском обществе статус человека определяло не имущественное, а его социальное положение. Так, потомки Чингис хана – чингизиды (*төре*) по праву рождения приобретали титул султана и право занимать ханский престол. В кочевой системе хозяйства функции распределения пастбищ и организация кочевого цикла скотоводческого хозяйства осуществляли органы феодального государства – ханы, султаны, бии. Право на землю было главным правом и привилегией ханов и султанов.

Историю формирования права в казахском обществе связывают с возникновением Казахского ханства. Правовые отношения регулировались посредством норм обычного права «адат», вобравшего в себя уложения кодифицированного обычного права монголов «Ясы» (1206). Наряду с обычным правом функционируют законы шариата, что связано с распространением ислама в Казахской Степи, под влиянием патриархальной идеологии и авторитета общественного мнения законы шариата воспринимались в социуме как должное.

Обычное право – исторически первичный тип правовой системы, устанавливающий общественные нормы, которые имели важное социально-регулятивное, управленческое, объединительное, охранительное и гуманистическое значение и которые можно квалифицировать в качестве правовых. Нормы обычного права казахов были инструментом примирения людей и общин, служили целям предупреждения споров и конфликтов (не наказывать, не разъединять людей, а сплачивать на огромных территориальных пространствах) и были направлены на принятие мер к недопущению конфликтов, а в случае их возникновения принималось своевременное решение на основе сложившихся в обществе представлений о справедливости и равенстве.

Источниками обычного права казахов были правовой обычай, законы, постановления съездов биев, судебные решения.

Степное право обладало синкретичностью, нормы казахского права выступали в качестве эталона поведения, поступков, дисциплины и порядка, их соблюдение обеспечивалось традициями, религиозным сознанием, моралью, общественным мнением, самосознанием человека, осознающего ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь соплеменников. В пределах своего рода человек мог пользоваться гарантированной правовой помощью, что обеспечивалось системой родовой взаимопомощи.

Одним из источников обычного права является обычай. Большинство обычаев носило общий, демократический характер и обслуживало нужды и интересы всех членов общества. В казахском обществе обычное право развивалось внутри самого общества, уходило своими корнями в общественный быт кочевников, в их мировоззрение и образ мышления, формировалось в рамках кочевой цивилизации, оно складывалось на базе правовых воззрений номадов, их обычаев, культурных традиций Великой степи, адекватных и приспособленных к условиям кочевых объединений. Так, например, при спорах стороны могли использовать право выражать «*дат*», выразить свое несогласие, возражение с решением или действиями представителей ханской власти. Право «*дат*» строго соблюдалось при решении судов биев. Того, кто скажет слово «*дат*», должны были публично выслушать.

К первым письменным законодательным памятникам, фиксировавшим сложившиеся в Казахском ханстве отношения, относят свод законоположений «Қасым ханнын қасқа жолы» («Столбовая дорога Касыма»), свод законов «Есім ханнын ескі жолы» («Древняя дорога хана Есима») и дошедший до нас законодательный памятник «Жеті Жарғы» («Уложения хана Тауке», «Законы хана Тауке») Аз-Тауке хана (настоящее имя – Таввакул-Мухаммад батыр хан).

Впервые законом Тауке право суда, правовое регулирование экономических, социальных, административных, уголовных, гражданских и других отношений в социуме стали выполнять органы государственной власти.

В период правления хана Кенесары Касымова была проведена судебно-правовая реформа. «Законодательная деятельность Кенесары способствовала изжитию родовой вражды и внесла серьезные изменения в обычное право враждовавших между собой родов, способствовало прекращению феодальной междоусобицы» [2, с. 291]. Во время русского колониализма нормы обычного права казахов утрачивают свою силу.

По адату центральное место в судебном процессе в Казахской Степи занимали бии, в функции которых входило решение внутри- и межродовых споров, объединение и консолидация казахского общества, проживавшего на огромных территориях, обеспечение на основе справедливости и гуманности народного единства. Шокан Валиханов в работе «Суд в древней народной форме» так писал о бийском правосудии: «…только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам (казахам) это почетное звание <…> Суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру. Он был в таком уважении у народа, что не требовал и не требует до сих пор никаких дисциплинарных мер» [5].

Статус суда биев как судебной власти сложился и утвердился в среде кочевников, занимавших большую территорию Степного края. История сложения бийского правосудия органически связана с развитием кочевого общества. Роль биев как авторитетного правосудия в административно-управленческой системе и в политической жизни казахского общества была официально признана при хане Тауке. «Жеті Жарғы» хана Тауке в системе представлений о степном праве стали идеологической основой формирования правосознания кочевников, источником правовой идеологии номадов.

Бии выполняли воспитательную функцию, организаторскую, идеологическую, правоохранительную. Институт биев является общественным, социальным институтом, так как в основе их правовой культуры было общественное мнение, ставившееся выше уложений хана и султанов.

Нормативно-правовой опорой бийского суда было прецедентное право, осуществлявшееся на основе норм обычного права, основанное на принципах справедливости, гуманизма, открытости, гласности, неподкупности судьи, знании законов кочевой жизни номадов, ораторском мастерстве, высокой морали, уважения правовых обычаев предков, публичности, демократичного и справедливого судебного процесса и всего последующего правоприменения, добровольного исполнения решений бия как исходных начал правового сосуществования народа. Бии решали внутриродовые конфликты, межродовые споры, играли консолидирующую роль в жизни казахского общества, обеспечивали народное единство, мирили враждующих своим решением. Решение бия не оспаривалось и было обязательным для исполнения.

Бии хорошо знали быт кочевой жизни, пользовались взаимным доверием истца и ответчика. В законодательной деятельности бии опиралась на народные предания. Правовую действительность они соотносили с правовой идеологией средневекового Степного края. Не случайно свод норм обычного права «Жеті Жарғы» (Семь установлений), созданный в начале XVIII века при Тауке хане при участии известнейших биев Толе би (Старший жуз), Казыбек би (Средний жуз) и Айтеке би (Младший жуз), представлял собрание устных пословиц и изречений, которые обязан был знать каждый носитель власти: хан, султаны, судьи, старшины и аксакалы казахских родов.

В процессе судопроизводства орудием биев было аргументированное, мудрое слово, «запоминающееся, как наскальная надпись» [4, с. 38]. Нормы правового обычая передавались из уст в уста, от поколения к поколению в виде пословиц, поговорок, афоризмов, ср.: *Дауды шешен бітірмейді, шебер бітіреді* (букв.: Тяжбу прекращает не оратор, а

опытный судья); *Ақ сұңқардан хан болса, алтын тұғыр би болар* (букв.: Если хан – белый сокол, то золотым седалищем ему должен быть бий) [3]. Они отражали основные правовые идеи и принципы, фундаментальные ценности общества, опираясь на которые можно развивать нормы права [1, с. 80]. С помощью пословиц и поговорок бии решали судебные споры и тяжбы, ср.: *Жеті атасын білмеген – жетімдіктің белгісі* (букв.: Если до седьмого колена своей родословной не узнаешь – сиротой прослывешь); *Аздың теңдігі болса да, төресі жок* (букв.: Одинокий человек хотя и прав, но суда не найдет); *Қарындас дауы караңғыда, қатын дауы төсекте* (букв.: Споры о сестрах решаются в темноте, а тяжбы, возникшие за жен, решаются в постели – тайком); *Қонақ келсе есікке, жүгіріп шық, кешікпе* (букв.: Если гость придет, беги к двери, не опоздай) и т. п. [3].

Важным принципом в бийском правосудии был принцип компромисса, равновесия, доведение спора до мирового соглашения, сохранение мира внутри общины. Правовая культура биев как избранников народа проявлялась в уважительном, справедливом отношении к спорящим сторонам. Судебное разбирательство отличалось гласностью, состязательностью процесса, участием в нем представителей конфликтующих сторон, использованием общественного мнения. В обычном праве казахов не было наказания в виде лишения свободы или заключения в тюрьму.

Резюме. Историю формирования права в казахском обществе связывают с возникновением Казахского ханства. К ранним источникам (XV–XVIII века), содержащим правовые взгляды кочевников, традиционно относят древнетюркские письмена, произведения устного народного творчества, билики-изречения Чингис-хана, уложения Касым хана, Есим хана, хана Тауке, импровизированные словесные состязания казахских судей-биев. Правовые отношения регулировались посредством норм обычного права адат, законов шариата. Источниками обычного права казахов были правовой обычай, законы, постановления съездов биев, судебные решения.

Список использованной литературы

1. *Алимжан К.А.* Вопросы теории обычного права: монография. Алматы: Изд. центр Обществ. фонда «Интерлигал», 2003. 319 с.

2. *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата: Қазақ ун-ті, 1992. 400 с.

3. *Бектурова Ж.Б., Кадеева М.И., Сыздыкова Г.О.* Казахское судебное красноречие // Сиентия. Москва, 2016. № 4 (4). С. 4–7.

4. *Бельгер Г.* Напутственное слово переводчика // Қазақтың ата заңдары. В 10 т. Т. 1. Алматы, 2001.

5. *Валиханов Ш.* Записки о судебной реформе / Суд биев в древней народной форме // Фемида. Алматы, 1996. № 7. С. 30–31.

Т.А. Здриковская
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 811.111–26

Формирование протоконцептов «альтруизм» и «эгоизм» во французском фольклоре

Аннотация. В диахроническом аспекте рассматривается взаимодействие обыденных понятий ‘égoïsme’ / égoïste’, ‘altruisme’ / ‘altruiste’ во французском языке и соответствующих научных понятий. Для поиска этих смыслов анализируются французские пословицы, содержащие базовые смыслы, входящие в состав слов é*goïsme / égoïste, altruisme / altruiste,* а также сюжеты народных французских сказок. Делаются выводы о существовании во французском обыденном сознании XVIII века протоконцептов «альтруизм» и «эгоизм» в состоянии близком к научным понятиям, появившимся в это время.

Ключевые слова: эгоизм, альтруизм, французские пословицы, французские народные сказки, обыденное представление, научное понятие.

T.A. Zdrikovskaya
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The Formation of Protoconcepts Altruisme and Egoisme in the French Folklore

Abstract. The article examines the interaction between ordinary mind concepts ‘egoisme’ / ‘egoiste’, ‘altruisme’ / ‘altruiste’ and corresponding scientific ideas in diachronic aspect. The author analyses French proverbs containing basic senses of the words égoïsme / égoïste, altruisme / altruiste, as well as the pots of French folk tales to find those senses. The research allows to come to the conclusion that French common mind of the 18th century contained the protoconcepts “altruism” and “egoism” close to the similar scientific notions of that period.

Keywords: egoisme, altruisme, French proverbs, French folk tales, common mind concepts, scientific term.

Актуальной проблемой лингвистики продолжает оставаться вопрос о взаимодействии научных понятий и концептов обыденного сознания. Указанный процесс активно исследуется не только на материале гуманитарных наук [4; 6], но и (в связи с метафорическим моделированием терминологии) применительно к естественным и точным наукам [7]. Во взаимном влиянии языковых картин мира и терминологических систем исследователи справедливо видят единство гносеологических моделей [3]. Взаимоотношения универсального научного содержания (в философии) и национально-специфических представлений (в менталитете различных этносоциумов) особенно значимы и интересны для этических категорий «эгоизм» и «альтруизм», к которым обращено наше исследование.

Диахронический подход к объекту дает возможность рассмотреть ситуацию, когда когнитивный феномен появляется вначале как научное понятие, а затем проникает в национальные языковые картины мира. Попадая на благодатную или не очень почву представлений конкретного народа об отдельных морально-этических категориях, научное понятие каким-то образом с ними взаимодействует и усваивается или не усваивается обыденным сознанием.

© Т.А. Здриковская, 2019

Для выявления форм прототипических знаний об альтруизме и эгоизме естественно обратиться к фольклору, в данном случае французскому. По мнению Е.Б. Артеменко, фольклорная картина мира, представляющая собой фрагмент концептуальной картины этноса, «осознается как одна из ипостасей, одно из воплощений картины мира традиционной народной культуры» [2, с. 11]. В фольклоре закреплены культурные доминанты, определяющие менталитет этноса, обобщаются представления народа об основных аспектах духовной жизни, правилах коммуникации, отношениях между людьми и т. д. В ходе предыдущих исследований научных концепций альтруизма и эгоизма было установлено, что эти категории являются зачастую синонимами добра и зла, но не тождественны им.

Народная (или наивная) этика, и в том числе представления о том, что позже было названо эгоизмом и альтруизмом, воплощается прежде всего в пословицах и сказках. Эти жанры транслируют базовые ценности и вектор развития нравственных категорий. Для задач данного исследования пословицы имеют особое значение, поскольку несут оценочную и обобщающую функции [1, с. 16].

Далее проанализируем французские народные пословицы и сказки на предмет выявления прототипических представлений об эгоизме и альтруизме. Так как в фольклорных текстах отсутствуют прямые наименования эгоизма и альтруизма, критериями отбора речевого материала для анализа стало наличие семантических множителей, выделяемых в современных лексических единицах *égoïsme / égoïste, altruisme / altruiste*. Последние получены в результате когнитивно-семантического анализа аутентичных и переводных научных высказываний об эгоизме и альтруизме и статей в словарях французского языка [9; 10; 11]. Опираясь на этот материал, мы начинаем выстраивать ретроспективу (от настоящего к прошлому) в развитии концепта.

По данным словарных толкований, а также приведенных в словарных статьях синонимов и антонимов были выявлены следующие семантические множители понятий эгоизм и альтруизм. Следует заметить, что мы в данном исследовании рассматриваем пары égoisme / égoiste и altruisme / altruiste как равнозначные (персонификации).

Согласно толковым словарям французского языка и текстам научных концепций [9; 10; 11] семантические множители понятия “altruisme” – dévouement (самопожервование), aiderles (другим людям), de façon désintéressée (не будучи заинтересованным), souci du bien d’autui (забота о благе другого), disposition à s’occuper d’autrui (готовность заботиться о других), s’intéresser (заинтересованность), sentiment d’amour instinctif (чувство безотчетной любви), sentiment d’amour réfléchi (чувство отраженной любви).

Семантические множители понятия “egoisme” – celui qui ne se préoccupe que de son intérêt (забота только о своих интересах), au detriment de celui d'autrui (в ущерб интересам других), attachement excessif porté à soi-même (чрезмерная привязанность к самому себе), au mépris des interest des autres (безразличие к интересам других), défaut (порок, недостаток), à tout rapporter à soi-même (все направлять к себе).

Дополнительно при анализе пословиц были отобраны те, которые содержали слова “ami” (друг), “ amitié” (дружба) как синонимы слов «свой», а также слова “mal” (зло) и “bien” (добро) как оппозиция, существовавшая до появления оппозиции “egoisme” и “altruisme”.

Источником пословиц послужил сборник О.В. Критской «Французские пословицы и поговорки» [5], содержащий 853 единицы, в который «вошли, в основном, народные пословицы и поговорки». Путем сплошной выборки были отобраны 48 пословиц, содержащие вышеуказанные смыслы. Целью анализа было выяснить существование в народных пословицах представлений об альтруизме и эгоизме на момент вхождения во французский язык одноименных научных понятий.

При отборе пословиц учитывались все вышеуказанные смыслы, и в результате мы получили следующую картину.

С точки зрения французской картины мира, ближние – это не все окружающие, а только те, с кем мы дружим и их друзья*: Les amis de nos amis sont nos amis* (Друзья наших друзей – наши друзья); *Qui m'aime, aime mon chien* (Пригрел меня, так корми и коня, дословно: кто любит меня, любит и мою собаку). Здесь проявляется противоречие с христианским пониманием ближнего – любого человека, который нуждается в помощи, вне зависимости от его родственных, расовых и других особенностей.

Встречаются пословицы, поощряющие добрые дела: *On doit dire le bien du bien* (О хорошем плохо не скажешь); особенно хорошо помогать друзьям и ближним: *Malheur partagé n'est malheur qu'à demi* (Разделённое несчастье – половина несчастья); *On connaît l'ami dans le besoin* (Друг познается в беде).

Также привычным для французов было помогать ближнему в обмен на его услугу, т. е. альтруистическая мотивация не была обычным делом: *Je vous passé la casse, passez-moi le séné* (Ты – мне, я тебе); *Qui bien fera, bien trouvera* (За добро добром и платят); *Les bons comptes font les bons amis* (Счет дружбы не портит).

Иногда альтруистическое (христианское) желание помочь всем, любому нуждающемуся, порицалось: *Ami de tous, ami de personne* (Друг всем – ничей друг); *Ami de plusieurs, ami de nul* (Всем угодлив, так никому непригодлив); а иногда поощрялось: *La main qui donne est au-dessus de celle que reçoit* (Благословенна рука дающая); *Qui donne aux pauvres prête à Dieu* (Не оскудеет рука дающего); *Garder le souvenir des bienfaits qu'on nous a procurés* (Помните добро, которое вам сделали другие). Здесь мы видим амбивалентность оценки альтруизма, что говорит о процессе формирования аксиологической составляющей альтруизма.

Еще одно противоречие, выявленное во французских пословицах, состоит в том, что альтруизм – это хорошо с христианской точки зрения (французы – христиане), но в то же время народная мудрость считала, что хорошо отвечать только за себя: *Chacun est artisan de sa fortune* (Каждый – архитектор своей судьбы); *Chacun pour soi et Dieu pour tous* (Каждый за себя, один Бог для всех); *Chacun ira au moulin avec son propre sac* (Своя рубашка ближе к телу, дословно: Каждый идет на мельницу со своим мешком);

Chacun doit vivre de son métier (Каждый от своего дела кормится); *A chacun sa propre douleur paraît plus grave* (Всякому своя болячка больна).

Однако совсем не проявить альтруизм – это плохо, это порицается: *Donner tard, c'est refuser* (Поздно дать – все равно что отказать).

Что касается зла как прототипа эгоизма, оно находит порицание во французских пословицах: *Tout mauvais cas est reniable* (От дурных дел всяк отпирается); *Qui supporte une injure s'en attire une nouvelle* (Всякому спускать и на свете не живать).

Зло должно быть наказано, прослеживается положительное отношение к его уничтожению, которое может, например, быть воплощено в дьяволе: *Il vaut mieux tuer le diable avant que le diable vous tue* (Лучше убить дьявола, пока дьявол не убил вас); *A chien qui mord il faut jeter des pierres* (Злой собаке – камень и палка), но при этом присутствовало понимание силы зла, осознание того, что победить его не просто: *L'affliction ne guérit pas le mal* (Скорбь не вылечивает зла).

Присутствует и явное порицание эгоизма, одна пословица содержит семантический множитель понятия "egoisme": *Qui **s'aime** trop n'a point d'amis* (Самолюб никому не люб).

Также в пословицах наблюдается глубокое понимание человеческой природы, французы осознавали сложность мотивации поступков и противоречивость поведения человека, отсюда допущение присутствия доброго и злого начал в одном поступке / человеке: *Le bruit ne fait pas de bien, et le bien ne fait pas de bruit* (дословно: Шум не бывает

без добра, а добро не бывает без шума); *La force de mal aller tout ira bien* (Не бывать бы счастью, да несчастье помогло); *A quelque chose Malheur est bon* (Нет худа без добра).

Подмечается стремление человека получить выгоду, получить что-то даром или в обмен на меньшее: *Donner un œuf pour avoir un bœuf* (Дать лычко, чтобы получить ремешок, дословно: Дать яйцо, чтобы получить говядину); или желание воспользоваться чужим: *Poule de voisin paraît oie* (Чужой хлеб слаще калача).

Итак, несмотря на то что пословицы, содержащие прототипические представления об альтруизме и эгоизме, составляют меньше 6 %, они содержат базовые смыслы соответствующих концептов, а также оценки, близкие к современным, содержащимся в толковых словарях, т. е. альтруизм считается в целом положительным качеством, а эгоизм – недостатком и даже пороком. Также во французских пословицах присутствует амбивалентность в оценке действий, похожих на альтруистические, что может говорить о попытках осмысления сложной природы альтруизма французским наивным сознанием.

Что касается французской сказки, она развивалась несколько другим путем, чем английская и русская. В XVII веке Шарль Перро издал сборник авторских сказок, материалом для которого послужили произведения устного фольклора. XVII и XVIII века были временем расцвета французских сказок, когда они перекочевали из простой крестьянской избы в светские салоны и стали средством развлечения для знати, особенно их любил Людовик XIV.

Для поиска и анализа протоконцептов АЛЬТРУИЗМ и ЭГОИЗМ были изучены следующие сборники сказок: «Народные пиренейские сказки», «Contes populaires de toute la France. Народные сказки Франции» (сост. J. Markale), «Contes et légendes de France», «Сказки и легенды Франции» (сост. A. Falco), «Le Cabinet des fées, quatre tomes», всего 56 сказок.

Сюжеты французских сказок часто содержат противостояние добра и зла в образах, например, злой мачехи – доброй падчерицы или разлученных братьев или сестер, которые воспитывались в разных условиях: один в деревне, в бедности, но в добродетели, другой – в городе, в богатстве, но в пороке [8, с. 4–5].

При этом положительные герои сказок носят признаки, которые позднее будут зафиксированы в научной картине мира как альтруистические: помощь другим в ущерб своим интересам (Cendrillion), готовность помочь нуждающимся, иногда самопожертвование (Belle), а отрицательные герои часто хотят получить богатства, на которые у них нет права (например, мачеха). Мораль многих французских сказок учит делать выбор в пользу ума (интеллект, как было доказано в XX веке, связан с альтруизмом), а не хитрости и жадности, которые порицались и наказывались в конце сказки (Histoire de Florise («История Флоризы»)).

Для французских сказок типичны сюжеты о доброй падчерице и злой мачехе, как, например, в сказках «Золушка» (Cendrillon), «Спящая красавица» (La belle endormie), которые подарил миру Шарль Перро, переложив народные легенды. Так, в сказке «Добрая Аннетта» (La belle Annette) злая мачеха морила голодом и заставляла работать бедную падчерицу Аннетту, а потом еще убила ее любимого барашка, но в конце сказки поплатилась за это, упав с лестницы и сломав шею.

Прообразы альтруистов встречаются в сказках и как второстепенные, проходные персонажи. Они оказывают главному герою услуги или дарят подарки, которые по ходу сказки помогают ему достичь заветной цели – богатства или счастья. Например, в сказке “Panier de figures et sifflet d’or” (в русском варианте – «Волшебный свисток и золотые яблоки») в самом начале юноша из крестьянской семьи (le brave paysan) встречает старушку (la vieille), которая дарит ему золотой свисток (le sifflet d’or) просто так: “Mets-le dans ta poche mon garçon. Et n'hésite pas à t'en server dans le besoin. Tu seras étonné du résultat” (Положи его в карман, мой мальчик, и не забудь воспользоваться им, когда понадобится.

Ты удивишься тому, что случится). И вправду, свисток помогает крестьянскому сыну пройти испытания короля и жениться на принцессе.

Среди французских сказок есть целая серия, основанная на библейских заповедях, в основном на заповеди «помоги ближнему своему», но в отличие от Библии в сказках те, кто отказывается помочь немощным, тут же бывают наказаны, и причем весьма сурово.

Сказка “Le mauvais riche” («Злой богач») иллюстрирует библейскую заповедь о помощи ближнему. Иисус в одежде бедняка попросил еды у богача, а тот ему отказал, сказав, что мясо для собаки, которая приносит зайцев, а бедняк ему ничего не принес; после смерти богач попал в ад (C'est l'âme d'un vieux riche qui veut le Paradis. – Fermez, fermez la porte, afin qu'il ne puisse entrer. Il ira en enfer brûler chez le demon). Добрая бедная женщина, которая поделилась с бедняком-Иисусом последним куском, попала в рай (C'est l'âme d'une pauvre femme qui demande le Paradis. – Ouvrez, ouvrez les portes, afin qu'elle puisse entrer. Elle ira dans le ciel, avec les anges de Dieu, pour l'éternité). В этой сказке, так же как и в Библии, порицается жадность и утилитарное отношение к ближнему и поощряется бескорыстная помощь. Похожая история описана в сказке “Legendes des lacs” («Легенда об озерах»), в которой люди из богатой деревни были наказаны за то, что не поделились едой с бедняками: их деревня была затоплена, и спаслась только добрая бедная старушка, которая поделилась последними запасами еды с нищими путниками (Celle-ci, voyant les malheureux, les fit entrer chez elle, et leur offrit pour se restaurer tout ce qu'elle possédait, c'est-à-dire le lait de sa seule chèvre. – Prenez, mesamis, vous semblez plus miséreux que moi... . – Она, увидев несчастных, пригласила их к себе и предложила угощение, все что у нее было – молоко от ее единственной козы. – Возьмите, родные, вам оно нужно больше, чем мне…).

Итак, во французских народных сказках обнаружена оппозиция «добро – зло», которая содержит элементы альтруизма и эгоизма, а также их персонификации, основными чертами которых являются элементы, соответствующие научным категориям: помощь другим, самопожертвование, бескорыстие – для альтруизма, следование исключительно своим интересам, использование других для достижения своих целей – для эгоизма. Сюжеты французских народных сказок содержат отсылки к библейским новозаветным заповедям, а также имеют героев библейского происхождении: Иисус, ангелы, архангелы, дьявол. Французские сказки несут четкую негативную оценку зла (и эгоизма как одного из его воплощений), оно совершенно нежелательно, неприемлемо в обществе и личных отношениях и наказуемо; добро (и альтруизм как проявление добра) приветствуется, награждается богатством или счастьем и побеждает зло. Протоальтруисты во французских сказках часто люди из простой семьи, небогатые, но трудолюбивые, тогда как протоэгоисты имеют знатное происхождение и богаты или зажиточны.

Таким образом, основываясь на анализе французских паремий и сказок XVIII века, можно сделать вывод о существовании в наивном сознании французов протоконцептов АЛЬТРУИЗМ и ЭГОИЗМ в состоянии близком к научным понятиям, появившимся в это время.

Список использованной литературы

1. *Алещенко Е.И.* Этоноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) // Русский язык в центре Европы. 2009. № 12. С. 15–24.

2. *Артеменко Е.Б.* Язык русского фольклора и традиционная народная культура (опыт интерпретации) // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч. конф. М., 2003. Вып. 5. С. 7–21.

3. *Деева А.И.* Лингвокогнитивная специфика метафорического моделирования русской нефтегазовой терминологии: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2015. 23 с.

4. *Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1. А-О. 592 с.

5. *Критская О.В.* Французские пословицы и поговорки. М.: Высшая школа, 1963. 95 с.

6. *Орлова Н.В.* Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка): монография. Омск: Вариант-Омск, 2005. 266 с.

7. *Панасенко Е.А.* Метафорическое моделирование понятия «технология» в научном дискурсе (на материале текстов в сфере IT, био- и нанотехнологий): автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2016. 22 с.

8. Французские народные сказки / под ред. С.З. Кодзовой М.: ОлмаМедиаГрупп-Просвещение, 2015 г. 304 с.

9. Dictionaryfr.com. URL: http://www.dictionary-fr.com/definition.php?word=altruisme &x=0&y=0 (дата обращения: 07.08.2018).

10. Dictionnaire de Français Larousse. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais (дата обращения: 07.08.2018).

11. Dictionnaire français Internaute. URL: https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/definition/altruisme (дата обращения: 07.08.2018).

Н.А. Калёнова
Волгоградский государственный технический университет,
г. Волгоград

УДК 81'42

Образ адресанта частного письма в зеркале эпистолярной фразеологии

Аннотация. В статье проанализированы способы фразеологической репрезентации образа адресанта частного эпистолярного дискурса, особенности фразеологической объективации эмоционально-оценочных смыслов в акте эпистолярной коммуникации, характеризующие адресанта как языковую личность. Анализ фраземоупотреблений с позиций когнитивно-дискурсивной лингвистики приводит к выводу, что эпистолярная фразеология является одним из ключевых средств, которое, вступая в сложнейшее когнитивно-дискурсивное взаимодействие с иными языковыми единицами эпистолярного дискурса, выступает средством вербализации картины мира адресанта, свидетельствует о характеризующих его картину мира концептах и составе тезауруса.

Ключевые слова: эпистолярная фразеология, адресант, эмоционально-оценочные смыслы, эпистолярный дискурс.

N.A. Kalyonova
Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia

The Image of the Sender of a Private Letter in the Mirror of Epistolary Phraseology

Abstract. The article analyzes the ways of phraseological representation of the image of the addressee of epistolary discourse, the peculiarities of phraseological objectification of emotional and evaluative meanings in the act of epistolary communication, characterizing the addressee as a linguistic personality. The author comes to the conclusion that epistolary phraseology is one of the key means, which, entering into a complex cognitive-discursive interaction with other linguistic units of epistolary discourse, acts as a means of verbalization of the addressee's worldview.

Keywords: epistolary phraseology, addressee, emotional-evaluative meanings, epistolary discourse.

Исследователи эпистолярной фразеологии (Ю.В. Архангельская, Н.С. Баланчик, А.М. Дубинина, В.А. Фалина, О.П. Фесенко и др.), выявляя лингвокреативный потенциал фразеологических единиц (ФЕ) как знаков косвенно-производной номинации, приходят к выводу о том, что фраземоупотребление в частном эпистолярном дискурсе ярко характеризует языковую личность адресанта, так как являет собой часть его тезауруса, репрезентирует особенности мировосприятия, отражённые во фразеологических образах и т. д. Когнитивно-прагматическая фразеология (Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, О.А. Воронкова, К.И. Декатова, Л.Г Золотых, М.Л. Лаптева, Ю.В. Маслова, З.Д. Попова, Р.Х. Хайруллина, А.Э. Черникова и др.) предлагает рассматривать «фраземный знак в двух его ипостасях: языковой и дискурсивной» [2, с. 117]. Интерес к дискурсивному преломлению фразеосемантики выводит нас за пределы языкового значения, дискурсивная фразеосемантика становится призмой, сквозь которую исследователь, вооружившись приёмами когнитивно-дискурсивной фразеологии, видит автора послания как языковую личность, как некий образ, проявивший себя в знаках косвенно-производной номинации.

© Н.А. Калёнова, 2019

Фразеология в частном письме при таком подходе предстаёт как средство объективации не только авторской интенции, но и характерное для данной языковой личности в данной коммуникативной ситуации языковое средство, вербализующее эмоционально-оценочные смыслы. Ф.М. Достоевский пишет жене: «*Как мог я бросить тебя? Зачем я еду? Куда я еду? Мне бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно взросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя богу развитой, направленной, сохранённой, спасённой от всего, что низко и дух мертвит; а я (хоть эта мысль беспрерывно и прежде мне втихомолку про себя приходила, особенно когда я молился) – а я такими бесхарактерными,* ***сбитыми с толку*** *вещами, как эта глупая теперешняя поездка моя сюда, – самоё тебя могу* ***сбить с толку***» (Ф.М. Достоевский А.Г. Сниткиной 17 мая 1887, Hombourg). Адресант использует фразеологический повтор, как нельзя лучше передающий его эмоциональное состояние. ФЕ *сбить с толку* в значении ‘Прост. Приводить в замешательство, в растерянность, в заблуждение кого-либо’ как будто резюмирует написанное им ранее. Языковые средства всех уровней и средства речевой выразительности (риторические вопросы, противопоставление, метафоры, эпитеты и т. д.) поэтапно вербализуют терзания автора письма, а фразеологические единицы номинируют это состояние. Итак, образ адресанта создаётся средствами фразеологического уровня языка во взаимодействии их с другими элементами эпистолярного дискурса.

В эпистолярной фразеологии, как в зеркале, отражается эмоционально-оценочный мир автора письма, в частности, то его эмоциональное состояние, в котором он пребывает в момент создания данного речевого произведения. Такой подход к эпистолярной фразеологии может быть обоснован тем, что «глубинная психология человека, равно как и дискурсивные резервы письма, таковы, что разговор с «другим» скорее предоставляет возможность ещё раз оказаться наедине с самим собой и разрешить в письменной эпистолярно-адресной форме возникшие (а порой ещё и не вполне осознанные) сомнения, и уже в самом процессе письма попытаться их разрешить» [6, с. 85]. Именно поэтому интересен «язык частной переписки, дневниковых записей «среднестатистических» носителей языка (не писателей, не политиков, не общественных деятелей и др.)», поскольку «он представляет особый интерес как с точки зрения социального своеобразия речевых форм в определенной человеческой среде, так и с точки зрения новых тенденций, «точек роста», которые обнаруживаются раньше всего в речи, не скованной нормативными рекомендациями и запретами» [3, с. 226–227].

Философское осмысление феномена эпистолярного взаимодействия репрезентирует акт создания эпистолярного дискурса как моделирование представлений адресанта о себе самом, о событиях, происходящих в актуальной для субъекта реальности. Отталкиваясь от такой интерпретации частной эпистолярной коммуникации, мы приходим к выводу о её роли для адресанта, получающего возможность скоординировать свои представления о себе самом, о своих переживаниях и обо всём том, что его волнует в данный момент, и для исследователя, получающего возможность восстановить эту модель, так как «эпистолярное письмо, как матрица, служит специфичным функционально-смысловым отражателем личности, её идентификационным кодом» [6, с. 32]. Обратимся к фрагменту письма С. А. Есенина: «*Милый Толя!* ***Чёрт бы тебя побрал*** *за то, что ты вляпал меня в эту историю. Во-первых, я в Ростове. Сижу у Нины и ругаюсь* ***на чём свет стоит*** *<…> Лёва достал купе, но в таких купе ездить* ***всё равно, что у турок на колу висеть****…*» (С.А. Есенин А.Б. Мариенгофу, февраль 1922 г., Ростов-на-Дону). Эмоционально, экспрессивно автор письма объективирует своё состояние, в котором перемешаны и гнев, и ирония. Контрастирующие по эмотивному содержанию лексема *милый* и фразема *чёрт бы тебя побрал* нивелируют экспрессивный фактор фраземоупотребления, создаваемый в данном высказывании с помощью комплекса эмоционально-окрашенных единиц.

Сравним есенинский слог и его фраземоупотребления, в частности, с другим фрагментом: *«Любезнейший друг, Вы молодец –* ***ей-богу****, и я не могу не хвалить и не благодарить Вас* ***от души****. Ваше обстоятельное и любопытное письмо доставило мне много удовольствия, а что касается до "Отцов и детей", то я с Вами на их счет* ***как у Христа за пазухой****»* (И.С. Тургенев Н.В. Щербаню, 26 февраля (10 марта) 1862 г., Париж). Искренность эмоционально-оценочного посыла адресанта подчёркивается такими ФЕ, как *ей-богу* в значении 'Разг. Божба, клятвенное заверение в чём-либо; уверен, клянусь; честное слово', от души 'Искренне'. В целом высказывание объективирует радость. ФЕ *как у Христа за пазухой* 'Разг. 1. Очень хорошо, вольготно, без забот, без нужды и хлопот (жить, отдыхать и т. д.). 2. В полной безопасности (быть, находиться, чувствовать себя и т. д.)' коррелирует по смысловому содержанию с общим эмотивным фоном высказывания.

Сравнение характерных для писем С.А. Есенина и И.С. Тургенева фраземоупотреблений позволяет сделать следующие наблюдения: фразеологические единицы – это своеобразные маркеры языковой личности, которые свидетельствуют и о концептуальном содержании её индивидуальной картины мира, и о её тезаурусе. Поскольку эпистолярный дискурс – «словесно выраженное знание внешнего мира», «знаковое отображение индивидуальной картины мира» [4, с. 133], каждый элемент речевого произведения важен в объективации картины мира языковой личности, более того, каждый элемент значим именно как составная часть функционирующей системы, и эпистолярная фразеология не исключение. Фраземоупотребление свидетельствует о наличии ФЕ в тезаурусе языковой личности, умении объективировать эмоционально-оценочную информацию в процессе лингвокреативной деятельности: «*Сегодня меня выбрали в члены ревизионной комиссии на будущий 1893 г. и в почётные мировые судьи. Выборы идут очень хорошо, так как я-де собранию понравился (Ильин в частном разговоре напирал, что не одни крестьяне подают за вас, но и мы и тому подобное). Пока, как новый человек. С одной стороны, как новые обязанности мне это очень неприятно и страшно неловко, так что всё кажется* ***«ворона в павлиньих перьях****», должно быть, натура у меня такая гадкая (не сердись, Тутя)*» (В.И. Вернадский Н.Е. Вернадской, 27 октября 1892 г., Моршанск). ФЕ *ворона в павлиньих перьях* имеет значение 'Ирон. Человек, тщетно пытающийся казаться более важным, значительным, чем он есть на самом деле, старающийся играть более важную, не свойственную ему, роль'. Обратим внимание, что в словарной статье указан эмотивный компонент, объективирующий эмоцию иронии. Высказывание содержит лексемы, номинирующие эмоциональное состояние адресанта: *неприятно, неловко*. Однако информация о том, что адресант относится к описываемой ситуации с иронией, транслируется посредством ФЕ *ворона в павлиньих перьях*. Безусловно, ассоциативно-образные семы, актуализация которых стала возможной благодаря прозрачной внутренней форме, усиливают статус экспрессивной фразеосемантики, что не в последнюю очередь вызвано обрамлением ФЕ кавычками. Внутренняя форма, «находя свою объективацию в интенсионале значения идиомы, имеет сигнификативную природу, т. е.представляет собой эпидигматическую связь между денотатом и коннотацией идиомы, существующую в виде обобщенно-абстрагированного признака понятия или представления о денотате, который формирует определенные ассоциативно-образные коннотации <…> В зародыше такая внутренняя форма содержит и коннотативный, и оценочный, и семантический компоненты» [1, с. 278]. И именно в процессе дискурсивной реализации фразеосемантики актуализация внутренней формы как лингвокреативной деятельности в первую очередь адресанта высвечивает способность его к использованию знаков косвенно-производной номинации с учётом их когнитивно-семантической «многослойности», их взаимодействующему потенциалу. Иначе говоря, взаимодействие с другими элементами эпистолярного дискурса, как видно на примере данного фрагмента, придаёт ФЕ особый статус в объективации

эмоционально-оценочной информации, в частности, позволяет автору проявить свою индивидуальность, ёмко передать большой объём информации.

Образ адресанта создаётся фразеологией разной стилистической окраски. Книжная фразеология в эпистолярии, как правило, объективирует иронию. Например, И.А. Бунин использует книжную ФЕ *до геркулесовых столпов* в значении ‘Книжн. Предел, граница чего-либо, крайность в чём-либо’: «*Тон такой, точно эта редакция дошла чуть ли не* ***до геркулесовых столпов!***» (И.А. Бунин Г.В. Адамовичу, 22 мая 1947 г., Жуан-ле-Пен). Нарочитое включение книжной ФЕ в диссонирующее с ним по стилистическому регистру высказывание высвечивает способность автора экспериментировать с ресурсами языка разных уровней, характеризующую творческую личность автора письма. Когнитивно-дискурсивная обусловленность фраземоупотребления, таким образом, может быть связана с тем, что «дискурс как текстовая реализация речевого поведения отдельно взятой языковой личности выявляет своеобразие её жизненной идеологии, индивидуальные социально-психологические черты» [5, с. 8].

Подводя итог, отметим, что перспективы исследования языковой личности адресанта частного эпистолярного дискурса через призму фразеологии обусловлены интересом к человеку говорящему, основанным на движении научного поиска от речевого произведения к его создателю – носителю лингвокультуры определённой эпохи, с одной стороны, а с другой, – уникальной личности, проявившей эту неповторимость в акте повседневной приватной коммуникации, которая в силу своей специфики предполагает искреннюю репрезентацию внутреннего мира адресанта.

Список использованной литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
2. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: Элпис, 2008. 271 с.
3. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с.
4. *Ковалёва Н.А.* Русское частное письмо XIX века: коммуникация, жанр, речевая структура: дис. … докт. филол. наук. М., 2002. 537 с.
5. *Курьянович А.А.* Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике: монография. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2013. 220 с.
6. *Сапожникова Н.В.* Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2004. 337 с.

А.С. Киндеркнехт
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
г. Пермь

УДК 81-119

К вопросу об исследовании языковой личности в профессиональном дискурсе

Аннотация. В статье идет речь об актуальных в современном языкознании объектах исследования – языковой личности и профессиональном дискурсе. Отмечается взаимообусловленность этих двух явлений. Языковая личность проявляет себя в профессиональном дискурсе, интегрируясь в профессиональное общение и создавая себя как профессиональную языковую личность. Профессиональный дискурс формирует идентичность языковой личности в коммуникативном взаимодействии субъектов профессиональной деятельности. Потенциал исследования типовой языковой личности рассматривается во множестве вербально-знаковых проявлений профессионального дискурса.

Ключевые слова: языковая личность, профессиональный дискурс, обучение, взаимосвязь, профессиональная коммуникация.

A.S. Kinderknekht
Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russia

To the Study of a Linguistic Personality in Professional Discourse

Abstract. The article deals with the research objects that are relevant in modern linguistics: linguistic personality and professional discourse. The interdependence of these two phenomena is noted. The linguistic personality manifests itself in professional discourse, integrating into professional communication and creating itself as a professional linguistic personality. Professional discourse identifies the linguistic personality in the communicative interaction of the professional activity's subjects. The research potential of a typical linguistic personality is considered in professional discourse's variety of verbal and sign manifestations.

Keywords: linguistic personality, professional discourse, training, correlation, professional communication.

В «изучении языка как сущности, творимой человеком и одновременно творящей его» [11, с. 267] исследование языковой личности является весьма продуктивным направлением. В современных лингвистических работах внимание исследователей привлекают персонажи художественного текста, отдельные реальные носители языка, известные и малоизвестные личности, типовые представители различных групп людей: национальных, социальных, территориальных, профессиональных. Коллективный языковой субъект рассматривается лингвистами чаще всего с точки зрения той сферы деятельности, в которой он себя проявляет. В исследованиях языковой личности актуальным является изучение языка и речи как произведения человека, – языка, «в котором отражается его мышление, опыт практической, в том числе профессиональной деятельности» [13, с. 9]. Делая обзор аспектов изучения типовой языковой личности, М.И. Солнышкина отмечает, что в последнее время традиционные связи с социальным классом и территориальная принадлежность уже не являются факторами, влияющими на языковое общение, и «на первый план выходят профессиональные или иные специфические интересы и ценности» [16, с. 6]. Профессиональный дискурс, та-

© А.С. Киндеркнехт, 2019

ким образом, рассматривается сегодня как важнейший фактор, определяющий особенности проявления языковой личности и влияющий на ее формирование.

Цель настоящей статьи – выявление взаимосвязи типовой языковой личности и создающего ее профессионального дискурса. Принимая во внимание точку зрения Е.В. Иванцовой о чрезмерно расширительном употреблении термина «типовая языковая личность», в своей семантике отражающего коллективную безличность [5], будем использовать этот термин для учета дихотомии типичность/индивидуальность и обобщенной характеристики языковой личности в социальном аспекте изучения проблемы «Человек и язык» [8, с. 42], в частности, рассматривая принадлежность homo loquens к определенной профессии.

Языковая личность «неотделима от выполняемой ею деятельности, каждый человек воспринимает действительность сквозь призму собственного опыта» [3, с. 26]. Профессиональный опыт обусловливает коммуникативное поведение коллективного субъекта, «обобщенного представителя определенного социального сообщества» [19, с. 207] – типовой языковой личности. В контексте профессиональной деятельности языковая личность рассматривается в лингвистических исследованиях как профессиональная языковая личность, под которой понимают «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [2, с. 73].

Интеграция языковой личности в коллектив профессиональных языковых личностей, включение ее в профессиональную сферу и формирование у языковой личности определенных качеств, присущих людям данного вида деятельности, невозможны без специального обучения, предполагающего трансформацию уровня профессионального сознания, развитие умений профессионального общения и формирование определенного коммуникативного поведения обучаемого. Профессиональное становление языковой личности обеспечивается следующими аспектами обучения: получение теоретических знаний, знакомство с основными понятиями данной профессиональной области и усвоение необходимой терминологии; практическое применение теории в условно реальных учебных ситуациях с отработкой профессиональных речевых действий в разнообразии профессиональных жанров; общение с людьми, работающими в данной профессии, и накопление опыта эффективного коммуникативного взаимодействия.

Обучение языковой личности невозможно без профессионального дискурса, в который она интегрируется. Профессиональный дискурс, будучи «автономным, самостоятельным объектом изучения», понимается как «особая коммуникативная среда, порождаемая целеполаганием субъектов, специфичная по тематике, оформляемая в соответствии с условиями общения и наполненная определенными языковыми единицами разного уровня обобщения, позволяющими успешно реализовать поставленные коммуникативные цели» [1, с. 28]. В профессиональном дискурсе языковая личность взаимодействует со множеством других субъектов, вовлеченных в профессиональную деятельность и решающих общие для этой деятельности задачи. Эффективность такой профессиональной деятельности определяется именно умением «осуществлять стратегические прогнозы и управление будущим» [10, с. 484].

Профессиональный дискурс – «объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социального взаимодействия людей» [15, с. 45], «вербально опосредованная коммуникация как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения» [4, с. 32]. Присвоение профессиональных норм, развитие дискурсивного мышления и формирование профессионального речевого поведения осуществляется языковой личностью в теории, практике работы и интеракции с профессиональными языковыми личностями, представляющими профессиональный дискурс.

«Дискурс конструирует идентичность аудитории» [14, с. 57], формирует профессиональную идентичность специалиста [17], в то же время в статус профессиональной языковой личности языковая личность переходит в результате профессиональной идентификации. М.А. Черкасова предполагает, что существует коллективное профессиональное сознание, в которое заложены стереотипы поведения и построения коммуникативной деятельности, и языковая личность, становясь членом определенного института, приобретает сложившиеся стереотипы поведения и осваивает профессиональный дискурс, становясь частью коллективного профессионального сознания и, соответственно, профессиональной личностью [18].

Дискурс формирует языковую личность, в то же время языковая личность (в содействии с другими языковыми личностями) формирует дискурс. Подобно тому, как рассматриваемая в философско-психологических исследованиях коллективная личность едина во множестве образующих ее индивидуальных личностей [12], типовая языковая личность проявляет себя в содействии составляющих ее индивидуальных языковых личностей. Профессиональная языковая личность раскрывается «в своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной коммуникации» [2, с. 73].

Вербально-знаковый материал, сопровождающий профессиональную коммуникацию, является основой для постижения профессии и условием доступа к нормам, правилам, задачам и стратегиям профессионального дискурса. Профессиональный дискурс определяется через любые семиотические формы, используемые профессионалами: «разговорные, письменные или визуальные, составляемые и составляющие социальные и доменные контексты» [7, с. 147]. В.А. Митягина и Т.Ю. Махортова справедливо отмечают: «Ценности дискурса, акценты его предметной сферы создают “полотно” речи, а языковые средства – необходимый “рисунок”» [9, с. 130]. В дискурсе «рисунок» создается языковой личностью, профессионально обученной и профессионально ориентированной. Во множестве проявлений реальным результатом воплощения профессионального дискурса выступает так называемый «дискурс личности», дискурс отдельной языковой личности «как единственно возможный для языковеда источник ее изучения» [6, с. 11]. Исследование языковой личности в профессиональном дискурсе возможно через изучение профессионального общения репрезентирующих дискурс языковых личностей, осуществляемое в той или иной форме. Выбор метода исследования зависит от конкретного типа языковой личности и от особенностей профессионального дискурса.

Как видим, при обращении к исследованию языковой личности в сфере практической деятельности обнаруживается диалектическое единство типового языкового представителя отдельного профессионального сообщества и профессионального дискурса как определенной коммуникативной среды, в которой языковая личность созидает себя как профессиональную языковую личность. Языковая личность интегрируется в профессиональный дискурс посредством получения знаний, взаимодействуя с профессиональными языковыми личностями, принимая и присваивая нормы и стереотипы коммуникативного поведения и нацеливаясь на реализацию общих профессиональных целей.

Профессиональный дискурс формирует идентичность профессиональной языковой личности, и в то же время языковая личность в содействии с профессиональными языковыми личностями дискурса формирует профессиональный дискурс. Изучение языковой личности в профессиональном дискурсе осуществляется через вербально-знаковый материал как продукт отдельных языковых личностей, реализующих себя в профессиональном общении. Исследование типовой языковой личности в создающем ее профессиональном дискурсе представляется весьма перспективным для теории языковой личности и востребованным для практики языковой подготовки специалистов отдельного профессионального коллектива.

Список использованной литературы

1. *Галич Г.Г., Клёстер А.М.* Профессиональный дискурс как среда функционирования категорий мышления // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). С. 28–35.

2. *Голованова Е.И.* Профессиональная языковая личность уральского рабочего // Культура провинции: сборник научных статей. Курган: Курганский государственный университет, 2010. С. 73–75.

3. *Голованова Е.И.* Профессиональный дискурс и художественный текст (к проблеме полидискурсивности) // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. Т. 4. № 4. С. 26–30.

4. *Голованова Е.И.* Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 32–35.

5. *Иванцова Е.В.* О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 24–32.

6. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.

7. *Кочемасова Д.Р., Воронина Е.Б.* Профессиональный дискурс // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12. № 3 (31). С. 146–151.

8. *Кочеткова Т.В.* Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 534 с.

9. *Митягина В.А., Махортова Т.Ю.* Дискурсивные реализации жанра: приветственная речь // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 128–134.

10. *Моторная С.Е.* Дискурс и профессиональная деятельность в современном обществе // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность, текст: сборник статей. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016. С. 484–489.

11. *Никитина Л.Б., Орлова Н.В.* Омская лингвоантропологическая школа М.П. Одинцовой // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (69). С. 267–268.

12. *Никитина О.А.* К вопросу о типологии языковой личности в аспекте неологизации // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 75–87.

13. *Панова М.Н.* Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: дис. … д-ра филол. наук. М., 2004. 393 с.

14. *Радюк А.В., Храмченко Д.С.* Речевые маркеры идентичности в экономическом дискурсе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 4. С. 53–65.

15. *Седов К.Ф.* Общая и антропологическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 440 с.

16. *Солнышкина М.И.* Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: дис. … д-ра филол. наук. Казань, 2005. 393 с.

17. *Фадеева О.А.* Дискурс профессионального знания: профессиональное становление и формирование профессиональной идентичности будущего специалиста // Высшее образование сегодня. 2016. № 4. С. 2–5.

18. *Черкасова М.А.* Институциональный дискурс – продукт профессиональной языковой личности // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2013. № 6. С. 116–122.

19. *Щитова О.Г., Савилова С.Л.* Групповая языковая личность студента высшей школы: типические признаки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3–1 (33). С. 206–209.

Ю.И. Корсакова
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

УДК 81'367.7

Языковая личность ученого-лингвиста через призму использования дискурсивных маркеров (на материале устной публичной речи А.А. Зализняка)

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурсивных маркеров в речи ученого-лингвиста. Автор рассматривает употребление данных единиц как значимую характеристику профессиональной языковой личности. В центре внимания статьи – устная публичная лекция «О берестяных грамотах из раскопок сезона 2017 года» академика А.А. Зализняка. Дается подробная характеристика комментирующих и организующих дискурсивных маркеров, содержащихся в данном тексте. Проведенный анализ раскрывает А.А. Зализняка как личность, использующую языковую игру и придающую личностный характер сообщаемой информации.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, языковая личность, дискурс, устная речь, публичная речь, научный дискурс.

Yu.I. Korsakova
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

Language Personality of the Scientist-linguist Through the Prism Use Discourse Markers (on the Material of A.A. Zaliznyak's Oral Public Speech)

Abstract. The article reveals the analysis of discourse markers in the linguistic scientist's speech. The author considers the use of these units as a significant characteristic of a professional language personality. The focus of the article is on oral public speech "About birch bark scrolls from the excavations of the 2017 season" by academician A.A. Zaliznyak. There is a detailed description of commenting and organizing discursive markers contained in this text. The study reveals A.A. Zaliznyak as a personality who actively uses the language game and gives the personal nature of the information.

Keywords: discourse marker, linguistic personality, discourse, oral speech, public speech, scientific discourse.

Анализ языковой личности является актуальным направлением исследований в современной когнитивно-дискурсивной парадигме научного знания, в числе ключевых установок которой, по выражению Е.В. Рахилиной, «всплеск интереса к "человеческому фактору" в языке» [6, с. 13]. Под языковой личностью принято понимать «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, а также определенной целевой направленностью» [5, с. 3].

Ученый-лингвист представляет собой один из типов профессиональной языковой личности, за которым стоит комплекс «интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [3, с. 114]. Анализ языковой личности ученого, в том числе филолога, лингвиста, пред-

© Ю.И. Корсакова, 2019

ставлен в ряде научных работ (см., например: [1], [2], [4]), однако, на наш взгляд, в большинстве из них либо игнорируется, либо недостаточно учитывается характеристика личности посредством дискурсивных маркеров. Между тем именно дискурсивные маркеры позволяют проникнуть в акт речепроизводства и интерпретации высказываний: функция данных единиц – маркировать характер речевого взаимодействия и связанные с этим лингвокультурные и этноментальные особенности говорящего. Исходя из того, что «в предпочтениях конкретной личности, в образе ее мышления проявляются важнейшие национально-культурные ценности и стереотипы» [2, с. 11], анализ языковой личности без опоры на дискурсивные маркеры представляется неполным.

В настоящей статье исследуется функционирование дискурсивных маркеров в речи академика А.А. Зализняка. Объектом анализа послужила его публичная лекция «О берестяных грамотах из раскопок сезона 2017 года» (видеозапись продолжительностью 2 часа 34 минуты 48 секунд размещена в свободном доступе в сети Интернет). Данная лекция является примером устного учебно-научного дискурса, в связи с чем «говорящий сознательно приспосабливает свою речь в языковом отношении к социально-психологическим характеристикам аудитории, которые включают интеллектуальные и возрастные особенности слушателей, их жизненный опыт, интересы, уровень знаний» [7, с. 393].

Для лучшего понимания слушателями содержания лекции А.А. Зализняк прибегает к дискурсивным маркерам довольно часто – при анализе нами выявлено более двухсот употреблений. Большая часть из них представляет собой комментирующие маркеры – единицы, направленные на уточнение смысла высказывания, прояснение отношения автора к высказыванию или сигнализирующие о том, что следующее высказывание является комментарием к предыдущему. Например: *если не ошибаюсь, вообще (говоря), по-видимому, скажем так, так сказать, совершенно, конечно, к сожалению, к счастью, наверное, пожалуй, весьма, в значительной степени, в высшей степени, безусловно, вполне безупречно, замечательно, прекрасно, изумительно, естественно, короче говоря* и др.

Были выявлены также организационные маркеры, указывающие на то, как данное сообщение связано с предыдущим дискурсом. Отметим, что лексическое разнообразие единиц этого вида значительно беднее, однако это компенсируется количеством их употреблений. К названной группе дискурсивных маркеров относятся слова: *в частности, а именно, итак, вот, ну*.

Среди комментирующих маркеров в первую очередь обращают на себя внимание единицы со значением уверенности/неуверенности. К ним относятся маркеры *конечно* (33 употребления), *если не ошибаюсь* (1), *по-видимому* (3), *наверное* (3), *пожалуй* (2), *скажем* (6) и целый ряд слов со значением крайней степени, исключительности, выделения предмета из ряда похожих: *совершенно* (33), *замечательно* (10), *весьма* (1), *прекрасно* (4), *изумительно* (1), *безусловно* (1), *в высшей степени* (1), *в значительной степени* (1) и *вполне безупречно* (1).

Практически во всех случаях исследуемые слова определяются как десемантизированные, а значит, дискурсивные. Однако в некоторых контекстах установить функцию таких слов однозначно не представляется возможным, поэтому при подсчете мы учитывали все спорные случаи. Так, в реплике «*Какой 14-й век!* ***Совершенно*** *21-й!*» к уже существующим значениям наречия *совершенно* добавляется значение уверенности в собственных словах, в связи с чем его синонимом выступает дискурсивный маркер *конечно.* В другом контексте А.А. Зализняк сочетает маркер крайней уверенности *конечно* с маркером неуверенности *наверное*: «*Была найдена также цера, вещь очень ценная,* ***конечно****, но,* ***к сожалению****, никакого сравнения с церой 11-го века, про которую вы,* ***наверное****, слышали, не представляет*». Дополнительную нагрузку здесь создает маркер оценки *к сожалению*, употребленный в исследуемом тексте 5 раз. Умение использовать дискурсивные маркеры с противоположными значениями в пределах одного высказывания характеризует А.А. Зализняка как языковую личность, обладающую богатым словарным

запасом и способную реализовать языковую игру (ср.: *Эта задача немножко слишком сложная*).

Организационные маркеры не могут создавать языковую игру, однако они «продвигают» дискурс, оформляя его структурно, и передают информацию о том, как высказывание должно быть интерпретировано. Самым частотным среди них является дискурсивный маркер *итак* (14 употреблений). В большинстве случаев данный дискурсивный маркер используется не для того, чтобы подытожить сказанное, а для возвращения к основной теме после отступления от нее или ее уточнения. Так, при записи на доске А.А. Зализняк объясняет множественное число написанного слова *постойте* следующим образом: «*Вы постойте. Даже необязательно имеется в виду, что именно Офонос и Терентий. Они тоже, но может быть и шире, так что это давно мы заметили в берестяных грамотах такую особенность, что вопрос числа в обращении очень свободен по отношению к правилам современного языка. Каждый раз человек может в мысли решить, что он имеет в виду не только прямого адресата, но еще и кого-то, кто вместе с ним, кто с ним солидарен, кто с ним думает одно и то же, и тогда будет множественное число. Итак, постойте. Дальше слово, которое написано так, что вам немножко не понравится…*». После приведенного им пояснения при помощи маркера *итак* ученый возвращается к изложению содержания текста берестяной грамоты и его записи на доске.

Из организационных маркеров следует выделить также единицы *вообще* и *вообще говоря*. В словарях они отмечены как синонимы, в данной работе мы тоже не будем их разграничивать. Эти дискурсивные маркеры используются говорящим в течение лекции 8 раз, чаще всего в виде сочетания *вообще говоря* (6 употреблений). В нескольких случаях указанный маркер сигнализирует о тональности и оценке, то есть приобретает дополнительные оттенки маркера манеры речи и сближается тем самым с комментирующими маркерами. Такое значение актуализируется во фразе: «*В этом году сезон, вообще говоря, начался малообнадеживающе*». При кажущемся обобщении фактов А.А. Зализняк передает в данной реплике в первую очередь личностное отношение к началу сезона, то есть проявляет доверительное отношение к слушателям, надеясь на их понимание. В данном контексте *вообще говоря* соответствует другому дискурсивному маркеру с функцией оценки *честно говоря*. Точно такое же значение наблюдается и в контексте «*Мы, вообще говоря, не очень точно знаем, какая здесь строка первая, какая вторая*».

Таким образом, анализ комментирующих и организационных маркеров, присущих устной публичной речи А.А. Зализняка, позволил обнаружить способность исследуемой личности к языковой игре (через использование богатства смысловых оттенков слов), а также умение создавать доверительную интонацию речи путем расширения семантики дискурсивного маркера *вообще говоря*. Академик как бы пропускает сообщаемое через свой жизненный опыт, пережитое и прочувствованное им во время раскопок. Ученый стремится донести информацию таким образом, чтобы она была понятна и интересна всем слушателям, поэтому пытается объяснить как можно больше моментов, связанных с берестяными грамотами, каждый раз возвращаясь к изложению с помощью дискурсивного маркера *итак*.

Список использованной литературы

1. *Вахтель Н.М. Голицына Т.Б., Распопова Т.И.* Языковая личность лингвиста // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 28–30.

2. *Голованова Е.И.* В.И. Даль как языковая личность: модель лексикографического описания // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 5–12.

3. *Голованова Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2011. 224 с.

4. *Дубровская Д.В.* В.П. Тимофеев как модельная языковая личность ученого-лингвиста // XX Уральские Бирюковские чтения. Краеведческие поиски и находки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В.П. Бирюкова. Челябинск: Абрис, 2013. С. 131–134.

5. *Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8.

6. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.

7. *Чубарова Ю.Е.* Роль дискурсивных элементов в формировании институционального характера учебно-научного дискурса (на материале английского языка) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 49. С. 393–396.

А.В. Ляпина
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
Омск

А.А. Риферт
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
Омск

УДК 821.161.1

Литературные юбилеи в омском журнале «Искусство» периода Гражданской войны (1921–1922): к 100-летию Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского

Аннотация. В статье представлены актуальные смысловые доминанты отражения в омском журнале «Искусство» (1921–1922 гг.) биографии и творчества Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова, чей столетний юбилей пришелся на катастрофические годы гражданской войны. Делается вывод о том, что в оценке юбиляров ярко просматриваются как особенности мировосприятия авторов публикаций, так и особенности интеллектуальной и духовной жизни России на фоне катастрофических, кризисных явлений национальной жизни, обусловленных историческими катаклизмами начала XX века.

Ключевые слова: литературный юбилей, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, омский журнал «Искусство», гражданская война.

A.V. Lyapina
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

A.A. Rifert
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Literary Anniversaries in Omsk Magazine “Art” During the Civil War (1921–1922): to the Hundred Anniversary of Nekrasov and Dostoevsky

Abstract. The article presents the actual semantic dominants of perception by the magazine of provincial Omsk “Art” (1921–1922) of biography and creativity of F. M. Dostoevsky and N. A. Nekrasov, whose centenary fell on the catastrophic years of the civil war. It is concluded that the assessment of anniversaries clearly visible as the features of the worldview of the authors of publications, and especially the intellectual and spiritual life of Russia against the background of catastrophic, crisis phenomena of national life, due to historical cataclysms of the early XX century.

Keywords: literary anniversary, N.A. Nekrasov, F.M. Dostoevsky, Omsk magazine “Art”, civil war.

Россия, обладая культурной памятью о праздновании столетних юбилеев классиков национальной литературы, вступила в эпоху празднования двухсотлетних юбилеев писателей и поэтов. В этой ситуации важно понимать, какая ценностно-смысловая структура русской литературы была актуализирована в эпоху столетних юбилеев, чтобы увидеть

© А.В. Ляпина, А.А. Риферт, 2019

духовные и интеллектуальные изменения в жизни общества в преддверии двухсотлетних юбилеев.

Столетний юбилей Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского выпал на катастрофические годы гражданской войны, на период перестройки общественного сознания, тем не менее наследие русской литературы оставалось востребованным как общероссийское достояние мирового масштаба. В ситуации глобальных социокультурных сдвигов возникает особая необходимость изучения юбилейных событий, которые являются не только данью памяти, но и серьезным культурным катализатором, влияющим на современное восприятие наследия классиков русской литературы.

Актуальность исследования объясняется важностью изучения юбилеев классиков русской литературы как способа актуализации в обществе культурного наследия золотого века русской словесности, являющегося стратегическим ресурсом национальной и региональной идентичности.

Юбилей как научная проблема активно разрабатывается учеными-филологами. В статьях М.А. Черняк «Феномен литературного юбилея: proetcontra» (2012); Ю.С. Подлубновой «Юбилей писателя – событие литературной жизни Среднего Урала» (2012); Н.В. Жиляковой «Два “литературных юбилея”: проблема рецепции русских писателей в провинциальной дореволюционной периодике» (2012); Е.Е. Анисимовой «В.А. Жуковский: между двух юбилеев» (2013); С.Н. Морозова «25-летний юбилей литературной деятельности И.А. Бунина в освещении русской печати 1912–1913 гг.» (2014); Н.В. Барковской «Литературная репутация Людмилы Татьяничевой (в преддверии 100-летнего юбилея)» (2014); Н.Г. Урванцевой «Гоголевские юбилеи на страницах дореволюционной печати города Петрозаводска» (2015); А.В. Ломоносова «Феномен юбилеев в литературном процессе: (к 160-летию со Дня рождения В.В. Розанова) (2016) и др. рассматриваются различные стратегии создания литературных репутаций, жанровое своеобразие юбилейного текста, специфика рецепции юбилейной даты в массовом сознании.

Цель настоящего исследования – выявить проблемные вопросы журнальных публикаций, посвященных Ф.М. Достоевскому и Н.А. Некрасову.

Материалом исследования стали юбилейные публикации в омском журнале «Искусство» за 1921–1922 гг.

Журнал «Искусство» – это журнал искусств, литературы и техники, временник Гублитосекции и Сибирского художественно-промышленного практического института, который издавался в Омске с 1921 по 1922 гг. В свет вышло два номера журнала-временника: № 1 – в 1921 году (тираж: 400 экз.); № 2 – в 1922 году (тираж: 500 экз.). Журнал стал заметным событием в художественной жизни «нового» Омска и Сибири в целом и привлёк внимание читателей своим художественным оформлением, обилием чёрно-белых и цветных иллюстраций.

В журнале были опубликованы юбилейная статья историка, профессора Омского медицинского института Георгия Владимировича Круссера «Художник рабов», посвященная 100-летнему юбилею со дня рождения Ф.М. Достоевского, и юбилейные статьи поэта, журналиста, литературного критика Георгия Андреевича Вяткина «Художник темных глубин» (к 100-летию Достоевского) и «Поэзия честной мысли и чуткой совести» (к 100-летию Некрасова).

Г.В. Круссер был активным сторонником большевиков, партийным деятелем. Уже в названии статьи – «Художник рабов» – проявляется негативное отношение автора к юбиляру. По мнению Круссера, Достоевский создавал свои произведения для поколения, которое привыкло к рабству, которое не представляет жизни без подчинения, будь то мировое рабство человека перед Богом или же политическое рабство народа, подчиненного своему царю. И то и другое отрицательно влияло на новую идеологию, которую пропагандировал Круссер: «*Царь и церковь – колыбель, в которой Достоевский собирался ука-*

чивать русский народ. Страшные воспитатели, способные обескровить всё живое!» (Искусство, 1922, № 2, с. 55). Привычные для русского народа идеалы стали теперь, как и сам Достоевский, *«непонятными»* и даже *«враждебными»*.

Круссер видит отсутствие в произведениях Достоевского *«веры в силы человека и общества, в борьбу за высшие достижения жизни»*. Автор называет Достоевского *«церковником-теократом в философии, абсолютистом и обскурантом в политике»*, обвиняет его в том, что он душит все свежее *«большой идеей» – богочеловечеством»* (Искусство, 1922, № 2, с. 55). Религия и политика – две основные идеи творчества Ф.М. Достоевского. Круссер убежден, что религия для современного человека интересна лишь как процесс возникновения и абсолютно бесполезна для развития и устроения жизни. И нынешняя политика весьма далека от той, которую идеализирует Достоевский.

Г.В. Круссер отрицает великое наследие писателя и призывает признать, что *«Достоевский остался и останется навсегда в прошлом, связанный своей идеологией с самыми мрачными и глухими временами русской жизни. Настоящему он ничего не может сказать, кроме скверных анекдотов из подполья»* (Искусство, 1922, № 2, с. 56).

Идеи историка вполне объяснимы: в период расцерковления сознания и становления новой идеологии были неактуальны те духовные ценности, которые проповедовал Достоевский, которыми Россия жила и которые передавала по наследству.

Создавая негативный образ Достоевского, историк продолжал традицию революционно-демократической критики конца XIX века, которая объявила Достоевского «попутчиком», а его талант назвала «жестоким» (Н.К. Михайловский, П.Н. Ткачев). За писателем надолго закрепились идеологические штампы «*больной, надломленный человек*», «*присущи реакционные настроения»*, «*идет против прогрессивных течений русской литературы»* и др. [1, с. 274–276].

Г.А. Вяткин – омич, талантливый поэт и писатель, журналист, драматург, организатор и пропагандист литературного дела в Сибири; он активно сотрудничал с крупнейшими газетами и журналами Сибири, Санкт-Петербурга, Москвы, часто посещал столицы, Польшу и Финляндию, был на Украине, в Крыму. Он переписывался, общался с такими крупными поэтами и писателями России, как И. Бунин, А. Блок, В. Короленко, М. Горький, В. Брюсов, А. Толстой, А. Куприн.

Большевистский переворот в октябре 1917 года был принят им враждебно. Вяткин в 1918 году возвращается в родной Омск и выступает на стороне «белого движения» Он заведовал бюро газетных вырезок при Управлении делами омского Правительства адмирала А.В. Колчака. Этот факт биографии затем был дважды ему инкриминирован в формулировке, не оставляющей никаких надежд на помилование.

Разочаровавшись в последствиях революции и тяжело переживая страдания своего народа в период гражданской войны, Г.А. Вяткин в юбилейной статье представляет ключевые идеи Достоевского в аспекте размышления о будущем русского народа и России.

Очерк «Художник темных глубин» представляет собой «сжатое изложение доклада, сделанного автором на юбилейном вечере памяти Достоевского, и печатается на началах дискуссии – в целях наиболее полного освещения творчества этого писателя, ныне столь спорного» (от редакции). Ключевыми для понимания сути Достоевского становятся четыре тезиса:

1. Достоевский раскрыл истоки преступлений, и искать их нужно в темных и загадочных глубинах человеческой души: *«… это те аффекты, страсти, душевные бури и взрывы, которые не перестанут смущать и возмущать человечество даже при условии всеобщей справедливости и сытости»* (Искусство, 1922, № 2, с. 56). Только знание глубин человеческой сущности, по Достоевскому, может спасти человечество от *«внутреннего хаоса»*, который и приводит к преступлению.

2. Достоевский изобразил человеческую боль и страдания, показал «мировую дисгармонию в различных её проявлениях»: *«Страдание и боль не дают покоя сознанию: ежечасно, ежеминутно проступают они из всех пор и щелей жизни, куда ни взгляни – всюду тысячи несчастных, обиженных, замученных, в каждой семье какая-нибудь драма, в каждом доме свои палачи и жертвы, и отовсюду на вас смотрят заплаканные глаза, и даже безвинные дети мучаются и погибают»* (Искусство, 1922, № 2, с. 57). В отличие от своих предшественников – революционеров-демократов и современников – Вяткин не критикует, а объясняет причины столь пристального внимания писателя к дисгармонии жизни: *«Это неприятно и жестоко, но это необходимо прежде всего для того, чтобы знать о человеке всю правду, какой бы печальной и горькой она ни была, и если можно – преодолеть её, если нельзя – помнить, что она есть»* (Искусство, 1922, № 2, с. 57).

3. Достоевский – человек, верующий в ценность христианских идеалов, но ради истины и справедливости он готов *«восстать против Бога и потребовать отчета о печальных судьбах человечества».* Но трагедия Достоевского в том, что в мире нет справедливости: «*Этой абсолютной истиной и справедливостью мог бы быть только Бог, если бы он существовал; и поскольку писатель в него верит – постольку он ждёт, требует и жаждет осуществления царства Божия на земле…. Да и само христианство, если только оно – подлинное, идеальное христианство – не жизненно, это писатель ясно и с болью сознаёт. Железные законы земли, суровые условия экономики – для таких тонких и чистых натур, как Христос, нагорная проповедь которого столь же прекрасна, сколь и не приспособлена и непригодна для земного быта»* (Искусство, 1922, № 2, с. 58). В качестве доказательства своего тезиса журналист приводит в качестве примера печальную судьбу князя Мышкина.

4. Произведения Достоевского – *«самый сильный в мировой литературе протест против мещанского довольства и тупости, это колоссальный взрывчатый снаряд, подведённый под дом, где живут мещане всего мира»* (Искусство, 1922, № 2, с. 59).

Вяткин завершает свою статью словами Ф. Ницше: *«Бдите и слушайте чутко, вы, страдающие, вы, одинокие. Оттуда, со стороны будущего, неслышными взмахами крыльев приближаются ветры, и до чуткого слуха доходит благая весть. Поистине, местом выздоровления должна ещё стать земля. И уже веет вокруг неё новым благоуханием и новой надеждой»* (Искусство, 1922, № 2, с. 60).

Г.А. Вяткин усматривает в идеях Достоевского пророческий смысл. Братоубийственную войну 1920-х годов омский журналист рассматривает как преступление, истоком которого являются все те же эгоистические страсти и аффекты, идущие из темных глубин человеческой души. Благодаря тому что Достоевский пролил свет осознания на наследие тысячелетий, у человечества появился шанс сбросить с себя кошмар темного прошлого и создавать «чистое» будущее на земле.

В том же номере журнала вышла еще одна юбилейная статья Г. Вяткина, посвященная 100-летию Н.А. Некрасова, – «Поэзия честной мысли и чуткой совести».

Необходимо отметить, что полемика вокруг Некрасова разгорелась в юбилейный год. К.И. Чуковский в 1920 году выпустил первое советское научное издание «Стихотворений» Некрасова, в 1921 году в издательстве «Эпоха» вышли его статьи о Некрасове, в которых были представлены «неблагоприятные для цензуры» биографические сведения. Литературовед В.Е. Евгеньев-Максимов упрекал Чуковского в том, что он «выносит на широкое обсуждение такие стороны в жизни и характере поэта, наличность которых может быть использована как нечто позорящее его память» (цит. по: [2, с. 292–593]). Напротив, юрист Анатолий Федорович Кони, который хорошо знал Некрасова, высоко оценил очерки Чуковского: «Давно не читал я ничего до такой степени удовлетворяющего нравственное чувство и кладущего блистательный конец односторонним толкованиям и поспешно-доверчивым обвинениям» (цит. по: [2, с. 593–594]).

Статья омского журналиста оказалась заметным явлением в контексте разгорающейся полемики в столичных изданиях вокруг Некрасова, если учесть, что сам Вяткин вряд ли мог знать о столичных дискуссиях. Это был нетрадиционный взгляд на поэта. Революционная идеология продолжала представлять Некрасова как «идеал художника», как «борца за свободу народа» (Михайловский), как человека сильного, способного «оплакать свои грехи и покаяться в них» (Ленин).

Вяткин и в статье о Некрасове избегает категоричных оценок юбиляра; подчеркивает внутреннее единство жизни и творчества поэта. Создавая психологический портрет Некрасова, автор акцентирует внимание на двойственности как характерной черте натуры поэта, приводя в качестве аргументов факты из его биографии: от отца он унаследовал *«практическую сметку»*, от матери – *«идеализм в прямом смысле этого слова»:* «*Борьба между идеализмом и практицизмом длилась всю жизнь. Она была его мучительной казнью». «И когда побеждала практическая сметка – в Некрасове побеждал отец, а когда поэт писал свои задушевные стихи, звал к труду, к жертве, к подвигу, когда в нём с новой силой вспыхивал идеализм – побеждала мать»* (Искусство, 1922, № 2, с. 64).

Напряженная работа Некрасова в редакции, его обличительные стихи – это прагматическая составляющая биографии Некрасова, которая обедняла его творчество, *«мешала быть поэтом»* (Искусство, 1922, № 2, с. 64).

Настоящую славу обеспечили поэту задушевные стихи о русских людях: *«С подкупающей теплотой и вдумчивостью говорит он о нашей русской природе, о девушках, о матерях, о детях»* (Искусство, 1922, № 2, с. 70). Эти темы не потеряют своей актуальности, не перестанут волновать и вызывать восхищение, независимо от перемен, происходящих в государстве и обществе. Покаянные мотивы в лирике поэта Вяткин связывает с активностью чуткой совести Некрасова: *«Сердце писателя, совесть его выступают перед нами в роли его собственного палача…»* (Искусство, 1922, № 2, с. 56).

Некрасов и его современники возлагали большие надежды на крестьянскую реформу, однако испытали глубокое разочарование, подобно тому, как и сам Вяткин, уповающий на революцию, разочаровался в ее результатах. Вяткин завершает свою статью в традициях юбилейного очерка размышлениями о месте поэта и его поэзии в истории русской литературы и культуры, в истории общественной мысли России: «*В историю русской общественной мысли, в историю политической и социальной борьбы имя Некрасова вошло как один из главнейших факторов, подготовлявших революцию»; «он не мог быть сам революционером, но для революции он сделал гораздо больше, чем многие активные революционеры, ибо целые поколения подымал он на борьбу своим выстраданным, волнующим стихом»* (Искусство, 1922, № 2, с. 74).

Некрасов умел *«делать не безотрадные выводы из безотрадных картин»*, и в этом заключалась сила его лирики. В заключение автор констатирует, что надежды Некрасова сбылись: *«Россия свободна»*. И, несмотря на свое разочарование в последствиях революции, Вяткин, как и Некрасов, верит, что *«если она ещё не может назвать себя счастливой, то всё же счастье это недалеко, и она его добудет»*. *«А горького забвения Некрасову бояться нечего: освобожденная Родина несет ему глубокий поклон, а его песни звучат не только над Волгой и Камой, но и над Иртышом, Енисеем и Леной»* (Искусство, 1922, № 2, с. 75),– такой оптимистичный вывод делает Г. Вяткин.

Таким образом, Ф.М. Достоевский и Н.А. Некрасов включены авторами юбилейных очерков в идеологический контекст времени и рассматриваются сквозь призму аксиологических исканий постреволюционой эпохи. Новая идеология наложила отпечаток на восприятие творчества писателей XIX века, и, наоборот, мировоззрение художников, их психологическое состояние оказались созвучны журналисту, поэту и литературному критику Г.А. Вяткину, остро переживающему трагические противоречия эпохи. Как журналист и писатель, он пытается оправдать новый режим, найти новые позитивные тенден-

ции в современной жизни, но поэтический талант противится новому строю и прорывается болью и растерянностью в его стихах. Личная и общенациональная трагедия нашла отражение в драматическом пафосе очерков о Достоевском и Некрасове.

Итак, авторы юбилейных текстов, используя различную информацию о юбилярах (факты биографии, исторические явления и обстоятельства), привлекая произведения, критические оценки личности юбиляра, хвалебные отзывы, конструируют творческую биографию героев своих очерков и статей. В представленном анализе юбилейных текстов хорошо видно, что единой структуры, схемы и законов эти тексты не имеют. Каждый автор выбирает источники, формы и художественные средства исходя из своей личной позиции.

Список источников

Вяткин Г.А. Поэзия честной мысли и чуткой совести: очерк // Искусство: журнал искусств, литературы и техники. Омск, 1922. № 2. С. 61–75.

Вяткин Г.А. Художник тёмных глубин: очерк // Искусство: журнал искусств, литературы и техники. Омск, 1922. № 2. С. 56–60.

Круссер Г.В. Художник рабов: статья // Искусство: журнал искусств, литературы и техники. Омск, 1922. № 2. С. 53–56.

Список использованной литературы

1. *Зерчанинов А.А., Райхин Д.Н., Стражев В.И.* Русская литература: учебник для 9 класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1954. С. 274–276.

2. *Иванова Е., Мельгунов Б.* Рассказы о Некрасове. Комментарий // Чуковский К.И. собр. соч.: в 5 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. Т. 5. С. 592–596.

О.Ю. Николенко
Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

УДК 811.161.1

Отражение современного понимания феномена родства в народно-разговорной речи

Аннотация. В статье рассматривается новое понимание обществом и личностью родственных отношений, которое приводит к постепенному изменению содержания концепта родства. Общество меняет отношение к семье и браку как основе родственных отношений. На первый план выдвигаются не биологические и социальные факторы, а психологическое осознание родства. Тенденции развития концепта лучше заметны в народно-разговорной речи как наименее консервативной подсистеме языка.

Ключевые слова: родство, термины родства, концепт, народно-разговорная речь, лексика, лексическая группа.

O.Yu. Nikolenko
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

The Reflection of the Modern Understanding of the Phenomenon of Kinship in Colloquial Speech

Abstract. The article considers a new understanding of the relationship between the society and the individual, which leads to a gradual change in the content of the concept of kinship. Society changes attitudes toward family and marriage as the basis of kinship relationships. It is not biological and social factors that come to the fore, but the psychological awareness of kinship. Concept development trends are more noticeable in colloquial speech as the least conservative language subsystem.

Keywords: kinship, kinship's terms, relationship, concept, colloquial speech, vocabulary, lexic, lexical groupe.

Феномен родства одновременно является феноменом природным, основанным на биологической связи объектов, и феноменом культурным, демонстрирующим не только постепенное осознание человеком природной связи, но и результат деятельности общества по закреплению этой связи в социальном поведении. Сложность и длительность формирования структуры самого феномена родства отражается в структуре языкового концепта. Возникший в глубокой древности концепт родства со временем не только приобретал языковые новации, отражающие новое понимание родства, но и сохранял древнейшие языковые единицы, модифицируя при необходимости их содержание. Процесс развития концепта родства продолжается, так как не может быть остановлено осмысление человеком своего места в мире [1].

Описание репрезентации в языке и путей развития любого базового концепта, к которым, безусловно, относится феномен родства, должно опираться на как можно более полный и широкий охват языкового материала как в вертикальном (хронологическом), так и в горизонтальном (социолингвистическом) отношении. Тенденции развития системы языка быстрее и ярче отражаются в тех языковых стратах, которые характеризуются свободным отношением к языковой норме, т. е. находящихся за пределами или на границе литературного языка. В этом смысле исследование не-литературного дискурса может

© О.Ю. Николенко, 2019

показать направление движения языковой системы, пока не проявившееся или проявившееся незначительно в консервативной языковой среде.

В реальном процессе функционирования идиомы русского национального языка не разделяются резкими границами, что порождает интерес исследователей к разговорной речи как отдельному явлению (О.Б. Сиротинина, Е.А. Земская, Т.Г. Винокур, В.В. Химик и др.). Понятие народно-разговорной речи [2, с. 5–11] объединяет все разновидности бытования языка в ситуации непосредственного неформального общения современного русскоязычного общества: 1) разговорная речь носителей литературной нормы, 2) просторечие, 3) возрастные, профессиональные и социальные диалекты (жаргоны), 4) получившие широкое распространение элементы территориальных диалектов (сельских говоров). Отметим, что современная народно-разговорная речь (НРР) представлена не только устной формой, которая остаётся основной, но и формой письменной, доля которой постепенно увеличивается в связи с развитием электронной коммуникации (чаты, форумы, блоги, личные дневники и диалоги в Интернете, как правило, содержат именно записи НРР). В известной степени это облегчает задачу по фиксации новых элементов народно-разговорной речи.

Основными репрезентирущими единицами для концепта родства являются так называемые термины родства, отражающие позиционные отношения лиц, включаемых в круг родственников. Являясь собственно терминами для ряда гуманитарных наук, описывающих строгие системы родства (этнография, социология и т. д.), в общенародном языке эти лексемы предстают как номинации, имеющие вариативность как формы, так и значения, развитую синонимию стилистического характера, а сама система родства может расширяться или сужаться в количественном отношении. Эта подвижность и демонстрирует пути развития лексической группы и концепта в целом.

Вся совокупность номинаций родства может быть условно разделена на две группы: 1) общеязыковые регулярные номинации, относящиеся к общему лексическому фонду, общеизвестные и общеупотребительные, имеющие фиксированные форму и значение, а также устоявшиеся стилистические различия, употребляются независимо от состава и особенностей социального коллектива общающихся (*мать, мама, отец, папа, батя, брат, братик, племянник, племяшка, дедушка, баба, прабабушка, дочка, дочь, доченька, сын, свекровь, тесть, шурин, двоюродный брат, внучатый племянник* и т. д.); 2) разговорные окказиональные номинации разового и ограниченного употребления и окказионально-специфические номинации, связанные коллективом или особой ситуацией, возможность вхождения которых в общенародный язык, тем не менее, нельзя исключать (*фатер, систер, апа, апашечка, брателло, пэпс, мамуленция, сына, бабулёк, мамо, дщерь, свекровище, жебра, сестроёб, двоюродная жена* и т. д.).

Показателями движения лексической группы может служить не только появление новых элементов или модификация значения старых, но и частотность употребления номинаций.

Современное понимание феномена родства, отражаясь в языке, демонстрирует исторически сложившуюся многоуровневую структуру: в качестве родственных связей человек воспринимает, а следовательно, и называет, не только связи биологические (кровное родство: отец, *сын, дед, дядя* и т. д.), связи брачные (свойство, или социальное родство в соответствии с принятой в обществе формой семьи и брака: *тесть, зять, шурин* и т. д.), но и связи юридические (*отчим, пасынок* и т. д.), духовно-религиозные (*кум, крестник* и т. д.), ритуальные (*названый брат, побратим, духовный отец* и т. д.). Современное понимание родства дополняется субъективным осознанием личного родства, на первый план выходит родство духовное, психологическая близость: человек может осознавать родство или степень родства с кем-либо, имея для этого только психологические основания: «Вместе выросли, считай – *брат*» или «Он меня усыновил и вырастил, он мне не *отчим*, а *отец*».

Отметим некоторые особенности современного понимания родства, отражённые в народно-разговорной речи.

1. Изменяется частотность традиционных терминов родства. Распад больших семей и тенденция к малодетности приводит к постепенному исчезновению терминов *деверь, золовка, шурин, свояк, свояченица, зять 2* («муж сестры»). Эта тенденция, отмеченная ещё в конце XIX в. П. Лавровским, приводит к последовательной замене названных терминов на расчленённые *брат мужа, сестра мужа, брат жены* и т. д., термины *шурин* и *деверь* последовательно смешиваются. Традиционный переход женщины после замужества в семью мужа сменился на равноудалённость молодой семьи от родителей с обеих сторон: утрачивается традиция называть невесткой родителей мужа *мама* и *папа (отец)*, появляется тенденция и к замене слов *свекровь, свёкр, тесть* и *тёща* на сочетания *мама (мать) мужа, папа (отец) мужа* и т. д., слова *свекровь* и *тёща* отмечаются как «грубые», «деревенские», просят так не называть. Относительную сохранность демонстрирует слово *тёща,* например, в жанре анекдота. Слова *зять 1* («муж дочери») и *невестка* сохраняются.

2. Последовательно документально разграничиваются термины юридического и восполняющего родства (*отчим* и *приёмный отец).* Однако для них есть позиция нейтрализации: традиционно бытовое употребление слова *отец* вместо *отчим* и *приёмный отец* («Я его с детства *отцом* зову, пусть и не родной»), но только при осознании личного родства, в противоположных случаях употребляются *отчим / приёмный отец* или новая номинация *муж матери*. То же относительно *мать / мачеха / приёмная мать:* «Не знаю, его дети меня *мамой* называть не хотят, а как ещё? Так обычно называют. *Мачеха* – грубо, обидно. По имени, наверное, будут… А может, ещё привыкнут». Отметим, что такое употребление чаще наблюдается при отсутствии кровного родителя, который замещается родственником по браку с другим родителем, в противоположных случаях употребляются *мачеха* / *жена отца.* Брак не всегда означает родственные отношения с детьми партнёра по браку: «Какая она мне *мачеха*! Она *жена отца*, а мне – никто», поэтому выделяются новые номинации *муж матери* и *жена отца*. Слова *падчерица* и *пасынок* употребляются редко.

3. Развитие научно-естественного знания привело к изменению представления о природном родстве (например, возникла дифференциация *генетическая (биологическая) мать – суррогатная мать – мать*). На первый план выдвигается осознание духовной близости (родитель – тот, кто воспитал, а не тот, кто родил): «Это мой *биологический отец*, он нас бросил, мне года не было, я его и знать не хочу».

4. Современная терминология родства в первую очередь отражает традиционные семейно-брачные отношения, сложившиеся в обществе и закреплённые в соответствующих юридических документах (Гражданском кодексе и в Семейном кодексе РФ). Эти отношения основаны на принципах моногамного гетеросексуального брака, юридически оформленного и сохраняющегося в идеале на протяжении всей человеческой жизни. Однако современные родственные отношения определяются в бытовом сознании в ряде случаев по-иному, нежели в традиционной системе родственных отношений, и это отражается в разговорной речи. Основные изменения наблюдаются в связи с неустойчивостью современных брачных связей.

Назовём некоторые особенности, связанные с особым осознанием личного родства. 1) Распавшийся брак не всегда означает утрату родственных связей: «Поеду к *свекрови*. – Так у твоего [*мужа*] же *мать* померла! – Это у нынешнего, а у *первого* живёхонька и всё мою кровь пьёт», «Дети развелись, а мы со *сватами* дружим». 2) Отсутствие брачных отношений между мужчиной и женщиной не является препятствием для осознания родства между ними, если есть общие дети: «Сейчас он [мужчина после развода] *родственник по детям*, но не часть нашей семьи». Если говорящий затрудняется определить степень родственных отношений или эти отношения нетипичны, то используются описа-

тельные наименования и обобщённый термин *родственник* либо его синоним: «А это что за мужик? – *Отец моего сына*. – Твой муж? Бывший? – Нет, вообще не муж, но всё равно он мне вроде *родного*». 3) Лица, в разное время вступавшие в брак с одним и тем же партнёром, могут осознавать себя родственниками: первая жена мужчины говорит его второй жене: «Ванька женился на Мишкиной бывшей, *породнились* то есть».

5. В современном обществе открыто демонстрируются фактические гомосексуальные браки (официально в России не регистрируются), но русская брачная терминология для них приспособлена плохо (*партнёр в браке, супруг* имеют явно официальную окраску), поэтому возможны затруднения, так, под фото супругов глав государств написано «*Жёны* участников встречи и *муж* премьера Люксембурга», заголовок статьи о признании гомосексуальных браков «Объявляю вас *мужем* и … *мужем*». В быту возможны новации иронического характера, например: «Это его *жён*». Новая официальная терминология пока не выработана.

6. Последовательно наблюдается тенденция к приближению родства при личном положительном отношении к объекту: единоутробный брат и единокровный брат обычно называются просто *брат*, но если отношения не складываются, часто подчёркивается неполнородность: «*Сводный брат*, у нас отцы разные», причём слова *единокровный* и *единоутробный* почти не используются, на их месте ошибочно используют слово *сводный* (сводные братья / сёстры не имеют общих кровных родителей, это дети от предыдущих браков каждого их родителей). Личное восприятие родства проявляется в обобщении и употреблении усечённых терминов *племянница* вместо *племянница мужа, внучатая племянница*, *брат* вместо *двоюродный брат, троюродный брат, тётя* вместо *двоюродная тётя, тётя по мужу, жена дяди* и т. д.

7. Активно влияет на восприятие родства возраст объекта: «Вообще он мой племянник, но у нас разница год, поэтому говорю *брат*», «Я молодая и запрещаю называть себя *бабушка*, они [внуки] зовут меня по имени», «Это моя мама. – А это моя *мама моей мамы*» (из рекламы косметики).

Современный человек трактует родственные отношения в соответствии со своей личной позицией: я считаю родственником / я не считаю родственником. Одним из проявлений этой тенденции является включение в круг родственников объектов другого биологического вида, например домашних питомцев, кошек и собак: «Иди, Барсик, *мама* тебя покормит», «Гулять *с папой* пойдёшь [собаке]», появились в Интернете и новые слова *котомать* (о человеке) и *котосын* (о животном). Продолжением этой тенденции является и заключение в некоторых странах браков с животными, а иногда и с неживыми объектами (дерево, манекен).

Главная особенность современного понимая родства заключается в приоритете личного приятия / неприятия родственных отношений. Говорящий дополняет общеязыковое значение слова индивидуально-личными представлениями о предмете действительности. В современном бытовом употреблении терминов родства варьирование старых терминов и появление новых часто вызывается именно субъективным осознанием личного родства: на первый план выходит родство духовное, психологическая близость, но не биологическое родство или свойство, установленное современным институтом брака.

Список использованной литературы

1. *Николенко О.Ю.* Лингвистическое изучение феномена родства // Уральский филологический вестник. Вып. 3.: Сер. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 21. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 232–238.

2. *Осипов Б.И.* О термине «народно-разговорная речь города» // Городская разговорная речь и проблемы её изучения: межвузовский сборник научных трудов. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. С. 5–11.

Н.В. Орлова
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 811

*Существует ли дискурс пожилых людей?**

Аннотация. По дискурсивно значимым параметрам проанализированы записи диалогов женщин в возрасте старости (от 75 лет) с близкими людьми. Как статусно-ролевая позиция возраст оценивается невысоко самими информантами и противоречиво – по объективным признакам диалогов. Тематический репертуар отражает индивидуальные черты. Специфичны каналы коммуникации: бумажные книги, пресса, телевидение, стационарный телефон. Среди общих ценностей выделяется благополучие близких людей и здоровье, утрата которого переживается. Отмечается низкий темп речи, отсутствие неологизмов. В целом речь тех, кому «за 75», не дает оснований для выделения дискурса по возрастному параметру.

Ключевые слова: дискурс, возраст старости, социальный статус, тема, канал коммуникации, ценности, язык.

N.V. Orlova
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Is there a Discourse for Elderly People?

Abstract. The discursively significant parameters analyzed the records of the dialogue of women in old age (75 years old) with close people. As a status-role position, age is estimated to be low by the informants themselves and contradictory according to the objective signs of the dialogues. Thematic repertoire reflects individual traits. Communication channels are specific: paper books, press, television, landline telephone. Among the common values stands out the well-being of loved ones and health, the loss of which is experienced. There is a low rate of speech, the absence of neologizm. In general, the speech of those who are “over 75” does not give grounds for highlighting discourse by age.

Keywords: discourse, age of old age, social status, topic, channel of communication, values, language.

Дискурс не дан исследователю априори: только анализ гипотетически принадлежащих к нему текстов позволяет обосновать его реальность [4, с. 58]. Цель представляемого исследования – ответить на вопрос, обладают ли общими признаками разговоры с участием пожилых людей. Ответ не может не зависеть от параметров, по которым будет сопоставлен речевой материал, взятый от разных информантов. В результате аналитического обзора существующих моделей коммуникации, в частности [2; 3; 5], в перечень параметров включены: 1) статусно-ролевые позиции информанта; 2) каналы и темы коммуникации; 3) ценности; 4) код (язык). Иначе говоря, учтены социальные, коммуникативно-прагматические, когнитивные и языковые основания для сопоставления, что отвечает представлению о дискурсе как социально-коммуникативном феномене.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

© Н.В. Орлова, 2019

Исследование выполнено на материале диктофонных записей интервью с пятью женщинами старшего пожилого возраста (от 75 лет, согласно [1, с. 73]). Продолжительность записей от 21 минуты 17 сек. до 63 мин. 45 сек. Вопросы интервью направлены на получение информации по вышеуказанным параметрам: Что произошло в мире такого, что Вас (тебя) затронуло? Какие каналы идут по телевизору? Хватает ли общения? Часто ли говорите по телефону? Интересна ли вам политика? и др. По нашей просьбе вопросы задавали близкие и знакомые интервьюируемых. Если информанты отходили от заданного вопроса, их не перебивали, что позволило женщинам «разговориться», проявив при этом тематические предпочтения, ценностные установки, языковые особенности.

Самими информантами возраст старости как статусно-ролевая позиция оценивается невысоко. Выборку высказываний с эксплицитной самооценкой адекватно представляют примеры, где сообщается о невозможности трудиться из-за нездоровья (1), об интеллектуальном угасании (2), об ограничении социальных функций (3). Негативные характеристики приводятся в контексте указания на возраст или старость: (1) *ЗМ:* ***Нич-чё не делаю*** *Катенька //* ***Семьдесят семь лет*** *//* ***Сама я никудышняя***; (2) *МЯ: И я ведь мела // [о себе]* ***Вот корова!*** *Ты бы видела / как я мету // Передвину / вымету*; (3) *ТА: Политика? Сейчас неинтересна // Я решаю / считаю, что нам /* ***восьмидесятилетним/ нечего туда лезть.***

Имплицитно статусно-ролевые позиции пожилых выражаются репертуаром их речевых действий в диалоге, а также дискурсивными маркёрами, которые позволяет судить о коммуникативном равенстве / неравенстве с собеседниками.

Зафиксированы оценочные высказывания, направленные как на третьих лиц (4), так и на собеседников (5), императивные высказывания инструктивного и иного характера (6); прямо и косвенно выражаются согласие и несогласие с собеседниками, в частности с тем, как сформулирован вопрос (7). Иначе говоря, в нерефлексивной форме пожилые информанты демонстрируют более высокие статусно-ролевые позиции, чем в рефлексии о своем возрасте: (4) *НФ: Ну вообще нехорошо / Не то что нехорошо а просто / некультурно мне кажется выступать и оскорблять людей*; (5) *ЗМ: Молодец! Молодец! Молодец!*; (6) *МЯ: Выброси / а тут где-то мешочек // А из-под стола здесь у меня ничего не выбрасывай*; (7) *А вот когда вышли на пенсию / что-то изменилось в жизни? ЗМ: А что может измениться, Катерина?*

Дискурсивные маркёры поделили информантов на тех, кто уверенно ведёт диалог, и тех, кто демонстрирует коммуникативную неуверенность, нуждается в речевой поддержке партнера. Формами поддержки являются помощь в подборе слова и целые реплики, проговариваемые за информанта. В интервью с ВМ, 94-летней женщиной, за нее время от времени говорила дочь 70-ти лет: (8) *Дочь: Нет, мама, ты еще общаешься с внуком // ВМ: А / да / Я… //* Дочь [интервьюеру – дальнему родственнику ВМ]: *Ну ты допишешь потом // С внуком / с тобой / с бабушкой // Ну все это ты допишешь / с кем общается она // И про посиделки тоже.* Таким образом, различные средства выражения статусно-ролевых позиций пожилых людей формируют противоречивую картину.

Параметр предпочитаемых каналов коммуникации позволил увидеть определенные закономерности. Во-первых, информанты привыкли к «бумажному» формату получения информации. В прошлом они любили читать художественную литературу и / или прессу: (9) *НФ: А так* ***перечитываю*** *иногда старые книги /* ***перечитывала*** *// то вот Анну Каренину перечитывала/ когда вот фильм вышел потом перечитывала / так вот/ то Веллера иногда / от нечего делать*. Препятствием для чтения в настоящее время является потеря зрения: (10) *ВМ:* ***Читать да/ но сейчас я не вижу*** *// Вообще не вижу ничего*. Во-вторых, актуально телевидение. С прекращением центрального радиовещания в городе Омске и Омской области телевидение стало основным источником новостей. Часть информантов включает телеведущих в «ближний круг», называя их неполным именем: (11)

НФ: ***Анастасия / заленилась*** *видно // Анастасия Заволокина? НФ: Да // Она ведёт / ведущая программы.* Весьма востребованным каналом общения является стационарный телефон. Все информанты, кроме ВМ, признаются, что говорят по телефону много. По-видимому, телефонные разговоры компенсируют нехватку контактного общения, затрудненного из-за ограничения в передвижении. По собственному мобильному телефону разговаривают двое из пяти.

Те фрагменты диалогов, в которых женщины отступали от вопроса и инициировали свои темы, выявили достаточно широкий тематический репертуар, в котором отразился образ жизни и социокультурные характеристики каждой из женщин в отдельности. Общей темой, так или иначе прозвучавшей во всех интервью, стала тема болезней и ограничений, которые болезни накладывают на качество жизни, её повседневное течение (12–13): (12) *ЗМ: А я вот теперь уже ездить не могу //* ***В автобус ногу поднять не могу*** *// Кричу там женщины-ы!* [смеется]; (13) *ВМ: В моем возрасте уже путешествовать / нельзя / потому что/ я / во-первых старая / во-вторых…* ***больная*** //

Ценностное отношение к миру эксплицитно выражалось в ответах на вопрос интервью «Что Вас радует и что огорчает?» Все информанты называли близких людей. Высшая ценность – их здоровье и благополучие: (14) *ТА: Ваши успехи.* ***Успехи детей, внуков*** */ радуют // А чё может еще радовать?* Отдельная причина для радости – общение с близкими: (15) *ВМ: Почаще посещать мою комнату. Чтоб Галя приходила //* Дочь: *Общение // ВМ:* ***Общение***. Кроме того, прозвучала тема спокойствия в стране: (16) *НФ*: [о политических новостях] *У меня настроение может быть плохое / и вот такое тягостное всё / и думаешь / да боже мой /* ***да почему это так.***

Имплицитно ценности пожилых отражает эмоционально-оценочная лексика в высказываниях на разные темы. Импульсы для эмоций весьма разнообразны. Лексемы *«люблю», «с удовольствием», «скучаю»* у наших информантов используются в высказываниях о музыке, домашних животных, природе, бывшей работе, ушедшей молодости и многом другом.

Как релевантные для реконструкции ценностей рассматривались также наиболее пространные монологические фрагменты в каждом из интервью. Исходная посылка при этом состояла в том, что подробный рассказ – сигнал важности предмета разговора. Наиболее объёмные монологические фрагменты по содержанию не совпадают у разных информантов: это несчастный случай (падение с лошади в молодом возрасте); воспоминание о недавнем путешествии по Волге; впечатления о пребывании в реанимации после сердечного приступа; описание поведения политиков во время предвыборных дебатов; воспоминание о Дне Победы, встреченном в Берлине. Соответственно, значимы здоровье и его потеря, события в прошлом и настоящем родной страны, новые впечатления о мире.

Язык информантов зависел от типа их речевой культуры. Так, ТА, НФ, ВМ использовали литературный язык, а МЯ (17) и ЗМ (18) включали в свои реплики просторечно-диалектные языковые факты: (17) *МЯ: На* ***её*** *стали заявления писать; В* ***церкву*** *собирается //; Я* ***схватилася*** *а у меня ни повязок ничё нет*; (18) *ЗМ: У меня вот ключица* ***отсоединёна была*** *правой руки от кисти*; *Я и так на лёгком* ***труду.*** К особенностям всех информантов относится отсутствие в их речи новых и относительно новых терминов. Так, собеседница подсказывает ЗМ слово *«ипотека».* В то же время употребляется лексика, неактуальная для других возрастных групп. Показательны слова *«получка», «фасон»,* анахронизм *«кооператив»* в речи МЯ. *«Кооперативным цехом»* пожилая женщина называет деятельность, которую её младшие современники обозначили бы аббревиатурой *«ИП».* Темп речи у всех информантов оказался значительно ниже, чем у их собеседников: ВМ произносит в среднем 39 фонетических слов в минуту; МЯ – 81 и ЗМ – 81; НФ – 93; ТА – 114. Других собственно возрастных особенностей в речи информантов практически не зафиксировано.

Выводы

Ставилась цель выявить, в какой степени коммуниканты старше 75 лет обнаруживают общие признаки по тем параметрам, которые признаются в лингвистике дискурсивно релевантными. На проанализированном материале подтверждается идея геронтологов о том, что типичного пожилого не существует, а значит, не существует и дискурса пожилого человека как смоделированного субъекта речи. Однако можно говорить о некоторых тенденциях. Определённо отмечается низкий темп речи, отсутствие неологизмов. На коммуникативном срезе фиксируются маркированные возрастом каналы коммуникации: «бумажные» книги, пресса, телевидение, стационарный телефон. Среди общих ценностных признаков выделяется благополучие близких людей. К актуальным ценностям относится собственное здоровье, утрата которого переживается. Другие из отмеченных признаков, интересные сами по себе, квалифицированы как социокультурные, поколенческие или индивидуальные. Статусно-ролевые позиции противоречивы. В рефлексии о своем возрасте женщины чаще пессимистичны. Репертуар речевых действий свидетельствует об определенной влиятельности. Коммуникативное (диалоговое) равенство устанавливается для части информантов, другие нуждаются в речевой поддержке, обнаруживая таким образом слабую коммуникативную позицию. Неравнодушие к тому, что происходит в стране, на наш взгляд, является поколенческой особенностью. Как поколенческую и социокультурную черту рассматриваем значимость того, что не связано с личными прагматическими интересами, например значимость научно-популярной информации. В целом же ценности в значительной степени индивидуальны.

Вследствие ограниченности фактографического материала исследование квалифицируется как пилотажное, а выводы по нему – как предварительные.

Список использованной литературы

1. Социология: учебник / Ю.Г. Волков, В.И. Добреньков, В.Н. Нечипуренко, А.В. Попов. М.: Гардарики, 2003. 512 с.

2. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

3. *Хаймс Д.Х.* Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 42–95.

4. *Чернявская В.Е.* Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (038). 2014. С. 54–61.

5. *Эмер Ю.А.* Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.

О.И. Пашкевич
Якутский институт водного транспорта
(филиал) Сибирского государственного университета
водного транспорта,
г. Якутск

УДК 821.512.157

Отражение в языке особенностей национального менталитета (на примере национальной литературы Якутии)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проявления национального менталитета в языке на примере литературы народов Якутии. В частности, национальное мировидение проявляется в речи персонажей, в стиле повествования, в лексике.

Ключевые слова: менталитет, общение, якутская литература, язык, речь.

O.I. Pashkevich
Yakutsk Institute of Water Transport (branch)
of the Siberian State University of Water Transport,
Yakutsk, Russia

Reflection of Special Features of the National Mentality in the Language (on the Example of Yakut National Literature)

Abstract. The article discusses the features of the manifestation of the national mentality in the language on the example of Yakut literature. In particular, the national worldview is manifested in the speech of the characters, in the style of narration and in vocabulary.

Keywords: mentality, communication, Yakut literature, language, speech.

В межкультурном общении, «диалоге культур» важно учитывать особенности эмоционального склада, мышления, национальный характер коммуникантов, т. е. их менталитет.

Под менталитетом мы понимаем национальный способ организации содержания культуры, который включает в себя такие основополагающие элементы, как представления о мире, места в нём человека, о его способах жизни в мире (способах познания, оценки), а также применение всех этих представлений на практике.

Соотношение менталитета, языка и языковой картины мира освещено в работах Вильгельма фон Гумбольдта, Э. Сепира, Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, А. Вежбицкой, И.М. Вельма, Т. Радбиля и др. Исследователи отмечают, что в наибольшей мере специфика национального характера и менталитета отражена в национальном языке, являющемся важнейшим этногенным фактором.

Среди множества выполняемых языком функций особняком стоит «картинообразующая» функция национального языка, заключающаяся в формировании его уникальной «точки зрения» на мир.

Представители языкообразующих сообществ ощущают, созерцают, оценивают и переживают по-разному. Особенность мироощущения, мироосмысления, мирочувствования и мирооценки конкретным этносом предопределена, прежде всего, сферой внелогического восприятия действительности: эмоции и оценки, их характер и глубина, факторы, их определяющие, – всё это своеобразно, неповторимо, и всё это отражено в языке.

© О.И. Пашкевич, 2019

Особенности этнического менталитета мы находим в произведениях якутских писателей. Именно через языковую характеристику проявляется национальный менталитет литературных героев. Например, критик Н.М. Ломунова писала о главном герое романа С.П. Данилова «Бьётся сердце» Сергее Аласове следующее: «Национальные черты Сергея Аласова, за отсутствие которых критика упрекала писателя, обязательно проявятся в языке, в самой структуре мышления» [3, с. 58]. Мы должны заметить, что речь Аласова отличается немногословностью, но большой эмоциональностью и яркостью, что характерно для северян. В его речи и в размышлениях часто встречаются якутские поговорки, такие как «Ещё и рыбка наша взыграет, и солнышко взойдёт», «Сегодня такой день, что любая печаль – не печаль». В трудные минуты Аласову вспоминается присловье о холостяке, у которого «одеяло зябко, подушка жёстка, кровать неспокойна».

Святая вера народа саха в спасительную силу слова находит отражение в описаниях заклинаний, произносимых шаманами, в благословениях – алгысах.

О необходимости острожного обращения со словом говорит героиня повести В.Н. Гаврильевой «Динамит»: «Прошло лето красное, – холодно прервала его Сахая. – Что мы, как детишки, в слова играем? Грех. Грех? Якуты говорят: играть словами – грех» [1, с. 20].

В романе Ивана Гоголева «Последнее камлание» олонхосут Сымасый, пытаясь найти объяснение своим несчастьям, приходит к мысли о том, что в песнопениях переступил черту дозволенного и тем самым рассердил духа – иччи слова. В данном произведении И. Гоголев показывает, каким уважением пользовались олонхосуты в народе. Не только шаманские заклинания, но и слово богатырского эпоса Олонхо несло в себе живительную силу.

В рассказе «Простая песнь Олонхо», размышляя о природе Слова, Олег Сидоров пишет: «Только услышанное Слово может дать всходы и ростки новой жизни. Слово, оставшееся для потомков, обретает такую силу, которую нельзя побороть, которую нельзя стереть из памяти людской» [5, с. 39].

В языке сохраняется многовековая история, духовная и материальная культура. В лексике родного языка также отражается жизнь народа: названия природных явлений, местностей, предметов быта.

Размышлениями о судьбе родного языка наполнено творчество народного поэта Якутии Натальи Ивановны Харлампьевой. Любовь к слову, к поэтическому воображению, по воспоминаниям Натальи Ивановны, достались ей от матери, которая знала много сказок. В поэтическом произведении «Мой дед олонхосутом был…» передана гордость за то, что в её роду были народные сказители-олонхосуты, мастерски владеющие словом:

Ошиблась бабка. Как и где –
Не ведаю, но знаю с детства:
То ль к радости, то ли к беде
Досталось мне его наследство [7, с. 139].

Национальный язык обладает определёнными, присущими ему достоинствами, он выступает не только средством общения, но и средством овладения и хранения знаний, орудием развития мышления. В стихотворении «Доверь якутскому языку», посвящённому дочери, Наталья Харлампьева говорит:

Изъясняйся на любом языке –
Одолевай холмы и горы,
Вершиной разума и мысли
Убеждай, как можешь.
Но только чувства в будущем
На языке своём родном,
Тайны своей души,

Искренние чувства своей любви,
Высокую радость от счастья,
Тревоги потаённую муку
Выражай по-якутски,
Пой по-якутски! [7, с. 212].

Следовательно, незнание родного языка представляется поэтом как утрата человеком чуткости сердца и души, заложенной в его генной памяти.

Вера в силу слова, тема о предназначении поэзии звучит в строках:

Не ведаю, откуда эта страсть
Приходит вдруг и, озаряя светом,
Даёт над словом человеку власть,
Его земного, делая поэтом [7, с. 19].

Среди героев якутской литературы встречаются как немногословные, например, Суонда в романе С.П. Данилова «Красавица Амга», так и разговорчивые.

Наблюдение над формами коммуникации у юкагиров и чукчей описано Семёном Куриловым. В романе «Ханидо и Халерка» он говорит о чукчах, что они «люди не слова, а дела». О юкагирах замечает, что они любят поболтать, но «и в обыденной жизни тоже умеют долго молчать. Но терпение их лопается – и тогда держись: зашвыряют словами» [2, с. 492].

Беспокойство за судьбу родного языка звучит в творчестве юкагирского писателя Николая Курилова. Эта тема является основной в его рассказе «Старый учитель», главный герой которого, состарившийся раньше времени учитель, живёт планами о возрождении юкагирского языка, «более древнего, чем язык египтян».

Язык помогает человеку проникать в тайны мироздания, благодаря ему люди приобщаются к истории и передают опыт, знания и мысли от поколения к поколению. По легендам самих якутов, что нашло отражение в художественных произведениях, например, в повести А.С. Сыромятниковой «Кыыс-Хотун», они и раньше имели письменность, но растеряли буквы по пути с юга на север, забыв их в Ленских скалах. А.С. Сыромятникова пишет, что якуты «уронили в синие воды дощечку. Простая с виду дощечка, а на ней всё счастье якутского племени было записано, будущее предопределено» [6, с. 130].

Большую роль в «диалоге культур» играет перевод, но нельзя понять другого человека, не зная истории, менталитета, психологии его народа. Одним из известных переводчиков Республики Саха (Якутия) является лауреат Большой литературной премии России Аита Ефимовна Шапошникова. Она один из немногих переводчиков, способных переводить как с якутского на русский, так и с русского на якутский. «Являясь переводчиком-билингвом, она старается бережно передать национальный колорит и аромат оригинала, его художественные и эмоциональные особенности» [8, с. 4].

Необходимо отметить, что в работе мы обращались к текстам художественных произведений писателей Якутии, но и судьба русского языка тоже волнует современных авторов. Например, поэт Александр Пасхин пишет:

Людей, в литературу вхожих,
И тех, кто просто с ней знаком,
Вопрос нешуточный тревожит:
«Что стало с русским языком?»
Письмо с грамматикой чуть живы,
Едва фонетика жива,
Речь переполнили чужие,
Не всем понятные слова [4, с. 13].

Таким образом, национальный язык обладает определёнными, присущими ему достоинствами. Он выступает не только средством общения, но и средством овладения и хранения знаний, орудием развития мышления.

Список использованной литературы

1. *Гаврильева В.Н.* Маленькие повести. М.: Современник, 1987. 160 с.
2. *Курилов С.Н.* Ханило и Халерка. М.: Сов. Россия, 1988. 624 с.
3. *Ломунова М.Н.* Софрон Данилов. М.: Сов. Россия, 1985. 160 с.
4. *Пасхин А.В.* По ступеням облаков. Ярославль: Аверс Плюс, 2017. 200 с.
5. *Сидоров О.Г.* Дерево Тыгына. Якутск: Бичик, 2010. 72 с.
6. *Сыромятникова А.С.* Кыыс – Хотун. М.: Современник, 1981. 287 с.
7. *Харлампьева Н.И.* Кумыс счастья. М.: Фонд им. И. Сытина, «Зарницы», 2004. 304 с.
8. *Шапошникова А.Е.* Мой илин кэбисэр. Якутск: Бичик, 2018. 176 с.

Е.Г. Постникова
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова,
г. Магнитогорск

УДК 82.02/09+82-6

Роль и функции фронтового дневника в боевых буднях комбатанта (на материале дневников 1943–1946 гг. матроса-подводника, уроженца г. Омска Г.И. Сенникова)

Аннотация. В статье анализируются фронтовые дневники внука известного омского историка и географа Георгия Ефремовича Катанаева, штурманского электрика подводных лодок «М-107» («Новосибирский комсомолец») и «М-119» Северного флота Георгия Ивановича Сенникова. Утверждается, что в личной истории Сенникова и его автобиографической памяти, выраженной в эго-документах ВОВ и написанных на их основе повестях и рассказах, имя Георгий является, с одной стороны, маркером значимой жизненной темы и, с другой стороны, емким выражением личной концепции судьбы. Определены главные функции фронтового дневника в боевых буднях комбатанта: функция памяти, психотерапевтическая и компенсаторная функции.

Ключевые слова: фронтовой дневник, человек на войне, автобиографический нарратив, Омск, Катанаев Г. Е., Сенников Г. И.

Y.G. Postnikova
Nosov Magnitogorsk State Techical University,
Magnitogorsk, Russia

The Role and Function of Battlefield Diary in Daily Military Life of a Combatant (Based on Diaries Dated 1943–1945 Written by the Native of Omsk Submarine Sailor G.I. Sennikov)

Abstract. The article analyses the battlefield diaries of the grandson of prominent Omsk historian and geographer Georgiy Yefremovich Katanaev, marine electrician of M-107 (“Novosibirsk Komsomolets”) and M-119 submarines of the Northern Fleet Georgiy Ivanovich Sennikov. The author states that the name Georgiy is, on the one hand, a mark of significant life topic, and, on the other hand, an expression of personal concept of destiny both in Sennikov’s personal life story and autobiographic memory as stated in GPW documents, stories and short novels based on it. The author defines main functions of battlefield diary in daily military life of the combatant: memory, psychotherapeutic and compensatory functions).

Keywords: battlefield diary, a man in war, autobiographic narrative, Omsk, G.Y. Katanaev, G.I. Sennikov.

Сотрудники лаборатории народной культуры МГТУ им. Г.И. Носова много лет работают над выявлением, атрибуцией, расшифровкой и публикацией документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны [6; 12]. В архиве лаборатории хранятся электронные копии 3-х фронтовых тетрадей штурманского электрика подводных лодок «М-107» («Новосибирского комсомольца») и «М-119» Г.И. Сенникова.

Георгий Иванович Сенников родился в г. Омске в 1923 г. Он был назван Георгием в честь своего двоюродного деда Георгия Ефремовича Катанаева, известного в Омске историка, этнографа, географа, члена Сибирского отделения Императорского географического общества, генерала-лейтенанта Сибирского казачьего войска, автора книг по исто-

© Е.Г. Постникова, 2019

рии сибирского казачества, истории Сибири и Омска [4, с. 8]. Дед Георгия Ивановича Всеволод Ефремович Катанаев, родной брат Георгия Ефремовича, был надворным советником и до отставки в 1908 г. работал в Войсковом Хозяйственном правлении Сибирского Казачьего войска [7]. Имена Георгий и Всеволод для семьи Катанаевых были родовыми, фамильными, передающимися через поколения. Мать Георгия Ивановича, Екатерина Всеволодовна Сенникова (урожд. Катанаева), назвала старшего из троих своих сыновей Алексеем, среднего – Всеволодом, а младшего – Георгием [5]. Между поколениями дедов и внуков родовая традиция имянаречения была зафиксирована в имени и отчестве дяди Георгия Всеволодовича Катанаева [3, с. 243].

Так как род Катанаевых, участников белого движения под предводительством Колчака, был практически истреблен, мать братьев Сенниковых только через имянаречение могла передать семейные смыслы и родовую «матрицу». Мы можем утверждать, что в личной истории Георгия Ивановича и его автобиографической памяти, выраженной в эго-документах ВОВ и написанных на их основе повестях и рассказах, имя Георгий является, с одной стороны, маркером значимой жизненной темы и, с другой стороны, емким выражением личной концепции судьбы.

С одной стороны, имя Георгий ориентировано на христианского святого и великомученика Георгия Победоносца, воина и покровителя воинов. Этот код имени прочитывается и в судьбе Георгия Ивановича, участника ВОВ, цитировавшего спонтанно по памяти в своем фронтовом дневнике лермонтовские строки: «Месяц встает, // И тих и покоен, // А ***юноша-воин*** // На битву идет». Откуда появляются в голове эти известные строчки Лермонтова? ...» [9, с. 101] и идентифицировавшего себя с этим «юношей-воином». С другой стороны, Георгий Иванович явно ориентировался на концепцию судьбы своего прославленного деда, ученого и казака, взяв ее за образец. Георгий Иванович всегда гордился своим дедом и отмечал, что портрет Георгия Ефремовича висит в историко-краеведческом музее г. Омска, и он его там видел. Имя Георгия Ефремовича и его образ поддерживали семью в тяжелые годы после гражданской войны и в годы репрессий, когда род оказался на грани исчезновения. Ориентация на личность и судьбу знаменитого деда выражается, в частности, в том, что после Георгия Ивановича остался большой фонд объемом более девяноста дел в Государственном архиве Пермского края [1], в чем-то аналогичный фонду Г.Е. Катанаева в Историческом архиве Омской области, хотя и гораздо меньший по объему [2]. Здесь собраны не только законченные и незаконченные рукописные и машинописные сочинения авторов (научные и художественные), но и огромное количество выписок из книг, писем, статей, очерков, эссе и фотографий, в том числе и военных.

После войны Георгий Иванович не вернулся в Омск. В крымском дневнике за 1945 г. есть его рассказ об отпуске, который он провел после войны в родном городе. Основной мотив – разочарование. К этому рассказу нужно подойти с точки зрения военной антропологии и психологии, так как в нем проявляется проблема выхода комбатанта из войны. Психологи знают, что это очень серьезная проблема, обусловленная посттравматическим синдромом: «Только что я вернулся из поездки в Омск. <…> Но больно было так, как ни разу на фронте за все самые тяжелые годы» [2, с. 145]. Состояние, описанное дневниковедом, – это послевоенная депрессия.

Но кроме этого была еще одна веская причина, почему Георгий Иванович не вернулся в Омск. Она, конечно, связана с семьей. Ему была известна трагическая судьба его дядей Катанаевых, участвовавших в белом движении Колчака и либо погибших в гражданскую войну, либо расстрелянных в 1937–1938 гг. В Книге Памяти жертв политических репрессий, вышедшей в Омске, упоминаются 7 двоюродных и родных дядей Георгия Ивановича [3, с. 242–244]. Не была тайной и трагедия отца Ивана Панфиловича Сенникова, расстрелянного в Ленинграде в 1938 г. Георгий Иванович вспоминал, что за матерью Екатериной Всеволодовной в 1938 г. тоже приезжал черный «воронок» НКВД. Не

забрали, потому что она умирала от рака. В тяжелые для подростка 1939–1940 гг. Георгий Иванович, оставшись сиротой, фактически беспризорничал, зачастую голодал, однако окончил школу. В дневнике он вспоминает предвоенный 1940-й год как самый страшный год в своей жизни, когда «семнадцатилетним мальчишкой, не имея за душой ни пристанища, ни куска хлеба, буквально подыхал с голоду» [10, с. 153]. При таких обстоятельствах он предпочел после войны затеряться на просторах нашей необъятной родины.

Конечно, главной функцией фронтового дневника является функция памяти, сохранения неподцензурной информации о событиях ВОВ. В дневнике много уникальной информации о событиях войны на Севере, о победах и гибели подводных лодок, о личных взаимоотношениях сослуживцев, о фронтовых практиках. Вот, к примеру, типичная запись 1943 г.: «5 сентября. Выстрел с моря. Это «Л-20». После того, как лодка пришвартовалась, на пирс одна за одной стали подъезжать машины скорой помощи. Из лодки на носилках стали выносить моряков и укладывать в машины. Тридцать носилок! Вся бригада сбежалась на пирс. Но нас никого не допускали к лодке. Потом выяснилось: грохнули транспорт. Бомбили. Пробоина во 2-м отсеке. Лодка провалилась на 115 метровую глубину. Личный состав I и II отсеков 12 часов сидел в воде под адским давлением, пока удалось всплыть. Кессон. Один сошел с ума, четверо не приходят в себя. Егоров умер» [9, с. 7–8].

Второй важнейшей функцией военного дневника комбатанта (непосредственного участника боев) является функция психотерапевтическая. Страх смерти – навязчивая идея и состояние, от которого трудно избавиться, о котором стыдно сказать кому-нибудь, при этом не хочется выглядеть паникером, а вот в дневнике выразить свое тревожное состояние можно: «***Мысли, как мухи осенние, всю ночь не дают мне покою***… ***Мысли… Говорил себя: ну что же, ведь это только раз, пару глотков – и все.*** *П*омирать-то так или иначе когда-нибудь придется. Стоит ли думать? Конечно, нет! <…> Одним я доволен: вряд ли кто-нибудь по моим глазам мог знать о моих думах. ***И разве все остальные думали не о том же самом?***» [9, с. 60]. Объективированное чувство страха, проанализированные мысли о смерти, зафиксированные в дневнике, становятся уже теперь фактом сознания юного комбатанта, а значит, выводятся из сферы иррационального. Таким способом нейтрализуется их влияние на психологическое состояние матроса-подводника во время боевых походов.

Во второй тетради Георгий Иванович подчеркивает необходимость для комбатанта существования «своего мира» как способа создать и отстоять себя, не потерять личность, по выражению автора, не «оскотиниться»: «***Собственный мир***, не этот, другой, хотя бы и в мечте, – необходим человеку. ***Иначе он перестанет быть человеком, превратится в скотину»*** [10, с. 20]. В процессе самосознания дневниковед фиксирует точки роста, качественные изменения личности: «Я рассказываю своим ребятам подробности похода. Пережитые страшные минуты вновь проходят перед глазами***. И я думаю: вчера мне было двадцать лет. А сегодня сколько***? Это не моя фраза. Я или слышал ее от кого-то, или вычитал в книге. Но только сейчас до меня доходит ее трагический смысл» [9, с. 144]. Этапы взросления, зафиксированные дневниковедом, – это, по сути, интервалы самоидентичности личности.

Зарисовки в дневнике, в которых автор выражает свои мечты, грезы, фантазии, неосуществимые в текущей фронтовой жизни (фронтовых буднях), отчасти позволяют ему компенсировать неудовлетворенные желания. Так, например, замерзающий в Баренцевом море среди полярной ночи матрос-подводник видит и описывает себя в дневнике лежащим в холщовой рубахе на палубе парусника и греющимся под лучами ласкового солнца: «Человек! О, человек! Сверкающее море, шумная гавань большого портового города. Теплые доски маленького парусника. На нем холщовая роба и майка. Больше ничего. Он лежит на палубе, лениво свесив ногу к зеленой воде, курит и смотрит в бездонную пропасть неба. Он даже не думает. Он наслаждается. <…>***Грезы!***» [1, с. 7].

Идентификация комбатанта на фронте и сразу после войны шла и через чтение: «За этот переход я прочитал три книги «Жана Кристофа» и еще кое-что из мелочи. Они опять

расстроили меня. Слишком лезет в глаза ***собственное убожество.*** Слишком ничтожным кажешься себе, читая о великой душе. ***Мне 22 года. Так много! А что я сделал за это время***? Кончил десятилетку и утопил несколько вражеских кораблей. Тощенькие две ветки. Скажешь, и это хорошо? <…> ***Учеба?*** Не я виноват в том, что у меня все еще нет для этого возможности. ***Было бы желание. А оно есть, есть***!!» [11, с. 7]. Если учесть, что человек, который пишет это, уже 23 июня 1941 года был в военкомате, а демобилизовался только в 1946 г., поражает требовательность к себе. Отметим, что в трех тетрадях дневников Георгия Ивановича содержатся выписки из примерно сорока книг, прочитанных в период с 1943 по 1946 г. Этот аспект дневника был подробно рассмотрен нами ранее [8].

Итак, мы убедились в необходимости дальнейшего филологического и историко-антропологического исследования уникальных фронтовых дневниковых записей 1943–1946 г. матроса-подводника Северного флота Г.И. Сенникова и актуальности введения в научный оборот к 75-летнему юбилею Победы этих ранее не опубликованных оригинальных источников личного происхождения. Главными функциями фронтового дневника могут быть названы функция памяти, психотерапевтическая и компенсаторная функции.

Список использованной литературы

1. Документы Сенникова Г.И. – кандидата филологических наук, исследователя творчества писателя-революционера А.Н. Радищева // Государственный архив Пермского края. Фонд Р-1658. Опись № 2. URL: http://agarh.permkrai.ru/af/index.php?act=opis&fund=15695&opis=828234 (дата обращения: 10.02.2019).
2. Катанаев Георгий Ефремович, генерал-лейтенант, историк Сибирского казачьего войска в г. Омске // Исторический архив Омской области. Фонд 366. Опись №1. URL: http://www.iaoo.ru/af/index.php?act=fund&fund=200046507(дата обращения: 10.02.2019).
3. Катанаевы // Забвению не подлежит: книга жертв политических репрессий: в 11 т. Омск, 2006. Т. 10. С. 242–244.
4. *Лосунов А.М.* Георгий Ефремович Катанаев: его жизнь и деятельность. Историко-биографический очерк // Очерки былого. Г.Е. Катанаев. Историко-биографический очерк / сост.: Н.С. Храпова, Н.С. Жукова, А.М. Лосунов, Л.И. Огородникова. Омск: Омскбланкиздат, 2012. С. 10-28.
5. Метрические книги церкви во имя пророка Ильи // Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Фонд 16. Опись 6. Дело № 888. Л. 214–215; Дело 1080. Л. 55–56.
6. О войне из войны: народная письменность 1941–1945 гг. / сост. С.А. Моисеева, Т.И. Рожкова, И.В. Лосева, Е.Б. Дерябина. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. 336 с.
7. Послужной список Всеволода Ефремовича Катанаева // Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Фонд 67. Опись 2. Дело 2465. Л. 116–118.
8. *Постникова Е.Г., Моисеева С.А.* Чтение на войне: рефлексия, терапия, самоидентификация (на материале дневников 1943–1945 гг. подводника Северного флота Г.И. Сенникова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8. Ч. 2. С. 251–258.
9. Фронтовые записи Сенникова Г.И. // Архив лаборатории народной культуры. Рукописный фонд № 42. Тетрадь 1. 217 с.
10. Фронтовые записи Сенникова Г.И. // Архив лаборатории народной культуры. Рукописный фонд № 42. Тетрадь 2. 158 с.
11. Фронтовые записи Сенникова Г.И. // Архив лаборатории народной культуры. Рукописный фонд № 42. Тетрадь 3. 160 с.
12. «…Я умру, когда природа будет воскресать»: дневниковые записи 1940–1943 гг. / сост. Т.И. Рожкова, С.А. Моисеева, И.А. Филиппова. Магнитогорск: МаГУ, 2010. 124 с.

А.В. Савченко
Государственный университет Чжэнчжи,
г. Тайбэй, Тайвань

М.С. Хмелевский
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

Русскоязычие крупных городов Украины[*]

Аннотация. Настоящая статья посвящена до сих пор не описанной в целом в современной русистике и славистике теме, а именно функционированию русского языка в крупных городах Украины, которые фактически являлись и остаются до настоящего времени русскоязычными, за исключением западных регионов страны (со своими определенными лингвистическими особенностями).

Ключевые слова: украинский язык, русский язык, суржик, русско-украинский билингвизм, межславянская интерференция, языковая конвергенция.

A.V. Savchenko
Zhengzhi State University,
Taipei city, Taiwan

M.S. Khmelevsky
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

The Russian Language in Major Cities of Ukraine

Abstract. Present report deals with still not described in general topic in modern Russian and Slavic Studies, i.e. functioning of the Russian language in the large cities of Ukraine, which de facto have always been and still stay Russian speakingwith the exception of Western regions of the country (which have their own certain linguistic exceptions).

Keywords: Ukrainian, Russian, Surzhyk, Russian-Ukrainian bilingualism, urban dialect, language code, the Ukrainian language situation, language assimilation, inter-Slavic interference.

Согласно нашим многолетним социолингвистическим исследованиям, которые проводились с 2007 по 2018 г., украинская языковая ситуация, в частности русскоязычие крупных городов Центральной и Юго-Восточной Украины, представляет собой уникальный для славянского мира феномен языкового сдвига [2, с. 70], обусловленного многовековой конвергенцией, а также экстралингвистическими, в частности историческими и социальными, причинами [1, с. 93].

Даже в условиях современной языковой политики на Украине неоспоримым фактом остается функционирование русского языка (правда, со своими фонетическими, морфологическими, лексическими и синтаксическими особенностями) в качестве разговорно-обиходной формы общения в таких крупных городах Украины, как Харьков, Чернигов,

[*] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине» (№ 18-012-00754).

© А.В. Савченко, М.С. Хмелевский, 2019

Черкассы, Днепр (бывш. Депропетровск), Винница, Хмельницкий, Одесса, Запорожье, Кременчуг и др.

В этой языковой полифонии особо выделяется городской диалект Киева, где русский язык несет в себе дополнительный социальный маркер престижности коренного жителя столицы. В этой связи также следует отметить и языковую ситуацию южноукраинских городов (а именно использование русского языка в его сильно «расшатанной» норме в Одессе, Мариуполе, Николаеве, Измаиле и др.), где русско-украинская языковая ассимиляция наиболее ярко выражена, что являет собой иллюстративный пример межславянской интерференции и языкового сдвига по вышеуказанным причинам [6, с. 82].

Особую функцию русский язык выполняет и в крупных украиноязычных городах западных регионов страны, за исключением Львова, который, с языковой точки зрения, является во многом полифоничным. В таких городах, как, например, Тернополь, Ровно или Ивано-Франковск, русский язык внутри украинского текста в виде цитат и лексических трансплантантов из российской массовой культуры выступает маркированным средством выражения в речи подчеркнутой экспрессии, заполняя при этом лакуну просторечия, фактически отсутствующего в современном украинском языке [4, с. 423].

Уникальную языковую ситуацию представляет собой также Ужгород, где литературный русский язык является городским интердиалектом для приезжих из сельской местности и носителей многочисленных закарпатских говоров, русинского, словацкого и венгерского языков вследствие влияния русской эмиграции начала XX века и москвофильства XIX века, оставившего значительный отпечаток на языковой ситуации в Закарпатье, Галиции и Бессарабии. Особо выделяется и языковая ситуация Бессарабии (Черновцы, Измаил, Вилково и др.), где русский язык локально характеризуется, помимо своих языковых черт, и своеобразной манерой бытового общения, в частности использованием несвойственных русскому литературному языку частых синтагматических повторений фраз [3, с. 179].

Результатом языкового смешения явилось также формирование такого языкового явления, как суржик [5, с. 638]. Его использование в повседневной речи характерно для таких городских диалектов, как Полтава, Чернигов, Черкассы, Кременчуг и др., носители которых в действительности не владеют на должном уровне ни русским, ни украинским литературными языками.

Вопрос социолингвистического описания фактического функционирования русского языка остается открытым и весьма проблематичным ввиду того, что любые опросы или анкетирование не дадут действительную картину современной языковой ситуации на Украине, поскольку в силу политических и экстралингвистических факторов носитель вышеперечисленных языковых кодов будет давать сведения, не соответствующие действительности, т. е. носитель суржика в качестве родного языка укажет русский или украинский, которые на самом деле таковыми не являются [6, с. 85].

Таким образом, фактически русский язык многомиллионных агломераций Украины по состоянию на сегодняшний день лингвистически не описывался. С объективной научной точки зрения он не исследовался ни российскими лингвистами (поскольку он не признается литературным), ни диалектологами (поскольку он традиционно не относится к южнорусским диалектам), ни украинскими языковедами (поскольку ими субъективно отрицается сам факт русскоязычия), хотя им пользуется – в той или иной мере – около 70 % украинцев, т. е. приблизительно 30 миллионов человек, что, несмотря на ненормированность данного языкового кода, представляет собой значительный интерес для описания с точки зрения лингвистического осмысления данного языкового явления.

Список использованной литературы

1. *Кузнецова И.В., Савченко А.В. Хмелевский М.С.* Киевский суржик как феномен украинской городской разговорной речи (на примере комедии М.П. Старицкого «За двумя зайцами») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2018. № 2. С. 92–103.

2. *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах: опыт описания, анализ концепций. М.: Наука, 2003. 253 с.

3. *Савченко А.В., Хмелевский М.С.* «Здаравеньки булы!», или к вопросу о лексической трансплантации (русско-украинские параллели в национально-культурном дискурсе) // Материалы международной научно-практической конференции к юбилею д-р. ф. наук, проф. А.М. Мелерович. Москва – Кострома, 2008. С. 177–181.

4. *Савченко А.В., Хмелевский М.С.* Русский текст в украинском разговорном языке // Студії з філології та журналістики. Ужгород, 2016. С. 420–424.

5. *Стріха М.* Суржик та літературна мова // Нариси української популярної культури. Київ, 1998. С. 637–640.

6. *Хмелевский М.С.* «Языковой портрет» современной Украины – социолингвистический аспект // Komunikacja specjalistyczna, № 13 / red.: Ł. Karpiński, P. Michałowski. Warszawa, 2017. S. 79–105.

Т.А. Сироткина
Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут

УДК 821.161.1

«Человек этнический» как объект исследования современной лингвоантропологии

Аннотация. В настоящей статье на региональном материале рассматривается одна из ипостасей образа человека в языковой картине мира – «человек этнический». Анализируются этнотопонимы и этноантропонимы, диалектные лексемы и фразеологизмы, отражающие этнический компонент региональной картины мира, функции названий в художественных произведениях пермских авторов и делается вывод о том, что рассмотрение данной ипостаси и лексикографическая интерпретация собранного материала будут способствовать описанию образа человека в целом, решению задач современной лингвоантропологии.

Ключевые слова: лингвоантропология, М.П. Одинцова, этнонимия, диалектная речь, художественные произведения.

T.A. Sirotkina
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

“Ethnic Person” as an Object of Research Modern Linguoantopology

Abstract. In this article, on the regional material, one of the incarnations of the image of a person in the language picture of the world – “an ethnic person” is considered. Ethno-names and ethnoanthroponyms, dialectal lexemes and idioms reflecting the ethnic component of the regional picture of the world, functions of names in works of art of Perm authors are analyzed, and the conclusion is made that consideration of this hypostasis and lexicographical interpretation of the collected material will help to describe the image of a person as a whole, solving problems modern lingua anthropology.

Keywords: lingvoanthropology, M.P. Odintsova, ethnonymy, dialect speech, artistic works.

Поскольку специальным предметом лингвоантропологии, как писала М.П. Одинцова, является языковая личность, на первый план в современных лингвоантропологических исследованиях выходит изучение разных ипостасей этой языковой личности, и одной из таких ипостасей, конечно же, является «человек этнический». В своих исследованиях мы рассматриваем данную ипостась через призму этнонимии – названий народов, функционирующих в разных типах дискурса. Материалом для исследования послужил один из региональных этнонимиконов – этнонимикон Пермского края, региона многонационального и очень интересного для изучения в этом отношении.

Много лет занимаясь данной темой, мы, естественно, с большим интересом следили за тем, как в этом направлении работают наши омские коллеги. Потому исследования этнического компонента регионального языкового сознания, осуществляемые Ларисой Олеговной Бутаковой, проводившей с этой целью семантические эксперименты, ролевые игры, этнопсихолингвистические процедуры, социологические опросы [1], побудили нас в свое время также при описании языковых средств репрезентации категории этничности обратиться к материалам анкетирования студентов.

© Т.А. Сироткина, 2019

В настоящей статье мы попытаемся показать, каким образом вышеназванная ипостась, «человек этнический», репрезентируется в пермском ономастическом пространстве, а также диалектных и художественных текстах.

1. **Региональная ономастика**. Этнические имена лежат в основе названий пермских гидронимов (р. Вогулка), ойконимов (д. Мордовка), оронимов (камень Еран), микротопонимов (Вогульские чурки) и т. д. Этнотопонимы, появляясь обычно в зонах смешанных в этническом составе поселений, отражают, с одной стороны, контакты разных этносов, с другой – разграничивают “зоны их влияния”, ср.: д. Русская Еманзельга – д. Татарская Еманзельга, д. Русская Шишмара – д. Татарская Шишмара, д. Русский Таз – д. Татарский Таз. Зеркалом этноисторических процессов являются и этноантропонимы, особенно фамилии. По наблюдениям Е.Н. Поляковой, в русских фамилиях отражены связи с теми народами, с которыми представители русских находились в тесном взаимодействии [5, с. 134]. Пермские фамилии *Вогулкин, Башкирцов, Вотяков, Татаринов, Югринов* и многие другие произошли от прозвищ, имеющих в основе этноним. Соответственно, такой антропоним несет информацию либо об этнической принадлежности носителей фамилии, либо просто о внешнем сходстве какого-либо носителя фамилии с типичными представителями определенного этноса.

2. **Диалектная лексика и фразеология**. Категория этничности является важным компонентом структуры сознания региональной языковой личности. Ассоциативный потенциал лексического значения этнонимов, с одной стороны, отражает тот культурный фон, на котором функционируют данные языковые единицы, с другой – индивидуальный опыт существования личности в том или ином этническом окружении.

Образованные от этнонимов лексические и фразеологические единицы, функционирующие в речи носителей пермских говоров, можно разделить на две большие группы:

1. Единицы, которые служат названиями различных предметов и явлений окружающей действительности. Они не имеют яркой коннотации и представляют собой термины, являющиеся:

а) названиями одежды: «*Татарка* – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками, воротник из матерьялу» (СПГ 2: 434);

б) названиями растений: «*Татарка* на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублёна одёжа делалась» (СПГ 2: 434); «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не *татарские мыльца*, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили *татарские мыльца*, у воды ростут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные» (ФСПГ: 226); «Ето китайская роза. Герань была. Большущая такая. Бурдовые и розовые букеты вот таки больши» (Акчим);

в) названиями игр: «Мы раньше ишшо *зыряном играли*, ноне уж так-ту не играют, о святках одного средят, долгущего, остальные над им галятся» (СПГ 1: 339);

г) названиями географических объектов (топонимами): «*Вогульские чурки* – чурок или скала. Камень называют ишшо»; «*Вогульское* – ето берег называтца, плошшадь такая, берег»; «Пониже острова Ябрусскова есь. *Вогульская* – называем так луг, берег»; «Из Мордвы. Они работали там. И прозвали так – *Мордовская делянка*»; «*Мордовская делянка* – там мордва населяли, потом снова ушли» (Акчим);

д) названиями птиц: «У нас новая птица появилась – *татарская ворона*. Похожа на галку, хохолок большущой, под крыльями бело; на сороку находит, а поет – как маленький ребенок» (ФСПГ: 58).

2. Лексемы, называющие человека, его действия и состояния. Данные ксенонимы, как правило, имеют яркую коннотацию, отражают ассоциации, связанные с представителями различных этносов.

Как известно, модель мира в любом языке строится на системе бинарных оппозиций, которые связаны, в том числе, с социальными категориями – мужской / женский, старший / младший, свой / чужой [9, с. 5].

Представители определенного этноса всех других считают «не такими». Например, слово *нерусский* у представителей русской культуры имеет значение «ничего не умеющий, бестолковый»: «У нас на работе палец отпилили пилой, стали разбирать-то, уж нерусский – так нерусский: так и есть, раззява» (Акчим). Синонимичными слову *нерусский* в данном значении являются этнонимы *татарин, вотяк, вогул*: «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка»; «Ето которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и вотяк»; «У нас, который оденется плохо, ругают: вогул ты» (Акчим).

Показательны в плане ксенономинации фразеологизмы с этническим компонентом.

Особенно продуктивен в пермской фразеологии этноним *татары*: *татара (молотят) в голове* – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове»; *татарам на хмель* – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель»; *татарин родился* – о моменте мгновенной тишины: «Татарин, что ли, родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте» (ФСПГ: 372). Наряду с этнонимами в состав фразеологизмов входят отэтнонимные прилагательные: *коромысло татарское* – высокий сутулый человек: «Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днем как коромысло татарское – не согнуться, не разогнуться» (ФСПГ: 372).

Как мы видим, отэтнонимные образования, в том числе фразеологизмы, образуются от названий тех этносов, которые актуальны для русских, проживающих с ними в тесном контакте. Если для русских Прикамья это *татары*, то, например, для жителей Волгоградской области – такая субэтническая группа русского народа, как *казаки*: «Вид казака, а ум дурака», «Казак без лошади, что рыбак без лодки», «Казак работает на быка, а бык на казака», «Казаку конь себя дороже», «Конь без казака, что лодка без рыбака» (СДГВО 3: 14–15).

Этнонимы в составе экспрессивных оборотов выражают различные эмоции человека. Например, *будь ты жид* – восклицание, выражающее удивление, неприятие: «Будь ты жид, почет-то Любка туды идет» (СПГ 1: 73). *Злой татарке не приведи Господь* – то же, что врагу не пожелаю: «Злой татарке не приведи Господь. Вот так вот голову обносит, лишь бы не пасти, лишь бы не пасти. Какие адские боли!..» (СРГЮП: 207).

Показательны в плане сопоставления «своих» и «чужих» устойчивые сравнения. В сравнительных конструкциях, по наблюдениям лингвистов, «фиксируется социальный и культурный опыт языковой личности, находящий отражение в общей картине мира» [2, с. 665]. *Как цыгане* – говорят о людях, не любящих жить подолгу на одном месте: «Как цыгане: своего дома не имели. Сёдня здесь – завтра там» (Акчим). Темный цвет лица и узкий разрез глаз служат поводом для возникновения сравнений *как китаец, глаза как у китайца*: «Да вот у нас тут в суседях есть парень. Такой чернущий, как китаец»; «Проспишь до утра. А утром глаза как у китайца станут. Распухнет лицо от комаров» (Акчим).

Таким образом, процесс вторичного семиозиса в области этнических имен приводит к возникновению ксенонимов, как называющих предметы и явления внешнего мира, так и характеризующих человека. Чаще всего при этом актуализируется сема «чужой», входящая в семантическую структуру этнонаименований. В некоторых случаях, помимо этого, реализуются и некоторые потенциальные семы конкретных этнонимов (*цыган* – «обманщик», *татарин* – злой, *еврейка* – жадная и т. д.). В процессе функционирования данных единиц коннотация может стираться, однако принцип номинации через «чужое» остается неизменным и способствует появлению новых лексических единиц.

3. **Художественные тексты**. В научных поисках последнего десятилетия внимание исследователей привлекла такая междисциплинарная отрасль знания, как имагология,

которая ставит во главу угла изучение ментальных представлений народов о себе и своих соседях. Ключевым для современной имагологии является понятие этнообраза, конструирующее не только индивидуальное восприятие «своих» и «чужих», но и стереотипные представления и ассоциации, связанные с проблемами взаимопознания и взаимопонимания. По словам Т.М. Марченко, осознание сложной, структурно многоуровневой природы этнообразов определило главную стратегию современной гуманитаристики: «… их реконструкция и анализ осуществляются как неотъемлемая составляющая национальной картины мира в определенный синхронический период ее развития» [4, с. 317].

Интересно, на наш взгляд, изучение литературных этнообразов, поскольку они раскрывают грани не только национальной, но и индивидуально-авторской картины мира. Особенно показательно исследование этнообразов в рамках определенного регионально-культурного пространства, поскольку позволяет реконструировать не только национальную, но и региональную картину мира. Писатель, создающий историческое произведение, передает с помощью языка художественного текста те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности [6].

Так, в романе пермского писателя Михаила Строганова «Камни господни» этнической маркировке подвергаются атрибуты не только «чужой», но и «своей» культуры. *Русские, русская казна, русские интересы, русский царь* – все эти этнонимы и сочетания с этническими маркерами выполняют функцию реально-исторической достоверности: «Мутная пелена воды размазывала, скрывала очертания, укрывая от глаз притаившихся в укрытии русских движения вражеского бойца» [7, с. 206]; «Иоанн смог и совершить давно замышляемое богомолье в Вологду, и восстановить активные переговоры с Елизаветой по отправке ей русской казны» [7, с. 231]; «Иоанн клял на чем стоит свет рыжую английскую потаскуху и, не считаясь с великим ущербом русских интересов, жаловал англичан все большими привилегиями» [7, с. 231]; «Только о том, что долготерпив и милосерд русский царь!» [7, с. 236].

Представитель «чужой» культуры, сталкиваясь с реалиями русского культурного пространства, чувствует себя неуютно: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца и не придал значения, когда этот нелепый, заплутавший в *русских снегах* незадачливый купец, отчаянно размахивая руками, бросился ему навстречу» [7, с. 278]; «Деревья гулко скрипели, проклиная пришедшего к ним *чужака*, предсказывая ему забвение и погибель» [7, с. 194]. То же чувствуют русские, попадая в пермяцкие леса: «Даром все лето порты, лазая по камням, да *лесам пермяцким* драли» [7, с. 245]. Человеку страшно оказаться в окружении всего «чужого»: « – Да как же без Руси да *среди вогул*? – удивился Снегов. – Они своих-то не жалуют, а чужаков и подавно!» [7, с. 191].

Этническая картина мира русского населения Прикамья ярко отражена в произведениях А. Иванова. В интервью с Г.М. Ребель писатель говорит: «Когда я бывал в тех местах, на севере Пермской области, где разворачивается действие романа, у меня рождалось ощущение мистики: она разлита в этой природе, в этих горах, пнях, вековых лесах. Это все интуитивно воспринимается как страшное, как дремучее, как что-то мудрое… Я вот сам – человек реки. Русские люди – это люди реки. А финно-угорские племена – это люди лесов. Это разные менталитеты, и нам у них – страшно» [3, с. 15].

В картине мира каждого народа существуют представления о «своих», складывающиеся в интраобраз, и представления о «чужих», формирующие экстраобразы. Так, в этнической картине русских старообрядцев, представленной в романе Е. Туровой, отмечаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Особенности вероисповедания: «Тятя и сказывал про Вотяцку гору. Не проста гора-то была – молельна гора у вотяков» [8, с. 167].

2. Отличительные черты антропонимикона: «А тетя Руми? Имя какое-то нерусское, я и не знаю таких в деревне» [8, с. 203].

3. Особенности характера и поведения: «Как у русского чё выспросить, русский знают, а чуть чё – сразу по-русски плохо! Шибко оне хитрые, вот чё» [8, с. 206].

4. Внешние отличия: «Оня скоро затосковала среди русских. Какие они некрасивые: лица белые, глаза круглые!» [8, с. 211]; «Вотяки народ некрупный, светлоглазый, с жидкими светлыми волосами» [8, с. 225].

5. Языковые особенности: «Русские же умеют разговаривать только словами, они знают очень много слов. Как можно знать столько слов? Трудно разговаривать с русскими» [8, с. 211].

6. Отличия в обрядах и традиционной культуре: «Оня собралась в далекую страну Ымме. Пусть русские глубоко закапывают в холодную землю своих умерших. Она не хочет туда» [8, с. 217].

Таким образом, различные региональные источники (ономастика, лексика, фразеология, художественные тексты) дают нам возможность описать такую ипостась образа человека в ЯКМ, как «человек этнический». Представляется, что без этой составляющей данный образ не будет достаточно полным, поэтому актуально не только собственно исследование, но и лексикографическая интерпретация собранного материала, что мы и планируем сделать в обозримом будущем.

Список сокращений

Акчим – материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 вып. Пермь, 2000–2002.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010. 476 с.

ФСПГ – Прокошева, К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 412 с.

Список использованной литературы

1. *Бутакова Л.О.* Программа дисциплины «Этнолингвистика. URL: http://migha.ru /programma-disciplini-etnolingvistika.html (дата обращения: 03.03.2019).

2. *Еримбетова А.М.* Компаративный фрагмент семантического микрополя «человек» // Новое в когнитивной лингвистике / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Полиграфикомбинат. 2006. С. 664–669.

3. *Иванов А.* «Я интуитивно понимал, что надо сделать так, а не иначе» // Филолог. 2004. № 4. С. 10–18.

4. Марченко Т.М. Украинские литературные этнообразы как объект современных текстологических исследований // Пушкинские чтения – 2012. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст: мат-лы XVII Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. С. 316–322.

5. *Полякова Е.Н.* Из истории русских имен и фамилий. Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1975. 160 с.

6. Сироткина Т.А. Этнонимы в художественной прозе уральских писателей // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2010. № 4 (11). С. 12–18.

7. *Строганов М.* Камни господни. СПб.: Крылов, 2006. 352 с.

8. *Турова Е.* Кержаки. Проза. Пермь: Маматов, 2007. 320 с.

9. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

Н.Д. Федяева
Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

УДК 81'37

Машина умная, человек продуктивный: о современных акцентах взаимодействия образов машины и человека в русской языковой картине мира

Аннотация. В статье в традициях омской лингвоантропологической школы рассматриваются тенденции взаимодействия образов машины и человека в русской языковой картине мира. Утверждается, что уподобление машины и человека друг другу широко распространено в русском языке / речи: человек, уподобляемый машине, характеризуется как утративший какие-то человеческие черты (волю, настроение, ум и т. п.), а машина, напротив, как эти черты приобретшая. Первое оценивается негативно, второе – позитивно. Отмечается, что образ умной машины в современной лингвокультуре соответствует этой закономерности. Между тем образ продуктивного человека, напротив, существенно отличается: человек, работающий, как машина, оценивается положительно.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, антропоцентризм, образ человека, образ машины.

N.D. Fedyaeva
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

Machine is Smart, People are Productive: about the Modern Accents of the Interaction of Images of Machines and Humans in the Russian Language Picture of the World

Abstract. In the article, in the traditions of Omsk language anthropological school, the tendencies of interaction of machine and human images in the Russian language picture of the world are considered. It is argued that the likening of machine and man to each other is widespread in the Russian language/speech: man, likened to a machine, is characterized as having lost some human traits (will, mood, mind, etc.), and the machine, on the contrary, as these features acquired. The first is estimated negatively, the second – positively. It is noted that the image of the smart machine in modern linguoculture is the development of this regularity. Meanwhile, the image of a productive person, on the contrary, is significantly different: a person working as a machine is evaluated positively.

Keywords: the Russian language picture of the world, anthropocentrism, the image of human, the image of the machine.

Машины (механические устройства, совершающие полезную работу с преобразованием энергии, материалов или информации [8, с. 286]) известны человеку издавна, с их помощью он облегчал себе жизнь. Разумеется, как всё, часто встречающееся, важное, нужное, машина стала предметом раздумий и оценок. Человек осмыслял машину в традиционной парадигме: машина – человек, человек – машина.

В этой традиционной парадигме человек, уподобленный машине, теряет главное качество человека – разум, сознание, осознание себя и своих действий: он действует *механически* или *машинально,* т. е. *бессознательно и безотчетно, как заведенный, на автопилоте.* Он также лишается воли – остается лишь автоматизм.

Наделенная человеческими качествами машина приобретает волю, эмоции, разум, умение чувствовать ситуацию. Вспомним распространенный в массовой культуре сюжет –

© Н.Д. Федяева, 2019

очеловечивание машины. Оно может быть под знаком плюс или минус, но всегда перед нами оказывается образ машины думающей и чувствующей.

Таким образом, при традиционном развитии событий очеловечивание машины поднимает ее до уровня человека, омашинивание человека, напротив, обедняет последнего.

Об актуальности этого мотива в русской языковой картине мира прекрасно написано в диссертации М.Н. Никоновой об антропологизации техницизмов. Исследовательница отмечает, что техницизмы могут быть использованы для выражения различных оценочных значений (эстетических, этических и т. п.), причем как положительных, так и отрицательных. Но даже в случае с положительной оценкой актуализируется не собственно человеческое – чаще всего физическая крепость и польза: *работает как трактор, как танк* и т. п. [7].

В представленную схему прекрасно вписывается популярный современный образ – *умная* машина: умные часы, дома, телефоны, лампочки, телевидение и т. п. Распространенности подобных словосочетаний мы, по-видимому, обязаны английскому языку, из которого были путем калькирования заимствованы составные термины с элементом *smart* – «умный, сообразительный». Как бы то ни было, сейчас и в русском языке подобные словосочетания весьма широко распространены. Показательно, что машины наделяются именно *умом* – значение этого качества для образа человека переоценить невозможно (см. об этом: [6]). Ум машины проявляется прежде всего в самостоятельности и способности анализировать ситуацию и поступать с учетом обстановки – именно об этих аспектам ума можно судить по описаниям достоинств гаджетов.

Очевидно, что удивительным образ умной машины не является. Но он привлекает внимание на фоне другого популярного сюжета: согласно idée fixe современной культуры, человек должен быть продуктивным и эффективным.

Прилагательные *продуктивный* и *эффективный* толкуются в словарях русского языка следующим образом:

Продуктивный – производительный, плодотворный [8, с. 493].

Эффективный – дающий эффект, действенный; эффект – 2. действие, производимое кем-чем-нибудь, следствие чего-нибудь [8, с. 732].

В качестве иллюстрации употребления этих прилагательных фиксируются сочетания типа *продуктивный метод / труд / день, эффективный разговор / подход / решение* и т. п. Однако в последнее время появляются сочетания этих прилагательных с существительными со значением лица. Произошел своеобразный семантический сдвиг: человек, продуктивно работающий, стал продуктивным.

Дадим несколько штрихов к портрету этого человека, используя материалы сайта с очень характерным названием – «Лайфхакер» [4]. Отметим, что на сайте есть специальная рубрика «Продуктивность», в которой размещаются статьи, раскрывающие суть этого явления и содержащие советы, как стать продуктивным. Уточним также, что, хотя часть материалов является переводной, это не свидетельство неактуальности образа для современной русской культуры. Круги расходятся по воде: сначала публикуются переводные статьи, наши авторы пишут по их мотивам свои, идея распространяется, усваивается и осваивается. Доказательством могут служить интервью наших «звездных» соотечественников: идея продуктивности им отнюдь не чужда.

Итак, в чем же специфика продуктивного человека?

Он, например, действует по некоторым схемам, алгоритмам, правилам и т. п. У него всегда есть план:

Для создания сценария ответьте на следующие вопросы.
Как вы хотите провести день?
Какие задачи точно нужно завершить сегодня?
В какое время вы наиболее продуктивны?

Исходя из ответов, вы сможете разделить рабочее время на отрезки, каждый из которых будет содержать те или иные задачи из вашего to-do-листа [2].

Он все считает: действия, эмоции и т. п.

Обычно я просыпаюсь, выпиваю стакан воды, записываю три вещи, за которые я благодарен, а потом прочитываю 20 страниц какой-нибудь книги. Я придерживаюсь этой привычки уже 10 недель. Сегодня я дошёл до сотой страницы седьмой книги. С такой скоростью (семь книг за 10 недель) я прочитаю их около 36 за год [3].

Это прежде всего человек работающий, остальное – во время, когда по плану нет работы.

Наш мозг так устроен, что мы не можем постоянно работать сосредоточенно. Когда мы не делаем настоящие перерывы, то начинаем отвлекаться на новости и соцсети. И в итоге получается фальшивый перерыв, когда мы и не отдыхаем, и не работаем.

Как ни парадоксально, можно успевать больше, сознательно делая перерывы через каждые несколько часов. Выйдите на улицу. Позвоните близкому человеку. И после отдыха вы вернётесь с новыми силами [1].

У него не ум, а мозг, который надо постоянно тренировать, *прокачивать*. Например, чтением книг, о котором говорилось в примере выше. Для тренировок есть особые методы: ментальные карты и т. п.

Он относится ко всему осознанно, т. е. готов фиксировать, составлять планы, замечать, на что отвлекается, и более не отвлекаться и т. д.

Список можно продолжать, но общая идея ясна. Продуктивный человек – это, по сути, человек-работа, человек-функция, человек – умная машина, точнее, машина с мозгом. Интересно, что образ продуктивного человека даже обслуживается особыми лексемами: он *позитивный*, *мобильный,владеет лайфхаками* (см. название сайта), составляет *чек-листы* и т. п. В целом же возникает впечатление, что попытка создания искусственного интеллекта – компьютера – осуществляется одновременно с превращением в этот искусственный интеллект человека.

Отдельно остановлюсь на образе эффективного менеджера. Как уже говорилось, омашинивание, проявляющееся в утрате человеком способности чувствовать, не новость для лингвокультуры. Между тем интересен оценочный знак этого образа. Со стороны теории менеджмента насаждается положительный образ, в жизни он меняется на категорически отрицательный. В любом случае эффективный менеджер – бесчеловечный: люди для него – даже не кадры, а ресурсы, первоочередное значение приобретают количественные показатели.

По-настоящему эффективный менеджер:

– определяет четкие правила командной работы;

– следит за тем, чтобы у каждого сотрудника были ясные, поддающиеся количественной оценке цели, и оказывает необходимую помощь в их достижении;

– вовремя заполняет и сдает аттестационные ведомости в службу персонала;

– заботится о том, чтобы у каждого сотрудника имелся план профессионального развития, к реализации которого он бы стремился;

– умеет подбирать людей в команду, точно соблюдает все правила и процедуры;

– принимает меры по борьбе с низкой производительностью труда, когда несоответствие требованиям выходит за допустимые рамки;

– отлично справляется с собственной работой и достигает всех поставленных перед ним целей [5].

В процитированном фрагменте особенно интересен (и печален) предпоследний пункт: если до этого все-таки упоминались люди (*сотрудники, команда*), то *низкая производительность труда* и *несоответствие* полностью обособляются от своих субъектов.

Выводы

Взаимодействие образов человека и машины в русской языковой картине мира на современном этапе развивается одновременно традиционно и инновационно.

Образ умной машины соответствует традиционному положению вещей: если машина приобретает человеческие черты (тем более ум, ведь наш род – это homo sapiens), она становится машиной с особыми достоинствами.

Образ же человека, уподобленного машине и при этом оцениваемого чуть ли не как идеал, – примета века: человеческий ум претерпевает некоторые трансформации, эмоции утрачиваются и / или строго контролируются, но это почему-то не пугает, а напротив, прославляется и пропагандируется.

Список использованной литературы

1. *Евстафьева Е.* 2 простых совета, которые помогут вам успевать больше. URL: https://lifehacker.ru/sovety-pomogut-uspevat (дата обращения: 13.02.2019).
2. *Долбичкина А.* Почему списки дел не работают и как это исправить. URL: https://lifehacker.ru/spiski-del-ne-rabotayut (дата обращения: 13.02.2019).
3. *Клир Дж.* Как прочитывать больше 30 книг в год, не тратя на это уйму времени. URL: https://lifehacker.ru/chitat-bolshe-knig-neslozhno/?from=article_end
4. Лайфхакер. URL: https://lifehacker.ru (дата обращения: 13.02.2019).
5. *Лири Д.-Д.* Вдохновляющий менеджер. URL: https://marketing.ru/18504 (дата обращения: 13.02.2019).
6. *Никитина Л.Б.* Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 256 с.
7. *Никонова М.Н.* Антропологизация техницизмов в современном русском языке: К проблеме образа человека в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 26 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс: Мир и образование, 2009. 736 с.

Е.С. Шифрова
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 811

Средства самоидентификации людей пожилого возраста в дискурсе[*]

Аннотация. В статье на основе диктофонных записей устной речи мужчин в возрасте от 61 года до 67 лет проанализированы высказывания с выраженным субъективным началом, а также выявлены средства самоидентификации четырех пожилых информантов. Данные средства показывают отношение информантов к собственному возрасту: отрицание, обнаружение изменений, принятие, смирение.

Ключевые слова: пожилой человек, самоидентификация, характеристики, высказывание с выраженным субъективным началом, возраст, дискурс, средства самоидентификации, семантические оппозиции.

E.S. Shifrova
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Means of Self-Identification of Seniors in the Discourse

Abstract. The article is devoted to the analysis of statements with the expressed subjective beginning in dictaphone records of oral speech of men aged from 63 to 67 years. Means of self-identification of four elderly informants are revealed. These means reveal the attitude of informants to their own age: denial, detection of changes, acceptance, humility.

Keywords: elderly person,self-identification, speech action, common characteristics, statements with the expressed subjective beginning, age, discourse,means of self-identification, semantic opposition.

Возрастное измерение речи лишь с недавних пор вызывает интерес исследователей, причем предпочтение отдается изучению детской речи и речи молодежи [1]. Социально-коммуникативные характеристики возрастных групп, в частности речевая самопрезентация и самоидентификация их представителей, почти не исследовались. Особенности идентификации и самоидентификации пожилых людей рассматривались преимущественно в рамках социологических исследований [4], но не лингвистических.

В статье, вслед за М.А. Лаппо, самоидентификация понимается как процесс поиска идентичности, а идентичность определяется как «переживание чувства принадлежности или, наоборот, непринадлежности к какой-либо группе или категории людей» [2]. Сделана попытка ответить на вопросы, с какой возрастной группой (пожилой, старый или какой-то еще) идентифицируют себя информанты в возрасте от 60 до 67 лет и с помощью каких средств в их речи выражается самоидентификация.

Материалом исследования являются записи интервью и бесед автора статьи с 4-мя информантами-мужчинами. В отличие от интервью, где темы, связанные с переживанием

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

© Е.С. Шифрова, 2019

возраста, были специально инициированы собеседником, беседы представляли собой спонтанные разговоры. Данные об информантах следующие: информант *А. А.*, 60 лет, работает; информант *Ан. А.,* 67 лет, частично занят; информант *А. Н.,* 67 лет, пенсионер; информант *В. Е.,* 66 лет, пенсионер. В случае *А. А.* и *Ан. А.* имело место интервью, в случае *А. Н.* и *В. Е.* – беседа с элементами интервью. Жанровая неоднородность материала обусловлена субъективными причинами, связанными с речевыми привычками информантов и стремлением исследователя поддерживать, насколько это возможно, естественный характер диалога. Собеседник обозначен в материале инициальной буквой слова «интервьюер» – И.

Опыт предыдущего исследования показал, что для выявления самоидентификационных особенностей информантов релевантными параметрами описания могут быть физическое состояние, интеллектуальное состояние и социальная реализация [3]. Эти же параметры применены к материалу данной статьи.

1. Физическое состояние

Самоидентификация по этому параметру объективируется в ответах на вопросы интервьюера о возрасте – прямые и косвенные (1–10).

(1) И: *Ощущаете изменения с возрастом? А. А.* ***Пока нет/ пока нет/ может/ скоро и будет****/ но* ***пока нет*** *(смеется)//*

(2) И: *Кто для вас пожилой? А. А.* ***Малоподвижный/ обрюзгший/ ленивый*** *(смеется) наверное/ скандальный// Пожилой это уже где-то…****после шестьдесят семь лет****/)/ рыхлый уже/ малоподвижный/ с замедленными реакциями//*

А. А. не причисляет себя к пожилым, но не исключает этой возможности в ближайшем будущем (пример 1). Из примера 2 следует, что в своем шестидесятилетнем возрасте А. А. дистанцируется от пожилых.

Ан. А. в примере (3) не причисляет себя к какой-либо возрастной группе, использует местоимение со значением всеобщности: «*Но, наверное, как* ***все***», – но далее его ощущение возраста конкретизируется в репликах с семантикой движения (*пошел, походил, отвезти, играю, двигаюсь*), что объективно выглядит как автохарактеристика человека, который под «всеми» понимает физически активных мужчин (значит, не выделенных по возрасту, не пожилых, не старых). С другой стороны, этот информант не считает себя молодым, так как использует сопоставительно-противопоставительную конструкцию «*то ли там было/ а щас уже*» в контексте сравнения себя нынешнего с пятидесятилетним (4):

(3) Ан. А. ***Но наверное как все*** */ позавтракаю и начинаю что-то/* ***движение начинается****// Зимой там машину* ***пошел разогрел/ летом встал/ походил****/ как такого ритуала нет у меня//*

(4) Ан. А… ***То ли там было*** *когда* ***в 50 лет там как ветер был/ как ветер все были/ а щас уже*** *конечно/ 67 лет это же не 50// За 17 лет много воды утекло/ все//*

А. Н. проявляет осознанное желание иметь физические нагрузки. В примере (5) оно выражается контекстной антонимической парой *«разленишься – разомнешься».* Для характеристики А. Н. показательно, что свою недавнюю болезнь он представляет как что-то случайное, для него нехарактерное (6):

(5) А. Н. ***Что делаю?****/ снег/ как пойдет/* ***х…чишь*** *снег как бульдозер (смеется) В. Е. Купи себе снегоуборочный// А. Н. Совсем тогда* ***разленишься****/ делать не будешь (нрзб)* ***разомнешься****//*

(6) А. Н*// Эт-так в эту зиму* ***я тяжело болел/ никогда не болел****/ а я с неделю и еще вторую/* ***сроду никогда не болел****//*

Самоидентификация информанта В. Е. по физическому параметру отличается от самоидентификации остальных. Уровень каждодневной активности у него конкретизируется с помощью глагола *«лёг»* (7). Более того, В. Е. прямо идентифицирует себя с груп-

пой пожилых: *«Ну а кто я/ не дедок что ли?»* (8). С другой стороны, невозможность выполнять физические упражнения оказалась для В. Е. открытием *(«думал тьфу семечки»*), что говорит о противоречивой, неустойчивой идентичности (9):

(7) И: *Чем занимаетесь обычно? – В. Е. Вот так/ диван-то здоровый/ вот так* ***лег/ кода плохо лег//***

(8) В. Е. ***Ну а кто я/ не дедок что ли?*** *Дедок/ говорит/ ты че/ это по рецептам строго/ я говорю: слышь/* ***я не доживу*** *до участкового врача//*

(9) В. Е. ***Прикинь****/ на турник* ***пошел****/ хотел перед Любкой это/* ***думал тьфу семечки/*** *Саня* ***вот так/ и все/ повис как говно*** *(показывает)// А* ***раньше же*** *ГТО* ***сдавали//***

Параметр «физическое состояние» позволил выделить некоторые оппозиции, с помощью которых реализуется самоидентификация информантов: движение – пассивность, статика; что-то делать – не иметь дела, лениться; быть готовым к нагрузкам – не выдерживать нагрузки.

2. Интеллектуальное состояние

Все информанты так или иначе транслируют забывчивость – маркерами поиска слова (10, 11) или прямым указанием на ухудшение памяти (12). А. А. и Ан. А. проявляют интерес к современной электронной технике (компьютер, планшет), пользуются интернетом (13, 14). А. Н. и В. Е. выражают безразличие к подобным устройствам; кроме того, очевидна утрата ими интереса к чтению книг; основным каналом получения информации становится телевидение (15, 16, 17).

(10) **А. А.** ***Ну вот эти ток-шоу*** *политические /* ***как они там называются****/ «Время покажет»// потом по НТВ//*

(11) Ан. А. *Есть* ***это/ как это называется еще/ тоже какая-то****/ по другому/ фобия какая-то//*

(12) В. Е. *Я иду/ а так дойдешь/* ***забыл*** *б…/ и встанешь и* ***мычишь****//….*

(13) А. А. *Газеты нет/ зато* ***дзен постоянно листаю****// Ну новости эти//*

(14) Ан. А. *Ты знаешь/ я с ним* ***не на ты****// Ну* ***могу*** *там* ***найти/ прочитать*** *что-то/ в основном по спорту//*

(15) И: *С внуками занимаетесь, учите их? А. Н. Оне сами научат кого хочешь (смеется) // Этот маленький ноутбук принесет…/я-я* ***не умею/*** *а он* ***умеет*** *б…/ а* ***я и не лезу****/ мне оно как-то* ***безразлично****//*

(16) Ан. А. *Нуу…* ***раньше*** *читал/* ***щас*** *я как-то уже отвыкли/ все больше инф.. по тел..* ***телевизор /нового ничего не читалуже давно****//*

(17) *Читал все/ которые здесь были/ художественную литературу/* ***раньше*** *читал много/ а* ***щас****/ книг не стало таких//*

Самоидентификация выражается через оппозиции: забывать – помнить, уметь – не уметь, иметь интерес к новым знаниям – отрицать новые знания.

3. Социальная активность

Информанты проявляют социальную активность внутри семьи (общаются с детьми, внуками, супругами, родственниками), рабочей группы (общаются с коллегами) и группы друзей / знакомых (18, 19, 20). Вместе с тем качественные характеристики и интенсивность общения понижаются, о чем в примере (20) информант А. Н. говорит с иронией, а в примере (21) информант Ан. А. – серьезно и с аргументацией. Таким образом, диалоги отражают возрастные изменения в социальной активности.

(18) И: *С кем чаще всего разговариваете в течение дня?* А.А. *А-а-а только* ***по работе****/ с* ***женой/ детьми/ больше и ни с кем//***

(19) Ан. А. *Ну в общем-то я этим* ***не страдаю/ общения мне хватает****// С* ***друзьями*** *по* ***работе*** *там/ у меня же там пятеро/ пятеро* ***внуков****/ со всеми* ***общаемся//***

(20) И: *Беседуете с женой?* А. Н. *Аааа/* ***беседуем// Она свой*** *телевизор* ***смотрит/ я свой*** *телевизор* ***смотрю//***

(21) И: *Есть ли желание собраться, посидеть?* Ан. А. *Ну* ***раньше*** *конечно мы чаще встречались/* ***ну а с возрастом это*** *тоже* ***уходит*** *уже/ уже* ***спокойной жизни*** *хочется//*

В рамках параметра «социальная активность» можно выделить оппозицию: активно общаться – жить более спокойно.

Выводы.

Оценка информантами самих себя по параметрам физического состояния, интеллектуального состояния и социальной реализации дает представление об их отношении к своему возрасту, который в социологических классификациях относится к пожилому (в социологии пожилым считается возраст от 60 до 75 лет). Неоднозначность самоидентификации характеризует переходную стадию от зрелости к пожилому возрасту. Так, информант А. А. не идентифицирует себя с группой людей пожилого возраста, дистанцируется от нее; информант Ан. А., по сути, отказывается от идентичности по возрасту (*как все*), но так же, как А. Н., признает возрастные изменения. Информант В. Е. относит себя к пожилым / старикам (*Ну а кто я, не дедок, что ли?*).

Занятые трудовой деятельностью информанты связывают ключевые виды деятельности с работой; пенсионеры демонстрируют активность в домашних делах или ее отсутствие и безболезненное принятие этого факта.

Разный жизненный опыт, образ и условия жизни, личностные характеристики (оптимист – пессимист), состояние здоровья и прочие параметры влияют на особенности самоидентификации информантов по возрасту и их видение пожилого возраста в целом. Самый «пожилой» по самоидентификации В. Е. (66 лет), моложе на год Ан. А. и А. Н. (67 лет); а Ан. А. и А. Н., в свою очередь, не имеют существенных отличий в аспекте понимания / ощущения возраста от 60-летнего А. А.

Среди средств возрастной самоидентификацииотмечаются репрезентации темпоральных смысловых оппозиций «сейчас – раньше», «еще – уже» (*щас/ раньше, то ли было/ щас уже, уже не те* и т. д.). Встречаются сравнения (*в 50 как ветер, повис как говно*), антонимические глагольные пары из сфер физического и интеллектуального состояний человека (*видит – не видит, болел – не болел, не умеет – умеет, знаешь – не знаешь*), глаголы с семантикой движения (*поработать, пошел, походил, двигаюсь, делаю, езжу, вожу*),ментальный глагол *забывать* и его контекстуальные синонимы (*забываю, забуду, забыл, мычал, мычишь*), указания на характеристики интеллектуальной деятельности (*поверхностно, безразлично*), маркеры поиска слова (*как они там называются, с этим, как это называется еще, тоже какая-то*).

Список использованной литературы

1. *Исенова М.Х., Орлова Н.В.* Между Агнией Барто и Мистером Максом: дискурсивное пространство младшего школьника. Омск: Издательский дом «Наука», 2018. 136 с.

2. *Лаппо М.А.* Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. … д-р филол. наук. Новосибирск, 2018. 36 с.

3. *Шифрова Е.С.* Возрастное измерение дискурса: самопрезентация пожилых// Молодёжь третьего тысячелетия: сборник научных статей / отв. ред. С.В. Белим. Омск: Изд-во Ом. гос. унта, 2018. С. 1530–1534.

4. *Шмерлина И.А.* Возрастные конструкты и стиль жизни в старшем возрасте. Ч. I. Альтернативы возрастной идентификации старости // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1 (119). С. 181–197.

Раздел 3
ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА ЯЗЫКА В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ОБЫДЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

О.В. Балонкина
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники,
г. Томск

УДК 811.161.1

Лингвокультурологические особенности русских фразеологизмов с именами первостихий

Аннотация. Статья посвящена исследованию фразеологических единиц русского языка (литературных и диалектных), включающих имена-названия стихий (огонь, вода, земля, воздух), репрезентирующих в составе идиом различные образы. Описываются образные парадигмы стихий – компонентов фразеологических единиц. Выявляются особенности, отображающие потенциал изучения стихий в составе идиом, связанные с привлечением к исследованию диалектных фразеологизмов, представляющих неотъемлемую, самобытную часть национальной культуры.

Ключевые слова: фразеологические единицы (ФЕ), стихии, особенности, литературные ФЕ, диалектные ФЕ.

O.V. Balonkina
Tomsk State University of Control Systems
and Radioelectronics,
Tomsk, Russia

Linguocultural Features of Russian Idioms with Names of the Elements

Abstract. The article is devoted to the research of Russian idioms (literary and dialect) including names of the elements (*fire, water, earth, air*) representing various images. Image paradigms of the elements – idioms components are described. The article introduces the features showing the potential of studying the elements as idioms components which are connected with including dialect idioms (as inherent and unique part of national culture) into the research.

Keywords: phraseological units (*idioms*), the elements, features, literary idioms, dialect idioms.

Фразеологические единицы (ФЕ) национального языка являются неоценимым источником культурной информации, сохраняя в своей внутренней форме отсыл к глубинным национальным смыслам и воплощая собой знаки культуры. Как говорил В.Г. Гак, «ни в одном разделе языкознания связь языковых форм с мышлением и одновременно культурой и историей народа не проявляется так ярко и наглядно, как во фразеологии» [1, с. 159].

Самобытность фразеологических единиц обусловлена главным образом тем, что «фразеологизмы возникают на основе образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [4, с. 302]. Таким образом, каждая лингвокультура закрепляет в языковых формах устойчивые пред-

© О.В. Балонкина, 2019

ставления о мире, сформированные именно в этой культурной среде и транслируемые во времени представителями данного языкового сообщества.

К числу фрагментов мира, наиболее отрефлексированных народным сознанием и получивших образное воплощение, относятся первостихии. Они окружают человека с древнейших времен и в прошлом (как и в настоящем) в значительной степени определяли его существование и выживание. Так, изучение имен стихий в составе ФЕ является актуальным для исследования взаимосвязи языка и культуры нации. Фразеологизмы с именами первостихий (*воды, огня, земли, воздуха*), принадлежащими к архаическим пластам лексики, репрезентируют знаки языка, воплощающие относительное постоянство культурных констант.

Особую ценность при изучении лингвокультуры нации, по мнению многих исследователей, представляет репрезентирующий народную культуру диалектный материал (в частности диалектные ФЕ). «Народная культура включает в себя способы понимания окружающей реальности и взаимодействия с ней, идущие из практической жизни того или иного народа, из особенностей духовности этого народа, его менталитета» [2, с. 59]. Она объединяет идеи, ценности, традиции, нормы и образцы социального поведения, религиозные воззрения, отображенные в массовом сознании людей в целом и сознании отдельного человека в частности.

По признанию многих ученых, богатейший пласт традиционной народной культуры – это диалектная фразеология. В ней получают отражение различные варианты форм литературных ФЕ, обогащается их семантика, расширяется спектр фразеологических парадигм. Привлечение диалектного материала значительно расширяет и обогащает сферу лингвокультурологических исследований во фразеологии, придавая последним большую глубинность и разработанность.

Настоящее исследование посвящено изучению ФЕ с компонентами-именами первостихий (общенациональных и диалектных). В ходе работы были выявлены парадигмы образов стихий в составе фразеологизмов русского языка. Так, стихия *воды* как компонент идиом воплощает ряд символических значений: *вода* – символ жизни; *вода* – символ чистоты; *вода* – символ времени; *вода* – мистическое пространство, способное быть опасным для человека и др. Она также реализует в семантике ФЕ некоторые свои несимвольные характеристики: текучесть, прозрачность, вес и др. Стихия *огня* в составе ФЕ символизирует *огонь* – опасность; *огонь* – задор, душевное стремление; реализует вещные характеристики: жар, свет, способность сжигать и др. Изучение идиом с именами *земли* и *воздуха* также позволяет сформировать парадигмы образных воплощений этих стихий.

С привлечением к исследованию диалектных фразеологизмов наблюдаются следующие особенности, отображающие потенциал изучения *первостихий* в составе ФЕ:

I. Расширение образной парадигмы за счет диалектных единиц, закрепляющих новые образы стихий.

II. Обогащение членов парадигмы за счет диалектных единиц, воплощающих своеобразное преломление выделенных ранее образов стихий.

К первой группе отнесем случаи, когда парадигмы образов стихий в составе ФЕ, сформированные на материале литературных единиц, были расширены за счет диалектных единиц.

Так, классификация образных воплощений **стихии *вода*** содержит группы идиом, представленные только диалектными ФЕ: *вода* как часть организма человека: *вода идет* – ‘выступает обильный пот’, *воды пролились* – ‘лопнул околоплодный пузырь’, *воды пролить* – ‘о послеродовых выделениях’, *вода поднялась выше мер* – ‘скопилась моча’; *вода* – воплощение идеи количества: *водой не помочить* – ‘очень много’, *как воды в рот налито* – ‘очень много людей, людно’, *и с горы и с воды* – ‘отовсюду, откуда только возможно’, из

большого количества мест, *водой не размоешь* – ‘очень большое количество’ и др.; вода – воплощение каких-либо болезней: *стрешная вода* – ‘болезнь домашних животных’, *тёмная вода* – ‘слепота’, *в глазах тёмна вода разлилась* – ‘(экспр.) о наступлении слепоты’ и другие.

Парадигма образных воплощений **стихии *огонь*** получает расширение за счет диалектных ФЕ: *огонь* порождает искры: *огни загорелись (открылись) в глазах* – ‘искры из глаз посыпались’, *огонь из глаз* – ‘искры из глаз’, *сто огней открылось* – ‘искры из глаз посыпались’; *огонь* характеризует время**:** *при огнях* – ‘поздно; во время, когда зажигают огни’, *прихватить огня* – ‘прибыть, прихватить куда-либо во время, когда в домах уже зажигают огни’, *огня присеки* – ‘(нареч.) (экспр.) на мгновенье, ненадолго’ и другие.

Диалектными единицами представлена группа идиом, в образе которых отражаются представления носителей диалектов и говоров о *земле* как о материальной ценности: *скупная земля* – ‘земля, скупленная у бедных’, *как земля продана (спать)* – ‘крепко и долго’, *земля в кармане – ‘(экспр.)* о том, кто всегда живет в достатке’.

Вторая группа – обогащение членов парадигмы диалектными ФЕ, воплощающими преломление выделенных в семантике литературных идиом образов стихий. Так, группа литературных ФЕ, в составе которых ***огонь*** предстает символом душевного стремления, пыла, задора, представлена единицами: *с огоньком* – ‘с интересом, с увлечением, с подъемом (делать что-либо)’, *с огнем (делать, исполнять что-либо)* – ‘испытывая душевный подъем, с вдохновением’, *гореть (пылать, зажигаться и т. п.) огнем* – ‘ярко блестеть от возбуждения, страсти (о глазах, взгляде) и др., дополняется диалектными единицами: *достать огонька* – ‘рассердить, разозлить кого-либо’, в семантике которой коннотации *огня* как символа задора, пыла, эмоций сочетаются с образом опасной стихии, которая до поры дремлет в душе индивида и которую лучше не будить; *огонь угас* – ‘(экспр.) умер один из супругов’, во внутренней форме которой *огонь* предстает олицетворением души человека, жизненных сил, жизни.

Группа ФЕ, в составе которых ***вода*** представляется чем-либо ненужным, лишним, необязательным, «пустым» (литературные ФЕ: *вместе с водой выплеснуть (выплескивать) и ребенка* – ‘необдуманно, неосторожно выбрасывать, отвергать необходимое, ценное вместе с ненужным’, *лить воду* – ‘говорить пустое, пустословить’), дополняется диалектными ФЕ (*вода пустая* – ‘бедность’), хранящими во внутренней форме коннотации *воды*, связанные с ненужностью, пустотой, не имеющей ценности, реализующей идею отсутствия материальных благ, материального достатка.

Вода – неотъемлемый элемент повседневной хозяйственной деятельности человека, представления носителей языка о *воде* нередко связаны с трудом. В то же время – это реалия действительности, обладающая вещными характеристиками: весом, текучестью, определенной консистенцией и др. Такие разнообразные коннотации *воды* мотивируют ряд её фразеологических воплощений, представленных литературными ФЕ (*возить воду (на ком-либо)* – ‘взваливать на кого-либо тяжелую, непосильную работу; ‘обременять кого-либо’, *носить воду решетом* – ‘делать что-либо заведомо впустую, без результата’, *толочь воду (в ступе)* – ‘заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время’ и др.), и дополняются диалектными единицами: *из воды всё достанет* – ‘о бойком, энергичном человеке’, *не браться ни за синюю воду* – ‘бездельничать’, *вода не подтечёт* – ‘(пренебр.) ленивый, равнодушный; лодырь’, *ни с горы ни с воды* – ‘(пренебр.) неумелый, не способный ни к какому делу’, *в теплую воду рук не мочить* – ‘не заниматься домашней работой’.

Немногочисленная группа идиом литературного языка, во внутренней форме хранящих образ *земли* – посредника при переходе в иной мир (ФЕ: *предавать земле* – ‘погребать, хоронить’; *земля пухом* – ‘доброе поминание умершего’), в значительной степени дополняется диалектными ФЕ, в семантике которых образ *земли* – «последней усы-

пальницы» – получает многостороннее развитие. Так, во внутренней форме идиом: *взойти в сыру землю* – ‘умереть’, *в землю пойти* – ‘умереть’, *ложиться на упокой земли* – ‘умирать’, *легти в землю* – ‘умереть, скончаться’, *пойти в землю* – ‘умереть, скончаться’, *уйти в землю* – ‘умереть, скончаться’, *в землю уйти* – ‘умереть’, *в земле* – ‘в могиле’, *земля уж матка (кому)* – ‘о том, кто очень стар, близок к смерти’, – отображаются представления о приятии единого для всех исхода жизни.

Коннотации *земли*, связанные с обрядом погребения, мотивируют образы ФЕ: *положить кости в землю (на место)* – ‘похоронить кого-либо’, *положить в землю* – ‘похоронить умершего’, *скласть в землю* – ‘похоронить умершего’, не вытесняя при этом коннотациями неотвратимости, естественности данного явления. Представления о непреложности равного (одинакового) для всех людей конца, независимо от свершений индивида на жизненном пути, отображаются во внутренней форме ФЕ *земля выравняет* – ‘смерть всех сделает равными’.

Коннотации *земли* как «последней усыпальницы» отмечаются и в семантике ФЕ: *земля выступила на лице (у кого-либо)* – ‘о приближении смерти у тяжелобольного’, *землей заметало (кого-либо)* – ‘о приближении смерти у тяжелобольного’, *землей подернуться* – ‘приобрести темный цвет лица, почернеть’, «что бывает у людей старых и служит признаком того, что смерть не за горами» [3, с. 256], однако в данном случае образы идиом характеризуют физическое состояние индивида, имеющее проявления на теле человека и свидетельствующее о скором приближении жизненного конца.

Представления о недобровольном, неестественном приближении человека к смерти, связанные с действиями другого лица (лиц) либо внешних обстоятельств (например, болезнь), отображаются во внутренней форме ФЕ: *угнать в землю (кого)* – ‘довести до смерти’, *согнать в землю* – ‘довести до смерти, погубить’, *загонять в землю* – ‘доставлять неприятности, укорачивая срок жизни кому-л.’, *повалило в землю (кого)* – ‘кто-либо умер, скончался (от болезни)’, *насыпало земли в ногах (кому)* – ‘трудно ходить, передвигаться’.

Рассмотрим еще одну особенность ФЕ с именами стихий, не связанную с привлечением к исследованию диалектного материала. Так, фразеологизмы с компонентами – именами разных стихий – могут употребляться для именования одних и тех же понятий. Например, идея пропажи, бесследного исчезновения воплощается в образах ФЕ, связанных с *воздухом*, *землей* и *водой*: *раствориться в воздухе, как сквозь землю провалился, как в воду канул*. Идея отсутствия должного питания, голода фразеологически реализуется во внутренней форме идиом: *сидеть на хлебе и воде, воздухом питаться*.

В семантике фразеологических единиц: *как глоток свежего воздуха, как живой воды напиться* – наблюдаются сходные мотивы-основания, репрезентирующие смыслы удовольствия, облегчения, ощущения чего-либо приятного. ФЕ *как по воде брести, как по воздуху (перемещаться)* транслируют смысл беспрепятственного, легкого передвижения.

Представления о душевных стремлениях, порывах, переживаниях закрепляются в семантике таких единиц, как *дышать воздухом (чего-либо), гореть огнем (любви, страсти и т. д.)*. Идея бесполезности, пустоты, ненужности воплощается в образах ФЕ *лить воду, сотрясать воздух*.

В заключение отметим: исследование ФЕ с именами первостихий (общенациональных и диалектных) позволяет выделить разветвленные образные парадигмы *воды, огня, земли, воздуха* в их составе, репрезентирующие оязыковление множества связанных с ними представлений, ассоциаций носителей языка, что говорит о значимости стихий для русской лингвокультуры.

Диалектные ФЕ в значительной степени расширяют и дополняют выявленные парадигмы, включающие группы ФЕ, представленные только диалектным материалом. Дан-

ные факты свидетельствуют о том, что единицы, относящиеся к традиционной народной культуре, представляют собой неотъемлемую, самобытную часть культуры национальной и несут разнообразную информацию об идеях, ценностях, нормах, установках, традициях русской лингвокультуры.

Образы стихий (*воды, огня, земли, воздуха*) могут мотивировать возникновение фразеологизмов, именующих одинаковые либо сходные понятия, характерные для русской лингвокультуры.

Список использованной литературы

1. *Гак В.Г.* Фразеология, образность и культура // Советская лексикография: сб. ст. М.: Русский язык, 1988. С. 159–170.

2. *Невлева И.М., Кохан Ж.С.* Теоретические основы изучения традиционной народной культуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2017. № 3 (252). Выпуск 39. С. 58–61.

3. Словарь русских народных говоров. Вып. 11. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. 362 с.

4. *Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание XI Международный съезд славистов, доклады российской делегации / отв. ред. Н.И. Толстой. Братислава, 1993. С. 302–314.

Е.Н. Белая
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск

УДК 811. 133.1 + 81' 276

Культурные смыслы французских и русских фразеологических единиц с компонентом названий цветов

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию культурных смыслов французских и русских фразеологических единиц с компонентами названий цветов. Акцент в статье делается на том, что национально-культурную специфику фразеологических единиц с компонентами названий цветов обусловливают стереотипность, символичность и эталонизированность их образного сравнения. Обосновываются утверждения о том, что во французском языке доминируют фразеологические единицы с компонентами флоронимов, образные основания которых содержат стереотипные представления о счастье и радости, символы красоты и молодости, связь с национальными реалиями, с Библией.

Ключевые слова: символ, эталон, ритуалы, стереотипы, культурная коннотация.

E.N. Belaya
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Cultural Senses of French and Russian Phraseological Units with Components of the Names of Flowers

Abstract. The article deals with cultural senses of French and Russian phraseological units with components of the names of flowers. The emphasis in the article is centred on the fact that ethno-cultural particularity of phraseological units with components of the names of flowers is caused by stereotypy, symbolic character and patterning of their figurative basis. The claims / assertions are substantiated that the French language shows considerable predominance of phraseological units with components of flower-names the figurative basis of which has stereotyped representations of happiness and delight, symbols of beauty and youthfulness, touch with ethnical realia, the Bible.

Keywords: symbol, reference, rituals, stereotypes, cultural connotation.

Язык является не только средством коммуникации, но и культурной памятью его носителей. Согласно Э. Бенвенисту, взаимодействие языка и культуры основано на том, что присущая языку знаковая природа есть общее свойство всей совокупности социальных феноменов, которые составляют культуру [1, с. 58]. По мнению Э. Сепира, язык является в первую очередь продуктом социального и культурного развития, и воспринимать его следует именно с этой точки зрения [3, с. 265].

Особую роль в трансляции национально-культурного самосознания народа и его идентификации играют фразеологические единицы. Фразеологический корпус любого национального языка является своеобразным источником знаний о культуре того или иного народа. В глубинных связях устойчивых словесных комплексов закодированы сообщения о мире конкретной страны: о ее истории, о душевном складе народа, об образе жизни в разные времена. Утверждение о наличии в языковых единицах культурной информации предполагает существование категории, соотносящей язык и культуру, кото-

© Е.Н. Белая, 2019

рая позволяет описывать их взаимодействие. Способом воплощения культуры в языковой знак является культурная коннотация. Согласно В.Н. Телия, *культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры* [4, с. 214]. Категориями культуры являются *стереотипы, эталоны символы, архетипы, мифологемы, ритуалы* и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры. Согласно В.А. Масловой, во внутренней форме большинства фразеологических единиц (ФЕ) содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит [2, с. 21]. Именно во внутренней форме фразеологизма закрепляются те аспекты, которые ассоциируются с эталонами, стереотипами, мифологемами.

В настоящей статье мы рассматриваем фразеологические единицы во французском и русском языках, имеющие в своем компонентном составе названия цветов «роза», «лилия», «фиалка», «маргаритка», «ромашка», «пион».

Проанализируем французские и русские ФЕ с компонентом **«роза»**. Сначала рассмотрим универсальные черты ФЕ с компонентом «роза» в двух языках.

Во французском и русском языках есть выражение «Rose des vents», «Роза ветров». Красивым поэтическим выражением «роза ветров» называется строгий геральдический знак-восьмиугольник – символ совершенства и стремления к прекрасному, романтики дальних странствий, а по сути – это строгая математическая диаграмма. История рождения знака «Роза ветров» уходит далеко в глубину веков. Изначально это был символ навигационной звезды у мореходов. В северном полушарии такой неподвижной звездой на ночном небосклоне является Полярная звезда. По ней моряки достаточно давно научились определять широту места и приблизительно определять свое местоположение в море. Вторым ориентиром для опытных мореплавателей был ветер. Ведь многие морские ветры постоянны в определенные периоды года, и, зная эти закономерности, капитан корректировал свой курс и безошибочно приводил корабль из дальнего плавания в родную гавань. Так символ навигационной звезды приобрел дополнительное значение, и звездные лучи стали указывать на стороны света: север, юг, восток и запад. Знак Розы ветров, наколотый на плече, был своеобразным амулетом для моряков. Он придавал им уверенность в правильности маршрута и успешного возвращения на родную землю. Сегодня такое тату больше символ поиска пути – путеводной звезды. В восьмиконечной розе ветров промежуточные румбы указывают северо-восток, юго-восток, северо-запад и юго-запад, их лучи короче.

Рассмотрим расхождения в значениях французских и русских ФЕ с компонентом «роза».

Во французском языке есть ФЕ с компонентом «роза» со значением «внешность человека»: «*Frais comme une rose*» – свежий, как роза, «*frais comme un bouton de rose*» – свежий, как бутон розы. Во ФЕ флороним «роза» является символом красоты, свежести, молодости.

Во французском языке роза символизирует «удовольствие, наслаждение»: «*cueillir la rose*» – сорвать цветок невинности, «*cueillir les roses de la vie*» – «собирать розы жизни; взять от жизни все». В образном основании данных ФЕ лежит стереотипное представление о том, как взять максимум от жизни.

Французская ФЕ «*être dans ses roses*» обозначает «быть в радужном настроении». Компонент «роза» символизирует радость, счастье, приподнятое настроение. В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о счастливом, радужном состоянии человека.

Русская ФЕ «*делать / сделать розочку кому-либо*» означает «наносить кому-либо рваную рану осколком бутылки». Выражение образовано по общеязыковой модели, ср.: *сделать операцию*. «Розочка» в этом случае употребляется как в значении «полуразбитая бутылка», так и «рана, нанесенная такой бутылкой». В образном основании данной ФЕ лежит стереотипное представление о форме разбитого горлышка бутылки и форме раны от данной бутылки.

Итак, анализ показывает, что ФЕ с компонентом «роза» имеют универсальные черты («роза ветров»), но французские и русские ФЕ с компонентом «роза» имеют и расхождения в значениях. Внутренняя форма французских ФЕ содержит стереотипное представление о радужном эмоциональном состоянии, внешности человека и удовольствии. Внутренняя форма русской ФЕ содержит стереотип о форме разбитого горлышка бутылки и форме раны от данной бутылки.

Проанализируем французские ФЕ с компонентом **«лилия».** В русском языке ФЕ с этим компонентом отсутствуют. Во французском языке лилия символизирует чистоту, непорочность, невинность: «*pure comme un lis*». Христиане считали, что она проросла из слез Евы, когда та покидала рай; также лилия является эмблемой Девы Марии. Данная ФЕ являются эталоном чистоты, невинности.

Французская ФЕ «*royaume de lis*» означает «королевство лилий». Во Франции лилия была в гербе королей Валуа и Бурбонов и символизировала процветание, развитие.

Французская ФЕ «*le lis dans la vallée*» переводится как «лилия в долине» (о возлюбленной). Данная единица восходит к библейским текстам, согласно которым красоту лилии восхваляет сам Господь. Им была произнесена Нагорная проповедь с упоминанием красоты лилий. В песне с красотой цветка сравнивается красота таинственного жениха и невесты: «Я нарцисс Саранский, говорит о себе жених, я лилия долин. Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами».

Итак, анализ показывает, что только французские ФЕ содержат компонент «лилия», внутренняя форма которых связана с национальной реалией (герб Валуа и Бурбонов) и с библейскими сюжетами.

Проанализируем французские ФЕ с компонентом **«фиалка»,** в русском языке ФЕ с таким компонентом отсутствуют.

Французская ФЕ «*timide comme une violette*» означает «чересчур робкий, застенчивый». В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о робком, застенчивом человеке.

Французская ФЕ «*faire sa violette*» означает «прикидываться скромницей». Фитоним violettesимволизирует скромность, непорочность. В образном основании фразеологической единицы лежит стереотипное представление о женском поведении.

Французская ФЕ «*avoir les pinceaux en bouquets de violettes*» обозначает «радоваться, наслаждаться». Фитоним символизирует радость и наслаждение человека. В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о приподнятом эмоциональном состоянии человека.

Итак, анализ показывает, что французские ФЕ с компонентом «фиалка» имеют значения «робкий, застенчивый человек». Внутренняя форма французских ФЕ содержит стереотипные представления о радужном эмоциональном состоянии, наслаждении и о женском поведении «прикидываться скромницей».

Проанализируем французские ФЕ с компонентом **«маргаритка**». В русском языке ФЕ с подобным компонентом отсутствуют.

Французская ФЕ «*aller aux pâquerettes*» означает «упасть, свалиться». В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о падении человека.

Французская ФЕ «*cueillir les pâquerettes*» означает «ехать, не торопясь; упасть». В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о неторопливой езде на велосипеде и возможности упасть.

Французская ФЕ «*au ras des pâquerettes*» означает «что-то элементарное, примитивное». В образном основание ФЕ лежит стереотипное представление о чем-то простом, что лежит на поверхности и достаточно легко понять.

Итак, анализ показывает, что внутренняя форма французских ФЕ с компонентом «маргаритка» содержит стереотипные представления о падении, неторопливой езде, о чем-то простом, элементарном, примитивном.

Рассмотрим французские и русские ФЕ с компонентом **«ромашка»**. Сначала проанализируем ФЕ с компонентом «ромашка» с универсальным значением.

Русская ФЕ «*гадать на ромашке»* и французская ФЕ «*effeuiller la marguerite*» означают «гадание на ромашке / любит – не любит». В образном основании данных ФЕ лежит стереотипное представление о древних обрядах гадания с помощью ромашки.

Французские ФЕ с компонентом «ромашка» имеют разные значения.

Французская ФЕ «*avoir des marguerites dans le cresson*» означает «седеть, иметь седые волосы». Внутренняя форма ФЕ содержит компонент «marguerites», который служит в качестве метонимии для обозначения человека с волосами белого цвета, сединой. В образном основании ФЕ лежит стереотипное представление о седых волос.

Французская ФЕ «*effleurer la marguerite*» означает «удачно приземлиться». Внутренняя форма содержит компонент «*effleurer*», который означает «легко коснуться, приземлиться». В образном основании данной ФЕ лежит эталонное представление о легкой, хорошей и удачной посадке.

Итак, анализ показывает, что французские и русские ФЕ с компонентом «ромашка» имеют универсальные значения: внутренняя форма ФЕ с компонентом «ромашка» содержит эталонное представление о древних обрядах гадания с помощью ромашки.

Внутренняя форма французских ФЕ содержит стереотипное представление о седых волосах и эталонное представление о легкой, хорошей, удачной посадке.

В отличие от русского языков во французском языке есть ФЕ с компонентами **«пион».**

Французские ФЕ с компонентом «пион» имеют значения, связанные с красным цветом: «*rouge comme pivoine*» – красный, как маков цвет; «*faire sa pivoine*» – покраснеть. В образном основании данных ФЕ лежат стереотипные представления о красном цвете и о чувстве стыда или застенчивости.

Итак, анализ показывает, что ФЕ с компонентом «пион» присутствуют только во французском языке. Внутренняя форма ФЕ содержит стереотипные представления о красном цвете, чувстве стыда и застенчивости.

В заключение следует отметить, что каждый рассматриваемый нами язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, менталитет наций, их самобытность и мировоззрение. В ходе исследования мы обнаружили, что количество ФЕ с компонентами названий цветов во французском языке значительно преобладает. Это позволяет нам сделать вывод о том, что процесс подбора нужного для выражения смысла слова, метафорический поиск связи между объектами сознания в области флористической лексики во французском вербальном мышлении сильнее, чем в русском. Это придает картине мира носителей французского языка большую осязательность. Советский писатель Илья Эренбург называл Францию страной цветов. Там издавна существуют цветочные традиции и целый культ цветов: «Нигде, кажется, так страстно не относятся к цветам. Цветы продаются повсюду – и в бедных пригородах, и у заводских ворот. Огромные рынки отведены под цветочную рассаду, под кусты и деревья» [5, с. 35].

Список использованной литературы

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: URSS, 2002. 448 с.
2. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
3. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
5. *Эренбург И.* Французские тетради. М.: Азбука-Аттикус, 2012. 320 с.

Л.О. Бутакова
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск

УДК 811.161.1

Возрастная лексика как объект рецепции (на примере стимулов «пенсионер», «пенсионерка», «пенсия»)[*]

Аннотация. *Цель статьи* – показать способы реконструкции субъективной семантики лексем, связанных с представлениями о возрасте, на основе комплекса психолингвистических процедур, требующих реализации разных типов речевой деятельности, выводящих «на поверхность» разные структуры ментального лексикона. *Методы*: свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент (по методике дополнения языкового знака), рецептивный эксперимент (семантически дифференциал). *Материал* – результаты трех типов экспериментов, проведенных в апреле – мае, октябре – ноябре 2018 г. в школах г. Омска. Испытуемые – 275 человек 11–17 лет. Стимульный список – 23 слова, среди которых есть лексемы с семантикой преклонного возраста, разбавленные «шумами». *Результаты.* Обнаружены высокий уровень стереотипизации при восприятии стимулов, разное развитие линий стереотипизации, отсутствие разветвленной системы связей в данном фрагменте ментального лексикона школьников, средний уровень позитивного эмоционально-чувственного переживания стимулов.

Ключевые слова: значение, субъективная семантика, языковое сознание, метальный лексикон, психолингвистический эксперимент, лексика с семантикой возраста, речевая деятельность.

L.O. Butakova
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

*Words with the Semantic Age as an Object of Reception (on the Example of Incentives Pensioner, Pensioner, Pension)**

Abstract. The purpose of the article is to show ways of reconstructing the subjective semantics of lexemes related to ideas about age, based on a complex of psycholinguistic procedures that require the implementation of different types of speech activity, bringing to the surface different structures of the mental lexicon. Methods: free associative experiment, directed associative experiment (according to the method of complementing a language mark), receptive experiment (semantically differential). Material – the results of three types of experiments conducted in April – May, October – November 2018 in schools of the city Omsk. Experienced – 275 people 11-17 years. The incentive list has 23 words, among which are lexemes with the semantics of old age, diluted with “noises”. Results. A high level of stereotyping in the perception of stimuli, different development of stereotyping lines, the absence of an extensive system of connections in this fragment of the schoolchildren’s mental vocabulary, the average level of positive emotional and sensual experience of the stimuli found during experiments and processing of their results.

Keywords: meaning, language consciousness, experimental methods,words with age semantics, subjective semantics, speech activity.

[7] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

© Л.О. Бутакова, 2019

Цель данной статьи – показать возможные способы реконструкции субъективной семантики лексем, связанных с представлениями о возрасте, на основе комплекса психолингвистических процедур, требующих реализации разных типов речевой деятельности, выводящих «на поверхность» разные структуры ментального лексикона. В парадигме значения слова как динамической функциональной системы [11–13] были проанализированы разные фрагменты языкового сознания носителей русского языка [1, с. 12–36; 5, с. 158–174; 6; 7, с. 146–168].

Актуальность исследования обусловлена неослабевающим вниманием лингвистов и психолингвистов к исследованиям ментального лексикона, языкового сознания, значения слова как достояния индивидов разного возраста, пола, социальной принадлежности и пр. [2, с. 215–229; 3, с. 25–39; 4, с. 95–102; 7, с. 146–168; 8, с. 205–206; 9, с. 17–19; 12–14; 16–19 и др.]. При этом необходимо, решая задачу объемной реконструкции смысловой области, связанной с языковым знаком, использовать возможности неодномерного экспериментального подхода, учитывая стратегии восприятия стимулов и фиксируя их.

Гипотеза исследования: использование разных психолингвистических процедур для одного и того же стимульного списка в одной и той же аудитории реципиентов (свободного и направленного ассоциативных экспериментов, рецептивного эксперимента) стимулирует разные виды речевой деятельности и тем самым выводит на поверхность разные фрагменты ментального лексикона, что при применении определенных принципов моделирования позволяет выявить когнитивную организацию смыслового пространства, связанного со стимулом. Стимулы с близкой семантикой, принадлежащие к одной тематической области, переживаются по-разному, что порождает разный объем, когнитивное устройство смысловых пространств, связанных с ними.

С помощью свободного ассоциативного эксперимента можно определить качество ассоциативной связи, стабильные и подвижные части субъективной семантики. Направленный ассоциативный эксперимент (в том числе проводимый по методике дополнения языкового знака) нацелен на выявление ситуативной структуры стимула: предъявление деформированного речевого сообщения провоцирует реципиентов восполнить «утраченное» определенными фрагментами, имеющимися в их лексиконе [15, с. 6; 10, с. 112–122]. Эмотивно-чувственная часть семантики устанавливается с помощью семантического дифференциала (СД), что дает возможность количественного представления нагрузок по разным шкалам. Методики применяются в последовательности от САЭ и НАЭ к СД.

Материал исследования – результаты трех типов экспериментов, проведенных в апреле – мае, октябре – ноябре 2018 г. в школах г. Омска. Испытуемые – 275 человек 11–17 лет. Стимульный список включал 23 слова, среди которых были лексемы с семантикой преклонного возраста, разбавленные «шумами». Стимульный список НАЭ состоял из пяти незаконченных высказываний, которые необходимо было завершить так, чтобы были реализованы позиции, заданные в зависимости от семантики стимула, например, *Пенсия какая…, Пенсия – это, Для пенсии нужно что …*и пр. В статье описаны результаты только ассоциативного и рецептивного экспериментов.

Количественные результаты экспериментов следующие (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение реакций в АП пенсионер, пенсионерка, пенсия в сопоставлении

АП	*Ядро*	*Ближняя периферия*	*Периферия*	*Отказы*
ПЕНСИОНЕР				
127 г	73 г	14 г	33 г	7 г
100 %	54,5 %	11 %	26 %	5,5 %
антропоц	28 г	8 г	8 г	
	22 %	6,3 %	6,3 %	

Окончание табл. 1

АП	*Ядро*	*Ближняя периферия*	*Периферия*	*Отказы*
ПЕНСИОНЕРКА				
127 r	56 r	24 r	40 r	7 r
100 %	44 %	19 %	31,5 %	5,5 %
антропоц	36	10	21 r	
	28,3 %	7,9 %	16,5 %	
ПЕНСИЯ				
127 r	56 r	13 r	51 r	7 r
100 %	44 %	10,2 %	40,3 %	5, 5 %
антропоц	–	5	8 r	
		3,9 %	6,3 %	

Заметен высокий процент стереотипизации АП, что проявилось в наличии объемных ядерных частей, особенно это касается АП *пенсионер.* Не уступают в объеме и периферии АП (у АП *пенсия* ядро и периферия практически равны). Такое соотношение, как и небольшое количество реакций в ядрах при значительной их частотности, указывает на отсутствие разветвленной системы связей в данном фрагменте АВС. Состав КС АП подтверждает это наблюдение, так как когнитивных слоев при моделировании когнитивной структуры поля оказалось мало.

В КС АП *пенсионер* самым объемным является слой объектов, сопровождающих человека данного возраста и социального статуса (см. схему). Номинаций занятий в нем немного, зато обильно представлена сфера, связанная с пенсией (как в виде одиночных, так и в виде совмещенных реакций), деньгами, усталостью (26 %), а также старостью и ее проявлениями (8,7 %). Субъективный слой является вторым по объему. В нем значительно преобладают номинации лиц возрасту (11 %) и поколенным группам (15 %). Кроме того, есть развернутые дефиниции, передающие описания лица, прекратившего работать, и обобщенные номинации. Третьим по объему является слой характеристики, в котором нет разнообразия представлений о феномене, отмечены возраст (12 %), наличие пенсии, отсутствие работы, доброта и нищета. Пространственный, временной, ассоциативный слои невелики (см. схему).

Пенсионер [получает, имеет, обладает, нуждается в чем] объекты – результаты 51 r, 40,10 % (ответы респондентов приведены в авторской орфографии и пунктуации – *Л.Б.*):

пенсия (27), льготы; пенсия, деньги; пенсия, пособие; пенсия, усталость; пенсия, больница; почти нету пенсии, старость (6), очки, пенал, болезни, грусть, смерть, работа, отставка, свобода, свобода от работы, рыбалка, садоводство, танцы.

Пенсионер [это кто] субъект 37 r, 29 %:

дедушка (8), бабушка (5), пожилой человек (5), старый человек (4), дед (2), пенсионер (2), старик (2), ветеран, дед, баба, отработавший определенный срок человек; ушел на отдых, пожилой человек м.п., прадедушка, старик, дедушка, старый человек пожилого возраста, человек, человек без работы.

Пенсионер [какой] характеристика 21 r, 16,5 %:

старый (12), пожилой (2), пожелой, получает пенсию (2), без работы (2), добрый, нищий.

Пенсионер [пребывает где] пространство 5 r, 3,9 %:

деревня, сидит дома, больница 2, отставка.

Пенсионер [становится когда] 2 r 1, 6 %:

60 лет, после работы.

Образ 3 r, 2,4 %:

Пенсионный фонд России, Я счастливчик, в 6.30 автобус.

АП *пенсионерка* в когнитивном отношении представляет собой систему с малым количеством слоев, что свидетельствует о высокой стереотипизации, отсутствии разветвленных представлений и мнений в ментальном лексиконе респондентов. Преобладает слой субъектов, в котором «лидируют» номинации лица женского пола или человека по возрасту, по возрасту и отношению к работе, получению пенсии: *бабушка (35), женщина (3), пожилая женщина (3), пожелая женщина (2), пожилой человек (2), баба, бабушка на пенсии, бабушка получает пенсию; пожилая, старая, без работы* (53 %), незначительны названия социального и личностного типа (3 %). В небольшом по объему слое качественной характеристики преобладают возрастные определения (*старая, пожилая* – 6,3 %) и названия черт личности (*добрая, мудрая, трудолюбивая*). Слой ассоциаций мал, в нем всего две реакции, связанные с оценкой (*вежливая челюсть, старая кляча*) (см. схему).

Пенсионерка [это кто] субъект 71 r, 56 %:

бабушка (35), женщина (3), пожилая женщина (3), пожелая женщина (2), пожилой человек (2), баба, бабушка на пенсии, бабушка получает пенсию; бабушка, еда; более старая бабушка, ветеранка, глупая кляча, девушка которой уже не 17, а 18 лет; женщина без работы; женщина которая ушла на пенсию, женщина на пенсии, женщина пожелая, отработавший человек, пенсионерка, не работающий человек; пенсия, бабушка; пенсия, старушка; пожелая женщина, пожелая бабушка, пожелые, пожилая бабушка, прабабушка, старая женщина, старушка, старый человек, ушедшая женщина на пенсию, тетя, тетя Люба.

Пенсионерка [получает, нуждается в чем / имеет, испытывает что] объекты – результаты, последствия 32 r, 25,2 %:

пенсия (14), забота (2), слабость (2), балячки, боль, деньги, дом, доброта, капуста, мудрость, одиночество, пирог, пироги, помощь, смерть, песня, ухаживать.

Пенсионерка [пребывает где и когда] пространство и время 4 r, 3 %:

старость (2), на пенсии (2).

Пенсионерка [какая] характеристика 12 r, 9,40 %:

старая (6), пожилая (2), добрая, мудрая, с большой пенсией, трудолюбивая.

Образ 2 r 1,6 %:

вежливая челюсть, старая кляча.

В АП *пенсия* преобладает сущностный слой, а в нем – все, что связано с материальной составляющей (57 %), в котором самая частотная реакция – *деньги* (37 %); слой, передающий морально-нравственную, оценочную квалификацию, незначителен. Слой субъектов представлен однокоренными номинациями и наименованиями лиц по возрасту и полу. Слой сопровождающих явлений и результатов показателен отражением «правды жизни». Слой качественной характеристики беден, представлен двумя антонимичными реакциями (*маленькая – 3, большая – 3*).

Пенсия [это что] сущность 74 r, 57 %:

деньги (47), 50.000 р., оплата, выплаты, гос-ная выплата, денежные средства, льготы, средняя пенсия, мало дают денек, мини деньги; пенсия, деньги, доллары (2), пособия, деньги на пенсии, зарплата, зарплата для пожилых, зарплата для старых, зарплаты бабушек и дедушек, финансы; нищета, лучшая вещь (только маленькая), приятное для стариков, уважения; отдых, лежание на диване, уход с работы.

Пенсия [кто имеет] субъекты 12 r, 9,4 %:

пенсионер (3), пожилые люди (2), бабушка, папа, пенсионерка, пенсионеры, пожелая бабушка, пожилой человек, человек который уже пожелой и отработал.

Пенсия [сопровождается чем] объекты-последствия / проявления 11 r, 8,7%:

болезнь, бедность, больница, очередь, смерть, ЖКХ, маленькие квартиры, работа, радость, льготы, налоги, проценты.

Пенсия [когда дают] время 11 r, 8,7 %:

старость (9), юность, война.

Пенсия [какая] качественная характеристика 5 r, 3,9 %:

маленькая (3), большая (2).

Образ 4 r, 3,1 %:

Сочи, я уеду жить в Лондон, и ограблю банк; яхта, машина, кокс, маями, суч; Пенсионный фонд России.

Оценка 2 r, 1.6 %:

круто, халява.

Отказы 7 r 5,5 %.

Таблица 2

КС АП пенсионер, пенсионерка, пенсия в сопоставлении

КС	*Пенсионер*	*Пенсионерка*	*Пенсия*
Субъекты	37 r 29 %	71 r 56 %:	12 r 9,4 %
Сущность	–	–	74 r 57 %
Объекты (атрибуты, результаты)	51 r 40,10 %:	32 r 25,2 %	11 r 8,7 %
Характеристика	21 r 16,5 %:	12 r 9,40 %	5r 3,9 %
Время	2 r 1,6 %	4 r 3 %	11 r 8,7 %
Пространство	5 r 3,9 %:		4 r 3,1 %
Оценка	–	2 r 6 %	2 r 1,6 %
Образ	3 r 2,4 %		4 r 3,1 %
Отказы	7 r 5,5 %	7 r 5,5 %	7 r 5,5 %

При сравнении КС полей заметно сходство наполнения слоев, структуры, общих стратегий ассоциирования в АП *пенсионер, пенсионерка*, что объяснимо характером стимулов. В этих АП значительно объемнее остальных слои субъектов и объектов-атрибутов, но в первом поле именно этот слой преобладает, а во втором поле объемнее слой субъектов. Остальные слои незначительны.

КС АП третьего стимула более разветвлена, но все слои, кроме слоя сущности, малы (этот слой «растворился» в субъектном слое двух других АП). Самый большой слой отличается превалированием в нем материальной квалификации того, что названо стимулом (тенденция «материализации» очевидна) (см. табл. 2).

Таблица 3

Эмотивно-чувственное значение лексем пенсионер, пенсионерка в сопоставлении

Параметры оценивания	*Пенсия*		*Пенсионерка*		*Пенсионер*	
	сумма	*среднее*	*сумма*	*среднее*	*сумма*	*среднее*
веселый / грустный	143	1,13	196	1,58	161	1,27
хороший / плохой	149	1,17	210	1,68	210	1,65
полный / пустой	120	0,96	178	1,42	171	1,35
светлый / темный	123	0,98	197	1,58	199	1,59

Рецептивный эксперимент по методу семантического дифференциала выявил картину общего позитивного эмоционального переживания рассматриваемых стимулов. При этом насыщенность выражения признаков не достигает предела значительности проявления (средней величины +2 и выше не было зафиксировано ни по одному параметру). Наиболее «хорошей», «веселой» и «светлой» оказалась лексема *пенсионерка,* стимул *пенсионер* приближается к ней по параметрам «хороший» и «светлый» (см. табл. 3). Слово

пенсия воспринимается не столь оптимистично (показатели по параметрам «веселый» и «хороший» незначительно выше +1, а по остальным параметрам ниже +1). Если люди в данном статусе воспринимаются респондентами достаточно позитивно, то пенсия оптимизма явно не вызывает даже у школьников.

Выводы

Результаты экспериментов и моделирование когнитивных структур полученных ассоциативных полей подтвердили гипотезу о разном качестве переживания стимулов с близкой семантикой респондентами и разном объеме, когнитивном устройстве смысловых пространств, связанных с ними.

Для восприятия указанных стимулов, передающих феномены, далекие от респондентов школьного возраста, характерен высокий уровень стереотипизации, что проявляется в большом объеме реакций, связанных с материальной, возрастной, субъектной составляющей, небольшое число когнитивных слоев в структуре поля. Линии стереотипизации развиваются по-разному: наиболее частотные реакции стимула *пенсионер* – пенсия (27), стимула *пенсионерка* – бабушка (35), стимула *пенсия* – деньги (47).

Соотношение ядерных, околоядерных, периферийных реакций, небольшое количество реакций в ядре полей стимулов при значительной их частотности, незначительное количество когнитивных слоев указывает на отсутствие разветвленной системы связей в данном фрагменте ментального лексикона школьников.

На отсутствие сильного эмоционально-чувственного переживания стимулов указывают небольшие слои качественно характеристики при свободном ассоциировании и характер нагрузки по шкалам семантического дифференциала.

Список использованной литературы

1. *Бутакова Л.О.* Значение как достояние индивида (экспериментальное исследование) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4. Коллективная монография. Н.Д. Голев / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2013. С. 12–36.

2. *Бутакова Л.О.* Методологические проблемы комплексных исследований социально-коммуникативных характеристик определенной возрастной группы // Этнопсихолингвистика. 2018а. № 1. С. 215–229.

3. *Бутакова Л.О.* Старость как концептуальный феномен: региональный и возрастной аспекты ассоциативной семантики // Psycholinguistics. Series: Philology. Украина. Переяслав. №23 (2) (2018б). С. 25–39.

4. *Бутакова Л.О.* Старый – молодой – дед: динамика субъективной семантики слова // Филологический класс. 2018в. № 2 (52). С. 95–102.

5. *Бутакова Л.О., Гуц Е.Н.* Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка // Вопросы психолингвистики. 2013. № 2 (18). Москва. ИЯ РАН. С. 158–174.

6. *Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Козловская Е.А.* Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций: монография. Омск: Изд. дом «Наука», 2018. 446 с.

7. *Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Орлова Н.В.* Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (36). С. 146–168.

8. *Гуц Е.Н.* Динамика ассоциативных полей слов, входящих в ядро языкового сознания подростка // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов (Москва, 15–17 июня 2009 г.). М.: Эйдос, 2009. С. 205–206.

9. *Гуц Е.Н., Бутакова Л.О.* Возрастные особенности ассоциативной семантики // Значение как феномен актуального языкового сознания носителей языка. Тезисы второй Всероссийской научной конференции. Воронеж: Истоки, 2016. С. 17–19.

10. *Гуц Е.Н., Худякова Н.О.* Направленный ассоциативный эксперимент как инструмент изучения ценностных составляющих языковой картины мира пожилого человека // Этнопсихолингвистика. 2018. № 1. С. 112–125.

11. *Залевская А.А.* Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. 240 с.

12. *Залевская А.А.* Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Лондон, 2014. 180 с.

13. *Залевская А.А.* Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.

14. *Курганова Н.И.* Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: дисс… докт. филол. наук. Тверь. 2012. 394 с.

15. *Леонтьев А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 5–16.

16. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб: Лань, 2003а. 288 с.

17. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Едиториал УРСС, 2003б. 244 с.

18. *Мягкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. 247 с.

19. *Рогожникова Т.М.* Ассоциативный эксперимент с испытуемыми преклонного возраста // Рогожникова Т.М. и др. Галерея ассоциативных портретов. Уфа: УГАТУ, 2009. С. 53–56.

Е.И. Голованова
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

УДК 81

Проблемы лексикографирования профессиональной разговорной речи

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем лексикографирования единиц профессиональной разговорной речи. К их числу автор относит определение адресата и функций словаря, границ фиксируемого языкового материала, установление основных параметров, макро- и микроструктуры словаря и приемов семантизации лексики в словаре. В центре внимания статьи находится вопрос о ключевых свойствах и специфике функционирования профессиональных коллоквиализмов, которые должны получить отражение в указанном словаре.

Ключевые слова: словарь профессиональной разговорной речи, профессионализм, профессиональный коллоквиализм, проблема семантизации лексики в словаре.

E.I. Golovanova
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

Problems of Professional Colloquial Speech Lexicography

Abstract. The article is devoted to the problems of lexicography of units of professional colloquial speech. Among them, the author refers to the definition of the addressee and functions of the dictionary, the boundaries of the fixed language material, the establishment of the main parameters, macro – and microstructure of the dictionary and methods of semantization of vocabulary in the dictionary. The author focuses on the key properties and specifics of the functioning of professional colloquialisms, which should be reflected in the dictionary.

Keywords: dictionary of professional colloquial speech, professionalism, professional colloquialism, the problem of vocabulary semantization in the dictionary.

Терминография в настоящее время переживает подъем: издаются словари, энциклопедии, справочники специальных терминов различных областей знания и деятельности (см., напр.: [1–2; 7–12; 15–17; 21–22]). По преимуществу в них зафиксирована лексика, которая функционирует в письменных текстах и носит кодифицированный характер. Однако гораздо меньше внимания уделяется единицам устной профессиональной коммуникации [20], которые представлены в любой сфере деятельности. Здесь помимо терминов, главным образом, однословных, обозначающих наиболее актуальные предметы и понятия, широко используются профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Именно эти единицы будут интересовать нас при обсуждении проблемы лексикографирования профессиональной разговорной речи.

Отметим, что некоторые из такого рода единиц уже имеются в толковых словарях. Так, например, в «Словаре современного русского города» под редакцией Б.И. Осипова [14] содержится около 200 специальных единиц. Большая часть из них сопровождается указанием на область применения лексики.

Значительное количество специальных лексем содержится в «Толковом словаре русской разговорной речи» (вып. 1, 2) под редакцией Л.П. Крысина. В предисловии к указанному словарю отмечается, что разговорная речь начала XXI века претерпела изме-

© Е.И. Голованова, 2019

нения, которые коснулись состава словаря и соотношения в нем различных стилистических слоев. Наблюдается широкое проникновение в разговорную речь элементов просторечия и жаргонов, смещение ряда экспрессивно-стилистических характеристик слов, передвижение лексики из одних функционально-стилистических слоев в другие. Слова, которые ранее имели пометы *прост., жарг., груб., вульг.*, в современных условиях устной коммуникации могут использоваться не только в фамильярном общении хорошо знакомых друг с другом людей, но и в публичной спонтанной речи журналистов, политиков, представителей власти, депутатов и других групп носителей литературного языка [19, с. 10].

Можно говорить об аналогичных процессах и применительно к устной профессиональной речи. Те единицы, которые ранее являлись принадлежностью узкогруппового общения, профессиональных жаргонов, входят в состав общепрофессиональной лексики, часть из них перешла в сленг (например, *косяк* ‘неудача, ошибка’) или общелитературную разговорную речь (*нефтянка, просрочка, платежка* и т. д.).

К числу основных проблем создания словаря профессиональной разговорной речи можно отнести следующие:

– определение адресата данного типа словаря, его функций (для кого и для чего он предназначен);

– установление границ лексикографируемых единиц (включать ли аббревиатуры; единицы, которые используются в общеразговорной речи, типа *встречка, безлимит, зеленка* и т. п.);

– определение основных параметров словаря, его макро- и микроструктуры (грамматические характеристики, ударение, пометы и другие зоны словарной статьи);

– разработка приемов семантизации объектов словаря, экспликации семантики специальных единиц (в каком объеме включать контексты употребления лексики и фразеологии, как разграничивать варианты наименований, включать ли в словарь синонимы, антонимы, паронимы, родо-видовые корреляции и проч.).

Но первой и, на наш взгляд, одной из самых важных является проблема отбора фиксируемой в словаре лексики и фразеологии. Основу словаря профессиональной разговорной речи, по определению, должны составлять единицы, возникшие и функционирующие в устной профессионально-групповой среде, отражающие особенности восприятия специальных объектов и явлений специалистами-практиками [6]. Речь идет о профессионализмах, точнее, о профессиональных коллоквиализмах, которые представлены во всех сферах профессиональной деятельности без исключения. В отличие от терминов данные единицы не образуют системы, в их совокупности проблематично выделить регулярные модели номинации специальных объектов. Главная задача профессионализма – зафиксировать в языковой форме и транслировать образ того или иного объекта деятельности в сознании профессионала [5].

Ранее мы выделили две группы профессионализмов: 1) собственно профессионализмы и 2) коммуникативные профессионализмы [3]. Первую группу единиц составляют наименования, полученные в результате метафорического или метонимического переноса, благодаря чему они не только обладают мотивированностью и образностью, но и характеризуются такими свойствами, как многозначность и семантическая неопределенность. Так, например, в речи буровиков используется слово *квадрат* для обозначения трубы квадратной формы, применяемой для крепления буровой колонны. По данным «Современного словаря русского города», тем же словом в среде профессиональных спортсменов-футболистов именуется тренировочное упражнение на перехват мяча [14, с. 191].

В коммуникации представителей целого ряда профессий употребляется слово *рыба*. В среде музыкантов *под рыбой* подразумевается рабочий вариант мелодии (или текста); переводчики называют *рыбой* черновой вариант перевода; журналисты – предварительно собранный и подготовленный материал для публикации; в общении научных работников

этим словом обозначают заготовку отзыва, рецензии или характеристики; веб-дизайнеры используют его в значении «временное наполнение макета страницы для имитации ее законченного вида»; в деловой среде повсеместно *рыба* – это шаблон документа, используемый для составления окончательного текста. В основе всех наименований лежит нечто общее, а именно материализованная схема, макет будущего произведения как связного целого (своего рода «скелет», который в дальнейшем «обрастает мясом»). Иными словами, в специальном референте профилируется наличие структуры, при этом довольно простой (ср. у рыбы: голова, позвоночник и хвост).

К междисциплинарным профессионализмам можно отнести также наименования *стекляшка* и *сапожок*. В коммуникации сотрудников учебного отдела вуза первым словом обозначается застекленная аудитория (обычно не предусмотренная во время строительства, а специально созданная в связи с нехваткой учебных помещений), в речи фотографов *стекляшкой* называют некачественный объектив. В профессиональной речи строителей используется слово *сапожок* как обозначение напольного плинтуса, напоминающего в разрезе форму сапога – с высоким голенищем и закругленным носком. В стоматологии *сапожком* именуется патология, связанная с формой корней зуба: в нормальном состоянии они расположены вертикально, а в указанном случае их концы образуют закругление («растут сапожком»). В приведенных примерах образная концептуализация качеств специального объекта способствует легкой и быстрой передаче информации в условиях устной неформальной коммуникации профессионалов.

Под коммуникативными профессионализмами понимаются наименования, соотносимые с терминами и представляющие собой результат их фонетической, грамматической, словообразовательной или иной трансформации, связанной с приспособлением наименования к условиям устной групповой коммуникации. Другими словами, они непосредственно коррелируют с терминами и представляют их более краткий вариант. В них проявляется стремление к языковой экономии, отражен характер взаимоотношений между коммуникантами (обиходно-деловые, фамильярные), в снятом виде содержится оценка значимости предмета в деятельности. Приведем примеры из разных сфер деятельности: *монтажник* – монтажный страховочный пояс, *сварочный* – сварочный аппарат, *передвижка* – передвижная тяговая подстанция, *безнал* – безналичный способ расчета за товары и услуги, *расходник* – расходный кассовый ордер, *берцовка* – берцовая кость, *взлетка* – взлетная полоса, *двухванка* – двухванная плавильная печь, *кассационка* – кассационная жалоба, *пленарка* – пленарное заседание, *первичка* – рынок первичного жилья и др.

И те, и другие профессионализмы весьма близки к единицам разговорной речи. Так, например, в среде сотрудников правоохранительных органов используется слово *продлёнка* – так называют постановление о возбуждении ходатайства о продлении срока предварительного следствия по делу. В устной коммуникации промышленных рабочих этим наименованием обозначают удлиненный рабочий день (до 11–12 часов из-за невыполнения плана). Данная лексическая единица обладает ясной внутренней формой – ‘что-то, имеющее продолжительность больше нормы (свыше установленного срока) или связанное с такой продолжительностью’, применительно к разным сферам деятельности наименование наполняется конкретным содержанием. В общем употреблении *продлёнка* служит названием группы продленного дня – режима «в школе, при котором ученики могут оставаться там под надзором педагогов-воспитателей до окончания рабочего дня родителей» [13, т. 3, с. 480]).

Часть профессионализмов возникает на основе ассоциативной смежности, например: *детство* – детское отделение в стационаре (*детский – детство*); *гражданин СССР* – сторона по делу, имеющая паспорт образца СССР и не признающая гражданство Российской Федерации (*гражданство – гражданин*). Другая часть профессионализмов демонстрирует отношения смежности: *опека* – представитель отдела опеки и попечительства управ-

ления социальной защиты населения (название-универб государственного органа – название представителя этого органа); *апелляция* – судебная коллегия по гражданским или уголовным делам (название документа судопроизводства – название государственного органа, рассматривающего подобные документы).

В качестве мотивирующей основы профессионализма может избираться признак, являющийся общим для целого ряда специальных объектов. Так, например, в устной коммуникации сотрудников судопроизводства функционируют наименования *судебники* – секретари судебного заседания; *уголовники* – судьи по уголовным делам. При этом отношение к судебному производству, помимо секретарей, имеет ряд лиц, например эксперты, приставы (они так и называются: *судебный эксперт, судебный пристав*), а отношение к уголовным делам, кроме судей, имеют следователи, адвокаты. Оба профессионализма совпадают с общелитературными словами, первое из которых обозначает разновидность старинной книги (*судебник* – собрание законов, правовых постановлений [13, т. 4, с. 300]), а второе (*уголовник*) – служит обозначением уголовного преступника [18, с. 1017].

Рассмотренные свойства профессионализмов, и прежде всего их близость к общеразговорной лексике, а также взаимодействие в них специального и наивного знания [4], указывают на то, что в словаре должны быть четко отражены не только семантические особенности профессиональных коллоквиализмов, но и специфика их функционирования, т. е. указана конкретная сфера применения и, по возможности, приведены типичные контексты употребления.

Список использованной литературы

1. *Ардашева Н.А.* Словарь терминов и понятий по медицинскому праву. СПб.: СпецЛит, 2007. 528 с.

2. *Будыкина В.Г.* Англо-русский словарь терминов высшего образования (на примере высшего образования США). М.: Флинта, 2016. 388 с.

3. *Голованова Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта; Наука, 2011. 224 с.

4. *Голованова Е.И.* Когнитивное варьирование в сфере профессиональной номинации // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 22. С. 631–633.

5. *Голованова Е.И.* Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 6 (335). С. 122–126.

6. *Голованова Е.И.* Обыденное профессиональное сознание в лингвистическом аспекте // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. 2016. № 2. С. 144–148.

7. *Горте М.А.* Фигуры речи: терминологический словарь. М.: Энас, 2007. 208 с.

8. *Евдощенко С.И.* Словарь химических терминов (с толкованиями, особенностями употребления и английскими эквивалентами) / С.И. Евдощенко, В.В. Дубичинский, В.В. Гайворонская. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 346 с.

9. *Казанцев В.И.* Терминологический словарь по гражданскому праву / В.И. Казанцев, В.Н. Васин, Н.К. Нарозников. М.: Экзамен, 2007. 287 с.

10. Краткий словарь морских терминов / А.В. Захаров и др. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ГМА, 2008. 96 с.

11. *Крунтяева Т.С.* Словарь иностранных музыкальных терминов / Т.С. Крунтяева, Н.В. Молокова. М.: Музыка, 2009. 182 с.

12. *Лелиовская А.А.* Словарь судебно-медицинских терминов. М.: Изд-во РУДН, 2006. 84 с.

13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1981–1984.

14. Словарь современного русского города / под ред. Б.И. Осипова. М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2003. 565 с.

15. Словарь специальной лексики русского языка / под ред. А.С. Геда, У.В. Буторовой. СПб.: Русская коллекция, 2014. 240 с.

16. *Стариченок В.Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 811 с.

17. *Татаринов В.А.* Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский Лицей, 2006. 528 с.

18. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

19. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А-И. / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

20. *Фельде О.В.* Лексика профессионального субстандарта в лексикографическом освещении // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2012. Т. 11. № 9. С. 41–45.

21. *Швырев А.А.* Словарь медицинских и общемедицинских терминов / А.А. Швырев, М.И. Муранова. Ростов н/Д.: Феникс, 2009. 189 с.

23. *Щукин А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель, 2007. 750 с.

О.А. Димитриева
Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева,
г. Чебоксары

УДК 811.161.1

Глагол «киснуть» в метафорическом употреблении

Аннотация. Рассматриваются глагол *киснуть* и его корреляты *скиснуть, прокиснуть* в переносном значении. Уделяется внимание сочетаемостным особенностям рассматриваемых глаголов, а также указываются частотные формы употребления. Отмечаются сферы, в которых глаголы выступают источникам образной номинации, такие как человек, его ментальная (*мозги скисли*) и духовная сферы (*успех прокис*), физиологические особенности и внешность (*лицо скисло*), эмоциональный настрой (*сидите и кисните тут*), окружение, его деятельность.

Ключевые слова: способ глагольного действия, инхоативный глагол, метафора, русская языковая картина мира, лингвокультурология.

O.A. Dimitrieva
Yakovlev Chuvash State Pedagogical University,
Cheboksary, Russia

The Verb ‘Kisnut’ (Sour) in a Metaphorical Use

Abstract. The article deals with the verb and its correlates *‘kisnut’* (sour) in a figurative sense. The attention is paid to the collocational peculiarities of these verbs as well as to the frequency forms of use. There are areas in which there is a person’s ability, his mental qualities, physiological features, appearance, emotional attitude and his activity.

Keywords: verbal action, inchoative verb, metaphor, the Russian language worldview, cultural linguistics.

Вводные замечания. Глаголы со значением ‘разрушение объекта’ *ржаветь, черстветь, киснуть, плесневеть* и т. п. относятся к лексико-семантической группе глаголов становления качества, для которых базовым является глагол *становиться*, в частности к глаголам становления физического качества [6, с. 69]. Физическое качество появляется в результате явного внешнего воздействия окружающей среды (например, глагол *ржаветь*) либо естественного внутреннего перехода в новое состояние (глаголы *плесневеть, черстветь*) (подробнее см.: [3], [4], [5]). При переносном употреблении (из зоны свойств объекта в сферу человека – эмоциональную или интеллектуальную) они становятся «глаголами становления внутренних качеств человека» [6, с. 71]. А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин объединяют подобные глаголы в группу глаголов перехода в состояние (так называемый инхоативный способ действия), которые имеют «значение постепенного перехода в какое-либо состояние» [2, с. 21] или «постепенное становление глагольного признака» (результативно-пантивный аспектуальный способ действия) (по М.А. Шелякину, см.: [11, с. 143]). Его следует отличать от инхоативной разновидности начинательного способа действия, по Н.С. Авиловой [1, с. 278–283].

Как отмечают Е.А. Юрина, Н.А. Живаго, «в основе метафорического сближения явлений из разных категориальных сфер лежит либо визуальное функциональное сходство уподобляемых феноменов <…>, либо образные ассоциации основаны на проекциях чув-

© О.А. Димитриева, 2019

ственного опыта в нематериальную сферу» [13, с. 108]. Пищевая сфера является источником образной номинации для таких областей, как человек, общество, время, пространство и др. [12, с. 209], [9].

Предметом рассмотрения в настоящей статье является глагол *киснуть* и его видовые корреляты *скиснуть, прокиснуть* (о глаголе *закиснуть* подробнее см.: [3]). Материалом для исследования являются примеры из художественных и публицистических текстов в основном XX–XXI вв., извлеченные из Национального корпуса русского языка [7].

В Толковом словаре русского языка глагол *киснуть* имеет следующее значение: «1. (1 и 2 л. не употр.) Делаться кислым вследствие брожения. 2. Быть вялым, унылым, чувствовать недомогание (разг.) // сов. *прокиснуть*» [8, с. 274]; *скиснуть*: «1. (1 и 2 л. не употр.) Стать кислым, прокиснуть; забродить; 2. *перен.* Стать, скучным, вялым, впасть в уныние» [8, с. 722]; в Словаре русского языка «1. (*несов. также киснуть*) Стать кислым, прокиснуть; 2. *перен. Разг.* Потерять бодрость, уверенность, упасть духом // приобрести унылое, кислое выражение; 3. *перен. Прост.* Перестать действовать, испортиться» [10, Т. 4, с. 108]. Для сравнения приведем дефиницию глагола *закиснуть*: «1. Стать кислым, приобрести нужную кислоту. 2. *перен. Разг.* Потерять интерес, вкус к жизни; стать вялым, унылым, безразличным к окружающему» [10, Т. 1, с. 527]. Глагол *прокиснуть* отдельно в словарную статью не выделяется, дается как видовая пара к глаголу *киснуть* [8], в Словаре русского языка выделяется видовая пара *киснуть – скиснуть* [10]. Как показывают словарные определения, явное отличие глаголов *киснуть, прокиснуть, скиснуть* от глагола *закиснуть* заключается в вовлечении в первом случае временного эмоционального состояния, во втором – проявления общего отношения человека к окружающей действительности.

Е.А. Юрина пишет, что «с пищей связан целый ряд сенсорных ощущений», поэтому «эти образы связаны устойчивыми ассоциациями с эмоциональными и физиологическими чувствами человека» [12, с. 211]. Рассмотрим подробнее сферы, для которых данные глаголы являются источниками образной номинации.

Особенности глагола *киснуть*. Основной сферой образной номинации глагола *киснуть* является человек. Глагол *киснуть* указывает на две временны́е рамки: 1) затрагивающий текущий, актуальный отрезок времени, 2) длительный отрезок времени.

(1) В таких случаях описывается негативное эмоциональное состояние, глагол часто употребляется в сочетании с глаголом расположения в пространстве *сидеть*: *Я сообщил, что уводить девушку у товарища, который к тому же ушел в армию, нехорошо, но Гоша-Жорик был настроен по-боевому: «Если не хочешь, я – один.* ***Сиди*** *тут и* ***кисни****. Охраняй своих дуриков»* (А. Геласимов. Рахиль); *Вот как описывает это событие сам пострадавший: «…Приехал Ф.С. Колмогоров и начал прямо с пословицы: „Капитал потерял – половину потерял, веру в себя потерял – всё потерял. Что вы* ***киснете*** *и* ***сидите*** *дома без сна и пищи? Посмотрите на себя, на что вы стали похожи»* (А.Г. Колмогоров. Мне доставшееся).

(2) Здесь затрагиваются изменения, происходящие с человеком, которые, как правило, оцениваются как стагнация, отсутствие развития: *В самую патетическую минуту блондинка может зевнуть и сказать: «Не забыть бы послать завтра за коленкором!» Выйдя замуж, они* ***скоро киснут, толстеют и вянут****. Плодовиты, чадолюбивы и плаксивы. Мужьям неверности не прощают, сами же изменяют охотно. Жёны-блондинки обыкновенно мистичны, подозрительны и считают себя страдалицами* (А.П. Чехов. Руководство для желающих жениться).

Описание окружающего пространства, которое связывается либо с отсутствием внутреннего развития человека (коррелирует с глаголом *закиснуть*): *Вот и Энгельгардт ратует за такой образ жизни: «…неужели же участь всех интеллигентных людей служить, – вопрошает он в своих письмах «Из деревни», –* ***киснуть в канцеляриях****?*

Неужели же земля не привлечет интеллигентных людей?» (В. Пьецух. Письма из деревни); либо с затхлостью самого помещения / вынужденным временным нахождением в нем: *Тиша выключил телевизор, достал из холодильника банан, сжевал его и выбежал из дома, стремясь поспеть на электричку, которая идет на Саванеевку в пять двадцать три минуты, иначе целый час придется* ***киснуть на вокзале****…* (А. Дмитриев. Призрак театра).

Также глагол киснуть характеризует голос: *…Рита приближалась к самому любимому своему, заветному месту, и* ***голос*** *у неё* ***киснул*** *от внутренних слёз* (И. Грекова. «Скрипка Ротшильда»); мысли: *Я, конечно, понимала, что не скажу об этом Владу, но не видела никакой измены Владу, больше того, во мне* ***кисла смутная мысль****, что моя любовь к этому прекрасному незнакомцу делает еще лучше мою любовь к Владу* (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну).

Показательны грамматические характеристики глагола ***киснуть***: часто употребляется в форме повелительного наклонения, в сочетании с глаголом *хватит*; в отрицательной форме с *не*, что эксплицирует негативную оценку говорящего.

Особенности глагола *скиснуть.* Данный глагол, с одной стороны, характеризует сферу человека: лицо (физиономию); самого человека, его эмоциональное состояние, отсутствие деятельности, усталость: *Увидев мою* ***скисшую физиономию****, Татьяна предложила мне познакомиться с его записями: «Послушаешь и всё поймешь»* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий); *Он как-то* ***скис****, сник, словно проколотый воздушный шарик, вся ярость куда-то улетучилась. Теперь он выглядел скорее растерянным, я бы даже сказал – испуганным, если бы не боялся, что это аберрация памяти* (В. Белоусова. Второй выстрел).

С другой стороны, при переносе наименования расширяется предметная сфера (исходный предмет – портящийся продукт, словарные иллюстрации приводят слово *молоко*) за счет включения в нее чувств, переживаний (*первые впечатления*), временны́х отрезков (*август*), абстрактных наименований (*добро, зло*): *С тех пор прошло слишком много времени, чтобы можно было отличить* ***скисшее*** *добро от выдохшегося зла* (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам); *У первого впечатления свои законы. Ему отпущено точное время, – ещё немного, и оно* ***скиснет****, свернётся, дальше начинается знание, неполное, куцее, от которого одно расстройство* (Д.А. Гранин. Месяц вверх ногами). Одной из особенностей рассматриваемого глагола является сочетаемость с наречиями образа действия типа *быстро, моментально, мгновенно, вдруг, сразу, совсем* и т. п.: *Выброшенные за борт охотники* ***мгновенно скисли*** *и, цепляясь друг за друга, завопили самыми дурными голосами* (И. Бояшов. Путь Мури). В таких отрывках акцентируется внимание на спонтанности или скорости осуществления действия, т. е. быстрой изменяемости эмоционального состояния.

Особенности глагола *прокиснуть*. Глагол *прокиснуть* отмечает изменение в физиологическом состоянии объекта (*прокисшие глазки, тело прокисло*); во внешности (*прокисшее лицо*); в ментальной (*мысли*) и духовной (*душа*) сферах.

Продукты речевой деятельности (*слово, анекдот, статья, новость, аксиома* и т. п.) одним из своих свойств имеют такой критерий, как новизна, что делает их актуальными, востребованными. При утрате этого свойства они теряют свою свежесть, т. е. «прокисают», становятся старыми: *При этих словах мне вспомнился* ***прокисший анекдот*** *про пациента психбольницы, который писал родителям…* (В. Баранец. Генштаб без тайн); *В такие часы даже древняя международная* ***разведаксиома*** *– «дружба военных – разновидность шпионажа» – кажется сильно* ***прокисшей*** (В. Баранец. Генштаб без тайн). Действие, обозначаемое глаголом *прокиснуть,* проецируется и на всю духовную сферу человека, его деятельность: *Весь день она не могла улучить времени, чтобы поделиться с Машей* ***вчерашним успехом****, но* ***теперь успех совершенно прокис****, да и Машу не хотелось огорчать случайным соперничеством* (Л. Улицкая. Медея и ее дети).

Окружающий человека мир – пространство – может приобретать свойство прокисшего продукта от замкнутости, при отсутствии свежего воздуха, избыточном количестве людей, апатичном настрое человека: … *с недоверием* ***переспрашивали в прокуренном писательском застолье****, где* ***воздух прокис*** *от перегара, тоски и неудовлетворенного честолюбия* (В. Личутин. Любостай); *Вот, вообразите, заходишь в какое-нибудь* ***прокисшее пролетарское заведение****, а там компания поддатых молодцов хором исполняет* (В. Аксенов. Негатив положительного героя). В примерах отмечается причина приобретенного состояния (*от лени, скуки*): *– Ты, Бакланов, пень замшелый.* ***Прокис от*** *своей* ***лени!*** (А.С. Новиков-Прибой. Цусима).

Одной из самых частотных форм является форма причастия (54 % от числа рассмотренных примеров), что свидетельствует о свойстве, качестве характеризуемого предмета.

Выводы

Каждый глагол, помимо оттенков значения, имеет свою самую частотную форму употребления, что говорит о маркировании того или иного свойства: в большинстве случаев *скиснуть* употребляется в форме прошедшего времени как проявление конкретной единичной ситуации (перфектный тип употребления совершенного вида) в повествовательном тексте; *прокиснуть* в форме причастия эксплицирует приобретенное качество субъекта; *киснуть* частотен в настоящем времени и императиве – формах, характерных для канонической речевой ситуации.

Список использованной литературы

1. *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.
3. *Димитриева О.А.* Глагол перехода в состояние закиснуть в русской языковой картине мира // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 76–82.
4. *Димитриева О.А.* Лингвокультурологический аспект изучения способа глагольного действия: инхоативный глагол черстветь // Ценности в лингвокультурном аспекте: мат-лы научн. конф. Тяньцзинь, 2017. С. 61–67.
5. *Димитриева О.А.* Познание объективного мира и самопознание: глаголы с семантикой *разрушение предмета* в представлении человека о себе // Jazyk a kultúra. 2018. № 36. S. 7–14.
6. Лексико-семантические группы русских глаголов / под общ. ред. Т.В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 154 с.
7. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 15.01.2019).
8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
9. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 2: Гастрономическая деятельность / под ред. Е.А. Юриной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017. 546 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
11. *Шелякин М.А.* Категория аспектуальности русского глагола. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 272 с.
12. *Юрина Е.А.* «Пищевая метафора»: Объем и границы понятия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–1. С. 207–212.
13. *Юрина Е.А., Живаго Н.А.* Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестник ТГУ. Филология. 2015. № 3. С. 107–121.

Л.С. Зинковская
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск

УДК 801

Политематичность речи носителей говоров и параметры тематической разметки в диалектном корпусе[*]

Аннотация. Статья посвящена проблеме тематической разметки в региональном корпусе говоров Среднего Прииртышья, а также освещению этой проблемы в работах отечественных диалектологов. В статье представлены тематически размеченные фрагменты диалектных текстов в соответствии с требованиями, предъявляемыми для их введения в региональный корпус.

Ключевые слова: региональный диалектный корпус, тематическая разметка, говоры Среднего Прииртышья.

L.S. Zinkovskaya
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The Polythematically Speech of Speakers of Dialects and the Thematic Marking in the Dialect Corpus

Abstract. The article is devoted to the problem of thematic marking in the regional corpus of Middle Irtysh (Srednee Priirtyshje) dialects, as well as to the coverage of this problem in the works of domestic dialectologists. The article presents thematically marked fragments of dialect texts in accordance with the requirements for their introduction into the regional corpus.

Keywords: regional dialect corpus, thematic marking, Middle Irtysh dialects.

В рамках научного проекта «История полиэтнического региона в “зеркале” народной речи: создание диалектного корпуса говоров Среднего Прииртышья» (проект № 18-012-00519) омскими диалектологами начата работа по представлению архивных записей, собранных в разных районах Омской области, в доступном для широкой аудитории виде. На первом этапе – оформления текстовой базы данных – необходимо ввести диалектный материал, в первую очередь посредством перевода рукописных текстов на электронные носители [10, с. 1574].

Мы остановимся на такой важной проблеме, как проведение лингвистической разметки текстов для последующей машинной обработки. При создании регионального корпуса говоров Среднего Прииртышья (далее – регионального корпуса ГСП) ведущим типом разметки выбрана тематическая, поэтому основной работой диалектологов, создающих корпус, является выявление набора тем и микротем / подтем при ручной разметке диалектных текстов [5, с. 22].

Благодаря совместной работе диалектологов под руководством М.А. Харламовой и программистов во главе с Д.Н. Лавровым создана программа по автоматизированной разметке текстов РедакторXML_КорпусНароднойРечи.

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «История полиэтнического региона в “зеркале” народной речи: создание диалектного корпуса говоров Среднего Прииртышья», проект № 18-012-00519.

© Л.С. Зинковская, 2019

За единицу метаразметки в корпусе ГСП, как и в СарДК, и в ТДК, на сегодняшний момент принят «текст, понимаемый как фрагмент диалектного дискурса, записанный от отдельного информанта и отличающийся признаками единства хронотопа (время, место записи) и условий фиксации речи» [3, с. 61].

Тематическая разметка разрабатывается во многих корпусах: в диалектном подкорпусе НКРЯ [4], Саратовском диалектологическом корпусе (СарДК) [7], Томском диалектном корпусе (ТДК) и др.

Томские диалектологи к тематической характеристике относили тематику, «которая задается через указание на ключевой концепт, определяющий смысловое единство текста (Война, Семья, Огород, Колхоз, Дом т. д.)» [11, с. 61]. Поскольку ТДК характеризуется как лексико- и текстоцентрически ориентированный [3, с. 58], при его создании применяются следующие принципы тематического членения текста: вычленение тематики текста осуществляется от частного к общему; иерархическое структурирование тем не превышает трех уровней (макротема – частная тема – коммуникативно значимая подтема); номинации тем соотносятся с лексиконом рядового говорящего; используется «мягкое» членение, допускающее частичное наложение границ вычленяемых текстов [1, с. 201].

При выявлении тем мы опираемся на формально-семантическое определение темы: это «последовательность (цепочка) номинаций, объединенных логико-семантическими отношениями и лексико-грамматическими средствами связи» [6, с. 52]. Таким образом, в основе тематической разметки находится текст: «Тема выделяется не в отдельном высказывании, а во фрагментах текста, обладающих признаком связности» [3, с. 63].

Ю.В. Косицина и С.П. Петрунина предлагают выделять тематическую (номинационную) цепочку – последовательность номинаций, причем номинация представляет собой выражение и предмета, признака, явления, и события [6, с. 52, с. 54].

В нашем корпусе насчитывается более сорока тем, наиболее часто в диалектных текстах встречаются темы *Дом, Семья, Досуг, Работа*. Темы регионального корпуса во многом повторяют классификацию тем электронного Словаря констант [9, с. 116–117]. Мы остановимся на проблеме выделения различных тем и подтем, которые не только сменяют друг друга, но пересекаются и соседствуют в одном тексте.

Опыт тематической разметки на диалектном материале говоров Среднего Прииртышья представлен в [2], [5], [10]. Темы выявляются посредством последовательности номинаций, например, лексемы *играть, выигрывать, яйцо, шарик* репрезентируют микротему *игра* (тему *досуг)*, и в рамках темы *досуг* в тексте диалектоносителя реализуется микротема *праздник* посредством номинаций *угощ**а**ли, плясали, пели; Новый год, Рождество, слушальники* [5, с. 22].

Часто мы сталкиваемся с тем, что при тематической разметке текст невозможно отнести к какой-нибудь одной теме, поскольку политематичность является одним из признаков разговорной и диалектной речи.

При анализе речи Е.Л. Ленберг встречается пересечение тем:

<вопрос> А в лес Вы одна ходите? Лешего не боитесь?***</вопрос>***

<лес>Адн**а** / н**е**т / ск**о**л’ка жыв**у** / адн**а** хаж**у** в-лес / никагд**а** / никав**о** // А уйдёш / там крич**я**ть н**а**да / друг**о**й р**а**с /

<семья: кровное_родство>в**о**т с-внуч**я**тами хад**и**ла / ан**и** тут лит**а**ми у-мин**я** ж**ы**ли / привиз**у**т их быв**а**ла рибит**и**шки / дак тад**а** с-н**и**ми п**у**таюсь хаж**у** / штоп далик**о** не-ушл**и** / **я** ат-сиб**я** ни-пуск**а**ю // Вм**е**сти х**о**дюм и х**о**дюм фс**ё** вр**е**мя // **</семья:кровное_родство>**

А т**а**к **я** ни-люб**л**ю с-к**е**м-та итт**и** // Итт**и** н**а**да крич**я**ть / пирикр**и**кивацa / т**а**м в-лис**у** ад**и**н паш**о**л и паш**о**л / куда н**а**да / и вирнёшся т**а**гжэ // **Я** любл**ю** адн**а** в-лис**у** / никав**о** н**е**т т**у**т нистр**а**шна // Т**о**л’ка в**о**т щ**я**с т**у**т фс**ё** гавар**и**ли клищ**и** / в**о**т стр**а**шна в-**э**тих с**е**вирных рай**о**нах в-лес хад**и**ть / **я** в-**э**там г**о**де ищ**ё** ни-был**а** // **</лес>**

В приведенном тексте пересекаются темы **<лес>, <семья:кровное_родство>**, центральный фрагмент текста одновременно принадлежит двум названным темам:

<вопрос> Как можно избавиться от клеща? ***</вопрос>***

<**болезни**>

<**животные:насекомые**>

<**семья:некровное_родство**>

К**а**к иво / ат-иво избавишся / вот у-миня сватью вот на-той нидели укусил / нидел**ю** назат / в-ухо пряма фпился // И-толи он инцыфалитный / толи такой / хадила в-бал'ницу дастали и укол паставили за-шысот рублей // И-вот типерь баица / ана маладая / и баица в-лес итти /

</семья:некровное_родство>

абычна май-июнь ани активные // **О**й щяс пади-уш их ни-будют//

</**животные:насекомые**>

</**болезни**>

В приведенном примере можно отметить, что первая часть текста принадлежит трем темам: *Болезни* (словосочетания и лексемы: *в-ухо пряма фпился, бал'ница,укол*), *Животные:насекомые* (лексема: *инцыфалитный*), *Семья:некровное_родство* (лексема: *сватья*)**.**

Темы *Семья, Животные* имеют вложенную структуру открывающих и закрывающих тэгов. При таком подходе оказывается, что текст содержит сразу несколько вложенных друг в друга слоёв, каждый слой представляет собой ту или иную конкретную тему (подтему) и один вид тэга [10, с. 1577]. Название тэгов (меток) **<семья:кровное_родство>** и **<напитки:приготовление пива>** демонстрирует иерархию тем (после двоеточия указываются подтемы).

Следующий контекст репрезентирует пересечение тем, подтем: тема *Семья* имеет две подтемы *Кровное родство* (1) и *Муж_и_жена* (2), которые представлены в тексте; тема *Напитки* (3) пересекается с темой *Утварь* (4):

<**семья:кровное_родство**>

<**напитки:приготовление пива**>

<**дом:утварь**>

Ну-я ни-знаю такова / у-нас вроде и-мама (1) варила пива (3) / ну-и я тоже-с / я канешна с-карчяги (4) / кагда-та адин / раза два наверна ищё с-моладу делала / и-типерь карчяги (4) давно //

<**семья:жена_и_муж**>

мямуш (2) был педагок / вот и-пириижжать пришлось многа тагда // **О**н был директарам школы / в-диревни глухой жыли там ф-Фарпос'те // Так я фсё и-аставила / карчяги (4) эти и /

<**смерть**>

и-сам умер рана ат-инфаркта.

</**смерть**>

</**семья:жена_и_муж**>

</**дом:утварь**>

</**напитки:приготовление пива**>

</**семья:кровное_родство**>

Проблема политематичности в каждом корпусе решается по-разному. Томские диалектологи, сталкиваясь с тем, что в одном тексте раскрывается несколько тем, отмечают, что «разметка опирается на принцип «мягкого» тематического членения зафиксированного речевого потока с возможностью частичного наложения границ вычленяемых текстов. Один фрагмент текста также может маркироваться как одновременно принадлежа-

щий к нескольким темам» [3, с. 63]. Саратовские диалектологи при разметке в СарДК указывают весь перечень затронутых в тексте тем в виде списка [7, с. 257; 8].

Таким образом, в региональном корпусе ГСП по запросу выдаются тексты одного респондента целиком, но при этом разнообразные по тематическому содержанию. Как мы видим, в одном и том же тексте вербализуется несколько тем, пересекающихся друг с другом, поэтому в региональном корпусе ГСП любой фрагмент текста представляет собой вложенные друг в друга слои, репрезентирующие какую-либо конкретную тему (подтему) и один вид тэга.

Список использованной литературы

1. *Земичева С.С., Иванцова Е.В.* Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 192–205. URL: http://journals.tsu.ru/sjp/&journal_page=archive&id=1748&article_id=38941 (дата обращения: 01.03.2019).

2. *Зинковская Л.С.* Тематическая разметка «Ткачество» в региональном диалектном корпусе Среднего Прииртышья // Актуальные проблемы русской диалектологии. М., 2018. С. 92–95.

3. *Иванцова Е.В.* Томский диалектный корпус: обоснование концепции и перспективы развития // Вопр. лексикографии. 2017. № 11. С. 54–70. URL: http://journals.tsu.ru/lex/&journal_page=archive&id=1587&article_id=35528 (дата обращения: 01.03.2019).

4. *Качинская И.Б.* Диалектный подкорпус НКРЯ. Новый стандарт подачи. Новое рабочее место // Русская устная речь. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. 277 с. С. 239–248.

5. *Косенкова Н.И.* Тематическая разметка как ведущий принцип регионального диалектного корпуса (на базе говоров Среднего Прииртышья) // Язык и репрезентация культурных кодов. Материалы и доклады. Часть II. Самара, 2018. С. 21–24 URL: http://repo.ssau.ru/bitstream/Yazyk-i-reprezentaciya-kulturnyh-kodov/Tematicheskaya-razmetka-kak-vedushii-princip-regionalnogo-dialektnogo-korpusa-na-baze-govorov-Srednego-Priirtyshya-70296/1/ilovepdf_com-21-24.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

6. *Косицина Ю.В., Петрунина С.П.* Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста (статья 1) // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 75. 2013. № 4 (295). С. 52–55. URL: http://www. lib.csu.ru/vch/295/vcsu13_04.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

7. *Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е.* Проблемы создания электронного диалектологического корпуса // Русская устная речь. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С. 248–259.

8. *Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е.* Мультимедийный диалектологический корпус – важнейший ресурс сохранения и изучения народно-речевой культуры. URL: http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/kru4kova-goldin.html (дата обращения: 01.03.2019).

9. *Харламова М.А.* Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 290 с.

10. *Харламова М.А., Лавров Д.Н.* История полиэтнического региона в «зеркале» народной речи: о проекте регионального диалектного корпуса // Современные проблемы русистики. МКР Барселона-2018. Сборник статей по итогам конференции. С. 1572–1581. URL: http://stel.ub.edu/slavia/wp-content/uploads/Глава05.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

11. *Юрина Е.А.* Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. Вып. № 2 (14). С. 58–63. URL: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=116&article_id=5224 (дата обращения: 01.03.2019).

О.В. Золтнер
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 811.1

Синтаксическая концепция М.П. Одинцовой

Аннотация. В статье представлены ключевые позиции оригинальной синтаксической концепции видного русского филолога Майи Петровны Одинцовой. Широта подхода, учёт разных точек зрения, понимание природы языкового знака как изменяющегося во времени и пространстве явления, имеющего деривационный и вариантностный потенциал, а также антропоцентрический подход к исследованию синтаксических явлений – всё это отразилось на понимании предмета синтаксиса и интерпретации синтаксических единиц.

Ключевые слова: синтаксис, предмет синтаксиса, словосочетание, парадигма, деривация, варьирование, предложение.

O.V. Zoltner
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The Syntactic Conception by M.P. Odintsova

Abstract. The article presents the key positions of the original syntactic concept by the prominent Russian philologist Maya Petrovna Odintsova. The breadth of the approach, consideration of different points of view, understanding of the nature of the linguistic sign as a phenomenon changing in time and space, having derivational and variant potential, as well as anthropocentric approach to the study of syntactic phenomena – all this affected the understanding of the subject of syntax and interpretation of syntactic units.

Keywords: syntax, subject of syntax, combination of words, paradigm, derivation, variation, sentence.

Преподавание современного русского языка, в частности синтаксиса, на филологическом факультете ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (сейчас – факультете филологии и медиакоммуникаций) немыслимо без имени Майи Петровны Одинцовой, кандидата филологических наук, профессора, долгие годы заведовавшей кафедрой русского языка. Верная продолжательница традиций синтаксической школы МГУ, она всегда была открыта новым веяниям в синтаксической науке. Благодаря ей студенты многих поколений смогли ознакомиться с разнообразными и порой противоречивыми синтаксическими теориями, быть на передовой современной лингвистической науки. Однако М.П. Одинцова не только знакомила студентов с синтаксическими теориями, но и сама была великолепным учёным-синтаксистом, всегда по-научному честно, последовательно и чётко формулируя свою позицию по тому или иному спорному синтаксическому вопросу.

Научную концепцию Майи Петровны отличали широта подхода, плюрализм как ключевой принцип научной деятельности, что привело исследователя к оригинальной и передовой синтаксической концепции: это касается взглядов М.П. Одинцовой и на предмет синтаксического изучения (он должен быть максимально широк и включать грамматику мысли, грамматику языка и грамматику общения), и на природу словосочетания

© О.В. Золтнер, 2019

(словосочетание – не номинативная единица языка и не строительный материал для предложения), и на парадигматический и деривационный потенциал синтаксической системы русского языка. Майя Петровна писала: «Современный синтаксис, действительно, стремится («дрейфует») в речевую бесконечность, ибо сам язык – по своим базовым *функциям – не что иное, как реальность человеческой коммуникации* [здесь и далее выделено М.П. Одинцовой]. Все, что относится к этой реальности, имеет синтаксическое измерение и не одно!» [2, с. 8].

Охарактеризуем синтаксическую концепцию М.П. Одинцовой, которая получила своё воплощение в изданиях [1], [2], [3] по ключевым, на наш взгляд, позициям.

Определение предмета синтаксиса. Современный синтаксис, как считала Майя Петровна, не должен ограничиваться в своём предмете только лишь конструктивной стороной или изучением синтаксических связей и отношений, так как «широкий, неклассический, новейший синтаксис (его примерный возраст 40 лет) не ограничивается грамматикой речи (в строгом смысле термина) и вообще собственно языковыми характеристиками связной речи. *Его предмет – фундаментальные языковые и внеязыковые законы, правила связной речи в их функциональном (коммуникативном) единстве,* обеспечивающем главное качество и назначение речи – ее способность формировать, выражать, передавать – от говорящего (пишущего) к адресату (слушателю, читателю, собеседнику) сообщение (информацию), будь то мысль, чувство, состояние, воля человека или их сочетание, синтез» [3, с. 37–38]. Майя Петровна приходит к выводу, что в синтаксисе можно выделить три грамматики: грамматику мысли, грамматику языка, грамматику общения. Таков предмет синтаксиса в широком понимании, а поэтому «широкий» синтаксис «по своей проблематике, аспектам может быть образно ассоциирован с расширяющейся Вселенной» [3, с. 43].

Проблема словосочетания. Понимание М.П. Одинцовой синтаксической природы словосочетания и его роли в создании предложения расходится с синтаксической традицией, которая зиждется прежде всего на концепции В.В. Виноградова, оттого её концепция предстаёт ещё более смелой, новаторской. В чём же новизна взглядов Майи Петровны? Свою точку зрения она убедительно представляет в работе «К дискуссии о словосочетании» [3, с. 46–52]: свободное словосочетание не является номинативной единицей языка, словосочетание не является единицей синтаксической системы и строительным материалом для предложений. Если это так, то нуждается ли синтаксис в словосочетании? М.П. Одинцова отвечает однозначно: «Мы же склонны считать понятие словосочетания необходимым и полезным как в систематических научных описаниях элементарных языковых единиц и правил построения из них сложных единств разного качества и назначения, так и в учебных пособиях школьного и вузовского уровней обучения языку» [3, с. 47]. Иначе говоря, словосочетание – это не единица синтаксической системы, а объект синтаксиса, необходимый для изучения синтаксических связей и синтаксических отношений, при этом словосочетание извлекается из предложения. Исходя из этого границы словосочетания не могут и не должны ограничиваться только сочетанием двух знаменательных слов на основе подчинительной связи: «*словосочетание – это более или менее протяженный фрагмент связной речи – в границах предложения, – состоящий из двух или более знаменательных слов, связанных непрерывно грамматически и лексико-семантически»* [3, с. 48]. Таким образом, словосочетанием является любое сочетание знаменательных слов на основе сочинительной или подчинительной связи и манифестирующее разнообразные синтаксические отношения, в том числе предикативные. Однако, представляя такое понимание синтаксической природы словосочетания, Майя Петровна отмечала, что дискуссионность в данном вопросе на этом не заканчивается, так как «дискуссия о словосочетании в отечественном языкознании – это непрерывный поиск предметов и аспектов исследования, обусловленных разнообразными лексико-семантическими, конструктивно-грамматическими и функционально-прагматическими характе-

ристиками слова (и словоформ) в связной речи, – в составе тех или иных грамматически типизированных словесных комплексов и более или менее свободных лексических композиций. Плодотворность дискуссии несомненна, хотя единственно «правильный» ответ на вопрос, *что такое словосочетание*, в ней не найден» [3, с. 51].

Парадигматические категории предложения в свете синтаксической деривации и варьирования. Парадигматическая концепция Майи Петровны сложилась в середине 60-х годов века, когда идеи Н.Ю. Шведовой, а позже – В.А. Белошапковой о парадигматическом устройстве синтаксической системы только начали развиваться в синтаксической науке. Майя Петровна не просто «подхватила» эти идеи: ею была разработана собственная концепция, выросшая из исследований синтаксической синонимии (в результате была блестяще защищена кандидатская диссертация) и приведшая к выявлению целой «парадигмы парадигм» синтаксической системы. Понимание изоморфизма языковой системы (варьирование и деривация – это законы функционирования всех единиц языка) получило своё воплощение в идеях деривационных преобразований и варьирования исходного предложения, причём Майя Петровна, опираясь на широкий подход В.А. Белошапковой, и в этом случае пошла дальше своих учителей и создала собственную концепцию, которая представлена в монографии [2] и учебном пособии [1].

Под ***парадигмой предложения*** понимается языковой потенциал, который извлекается из речевой действительности / конструируется по определённым правилам с использованием грамматических (синтаксических) средств, который представлен следующими парадигматическими категориями русского простого предложения (это «возможный» список парадигматических категорий, как подчёркивала Майя Петровна): предикативная (модально-временные, по Н.Ю. Шведовой), деривационная, вариативная (парадигма вариантов исходного предложения), коммуникативная (категория актуального членения), субъективно-модальная (категория «модуса»), категория активности-пассивности субъекта, категория утвердительности / отрицательности.

Особое внимание М.П. Одинцова уделяла разграничению понятий деривации и варьирования в синтаксической системе [1, с. 61–64, 66–71].

Дериваты в синтаксисе – это изменения исходных образцов синтаксической системы, но более существенные, чем модификации, а именно: при деривации несколько изменяется значение исходной структурной схемы и меняется сама форма. Эти изменения осуществляются по правилам (регулярны), дают всегда «заданную величину». Значение дериватов отличается от исходного оттенками, частными значениями, которые можно описать в виде системы, или перечня, т. е.подвергается типизации. Они абстрактны, встречаются во множестве высказываний. Деривационные изменения не зависят от контекста, лишены экспрессивности (не всегда); возможный список дериватов представлен следующим образом [1, с. 69–71].

Разновидности дериватов русского простого предложения:

1) ***глагольно-связочные дериваты:***

а) фазисный (обозначает один из аспектов развивающегося события): Читаю → Начинаю читать, Продолжаю читать, Заканчиваю читать; Он курит → Он бросил курить; День солнечный → День становится солнечным. При деривации $V_f \rightarrow$ Inf, лексико-грамматический формант этого деривата – фазисный глагол. От любого предложения, построенного по схеме N_1V_f, можно образовать трёхэлементную модель, в которой $V_f \rightarrow$ Inf, образуя неделимое предикативное сочетание фазисного глагола с инфинитивом. Фазисные дериваты можно образовать от 1-го номинативного блока (см. список схем В.А. Белошапковой): Он был учёным – Он остаётся учёным ($N_1Cop_{f1/5}N_{1/5} \rightarrow N_1Cop_{фазис}N_{1/5}$) – Он продолжает быть учёным ($N_1Cop_{f1/5}N_{1/5} \rightarrow N_1V_{fфазис}Cop_{f1/5}InfN_{1/5}$).

Фазисные дериваты образуются с помощью вспомогательного глагола (чему сопутствует преобразование основного глагола в инфинитив) или заменой бытийной связки на фазисную в именном сказуемом (с сопутствующим преобразованием связочного компонента).

Фазисные дериваты возможны и у однокомпонентных схем, в таком случае происходит замена бытийной связки или исходного глагола: *Светает → Начинает светать; Было тихо → Стало тихо* ($V_{f3s/n} \rightarrow V_{f3s/nфазис}Inf$); *Стучат → Продолжают стучать* ($V_{f3pl} \rightarrow V_{plфазис}Inf$).

Возможность или невозможность образования фазисного деривата связана с лексической семантикой предиката в производящей схеме, а также с его грамматическим значением. Например, предикаты совершенного вида не допускают фазисного преобразования.

В инфинитивном блоке тоже возможны фазисные дериваты: Учиться трудно → Учиться продолжает быть трудно; Учиться было трудно → Учиться стало трудно; Учиться – большой труд → Учиться стало большим трудом. Все инфинитивные схемы книжные (книжного стиля), поэтому они сами по себе ограничены.

Фазисная деривация носит системный характер, охватывает все предложения, но возможность их образования проверяется эмпирическим путём, так как возможна частичная нерегулярность фазисных преобразований исходных МСС;

б) модальный: *Он читает → Он любит читать*. Перед нами деривационное усложнение и осложнение исходной МСС: $N_1V_f \rightarrow N_1V_{fмодал}Inf$.Модальная деривация аналогична фазисной, но богаче модальными лексемами, так как в ней участвуют не только глаголные формы, но слова других частей речи: *мочь, уметь, хотеть, должен, обязан, готов, намерен, расположен, любить, охотник, мастер, любитель* и под.

Модальная деривация даёт много составных сказуемых; модальность здесь носит лексический характер, вносит свой оттенок лексического значения в предложение. Этот процесс зависит от лексического состава предложения и лексической сочетаемости его компонентов. Модальные дериваты образуются от глагольных, именных форм, т. е. от схем одно- и двухкомпонентных блоков: *Звонят → Хотят звонить* ($V_{f3pl} \rightarrow V_{plмодал}Inf$); *Кататься весело → Кататься нужно весело* ($InfCop_fAdj_{pred} \rightarrow InfCop_fAdv_{predмодал}Adj_{pred}$).

Схема Inf: *Учиться, учиться и учиться, Стоять, Светить, Мне бы жить*. Как происходит образование модальных дериватов этой схемы? В этом случае возникает межсхемная деривация, так как синтаксическая система русского языка позволяет продублировать модальные оттенки значений схемы Inf двухкомпонентными схемами: *Учиться → Надо учиться* ($Inf \rightarrow InfCop_fAdj_{f1/5}$); *Учиться → Наш долг – учиться* ($Inf \rightarrow N_1Cop_fN_{1/5}$).

Межсхемная деривация возможна и вне модальных отношений: Я учусь → Мне учится (прекрасно) → Учиться; Он будет генералом → Быть ему генералом;

2) ***связочные дериваты***: происходит замена бытийной связки на небытийную:

а) *Она актриса → Она слывёт хорошей актрисой* (оценочно-субъектный элемент, чья-то точка зрения – дериват авторизации);

б) *Дни пасмурные → Дни бывают пасмурные* (дериват повторяемости);

в) *Зверь на опушке → Зверь показался на опушке* (дериват обнаружения, появления, проявления предикативного признака);

г) *Он спокойный → Он сидит спокойный* (дериват движения, состояния);

3) **количественные дериваты**: Снег → Снегу-то! ($Cop_fN_1 \rightarrow Cop_fN_2$); Дрова заготовлены → Дров заготовлено! ($N_1Cop_{f1/5}N_{1/5} \rightarrow N_2Cop_{f3s/n}Adj_{fsn}$ – межсхемная деривация);

4) ***партитивные дериваты*** характерны для высказываний о человеке, в них происходит замена наименования целостного человека на элемент (компонент) его внешнего облика или внутреннего мира (на «часть» вместо целого): *Он улыбается → Глаза его улыбаются; Он страдает → Душа его страдает*.

Варианты простого предложения – это такие изменения формы и значения простого предложения, которые не затрагивают постоянных признаков структурной схемы, по которой построено предложение (набора компонентов, синтаксического значения, значения схемы в целом, грамматических характеристик компонентов). Характер этих изменений – экспрессивно-стилистический, т. е. варианты предложений возникают для стилистической или коннотативной дифференциации высказываний в различных условиях общения.

Варьирование инварианта способствует приспособлению предложения к контекстуальному окружению или к той ситуации, в которой используется предложение. М.П. Одинцова представляла список вариантов следующим образом [1, с. 68–69].

Варианты (формальные модификации) русского простого предложения образуются следующими способами:

1) неполнота, эллиптичность простого предложения: языковой образец включает все необходимые компоненты, но в речевой ситуации некоторые компоненты могут быть пропущены: *Татьяна – в лес, медведь – за нею* (А.С. Пушкин) (эллипсис изображает быстроту движения, это иконическая изобразительность – подражание натуре). Эллипсис – один из приёмов речевого варьирования. Если всё ситуативно известно, то проявляется закон экономии речевых усилий – известные компоненты не называются: *Пройдёмте…*;

2) добавление частиц: *Ничуть его не жалеет; Партия – это наш рулевой; Даже восклицает ай-я-яй!*;

3) добавление междометий: *Ах, как хорошо*!;

4) восклицательность: придание эмоциональной окраски исходному предложению: *Он замечательный человек!*;

5) вопросительность: изменение целеустановки: *Он приедет завтра – Он приедет завтра?*;

6) замена нейтральных форм экспрессивными: *Татьяна – ах…*; *А она – бежать; Беречь как зеницу ока*. Фразеологизмы в исходной модели не присутствуют, это вторичное явление;

7) инверсия: *Белеет парус одинокий в тумане моря голубом* (М.Ю. Лермонтов) (ср. с прямым порядком слов: *Одинокий парус белеет в голубом тумане моря*);

8) опущение подлежащего – местоимения 1 или 2 лица: *Не жалею, не зову, не пла*чу (С.А. Есенин) (возникает эффект краткости);

9) осложнение: введение обособленных членов предложения, однородных рядов: *На небе ни тучки. – На небе, розовом от заката, ни тучки;*

10) введение компонентов, не связанных грамматически с основным составом предложения: *На улице холодно. – Кажется, на улице холодно*.

Итак, синтаксическую концепцию Майи Петровны Одинцовой отличали широта подхода, открытость всему новому и актуальному в синтаксических исследованиях, учёт разных мнений (плюрализм как ключевой принцип научной деятельности), понимание изоморфизма языковой системы. Синтаксические изыскания, отмеченные широтой и смелостью научной мысли, особенно в области парадигматических и деривационных процессов внутри синтаксической системы (например, выявление таких парадигматических категорий русского простого предложения, как активность-пассивность субъекта, коммуникативных категорий и категории «модуса») привели Майю Петровну в конце концов к ещё одной важной и основополагающей теме в её научном творчестве – «Лингвистике человека».

Синтаксическая концепция Майи Петровны Одинцовой продолжает свою жизнь в преподавании курса «Современный русский язык» в стенах факультета филологии и медиаккоммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Спасибо Вам, Учитель!

Список использованной литературы

1. *Коротун (Золтнер) О.В., Одинцова М.П.* Синтаксис современного русского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки бакалавров «Филология». Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. 234 с.

2. *Одинцова М.П.* Общие и частные вопросы синтаксической теории (На примере современного русского языка): монография. Омск, 2005. 128 с.

3. Miscellanea: памяти профессора М.П. Одинцовой / под ред. О.В. Коротун (Золтнер), Л.Б. Никитиной, Н.В. Орловой. Омск: Полиграфист, 2014. 488 с.

В.А. Костина
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 80

Номинативное поле концепта «дилетант»

Аннотация. В целях реконструкции смыслового пространства концепта *дилетант* проведён анализ средств его языковой и речевой объективации на основе предложенной И.А. Стерниным когнитивно-семантической методики семного описания значения. Построено номинативное поле концепта *дилетант*, предполагающее структурную неоднородность. Выделено ядро, включающее такие лексемы, как *непрофессионал, любитель, неопытный, графоман*, и несколько периферийных зон, которые различаются по уровню конкретности / абстрактности лексики. В ходе работы со словарными статьями проанализированы лексикографические значения единиц поля, что позволило уточнить состав когнитивных признаков концепта *дилетант*. В результате сделан вывод, что смысловое пространство исследуемого концепта, по сравнению с исходной дефиницией, расширяется. Приобретает важность указание на сферу деятельности, уровень практической подготовки, оценка качества работы дилетанта.

Ключевые слова: концепт «дилетант», номинативное поле, ядро концепта, ближняя периферия, дальняя периферия, когнитивный признак.

V.A. Kostina
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The Nominative Field of the Conceptual Space Amateur

Abstract. In order to reconstruct the conceptual space of the *amateur* concept, an analysis of the means of its language and speech objectification was carried out on the basis of the proposed by I.A. The stern cognitive-semantic methods of semen description of meaning. A nominative conceptual field of a dilettant has been built that suggests structural heterogeneity: the presence of a nucleus, including such lexemes as a layman, amateur, inexperienced, graphomaniac, and several peripheral zones that differ in the level of concreteness / abstractness of the vocabulary. In the course of working with vocabulary articles, the lexicographical meanings of field units were analyzed, which made it possible to clarify the composition of the cognitive features of the concept *amateur*. As a result, it was concluded that the semantic space of the concept under study, as compared with the original definition, is expanding due to the incorporation of new meanings. Acquires the importance of indicating the scope of activity, level of practical training, assessment of the quality of work of an amateur.

Keywords: amateur concept, nominative field, concept core, near periphery, distant periphery, cognitive attribute.

В настоящее время распространённость дилетантизма настолько высока, что данный феномен приобретает демонстративный характер: дилетанты стремятся быть признанными массовой аудиторией, активно продвигают результаты своей деятельности с помощью интернет-коммуникации, включаются в культурную среду общества. Непрофессионалы начинают навязывать свои критерии вкуса, получая общественную поддержку, что в результате приводит к размыванию границ между дилетантом и специалистом.

© В.А. Костина, 2019

В одном из современных толковых словарей под *дилетантом* понимается человек, который «занимается чем-либо, не имея специальной подготовки, систематических знаний; любитель» [1]. Для более точной реконструкции смыслового пространства концепта ‘дилетант’ необходим анализ средств его языковой и речевой объективации. В основе данного исследования – предложенная И.А. Стерниным когнитивно-семантическая методика семного описания значения, предполагающая «совокупность приемов описания семного состава слова через этап описания номинируемого данным словом концепта» [4, с. 5]. Согласно концепции ученого, когнитивные описания «используются для изучения глубинной семантики языковых единиц и объяснения семантических процессов в языке» [4, с. 5].

Описание концепта в рамках данной методики начинается с построения его номинативного поля. Понятие любого поля предполагает структурную неоднородность, то есть разграничение ядра, ближней и дальней периферии.

На первом этапе по данным трёх синонимических словарей (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений (под. ред. Н. Абрамова), Словарь синонимов русского языка (под. ред. З.Е. Александровой), Большой русский словарь-справочник синонимов (близких по смыслу слов) / под ред. В.Н. Тришина)) концепт ‘дилетант’представлен совокупностью синонимов, номинирующих его в современном русском языке. Синонимы, наиболее регулярно дублирующие друг друга в словарных статьях, составили ядерную зону номинативного поля. В ядро вошли лексемы *непрофессионал; неспециалист; квазиспециалист; любитель; неопытный; профан; графоман.*

Каждая из ядерных лексем имеет свой синонимический ряд, единицы которого относятся к периферийной зоне концепта ‘дилетант’. Например, синонимический ряд *непрофессионал* в словаре под ред. В.Н. Тришина [2] включает устаревшие лексемы из пассивного запаса (*аматёр* от лат. amo – любить, быть довольным, иметь обыкновение, быть склонным) либо потенциальные слова (*непрактик*); *неспециалист*, помимо дублетных «ядерных» синонимов, включает потенциальное слово *незнаток*. Периферийный статус той или иной номинации обозначает её удалённость от ядра, но не отменяет значимость для смыслового пространства поля концепта. Так, в синонимическом ряду *профан* (всего 12 синонимов по словарю [2]) ближняя периферия представлена лексемами *невежда, недоучка, неуч* и другими, содержащими семы ‘не знает’, ‘не учился’. Выражения *ни бум-бум, ни в зуб ногой* и т. п. относятся к дальней периферии концепта ‘дилетант’, или, в терминологии И.А. Стернина и З.Д. Поповой, интерпретационному полю, предполагающему «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [3, с. 65]. В номинации *графоман* (всего 36 синонимов по словарю [2]) все синонимы можно отнести к ближней периферии. Они предполагают либо указание на сферу деятельности – литературное творчество (*бездарный литератор, рифмоплёт, версификатор, щелкопёр* и др.), либо содержат общую оценку качества работы (*ремесленник, чайник, посредственность*). Между тем сема ‘сфера деятельности’ является конститутивной для определения дилетанта (см. в вышеприведенной дефиниции «занимается чем-нибудь»), как и оценочная семантика (там же: «занимается, не имея…»). Ряд *любитель* насчитывает 42 синонима, в том числе *охотливый, падкий, склонный, хлебом не корми, не дурак, не прочь*. Состав синонимических рядов семи единиц ядерной зоны позволил построить гипотезы относительно пересечения концепта ‘дилетант’ со смежными когнитивными феноменами.

Далее на основе семантико-когнитивного метода проанализированы лексикографические значения единиц поля, что позволило уточнить состав когнитивных признаков концепта ‘дилетант’.

В первую очередь важно выделить когнитивные признаки ключевой номинации *дилетант* для дальнейшего сопоставления с другими номинативными единицами. В ходе

анализа дефиниции этого слова, представленной в толковых словарях русского языка (БТС под ред. Кузнецова, МАС, толковый словарь Ефремовой, большой словарь иностранных слов, толковый словарь С. И. Ожегова и др.), выделены следующие признаки: ‘без систематических знаний’, ‘плохо разбирающийся’, ‘имеющий поверхностные знания’, ‘без специальной профессиональной подготовки’, ‘наслаждение’, ‘любить что-либо’, ‘деятельность не входит в круг общественных/ гражданских обязанностей’, ‘заниматься чем-либо для себя’, ‘хобби’. На данном этапе смысловое пространство концепта ‘дилетант’ свелось к трём основным составляющим: 1) отсутствие специальных знаний; 2) отсутствие опыта (практической подготовки); 3) любимое дело, увлечение. Помимо этого, выделяются определённые области, в которых дилетантизм проявляется наиболее часто – наука, искусство (в том числе литературное творчество, музыка).

Кроме того, были проанализированы когнитивные признаки тех единиц, которые составили ядерную зону номинативного поля (напомним, построенного на основе состава синонимических рядов), которые вошли в БТС РЯ под ред. С.А. Кузнецова.

В лексеме *любитель* в качестве признаков выявлены ‘иметь пристрастие / склонность к чему-либо’ (любитель живописи, любитель птиц), ‘из интереса’ (любитель путешествовать), ‘без подготовки’ (судит о юриспруденции как любитель, т. е. дилетантски). Показательно, что значения зафиксированных в синонимическом словаре синонимов *любитель* толкуются в БТС РЯ через ‘любить’. Так, *велолюбитель* – тот, кто любит велоспорт (не предполагается профессионализм). По этому же принципу организована семантика слов *кинолюбитель, мотолюбитель, балетоман, меломан, кошатник, секретник, телелюбитель* и др.

Языковые единицы *непрофессионал* и *неспециалист* имеют идентичное толкование, следовательно, и однотипные когнитивные признаки – ‘без специальной подготовки’, ‘без профессиональной подготовки’. Для лексемы *профан* характерны признаки ‘непосвящённый’, ‘нет знаний’ (в музыке он полный профан, чувствовать себя профаном). В качестве основного когнитивного признака для лексемы *неопытный* выступает ‘без профессионального / специального опыта’, т. е.важность приобретает практический характер какой-либо деятельности (неопытный работник, неопытный в семейных отношениях юноша).

В ходе анализа дефиниций выявлены номинативные единицы, входящие в состав дальней периферии (интерпретационного поля концепта) из-за отсутствия оценки качества работы дилетанта и её результатов в какой-то области (фанат, энтузиаст). Так, когнитивные признаки слова *энтузиаст* – ‘действовать с энтузиазмом’, ‘любить какое-либо дело’ – не указывают на наличие предметной области, по отношению к которой некто определяется как дилетант. При этом контексты могут подразумевать непрофессионализм, например: *завод строили энтузиасты; первые энтузиасты ехали на целину*.

Обобщая анализ единиц номинативного поля, можно выделить когнитивные признаки, которые наиболее ярко отражают содержание концепта *дилетант*: ‘нет знаний’, ‘плохо разбирается’, ‘нет опыта’, ‘имеет пристрастие к какому-то делу’. Таким образом, прослеживается наличие оценочной составляющей деятельности дилетанта, чаще негативной, что можно подтвердить текстовыми примерами из Национального корпуса русского языка:

А таковым, конечно, всегда окажется ***дилетант****, а не учёный* (Андрей Зализняк. О профессиональной и любительской лингвистике // «Наука и жизнь», 2009).

В схватке задействовано все тело, а не только руки, как может подумать ***дилетант*** (Вера Михайлова. Дамы отжимают кавалеров // «Русский репортер», 2014).

Таким образом, номинативное поле концепта *дилетант* включает ядерную зону, в состав которой входят лексемы *непрофессионал; неспециалист; квазиспециалист; любитель; неопытный; профан; графоман*, и несколько периферийных зон, которые разли-

чаются по уровню конкретности / абстрактности лексики, включают единицы, пересекающиеся с ядром по одному из следующих когнитивных признаков: ‘без систематических знаний’, ‘плохо разбирающийся’, ‘имеющий поверхностные знания’, ‘без специальной профессиональной подготовки’, ‘любить что-либо’, ‘деятельность не входит в круг общественных / гражданских обязанностей’, ‘заниматься чем-либо для себя’, ‘хобби’.

В ходе анализа смысловое пространство концепта *дилетант* по сравнению с исходной дефиницией («Тот, кто занимается чем-либо, не имея специальной подготовки, систематических знаний; любитель» [1]) наполняется новыми смыслами. Приобретает важность указание на сферу деятельности (наука, искусство, спорт), уровень практической подготовки, оценка качества работы дилетанта.

Список использованной литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov (дата обращения: 01.03.2019).

2. Большой русский словарь-справочник синонимов (близких по смыслу слов) / под ред. В.Н. Тришина. ASIS. 2013. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims (дата обращения: 01.03.2019).

3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике: монография. Воронеж, 2001. 191 с.

4. *Стернин И.А.* Методы описания семантики слова. Ярославль: Истоки, 2013. URL: http://sterninia.ru/files/757/15_Studentam_i_aspirantam/Metodi_opisaniya_semantiki.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

С.В. Лесников
Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург

УДК 371.385.1:004.738.5

Словарная поисковая система русского языка

Аннотация. В данной статье рассматривается конструирование терминологического свода русского языка в форме информационно-поискового гипертекстового тезауруса (гизауруса). Свод разрабатывается в виде гипертекстовой системы в нелинейной форме с учетом реляционных, иерархических и сетевых парадигматических связей посредством реализации синтагматических связей в интерактивном режиме на персональном компьютере оцифрованных лексикографических материалов русского языка, что позволит на основе цифровых технологий посредством соответствующей классификации и систематизации, дигитализации и ретродигитизации словарей, справочников и энциклопедий и других лексикографических материалов русского языка структурировать, систематизировать и объединить лексикографические материалы в единый свод, обеспечив тем самым их оперативный ввод в научный оборот с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии.

Ключевые слова: база данных, гизаурус, гипертекстовый тезаурус, метаязык, искусственный интеллект, корпус, лексикография, лингвистика, поиск, русский язык, словарь, справочник, текст, энциклопедия.

S.V. Lesnikov
The Institute of Linguistic Studies, RAS,
St. Petersburg, Russia

Academic Vocabulary of a Hypertext Search System of the Russian Language

Abstract. This article discusses the construction of the terminological code of the Russian language in the form of information-search hypertext thesaurus. The code is developed in the form of a hypertext system in a nonlinear form, taking into account the relational, hierarchical and network paradigmatic relations through the implementation of syntagmatic relations in an interactive mode on a personal computer digitized lexicographic materials of the Russian language, which will allow on the basis of digital technologies through appropriate classification and systematization, digitalization and retrodigitization of dictionaries, reference books and encyclopedias and other lexicographic materials of the Russian language to structure, to systematize and unify the lexicographical material in a single body, thus providing operational input in a scientific turn with the purpose of optimization of scientific research in modern lexicography.

Keywords: information search, database, hesaurus, hypertext thesaurus, the meta-language, artificial intelligence, corpus, lexicography, linguistics, search, the Russian language, dictionary, reference, text, encyclopedia.

Под *ГИЗаУРУСом* понимается реляционная база данных с гиперссылками (цифровой идеографический словарь, отображающий семантические отношения между лексическими единицами и предназначенный для поиска слов по их значениям ◄: *тезаурус гипертекста,* ► *гипертекстовый тезаурус* ● *тезаурус*) [6, с. 29].

Особенностью конструируемого гизауруса [7, с. 52–61] является то, что, помимо традиционного поиска по ключевым словам, гизаурус может помочь пользователю выделять смысловые акценты, соответствующие поисковому запросу, обеспечивая тем самым

© С.В. Лесников, 2019

релевантность и пертинентность запросов. Гизаурус позволяет осуществить поиск граммем, контекстов, лексем, лексических единиц, лемм, слов, словоупотреблений, словоформ, текстоформ.

Основными моментами архитектуры гизауруса являются: 1) реализация распределенной модели поиска (т. е. с учетом информации из внешних, сторонних лексических баз); 2) переход от модели «один поиск на всех» к модели персонального, параметрического, многоаспектного поиска; 3) учет критериев релевантности и пертинентности в процессе поиска; 4) переход от поиска только текстовой информации к распознаванию и поиску мультимедийной информации (изображения, анимация, аудио- и видеофрагменты в виде иллюстраций к соответствующим вокабулам).

Все компоненты поисковой системы, необходимая техническая документация и работа системы в целом будут протестированы в различных эксплуатационных режимах и проанализированы с точки зрения возможности использования как в Интернете, так и на локальном компьютере.

Наибольшее время занимает разметка и «чистка» (редактирование) исходных материалов (словарей, справочников и энциклопедий) для базы данных гизауруса.

Можно сделать вывод, что применение тезаурусов в процессе информационного поиска в полнотекстовых базах данных неограниченного объема в определенном смысле решает проблему повышения точности поиска, поскольку: 1) гизаурус служит средством формирования и выражения информационной потребности и формулирования и уточнения информационного предписания в терминах данной предметной области; 2) гизаурус является «семантическим ситом», которое позволяет автоматически индексировать полнотекстовые документы, соотнося их с предметно-тематическими рубриками, разработанными для используемой поисковой машины; 3) гизаурус служит основой автоматического реферирования массива документов, выданных поисковой машиной на первом этапе поиска, и, таким образом, значительно сужает область поиска, устраняя «шум».

Кроме этого, конструируемые программы поиска, создания, загрузки и параметризации лексической базы данных написаны на языках Python, PERL (Practical Extraction and Report Language – практический язык для извлечения данных и составления отчётов) и PHP (Preprocessor of Home Pages – препроцессор гипертекста – язык программирования, созданный для генерации HTML-страниц на веб-сервере и работы с базами данных) с использованием SQL (Structured Query Language – язык структурированных запросов – универсальный компьютерный язык, применяемый для создания, модификации и управления данными в реляционных базах данных) с использованием OWL (Web Ontology Language) и RDF (Resource Description Framework [5, с. 441–445].

А. Первая программа searcher_word позволяет осуществлять поиск лексемы в загруженных словарях (словниках, справочниках, глоссариях и энциклопедиях) разными способами: а) «целиком слово» (заголовок словарной статьи, черное слово, лемма, вокабула), б) как «часть слова» (фрагмент словоформы, однако с учетом того, где будет осуществляться поиск: только по заголовкам словарных статей и/или и в зоне толкования) и в) в «области значения лексико-семантических вариантов /ЛСВ/ вокабул» (толкование, т. е. в правой части словарной статьи, – определение, дефиниция). Сузить объем результатов поиска помогает выбор группы лексических источников: 1) словники; 2) толковые словари; 3) синонимы; 4) говоры; 5) жаргоны; 6) энциклопедии; 7) ГИЗАУРУС (гипертекстовый тезаурус)-термины; 8) разные.

Б. Программа searcher_synonym позволяет искать синонимы для введенной лексемы в словарях синонимов русского языка, загруженных в словарную базу данных (информация о количестве словарных статей отображается на экране). При этом так же, как и в программе searcher_word, можно выбрать уточняющие параметры поиска: а) «целиком слово», б) как «часть слова». Параметр «толкование» и выбор одной из групп словарей не

доступны. Каждый найденный синоним в свою очередь фактически является контекстной ссылкой (т. е. выделенная лексема и будет очередным уже заданным запросом при активизации гиперссылки) на программу searcher_word, при помощи которой и возможно узнать значение соответствующего синонима. Причем в этом случае «по умолчанию» значение синонима ищется во всех словарях как «часть слова». В дальнейшем предполагается автоматизированное построение синонимических рядов, прежде всего, прямых синонимов – лексических единиц, которые максимально близки или совпадают по значению. Критерием близости предполагается свойство взаимозаменяемости лексических единиц в реальных тематических контекстах с учетом абсолютной и относительной частотности.

В. Программа searcher_index не содержит параметров поиска (переключателей и меню выбора) и позволяет осуществить глобальный поиск по генеральному словнику русского языка. В генеральный словник включены вокабулы (заголовки словарных статей) с указанием, в каких словарях можно найти информацию о том или ином слове. В генеральный словник включена информация не столько по электронным версиям (которые загружены в словарную базу данных, так как такие вокабулы и так найдутся по запросу а) «целиком слово»), а прежде всего словники книжных (бумажных) словарей и словники с других словарных порталов. По числовому коду словаря выдается библиография к исходному словарю и гиперссылки соответствующих источников.

Кратко алгоритм разработки и создания гизауруса формулируется следующим образом [1]:

1. Выбор источников и кластеризация предметной области. При выборе источников учитывается: а) наиболее точное соответствие лексического материала предметной области [4]; б) технологическая насыщенность и важность источников.

2. Составление базового и генерального словников; в словник (первоначальные множества ключевых слов) гизауруса включаются следующие типы ЛЕ: одиночные слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия); именные словосочетания; лексически значимые компоненты сложных слов; аббревиатуры; сокращения слов и словосочетаний. При формировании словника рассматривается представительный корпус текстов, наиболее информативных для данной науки, из которых выбираются слова, употребляемые в этих источниках, при этом устанавливается частота употребления слов и учитываются все формы, которые могут иметь слова.

3. Выявление семантических полей посредством определения кортежей условной эквивалентности /КУЭ/. В КУЭ объединяются лексические единицы, между объёмами понятий которых существуют отношения: а) равнозначность (объёмы понятий совпадают полностью); б) пересечение (объёмы понятий совпадают частично); в) подчинённость (объём одного понятия строго составляет часть другого понятия, но не наоборот); г) внеположенность (объёмы понятий полностью исключают друг друга и при этом не исчерпывают области предметов).

4. Установление парадигматических (способы выражения: аналитический, графический, лексикографический, табличный), иерархических, ассоциативных, грамматических, межъязыковых, семантических… связей [3].

Основными типами связей гизауруса являются: род-вид, часть-целое, причина-следствие, сырье-продукт, административная иерархия, процесс-объект, функциональное сходство, процесс-субъект, свойство, носитель свойства, антонимия.

Отношения в гизаурусе (исключая синонимию) могут быть разделены на два класса: иерархические и ассоциативные.

Иерархические отношения обладают свойствами транзитивности и антисимметричности, которые могут быть использованы при избыточном индексировании в интересах повышения эффективности информационного поиска.

Ассоциативное отношение является объединением других отношений, не входящих в иерархические отношения или в отношения синонимии.

5. Создание словарных статей и лексико-систематических (тематические, категориальные, смешанные), пермутационных, иерархических и др. указателей и списков специальных категорий ЛЕ (общие категории: названия дисциплин и отраслей деятельности; предметы, материалы; методы, процессы, операции, явления; свойства, величины, параметры, характеристики; отношения, структуры, модели, законы, правила, абстрактные понятия).

Для дескрипторов устанавливаются парадигматические отношения, отражающие лексико-семантические связи между ЛЕ, выражаемыми дескрипторами. Связь указывают путем внесения в дескрипторную статью ссылки, включающей обозначение согласно таблице ссылок и связанный дескриптор.

Систематический указатель гизауруса является перечнем дескрипторов, сгруппированных согласно принятой в гизаурусе рубрикации.

Иерархический указатель гизауруса отражает полную структуру иерархических отношений и представляет собой перечень списков дескрипторов, причем каждый список начинается с дескриптора, не имеющего вышестоящих. После каждого дескриптора приведены непосредственно нижестоящие дескрипторы с указанием их уровня в иерархии путём применения нумерации либо графического обозначения уровня.

Пермутационный указатель предназначен для поиска ЛЕ по отдельным словам, входящим в текст ЛЕ, в том числе и по тем, которые стоят не в начале словарной статьи. Пермутационный указатель представляет собой перечень списков, каждый из которых соответствует одному из знаменательных слов в составе ЛЕ и включает все ЛЕ, содержащие это знаменательное слово. Перечень списков упорядочен по алфавиту знаменательных слов.

6. Автоматизация процессов построения гизауруса: а) частотный, статистический, компьютерный, математический анализ; б) коррекция статей; в) сортировка словников; г) проверка взаимности и непротиворечивости ссылок; д) составление указателей; е) конвертация в требуемых форматах и кодировках [2]. Построение гизауруса с использованием компьютеров [9] позволяет автоматизировать следующие процессы построения гизауруса: частотный анализ, коррекция статей, алфавитная сортировка словника, проверка взаимности и непротиворечивости ссылок, составление указателей, распечатка в требуемых формах [8].

7. Экспертиза, регистрация, ввод гизауруса в научный оборот и технологическое внедрение.

Основой гизауруса является информационно-поисковая система /ИПС/ – система, обеспечивающая поиск и отбор релевантных данных в специальной базе с описаниями источников информационных ресурсов (индексе) посредством информационно-поискового языка /ИПЯ/ и соответствующих правил поиска.

В гизаурусе [10] процедура описания информационных ресурсов автоматизирована, для чего специальная программа по заранее определенному алгоритму загружает исходные лексикографические ресурсы в базу данных /БД/ ИПТ. В процессе формирования индексированной БД анализируются все словарные статьи моделируемого гизауруса и создаются соответствующие гипертекстовые ссылки с текущей словарной статьи на соответствующие статьи гизауруса для осуществления эффективного поиска.

При составлении гизауруса учитываются следующие обстоятельства:

1. Компьютерные словари (наследуя недостатки книжных словарей) имеют следующие особенности и проблемы: неполноту генерального словника и в целом словаря; трудности поддержания словаря в актуальном состоянии; всё это требует наличие специфичных программных и аппаратных средств. При этом одним из главных достоинств

электронных версий словарей является то, что электронные словари многофункциональны, доступны и неуклонно становятся дешевле, чем их бумажные аналоги.

2. Словник и содержимое книжных словарей в процессе постепенного и длительного их издания требует значительного дополнения, расширения и уточнения. За период издания появляются словари русского языка, а также множество аспектных, терминологических словарей и энциклопедий, которые могут существенно обогатить гизаурус.

3. Дифференциальный принцип отбора словников (нормативный, терминологический, аспектный и др.) для академических словарей, оказавшийся продуктивным при описании лексики в книжных версиях, для цифровой версии гизауруса не является принципиальным, так как в компьютерной форме лексическая база данных автоматически становится полной и зависит лишь от полноты введенных источников (текстов записей информантов, картотек и любых источников лексикографических материалов), что позволяет в компьютерной форме конструировать гизаурус в тезаурусной (наиболее полной) форме.

4. Порядок расположения фразеологизмов и устойчивых словосочетаний в академических словарях, как правило, подчинён избранному для лексики словаря алфавитному или гнездовому принципам, что затрудняет поиск нужного словосочетания не только в объёмных вокабулах, но и в словаре или энциклопедии в целом. Именно поэтому в гизаурусе реализуются несколько входов: авторский, алфавитный, база данных, библиографический, веб-формат, генеральный словник, географический и территориальный, гнездовой, источниковедческий, систематический и пермутационный, тематический, предметный, хронологический, – а также, по ключевым словам, и словосочетания и др., что, безусловно, по возможностям отличает гизаурус от книжных версий академических словарей русского языка.

Суть конструируемого гизауруса заключается в расширении возможностей современных поисковых систем для обеспечения запросов пользователей. Используя гизаурус, можно с достаточной степенью эффективности получать результаты поиска, соответствующие информационной потребности пользователя, уместности и состоятельности результатов, релевантности и пертинентности.

Список использованной литературы

1. *Герд А.С.* Информационно-поисковый тезаурус как объект лексикографии / А.С. Герд, В.В. Богданов, В.Д. Буторов, В.Ф. Роменская, Э.В. Тисенко, Е.С. Андреева // Структурная и прикладная лингвистика. Межвузовский сб. Вып. 1. / отв. Ред. А.С. Герд. Л.: Наука, 1978. С. 160–172.

2. *Кузнецова И.В., Лесников С.В.* Разработка и описание гипертекстового ИПТ по алгебре // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2011. № 3. С. 70–76.

3. *Лесников С.В.* Квантитативный анализ лексикографических материалов // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. МГУ, 2010. С. 521–522.

4. *Лесников С.В.* Конструирование гипертекстового генерального свода лексики русского языка: русский гизаурус // Международная научная конференция «Язык и культура». 14–17 сентября 2001. М.: ОЛЯ РАН, научн. журнал «Вопросы филологии», Инст. иностранных языков, 2001. С. 280–281.

5. *Лесников С.В.* Поиск лексики на основе гипертекстового тезауруса русского языка // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике. Севастополь: Рибэст, 2009. Вып. 2. С. 441–445.

6. *Лесников С.В.* Словарь русских словарей. М.: Азбуковник, 2002. 334 с.

7. *Лесников С.В.* Тезаурус как отражение системности языка // Вестник ЧелГУ. Серия: филология, искусствоведение. Челябинск: ЧелГУ, 2011. Вып. 59. № 28 (243). С. 52–61.

8. Конструирование гипертекстового информационно-поискового тезауруса метаязыка лингвистики / С.В. Лесников, Д.С. Булыгина, А.В. Лесников, Г.С. Лесников // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. Т. 2 (№ 11). С. 326–333.

9. *Лесников А.В., Лесников Г.С., Лесников С.В.* Интерактивная система поиска терминов гипертекстового информационно-поискового тезауруса (гизауруса) метаязыка лингвистики // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. МГУ, 2014. С. 267–268.

10. Метаязык науки: материалы международной научной конференции / гл. ред. С.В. Лесников. Сыктывкар: СыктГУ, 2012. 878 с.

Мохаммед Хассан Саммани Мансур
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

УДК 811.161.1'373, 811.411.21

Метафорические эвфемизмы в аспекте лингвокультурологии

Аннотация. Статья рассматривает роль образной метафоры как средства вторичной номинации в эвфемизации явлений действительности. Образное содержание эвфемистического выражения отображает в речи характерные черты мировидения народа, особенности его национального менталитета и обыденную картину мира, потому и может служить «подсказкой» для интерпретации языкового знака в пространстве культуры. На примере русского и арабского языков дается лингвокультурологический комментарий фразеологических эвфемизмов, раскрывается их смягчающая семантика и национально-культурная обусловленность.

Ключевые слова: эвфемизмы, метафора, фразеологизмы, национально-культурная специфика, лингвокультурология, метафорическая картина мира.

Mohammed Hassan Sammani Mansour
Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Metaphorical Euphemisms in the Aspect of Linguoculturology

Abstract. This paper investigates metaphoric euphemisms in Modern Russian. Figurative content of euphemistic expressions displays the picture of the world, specific features of the people's culture and the way they think. The aim of our study is to describe the linguocultural aspect of metaphoric expressions and provide an interpretation of their word-components in culture space, in order to reveal their symbolical values, models and stereotypes that play a role in neutralizing or changing the negative assessment of socially condemned phenomena.The study was conceived against the background of the Arabic language.

Keywords: euphemism, metaphor, phraseological unit, national and cultural specifics, linguoculturology, metaphoric picture of the world.

Эвфемизмы определяются как положительные или эмоционально нейтральные языковые средства, способствующие эффекту смягчения и заменяющие грубые, неприличные и нетактичные слова и выражения. Главной целью эвфемизмов является «стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта» [4, с. 270]. Метафорическая структура высказывания позволяет воспринимать явления не в чистом виде, а наделяет их окрашенной, двойной природой [1, с. 12], позволяет выделению или, наоборот, вуалированию в речи некоторых признаков именуемого. Метафоры способны навязывать собеседникам специфический взгляд на мир, описывая один аспект явления (или действия) и скрывая остальные, которые не отвечают цели коммуникации [5, с. 239]. В лингвокультурологических исследованиях метафора понимается как внутриязыковой источник интерпретации культурно значимой информации, запечатленной в языковых единицах, которые транслируют характерные черты мировидения и концептуальное содержание на основе стереотипных для жизни народа «обиходно-бытовых ситуаций», служат средством осмысления действительности и «одновременно – ее оценивания в образах-эталонах» [7, с. 241–243].

© Мохаммед Хассан Саммани Мансур, 2019

Высокой степенью осуждаемости обладает, например, явление воровства, потому оно и получает эвфемистическую репрезентацию в речевой культуре. На основе «метафорической интеракции» воровство, как негативное свойство человека, подменяется какой-либо реалией, которая, исходя из культурного опыта народа, превращается в знак культуры доминирующего в ней свойства. Ср. устойчивое сравнение *как сорока* – ‘о человеке, склонном к воровству’.

Эвфемизация речи достигается при помощи метафорического осмысления кражи как повседневной деятельности: *заезжие гастролеры* – ‘преступные элементы, иногородние воры’, *лазить в окошко, ходить по дворам* – ‘красть дома’, *бегать по майданам* – ‘воровать в поездах’ (акт движения в пространстве); *запустить руки куда-л.*, *приделать ноги чему-л.* (акт приведения в движение); *купить за три огляда* – (ирон.) ‘незаметно украсть что-л.’, *правильная покупка* – ‘кража’, *дешево купить*; *корову купил, а цену забыл* (акт покупки); *таскать с блюд, урвать кусок* (актпринятия пищи) и др. Ср.: «Нашим вещичкам кто-то *приделал ноги* – это меня начинает настораживать, – задумался Ник. – Сначала еда, теперь вещи» (Н. Кручина, «Чудесные дни в “Ужиках”»).

Эвфемистическое описание воровства в арабском языке реализуют метафорические выражения типа:قش الأخضر واليابس – ‘дочиста обокрасть’ (букв. *скосить зелень и сушь*); حيثما سقط لقط – ‘о неисправимом воре’ (букв. *куда ни идёт, что-н. несёт*); يسرق من الأعمى عشاه – (ирон.) ‘о безжалостном воре’ (букв. *у слепого ужин крадет*);من يأخذ بيضة يأخذ جملًا – ‘о неисправимом воре’ (букв. *кто взял яйцо, возьмет и верблюда*); ينط الحيط – ‘заниматься воровством’ (букв. перепрыгивать стенку); ركبناه على الحمار حط إيده فى الخُرج – ‘о вороватом, неблагодарном человеке’ (букв. *его на осле везем, а он – руку в мешок*) и др. В подобной «содержательно осложненной» коммуникации понимание и восприятие обозначаемого включает смыслы, «не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [2, с. 25]. Например, во фразеологизме *перепрыгивать стенку* особую символическую роль играет понятие ‘стены / стенки’, которое служит перегородкой между *внутренним* и *внешним*, а также входит в оппозицию «свое – чужое». В других эвфемизмах фигурируют такие номинативные элементы, как *верблюд, скосить, осел* и др., свойственные народной (бедуинской и крестьянской) культуре. Например, выражение с компонентами *яйцо* и *верблюд* вызывает в сознании смысловую оппозицию «большой/маленький» и служит обобщенным суждением о том, что вор начинает с мелкого воровства, а кончает крупным хищением имущества. Строясь в большинстве своем на метафорической основе, фразеологизмы пробуждают аналогичное, творческое, мышление и служат «телами» для презентации культурных смыслов. Метафора во фразеологизмах-эвфемизмах является «экспрессивно-оценочной» и предназначена в основном для достижения прагматических целей [3, с. 111]. Она не столько описывает, сколько выражает через исходный образ эмотивное отношение говорящего к обозначаемому.

Так, метафора «предстает как узел, связывающий язык с мышлением и культурой» [6, с. 130], она полно насыщена национально-специфической окраской и отображает наивную картину мира. Метафорические эвфемизмы способны к ассоциативным связям и выражению эмотивного отношения говорящего к именуемому, производя прагматический эффект на слушающего. Они способствуют вторичному восприятию предмета речи на основе отождествления его с разными явлениями жизни, имеющими положительную или нейтральную оценку в сознании носителей языка.

Список использованной литературы

1. *Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11–26.

2. *Дементьев В.В.* Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013-го // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 22–49.

3. *Ковшова Л.М.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.

4. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи / Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 262–286.

5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

6. *Опарина Е.О.* Связь метафоры с мировосприятием // Язык и культура. Сборник обзоров. М., 1987. С. 130–140.

7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

С.Л. Михеева
Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева,
Чебоксары

УДК 811.161.1

Прилагательное «нормальный» в русском языке: соотношение семантики нормы и не-нормы

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые значимые аспекты функционирования прилагательного *нормальный* в русском языке. Соотносимое по своим словообразовательным связям с понятием *нормы*, в различных контекстуальных условиях данное слово допускает достаточно широкое толкование вплоть до противоречия исходной семантике. К такому результату может привести употребление слова в ироничном смысле в составе близкого к оксюморонному сочетания типа *нормальный сумасшедший*, *нормальная драка* и т. п. Данное прилагательное, таким образом, совмещает в своей семантической структуре значения *нормы* и *не-нормы*.

Ключевые слова: лексическая семантика, энантиосемия, русский язык, прилагательное.

S.L. Mikheeva
Yakovlev Chuvash State Pedagogical University,
Cheboksary, Russia

Adjective Normal in the Russian Language: Relationship of the Semantic of Norm and Non-norm

Abstract. The article discusses some significant aspects of the functioning of the adjective *normal* in the Russian language. According to its derivate relations it correlates with the notion of a norm. In different contextual conditions this word allows for a rather broad interpretation, sometimes contrary to the original semantics. The use of a word in an ironic sense in the composition of a close to an oxymoron combination like *a normal crazy*, *a normal fight*, etc. can lead to this result. This adjective combines the meanings of *norm* and *non-norm* in its semantic structure.

Keywords: lexical semantics, enantiosemia, the Russian language, adjective.

Семантические сдвиги и преобразования в лексическом значении слова, с одной стороны, являются следствием переосмысления этого значения носителями языка; с другой – становятся средством отображения и фиксации результатов когнитивных процессов, которые сами связаны с изменением в отношении к слову и его употреблению. Речь может идти о формировании полисемии, о появлении у слова различных коннотативных компонентов, стилистической окрашенности, о расширении благодаря всему этому концептуальной основы лексического значения.

Одним из проявлений полисемии оказывается формирование и закрепление в семантической структуре слова противоположного исходному компонента смысла – в этом заключается суть энантиосемии. Характеризуя это парадоксальное явление, О.П. Ермакова отмечает особую, специфическую роль иронии в развитии у слова внутренних автоантонимических отношений между компонентами значения. Наиболее благоприятные условия для этого создаются в разговорной речи и в языке публицистики, что объясняется превалированием здесь эмоционально-экспрессивного начала [7, с. 60–69].

© С.Л. Михеева, 2019

Если исходить из двойственной природы иронии, в которой внутренний смысл не соответствует – а иногда и откровенно противоречит – внешней форме, то энантиосемия оказывается непосредственным воплощением иронии на уровне отдельно взятой языковой единицы – слова. Рассмотрим далее примеры употребления прилагательного *нормальный*, которое является «живой» иллюстрацией энантиосемизации лексического значения.

Это прилагательное, как и многие адъективы относительного разряда, приобрело в процессе своего функционирования значение качественности. Восходящее по своим словообразовательным связям к существительному *норма*, прилагательное сохраняет в значении семантику производящей основы, что отражается в словарных толкованиях: *Нормальный* – «соответствующий норме, обычный» [5]; «не отклоняющийся от нормы; обычный» [3]; «соответствующий норме, не выходящий из какой-нибудь нормы» [8]; «соответствующий норме, обычный» [4]; «рядовой, обычный» [1]. Через производящую основу значение прилагательного соотнесено с понятием о *норме*, которая, согласно словарям, определяется как: «1. Узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь. 2. Установленная мера, средняя величина чего-нибудь» [4; 5]. В связи с этим возникает вопрос, что и почему считается *нормальным*в книге В. Сорокина «Норма» (М., 1994). Здесь представлен перечень событий и явлений в жизни *нормального* – надо понимать, рядового, обычного, – человека от его рождения до смерти: ***Нормальные*** *роды,* ***нормальный*** *мальчик,* ***нормальный*** *животик,* ***нормальные*** *ползунки, <…>,* ***нормальный*** *наркоз,* ***нормальная*** *смерть.* Если основная масса сочетаний в этом перечне, в общем, понятна и однозначна, то конструкции типа *нормальный вывих, нормальная самоволка, нормальное предательство, нормальный миокардит, нормальное равнодушие* и т. п. вызывает диссонанс восприятия смысла, поскольку сами они организованы на основе диссонанса лексической сочетаемости, на противоречии и алогизме. Происходит это в тех случаях, когда в качестве опорного слова выступает существительное – название какого-либо явления, которое в принципе само является нарушением нормы и представлений об общепринятом, тем более ‘узаконенном’, порядке и никак не должно определяться как *нормальное* явление: это болезни, нарушение порядка, закона, норм поведения и т. п. В самом деле, может ли быть *нормальным* в прямом смысле *предательство* или *самоволка*, *миокардит* или *цирроз*? Ответ здесь напрашивается отрицательный. Ср. также следующие фрагменты: 1) *«Ребята, это не ваххабит. Ваххабиты не пьют. Это наш,* ***нормальный*** *алкоголик». Солдаты стали смеяться. «Старик, тебе денег дать на опохмел? – Я пью на свои!»* (Герман Садулаев. Шалинский рейд). *Нормальный алкоголик* – это, значит, не враг, это «наш», которому можно доверять. По сути своей ненормальное состояние человека – пьянство, алкоголизм – в специфической ситуации становится маркером, позволяющим опознать «своего» или «чужого», то есть превращается в норму, надстроенную над не-нормой: 2) *Пока я смотрел и соображал – стал он собираться к выходу, не переставая говорить. И тут я увидел, что никакой гарнитуры в ухе у него нет. Не бизнесмен он, а самый обычный,* ***нормальный*** *сумасшедший* (Михаил Бару. Записки понаехавшего); нормальный в данном контексте – предсказуемый, типичный сумасшедший.

Комментируя фрагмент из упомянутой книги В. Сорокина, Н.С. Валгина отмечает: «По этому перечню можно безошибочно определить типичность намеченной пунктирами социальной среды, неизбежную этапность жизненного пути; стереотип жизненных условий и потому стереотип поведения индивидуума» [2, с. 50]. Понятие нормы, таким образом, может быть связано с представлением о предсказуемости, т. е. об отношениях причинной обусловленности и, как следствие, временной зависимости между событиями и явлениями в жизни человека.

Прилагательное в таком контексте призвано характеризовать не отдельное явление, к которому оно приписано, а в целом макроситуацию – обычную среднестатистическую жизнь обычного среднестатистического человека. И в этом смысле события, сами по себе являющиеся нарушением нормы, оказываются *нормальными*, т. е. типичными, обычными, потому что они происходят практически с любым человеком и предсказуемы. *Нормальный* – значит, одинаковый с кем-то или чем-то, с каким-то; такой, как у всех. Прилагательное становится средством выражения генерализованной, обобщенной семантики.

Если же рассматривать сочетания вроде *нормальное предательство, нормальная самоволка* в изолированном виде, можно предполагать здесь смысловую связь, близкую к оксюморону, на основе чего в значении прилагательного возникает энантиосемичный компонент. Как уже отмечалось, существительные в подобных случаях предполагают в своей семантике сему ʻотклонение, нарушение нормы, установленного порядка, правила'. Сочетание их с прилагательным *нормальный* допустимо и принимается говорящим только в ироничном смысле, сам адъектив оказывается, с одной стороны, средством выражения этой иронии, с другой стороны, расширяет свою семантическую сферу, приобретая ярко выраженный коннотативный компонент. Учитывая обобщенность и некоторую размытость исходного лексического значения прилагательного, нужно отметить значимую роль окружающего контекста – от опорного существительного до целостного высказывания или даже текстового фрагмента. Влияние, конечно же, будет оказывать и экстралингвистическая составляющая, где большая роль отводится интонационному оформлению.

В «Словаре-тезаурусе русских прилагательных» [6] лексема *нормальный* соотнесена с тремя тематическими группами: 1) «человек и его внутренний мир» – «общая оценка» – «нормативная оценка» (в этой группе в общий список включено и антонимичное прилагательное *ненормальный*); 2) «общественно-государственная сфера» – «медицина» – «человек» – «болеющий человек» (здесь также наблюдаем соотнесенность с антонимом *ненормальный*); 3) «универсальные представления, смыслы и отношения» – «универсальные смыслы» – «обычность / исключительность» – «обычность». Приводимые в словаре иллюстративные сочетания реализуют исходные значения адъектива, не нарушая сочетаемостных возможностей слов.

В обиходном употреблении *нормальный* определяет предмет или явления по отношению к некоему усредненному стандарту, который задает ту самую норму и ее варианты применительно к некоторому множеству однородных сущностей. *Нормальный* значит ничем не выдающийся, не отличающийся от себе подобных, будь то живое существо или неодушевленный предмет. В крайнем проявлении такая *нормальность* превращается в *безликость*: *Серая масса усредненная ничем от других невыделяющийся. Куда толпа туда и он»* (орфография и пунктуация сохранена; из опроса «Нормальный человек. Какой это человек в вашем понимании» – touch.otvet.mail.ru); *«Чтобы быть* ***нормальным*** *человеком, достаточно никого не напрягать, быть как большинство, или быть серой мышью»* и т. п. Для сравнения пример из художественной прозы: *Валера, ты не представляешь, какое это наслаждение – понять, что ты не талантливый, не очень умный, не выдающийся, а вполне заурядный,* ***нормальный*** *человек* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен). Любое отклонение от обычности, типичности в поведении, предсказуемости выводит человека из разряда *нормальных*: *Он бросил к этому времени Технологический институт, насмерть разругался с отцом, профессором партийных наук, ушел из дому и женился на сорокалетней отставной балерине, чем вбил последний гвоздь в гроб своей репутации* ***нормального*** *человека* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Нормальным также может считаться нечто связанное с большим количеством: *И начало всему положила новость, которая обрушилась на него, как мешок с цементом. Не маленький, пятикилограммовый, а* ***нормальный*** *такой, килограммов на шестьдесят.*

Нет, пожалуй, на сто (Марина Зосимова. Ты проснешься. Книга первая); – *Куда же вы, бедные, по жаре? – спросила Лора. – В оплот мировой цивилизации – райцентр Лихаревка, – ответил Скворцов. – Боевая задача – ознакомиться с рыночной конъюнктурой и, если удастся, что-нибудь приобрести. А жара самая* ***нормальная*** *– сорок в тени, пятьдесят на солнце* (И. Грекова. На испытаниях). Контекстуальное антонимическое противопоставление в первом случае *маленький – нормальный* приводит к осмыслению значения рассматриваемого прилагательного как показателя большого, как уже было сказано, количества, что не соотносимо с нормой. Во втором случае ироничный в общем контекст позволяет одному из героев также в ироничном ключе оценить критически высокую температуру как соответствующую норме.

Рассмотренные случаи далеко не исчерпывают семантические нюансы употребления прилагательного *нормальный* в различных контекстуальных условиях. Проведенные наблюдения приводят к выводу о достаточно существенных семантических сдвигах в значении этого слова по сравнению с исходным лексическим значением и гораздо большем семантическом потенциале этого адъектива, нежели это представлено в словарях.

Список использованной литературы

1. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 2001. 568 с.
2. *Валгина Н.С.* Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
3. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М., 2000.
4. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
6. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам. М.: Словари.ру, 2016. 785 с.
7. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Изд. центр Терра. Т. 2, 1996.

Н.А. Назарова
Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

УДК 811.11-112

Социолингвистические аспекты изучения иноязычных слов

Аннотация. В статье рассматривается социолингвистический подход к изучению иноязычной лексики, описывается социальная природа языка и социальный контекст процесса заимствования. Автор анализирует понятие социолекта как основу для получения конкретных научных результатов в исследовании заимствований, а также раскрывает его сущность и роль в исследовании процесса заимствования иноязычной лексики. В статье приводится план подробного анализа социолекта для комплексного и многоаспектного описания подсистемы общенационального языка.

Ключевые слова: социолингвистика, заимствование, социальные группы, социолект, иноязычная лексика.

N.A. Nazarova
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

Sociolinguistic Aspects Studying of Foreign Words

Abstract. The article deals with the sociolinguistic approach to the study of foreign lexical units, describes the social nature of the language and the social context of lexical borrowing. The author analyzes the concept of a sociolect as a basis for obtaining specific scientific results in the lexical borrowing study, and also reveals its essence and role in the research of foreign lexical borrowing. The article provides a plan for a detailed analysis of a sociolect to get a comprehensive and multidimensional description of a national language subsystem.

Keywords: sociolinguistics, lexical borrowing, social groups, sociolect, foreign lexical units.

Изменения, происходящие в последнее время в обществе, а именно: процессы глобализации мирового пространства, укрепление международных отношений и расширение культурных контактов народов, перемены в системе государственного устройства и экономического уклада нашей страны, развитие информационных технологий и усиление информационных потоков – приводят к постоянному появлению новых иноязычных слов в современном русском языке.

Под иноязычной лексикой в данной работе мы, присоединяясь к другим исследователям, таким как Р.А. Будагов, А.А. Залевская, Л.П. Крысин, А.А. Леонтьев, Т.Ю. Сазонов, Н.М. Шанский и другие (см. об этом: [1; 2; 4]), понимаем частично ассимилированные слова, которые сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей, чуждых исконным словам. Такие слова употребляются в речи, но не являются частью лексической системы использующего языка, в отличие от полностью ассимилированных заимствований.

Проблема заимствования широко исследовалась многими лингвистами, поскольку лексические заимствования являются естественным и закономерным процессом изменений и развития языка. Язык – это функционирующая система, тесно связанная с разными сторонами общественной жизни. Исследованием взаимоотношений между языком и обществом занимается социолингвистика. Социолингвистический подход к изучению лексики предпола-

© Н.А. Назарова, 2019

гает разграничение собственно языковых закономерностей, по которым происходит формирование и развитие словарного состава, и социальных факторов, влияющих на ход этих процессов, определяющих природу «социальной дифференциации языка» [3, с. 98].

Социальная природа языка обнаруживается во всевозможных экстралингвистических факторах: в способах влияния на язык «социальных институтов», в условиях развития, в особенностях воздействия на него литературы, науки, искусства и т. д. При этом необходимо учитывать, что язык сам является социальным феноменом, и его социальная природа обусловлена его назначением, его функцией, его ролью в обществе.

Следовательно, изучение полной картины такого многопланового процесса, как заимствование, невозможно без учета изучения его с социологической точки зрения. Л.П. Крысин отмечал, что иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, в котором перекрещиваются самые различные социальные оценки, то есть исследование внедрения иноязычных слов в систему языка-реципиента будет недостаточным, если изучать лишь их лингвистическую сторону и не учитывать аспекты, связанные с их социальным контекстом. Среди многочисленных социальных факторов (территориальное перемещение людей (миграция), распространение просвещения, развитие науки, появление технических новинок и т. д.) выделяют три самых существенных: социальная принадлежность отправителя, социальная принадлежность получателя и обстановка (У. Брайт).

Принято рассматривать следующие аспекты изучения процесса заимствования и его результатов, предполагающие привлечение к их анализу социального контекста:

– причины заимствования (лингвистические и экстралингвистические);

– определение вероятного источника заимствования;

– путь иноязычного слова в языке-реципиенте, роль различных социальных групп и сфер использования как проводников новых иноязычных слов в общее употребление;

– функционально-стилистические и коммуникативные особенности иноязычной лексики.

Выделенные аспекты в совокупности с языковыми факторами составляют социолингвистический контекст заимствования. В последнее время процесс заимствования и его результаты изучаются в рамках определенных социолектов. Именно социолект является социолингвистической базой для получения конкретных научных результатов в исследовании заимствований, так как освоение заимствованной лексики реально происходит в социолектах, и в каждом социолекте по-разному.

Термин «социолект» появился не так давно, примерно во второй половине XX века. Первая часть «социо-» указывает на отношение к обществу, а вторая является компонентом слова «диалект», то есть это стяжение словосочетания «социальный диалект» в одно слово. Социолект – это совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе в рамках той или иной подсистемы национального языка. Социальные группы могут быть возрастные, профессиональные, этнические, территориальные, конфессиональные и т. д.

Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации, поскольку это просто особенности речи (слова, словосочетания, синтаксические конструкции), направленные на обслуживание коммуникативных потребностей социально ограниченных групп людей (студенческий сленг, политический социальный диалект, профессиональный язык программистов и т. д.).

Поскольку в настоящее время международным средством общения в мировой межкультурной ситуации считается английский язык, то языковая экспансия, обусловленная активным проникновением политических, социально-культурных и экономических реалий в повседневную жизнь, находит свое отражение в появлении большого количества англоязычных слов во всех группах социолектов, как например:

– экономическая сфера (коучинг, клиринг, кластер, дедлайн, сейл, инвестиция, бюджет, франшиза и т. д.);

– политическая сфера (инаугурация, экспансия, коррупция, мэр, вице-мэр, спикер, митинг, конгрессмен, апартеид, лобби, импичмент и т. д.);

– компьютерные технологии и социальные сети (мессенджер, видеоблогер, провайдер, оффлайн, селфи, аккаунт, стартап, интерфэйс и т. д.);

– молодежный сленг (спойлер, лайк, забанить, шопинг, хаер, тинейджер, шоу-рум, риспект и т. д.);

– спортивная сфера (фитнес, фристайл, виндсерфинг, ски-стрим, бобслей, плей-офф, файтер, армрестлинг, овертайм, кикбоксинг и т. д.);

– музыкальная сфера (сингл, трек, римейк, модерн-джаз, инструментал, арт-рок, саундтрек и т. д.);

– косметика (лифтинг, пилинг, скраб, мейкап, консилер, вейниш-крем и т. д.) и др.

Подробный анализ социолектов, который приводит к комплексному многоаспектному описанию подсистемы общенационального языка, невозможен в настоящее время без анализа заимствованной иноязычной лексики, входящей в них, и поэтому он заключается не только в сравнении социально детерминированной языковой подсистемы и литературного языка и в изучении речевой коммуникации и речевого поведения представителей данной социальной группы; но и в распределении иноязычных лексических единиц, присущих данной группе, по функционально-стилистическим пластам (термины, профессионализмы, жаргонизмы), в исследовании процесса фразеологизации заимствованных сверхсловных единиц и в выявлении способов заимствования и ассимиляции англоязычной лексики.

Заимствование является многосторонним процессом, и при изучении социолекта одной из социальных групп могут привлекаться иноязычные слова как из смежных групп, так и из далеких от нее областей, что наглядно демонстрирует реальную динамику социально-лингвистического взаимодействия в рамках национального языка и показывает, что процесс заимствования – это не только расширение лексики языка, но и освоение чужого опыта через язык. Как утверждал один американский исследователь, «восприятие мира людьми зависит от языка, которым он владеет» [5].

Процесс пополнения и расширения лексического состава любого языка – это естественный и неизбежный процесс. Некоторые иноязычные слова используются просто как дань моде, а некоторые уже приобрели социальную значимость и занимают прочную позицию в русском языке, обозначая реалии или разграничивая понятия. Задачей современного человека является научиться правильно их использовать.

Таким образом, изучение лексики современного русского языка, включая заимствованные и иноязычные слова, ее современного состояния и соотношения с прежним ее состоянием является важным и значимым в современном обществе, поскольку позволяет свидетельствовать о развитии языка, его совершенствовании или упадке, а также дает возможность прогнозировать его будущее на основе выявленных тенденций его развития.

Список использованной литературы

1. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.

2. *Будагов Р.А.* Человек и его язык // Вопросы языкознания. № 6. М., 1970. С. 3–14.

3. *Брайт У.* Параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып. VII. М., 1975. С. 34–41.

4. *Крысин Л.П.* О перспективах социолингвистических исследований в русистике // Русистика. № 2. Берлин, 1992. С. 96–106.

5. *Линде Ю.* Интервью с доктором филологических наук, профессором Л.П. Крысиным // Виноград. 2007. № 3 (19). URL: https://www.vinograd.su/education/detail.php?id=42907 (дата обращения: 03.02.2019).

Т.Г. Николаева
Самарский государственный
социально-педагогический университет,
г. Самара

УДК 81'367

Особенности семантически осложнённых предложений с субъектными и объектными предикативными атрибутами как разновидность связанных структур в современном английском языке

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению английских предложений с субъектными и объектными предикативными атрибутами, осложняющими их семантическую структуру. В англистике нет специального исследования, направленного на комплексное изучение механизма формирования подобных структур в рамках семиологической модели языка, учитывающей тесную связь синтаксиса, семантики и прагматики.

В данной статье осуществляется общетеоретическое осмысление такого специфического языкового явления для синтаксиса английского языка, как связанные структуры, раскрывается механизм, детерминирующий его особенности на синтаксическом, семантическом и понятийном уровнях, а также анализируются условия формирования особого лексического и категориального значений предиката в рамках контекста, в котором выступают эти модели.

Ключевые слова: связанная структура, субъектный предикативный атрибут, объектный предикативный атрибут, предикат, дуплексивность, пропозиция.

T.G. Nikolayeva
Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russia

Features Semantically Complicated Sentences with Subject and Object Predicative Attributes as a Variety of Related Structures in Contemporary English

Abstract. The article is devoted to the study of English sentences with subjective and objective predicative attributes, complicating their semantic structure. English linguistics doesn't contain any special research aimed at comprehensive analysis of the mechanisms of forming of such structures according to semiological language model, taking into account the connection between syntax, semantics and pragmatics.

In this article the author gives a general theoretical understanding of connected structures as one of specific phenomenon in the English syntax. Besides, he reveals the mechanism, determining its peculiarities on syntactic, semantic and notional levels and analyses the conditions of forming of a specific lexical and categorical meanings of a predicate in the context of functioning of these models.

Keywords: connected structure, subjective predicative attribute, objective predicative attribute, predicate, duplexivity, proposition.

В современном английском языке существует особый тип построений, образованный по определенной схеме, которая детерминирует ограниченное количество конституентов и установление между компонентами внутри конструкции определенных жестких отношений. Данные структуры предполагают жесткую селективность лексических единиц в качестве компонентов построений и характерную асимметрию их оформления и ролевого статуса.

© Т.Г. Николаева, 2019

Структуры типа *She was appointed chef / They appointed her chef* существуют не только в английском, но и в других языках. Однако именно здесь они отличаются большой частотностью, выступая одной из характерных черт английского синтаксиса.

Так как английский язык является языком изолирующего типа, то главную роль в формировании речевой цепочки играет организация лексических единиц в пределах построения, а также место каждой лексической единицы. Тем не менее, степень фиксированности порядка слов в значительной мере определяется и основным способом оформления синтаксических связей [6, с. 114].

Утрата флексий в английском языке привела к уходу на второй план согласования как типа связи слов, в результате чего большое распространение получило примыкание, в котором основная роль принадлежит семантической связи лексических единиц. Тем самым возникновение конструкций с предикативными атрибутами представляет собой результат естественного исторического развития английского языка.

Стоит отметить, что в современной лингвистике существует достаточное количество работ, посвященных изучению разных аспектов конструкций с предикативными атрибутами, что объясняется необычным и комплексным характером подобного языкового феномена. Тем не менее, несмотря на достаточно широкое освещение объекта исследования в научной литературе, некоторые вопросы до настоящего времени остаются нерешенными. Именно поэтому назрела необходимость проанализировать предложения, осложнённые предикативными определениями, с позиций семиологии и когнитивной лингвистики.

В рамках семиологической грамматики данные конструкции трактуются как особые связанные структуры, представляющие собой синтаксические конструкции, образованные на основе жесткой модели с ограниченным числом компонентов, не склонной к расширению [6, с. 90].

С точки зрения формальных признаков анализируемые синтаксические конструкции являются простыми предложениями, не нарушающими границы основной модели предложения. Основные модели, по мнению Г.А. Золотовой, имеют максимально простую организацию, являясь симметричными в синтаксическом, морфологическом и семантическом плане. Модификации структур обусловливают асимметрию языкового знака, которая наблюдается в связанных структурах в результате действия главного механизма их образования – наложения структурных схем, представляющего собой частичное совмещение структурных схем разных пропозициональных сущностей, приводящее к формированию общего компонента, осмысляемого на формальном или семантическом уровнях. Наличие одного общего компонента делает его центральным, стержневым с формальной точки зрения. При этом из-за наложения происходит трансформация не только структурной, но и семантической организации конструкции [2, с. 123].

Укажем, что в семантически осложнённых предложениях с предикативными атрибутами центр формального уровня образует стержневой компонент, приводящий к фиксированности конструкции. На семантическом уровне центром выступает предикат первой пропозиции [4, с. 234].

Наложение структурных схем нарушает линейный порядок, в результате чего возникает общий компонент, имеющий облигаторный функционально-двойственный характер (дуплексивность). Также может иметь место импликация избыточного компонента в сфере субъекта или объекта. Следствием приема наложения выступает целостное восприятие данной структуры [3, с. 87].

В результате наложения структурных схем и появления общего стержневого компонента, определяющего отсутствие соответствия между поверхностной и глубинной структурой предложения, формируется конструкция с объемной, двухуровневой синтагматикой, исходящей от ключевого элемента. При этом роль предикатов в конструкциях с

предикативными атрибутами неравнозначна с точки зрения грамматики и семантики: первый предикат является главным, ведущим в силу своего грамматического оформления [1, с. 25].

Опираясь на приведённые выше параметры связанных структур, можно указать главные принципы их оформления: принцип представленности двумя пропозициями (иногда формально в усеченной форме) и принцип компенсации, состоящий в перераспределении семантической важности и грамматической оформленности компонентов в результате перераспределения функциональных ролей компонентов конструкции.

Говоря о семантически осложнённых предложениях с субъектными предикативными атрибутами, отметим, что по способу построения они состоят из двух пропозиций, все компоненты которых являются обязательными, а их вычленимость приводит к изменениям коммуникативно-прагматического значения всего предложения. Первая пропозиция усечена за счет имплицитно представленного субъекта действия, однако, в отличие от конструкций со сложным подлежащим, во второй пропозиции нет глагольного компонента, указывающего на явно обозначенную субъектно-предикатную связь.

В самом общем виде специфику конструкций с предикативным субъектным атрибутом можно представить как объединение двух пропозиций, в развернутом виде дающих следующие структуры: *They painted the house. + The house became white. → The house was painted white.* В силу частичного наложения структурных схем некоторые компоненты имплицируются, а их функции перераспределяются между другими компонентами, объединяющими в результате этого две функции. Предикативный атрибут грамматически и семантически связан с предикатом и семантически связан с подлежащим предложения. Что касается предиката, то он одновременно выполняет функцию связочного н полнозначного глагола, что приводит к модификации его лексического значения и к переходу его в новый категориальный статус. Еще одним контаминированным компонентом выступает подлежащее предложения, выполняющее функцию объекта предиката и субъекта второй препозиции [5, с. 201].

Следует отметить, что формирование конструкций с субъектным предикативным определением на формальном уровне осуществляется при помощи оформления предиката пассивом или активом с имплицированным субъектом действия. Признак трактуется здесь как временный, а интервал его действия определяется временем действия вызвавшей его причины.

В конструкциях с субъектным предикативным атрибутом второй предицируемый член содержит качественную характеристику лица/предмета, приобретенную вследствие воздействия, вот почему данные конструкции передают семантику фактитивности / результативности.

Анализ эмпирического материала показал, что в роли лексических компонентов в структуре конструкций с субъектным предикативным атрибутом чаще всего функционируют акциональные глаголы: глаголы действия (*push, split, dance* и т. д.), глаголы физического действия (*shut, tear* и т. д.), глаголы номинации (*name, call* и т. д.), глаголы со значением «придание цвета» (*paint, shadow* и т. д.), «придание статуса», «назначение на должность» (*elect, appoint* и т. д.), а также глаголы перцепции и мнения (*consider, regard, find* и т. д.).

Что касается построений с объектным предикативным атрибутом, то они также представляют собой двупропозициональные структуры, образованные четырьмя обязательными компонентами, отсутствие которых приводит к коммуникативно-смысловой неполноте предложения. В подобных конструкциях наложение осуществляется в сфере объекта первой пропозиции и глагола-связки второй пропозиции [5, с. 254].

Как и в структурах с субъектным предикативным атрибутом, здесь имеет место импликация связочного глагола и контаминированная роль дополнения, которое является

объектом первой пропозиции и субъектом второй пропозиции. Функцию связочного компонента начинает выполнять предикат конструкции, а предикат и предикативный атрибут объединяет семантическая связь, не имеющая грамматического оформления. Обязательный характер данной связи объясняется тем, что именному предикативному компоненту из-за отсутствия грамматически оформленной связи необходима «грамматическая поддержка» смыслового глагола. Именно благодаря данной связи предикативный атрибут семантически дополняет предикат, а предикат, в свою очередь, компенсирует грамматическую недостаточность предикативного элемента. Важно, что предикативный атрибут и объект (субъект второй пропозиции) представляют собой нечто неделимое, что объясняется наличием между ними логической субъектно-предикатной связи, характерной для предмета и признака.

Основное различие между осложнёнными конструкциями с субъектным и объектным предикативным атрибутом состоит в имплицитной репрезентации субъекта воздействия и воспринятого результата в конструкциях с субъектным предикативным атрибутом и в их эксплицитной репрезентации в конструкциях с объектным предикативным атрибутом.

Следует указать на то, что конструкции с предикативным атрибутом отличаются двойной связью предиката с объектом и последующим атрибутом, одна из которых является грамматической (с объектом), а вторая – семантической (с предикативным атрибутом). На присутствие второй связи между предикатом и предикативным элементом указывает строгий частеречный отбор предикативного атрибута и лексических единиц, определяемый значением предиката [4, с. 235].

В конструкциях с объектным предикативным атрибутом функционируют те же подклассы глаголов, что и в конструкциях с субъектным предикативным атрибутом: глаголы физического действия, глаголы речевой, мыслительной деятельности, социального воздействия, глаголы движения. Все они передают семантику результативности или фактитивности.

Таким образом, конструкции с предикативным атрибутом представляют собой связанные структуры – специфические конструкции, характерные для английского синтаксиса, отличающиеся особыми принципами организации.

Список использованной литературы

1. *Гак В.Г.* Проблемы лексико-грамматической организации предложения: автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 1968. 56 с.

2. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. 352 с.

3. *Карцевский С.О.* Об ассиметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В.А. История языкознания 19–20 вв. в очерках и извлечениях. М., 1965. Т. II. С. 85–90.

4. *Николаева Т.Г.* Структурно-семантические особенности дуплексивных ВПС в стилях научной и художественной прозы английского языка // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы Третьей международной научно-практической конференции. Самара, 2008. С. 233–238.

5. *Прохорова О.Н.* Синтаксис связанных структур, образованных по типу комплексов: дис. ... д-р филол. наук. СПб., 1995. 390 с.

6. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика. 5-е изд, стер. М.: URSS, 2012. 360 с.

Е.С. Плешков
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
г. Челябинск

УДК 81’234 + 81’16

Психолингвистическое измерение имени собственного

Аннотация. Статья посвящена изучению имени собственного в психолингвистическом аспекте с привлечением метода свободного ассоциативного эксперимента. Экспериментальные исследования имени собственного входят в сферу психоономастики и являются перспективными для изучения сложной семантики онимов. Исследование имени собственного выполнено на примере названия песен рок-групп. С помощью построения ассоциативных полей показано, что актуализация компонентов значения имени зависит от профессиональной принадлежности индивида.

Ключевые слова: имя собственное, психоономастика, ассоциативный эксперимент, название песни, семантика.

E.S. Pleshkov
South Ural State University
(National Research University),
Chelyabinsk, Russia

The Psycholinguistic Study of a Proper Name

Abstract. The article is devoted to the study of a proper name in the psycholinguistic aspect using the free associative experiment method. Experimental studies of the proper name are in the sphere of psychoonomastics and are promising for the study of complex semantics of onyms. The study of a proper name is performed with the song name of rock bands. Using the associative fields, it is shown that the actualization of the meaning components of a name depends on the professional identity of an individual.

Keywords: proper name, psychoonomastics, associative experiment, song name, semantics.

Традиционно при изучении имени собственного исследователи в основном обращали внимание на лексические аспекты: изучали словообразовательные модели, способы классификации и т. д.

Другими словами, проводилось «лексическое измерение» имен собственных. На современном этапе интеграции научных знаний появляются смежные области лингвистической науки, в частности психолингвистика, позволяющие по-новому осмыслить ономастический материал и «измерить» имя собственное психолингвистической шкалой.

Одной из таких научных областей является психоономастика, которая в интернациональном словаре ключевых ономастических терминов, размещенном на сайте Международного ономастического совета ICOS (International Councilof Onomastic Sciences), определяется как «раздел ономастики, изучающий имена собственные с позиций психолингвистики» [5]. Однако данный термин, как отмечает Н.В. Васильева, на сегодняшний день еще не получил точного определения [1, с. 128]. В связи с этим приобретает актуальность заполнения такой «лакуны» экспериментальными психоономастическими исследованиями с привлечением метода ассоциативного эксперимента. О применении метода свободного ассоциативного эксперимента (далее – САЭ) для исследования имен собственных писал А.А. Чернобров и указывал на то, что семантика имени собственного

© Е.С. Плешков, 2019

«субъективно-ассоциативная» [4, с. 16]. Таким образом, семантическое наполнение онима будет определяться набором ассоциаций, возникающих в языковом сознании индивида.

Классический вариант САЭ предполагает реакцию испытуемого на предъявляемое слово-стимул первым пришедшим на ум словом (реакцией). При этом ничем не ограничиваются ни формальные, ни семантические особенности реакции [2, с. 46].

Реакция в условиях САЭ является «неспровоцированной», действительно свободной, что позволяет интерпретировать ее как вербальную актуализацию некоторого семантического компонента слова-стимула, рассматриваемого испытуемым как наиболее яркий, значимый и важный для его языкового сознания [2, с. 47].

Можно сказать, что имя собственное обладает в большой степени семантической свободой и является открытым для насыщения дополнительными смыслами, что очень важно с точки зрения психоономастики.

В нашем исследовании предпринимается попытка осуществить психолингвистическое измерение названия песни ***D.M.S.O.*** (исполнитель – рок-группа Dead Kennedys).

Для проведения САЭ нами были сформированы две группы испытуемых – группа исполнителей рок-музыки (36 человек) и группа будущих специалистов-химиков (50 человек) в возрасте 18–24 лет. Группа химиков была выбрана, поскольку D.M.S.O. является аббревиатурой, обозначающей название химического вещества (диметилсульфоксид).

Мы предполагаем, что актуализация смысловых компонентов онима будет различной у представителей данных двух групп.

Итак, рассмотрим тенденции, выявленные нами после обработки результатов САЭ и построения ассоциативных полей (далее – АП).

Рассмотрим АП слова-стимула ***D.M.S.O.*** в языковом сознании исполнителей рок-музыки. Ядерная зона (наиболее частотные реакции) представлена следующими реакциями: *песня / song (6), Dead Kennedys (5)*. Ближняя периферия (менее частотные реакции): *группа (2), название песни (2), RunDMC (2)*. Крайняя периферия (единичные реакции) характеризуется следующим составом: *аббревиатура, агент, база, дамба, движет, Доминикана, корневой, корпорация, космос, крыша, можно послушать, на любителя, фирма, шапка, НЛО, don't use it, nothing, rave, something*. Отказы: 0.

Теперь перейдем к рассмотрению содержания АП ***D.M.S.O.*** в языковом сознании будущих специалистов-химиков. В ядерной зоне АП наблюдаем единственную реакцию с высокой частотностью: *растворитель (13)*. Ближняя периферия представлена ассоциатами: *вещество (3), аббревиатура (2), органика (2), эксперимент (2)*. Крайняя периферия: *акроним, банка, бренд, буквы, буквы с точками, директор, ДМСО, запрет, кожа, колба, летучий, наркотики, не знаю, непонятно, правительство, работа, Сенчурин, сокращено, соединение, стаканчик химический, химия, холод, хороший, ЯМР, dimethylsulphoxide,$(CH3)_2SO$*. Отказы: 2.

Нетрудно заметить, что крайняя периферия в обоих случаях отличается богатством и многообразием реакций. Это является общей особенностью значения всех имен собственных. Как справедливо отмечает И.А. Стернин, оно включает бедный набор ядерных семантических компонентов и богатый набор периферийных компонентов [3, с. 71]. Поэтому в процессе анализа смыслового наполнения необходимо учитывать все компоненты независимо от их частотности.

Для исполнителей рок-музыки наиболее важным для их языкового сознания смысловым компонентом является «песня группы Dead Kennedys». Однако и на крайней периферии мы наблюдаем такие реакции, как «можно послушать», «на любителя», что также свидетельствует об актуализации значения ***D.M.S.O.*** как песни. Таким образом, такой смысловой компонент красной нитью проходит через все три зоны АП.

Для будущих специалистов-химиков показательным выступает смысловой компонент «химическое вещество – растворитель». Но также и на периферии наблюдаются ха-

рактерные для языкового сознания химиков реакции. Следовательно, актуализация смысловых компонентов значения того или иного онима определяется особенностями профессионализации индивида. Они накладывают отпечаток на восприятие имени и, кроме того, зачастую стирают границу между именем собственным и нарицательным, как это мы наблюдали в процессе анализа АП.

Подводя итоги, можно сказать, что различные виды экспериментов с именами собственными, в том числе и САЭ, по словам Н.В. Васильевой, выступают одним из направлений психоономастики [1, с. 135]. Поэтому для нас представляются важными дальнейшие исследования в данном направлении: использование других психолингвистических методов для изучения имени собственного, составление профессионального ассоциативного словаря имен собственных и др.

Список использованной литературы

1. *Васильева Н.В.* Заметки о психоономастике // Вопросы психолингвистики. 2014. № 20. С. 128–137.

2. *Виноградова О.Е., Стернин И.А.* Психолингвистические методы в описании семантики слова: монография. Воронеж: Истоки, 2016. 160 с.

3. *Стернин И.А.* Языковой статус имени собственного (в сопоставлении с термином) // Стерин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж: Истоки, 2008. С. 70–74.

4. *Чернобров А.А.* Философские и логико-методологические основы теории номинации (на материале английских и русских собственных имен): дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск, 2002. 371 с.

5. List of Key Onomastic Terms. URL: https://icosweb.net/drupal/terminology (дата обращения: 22.01.2019).

Е.Ю. Позднякова
Алтайский государственный
технический университет им. И.И. Ползунова,
г. Барнаул

УДК 81'373.2 (571.150-25)

Наименования автомагазинов в языковом пространстве города (на примере эргонимов г. Барнаула)

Аннотация. Статья посвящена изучению наименований коммерческих предприятий, объединяемых в современной ономастике под термином *эргоним*. Эргонимы представляют собой результат вторичной номинации, целью которой является создание запоминающегося имени, служащего неким свернутым посланием от номинатора (владельца фирмы) к адресату (потенциальному клиенту), поэтому большое значение имеет мотивированность наименования. В проанализированном материале частотны онимы, мотивированные сферой деятельности, наименованиями лиц-участников автобизнеса, наименованиями автомобильных марок и компаний-производителей автомобилей, названиями стран-производителей автомобилей.

Ключевые слова: ономастика, ономастическое пространство, номинация, коммерческие эргонимы.

E.Yu. Pozdnyakova
Polzunov Altai State Technical University,
Barnaul, Russia

The Proper Names of Auto Shops in the Linguistic Space of the City (for Example Ergonyms Barnaul)

Abstract. The proper names of commercial organizations are under discussion in the article. The term *ergonym* is used to nominate different kinds of business objects. Ergonyms are the result of a secondary, artificial nomination. The purpose of this nomination is to create a bright name which can be used as a kind of minimized, short message addressed from the nominator (the owner of the company) to the addressee (potential client). That's why the motivation of ergonymsplays an important role. The analysis of material showed the frequency of proper names motivated by the sphere of activity, the names of persons participating in auto business, the names of car brands and car manufacturers, the names of countries-car manufacturers.

Keywords: onomatology, onomastic space; nomination; commercial ergonyms.

Наименования коммерческих предприятий являются существенным компонентом ономастического пространства современного города. Конец XX – начало XXI в. ознаменовались «ономастическим бумом»: именоваться начали разнообразные организации, ранее не отмечавшиеся онимически. Актуальность изучения данной группы имен несомненна: удачное название имеет важное значение на этапе выхода компании на рынок, поскольку позволяет решить проблему идентификации и сделать фирму узнаваемой для потенциальных потребителей. Организация с эффектным наименованием получает некоторые преимущества в конкурентной борьбе, поскольку «новые приемы привлечения клиента являются залогом выживания на рынке, и названия предприятий играют здесь далеко не последнюю роль» [5, с. 3].

Названия деловых объединений, «созданных для осуществления деятельности, направленной на получение прибыли и обычно вступающих в конкурентные отношения

© Е.Ю. Позднякова, 2019

с другими аналогичными объединениями», объединяются под термином *коммерческий эргоним* [5, с. 4]. Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» определяет термин *эргоним* как «разряд онима, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [4, с. 166]. Эргонимы представляют собой результат искусственной номинации и отражают особенности языкового сознания номинатора, как отмечает Т.В. Цивьян, «действие называния характеризует называющего (субъект) в большей степени, чем объект называния» [7, с. 54].

Коммерческие эргонимы заключают в себе свернутое, концентрированное послание, направленное от имядателя (владельца) к адресату – потенциальному потребителю, что позволяет современным исследователям рассматривать «слова на вывесках» как своеобразный тип текста. «Вывеска – это особый речевой жанр, представляющий собой письменный текст малой формы («текст-примитив»), расположенный на городском объекте и выполняющий идентифицирующую и рекламную функции» [3, с. 6]. Данная коммуникативная единица может пониматься как редуцированная до одного слова (или словосочетания) коммуникация неличного характера. Необходимо знать законы данной коммуникации, чтобы общение проходило успешно. По мнению Н.В. Шимкевича, «эргоним в условиях конкурентной экономики приобретает черты, определяющие его роль не только как обозначения фирмы, но и как элемента имиджа предприятия, элемента диалога хозяина (номинатора) и клиента (адресата)» [5, с. 11].

Эргонимы в языковом пространстве города представлены многочисленными наименованиями магазинов, торговых центров и торгово-развлекательных комплексов, кинотеатров, предприятий сферы обслуживания (парикмахерских, салонов красоты, спа-центров, саун и др.), отдыха и досуга, гостиничного и ресторанного сервиса, наименованиями туристических фирм и пр. В поле нашего зрения попали названия автомобильных магазинов и салонов, которые начали появляться в городском пространстве сравнительно недавно – в начале 2000-х гг. Расширение городских территорий, появление большого количества новостроек, перемещение жилых кварталов на периферию – все эти явления обусловили увеличение роли транспорта в жизни горожан и, как следствие, способствовали росту количества номинаций в данной сфере.

Объектом данного исследования стали наименования автомобильных магазинов, салонов, автомастерских г. Барнаула, всего было проанализировано более 400 названий. Рассмотрим наиболее важные черты, выделенные при анализе данной группы онимов.

1. Наименования автомагазинов образованы по большей части при помощи лексем, прямо указывающих на специфику деятельности организации.

Распространенной моделью номинации является сочетание *«Авто+ существительное в Им. пад.»: Авто Багажники; Авто Джим; Авто Джин; Авто Индустрия; Авто Краски; Авто Лига; Авто Масла; Авто Опт; Авто Палитра; Авто-Порт; Авто-тракт и др.* Данную особенность отмечает также Н.В. Михайлюкова, характеризуя названия предприятий автобизнеса города Владивостока следующим образом: «Большинство текстов-названий автомагазинов построено по способу сложения, где *авто-* является постоянным элементом» [2, с. 39].

В модели *«Агро+ существительное в Им. пад.»* также содержится описание сферы коммерческой деятельности, подобная модель задействована в названиях компаний, предлагающих товары для спецтехники: *Агромаркет; Агроинвест; Агро-Деталь; Агро-Лидер и др.*

2. В сфере номинации предприятий автобизнеса частотны сложносокращенные слова с постоянными компонентами *агро-, авто-, снаб- и др.: Агропромснаб, Агротрак, Автомаг; Авторемснаб; Автотехцентр; Ремшина; Снабшина; Спецпошив, Шинтранском и др.*

3. Общей тенденцией для многих городов является создание наименований коммерческих организаций при помощи продуктивных моделей, представляющих собой словосочетания со словами «мир», «дом», «торговый дом», «центр», «торговый центр», «империя». Т.В. Шмелева относит генитивные конструкции со словами «мир» и «дом» к моделям, выработанным еще в советской торговле, ученый пишет: «Казалось бы, новая эмпоронимия должна отбросить их как отработанные, но, напротив, они приобретают необыкновенную популярность. Это относится в большей степени к «мировой модели»: сегодня в любом городе можно найти магазины с названиями Мир спорта, Мир детства, Мир паркета» [6, с. 120]. Данная тенденция отражена в следующих номинациях:

– «дом»: *Дом автомобиля; Торговый дом Автокомпас; Торговый дом Стародубов и др.*;

– «центр»: *Автоцентр Авто-доктор; Автоцентр Андрющенко; Автоцентр ЗИЛ; Автоцентр Новороссийская; Ауди центр Барнаул; АлтайАвтоцентр; Алтай Дизель Центр; Центр авторазбора Авто Спринт-Сервис; Трак Центр и др.*;

– «империя»: *Империя Звука*;

– «мир»: *Мир аккумуляторов, Мир запчастей; Мир тюнинга; Мир масел и др.*

4. В наименованиях автомагазинов ярко проявляется региональная специфика, например:

– в составе эргонимов используются топонимы *Алтай, Сибирь, Барнаул: Автосибирь; Агромаркет Сибирь; АГАС Барнаул; Алтай offroads; Ауди центр Барнаул; Тойота-Барнаул и др.*;

– в онимах встречается цифровое обозначение региона – 22 (Алтайский край): *АБС 22; Автозапчасти 22; Автолэнд 22; Автошина 22; Автоцентр Ама 22; Адаптер 22; Гибридсервис 22; Запаска 22; Колесница 22; Мотохаус 22; Ниссан 22; Формула 22; Центр Грузовик 22; Avtorezina-22; Koleso 22; Rezina 22 и др.*

5. Большое количество автоэргонимов мотивировано наименованиями автомобильных марок и компаний-производителей автомобилей: *Автомагазин Ода; ВАЗ тюнинг; Вольво Партнёр; Запчасти ВАЗ; Запчасти Опель; Запчасти Тойота Королла; Лексус-Барнаул; Москвич и Жигули; Магазин Камаз; Автозапчасти Renault; Nissan Авто; Nissan; Makk – Мир аккумуляторов; Hyundai&Kia; Golf и др.*

6. Наименования предприятий автобизнеса могут содержать указание на страну-производителя автомобиля, причем как прямое, например, в таких эргонимах как *Автоевропа; Алтай Авто Корея; JapanTrek; Франция & Корея Shop;* так и косвенное: *Авто Токио; Сеул-Авто; Сан райз; Сакура Моторс и др.*

7. При анализе выявлена также такая особенность, как использование местоимений *мой, свой, ваш* в наименованиях коммерческих предприятий. Подобные номинации способствуют сближению продавца и потребителя и связаны с установкой на адресата – потенциального клиента фирмы: *Автомагазин «Свой»; Автосвой; ВАЗ для вас; Ваш автобагажник; Моя Corolla; Моя Suzuki; Свой автосервис и др.*

8. Высокое качество предлагаемого товара и профессионализм оказываемых услуг подчеркиваются в наименованиях *Вип-Авто; Автостатус; Автофаворит; АкустикПрофи; Автолюкс; ГОСТдеталь; Евростандарт Автолайф; Космос; Кумир; Мастеркарс; Перспектива; Чемпион; Шина-Люкс и др.* По словам Е.Н. Булатниковой, «под влиянием ценностной ориентации общественного сознания на западную потребительскую культуру значимость признаков ‘престижность’, ‘символ достатка’, ‘символ статуса’ в русской языковой картине мира в постсоветский период усиливается» [1, с. 20], что объясняет обилие эргонимов, актуализирующих данные признаки.

9. В названиях автомагазинов встречается лексика внелитературной сферы, представленная:

– лексическими единицами автомобильного жаргона, например: *Запаска 22, Кореец; Японец и др.;*

– разговорно-просторечными номинациями: *Автопримочки; Грузовичок; Дизелист; Дальнобойщик; Иномарка и др.*;

– неофициальными микротопонимами: *Левый берег Оби; Старый мост; Правый берег и др.*

10. При создании наименований предприятий автобизнеса используются онимы, мотивированные наименованиями лиц, задействованных в автомобильной сфере, например: *Автолюбитель; Автомаляр; Автомастер; Механик; Завгар и др.*

11. В анализируемом материале зафиксированы предложно-падежные конструкции, например:

– модель *«Предлог + Сущ.»*: *Автозапчасти на ВРЗ; На Солнечной поляне; Шины на Гридасова и др.*;

– модель *«Всё для + наименование марки автомобиля»*: *Всё для УАЗ; Запчасти для Рено; Запчасти для японцев и др.*

12. Отметим также наличие небольшого количества образных наименований, образованных при помощи лексико-семантической трансформации: *Малярный рай; Подкова; Автообувь; Авто-доктор; Квадратное колесо; Колесница 22.*

Таким образом, проведенный анализ наименований предприятий автобизнеса показал, что по большей части «автоэргонимы» содержат прямое указание на специфику деятельности организации. Эргонимы представляют собой результат вторичной номинации, целью которой является создание запоминающегося имени, способного осуществлять прагматическую функцию и служить неким свернутым посланием от номинатора (владельца фирмы) к адресату (потенциальному клиенту), поэтому большое значение имеет мотивированность наименования. Частотны онимы, мотивированные сферой деятельности (с постоянными элементами *авто-* и *агро-*), наименованиями лиц-участников автобизнеса, наименованиями автомобильных марок и компаний-производителей автомобилей, названиями стран-производителей автомобилей. Несмотря на то что сфера коммерческой номинации дает широкий простор для проявления индивидуальности имядателя, в данной группе имен используются номинативные модели, отражающие общие тенденции. Особо отметим, что в эргонимах заключена региональная специфика: «слова на вывесках» участвуют в создании образа города, образуют его неповторимое языковое пространство.

Список использованной литературы

1. *Булатникова Е.Н.* Концепты лошадь и автомобиль в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 21 с.

2. *Михайлюкова Н.В.* Названия предприятий автобизнеса в языке города Владивостока: жанровый аспект // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2014. № 11. С. 37–42.

3. *Михайлюкова Н.В.* Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): автореф. дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2013. 27 с.

4. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.

5. *Шимкевич Н.В.* Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.

6. *Шмелёва Т.В.* Ономастика: учебное пособие. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с.

7. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. 2-е изд., доп. М.: КомКнига, 2005. 280 с.

Д.В. Садиева
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 81'373

Использование метода дополнения языкового знака при изучении особенностей функционирования аббревиатур в русском языке

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей употребления аббревиатуры в рамках конкретного контекста. Основной метод исследования – психолингвистический эксперимент с использованием метода дополнения языкового знака. Испытуемые – учащиеся общеобразовательных школ в возрасте 16–17 лет. Цель исследования − выявить особенности восприятия и идентификации аббревиатур реципиентами, а также характер функционирования исследуемых языковых единиц в типичных для данной референтной группы контекстах. Анализ экспериментального материала выявил у реципиентов высокий уровень владения аббревиатурами в сравнении с использованием полных лексических эквивалентов, особенности влияния контекста на выбор языкового знака и влияние языкового знака на семантику контекста.

Ключевые слова: аббревиатура, языковой знак, сокращенное слово, контекст, психолингвистический эксперимент, метод дополнения языкового знака.

D.V. Sadiyeva
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Using the Method of Additions of the Linguistic Sign in the Study of the Peculiarities of Abbreviations in the Russian Language

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the use of abbreviations within a specific context. The main research method is a psycholinguistic experiment using the method of complementing a language sign. The subjects – students of secondary schools aged 16–17 years. The purpose of the study is to identify the characteristics of perception and identification of abbreviations by recipients, as well as the nature of functioning of the language units under study in typical contexts for this reference group. Analysis of experimental material revealed a high level of abbreviations in recipients compared to the use of full lexical equivalents, features of context influence on the choice of language sign and the influence of the linguistic sign on the semantics of the context.

Keywords: abbreviation, language sign, abbreviated word, context, psycholinguistic experiment, language sign addition method.

Для современной лингвистики остаются актуальными вопросы, связанные с социолингвистической и когнитивной парадигмами изучения аббревиатур: тенденции развития аббревиации, образование значения аббревиатурных единиц и способы их расшифровки и вербализации.

Цель данной статьи – выявление возможности использования метода дополнения языкового знака (направленного ассоциативного эксперимента) для изучения восприятия и идентификации аббревиатур носителями русского языка.

Метод исследования – психолингвистический эксперимент с использованием метода дополнения языкового знака (направленный ассоциативный эксперимент). В данной работе под языковым знаком понимается любая единица языка, служащая для обозначе-

© Д.В. Садиева, 2019

ния предметов или явлений действительности и их отношений [1, с. 339], в том числе и аббревиатура.

Эксперимент был проведен в 2018 году. Испытуемые – 77 учащихся средних общеобразовательных школ (г. Астана) в возрасте 16–17 лет. Все участники эксперимента указали в анкете русский язык как родной.

Экспериментальный материал – 6 предложений с 8 пропущенными позициями, которые необходимо заполнить. Таким образом, у испытуемого возникала необходимость исходя из полученной в предложении информации вставить пропущенную языковую единицу: слово, сложносокращенное слово, аббревиатуру, словосочетание.

Выбор предложений обоснован наличием возможных альтернативных вариантов (общих и частных), частотностью употребления аббревиатур, актуальностью для группы респондентов (учащихся школ). Под общими вариантами в рамках данной работы мы понимаем использование наиболее распространенных аббревиатур в рамках указанного контекста (вуз, ТВ), под частными вариантами − конкретные наименования реалий (МГУ, НТК).

Испытуемым не было дано установки «вставить аббревиатуру», т. е. участники эксперимента могли использовать любые языковые единицы.

Результаты эксперимента

1. *На телефон пришло _____ оповещение об изменении погоды* – в предложении пропущена аббревиатура СМС (SMS) на кириллице или латинице. Выбор контекста обусловлен тем, что по всей территории Казахстана на телефоны приходит автоматическое смс-уведомление об изменении погоды на казахском и русском языках. При восстановлении предложения 46 испытуемых вставили аббревиатуру (СМС, SMS), 16 указали полную лексическую единицу (сообщение), в остальных случаях были предложены единичные варианты ответов, в числе которых даты, номер телефона, число.

2. *В конце 11 класса мне нужно сдать ____, чтобы поступить в _____*. Предложение обусловлено актуальностью для учащегося 11 класса, который готовится к выпускным экзаменам: к ЕНТ, ЕГЭ или любому другому зарубежному экзамену. Во втором пропуске предполагалась вставка аббревиатуры *вуз* или любого наименования вуза (*ЕНУ, МГУ, РУДН* и др.). При восстановлении предложенного контекста 44 испытуемых указали аббревиатуры (в том числе *ЕНТ, ЕГЭ, SAT, IELTS, ИГА*), 33 – полное слово (название экзамена, который необходимо сдать учащемуся). На месте второго пропуска в данном предложении 43 испытуемых указали аббревиатуру *вуз*, а также наименования стран или учебных заведений, 30 испытуемых указали полнозначное слово (наименование вуза, страны или города), в остальных случаях испытуемыми были предложены более развернутые ответы, например, «*поступить учиться на переводчика, поступить в технический вуз*».

3. *По ____ показали фильм об искусстве.* Выбор предложения обусловлен массовым использованием интернета и телевидения. На месте пропуска 28 испытуемых указали аббревиатуру (*ТВ, TV,* а также наименования конкретных телевизионных каналов), 43 – полнозначное слово *телевизор*, а также наименования-словосочетания, например «Viasat History».

4. *Я хочу переехать жить в _____*. В данное предложение испытуемые вставляли полные наименования стран или городов. Аббревиатуры не использовались.

5. *Чтобы стать _____ специалистом, мне нужно долго учиться.* Поскольку учащиеся старших классов определяют свою будущую профессию, специальность, род занятий, данный контекст является для них актуальным. Структура предложения, положение пропуска перед именем существительным, которое может сочетаться с различными именами прилагательными, обозначающими его признак, качество, «спровоцировало» испытуемых на вставку таких словоформ, как *хорошим, отличным, квалифицированным, конкурентоспособным* и подобных. Единичными в данном контексте оказались аббревиатуры IT,PhD, SMM, ИТ.

6. *Содружество Независимых Государств, или просто __, объединение государств бывшего _____, которое существует до сегодняшнего дня.* Предложение уже содержит расшифрованную аббревиатуру *СНГ*, что облегчило испытуемым заполнение первого пропуска в предложении. Во втором пропуске предполагалась вставка либо аббревиатуры *СССР*, либо словосочетания *Советский союз*. Только два испытуемых указали Советский Союз, в остальных случаях использовалась аббревиатура.

Выводы

В рамках данного исследования аббревиатуры в экспериментальных предложениях используются чаще, чем их полные лексические эквиваленты. Это объясняется тем, что многие аббревиатуры являются частотными, функционируют в разных стилях, жанрах и типах речи, хорошо знакомы испытуемым-старшеклассникам. Аббревиатуры, которые получили широкое распространение в последние десятилетия, например СМС, ЕНТ, ТВ, не требуют расшифровки и используются чаще, чем их полные лексические эквиваленты. Другие широко известные аббревиатуры, такие как СНГ, СССР, вуз, обозначающие или обозначавшие известные испытуемым реалии, не расшифровываются, а воспринимаются учащимися как «полноценное» слово.

Анализ результатов эксперимента позволяет сделать вывод о тенденции использования испытуемыми вместо известных им сокращенных наименований современных реалий частных видовых вариантов. Например, вместо аббревиатуры *вуз* учащиеся использовали аббревиатуры-наименования вузов (*МГУ, ЕНУ, РУДН*), вместо аббревиатуры *ТВ* использовали наименования телевизионных каналов (*НТК, НТВ*), наряду со словом *экзамен* выбирали наименования экзаменов в виде аббревиатур (*ЕНТ, ЕГЭ*).

Языковой знак может подвергаться самым разнообразным трансформациям в рамках предложенного контекста как на уровне значения, так и на уровне знаковой формы [2]. Использование испытуемыми общих и частных альтернативных вариантов, гиперонимов и гипонимов в рамках экспериментального предложения свидетельствует о том, что контекст может повлиять на выбор языкового знака внутри него. В свою очередь, выбранный автором (в нашем случае – испытуемым (реципиентом)) языковой знак в рамках определенного контекста может повлиять на смысл речевого образования.

Возможность, а в комплексных исследованиях и необходимость, использования метода дополнения языкового знака определяется коммуникативной направленностью экспериментального задания. Испытуемые вставляют в предложение, деформированное, искусственно созданное специально для эксперимента, языковые единицы, которые, по воле реципиентов, могут оказаться словами, словосочетаниями, аббревиатурами. От чего зависит выбор языковых единиц участниками эксперимента? Проведенное нами исследование и анализ его результатов убеждают: испытуемые спонтанно и непроизвольно воспроизводят те языковые единицы, которые «неоднократно употреблялись ранее в текстах данной языковой личности или ее референтной группы» [3, с. 112]. Таким образом, метод дополнения языкового знака наряду со свободным ассоциативным экспериментом и семантическим (методом определения дефиниции, обыденного значения слова) может быть использован в комплексном исследовании восприятия и идентификации носителями языка аббревиатур и сложных слов.

Список использованной литературы

1. *Абрегова А.Н.* Словарь русской лингвистической терминологии / под общ. рук. А.Н. Абрегова. Майкоп: Качество, 2004. 347 с.

2. *Вишнякова О.Д.* Функциональные особенности языкового знака в языке и речи: на материале современного английского языка: дис. … докт. филол. наук. Москва, 2004. URL: http://www.dissercat.com/content/funktsionalnye-osobennosti-yazykovogo-znaka-v-yazyke-i-rechi-na-materiale-sovremennogo-angli (дата обращения: 30.01.2019).

3. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

Н.Н. Сафонова
Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут

УДК 811.161.1`42

Компрессивы в современной разговорной речи

Аннотация. Статья посвящена описанию компрессивной лексики, которая активно употребляется в современной разговорной речи. Эти сокращённые, сжатые эквиваленты позволяют экономно использовать языковые средства без потери смысла, что важно для быстрого обмена информацией в стремительном темпе современной жизни в формате интернет- и СМС-общения, в живой разговорной речи. Компрессивы используются с целью воздействия: говорящий стремится продемонстрировать своё расположение к собеседнику, создать обстановку непринуждённости.

Ключевые слова: компрессивы, разговорная речь, усечение, субстантивация, универбация, аббревиация, языковая игра.

N.N. Safonova
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

Compressive Words in Modern Colloquial Speech

Abstract. The article is devoted to the compressive word formation, which is the most active way of creating new words in modern speech. This shortening allows economizing language features without loss of meaning which is important for short lines of communication of modern life in online interactions and texting, in vivid colloquial speech. Compressiv words are used to influence: talking to seek show their location to the interlocutor, create an atmosphere of calm of its.

Keywords: compressive words, colloquial speech, reduction, syncopation, nominalisation, abbreviation, language game.

В настоящее время компрессивная лексика активно употребляется в современной разговорной речи благодаря своей краткости и экспрессивности, отвечая потребности экономии речевых средств.

Современный человек живет в стремительном темпе жизни, что обусловливает постоянную экономию времени. Общение в основном происходит по мобильному телефону, по почте, в социальных сетях. Словосочетания и слова проще сократить, чтобы не тратить время, энергию, языковые средства. Всё это обусловливает изменения в лексике, которые происходят за счет словообразования.

В словообразовательной системе русского языка в настоящее время особое место занимает компрессивное словообразование, которое состоит в построении слов, представляющих собой разного рода сокращения от имеющихся в языке номинативных единиц – слов и словосочетаний: *кредитка – кредитная карта, фотка – фотография, басик – бассейн, домашка – домашняя работа, Питер – Санкт-Петербург, харизмат – харизматичный человек, сетевой, сетевуха – сетевой бизнес, инста – инстаграм, нет – интернет, неадекват – человек с неадекватным поведением.*

Такие номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой, объединяются

© Н.Н. Сафонова, 2019

Е.А. Земской в понятие «компрессивные способы словообразования» [2, с. 276]. К таким способам, характерным как для разговорной, так и для книжной речи, относятся аббревиация, усечение, универбация и субстантивация. Единицу, полученную в процессе компрессивного словообразования, называют компрессивом, или конденсатом.

Компрессивная лексика, активно использующаяся в настоящее время в живой разговорной речи, а также в интернет-общении, отвечает требованиям современного языка, движущим критерием развития которого является тенденция к экономии речевых средств.

Под разговорной речью мы понимаем устную форму разговорного стиля, представляющего собой «неофициальное, персонально адресованное общение, адресат которого – конкретный человек, как правило, хорошо известный адресанту» [3, с. 136]. Разговорный стиль можно определить как функциональную разновидность речи, обслуживающую потребности личного неофициального общения как в преимущественно в устной, так и письменной речи [3].

Компрессивами особенно богата речь современной молодёжи. Современные молодые люди живут в быстром темпе жизни, и для них очень важно наиболее кратко, ёмко и быстро передать друг другу информацию. Современный молодёжный сленг включает в себя большое количество компрессивов: *Сейчас я зайду в комп и отправлю тебе эту инфу в ЛС. Что за игнор в инсте? Я иду на маник, потом на треню.*

Компрессивы активно употребляются в переписке в мессенджерах и социальной сети, например: *ноутбук – ноут, встречная полоса – встречка, тренировка – треня, иммунная система – иммунка, исходящие звонки – исходящие, личная почта – личка, организатор – орг, температура – темпа, День рождения – ДР, Новый год – НГ, спасибо – спс, пожалуйста – пжл.*

Говорящий использует компрессивную лексику с целью воздействия на собеседника, желая создать обстановку непринуждённости общения, используя краткие ёмкие эквиваленты. Таким образом, использование компрессивной лексики – это не только способ экономии, но и один из способов увеличения экспрессивности речи.

Среди компрессивов наиболее часто употребляются аббревиатуры, ставшие в настоящее время привычным способом номинации и в устной, и в письменной речи. Аббревиация – безаффиксный способ словообразования, представляющий собой образование существительного на базе сочетания слов, основы которых входят в состав производной основы в усеченном виде [1, с. 328].

В каждой профессиональной сфере активно создаются и функционируют свои аббревиатурные наименования многословных специальных слов. Например, в сфере образования: *ФОС – фонд оценочных средств, ПРОП – профессиональная образовательная программа, ФГОС – федеральный государственный образовательный стандарт;* в сфере нефтедобывающей промышленности: *УБР – управление буровых работ, ГИС – геофизическое исследование скважин, ЛБТ – легкосправные бурильные трубы и т. п.* Они также способны образовывать производные, характерные для разговорной речи: *ФОС – фосовский, УБР – убээровцы.* И также вступать в языковую игру с установкой на юмор, каламбур: *Да ПРОПади они ПРОПадом эти ПРОПы! ПоФГОСить и бросить!*

Усечения в настоящее время по частоте использования постепенно встают в один ряд с аббревиатурами, хотя усечение – достаточно молодой способ образования слов, активизировавшийся в XXI веке. Усечение происходит по аббревиатурному принципу, путём усечения слова вне границ морфем: *университет – «универ»*. Некоторые из усечений уже вошли в словари: *специалист – «спец», заместитель – «зам», татуировка – «тату»*.

Усечение разделяют на две группы: апокопа, или десегментация (конечное усечение), и аферезис, или депрефиксация (усечение начальной части слова). Апокопа прева-

лирует над аферезисом, так как чаще в начальной части слова находится корень, который несет в себе смысловую нагрузку.

Большинство усечений склоняются (*комп – компа – компом*), изменяются по числам (*спец – спецы*), а также согласуются в роде, числе и падеже с прилагательным (хороший *универ*, отличные *спецы*, на популярном *фесте*).

Образование усечений сопровождается различными морфонологическими процессами. Наиболее часто встречается перенос ударения. Явление переноса ударения при усечении можно объяснить тем, что усекается ударная часть слова, и ударение вынужденно переносится на оставшуюся часть мотивирующего слова: *биба – библиотека, нарк – наркоман, заява – заявление.*

Усечения, как и полноценные лексемы, проявляют словообразовательную активность в создании новых слов, которые образуются посредством суффиксации: *компьютер – комп – компик, тренировка – треня – тренька, фотография – фото – фотка, хвастать(ся) – хваст – хвастик.*

Некоторые усечения создаются сразу с суффиксацией, придающей слову экспрессивную окраску: *бутик – бутерброд, сгуха – сгущёнка, дирик – директор, вертик, вертак – вертолёт, велик – велосипед, флюшка – флюорография, фотик – фотоаппарат, рестик – ресторан, родители – родаки*.

Усечение является наиболее распространенным прежде всего в разговорной речи и самых различных жаргонах.

Очень популярна сейчас в разговорной речи универбация – способ образования слова на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, то есть по форме производное соотносительно с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием, например: *маршрутное такси – маршрутка, место ночлега – ночлежка, музыкальная школа – музыкалка, мобильный телефон – мобильник.*

Чаще всего при универбации используют суффикс -к(а)-, причем присоединяется он чаще всего к основе прилагательного, входящего в производящее словосочетание. Например, *античная литература – античка, начертательная геометрия – начерталка, брюсселька – брюссельская капуста, литичка – литический раствор и т. д.*

Также используются суффиксы -аг-, -ак-, -як-, -ах-, -уг-, -юг-, -ук-, -ух-, которые придают речи фамильярный характер, например: *общага – общежитие, спецуха – спецодежда, днюха – День рождения, больняк – больничный лист, контраха – контрактная служба.*

Часто используются суффиксы -ик-, -ушк(а)-, -юшк(а)-, -лк(а)-, -ок-, -шк(а)-, -ник-, -яшк(а)-, например: *басушка – бас-гитара, минималка – минимальная зарплата, рацушка – рационализаторское предложение, полторашка – тара объемом полтора литра, двушка – двухкомнатная квартира, гиалуронка – гиалуроновая кислота, бальник – танцор, занимающийся бальными танцами, тубик – туберкулёзный диспансер*.

При таком способе словообразования появляется множество омонимов. Например, *муниципалка* – муниципальное учреждение и муниципальный транспорт, *бальник* – танцор, занимающийся бальными танцами, и бальный наряд, *персоналка* – персональный компьютер и персональная премия.

Кроме того, в русском жаргоне существует некоторое количество универбов, тождественных по форме с литературными словами, но отличающихся от них семантическим наполнением. Например, в литературном языке суффикс -к(а) в словах *немка, японка, гражданка* обозначает имена лиц женского пола и выражает значение женскости, а слова на -к(а) типа *птичка, трубка, белочка* имеют модификационный уменьшительно-ласкательный отпечаток. Однако в современной разговорной речи эти слова используются с другими значениями. Они рассматриваются как свернутые формы соответствующих

словосочетаний для экономичных наименований явлений или предметов: *«немка» – немецкая марка; «гражданка» – неформенная, гражданская одежда и невоенная, гражданская жизнь в отличие от службы в армии; «японка» – автомобиль японского производства; «Трубка» – Трубная площадь в Москве; «птичка» – птичий рынок в Москве, «белочка» – белая горячка*. В таких словах, например, как *краснота, казачок, сухарь* и др., суффиксальная универбация в жаргоне осложнена ориентацией на уже существующие в литературном языке производные слова с омонимичной словообразовательной структурой. Ср.*: «сухарь» – сухое вино (жарг.) и сухарь – высушенный кусок хлеба; «краснота» – красное вино (жарг.) и краснота – отвлеченный признак.* Поэтому без привлечения контекста невозможно дать верное толкование подобным производным словам.

Ещё одним, но уже менее активным способом компрессивного словообразования, является субстантивация – переход в разряд имён существительных других частей речи (прилагательных, глаголов, причастий, числительных) вследствие приобретения ими способности непосредственно указывать на предмет (отвечать на вопрос «кто?» или «что?»), например: *больной, отпускные, сладкое, скорая, опоздавший, выходные, сегодня, завтра.*

Среди компрессивной лексики чаще встречаются субстантивированные прилагательные: например, *наличные – наличные деньги, мобильный – мобильный телефон, сотовый – сотовый телефон, страховая – страховая служба, налоговая – налоговая полиция, английский, русский – школьные предметы английский язык, русский язык, пончиковая – пончиковая закусочная, кафе, приёмная, процедурная – приёмная, процедурная комната*.

Субстантивы чаще всего называют лицо по профессии (военный), по отличительной черте характера (мудрый), по внутреннему состоянию (счастливый), по состоянию (больной), по характерному действию (влюблённый), по социальному положению (малоимущие), по возрасту (старшие), по характеру взаимоотношений с другими людьми (родные), называют временные промежутки (будущее), отвлечённые понятия (главное), помещение (налоговая).

Компрессивное словообразование широко используется в разговорной речи, прежде всего потому, что, как известно, порождается стремлением к удобству, а также благодаря своей краткости и экспрессивности. Родившись окказионально, производное компрессивное слово проходит апробацию в разговорной речи, а затем кодифицируется и закрепляется в словарях. Так, ряд слов, образованных способом усечения, уже занесён в современные толковые словари как слова, которые относятся к разговорной разновидности литературного языка, например: *видео – видеомагнитофон, дембель – демобилизованный, маг – магнитофон, тату – татуировка, спец – специалист.*

Список использованной литературы

1. *Алексеев Д.И.* Сложные слова в русском языке. Саратов, 1979. 328 с.

2. *Земская Е.А., Китайгородская М.Н., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

3. *Сиротинина О.Б.* Разговорный стиль // Функциональные стили и формы речи / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов, 1993.

Н.А. Седова
Омский государственный
технический университет,
г. Омск

УДК 811.16 1.1'374

Лексикографическое описание наименований одежды как средство репрезентации советской повседневности (на примере наименований плечевых изделий)

Аннотация. Толковые словари рассматриваются как место хранения накопленных и обработанных человеком знаний о фактах «бытовой» истории – повседневности. Предметной сферой исследования является одежда как обыденная, повседневная реалия, ежедневно необходимая человеку. В качестве инструмента анализа наименований одежды выбран фрейм со слотовой структурой, позволяющий рассмотреть многочисленные характеристики одежды. В поле зрения автора оказываются слоты «Субъект ношения одежды по гендерному признаку», «Сфера использования одежды», «Функциональное назначение одежды».

Ключевые слова: толковый словарь, словарные дефиниции, одежда, характеристики одежды, советская повседневность, фрейм, слот.

N.A. Sedova
Omsk State Technical University,
Omsk, Russia

The Lexicographic Description of the Items of Clothing as a Means of Representation Soviet Everyday Life (for Example, Items of Shoulder Products)

Abstracts. Explanatory dictionaries are considered as a place of storage of knowledge accumulated and processed by a person about the facts of the "everyday" history – everyday life. The subject area of the study is clothing as an everyday, everyday reality, daily necessary for a person. As a tool for analyzing clothing items, a frame with a slot structure was chosen, which allows us to consider the numerous characteristics of clothes. In the field of view of the author are slots "The subject of wearing clothes on a gender basis", "The scope of use of clothing", "Functional purpose of clothing".

Keywords: explanatory dictionary, vocabulary definitions, clothes, clothing characteristics, Soviet daily life, frame, slot.

Толковые словари традиционно являются необходимой эмпирической базой лингвистических исследований, выполненных в русле системно-структурного подхода. Существует мнение, что «существовавший длительное время системно-структурный подход к изучению лексики русского языка определил классификацию большинства учебных словарей русского языка, в которых отражена статическая языковая картина мира, зафиксированы основные понятийные сферы» [3, с. 140–144]. Вместе с тем смена научной парадигмы в лингвистике, её разворот в когнитивно-антропологическую сферу открывает новые возможности прочтения именно толкового (не лингвокультурологического) словаря и позволяет рассматривать его как место хранения накопленных и обработанных человеком знаний об окружающем мире. Следовательно, если идти в обратном направлении, то анализ словаря как способа объективации историко-культурных феноменов с позиций когнитивной лингвистики позволит реконструировать последние.

© Н.А. Седова, 2019

Одной из таких историко-культурных реалий является так называемая «бытовая» история, которая на языке философов, культурологов и социоантропологов называется повседневностью. В самом общем виде под повседневностью будем понимать «бытовые навыки, свойственные человеку в его обыденной жизни, привычки, совокупность материальных вещей и духовных понятий, которые он использует практически каждодневно» [1, с. 117]; «совокупность привычных социальных взаимодействий, укладов жизни, правил обихода, это – ткань человеческих отношений» [5, с. 9].

Таким образом, к повседневному можно отнести то, что является обычным, привычным, регулярно повторяющимся, и то, без чего человек не может обойтись. К обыденным реалиям, безусловно необходимым человеку, относятся еда, одежда, жилище, способы проведения досуга, профессиональная деятельность, модели поведения и общения и пр. Поэтому выбор одежды как предметной сферы исследования очевиден и понятен. Из всех видов одежды в данной работе остановимся на плечевых изделиях – одежде для верхней части тела человека, опирающейся на верхний опорный (плечевой) пояс фигуры – в силу их видового разнообразия (мужские / женские, верхние / лёгкие, с рукавами / без рукавов и пр.), широкой распространённости и обязательного присутствия в гардеробе любого человека: жакет, жилет, куртка, пиджак, плащ, рубашка, халат, шуба и т. п.

Материалом исследования являются лексемы, называющие плечевые изделия одежды, отобранные методом сплошной выборки из толковых словарей русского языка, изданных в советский период отечественной истории: Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (СУ) [8], Словарь современного русского литературного языка в 17 т. (БАС) [7], Словарь русского языка в 4 т. (МАС) [6], Словарь русского языка С.И. Ожегова (СО) [4].

Одежда как объект повседневности многогранна и поэтому может быть описана с точки зрения разных типологических характеристик. Важность внимания к последним отмечает Р. Барт: «В выражении *«длинное или короткое платье»* «платье» выступает лишь в роли материальной «опоры» для варианта (*длинное / короткое*); только этот вариант полностью принадлежит языку одежды» [2, с. 126].

На этом основании в качестве наиболее удобного средства анализа тематической группы слов с интегральной семой ‘одежда’ считаем целесообразным выбрать фреймовый подход, при котором центром исследования является фрейм со слотовой структурой, объективирующий схему стереотипной ситуации и её элементы. Слоты задают параметры ситуации / явления / реалии и наполняются различными знаниями о данном параметре. Перечень параметров реалии (в нашем случае – одежды) и информацию, наполняющую их, можно извлечь путём анализа содержания дифференциальных сем лексических значений наименований одежды.

Таким образом, объектом предпринятого исследования является лексикографическое описание наименований одежды (на примере наименований плечевых изделий) в русском языке. Предмет – словарные дефиниции наименований плечевых изделий как средство репрезентации советской повседневности. Цель работы – репрезентировать представления о советской повседневности путём фреймового анализа словарных дефиниций наименований плечевых изделий одежды.

Анализ типологических характеристик предметов одежды позволяет выделить следующие слоты в структуре фрейма ‘одежда’: «Субъект ношения одежды по гендерному признаку», «Сфера использования одежды», «Функциональное назначение одежды», «Способ изготовления одежды», «Материал, из которого одежда изготовлена», «Особенности кроя одежды», «Способ ношения одежды» и пр.

Для анализа отберём некоторые слоты фрейма ‘одежда’, объективируем информацию, наполняющую их, на основе сопоставления словарных дефиниций наименований одежды в разных словарях и предпримем попытку её интерпретации.

Слот *«Субъект ношения одежды по гендерному признаку»* наполнен информацией о гендерной принадлежности одежды:

Куртка – «короткая верхняя *мужская* одежда, застёгивающаяся наглухо» (СУ, Т. 1, с. 1555); «короткая, наглухо застёгивающаяся верхняя *мужская* одежда» (БАС, Т. 5, с. 1880); «короткая, наглухо застёгивающаяся верхняя одежда» (МАС, Т. 2, с. 1880); «короткая верхняя одежда на застёжке» (СО, с. 361).

Интерпретация: в более поздних лексикографических источниках (МАС и СО) в словарной дефиниции лексемы *куртка* исчезает дифференциальный признак, указывающий на гендерную характеристику субъекта ношения данного предмета одежды – только для мужчин; куртка как предмет одежды становится универсальной, появляется в повседневном гардеробе и советских женщин.

Слот *«Сфера использования одежды»* заполняется информацией о том, для какого вида деятельности, в том числе профессиональной, надевается, используется одежда.

Относительно большую группу составляют лексемы, называющие предметы одежды, которые являются частью военной формы, носимой основными частями вооружённых сил советского государства – и военнослужащими, и моряками, например: *бушлат, гимнастёрка, китель, матроска, мундир, тельник / тельняшка, форменка, френч, шинель.*

Бушлат – «*матросский* балахон из парусины» (СУ, Т. 1, с. 211); «род верхней одежды *моряков*, куртка особого покроя» (БАС, Т. 1 с. 714); «*матросская* суконная куртка» (МАС, Т. 1, с. 128). *Френч* – «куртка *военного* образца с четырьмя нашитыми снаружи большими карманами, носимая с ременным поясом» (СУ, Т. 4, с. 1117); «*военная* куртка в талию, с четырьмя накладными карманами и хлястиком сзади» (БАС, Т. 5, с. 978); «куртка *военного* образца в талию, с четырьмя наружными накладными карманами и хлястиком сзади» (МАС, Т. 4, с. 584); «куртка *военного* образца в талию, с четырьмя большими накладными карманами (на груди и боках)» (СО, с. 855). Ни одна другая сфера функционального назначения одежды не номинирована в таком количестве.

Интерпретация: имеет место оппозиция: военная – гражданская одежда; на уровне государственных интересов данные «профессии» являются стратегически важными; данные «профессии» популярны и востребованы в советском обществе; данные «профессии» являются почётными.

Слот *«Функциональное назначение одежды»* заполняется информацией о том, какую функцию выполняет одежда, для чего она служит.

Анализ дифференциальных сем лексического значения наименований предметов одежды позволяет выделить следующие основные функции одежды: для работы *(блуза, халат)*, для занятий спортом *(майка, тенниска, футболка)*, для дома *(пеньюар, тужурка, халат)*; для выхода в свет *(фрак)*.

Интерпретация: круг основных сфер повседневной деятельности советского человека очерчен работой, занятиями спортом, домом, выходом в свет; основным видом досуговой деятельности является спорт (исходя из количества номинируемости реалий); домашняя одежда представляется в большей степени как часть женского гардероба; в качестве парадной, нарядной представлено лишь одно плечевое изделие – фрак, хотя в словарях имеется обобщённая лексема *наряд*.

Таким образом, анализ содержания словарных дефиниций наименований одежды позволяет рассматривать толковый словарь как результат вербальной концептуализации мировоззренческих категорий и историко-культурных реалий.

Список сокращений

БАС – Словарь современного русского литературного языка в 17 т.

МАС – Словарь русского языка в 4 т.

СО – Словарь русского языка С.И. Ожегова

СУ – Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова

Список использованной литературы

1. *Артановский С.Н.* За порогом повседневности: культура необычного // Культура и личность. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 117–122.

2. *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 114–163.

3. *Кобякова Т.И., Сунцова Н.Л.* Лексикографическое описание культуры: образовательные лингвокультурологические словари // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 5. № 3. С. 140–144.

4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1991. 918 с.

5. *Пушкарёва Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история: Ежегодник, 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9–54.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

7. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия» (т. 1): ОГИЗ (т. 1); Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940.

Д.А. Стрекалов
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК: 811.161.1

Категория неопределённости в русском языке в аспекте понятия нечётких множеств

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие неопределённости в русском языке в аспекте понятия нечётких множеств. Категория неопределённости, как любая другая категория, представляет интерес для изучения, особенно принимая во внимание её предмет – неопределённость. Понятие неопределённости, сложное и многоаспектное, до сих пор не было изучено и описано в полном объёме. Рассмотрение этого понятия в рамках категориального аппарата и с применением логико-математических моделей, таких как нечёткие множества, позволяет взглянуть по-новому как на категорию неопределённости, так и на подходы к её изучению.

Ключевые слова: категория неопределённости, категория, неопределённость, нечёткие множества, нечёткая логика.

D.A. Strekalov
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Category of Indefiniteness in the Russian Language in the Aspect of the Concept of Fuzzy Sets

Abstract. This article deals with the concept of category of indefiniteness in its aspect of fuzzy sets. Category of indefiniteness, as any other category, contains an interest for research, especially concerning its subject – indefiniteness. Indefiniteness is a compound and multi-aspect concept, which hasn't been researched in its entirety yet. Analyzing this concept in its categorial frame with applying logical-mathematical models, such as fuzzy sets, provides an advanced insight both on category of indefiniteness and its research approaches.

Keywords: category of indefiniteness, category, indefiniteness, fuzzy sets, fuzzy logic.

Как большинство речемыслительных категорий, категория неопределённости изучается не только в языкознании. С. Ульман отмечает, что несовершенство языка подвергалось критике философов, мыслителей во все времена, при этом в качестве основного его спорного свойства признавалась именно неточность, расплывчатость значения слов [6, с. 147–160]. Так, Э.-В. Шнейдер указывает на то, что естественный язык именно тем и отличается от чётких и точных математических логических систем, что ему свойственны феномены, которые не находятся в поле знания, а могут быть неясными, неточными и неопределимыми [5, с. 21–22]. Ряд исследователей полагает, что неопределённость в выражении мыслей и суждений вовсе недопустима. Вместе с этим, важно отметить, что следует разграничивать неопределённость в речи и неопределённость в языке. К речевой неопределённости обращался Л. Витгенштейн, который считал, что если человек не может выразиться ясно, то ему следует молчать [7, с. 11]. Похожее мнение разделяет Н.Д. Арутюнова, по мнению которой неопределённость в языке и речи – это отзвук неопределённости в суждениях и знаниях человека [1, с. 319]. Из этого следует, что не-

© Д.А. Стрекалов, 2019

определённость в речи обусловливается недостаточной языковой и когнитивной компетенцией человека, но никак не самим языком, у которого не может быть цели «запутать» или «поссорить» собеседников.

Неопределённость появляется там, где способ выражения одного смысла допускает такую интерпретацию, в рамках которой существуют два и более альтернативных смысла. Было выработано рабочее определение понятия «неопределённость» – отношение двух и более разных смыслов к одному способу выражения. Категория неопределённости – система множества языковых элементов, объединённых признаком неопределённости [4, с. 888].

В данном контексте целесообразно обратиться к работам выдающегося математика Лютфи Заде. С его именем связана разработка теории «нечётких множеств», которая имеет непосредственную связь с понятием «неопределённость». Учёный утверждает, что в каждодневных разговорах мы часто характеризуем степень истинности утверждения посредством таких выражений, как *очень верно, совершенно верно, более или менее верно, ложно, абсолютно ложно* и т. д. Трактовка истинности как лингвистической переменной приводит к нечеткой лингвистической логике, или просто нечеткой логике, которая совершенно отлична от обычной двузначной или даже многозначной логики [2, с. 20–21]. В качестве одного из примеров лингвистической переменной автор приводил «возраст»: её значениями могут быть: молодой, немолодой, старый, очень старый, вполне старый и т. п.

Итак, понятие нечёткой логики имеет связь с понятием категории неопределённости. Одним из средств выражения данной категории являются существительные с предикативной семантикой. Рассмотрим пример:

– У меня к ней разговор. – Какой разговор? – Это мое дело. – Темнишь?	– I need to talk **some** business with her. – Which business? – That's my affair. – Are you talking round corners?

Значение существительного «разговор» предполагает наличие обстоятельств этого события: кого, с кем, о чем и т. д. В высказывании «у меня к ней разговор» эксплицируется кто и с кем, но не о чем. Первый говорящий не сообщает предмет разговора. Для его собеседника этот разговор является неопределённым, отсюда и следует вопрос: «Темнишь?». С точки зрения нечёткой логики здесь используется значение «разговор о чём-то», но русский язык в данном случае позволяет прибегнуть к умолчанию, и вместо «разговор о чём-то» можно сказать просто «разговор». Таким образом, лингвистическая переменная «разговор» получает значение «разговор о чём-то», то есть полностью неопределённое. Если рассмотреть данную ситуацию на примере английского языка, то можно убедиться, что английский язык требует обязательной экспликации этой неопределённости: «I need to talk **some** business...». В отличие от русского языка, английский язык не допускает подобных умолчаний (в силу своего грамматического строя), и, таким образом, значение «какой-то» получает оформление в виде неопределённого местоимения «some».

Одним из ярких примеров нечёткой логики является фрагмент диалога персонажей романа Булгакова – Понтия Пилата и Иешуа:

– Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее. – Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина? – Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы

пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет.

Здесь лингвистическая переменная «истина» получает следующие значения:

– у тебя болит голова;

– помышляешь о смерти;

– не в силах говорить со мной;

– трудно глядеть на меня;

– я являюсь твоим палачом (что меня огорчает);

– мечтаешь, чтобы пришла твоя собака;

– мучения кончатся (голова пройдёт).

Пример наглядно демонстрирует необходимость применения «нечёткой логики» в повседневной диалогической речи, и в особенности это применимо к таким понятиям, как «истина». Тот факт, что понятие истины, очевидно, находится вне пределов человеческого познания, ставит вопрос «Что такое истина?» в разряд риторических. Однако Булгаков наделяет своего персонажа способностями, превышающими человеческие, что и позволяет Иешуа ответить на этот сложный вопрос путём применения вышеуказанных значений к лингвистической переменной «истина».

Таким образом, применение теории нечётких множеств и принципов нечёткой логики открывает новые возможности в разработке подходов и изучения языковой категории неопределённости. Традиционно к элементам категории неопределённости относят неопределённые артикли, неопределённые местоимения, прилагательные, наречия и имена существительные, указывающие на неопределённость. Однако следует рассмотреть возможность включения в эту категорию прагматически ориентированных слов, таких как «истина», которые не интерпретируются вне конкретного употребления [3, с. 301–302].

Список использованной литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.

2. *Заде Л.А.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976. 167 с.

3. *Стрекалов Д.А.* Функционирование единиц категории неопределённости в коммуникативных неудачах // Синергия наук. 2018. № 25. С. 885–902 URL: http://synergy-journal.ru/archive/article2654 (дата обращения: 22.02.2019).

4. *Кронгауз М.А.* Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 352 с.

5. *Schneider E.W.* Variabilität, Polysemie und Unschärfe der Wortbedeutung: Theoretische und methodische Grundlagen. Tübingen: Niemeyer, 1988. 196 с.

6. Ullmann St. Eine Einführung in die Bedeutungslehre. Frankfurt / Main: Fischer, 1973. 401 с.

7. *Wittgenstein L.* Tractatus logico-philosophicus. London and Henley: Routledge & Kegan Poul, 1981. 89с.

М.А. Харламова
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 81'28

Диалектный корпус полиэтнического региона (на материале говоров Омского Прииртышья)[*]

Аннотация. В докладе репрезентируется уровень разработанности диалектного корпуса полиэтнического региона, обозначаются сложные моменты и уточняются этапы работы над проектом.
Ключевые слова: метаразметка, тематическая разметка, диалектный корпус, теги.

M.A. Kharlamova
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The Dialect Corpus of the Polyethnic Region (on the Material of Middle Irtysh Region Dialect)

Abstract. The conference paper describes the status of the dialect corpus of the polyethnic region, defines the key challenges, and specifies the stages of the work on the project.
Keywords: meta-annotating, thematical annotating, dialect corpus, tags.

Антропоцентрическая парадигма, определяющая основные направления движения лингвистической мысли с конца XX века, оказала влияние на развитие всех направлений языкознания. Взаимодействие языка и культуры находится в центре внимания современной лингвистики и изучается многими науками междисциплинарного характера: лингвокультурологией, социолингвистикой, этнолингвистикой, этнопсихологией и др. Особый интерес для исследования представляет своеобразие национальной картины мира. Попытки «оживить» национальный дух нашего языка в последние десятилетия ведутся в направлении воссоздания русской языковой картины мира, которая «коренится в категориях и формах родного языка» [3, с. 8].

Исследование национальной картины мира базируется на материале разных страт русского языка, при этом источником анализа в последнее время всё чаще выступает Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Понимание своеобразия мироощущения и миропонимания современного человека невозможно без обращения к народной речи. Традиционной диалектологией накоплен обширный эмпирический материал, однако доступ к текстовому диалектному материалу всё ещё ограничен местом его локализации. И сейчас перед диалектологами стоят новые задачи, среди которых – целостное представление накопленного материала в наиболее доступном для широкой аудитории виде. Полагаем, такой доступной формой является диалектный корпус. Как справедливо отмечают О.Ю. Крючкова и В.Е. Гольдин, «создание электронных программно обрабатываемых корпусов русской диалектной речи – одна из актуальных задач русской диалектологии» [1, с. 249].

[*] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00519.

© М.А. Харламова, 2019

Степень разработанности темы характеризуется наличием в отечественной лингвистике диалектных корпусов разного масштаба. Диалектный подкорпус в составе Национального корпуса русского языка стал образцом, на который во многом ориентируются региональные электронные диалектные ресурсы.

Существование успешных примеров разработки проектов региональных диалектных ресурсов (Саратовский диалектный корпус, Томский диалектный корпус) подтверждает, что создание диалектного корпуса на материале говоров Среднего Прииртышья вполне осуществимо. Корпус народной речи Среднего Прииртышья формируется за счёт архивной базы диалектных текстов, собранных студентами, аспирантами и преподавателями ОмГУ им. Ф.М. Достоевского в диалектологических экспедициях начиная с 70-х годов XX века. Для хранения полученных данных разрабатывается специализированная информационная система – корпус народной речи полиэтнического региона.

Цель статьи – показать специфику работы над диалектным корпусом полиэтнического региона и уровень разработанности проблемы в рамках проекта (проектирование и наполнение базы данных).

Работа над корпусом включает несколько этапов. Ранее в рамках проекта электронного словаря народной речи Среднего Прииртышья была разработана система для репрезентации фонетических особенностей говоров Среднего Прииртышья [4]. Перед лингвистами, исполнителями проекта, стоят следующие задачи: (1) перевод архивных материалов в электронный формат; (2) паспортизация текстов; (3) ручная тематическая разметка текстов как подготовительный этап к вводу в корпус. Перед программистами, испольнителями проекта, стоят две основные задачи: (1) описать манифестацию в корпусе экстралингвистической информации и (2) разработать структурную и тематическую разметки текстов.

Следует сказать, что сбор новых данных и верификация старых продолжается, поэтому для реализации этих задач в рамках грантового проекта летом 2018 г. была организована очередная диалектологическая экспедиция в районы Омской области. Спонтанные аудио- и видеозаписи диалектной речи анализируются для последующей расшифровки и разметки текстов. Необходимо в связи с этим отметить, что языковое пространство региона постоянно даёт новый «живой» материал, который возможно исследовать с точки зрения дискурсивных практик носителей народной культуры, принадлежащих к разным этносам: русских, чехов, поляков, эстонцев, белорусов, украинцев и др., издавна населяющих регион (см. о языковой ситуации в Среднем Прииртышье: [6, с. 29–91]).

Перевод архивных материалов в формат редактора Word – процесс трудоёмкий и очень кропотливый. Однако б**о**льшие трудности представляет для нас ручная тематическая разметка. Мы считаем важным сосредоточиться на этой разметке, поскольку тематически размеченный диалектный корпус «позволяет получить принципиально новые сведения о диалекте, открывает перед исследователями возможности изучения диалекта не только как специфической языковой системы, но и как особого культурно-коммуникационного образования» [2, с. 74]. Это не только длительный, но и сложный процесс, поскольку каждый текст, подлежащий разметке, необходимо отредактировать в соответствии с принятыми правилами (см. об оформлении текстов: [6, с. 119–120]), проанализировать с точки зрения содержания и только после этого сделать разметку тем. По результатам разметки составляется список тем и подтем. Например, к теме *брак* относим тематические фрагменты о *жене, муже*. *Пространство* охватывает рассуждения диалектоносителей о стране, городе, деревне, селе, хуторе и т. п. Тема *семья* членится на *кровное* (мать, дочь, сын; отец, сын, дочь) и *некровное родство*: свекровь, тёща, зять и т. д. *Время* включает подтемы: прошлое (война, революция, период перестройки и т. д.), настоящее, будущее. Программисты, работающие над созданием корпуса, предложили решение, позволяющее производить детальную тематическую разметку диалектных тек-

стов, которая бы смогла отразить сложный характер их тематической организации. Программисты предлагают не членить целостный текст на тематические фрагменты, а выделять в нём с помощью специальных тэгов зоны тематического соответствия. Начало и конец области тематического соответствия в потоке устной речи обозначаются при помощи открывающего < > и закрывающего </ > тэгов. Тематическая разметка в региональном корпусе имеет иерархическую структуру. В тэгах это отображается следующим образом:

<**семья:кровное_родство**>Пять человек-наз было у-мами// Ацца не-была </**семья:кровное_родство**>.

Ситуации, когда один фрагмент текста одновременно принадлежит к нескольким темам, разрешаются при помощи вложения тэгов:

<**семья:кровное_родство**>Нас пять систёр было// Фсе были девоч'ки/ а-брата у-нас не-было// Три наз з'десь было тагжэ-вот/**</семья:кровное_родство> <семья:кровное_родство><смерть>**а-потом-вот одна умерла/ два года как она умерла**//</смерть></семья:кровное_родство><семья:кровное_родство>**А-д'ве ишшо в-городи жывут/ а-нас ишшо з'дезь двое//</**смерть**> </**семья:кровное_родство**>

Список тем принципиально открыт. Анализ текстов разных лет, вероятно, позволит как расширить тематический перечень, так и уточнить его. Важно, чтобы в размеченном тексте, представленном в корпусе, не оставалось мест, не помеченных тэгами. Фрагмент текста, который не обладает признаком связности и выделение тем в котором затруднительно, помечается как атематический, который так и называется в списке – *атематический фрагмент*:

<дом:устройство_дома>Там ф-сенках з'делали/ ну-просто сенки/ ничё-ни// Просто сенки и-одна изба// Сийчяс-вот почему-то не-называют/ по-теперишному комната да-и-фсё// Комната и-кухня/ а-тода почему-то изба и-горница//**</дом:устройство_дома> <дом:устройство_дома><атемат>**По-такому-бы назвать вот как сийчяс-вот показывают картины-то фсё// **О**й-как хорошо**/</атемат><дом:устройство_дома>** ну-там действитель'но горницы// Ну-просто как фтора комната и-фсё//**</дом:устройство дома>**

Кроме фонетической и элементов просодической разметки (см. сайт: [5]) программисты уже разработали подачу метатекстовой информации (*Паспорт информанта* и *Паспорт текста*) и структурной разметки (оформление вопросно-ответной структуры текста). Область работы программистов на данном этапе – поиски возможностей автоматической тематической разметки, которая может упростить техническую составляющую процесса разметки. Это сложная задача, тесно связанная с работой лингвистов, поскольку от последних требуется составить список наиболее частотных тем, представляющих "зоны актуального внимания" сельского жителя.

Полагаем, динамический классификационный признак (т. е. с возможностью пополнения новыми материалами по мере их получения и обработки) в полной мере отвечает характеристикам нашего корпуса. Корпус будет аннотированным с ориентацией на тематическую разметку текстов, а также на предоставление большого объема экстралингвистической информации (метатекстовая разметка). Тексты в корпусе будут приводиться в полном объеме, без попытки искусственного деления на фрагменты по темам. Это обосновано тем, что для изучения особенностей речи диалектоносителей с концептологической, лингвокультурологической и др. позиций нужен широкий дискурсивный контекст. Полагаем, назначением корпуса прежде всего является создание репрезентативной источниковой базы как для изучения современного состояния говоров Среднего Прииртышья, своеобразия народной ментальности и диалектной картины мира, диалектного дискурса, так и для иллюстрации результатов уже проведенных исследований традиционной речевой культуры в разных аспектах: лексикографическом (формирование картотек, получение словников, создание словарей различных типов); сопоставительном

(общность и специфика слагаемых народной речевой культуры в сопоставлении с литературным языком); системно-структурном и др.

Список использованной литературы

1. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Проблемы создания электронного диалектного корпуса// Русская устная речь. Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15–17 ноября 2010 г.) / под ред. О.Ю. Крючковой. Саратов: ИЦ Наука, 2011. С. 249–260.
2. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч. / под ред. Н.А. Илюхиной, С.И. Дубинина и др. Ч. 1. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2006. С. 71–80.
3. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
4. *Лавров Д.Н., Харламова М.А.* Словарь констант народной речи: выбор платформы представления // Вестник Омского университета. Омск. 2015. № 1 (75). С. 213–216.
5. Словарь констант народной речи Среднего Прииртышья. URL: http://dict.univer.omsk.su/ (дата обращения: 14.03.2019).
6. *Харламова М.А.* Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация: монография. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2014. 209 с.

Раздел 4
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

А.А. Анисова
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

УДК 81.37

Лексический повтор как репрезентатор мотива возвращения в рассказе А.П. Платонова «Река Потудань»

Аннотация. В статье анализируется повтор слов, репрезентирующих мотив возвращения в рассказе А.П. Платонова «Река Потудань». Мотив возвращения представлен в тексте двояко: ‘возвращение как повторение’ и ‘подлинное возвращение’. Сам лексический повтор показывает трудность возвращения: герою только в конце удается действительно вернуться к мирной жизни. Таким образом, лексические повторы являются структурообразующим элементом текста, а также участвуют в раскрытии идейно-тематического содержания рассматриваемого рассказа.

Ключевые слова: художественный текст, язык художественного произведения, лексический повтор, тематическая группа, А.П. Платонов.

A.A. Anisova
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

The Lexical Reiteration and Motive of Return in Andrej Platonov’s Short Story “The Potudan River”

Abstract. The article is devoted to the analysis of the reiteration expressing the motive of return in Andrej Platonov’s short story “The Potudan River”. The theme of return is represented in the story as repetition and reversion. The lexical reiteration expresses the difficult return of the protagonist, he is able to come back to peaceful life only in the very end of the story. Thus, the lexical reiterations are a basic element of narrative structure, they unpack the main ideas and themes of the short story “The Potudan River”.

Keywords: artistic text, language of art work, repeat vocabulary, thematic group, A.P. Platonov.

Статья посвящена исследованию лексических повторов, участвующих в реализации мотива возвращения в рассказе А.П. Платонова «Река Потудань». Данный мотив появляется уже в первом абзаце рассказа и репрезентируется лексикой тематической группы «Возвращение»:

*Трава **опять** отросла по набитым грунтовым дорогам гражданской войны, потому что война прекратилась. В мире, по губерниям **снова** стало тихо и малолюдно: некоторые люди умерли в боях, многие лечились от ран и отдыхали у родных, забывая в долгих снах тяжелую работу войны, а кое-кто из демобилизованных еще не успел **вернуться** домой и **шел** теперь в старой шинели, с походной сумкой, в мягком шлеме или овечьей шапке, – **шел** по густой, незнакомой траве, которую раньше не было времени видеть, а может быть – она просто была затоптана походами и не росла тогда. Они **шли** с обмершим, удивленным сердцем, **снова** узнавая поля и деревни, расположенные в окрестно-*

© А.А. Анисова, 2019

сти по их дороге; душа их уже переменилась в мучении войны, в болезнях и в счастье победы, – они ***шли*** *теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад, потому что они превратились совсем в других людей – они выросли от возраста и поумнели, они стали терпеливей и почувствовали внутри себя великую всемирную надежду, которая сейчас стала идеей их пока еще небольшой жизни, не имевшей ясной цели и назначения до гражданской войны. Поздним летом* ***возвращались*** *домой последние демобилизованные красноармейцы. Они задержались по трудовым армиям, где занимались разным незнакомым ремеслом и тосковали, и лишь теперь им велели* ***идти*** *домой к своей и общей жизни* [1, с. 425–426].

Наряду с лексемами *вернуться*, *возвращаться* к рассматриваемой тематической группе мы отнесли лексему *идти*, так как она используется для описания возвращения людей с войны. Также в эту группу можно включить лексемы *опять*, *снова*, так как с *возвращением* у них есть общая сема – ‘повторение’. Таким образом, мотив возвращения трактуется в тексте двояко: ‘***возвращение как повторение***’ и ‘***подлинное возвращение’***.

В начале рассказа можно выделить и такой дополнительный признак мотива возвращения, как **несамостоятельность**: *<…> им* ***велели*** *идти домой к своей и общей жизни* [Там же, с. 426], то есть возвращение представлено не как желание самого героя.

Далее описывается возвращение главного героя Никиты Фирсова домой после Гражданской войны, что маркируется в тексте повтором лексики, репрезентирующей этот мотив в экспозиции:

По взгорью, что далеко простерто над рекою Потудань, уже вторые сутки ***шел*** *ко двору, в малоизвестный уездный город, бывший красноармеец Никита Фирсов.*

<…>

В нынешнюю ночь отец Никиты Фирсова спал, как обычно, по необходимости и от усталости. <…> Никита ***подошел*** *к завалинке и постучал в окошко отца; сверчок умолк на время, словно он прислушивался, кто это* ***пришел*** *– незнакомый, поздний человек. <…> Потом он побежал, небольшой и тощий, как мальчик,* ***кругом*** *через сени и двор – отворять запертую на ночь калитку.*

Никита ***вошел*** *в старую комнату, с лежанкой, низким потолком, с одним маленьким окном на улицу. <…> Никита снял сумку и шапку, медленно разделся и* ***сел*** *на кровать* [Там же, с. 426–428].

Здесь употребляются лексема *идти* и ее дериваты *подойти*, *прийти*, *войти*, а также лексема *кругом*, представляющая идею ‘возвращения как повторения’, еще появляется лексема *сесть*, которую тоже можно отнести к тематической группе «Возвращения», так как она выражает идею ‘конца пути’.

Итак, нам представляется, что герой вернулся домой. Однако затем в рассказе повторяется уже знакомая нам лексика (*пошел*, *обошел*), которая говорит, что истинное возвращение не состоялось:

На другой день ***после возвращения*** *с гражданской войны Никита* ***пошел*** *в военный комиссариат, чтобы его отметили там в запас. Затем Никита* ***обошел*** *весь знакомый, родной город <…>* [Там же, с. 429].

Следующий абзац повторяет в миниатюре возвращение героя домой, что подтверждает употребление лексем *пройти*, *сесть*:

Он медленно ***прошел*** *мимо дома с зелеными ставнями, куда он некогда ходил в гости с отцом. <…> Никита внимательно посмотрел в окна этого дома; занавесок на окнах теперь не было, по ту сторону стекол виднелась чужая тьма. Никита* ***сел*** *на скамейку около калитки обветшалого, но все же знакомого дома* [Там же, с. 430].

Это говорит о том, что возвращения героя не произошло. Значит, перед нами мотив возвращения как повторения, то есть неподлинного возвращения.

Затем в тексте происходит несколько попыток героя достичь подлинного возвращения, но они заканчиваются его уходом, что подтверждается и повтором лексем, репрезентирующих мотив возвращения как повторения. Это сопровождается мотивом несамостоятельного возвращения, который был задан в начале рассказа. Например, Люба забирает (возвращает) больного Никиту к себе домой, но это его возвращение несамостоятельно, что подчеркивается употреблением глагола *велеть*: *Обхватив Никиту, Люба* ***велела*** *ему ступать ногами и вывела его, озябшего, на улицу* [Там же, с. 439].

Мотив возвращения через употребление слов *повторяться* и *сначала* связывается с идеей цикличности природы и жизни:

Отец тем временем – к марту месяцу – сделал не спеша в подарок молодым большой шкаф, подобный тому, который стоял в квартире Любы, когда еще ее мать была приблизительной невестой отца Никиты. На глазах старого столяра жизнь ***повторялась*** *уже по второму или* ***по*** *третьему своему* ***кругу*** [Там же, с. 442];

Земля по склонам и на высоких пашнях лежала темной, снег ушел с нее в низы, пахло молодою водой и ветхими травами, павшими с осени. Но осень уже забытое давнее время, – земля сейчас была бедна и свободна, она будет рожать все ***сначала*** *и лишь те существа, которые никогда не жили* [Там же].

Таким образом, лексемы со значением ‘повтора’ вербализуют идею повторения жизненного цикла, а также говорят о том, что герой так и не вернулся по-настоящему.

В конце рассказа герою удается истинное возвращение. Никита узнает от своего отца, что Люба тосковала по нему и хотела утопиться. Тут герой проявляет свою волю – первый раз за все повествование, что выражается формой 1 лица глагола *идти*:

Никита думал о Любе, и опять его сердце наполнялось горем и силой.

– Ты ночуй, отец, один, – сказал Никита. – Я ***пойду*** *на Любу погляжу* [Там же, с. 453].

При описании этого возвращения используется глагол *бежать*, что подчеркивает интенсивность действия:

Выйдя из слободы, Никита ***побежал*** *по безлюдному уездному большаку. Утомившись, он* ***шел*** *некоторое время шагом, потом снова* ***бежал*** *в свободном легком воздухе по темным полям* [Там же].

Итак, семантическая структура рассказа представляет собой последовательность возвращений главного героя, которые маркируются повтором лексики, репрезентирующей мотив возвращения в экспозиции рассказа. Мотив возвращения распадается на два: возвращение как повторение (неподлинное) и подлинное возвращение. Возвращение-повторение маркируется лексикой со значением ‘повторения’, сравнениями с природным циклом, а также указанием на несамостоятельность героя. Истинное возвращение показано как самостоятельное решение героя.

Список использованной литературы

1. *Платонов А.П.* Река Потудань // Платонов А.П. Счастливая Москва: роман, повесть, рассказы. М.: Время, 2010. С. 425–454.

В.Н. Базылев
Московский государственный
лингвистический университет,
г. Москва

УДК 930.272

Герменевтический подход к проблеме авторского понимания текста

Аннотация. В докладе рассматривается проблема авторского понимания текста. Обсуждается соотношение герменевтической практики и теории, отмечается недостаточная разработанность последней. Предлагается различать рациональную и иррациональную оценку автором своего текста. Обращается внимание на необходимость рефлексии субъективности автора и несовершенства языка для понимания смысла текста. Выявляется зависимость понимания текста автором не от объективной реальности, а от его субъективной позиции. Выдвигается предположение о важности, актуальности и перспективности разработки проблемы понимания для педагогической герменевтики.

Ключевые слова: герменевтика, текст, понимание, интуиция, интерпретация, смысл, реконструкция.

V.N. Bazylev
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Hermeneutic Approach to the Problem of the Author's Understanding of the Text

Abstract. Some problems of modern hermeneutics are considered in the article. The hermeneutic practice and theory are correlated with insufficient elaboration of the latter. Rational and irrational hermeneutics are established. To understand the meaning of the text it is necessary to overcome the author's subjectivity and the language imperfection. The hermeneutic truth depends on the position of the author and not just on the objective reality. Importance, relevance and development prospects of the understanding problem in pedagogical sciences are specified.

Keywords: hermeneutics, text, understanding, intuition, interpretation, meaning, reconstruction.

Проблемы понимания автором собственных текстов освещаются в основном в биографическом литературоведении при анализе писем, дневников, черновых заметок, отзывов автора о собственных произведениях, мемуаров и критических статей его современников. Этот богатый материал, несомненно, представляет ценные сведения о процессах смыслопорождения текста, является важным источником конкретизации авторского замысла [8]. Однако он не исчерпывает, на наш взгляд, решения проблем концептуальной реконструкции авторского текста. Именно герменевтическое изучение текстовой семантики с привлечением сведений биографического характера приблизит нас к авторскому пониманию текста, к источникам и принципам его (текста) смыслообразования.

Обычно в исследованиях по теории текста при анализе коммуникативного ряда (автор – текст – адресат) процесс порождения соотносится с автором, а восприятие – с читателем. Понимание же рассматривается как двухфокусное явление [6].

Признание креативного статуса реципиента сторонниками эвристического подхода к тексту и инкорпорирование лингвистикой принципа «обратной связи» делает подобное разграничение, видимо, не столь убедительным [1]. В последние годы в научных исследованиях интересующего нас профиля принято соотносить читательское восприятие с

© В.Н. Базылев, 2019

порождением собственного текста или вторичным порождением. То есть в языковую игру понимания текста вовлекаются как элементы восприятия, так и элементы порождения. При этом проблемам продуктивно-рецептивных характеристик авторского понимания гораздо больше уделяется внимания в работах психологов, а не филологов или лингвистов. На самом деле, восприятие собственного произведения есть повторение процесса его порождения автором [2]. При этом, естественно, восприятие законченного текста не может повторить, скопировать процесс его создания, настолько он сложен и практически не рефлектируется. Отметим, что процесс воплощения замысла, т. е. собственно поэтическое творчество, нами сознательно исключается из круга рассматриваемых проблем, так как лингвистически неоформленный текстовый замысел – это не есть еще (пока) понимание, если согласиться с тем, что понимание должно быть (актуально или потенциально) опосредовано языком. В данном случае мы исходим из тезиса Г. Гадамера о том, что «бытие, которое может быть познано, есть язык» [7, с. 344]. Речь о понимании может идти, на наш взгляд, тогда, когда текст уже создан, вербально зафиксирован. Однако в этом случае автор изменяет свой статус, становится своим собственным первым читателем. Такой подход если не уравнивает, то сближает позиции автора и читателя при определении степени креативности их концепций текста и дает возможность определить характер понимания как рецептивно-креативный [3; 4].

Подтверждением этому может служить тот факт, что авторское понимание по сравнению с читательским может быть более полным, но отнюдь не более глубоким. Это связано с тем, что определение уровня осознанного и неосознанного, бессознательного, в процессе создания поэтического текста весьма проблематично.

Определяя характер авторского понимания как рецептивный, мы, тем не менее, осознаем трудности в процессе его фиксации, к которым нас подводит этот вывод. Так, М.М. Бахтин считал, что именно рецептивное отношение автора к созданным уже произведениям нивелирует истинность его самоинтерпретаций [5, с. 129]. Это лишний раз подтверждает необходимость обращения к собственно лингвистическому материалу при анализе авторского понимания.

При исследовании «порождения» и «восприятия» сторонники герменевтического подхода так же далеки от отождествления этих процессов, как и от их тотального размежевания, что отмечается в работах структуралистов, разделяющих концепцию текста как единого сигнала [9, с. 87]. Если рассматривать понимание в деятельностном аспекте, то речь, скорее, может идти о едином процессе порождения и восприятия, результатом которого должно быть создание смысла.

Наиболее показательным при рассмотрении единого синтетичного процесса «порождения-восприятия» может стать анализ поэтического текста, специфика которого заключена в сближении позиций автора и адресата, осуществлении герменевтического ролевого принципа, связанного с реализацией «образа Я». Появление же в произведении тех или иных элементов прецедентных текстов создает предпосылки для более объективного изучения процессов авторецепции.

Стихотворение О. Мандельштама «Бах», написанное в 1913 году и вошедшее в сб. «Камень», относится к раннему периоду творчества поэта на этапе его перехода от поэтики символизма к поэтике акмеизма. Появление этого сборника в печати было встречено весьма разноречивыми откликами. Некоторые рецензенты, напр. К. Бальмонт, отмечая в сборнике обилие образов и персонажей исторических, мифических и литературных, пришли к выводу о том, что поэт самоустраняется, что автора с его живыми оценками в стихотворениях просто нет.

Другие же усматривали именно самостоятельность и оригинальность текстов поэта в его стремлении бросить «взгляд со стороны», ввести поэтический континуум в реальную систему координат, что было присуще акмеистам с их принципами предметности и

конкретности в искусстве. Подобный «взгляд со стороны» сознательно противопоставляется «взгляду изнутри» – поэтическому эгоцентризму романтиков и символистов. Так, Н. Гумилев считал важнейшей специфической чертой поэзии О. Мандельштама, рассматривая ее как несомненное достоинство, то, что он вытравил в себе романтика, не затронув в то же время поэта.

Такой «взгляд со стороны» на творчество раннего О. Мандельштама дает нам возможность сделать некоторые выводы об «образе Я» поэта, а анализ конкретных текстов – выводы о лингвистической реализации данного «образа Я».

Музыка И.-С. Баха оказывается во многом созвучной раннему творчеству самого поэта, которое было пронизано идеями классицизма с его хоральным многоголосием и последовательным соблюдением всех законов гармонии. Образ Баха, в котором проступают черты типического, творческой личности вообще, частично проецируется на «образ Я» автора и, таким образом, может быть рассмотрен как один из способов экспликации авторского сознания в тексте. «Взгляд со стороны» в данном случае связан с утверждением принципиальной доказуемости искусства, с решением давнего спора об алгебре и гармонии:

Высокий спорщик, неужели,
Играя внукам свой хорал,
Опору духа в самом деле
Ты в доказательстве искал?

В «Утре акмеизма» О. Мандельштам напишет: «Как удивительна музыка Баха! Какая мощь доказательства! Доказывать и доказывать без конца: принимать в искусстве что-нибудь на веру недостойно художника, легко и скучно» [10, с. 44]. Заданный уже в заголовке образ Баха (устойчивым образом восприятия обладает, по-видимому, каждый великий художник) воспринимается как символ своеобразной акмеистической политики О. Мандельштама: символ строгости и логичности искусства, которому в высокой степени соответствует дух лютеранских соборов, где «доски вместо образов», противопоставленный «разноголосице трактиров буйных и церквей». Итак, Бах для поэта «высокий спорщик», «рассудительнейший Бах», «несговорчивый» старик, «гневный собеседник». Но всякое искусство, всякое творчество нельзя рассматривать односторонне. Помимо строгой логики во всяком великом произведении искусства проявляются элементы алогизма. Человек, живущий своим творчеством, не может быть до конца объективен, поскольку это уже «взгляд изнутри».

Что звук? Шестнадцатые доли,
Органа многосложный крик –
Лишь воркотня твоя, не боле,
О, несговорчивый старик!

Именно это обращение к неосознанности, к противопоставляемой строгой логике эмоциональности творческого процесса делает убедительным мотив «ликования», который, на первый взгляд, не ассоциируется с традиционным образом «рассудительнейшего Баха».

Таким образом, при анализе процессов творчества мы видим, что в «образе Я» раннего Мандельштама (холодного, чопорного, стремящегося к абсолютной логике в искусстве) проступают черты иного ролевого воплощения поэта, его более позднего «образа», которому во многом свойственны искренность, непосредственность, эмоциональность восприятия. Именно герменевтический анализ текстов «от автора» дает возможность

расширить круг самооценок поэта за счет включения потенциалов его самоинтерпретаций.

Список использованной литературы

1. *Базылев В.Н.* Герменевтика и культурный статус художественного произведения: как воспринимать сегодня «Энциклопедию русской души» В. Ерофеева / Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орёл: ОГИИК – Изд-во «Горизонт», 2012. С. 6–20.
2. *Базылев В.Н.* Глубина пребывания в чужой словесной стихии // Вопросы психолингвистики. 2010. № 1 (11). С. 47–50.
3. *Базылев В.Н.* Коммуникативный смысл текста и его понимание // Современная коммуникативистика. 2015. Т. 4. Вып. 5. С. 31–39.
4. *Базылев В.Н.* От учебной интерпретации читаемого отрывка – к пониманию всего текста // Вопросы психолингвистики. 2018. № 3 (37). С. 8–21.
5. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
6. *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. М.: Генезис, 2006. 320 с.
7. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
8. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
9. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
10. *Мандельштам О.Э.* Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.

Т.А. Бобрикова
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь

УДК 81´221

Семиотика сновидений в контексте антропологии пространства (на материале романа Милорада Павича «Другое тело»)

Аннотация. В статье представлен анализ механизма репрезентации сновидений в романе Милорада Павича «Другое тело». Сновидение в когнитивно-семиотическом понимании рассматривается как ментальный пространственный локус. В ходе исследования рассмотрены следующие вопросы: степень актуализированности границ сновидения (границы между отдельными снами, сном и явью), семиотический характер репрезентации персонажей сна, полилингвальный характер актуализации снов для персонажей. Показано, что степень семиотической достоверности сновидений для героев романа и его читателей определяется двумя факторами: индексально-иконическим характером репрезентации ментальных образов и их мультимодальным кодированием (средствами вербального и невербального языков).

Ключевые слова: семиотика пространства, сновидение как пространственный локус, индексально-иконические и символические репрезентации, мультимодальное кодирование, семиотическая достоверность, Милорад Павич.

T.A. Bobrikova
Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
Perm, Russia

Semiotics of Dreams in the Context of the Anthropology of Space (Based on the Novel by Milorad Pavić "Other Body")

Abstract. The article presents an analysis of semiotic representation of dream in the novel "Other body" by Milorad Pavic. In the semiotic sense the dream is considered as a mental spatial locus. The study addressed the following questions: we are interested in actualization of dream boundaries (boundaries between dreams and between dream and real life), the way of representation of the characters, the multilingualism of the dream. It is shown that the degree of semiotic authenticity of dreams for the heroes of the novel and its readers is determined by two factors: the index-iconic character of the representation of mental images and their multimodal coding (using verbal and non-verbal languages).

Keywords: semiotics of space, dream as a spatial locus, index-iconic and symbolic representations, multimodal coding, semiotic authenticity, Milorad Pavic.

В антропологическом измерении сон – один из локусов человеческой жизни, своего рода параллельная реальность [4]. Филологические исследования обращены к нарративной функции сна в структуре художественного текста [8]. В рамках когнитивно-семиотических исследований сновидения можно рассматривать как *пространственные ментальные образы*, актуализированные для своего субъекта по индексально-иконическому и символическому типам. **Целевые установки** работы связаны с анализом механизма репрезентации сновидений в романе сербского писателя Милорада Павича «Другое тело». В статье показано, что степень семиотической достоверности сновидений для героев романа и его читателей определяется двумя факторами: иконическим характером репрезентации ментальных образов и их мультимодальным кодированием. При этом

© Т.А. Бобрикова, 2019

символическое измерение сновидений «расширяет» пространство человеческой жизни [3; 9; 10].

Важнейшая антропологическая особенность человека – способность существовать в **системе** пересекающихся **пространственных сред**: физический мир, память, интеллектуальная история и др. Именно эта ситуация моделируется в романе М. Павича «Другое тело» [5]. Жизнь героев романа представлена как система условных переходов из одного пространственного локуса в другой. По Павичу, человек существует в физическом мире (географические границы романа очерчены Белградом, Мюнхеном, Парижем, Венецией, Сентандреей, Китаем и др.), пространстве памяти, интеллектуальном пространстве культуры, своих снах, а после смерти осуществляет переход в еще один локус – «другое тело» (актуализация одного из нарративов Евангелия). Герои романа «Другое тело» ищут ответ на вопрос: а может ли и человек обрести другое физическое тело, как это произошло с Иисусом Христом после воскресения? Некая женщина в Венеции 1770 года, монах из Сентандреи, в Венгрии, предположительно в 1749 году [5, с. 39], люди XXI века (писатель и его жена Лиза Свифт, агент Горацио Керуак и Лидия) – все они задаются этим вопросом, гадая с помощью Богородицыных слез, перстня из живого камня и заклинания, которым являются строчки из «Божественной комедии» Данте.

Исследовательский предмет этой статьи – система снов романа «Другое тело» как ментальный локус, объединяющий все перечисленные пространства и выполняющий функцию их семантического ключа. В романах М. Павича сны – это не только литературный прием и композиционный элемент нарратива («текст в тексте») [1; 2]. Конечно, сны выполняют *нарративные функции*, определяя ход сюжета, предсказывая героям их будущее. Например, к Лизе во сне приходят в облике зверей смерть и дитя смерти, предвещающие уход из жизни её мужа. Но не менее значим *антропологический характер* сновидений: для Павича сон – пространство, в котором человек существует столь же реально, как и в физическом мире. Так, в романе «Хазарский словарь» ловцы снов «умели жить в снах как в собственном доме» [6, с. 81].

В процессе семиотического анализа сновидений мы обращаемся к системе проблемных вопросов, в числе которых:

• степень актуализированности границ сновидения как ментального локуса (границы между сном и явью, между отдельными снами) [3, с. 386–447];

• семиотический характер репрезентации персонажей сна;

• мультимодальное кодирование сна как ментального образа;

• степень семиотической достоверности сновидений.

8 сновидений, включенных в роман «Другое тело», должны рассматриваться как единый пространственный локус, поскольку сны разных героев достаточно схожи сюжетами и, более того, героям снятся одни и те же персонажи. Так, в XIX веке немецкая монахиня Анна Катарина Эмерих увидела во сне дом, в котором жила Богородица: оттуда бил ключ с целебной водой. А в XXI веке Лизе снится, что она пьет воду из Богородичного источника. Так, Богородичный источник связывает пространство двух снов. О том, что эти «пространства следуют одно за другим. По ним блуждают, исследуют их или пользуются ими для прогулки», пишет и другой сербский писатель – Горан Петрович – в романе «Атлас, составленный небом» [7, с. 77]. Получается, что границы между сном и явью, между снами отдельных персонажей маркируются только формально (для этого используются индексы «мне снилось», «приснилось ей», «Лизе снилось», «рассказала мне свой сон», «я видел во сне» и др.). Однако субъекты снов (как и читатели) этих границ не ощущают. И в этом основные причины феномена *семиотической достоверности* сновидений.

Топология снов как пространственных локусов структурирована наподобие физического пространства: во снах представлены динамичные и статичные объекты, активные и пассивные персонажи. Однако сновидения сложнее, нежели реальность:

– прежде всего, во снах атрибутом «быть живым» обладают и люди, и мистические существа, и вещи. Перстень, при помощи которого гадают влюбленные пары в разных веках, появляется во сне писателя у Забетты и Гавриила и, в зависимости от физического состояния своего обладателя, приобретает разные цвета, а смерть во сне Лизы рычала и хотела напасть на супругов, прогоняя их с места;

– герой романа может сниться самому себе. Так, Захария видел во сне, как он шел по мосту сквозь толпу движущихся людей. А Лизе снилось, что она пьет воду из Богородичного источника и что у нее полопались сосуды на бедрах. Эти картины не тождественны ситуации, когда в реальности человек видит себя в зеркале, ведь во сне герой видит моменты прошлого или будущего;

– во сне персонаж может существовать одновременно в двух точках пространства. Так, дьявол во сне писателя раздваивается: один сидит на кровати, а другой – в кресле. Позже они оборачиваются двумя персонажами романа, которые живут в XVIII веке: Забеттой и Гавриилом.

Семиотический характер репрезентации персонажей сна имеет индексально-иконический характер, когда имя индексирует свой референт, а дескрипции позволяют ему «возникнуть». Причем Павич создает эффект мультимодальной репрезентации (репрезентации с использованием вербальных и невербальных систем). С одной стороны, иконизм образов создается средствами вербального языка. Однако в каждом описании скрыт невербальный код. Таким образом, речь идет о приеме *скрытой полилингвальности*.

Начнем с **вербализации визуальных образов** по типу иконы-схемы. В описаниях Павича вербализуются портреты, телосложение, вид одежды, цвет и другие атрибуты мира, воспринимаемые глазом. «У него (дьявола) было три носа, и вид он имел ошеломляющий. Ему было не более семи-восьми лет, и он был девочкой» [5, с. 280]. Забетта – «очень красивая женщина» [5, с. 287], «на ней было платье рококо с глубоким декольте» [5, с. 287]. Гавриил является «в монашеской рясе с надрезанной прямо через грубую ткань мышцей руки» [5, с. 288]. Захария Орфелин предстает полуголым, из одежды на нем была только рубашка.

Семиотический характер этих экфрасисов – индексальность (платье рококо) и схематичный иконизм (описана монашеская ряса, но какого цвета ряса?). Если дьявол актуализирован достаточно достоверно (у него были копытца с колокольчиками и хвост), то смерть, являющаяся Лизе во сне, дана условно: это «белеющий призрак» [5, с. 380], а дитя смерти – «призрак поменьше» [5, с. 308] – «фигура значительно меньшего размера, но тоже закутанная в белое» [5, с. 308].

Благодаря **аудиальным знакам** мы слышим то, что снится героям романа. Сон писателя с дьяволом наполнен звуками: дьявол в облике девочки произносит звук [л] вместо [р]: «Если отсюда блосис камень в глубину, он упадет после тлетего дня. Вот тепель ты, папуля, и подумай, откуда я плисла» [5, с. 280]. Читатель «слышит», как дьявол шмыгает и хлюпает носом. Слышны его звенящие и постукивающие передвижения по комнате, так как у него были копытца с колокольчиками. Когда мы читаем о том, что писатель наливал сок в стаканы и девочка его потягивала, мы также слышим звуки, сопровождающие эти действия. За указанием на то, что девочка сидела, «развалившись в кресле в стиле бидермайер» [5, с. 286], стоит не только визуальный образ. Если кресло старое, то можно услышать его скрип.

Мультимодальность пространственных образов расширяется за счет **тактильных кодов**. От Лизиных слов, что «у нее на бедрах полопались сосуды», возникает ощущение боли. Переходя мост, Захария оказывается в давке «среди локтей, кулаков, грудей, задниц и бедер, и мужских, и женских» [5, с. 72], и читателю становится тесно и некомфортно в толпе. Писатель во сне «спит в старинной деревянной кровати с четырьмя столбиками по углам. Наверху каждого столбика имелся шар». Этот визуальный образ пробуждает желание провести рукой по старому дереву и ощутить его гладкость.

Воспринимая вербально актуализированные **обонятельные и вкусовые образы**, мы можем ощутить вкус яблочного сока или запах канифоли, предназначенной для смазывания смычка (им дьявол чертит рисунок на полу).

Как мы видим, из комплекса семиотических инструментов «строится единый перцептивный образ» [11, с. 248], где все языки (вербальные и невербальные) работают по принципу дополнительности. Несмотря на определенный схематизм вербальных описаний (описаний по типу иконы-схемы), персонажи снов семиотически достоверны именно по причине мультимодального характера репрезентации. Во снах, как и в реальной жизни, действительность актуализируется для нас через систему вербальных и невербальных знаковых систем.

Топология снов в романе усложняется за счет еще одного инструмента. Все иконические описания одновременно имеют и символическое значение, то есть отсылают к пространству идей и концептов. Вода из Богородичного источника символизирует жизнь, а дьявол – искушение бессмертием (отсюда и поиск другого тела).

Сделаем некоторые выводы. В антропологическом понимании, сны для М. Павича выполняют функции одного из пространственных локусов (жить во снах) и семантического ключа, раскрывающего смысл человеческой жизни. В качестве нарративного инструмента сны – единый пространственный локус романа, который соединяет между собой его героев, другие пространственные среды и точки времени от XVIII века до XXI века. Анализ семиотики сна (инструментов репрезентации) позволяет говорить о том, что семиотическая достоверность образов стирает границы между сном и явью. То, что происходит в состоянии бодрствования, перетекает в сон, и наоборот.

Список использованной литературы

1. *Дынник М.* Сон как литературный прием // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2. Стлб. 645–649.
2. *Крупчанов Л.М.* Введение в литературоведение: учебник для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015. 479 с.
3. *Лотман Ю.М.* Семиотика пространства // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 386–447.
4. *Нагорная Н.А.* Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм. М.: МАКС-Пресс, 2006. 258 с.
5. *Павич М.* Другое тело: роман / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб.: Издательский Дом Азбука-классика, 2007. 336 с.
6. *Павич М.* Хазарский словарь / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб.: Азбука-классика, 1999. 384 с.
7. *Петрович Г.* Атлас, составленный небом / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб.: Изд-во Пальмира, 2018. 312 с.
8. *Савельева В.В.* Художественная гипнология и онейротопика русских писателей: монография. Алматы: Жазуши, 2013. 520 с.
9. *Успенский Б.А.* Избранные труды, Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа Языки русской культуры, 1996. 608 с.
10. *Флоренский П.* Иконостас // Богословские труды. М, 1972. Вып. IX. С. 80–148.
11. *Чертов Л.Ф.* Знаковая призма: статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур, 2014. 320 с.

Э.Р. Григорян
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 821.161.1

Русские национальные социокультурные автостереотипы в повести А.И. Куприна «Олеся»

Аннотация. Исследование посвящено изучению национальных социокультурных стереотипов в повести А.И. Куприна «Олеся». Демонстрируется важность данного понятия для национального самосознания и всей культуры в целом. Доказывается, что произведение иллюстрирует значимость выявленных национальных социокультурных автостереотипов русского человека. Акцентируется внимание на национальных автостереотипах, находящихся во «внутренней речи» главных героев повести. Иллюстрируется, как произведения литературы аккумулируют национальные социокультурные стереотипы эпохи.

Ключевые слова: русская литература, стереотипы, социокультурные стереотипы, национальные стереотипы, автостереотипы.

E.R. Grigorian
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Russian National Socio-Cultural Autostereotypes in the Novel "Olesya" by A.I. Kuprin

Abstract. This research is devoted to studying national socio-cultural stereotypes in the novel "Olesya" by A.I. Kuprin. There is demonstrated the development of this concept for national identity and the whole culture. It proves the work way of illustrating the significance of the identified national socio-cultural auto-stereotypes of the Russian person. The attention is focused on the national autostereotypes that are based on "inward speech" of the main characters of the novel. This research illustrates the way of accumulation the era-typical national socio-cultural stereotypes in literary works.

Keywords: Russian literature, stereotypes, socio-cultural stereotypes, national stereotypes, autostereotypes.

Исследования национальных социокультурных стереотипов способствуют их пониманию как неотъемлемой части этоса (суммы специфических черт) каждой нации.

В ряду социокультурных стереотипов выделяют этностереотипы. Они отражают образы поведения или менталитета в представлении этносов друг о друге. Эти образы могут быть как автостереотипными, так и гетеростереотипными [1, с. 246]. Не следует считать, что этностереотипы могут быть только отрицательными: особенно положительная эмоциональная оценка связана с автостереотипами, которые стремятся обозначить идеалы своего этноса и сохранить (и даже распространить в пространстве и времени) самобытность национального характера. Часто гетеростереотипы и автостереотипы об одном и том же этносе не совпадают, что ведёт к расхождению самого этнического образа среди «своих» и «чужих» [1, с. 248].

Стереотип – понятие, базирующееся на ментальном компоненте, он хранится в мышлении личности и группы людей. Таким образом, в литературном произведении

© Э.Р. Григорян, 2019

проявить и обнаружить социокультурный стереотип целесообразно через «внутреннюю речь» героя.

Национальный социокультурный автостереотип, вербализованный в суждение «В деревне скучно» / «В деревне скучнее, чем в городе» – один из стереотипов, проявленных в повести А.И. Куприна «Олеся». Доказательство мы находим в речи «внутреннего человека» главного героя: «Судьба забросила меня на целых шесть месяцев в глухую деревушку Волынской губернии, на окраину Полесья, и охота была единственным моим занятием и удовольствием. Признаюсь, в то время, когда мне предложили ехать в деревню, я вовсе не думал так нестерпимо скучать» [2, с. 3]. Иван Тимофеевич передаёт разочарование через речь своего «внутреннего человека» [3, с. 12]: «Перебродские крестьяне отличались какою-то особенной, упорной несообщительностью» [2, с. 3]; «Книжки, какие у меня были, я все очень скоро перечитал» [2, с. 4]; «От скуки – хотя это сначала казалось мне неприятным – я сделал попытку познакомиться с местной интеллигенцией в лице ксендза» [2, с. 4]; «Потом я пробовал заняться лечением перебродских жителей» [2, с. 4]; «<…> я тосковал страшно. Понятно, я ухватился с жадностью за такое невинное развлечение, как обучение грамоте полесовщика Ярмолы» [2, с. 5].

Мы видим в речи «внутреннего героя», как его скука возрастает. Сначала он говорит о делах, которые могли бы спасти: «я перечитал», «сделал попытку», «пробовал заняться лечением». Данные глаголы несут в себе смысл, указывающий на то, что дела имели неуспех. Но далее тоска становится страшной, теперь герой ухватился за дело с жадностью. Мы видим нарастание скуки и превращение её в другое понятие – в беспокойство. Повествование гиперболизируется и переносится из плана «разумного» (скучно, потому что нечем заняться) в план эмоции, чувств: «На меня нашло странное, неопределённое беспокойство» [2, с. 8]. Можно увидеть на данном примере, как национальный социокультурный стереотип является не только частью «пейзажа души» героя, но и сюжетообразующим ключом всей повести. На фоне скуки, превращающейся в тревогу, начинается метель. Вспомним, что данное погодное явление в русской литературе является важным природным действием. Мы имеем дело с национальным социокультурным стереотипом «Метель – предвестник зла»: «Ветер за стенами дома бесился, как старый озябший голый дьявол. В его реве слышались стоны, визг и дикий смех. Метель к вечеру расходилась еще сильнее. Снаружи кто-то яростно бросал в стекла окон горсти мелкого сухого снега. Недалекий лес роптал и гудел с непрерывной, затаенной, глухой угрозой...» [2, с. 7]. Отметим, что перечисление скучных дел в деревне сменилось эмоциональным описанием погоды, и это, в свою очередь, связано с предчувствием героя: «Ветер забирался в пустые комнаты и в печные воющие трубы, и старый дом, весь расшатанный, дырявый, полуразвалившийся, вдруг оживлялся странными звуками, к которым я прислушивался с невольной тревогой. Вот точно вздохнуло что-то в белой зале, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально» [2, с. 8].

Противопоставление природного и социального – важный социокультурный стереотип данной исторической эпохи, который выступает сюжетообразующим фактором повести. Каждый из героев олицетворяет соответствующие понятия: дворянин Иван Тимофеевич и крестьянка-колдунья Олеся.

Встреча героя сначала с Мануйлихой и Олесей происходит случайно: так, как будто Ивана Тимофеевича занесла сюда неопределённая сила. Здесь автор знакомит читателя с центральным образом повести – с Олесей, но туман «загадочности» развеивает постепенно. Вскоре должно произойти нечто важное – и на это указывает беспокойство, причем «звериное» (лесное, природное начало).

«Смотри, бабушка, зяблики опять за мной увязались», – первые слова, которые мы слышим от Олеси в повести. Зяблики последовали за ней, сама природа следует за Олесей [2, с. 17]. Иван Тимофеевич уже восхищен Олесей: «В то время когда она вытянутой

правой рукой показывала мне направление дороги, я невольно залюбовался ею. В ней не было ничего похожего на местных “дивчат”» [2, с. 18]. Из речи «внутреннего человека» героя делаем следующий вывод об образе Олеси: лёгкая, в свободной белой рубахе, непохожая на других, присутствуют лукавство, властность, наивность, решительность, капризность.

Олеся – полное противопоставление главному герою. Тот – человек социума, среды, а у неё внутри нет борьбы: она говорит, что думает, действует, следуя сердцу, ничего не боится, она сама Природа. Яркая естественность Олеси противопоставлена серому эгоизму человека из социума. Например, ключевая деталь в сюжете – коралловые бусы. Подобный важный приём – яркое на фоне серого – мы видим и в других произведениях писателя.

«Во всех её движениях, в её словах, – думал я, – есть что-то благородное (конечно, в лучшем смысле этого довольно пошлого слова), какая-то врожденная изящная умеренность...» [2, с. 22]. «Внутренняя речь» героя показывает нам, как сам герой противопоставляет социальное и естественное. Истинное прекрасное остаётся естественным и нетронутым только вне социума.

Сцена объяснения любви важна для понимания противопоставления Ивана Тимофеевича (социального компонента) и Олеси (природного компонента): Олеся ничего не боится и ни о чём не жалеет, кроме того, что любовь не продолжилась в материнстве. Здесь языческая любовь приобретает черты, которые, казалось бы, ей несвойственны, и превращается в целомудренную: «Но Олеся умела избегать их с такой наивной целомудренностью, что ни разу ни одно дурное сравнение, ни один циничный момент не оскорбили нашей связи» [2, с. 55]. Интересно то, что у Олеси вся «внутренняя речь» («внутренний человек») проявляется и читается либо в окружающей природе, либо во внешности девушки. В ней нет скрытности, она говорит всё прямо: «Трефовая дама – это я», «Случится что-то плохое», «Куда там! «Ты, говорит, пропадешь из-за него... Натешится он тобою вволю, да и бросит. Не любит он тебя вовсе...», «Нет, нет... Ты и сам понимаешь, что об этом смешно и думать. Ну какая я тебе жена на самом деле? Ты барин, ты умный, образованный, а я? Я и читать не умею, и куда ступить, не знаю... Ты одного стыда из-за меня не оберешься...» [2, с. 58].

Национальная литература каждой эпохи является той основой, на которой аккумулируются национальные автостереотипы (стереотипы, отражающие обобщающий образ социальной группы о самой себе).

Романные структуры, созданные ведущими художниками своего времени, выражают содержание эпохи, являются её маркером, демонстрирующим аккумуляцию национальных социокультурных русских автостереотипов. И, насколько мы видим, повесть А.И. Куприна «Олеся» является одним из таких произведений.

Список использованной литературы

1. *Кашкин В.Б., Смоленцева Е.М.* Табуированные темы и этностереотипы в межкультурной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сборник. 2005. С. 246–252.

2. *Куприн А.И.* Олеся. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1974. 124 с.

3. *Эткинд Е.Г.* «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М.: Школа Языки русской культуры, 1998. 448 с.

Е.А. Даутова
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

УДК 82.0

О жанровой специфике «Алмазного моего венца» В.П. Катаева

Аннотация. В современном литературоведении открыт вопрос о рамках жанра «Алмазного моего венца» (1978) В.П. Катаева. В данной статье предпринята попытка по-новому дать точное определение, опираясь на понимание В. Катаевым категории жанра, суждения исследователей и заметки самого автора о смешении документальных свидетельств и художественного вымысла в тексте произведения. Исследование направлено на анализ литературных антропонимов, образов эпохи и автора. На основе данных наблюдений сделан вывод о принадлежности «Алмазного моего венца» к жанру «роман с ключом».

Ключевые слова: В.П. Катаев, «Алмазный мой венец», жанр, мемуары, «роман с ключом».

E.A. Dautova
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

About Genre Specific “Diamond my Wreath” by V.P. Kataev

Abstract. The question about genre of V. Kataev’s book “My diamond crow” (1978) has not the answer in modern literature studies. We try to do it in this article. V. Kataev’s and researches’ of his book opinions about term “genre” and polysynthetic structure of the text are firstly important for us. Our analysis has information about literary anthroponoms, image of the era and author’s character in the text. We conclude that genre of the “My diamond crow” is “romance with a key”.

Keywords: V. Kataev, “My diamond crow”, genre, memoirs, “romance with a key”.

С публикации «Алмазного моего венца» (далее «АМВ») прошло уже более 40 лет*, несмотря на это, вопрос о рамках его жанра пока что открыт. По определению разных исследователей, это «беллетристические мемуары» или «памфлетный мемуарный роман» [7], «книга памяти» [1, с. 193], «повесть» или «мемуары» [8, с. 365–368], «книга-поэма» или «книга-игра» [11, с. 275]. Наличие различных гипотез может быть объяснено тем, что сам В. Катаев, размышляя о жанровой природе «АМВ», к конкретному выводу не приходит: перед читателем то «лекция», то «рассказ» (под «рассказом» В. Катаев подразумевает устную форму повествования «о советской России, о нашем искусстве и о своих друзьях» [5, с. 233]). Также писатель указывает, что его произведение «не роман, не рассказ, не повесть, не поэма, не воспоминание, не мемуары, не лирический дневник» [5, с. 302]. Таким образом, данный вопрос остаётся важным и открытым в современном литературоведении.

Перед тем как рассуждать о жанровой природе «АМВ», необходимо разобраться, как сам писатель понимает категорию жанра. В произведении В. Катаев даёт определение «магического кристалла памяти» [5, с. 302]. Речь идёт о призме авторского сознания: весь строй произведения отображает особенности мировосприятия автора. В рамках такого жанра писатель мог бы одновременно запечатлеть своё прошлое и свои выводы о

* Первая публикация в журнале «Новый мир» (1978. № 6).

© Е.А. Даутова, 2019

нём не через сухие факты, а через рефлексию. Из вышесказанного можно заключить, что в «новом жанре» писатель стремится добиться не правды исторической, а правды субъективной, то есть искренности при изображении материала. Тогда становится понятно, почему В. Катаев, с одной стороны, отрицает связь «АМВ» с мемуарами, то есть исключает наличие документальности, а с другой – заявляет: «Всё – правда» [2, с. 231].

Мы предполагаем, что жанр «АМВ» точнее всего можно определить как «роман с ключом». Под «романом с ключом» вслед за В.В. Ивановым [3, с. 614–625], С.В. Сорокиной [10] мы подразумеваем полисинтетический маргинальный жанр, который возник в XVII веке во Франции (например, «Артамен, или Великий Кир» (1649–1653) Мадлен де Скюдери). В русской литературе можно назвать следующие произведения, созданные в рамках этого жанра: «Козлиная песнь» К.К. Вагинова (1928), «Сумасшедший корабль» О.Д. Форш (1930), «Женщина-мыслитель» А.Ф. Лосева (1933).

Осколочный характер жанра помогает объяснить существование в науке различных, порой противоречивых, мнений о жанре «АМВ»: «роман с ключом» на самом деле сочетает в себе признаки некоторых других жанров. Опасность состоит в том, что исследователь может обратить внимание лишь на одну грань жанра и не заметить другие. Мы же будем учитывать, что «АМВ», как «роман с ключом», находится между текстом документальным и художественным, поскольку автор – свидетель и участник событий – соединяет историко-документальное и символическое видение эпохи [10]. О сложной структуре «АМВ» говорит ряд исследователей: М. Литовская, Т. Геворкян, С. Шаргунов. В «АМВ» мы находим следующие проявление черт документалистики: эпизоды из автобиографии и биографий советских писателей, их портреты, исторические реалии, привлечение документа, хроники. При этом в тексте широкая зона автора: оценки современников и исторических событий, литературные заметки, комментарии к произведениям XIX и XX века, размышления о природе литературы, искусства и гения.

Главным жанрообразующим признаком «романа с ключом» является наличие литературных антропонимов [6, с. 123], иначе говоря, «зашифрованных личностей» – современников автора, изображение которых субъективно и в большей степени мифологизировано. Так, в романе под вымышленными именами В. Катаев скрывает не только известных мастеров Серебряного века: Ю. Олешу (ключик), В. Маяковского (Командор), С. Есенина (король), В. Хлебникова (будетлянин), Э. Багрицкого (птицелов), М. Булгакова (синеглазый), М. Зощенко (штабс-капитан) и др., но и почти забытых к концу века личностей: В. Нарбута (колченогий), С. Кессельмана (эскесс) и др. Однако важно учитывать, что в «романе с ключом» портреты современников представлены не с фотографической точностью, реальные личности и персонажи «АМВ» не тождественны друг другу.

Ведущий исследователь жанра Е.П. Князева подчёркивает, что характер персонажа «романа с ключом» вообще может далеко не соответствовать или даже противоречить характеру его прототипа, так как задачу увековечения реального лица выполняют другие жанры, а литературный антропоним, в первую очередь, должен работать на художественный замысел автора. В. Катаев, например, чтобы подчеркнуть особенность, самобытность И. Бабеля (конармеец), намеренно деформирует реальные факты, изображая писателя обособленным и даже презирающим литературные группировки: «У меня сложилось такое впечатление, что ни ключика, ни меня он <И. Бабель> как писателей не признавал» [5, с. 462]. Однако биографы отмечают, что И. Бабель выше всех «одесситов» оценивал В. Катаева [9, с. 205]. При этом литературный антропоним во многом похож на свой прототип. Можно провести ряд аналогий между описаниями И. Бабеля в «АМВ» и документальных источниках. Например: «Скрытность была основной чертой его характера» [5, с. 464], – у В. Катаева, у И.Г. Эренбурга: «Он любил прятаться, не говорил, куда идет; его дни напоминали ходы крота» [13, с. 469]; «Иногда ненадолго он показывался у Командора на Водопьяном, и каждое его появление становилось литературным событи-

ем» [5, с. 464], – у В.Б. Шкловского: «У Маяковского на Водопьяном переулке Бабеля встретили восторженно» [12].

Можно сделать вывод о том, что образ конармейца – отчасти историческая личность, отчасти вымышленный герой, то есть литературный антропоним. В. Катаев преследует несколько целей, создавая неомифы о современниках при помощи гиперболизации доминирующих черт их характеров. Во-первых, такой приём можно назвать субъективизацией: писатель стремится выразить своё отношение к человеку, это цель частная. Во-вторых, В. Катаев, как уже было отмечено выше, замышлял «АМВ» как рассказ о Революции, то есть об эпохе. В таком контексте создание антропонимов имеет и более широкую цель, а именно создание картины эпохи через частные портреты выдающихся людей того времени. Такой подход к изображению времени появляется у В. Катаева ещё в юные годы, когда он, как и множество его современников, видел в собственных дневниках «летописи» эпохи Революции [4, с. 519].

В «АМВ» эпоха вообще становится одним из главных образов, что также соответствует традиции «романа с ключом» [6, с. 17]. Этот образ создаётся рядом приёмов. В большом количестве находим в тексте исторические реалии, в их числе упоминаются Кубанский поход войск А.И. Деникина [5, с. 349], гиперинфляция и денежная реформа 20-х годов [5, с. 306], переименование московских улиц при смене власти [5, с. 265], «философские пароходы» [5, с. 349] и др.

Одним из основных приёмов, создающих образ эпохи, становится цитирование, прямое и косвенное. В. Катаев, подобно А. Блоку, включает в текст звучание революции, но не её музыку, а её поэзию и прозу, например: «Не исключено, что именно в этот миг он <мулат> вспоминает свою некогда начатую, но брошенную пьесу о Французской революции. Не продолжить ли ее? Как бишь она начиналась?» [5, с. 361] – и далее цитата из «Драматических сцен» Б. Пастернака, над которыми он работал летом 1917 года после Февральской революции. Или другая реминисценция: «Кто из нас тогда не писал о ветке Демулена» [5, с. 363] (ср. со стихотворением «Знаки» Э. Багрицкого: «Сметая золото палат, Зеленой веткой Демулена Украсить стогны баррикад...»).

В числе приёмов, создающих колорит эпохи, также можно назвать символическое изображение Москвы*. В «АМВ» город не только фоновое пространство, где действуют персонажи, но и активный герой. «Москва пушкинская превращалась в Москву Командора» [5, с. 261], – эта деталь отражает всё настроение эпохи Революции: коренной перелом в укладе жизни и культурной парадигме. Говоря о Москве, В. Катаев показывает её в постоянной динамике: переименование улиц, переход от «города пешеходов» к «городу автомобилей». Цитата далее: «Это тоже призрак. Память разрушается, как старый город» [5, с. 261], – за счёт этого сравнения образ Москвы включается в общее семантическое поле с одним из ключевых мотивов «АМВ» – мотивом памяти. Создаётся такая ассоциативная цепочка: Революция – Москва – память автора (можно сказать шире – сознание), где суждения о первом и последнем звене можно соотнести через промежуточный образ города. Тогда первая цитата – объективное изображение эпохи Революции как переходной, а вторая – её субъективная оценка: изменения, произошедшие в обществе, носят деструктивный характер, разрушение памяти соотносится с разрушением города как культурно-бытового пространства вследствие Революции. Итак, мы видим, что образ Москвы в «АМВ» на самом деле символический, он связан с образом эпохи.

Из сказанного выше можно заключить, что между автором «АМВ» и эпохой – временем – возникают диалектические отношения [6, с. 155]. Автор активно участвует в литературном процессе и исторических событиях. Это одна грань взаимоотношений ав-

* См., например, анализ образа Петрограда у Кузьминой Л. Куда же шёл корабль? О романе О.Д. Форш «Сумасшедший корабль» // Нева. 1991. № 8. С. 191–195.

тора и времени, связанная с сюжетным уровнем «АМВ». Другая относится уже к уровню внесюжетному. Автор, сравнивая себя с Ф.М. Достоевским [5, с. 236–237], отрицает время, вступает с ним в борьбу, тут интересно отметить, что черновым вариантом названия «романа с ключом» была «Вечная весна». Эпитет «вечная» подчёркивает вневременное состояние автора. Ассоциативный метод, который В. Катаев называет основным в создании «АМВ», также основан на отрицании времени как линейной хронологической последовательности событий. Но, отрицая время, автор зависит от него: как уже было сказано, мотив памяти, который непосредственно связан с образом времени, является ключевым. «Память мне изменяет, и я уже начинаю забывать и путать имена» [5, с. 231], «У меня уже начала разрушаться память» [5, с. 245], – этими и подобными фразами-лейтмотивами автор стремится запечатлеть как можно больше мгновений из своего прошлого, пока они совсем не исчезли. В таких отношениях со временем автор выступает не как активный участник, а скорее как пассивный свидетель, наблюдатель, стремящийся осмыслить эпоху как в широком смысле, так и в контексте своей биографии.

Итак, можно заключить, что в «АМВ» присутствуют основные черты жанра «роман с ключом»: литературные антропонимы, образ эпохи, диалектические отношения между автором и временем. Заметим, что вне рамок нашего исследования остались другие признаки «романа с ключом» (неомифологизация, диалог с читателем, элитарность и др.), что сообщает теме перспективу и научную актуальность.

Список использованной литературы

1. *Галанов Б.Е.* Валентин Катаев: Размышления о Мастере и диалоги с ним. М.: Художественная литература. 319 с.

2. *Земскова Т.С.* Писатель в нашем доме. Заметки тележурналиста. М.: Современник, 1985. 271 с.

3. *Иванов В.В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 2. 880 с.

4. *Катаев В.П.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. 711 с.

5. *Катаев В.П.* Трава забвенья. Алмазный мой венец. М.: Вагриус, 2005. 447 с.

6. *Князева Е.П.* Писатель и время в романах О.Д. Форш 1920–1930-х годов: «Современники», «Сумасшедший корабль», «Ворон». Саратов, 2016. 183 с.

7. *Котова М.А., Лекманов О.А.* В лабиринтах романа-загадки URL: https://coollib.com/b/294959/read#n_14 (дата обращения: 20.02.19).

8. *Литовская М.А.* «Феникс поёт перед солнцем: феномен Валентина Катаева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 605 с.

9. *Поварцов С.Н.* Подготовительные материалы для жизнеописания Бабеля Исаака Эммануиловича // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 202–232.

10. *Сорокина С.В.* Жанр романа с ключом в русской литературе 20-х годов XX века. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/32_6/ (дата обращения: 24.02.19).

11. *Шаргунов С.А.* Катаев. Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2017. 704 с.

12. *Шкловский В.Б.* Человек со спокойным голосом URL: http://www.bibliotekar.ru/rus-Babel/20.htm (дата обращения: 12.03.19).

13. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. М.: Советский писатель, 1990. Т. 1. 640 с.

М.Е. Жапанова
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

УДК 821.16

Мотив памяти в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Аннотация. В статье на материале романа «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной, представляющем собой трансформацию в «мягкой» (А. Эткинд) форме культурной памяти трагических страниц истории советского народа – раскулачивания и коллективизации – рассматривается мотив памяти. Эта задача реализуется на анализе сюжетной линии о переселенцах-петербуржцах, репрезентирующих образ русской интеллигенции, для которых память стала одной из форм взаимосвязи ставших близкими людей и способом выживания.

Ключевые слова: мотив, частная память, историческая память, культурная память.

M.E. Zhapanova
Gumilev Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan

The Motif of Memory in the Novel by G. Yakhina "Zuleikha Opens Her Eyes"

Abstract. In the article on the material of the novel "Zuleikha opens her eyes" by Guzel Yakhina, representing a transformation in the "soft" (A. Etkind) form of cultural memory of the tragic pages of the history of the Soviet people – dekulakization and collectivization, considers the motive of memory. This task is carried out on the analysis of the storyline about immigrants from St. Petersburg, representing the image of the Russian intelligentsia, for whom memory has become one of the forms of interconnection for close persons and means of survival.

Keywords: motive, private memory, historical memory, cultural memory.

Роман «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной являет собой трансформацию в «мягкой» (А. Эткинд: [2]) форме культурной памяти трагических страниц истории советского народа – раскулачивания и коллективизации.

«Роман Гузель Яхиной, вне всякого сомнения, женский. О женской силе, женской слабости, о священном материнстве не на фоне английской детской, а на фоне трудового лагеря, адского заповедника, придуманного одним из величайших злодеев человечества», – отмечала Людмила Улицкая [3, с. 5], словно предвосхищая полемику о принадлежности романа к женской или исторической прозе во вступительной статье к произведению.

Действительно, роман несет в себе функции женской прозы. Во-первых, художественный текст родился благодаря освоению автором социального опыта и практики женщины (бабушки автора произведения). Во-вторых, произошло событие, которое способствовало тому, что героиня взглянула на свою жизнь с новой точки зрения. В-третьих, героиня реализует появившиеся возможности. В то же время исследователи относят произведение к исторической прозе. Выражая солидарность с ними, обратимся к мнению литературоведа С.И. Чупринина: «Написанное же о сегодняшнем дне ко дню появления в печати тоже успеет стать прошлым, являясь «реконструкцией, воссозданием исчезнувшего» [1, с. 190].

© М.Е. Жапанова, 2019

Известно, что в основе сюжета произведения лежат факты из прошлого, сохраненные частной (бабушки) и семейной памятью автора произведения. В многочисленных интервью писательница рассказывала о том, что раскулачивание – это часть истории ее семьи. Будучи ребенком раскулаченных родителей, бабушка Г. Яхиной провела в ссылке в небольшом трудовом поселке на притоке Ангары 16 лет, вернувшись в Казань лишь в 1946 году. Она подчеркивала, что два эпизода взяла прямо из ее жизни. Первая – это история с затонувшей баржей, вторая – обучение детей профессором Киселевым, автором известного на весь Советский Союз учебника математики. Отметим, что первому эпизоду посвящена целая глава «Баржа» во второй части книги. Сын главной героини романа Зулейхи Юзуф будет одним из восемнадцати учеников, обучающихся по новеньким учебникам арифметики некоего Кислицына «из последней партии новеньких, – не то академика, не то какой-то бывшей величины из Наркомпроса» [3, с. 440].

Автор отмечала, что в процессе работы над произведением стало очевидно, что все истории раскулаченных и переселенных похожи друг на друга. При всей очевидной индивидуальности каждого человека и судеб, в них много одних и тех же сюжетов, ситуаций, мотивов. Действительно, всех везут эшелонами, конечного пункта назначения никто не знает, всех волнует вопрос, доедут или нет, все живут, поддерживая друга друга морально, и, несомненно, воспоминаниями о прошлом, которое куда лучше настоящего.

Особое место в романе занимают петербуржцы, навязанные сотруднику Казанского ГПУ Ивану Игнатову для отправки вместе с раскулаченными. Буквально перед отправкой он получает папку с надписью: «Ленинград – остатки». Волею судеб эта «рухлядь, еденная молью, старичье, пыль истории», учителя, университетские преподаватели, банковский служащий, инженеры и другие оказались в эшелоне К-2437. Единственный ленинградец, который не вписывался в круг интеллигентных «зём», был Горелов, по его словам, он «на Сахалине чалился и в Соловках мочалился» [3, с. 166].

Петербуржцы словно репрезентируют образ русской интеллигенции. Демонстрируя духовные и нравственно-этические качества, по дороге в «новую жизнь» они поддерживают друг друга. Например, развлекая Изабеллу и Константина Арнольдовича, Илья Петрович с закрытыми глазами лепит из хлебного мякиша всеми узнаваемую голову. Память воссоздает символ власти и трагедии их эпохи, Сталина, причастного к судьбам каждого переселенца в эшелоне. Бюст из хлеба, слепленный художником, «пополнил» известную галерею в «твердой памяти» (А. Эткинд: [2]) Иосифа Виссарионовича: девятнадцать голов – в бронзе, семь – в мраморе, две – в малахите, явившись отражением современной им эпохи.

Проявление заботы и внимания чувствовали Зулейха и ее будущий ребенок, ей всегда было приятно находиться с веселыми улыбающимися людьми, она боялась упустить эту возможность: «А «бывшие» не сторонились ее, тихую и молчаливую [3, с. 201].

Приехав на место назначения, Игнатов торопится покончить с «Делом», начиная со списка ленинградских «остатков», из которого «убыли» лишь двое, еще в дороге. «Удивительный факт»: они ведь не деклассированные элементы, приспосабливающиеся к любой ситуации. Далее, размышляя об их жизнестойкости, изумленно произносит: «Но интеллигенция! Вежливая до оскомины, изредка дерзкая на слово, но в поступках – смирная, вялая, покорная. Жалкая. И – живая, в отличие от многих крестьян, не выдержавших болезней и голода». Вот тебе и «бывшие» [3, с. 239].

Власть не дремала, пыталась всеми силами ускорить процесс перевоспитания эксплуататорского класса. В центре «Семрука» поставили агитационный стенд, на котором то и дело менялись плакаты агитационно-пропагандистского и инструктивно-методического характера. Агитационной работе придавалось большое значение, ее совершенствовали, и принято было решение украсить клуб наглядными пособиями. «Ярким, свернутым в тугие рулоны плакатам» предпочли декорирование единственного культурного

заведения в поселке. «…Не у тебя ли художник какой-то обитает, из бывших, громких? Так пусть попотеет, изобразит нам что-нибудь позаковыристей», – напомнил старший сотрудник ГПУ Зиновий Кузнец коменданту Ивану Игнатову [3, с. 376].

Илья Петрович Иконников был известным художником, создававшим декорации для балета «Большевик», рисовавший Ленина и отразивший историческую память на революционных плакатах, но тоже «попавший сюда».

Дальновидный Кузнец предвидел, что когда-нибудь нагрянет московская проверка в их затерянный сибирский «Семрук» и по достоинству отметит не только наличие агитации и пропаганды, воздействующей на сознание переселенцев, но и творческий подход к нему. Он сам привез все необходимое для работы, а Игнатов предупредил о работе без фокусов, «простой и понятной».

Для художника из «бывших» это стало уникальной возможностью заняться любимой работой, написать образы, запечатленные памятью, и мысленно попутешествовать по Большой земле. Коменданту докладывали, что в свободные от агитации минуты он пишет антисоветские картины. Но нежданная гореловская комиссия увидела безобидное обращение Ильи Петровича к московским топосам: речка Яуза, Сретенка, Сокольники, Лосиный остров, Никитские ворота, Тверской бульвар. Художник оправдывался, мол, виновата в этом только память: «У меня память – профессиональная, почти фотографическая… [3, с. 382]. «Буржуйские» строения на следующем холсте представляли французские образы Мулен Руж, Триумфальная арка, Эйфелева башня, возникшие благодаря также эйдетической памяти мастера.

Частые воспоминания о северном городе вызывали «тревогу» у бдительного Горелова. Изабелла с любовью называла его Петербургом, а Илья Петрович Петроградом, тем самым поселив его в памяти и фантазиях маленького Юзуфа. Он свободно владел топографией северной столицы, представляя, как «…Изабелла и Константин Арнольдович… слезают туманным ленинградским утром с каменных нар, прижимаясь друг к другу, и выходят из каменного барака на покрытый камнями берег узенькой речушки Нева …, бредут по берегу меж кучно сгрудившихся мраморных львов …, гранитных сфинксов, … мимо зеленого, как трава, и высокого, с могучую ель, барака Эрмитажа; мимо желтого барака Адмиралтейства, … мимо серого барака Биржи и толстых бревен-ростр…» [3, с. 406–407].

В начале лета Юзуф по просьбе повара Ачкенази относит ужин увлеченному работой «молчаливому и угрюмому художнику», евшему без отрыва от производства. На кривом мольберте Ильи Петровича он увидит маленький квадрат холста, полторы ладони в ширину и полторы в высоту. А на холсте – Ленинград, точнее, окно в Ленинград. В этот летний день Юзуф «прорубил окно» в таинственный Ленинград. Он подружился с внушавшим некогда страх мастером, под его руководством Юсуф постигал азы изобразительного искусства, узнавал о существующих в мире вещах и животных, а благодаря Изабелле узнавал их названия на французском языке. Словом, «мир хлынул с истрепанных холстов и обломков фанеры так обильно и стремительно, что грозил затопить Юзуфа» [3, с. 412].

По окончании работы над агитацией художник пригласил Сумлинских в клуб на «вернисаж», осознавая, что это еще один повод для воспоминаний. Ведь для следующего посетителя, Кузнеца, важна будет лишь реализация в достаточной степени идеологического посыла в его творениях. В противном случае, думал мастер, государство позаботится об его новом местопребывании. Первые гости «вернисажа» видели и те, вышеупомянутые злополучные картины. Но главным было изображение Ленинграда, которое заняло в клубе две стены. Сумлинские «отправляются» по родному городу… «Шестая, Илья Петрович, голубчик, Шестая, – Изабелла тянется ладонью к желтым и серым домам с причудливыми балкончиками, но не касается их, гладит по воздуху. – Мы здесь жили, чуть дальше, вот в

этом доме» [2, с. 421]. Далее Сумлинские «перемещаются» то в Ленинград, то в Париж и «попадают на Лебяжью канавку, и дальше, мимо Михайловского, – в Неву».

Очарованная плодом вдохновения художника и трогательным путешествием-воспоминанием о Петербурге, Изабелла восторженно заявляет о желании стать подмастерьем земляка и остаться жить в клубе.

Следующая сцена «ночного вернисажа» реконструирует политическую атмосферу тех лет, когда человеку Искусства пришлось объясняться со смотрящим Гореловым о цели визита Сумлинских. И в оправдание напоминать о двадцати четырех бюстах Сталина, им сваянных...

Следует отметить, творения «пробрали» заказчика Зиновия Кузнеца и вызвали большое доверие к мастеру, который впоследствии уйдет добровольцем на фронт, оставив созданную им художественную артель Юзуфу. Безусловно, петербургская интеллигенция повлияла на становление и мировоззрение юноши. Он поехал в обратном направлении по известному им маршруту в город, куда все они невольно «прорубили окно», в «знаменитую Репинку, alma-mater Иконникова».

Один за другим покинут мир ленинградские интеллигенты, не потерявшие себя в условиях рукотворной трагедии государства, поддерживавшие друг друга, в том числе воспоминаниям о родном городе. Следовательно, память была одной из форм взаимосвязи ставших близкими людей и способом выживания.

Список использованной литературы

1. *Чупринин С.* Жизнь по понятиям. Русская литература сегодня. Москва, 2007. 768 с.

2. *Эткинд А.* Кривое горе: Память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.

3. *Яхина Г.Ш.* Зулейха открывает глаза. М.: Редакция Елены Шубиной, 2016. 508 с.

Н.У. Исина
Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

УДК 82-3

Жанровое своеобразие прозы Герольда Бельгера

Аннотация. Статья посвящена анализу прозы казахстанского писателя, публициста и переводчика Герольда Бельгера. В ней раскрываются тематика и проблематика, жанровое своеобразие произведений писателя, особенности поэтики повествования. Прозу Г. Бельгера отличают автобиографизм, исповедальность, лиризм. Автобиографический жанр является ведущим в творчестве писателя. В романах и рассказах писателя нашли отражение события отечественной истории. Тема родины, дома, мотив памяти – центральные в прозе писателя. Главные герои – простые люди, соотечественники, оказавшиеся в сложных жизненных ситуациях. В художественной прозе Г. Бельгера прослеживаются традиции русской и мировой классики.

Ключевые слова: жанр, проза, автобиографизм, роман, рассказ, сюжет, образ, прототип.

N.U. Isina
Gumilev Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan

The Genre Originality of Prose of Herold Belger

Abstract. The article is devoted to the analysis of the prose of the Kazakh writer, publicist and translator Herold Belger. It reveals the themes and issues, the genre originality of the writer's works, especially the poetics of the narrative. H. Belger's prose is distinguished by autobiography, confession, lyricism. The autobiographical genre is leading in the work of the writer. In the novels and stories of the writer reflected the events of national history. The theme of the motherland, home and the motive of memory are central in the writer's prose. The main characters are ordinary people, compatriots who find themselves in difficult life situations. Traditions of Russian and world classics are traced in H. Belger's fiction.

Keywords: genre, prose, autobiography, novel, story, plot, image, prototype.

Создание художественного произведения – процесс сложный, длительный, сопряженный со множеством проблем, в частности выбором жизненного материала, воплощением замысла автора, созданием образов, характеров, жанровой формы. Старейший литературовед А.Г. Цейтлин, определяя пути создания произведения, писал: «Планируя произведение, писатель должен поставить перед собою вопрос о его жанровой форме. От этого во многом зависят и характеры и особенно композиция произведения, его язык, наличие в нем лиризма, сатиричности, юмора. <…> Мысль о том, *в каком жанре писать,* возникает у писателя на различных этапах его подготовительной работы, иногда даже до образования у него определенного замысла» [7, с. 38].

Выбор жанра определяет и авторскую позицию, его стремление показать многообразие внутреннего мира героев, сложность и противоречие жизненных ситуаций. Каждый писатель входит в литературу со своей темой.

Со своей темой пришел в литературу и Герольд Бельгер, а начинал он этот путь с перевода произведений казахских писателей на русский язык. На протяжении многих лет выступал на страницах литературных газет и журналов. Опубликовал десятки книг по

© Н.У. Исина, 2019

проблемам художественного перевода, взаимодействия и взаимовлияния культур, в том числе: «Властитель – Слово», «Лики слова», «Мотивы трёх струн», «Брат среди братьев», «Гёте и Абай», «Земные избранники», «Заметки переводчика», «Записки старого толмача», «Ода переводу», «Земля моей чести», «Тихие беседы на шумных перекрестках» и др.

Творчество Г. Бельгера стало объектом критики и литературоведения. О нем, в частности, писали С.В. Ананьева [1], В.В. Бадиков [2] и др. Богатый жизненный опыт, наблюдения, впечатления, образы и темы побудили Г. Бельгера создать собственные произведения. Главным его кредо были труд и терпение. Превыше всего писатель ценил нравственность. В этом убеждает высказывание самого автора: «*Жить надо все-таки по совести»* [5, с. 330]. О писательском труде автор размышляет: «*Писатель – вместилище народных бед и горестей, локатор общественных неурядиц и нелепостей, обличитель всего гнусного и отвратительного, что происходит в жизни, тонкое чувствилище, совесть, честь, заступник и сострадатель. ... Его жизнь – адов труд, лишения, ограничения, душевные терзания, маета, изнурительное недовольство собой и тем, что происходит вокруг. И он не только мучается, сокрушается, терзается, но еще и посильно борется, чаще всего при жизни терпя поражения*» [6, с. 86].

Проза Г. Бельгера разнообразна и по жанровой форме: эссе, воспоминания, дневниковые записи, рассказы, повести, романы.

Литературным дебютом Г. Бельгера явился рассказ «Сосновый дом на краю аула», опубликованный в 1973 году. Позже появились сборники повестей и рассказов «За шестью перевалами», «Каменный брод», «Дождь со снегом», «Завтра будет солнце». Жанр рассказа занял прочное место в творчестве писателя. Это были в основном рассказы о событиях недавней истории, воспоминания о детстве.

Зрелый период творчества Г. Бельгера отмечен созданием таких романов, как «Дом скитальца», «Разлад», «Зов», «Туюк су». Все три произведения объединяет одна общая тема – судьба человека, утратившего исконную историческую родину. В книге-эссе под названием «Земля моей чести» писатель с горечью признаётся: «*Мои герои, депортированные и ссыльные немцы, люди искалеченной судьбы, взрослые и малые, постоянно и настойчиво рассуждают на тему: что такое родина, где наша родина, есть ли у нас вообще родина? Или мы вечные скитальцы, изгои, бездомные, неприкаянные на этой земле?*» [5, с. 277].

Сюжеты романов Г. Бельгера основаны на реальных исторических событиях. Роман «Дом скитальца» рассказывает о судьбе депортированных в Казахстан поволжских немцев, а романы «Разлад», «Зов» посвящены проблеме возвращения советских немцев на историческую родину. Герои произведений писателя переживают душевную драму: на родине, в Германии, они оказываются чужими.

В романах «Дом скитальца» и «Туюк су» сходятся воедино главные темы, волновавшие Г. Бельгера на протяжении всего его творчества. Эти произведения отличаются многоплановостью, множеством разветвлённых сюжетных линий, обладают стройной композицией. В произведениях писателя отражены целые пласты отечественной истории: репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность.

Автобиографическое начало романа «Дом скитальца» подчёркнуто выражен в словах, предваряющих повествование: «*Посвящается моему отцу Карлу Фридриховичу Бельгеру*» [4, с. 9]. Сюжетные линии, исторические факты и обстоятельства, герои романа соотносятся с конкретными, реальными лицами. Прототипом аульного фельдшера Давида оказывается отец писателя. В образе трудармейца Христьяна воплощены черты советского ученого, педагога, одним словом, интеллигента, оказавшегося жертвой политических репрессий. Мечтательный и романтичный юноша Гарри духовно близок и напоминает самого писателя Г. Бельгера. Композиция, сюжет, система героев-пер-

сонажей – всё подчинено главной идее романа. Герои романа мечтают об одном – обрести родину, дом, родную землю. Устами одного из героев романа писатель утверждает: «*У каждого человека должно быть место на земле… Надо быть благодарным той земле, которая тебя вскормила…*» [4, с. 330]. Для героев романа «Дом скитальца» поистине настоящей родиной становится казахская земля. Романы Г. Бельгера – это исповедь человека, пережившего трагические события недавно ушедшей эпохи. Лирические воспоминания о детстве, об утраченной родине и трогательные слова о земле, на которой выросли герои романа, придают романам писателя особую поэтическую интонацию и жизнеутверждающий пафос.

В жанре автобиографии написан цикл рассказов Г. Бельгера под названием «Волк, Чапа и другие». Сюжеты их вполне реалистичны и незатейливы. Действия разворачиваются в небольшом казахском ауле военного и послевоенного времени. Повествование ведётся от лица юного героя, очевидца и участника этих событий. Рассказ «Волк» повествует о последних днях жизни домашнего пса по кличке Волк. Завершается рассказ словами: «*Хозяин Волка был мой отец. А сыном, повисшим на костылях, был я. И происходило всё это в ауле на берегу Есиля в начале пятидесятых годов прошлого века*» [3, с. 36]. Рассказ «Марта» основан на реальных событиях: «*Когда вышел державный указ от 28 августа 1941 года о выселении немцев Поволжья в Сибирь и Казахстан, отец первым долгом отвёл нашу любимицу-кормилицу Марту на совхозный двор, заручившись справкой о сдаче дойной коровы в Фонд обороны*» [3, с. 36]. Это драматическая история о том, как семья немецких переселенцев пережила голод в казахском ауле: «*Уже в ауле, в северном Казахстане, где мы поначалу изрядно бедствовали, отец не раз ходатайствовал в райцентре о возврате замены если не коровы, то хотя бы тёлки… Наконец, уже весной 1943 года баскарме колхоза Жана-Талап было поручено райисполкомом выдать заведующему фельдшерско-акушерским пунктом какую-нибудь бурёнку из колхозного стада*» [3, с. 37]. Реалистически выписаны бытовые картины казахского аула. В рассказе «Чапа» автор повествует трогательную историю о черепахе, которая однажды объявилась в их доме и стала членом семьи: «*Чапа – черепаха. Забрела она как-то из сада, и Артур, мой племянник, запустил её в дом. Она весь день деловито обшарила все углы и облюбовала себе место под старым громоздким диваном в зальчике. Там и притаилась, жила тихо и незаметно*» [3, с. 39]. Соседство с живой природой переполняет героя-рассказчика, придавая ему ощущение полноты жизни: «*Она на несколько лет стала как бы членом нашей семьи. И без Чапы нам всем бывало грустно*» [3, с. 39]. Незамысловатый, на первый взгляд, сюжет рассказа содержит глубокий смысл: гуманное отношение человека ко всему живому, чувство родства с живой природой. Аналогичная история передана в рассказе «Ужак»: «*В Ташкенте в летние, нестерпимо знойные месяцы чилля мы, обитатели родительской усадьбы в Байсунском тупике, целыми днями пропадали в просторном гараже за глиняной стеной кладовки*» [3, с. 39]. Однажды играя в саду, дети обнаружили ужа и разбежались от страха. Уж поселился в саду. И хотя он не представлял никакой опасности, но соседство с ним тяготило домочадцев. И тогда решено было отвезти ужа в другое место. Автобиографизм подчёркивается упоминанием южного городка, в котором жила семья писателя в годы войны. Сюжетом рассказа «Вышел ёжик из тумана» явился случай из послевоенного времени в ауле Приишимья. Однажды во дворе дома, где жил герой рассказа, появился ёжик. Он и стал причиной истошного лая весёлого песика Шарика. Изловив ежа, отец героя намерен отдать соседу, страдавшему от тяжёлого недуга: лучшим лекарством считался жир ежа. Узнав об ужасной участи зверька, юный герой-рассказчик тайно выносит его в берёзовый колок и выпускает на волю. Гуманизм, человеческая доброта и бережное отношение к живой природе – таков идейный смысл рассказа Г. Бельгера. Рассказ с интригующим названием «ЛЮ, ЦА и ФУ» повествует о трех овцах, которые живут во дворе героя-рассказчика. Каждый раз, возвращаясь с

выпаса, они «*услышав знакомый зов, дружно выбирались из отары и послушно цокали копытами за отцом домой*». Как рассказывает герой, от них пошло потомство. Заключительные слова вновь отсылают к биографии самого автора: «*Но я к тому времени уже уехал из аула*» [3, с. 42]. Рассказ «Сухари» – это исповедь автора-героя о суровых испытаниях войны, которые он пережил вместе с семьей. В экспозиции дана картина казахского аула накануне войны: «*Ранняя весна 1942 года. Дни заметно удлинились. Снежные завалы осели… Солнце поднялось на длину аркана и настойчиво карабкается всё выше. Далеко-далеко страна воюет с проклятым Китляром. Аул нередко оглашает истошный женский плач. «Поштабай» Нуркан доставляет из райцентра Марьевки «қара қағаз» – чёрную весть о земляках-азаматах, павших на ратном поле смертью храбрых. Всё больше моих аульных дружков безотцовщиной мыкают горе. И они, замечаю, косо поглядывают на меня, оттого, что я, неміс-бала, расту благополучно с отцом-матерью в просторном деревянном доме при медпункте*» [3, с. 42]. В представленном эпизоде упоминаются такая реалия военного времени, как «*поштабай*» (букв.: «*почтальон*»), который приносил в дома *«қара қағаз» – чёрную весть*». Но вот отца героя призывают на фронт. Всем аулом провожают его. Отец присылает письма. Воспоминания о прошлом сменяются лирическими раздумьями героя о своей судьбе. Реалии военного времени подчёркивают объективность изображения событий, а казахские слова придают им национальный колорит. Сюжет рассказа «В путь журавлей провожаю один я…» – грустная история о том, как в послевоенный казахский аул прибыла группа необычных артистов – лилипутов: «*Слух о том, что в нашем доме при медпункте остановилась откуда ни возьмись труппа гастролёров, мигом облетела наш захудалый аул на берегу Есиля. Стояло голодное лето сорок шестого или сорок седьмого года, прошлого, понятно, века*» [3, с. 45]. Драматизм ситуации достигает кульминации, когда герой-рассказчик испытывает глубокие душевные переживания. «*Это «один я…» всколыхнуло и мою душу, потрясло меня, довело до спазмов сердца. Я уронил голову на аккордеон и с трудом сдерживал слёзы. Жалость пронзила меня всё моё существо. Мне стало жалко моих родителей, очутившихся на чужбине, оторванных от всего родного, вынужденных тихо и покорно переживать чёрную полосу жизни в надежде, что когда-нибудь – особенно теперь после войны – им разрешат вернуться на родину, на Волгу*» [3, с. 53].

Анализ прозы казахстанского писателя Г. Бельгера убеждает в том, что автобиографический жанр является ведущим в его творчестве. В этом жанре написаны романы «Дом скитальца», «Туюк су», «Зов» и рассказы цикла «Волк, Чапа и другие». Автобиографизм, исповедальность, лиризм – главные составляющие поэтики прозы писателя.

Список использованной литературы

1. *Ананьева С.В., Бабкина Л.М.* Творчество Герольда Бельгера в контексте современного литературного процесса. Алматы, 2004. 199 с.
2. *Бадиков В.В.* По гамбургскому счету. Рассказы, повесть, эссе, воспоминания / сост. В. Бадикова. Алматы, 2007. 400 с.
3. *Бельгер Г.* Волк, Чапа и другие // Простор. 2013. № 10. С. 33–53.
4. *Бельгер Г.* Дом скитальца. Астана: Аударма. 2003. 376 с.
5. *Бельгер Г.К.* Земля моей чести. Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 342 с.
6. *Бельгер Г.* Из дневниковых записей // Простор. 2006. № 11. С. 66–91.
7. *Цейтлин А.Г.* Труд писателя. Вопросы психологии творчества, культуры и техники писательского труда. М.: Сов. писатель, 1968. 563 с.

А.А. Кабылкова
Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

УДК 821.161.1

Дом – опорная точка художественного пространства В.Н. Крупина

Аннотация. В статье рассматривается образ дома как опорная точка художественного пространства современного творчества В.Н. Крупина. Кратко обозначается особая метафоричность образа дома в творчестве писателей прошлого, а также современников Крупина: В.Г. Распутина, Ф.А. Абрамова. Теоретическая основа – исследования Г. Башляра, А.Н. Николюкина, В.А. Масловой. На основе анализа современных рассказов В.Н. Крупина делается вывод о том, что в его произведениях образ дома соответствует особенностям русского национального самосознания и несет обобщенно-символическое значение уюта, тепла, стабильности, защищенности.

Ключевые слова: художественное пространство, хронотоп, образ дома, метафоричность, национальное самосознание, автобиографичность, символичность.

A.A. Kabylkova
Belarusian State University,
Minsk, the Republic of Belarus

The House is the Reference Point of V.N. Krupin's Artistic Space

Abstract. The article examines the image of the house as the reference point of the artistic space in V.N. Krupin's contemporary creativity. The special metaphorical image of the house is briefly indicated in the works of the writers of the past and Krupin's contemporaries: V.G. Rasputin, F.A. Abramov. The theoretical basis is the research by G. Bashlyar, A.N. Nikolyukin, V.A. Maslova. Based on the analysis of the modern stories by V.N. Krupin, it is concluded that in his works the image of the house corresponds to the peculiarities of Russian national identity and bears the generalized symbolic meaning of comfort, warmth, stability, protection.

Keywords: artistic space, the chronotope, the image of the house, the metaphorical, national identity, autobiography, symbolism.

Одной из ключевых категорий эстетического мышления писателя является художественное пространство его произведений. С.П. Белокурова характеризует художественное пространство как «некую модель, картину мира, в котором происходит действие» [4, с. 136]. А.Н. Николюкин отмечает, что художественное время и художественное пространство – «важнейшие характеристики образа художественного, обеспечивающие целостное восприятие художественной действительности и организующие композицию произведения» [8, с. 588].

Опорной точкой художественного пространства, имеющего субстанциальную природу, в произведениях современного русского писателя В.Н. Крупина становится дом. Французский философ и искусствовед Г. Башляр справедливо отметил: «Дом – одна из самых мощных сил, интегрирующих человеческие мысли, воспоминания и грезы. Связующий принцип этой интеграции – воображение. Прошлое, настоящее и будущее придают дому импульсы различной динамики, нередко эти импульсы вступают во взаимодействие, то противоборствуя, то стимулируя друг друга. Дом вытесняет случайное, незначащее из жизни человека, наставляя его в постоянстве» [3, с. 28–29].

© А.А. Кабылкова, 2019

Исследователь концептосферы русского языка В.А. Маслова отмечает, что понятие «дом» входит в «ядро языкового сознания русских» [9, с. 234]. Являясь одной из важнейших категорий национального самосознания, образ дома становится особым символом со всей русской литературе. А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев представляли дом как центр патриархальной жизни, чьей противоположностью выступала городская квартира – элемент цивилизации. В XX веке все чаще подчеркивается функция дома-крепости: дом спасает от хаоса внешней жизни, дом становится пристанищем душ, гарантом спокойствия, защищенности (дом Турбиных в «Белой гвардии», дом Мелеховых в «Тихом Доне»). В. Распутин посвящает образу дома рассказ «Изба». В нем дом – это символ праведной души. После смерти хозяйки Агафьи дом не принимает чужих, остается одиноким, воплощая надежду на возрождение деревни и нравственных устоев прошлого. Сегодня образ дома в русской литературе становится объектом многочисленных литературоведческих исследований (А.И. Разувалова «Образ дома в русской прозе 1920-х годов», Е.А. Потураева «Метафорическая интерпретация концептуальной сферы “Дом” в русской языковой картине мира», Н.А. Ловчинский «Образы пространства в современной русской постмодернистской поэзии» и другие).

Особый метафорический смысл приобретает образ дома и в творчестве Крупина. Уже в повести в рассказах «Варвара» (1974) писатель посвящает этому образу главки «Разбитое окно», «Наш дом». В двух историях, о семье голубей и семье героини, показывается, насколько важен дом в жизни любого живого существа. Если даже птицы готовы идти на осознанную смерть ради своего дома, то для человека тем более нет ничего ужаснее потери дома («Свой дом потеряла, чего уж страшнее?» [6, с. 10]). Начиная с первых произведений Крупин придает образу дома обобщенно-символическое значение. У славян дом издревле выступал как символ мира и благополучия, аналог упорядоченного пространства. В.Г. Распутин в эссе «Мой манифест» говорит: «Центровкой, то есть приведением себя в безопасное положение, для русского человека всегда были родной дом и родной дух. Дом – как природная историческая обитель, удобная только для нас, в углах своих и стенах повторившая нашу фигуру» [10, с. 3–7]. Подтверждает мысль В.Г. Распутина и А.Н. Николюкин: «Такие традиционные пространственные ориентиры, как “дом” (образ замкнутого пространства), “простор” (образ открытого пространства), “порог”, “окно”, “дверь” (граница между тем и другим), издавна являются точкой приложения осмысляющих сил в литературно-художественный моделях мира» [8, с. 588].

Одна из отличительных особенностей произведений Крупина 2010-х годов – автобиографичность. Поэтому в его текстах все чаще встречается образ дома, в котором жил, живет или хотел бы жить сам автор. В марте 2011 года в жизни писателя произошло «вселенское горе – гибель родового гнезда» [7, с. 76] в Кильмезе. Вслед за этим событием был написан очерк «Господь посетил». Нарратор, он же автор, возвращается на пепелище и рассуждает о ценностях, которые были в доме. Оказывается, что самые дорогие сердцу предметы – это родовой крест, который стоял в Красном углу, и иконы. Автор благодарен Богу за то, что крест был спасен, а об остальном он пишет: «Я переживу потерю вещей» [7, с. 77]. Намного важнее материальных ценностей ценности духовные, которые с ними связаны. Вот, например, полати – сразу вспоминается утро в большой семье, отец принес дрова, брат ушел за водой, сестры проснулись помочь матери: «Тут и речи не идет о частной собственности, тут родина, мой род, родные» [7, с. 77].

Дом в Кильмезе – не единственный, который встречается в произведениях Крупина. С малой родиной связаны очень многие произведения писателя. Однако литературная работа, общественная деятельность не позволяют Крупину находиться только в родной деревне, значительную часть времени он проводит и в Москве, что также находит отражение в произведениях 2010-х годов. О том, что можно назвать домом в значении «жилище», Крупин открыто рассуждает в очерке «Последний дом»: «А так сейчас, внешне,

очень благополучен: квартира, дача, полдомика в ближнем Подмосковье, пристанище на родине в доме детства и юности» [7, с. 107]. Однако тут же: «И нигде в этих домах, не говоря о московской квартире, нет мне покоя. Никакого» [7, с. 107].

Крупин доказывает, что для него дом – это не материальная ценность, а особое состояние души. Дом-душа – главная идея и романа Ф. Абрамова «Дом»: «Главный-то дом человек в душе у себя строит. И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет» [1, с. 364]. К аналогичному выводу приходит и исследователь творчества В.И. Белова, также представителя почвеннического крыла русской литературы, Т.Е. Аркатова. Проанализировав повесть «Привычное дело» и роман «Всё впереди», исследовательница отмечает, что топосу дома в творчестве писателя «отводится одна из главных ролей в выявлении специфики национального мировидения. Дом – это маленькая вселенная человека, отражение его представлений о мире. Пространство дома воспроизводит внутренний мир героя, становится символом духовной стойкости или нравственного падения» [2]. На это же обращает внимание и философ Башляр: «Великий и простой образ всегда несет откровение о состоянии души. Дом в еще большей степени, чем пейзаж, есть «состояние души». Даже чисто внешнее его изображение выражает нечто сокровенное» [3, с. 76]. Получив в жизни практически все, что нужно, Крупин приходит к выводу: «Не надо мне ни палат каменных, ни камней самоцветных, ни кушаний заморских, ни одежд многоцветных, хватит мне избушки с русской печкой, с красным иконным углом, перед которым горит алая лампада. Хватит мне подполья, в котором картошка, и капуста, и банка мёда. Да коробка с чаем стоит на полочке над плитой. Вот такого я и душа моя чаем» [7, с. 109].

В современных произведениях образ идеального дома как часть художественного пространства становится символом душевного покоя, гармонии. «Дом – воплощение образов, дающих человеку опору или иллюзию устойчивости», – утверждает Г. Башляр [3, с. 36]. Если покоя нет, душе неспокойно, это уже не дом, а квартира, дача или что-то другое. В очерке Крупина «Упрямый старик» главному герою предлагают переехать: «Ты хоть съезди, посмотри квартиру. Ведь отопление, ведь электричество, ведь водопровод!» [7, с. 200]. Уезжать из дома старик отказывается. Противоположностью квартире, которую предлагают упрямому старику, является дом, описанный в очерке «Вечер на дворе». Это реальный дом в Никольском (ныне Балашиха), который, хоть и не заменит родного дома в Кильмезе, но тоже помогает писателю обрести покой: «Тут и скворечники мои, тут и цветы, тут и яблони…. А в доме диван, на котором лежу и протягиваю наугад руку к книжным полкам» [7, с. 80].

Г. Гачев проводит параллель: «Как мир – храм, дом Бога, так дом – храм человека; человек творит дом, как Бог – мир: по своему образу и подобию. Как в нашем теле заключена душа и просвечивает сквозь тело, так дом – тело на нас; человек во плоти – как душа в доме» [5, с. 36]. Обязательным атрибутом дома являются иконы, книги, что подчеркивает значимость православия в жизни писателя. В современных произведениях Крупин стремится создать модель идеального дома, соответствующего его душе, хотя он осознает, что ряд внешних факторов этому препятствует.

В произведениях Крупина 2010-х годов дом как элемент художественного пространства становится символом безопасности, уединенности, покоя, гармонии. Такая позиция отражает традиционный в русской литературе подход к образу дома как основе патриархальной жизни, гаранту спокойствия, образцу защищенности и стабильности.

Список использованной литературы

1. *Абрамов Ф.А.* Собр. соч.: в 6 т. Л.: Худож. лит., 1991. Т. 2. 608 с.

2. *Аркатова Т.Е.* Национальный образ мира в прозе В.И. Белова URL: http://www.dissercat.com/content/natsionalnyi-obraz-mira-v-proze-vi-belova/ (дата обращения: 02.01.2019).

3. *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства / пер с фр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 376 с.

4. *Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2007. 320 с.

5. *Гачев Г.* Космо-Психо-Логос: национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007. 512 с.

6. *Крупин В.Н.* Избранное: в 2 т. М.: Мол. гвардия, 1991. 573 с.

7. *Крупин В.Н.* Последний бастион Святости. Господи, спаси Россию! М.: Алгоритм, 2013. 272 с.

8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК Интелвак, 2001. 1600 с.

9. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2005. 256 с.

10. *Распутин В.Г.* Мой манифест // Наш современник. 1997. № 5. С. 3–7.

В.В. Калугина
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

УДК 821.161.1

Флоросимволика в мужских образах романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

Аннотация. В статье рассматривается значение символического пласта в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Особое внимание уделяется рассмотрению растительных мотивов и образов. Представлена существующая в славянском национальном сознании семантика растений, участвующих в создании образов героев. Проведен анализ функционирования растительной символики в структуре мужских образов романа (на примере Левина и Кознышева). Показано, как в произведении реализуется славянский фольклорный параллелизм «человек – растение» и как он помогает глубже интерпретировать образы героев.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Анна Каренина», растительная символика, Левин.

V.V. Kalugina
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Florosymbolic in the Male Characters of L.N. Tolstoy's Novel "Anna Karenina"

Abstract. The value of the symbolic layer of the novel by L.N. Tolstoy "Anna Karenina" is considered in the article. Particular attention is paid to the consideration of plant motifs and images. There is the semantics of plants that is present to create images of heroes and being in the Slavic national consciousness. The analysis of the functioning of plant symbols in the structure of male images of the novel has been carried out (on the example of Levin and Koznyshev). It is shown the Slavic folklore parallelism "man-plant" is realized in the work and how it helps to interpret the images of the characters more deeply.

Keywords: L.N. Tolstoy, "Anna Karenina", plant symbolism, Levin.

Исследователи давно отметили символическое значение деталей в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». По нашим наблюдениям, в сложном художественном мире романа особую роль играют растительные мотивы и образы. Они привлекают в произведение актуальные для русского и европейского сознания смыслы.

В фольклорной традиции славян растения имели большое значение: они обладали магическими свойствами, их ассоциировали с человеческой жизнью. Так, в славянской картине мира закрепился параллелизм «человек – растение». Цветы – преимущественно женский символ, поэтому девушка часто оказывается подобна цветку, который зреет, цветет и далее кем-нибудь срывается и увядает. Дерево в культуре славян соотносится как с женским, так и с мужским началом (образ березы как женского символа, дуба и явора – как мужских). Дерево является атрибутом ритуалов, оформляющих важнейшие этапы календарного года, жизненного цикла (свадьба, похороны-свадьба, уход в рекруты, иногда крестины, именины хозяина, принятие молодоженов в следующую социовозрастную группу и т. д.).

Эта фольклорная традиция нашла отражение в структуре образа главного героя романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Левина.

Левин на протяжении всего роман окружен растительностью, он – единственный герой из деревни (в отличие от Стивы, Анны, Вронского – героев из города). И эту при-

© В.В. Калугина, 2019

надлежность к естественной природе Левин как будто несет в себе. Так, в начале романа мы видим героя в Москве, но и здесь его изображение неотделимо от растительности: «Левин слез с извозчика у Зоологического сада и пошел дорожкой к горам и катку <…> старые кудрявые березы сада, обвисшие всеми ветвями от снега, казалось, были разубраны в новые торжественные ризы» [4, с. 31].

Чаще других растений при изображении Левина используется береза. «Береза у славян – одно из наиболее почитаемых деревьев; дерево «счастливое», оберегающее от зла и одновременно вредоносное, связанное с нечистой силой и душами умерших. Березу сажали возле дома, под ней укрывались во время грозы. В славянской фольклорной традиции береза символизирует чистоту, девичество, женское начало и противопоставляется дубу как мужскому символу» [3, с. 156].

В романе Левин оказывается рядом и с березой, и с дубом. Но если береза упоминается шесть раз, то дуб – всего один (в конце романа). Постоянное присутствие символа женского начала при изображении героя углубляет и усложняет структуру образа Левина. Оставив брата Сергея на месте тяги, Константин отправляется на другой край к «двойняшке-березе». Во время спора о работе земств Левин вновь упоминает березы: «Наши земские учреждения и всё это – похоже на березки, которые мы натыкали, как в Троицын день, для того чтобы было похоже на лес, который сам вырос в Европе, и не могу я от души поливать и верить в эти березки!» [4, с. 261]. Такое сравнение подтверждает его неразрывную связь с естественной природой и национальной картиной мира.

В славянском фольклоре одиноко стоящие березы во время Троицы становились пристанищем нечистой силы. Люди верили, что «в них вселялись души умерших девушек, которые по ночам выходили и затанцовывали ничего не подозревающих случайных прохожих» [3, с. 157], поэтому на Семик к одиноким березам старались не приближаться. Сознание Левина рождает параллель мифичности, иллюзорности и даже вредности работы земств с березками на Троицу. Отсылка к Троице (Семику) – празднику вегетативных сил природы, женскому празднику, – вновь подтверждает доминирование женского начала в структуре образа главного героя.

В конце романа во время грозы в окружении Левина появляется дуб: «С ужасом увидал прежде всего странно изменившую свое положение зеленую макушу знакомого дуба в середине леса. «“Неужели разбило?” – едва успел подумать Левин, как, всё убыстряя и убыстряя движение, макушка дуба скрылась за другими деревьями, и он услыхал треск упавшего на другие деревья большого дерева» [5, с. 394].

«Дуб – в традиционной культуре славян самое почитаемое дерево, связанное с богом-громовержцем и символизирующее силу, крепость и мужское начало в противопоставление женским деревьям (березе, липе и др.)» [1, с. 141].

Рухнувший разбитый дуб символизирует слом крепости и утрату мужского начала. Но в структуре образа Левина это не означает утрату мужественности в прямом смысле, а символизирует доминирование природного девственного начала в герое как части природы, в которую он врос корнями.

Левин – самый естественный персонаж в романе, так как для него родная среда жизни – деревня, девственная природа. Суетная городская жизнь с интригами противна герою. Его чистая душа чувствует себя комфортно только в родной деревне на свежем воздухе. Таким образом создается параллелизм между чистой, естественной, нетронутой городской «грязью» душой Константина и березой как символом непорочности.

Типичный для славянского фольклора параллелизм «человек-растение» прослеживается в образе Левина на протяжении всего романа: в некоторых случаях символически (как в примере с березой), в других – через прямое сравнение: «Левин, как дерево весною, еще не знающее, куда и как разрастутся его молодые побеги и ветви, заключенные в налитых почках, сам не знал хорошенько, за какие предприятия в любимом его хозяйстве

он примется теперь, но чувствовал, что он полон планов и предположений самых хороших» [4, с. 162]. Левин существует обособленно от других героев, у него своя реальность (природная), которая противопоставляется урбанистическому пространству.

Одним из представителей героев города является брат Левина Сергей Кознышев. В деревне у Левина Сергей Иванович чувствует себя пришлым, но не чужим (в отличие от Вронского или Стивы). Он будто находится на грани двух пространств: городского и деревенского, поэтому растительные мотивы в структуре образа Кознышева также играют важную роль.

По приезде Сергея Ивановича в деревню природа существует дистанцированно от него, и он будто противопоставляется Левину: «Сергей Иванович любовался всё время красотою заглохшего от листвы леса, указывая брату то на темную с тенистой стороны, пестреющую желтыми прилистниками, готовящуюся к цвету старую липу, то на изумрудом блестящие молодые побеги дерев нынешнего года. Константин Левин не любил говорить и слушать про красоту природы. Слова снимали для него красоту с того, что он видел» [4, с. 255]. Но в споре о земстве это противопоставление снимается: «Сергей Иванович пожал только плечами, выражая этим жестом удивление тому, откуда теперь явились в их споре эти березки, хотя он тотчас же понял то, что хотел сказать этим его брат» [4, с. 261]. Кознышеву непонятно, откуда появились березки, потому что он не связан с народной традицией и естественной природой так тесно, как Константин, и в его сознании не существует параллелизма «человек – растение», но тот факт, что Сергей Иванович все-таки понял Левина, свидетельствует о наличии у него потенциала связи с природой.

Отправляясь с Варенькой за грибами, Кознышев намеревается признаться ей в своих чувствах. Но не решается и уходит «один с опушки леса, где они ходили по шелковистой низкой траве между редкими старыми березами, в середину леса, где между белыми березовыми стволами серели стволы осины и темнели кусты орешника» [5, с. 134].

Мировая мифология часто представляет лес как пограничную зону между миром мертвых и миром живых, поэтому именно здесь проводились обряды инициации. «В славянских свадебных причитаниях лес последовательно противопоставляется саду как чужое пространство (принадлежащее жениху) – пространству невесты; в лесу навсегда улетает от девушки воля-красота – символ ее свободной жизни; из-за леса поднимается туча, которая находит на дом невесты (жених и его сопровождающие)» [2, с. 97].

Кознышев отказывается от мысли признаться Варваре в своих чувствах, поэтому войти в лес (пространство жениха) он может только один. И лес становится для Сергея Ивановича местом инициации. Именно в лесу он принимает окончательное решение не говорить Вареньке ни о чем, и выходит из леса будто обновленный: «Разве не молодость было то чувство, которое он испытывал теперь, когда, выйдя с другой стороны опять на край леса, он увидел грациозную фигуру Вареньки. <…> Сердце его радостно сжалось» [5, с. 136].

Так прослеживается градация в раскрытии «природного потенциала» у Кознышева: если сначала природа воспринимается отдельно от него, как нечто существующее рядом, но не в структуре образа, то в момент разговора, когда Сергей Иванович «понимает» брата, происходит его приобщение к природе. Уже в сцене с Варенькой лес для Кознышева выступает не как чужое пространство, а как элемент в создании его характеристики.

Таким образом, растительная символика углубляет характеристику персонажей и способствует наиболее полной интерпретации произведения.

Список использованной литературы

1. *Агапкина Т.А.* Дуб // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 141–146.

2. *Агапкина Т.А.* Лес // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2004. Т 3. С. 97–100.

3. *Виноградова Л.Н., Усачева В.В.* Береза // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т 1. С. 156–160.

4. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М.; Л.: Художественная литература, 1934. Т. 18. 557 с.

5. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М.; Л.: Художественная литература, 1935. Т. 19. 517 с.

О.Д. Киселева
Самарский государственный
социально-педагогический университет,
г. Самара

УДК 801.73

Тема острова в мифологии, фольклоре, литературе

Аннотация. Статья посвящена анализу темы острова в произведениях мифологии, фольклора и литературы. Многообразие трактовок острова как обладающего особой семантикой пространства в статье условно сведено к трем основным вариантам: 1) остров как рай, 2) остров как ад (ложный рай или загробный мир), 3) остров как инициационное пространство. Автор рассматривает различные интерпретации темы острова в мифологии, в произведениях писателей XVI–XX веков, сопоставляя классические и современные подходы к ее разработке. Неизменная актуальность темы острова и многообразие ее вариантов в мифологии, фольклоре и литературе свидетельствует об архетипическом характере сюжетов, связанных с этой темой.

Ключевые слова: тема острова, семантика пространства, утопия, робинзонада, инициация.

O.D. Kiseleva
Samara State University
of Social Sciences and Education,
Samara, Russia

Theme of an Island in Mythology, Folklore and Literature

Abstract. The article is devoted to the analysis of the theme of the island in the works of mythology, folklore and literature. The variety of interpretations of the island as possessing special semantics of space in the article is conventionally reduced to three main options: 1) island as paradise, 2) island as hell (false paradise or afterlife), 3) island as initiation space. The author examines various interpretations of the island's theme in mythology, in the works of writers of the 16th – 20th centuries, comparing classical and modern approaches to its development. The constant relevance of the island's theme and the diversity of its variants in mythology, folklore and literature testifies to the archetypal nature of the subjects associated with this theme.

Keywords: island theme, semantics of space, utopia, robinzonade, initiation.

Острова всегда занимали весомое место в жизни людей и были увлекательными источниками литературного воображения. Остров – территория, отделенная от других земель водным пространством, которая легко становится объектом мифологизации. Фольклор изобилует сказками о волшебных островах, куда герои отправляются для достижения своих целей; островах, где герои могут наслаждаться жизнью; островах, которые привлекают людей и не позволяют им уйти; островах, которые появляются и исчезают. Острова также являются хранилищами пугающих элементов: рассказы о путешествиях в Карибском море, например, изобилуют фантазиями о каннибалах и других разрушительных силах, которые скрываются на острове. Также многим известен идеализированный остров, место, к которому стремятся все моряки. Они проводят всю жизнь в поисках этого острова и зачастую его не находят. Подобные истории встречаются в мифологии и фольклоре многих народов, в разные эпохи и на различных языках [7].

© О.Д. Киселева, 2019

Восприятие пространства и времени на острове становится не таким, как на материке, поскольку особую роль начинает играть оторванность острова от «большой земли» и близость моря. Человека, попавшего на остров и подпавшего под его воздействие, трудно освободить от особого, «островного» мировосприятия, в котором тесно переплетаются воображаемое и реальное. Отделенность острова от привычного уклада жизни – основа его привлекательности для воображения; чем остров меньше, чем он дальше и недоступней, тем заманчивее для человеческого воображения превратить его пространство в нечто удивительное. Остров является не только катализатором фантазий и желаний, он также может предстать для человека как место осуществления тайных, запретных, табуированных культурой желаний, которые можно осуществить здесь без страха наказания.

Тема острова в мифологии, фольклоре и литературе нечасто становится предметом специального исследования. В качестве примера можно привести монографию Л.И. Горницкой и М.Ч. Ларионовой «Место, которого нет... Острова в русской литературе» [2], статью С. Стефанидеса и С. Баснетт «Острова, литература и культурная интерпретация» [6], статью Л.Ю. Морской «Символика островного пространства в литературе» [3].

Условно все многообразие семантики островного пространства, встречающейся в мифологии, фольклоре и литературе, в данной статье будет сведено к трем основным типам: 1) остров как рай, 2) остров как ад (ложный рай или загробный мир), 3) остров как инициационное пространство.

На первый взгляд, художественное воплощение типа острова-рая представляется наиболее простым в сравнении с другими вариантами. Поиски труднодостижимого рая и в современной литературе не теряют своей актуальности в качестве предмета рассказа. Именно мечты о рае зачастую определяют стремление к путешествиям.

Вода и земля считаются священными в мифологическом мировосприятии, им зачастую приписываются особые, сверхъестественные свойства. Остров как воплощение образа мироздания можно встретить в различных мифологических традициях. Прежде всего, это Острова блаженных, выступающие одним из символов рая: у шумеров – это остров Дильмун, в древнегреческой мифологии – Элизиум, в японских сказках встречается сюжет об Острове вечной юности. У греков были свои счастливые острова, где самые удачливые смертные проживали свои жизни, наслаждаясь райскими изысками. У ирландцев было похожее понятие, связанное с магом Меллом и Равниной Блаженства, куда после сражений отправлялись боги клана Туатха Де Данаан [6].

Устойчивая структура и семантика темы острова, сформированная в мифологии и закрепившаяся в фольклоре, оказалась востребованной и в литературе. Однако отдельные структурные элементы приобрели здесь иную семантику, отличающуюся от фольклорной. Также внутри этих элементов изменились типы связей, что способствовало одновременно как сохранению прежней семантики, так и появлению принципиально новых смыслов.

Самый распространенный в литературе пример реализации темы мифологического острова – это утопия, где остров выступает как пространство, изолированное от человеческого порока.

Ярким примером острова-рая является «Утопия» Томаса Мора (1516). В этой книге Т. Мор изображает идеальное общество без угнетения слабых, без преследования инакомыслящих и без принуждения к труду. В живых образах Мор описывает благополучное и справедливое общество, которое живет полной жизнью на вымышленном острове. Утопия – это остров, на котором великие пороки старого мира были преодолены.

Острова, служащие домом для потерпевших кораблекрушение моряков, стали главной литературной темой, которая до сих пор встречается в детской литературе. Так, «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта (1726) и «Робинзон Крузо» (1719) Даниэля Дефо, программные произведения эпохи Просвещения, написанные для взрослых, были

преобразованы в тексты для детей. Острова, на которых оказываются главные герои, служат для них домом, то есть своего рода вариантом рая. Остров здесь выступает в качестве убежища от опасностей.

В то же время остров часто представлялся и как ад на земле, связывался с мотивами физической гибели и разрушения. Признаками опасности, которую таит остров, могут стать обманчивая тишина, неподвижность или, наоборот, постоянный шум прибоя, подобный гулу мифологического ада.

Нельзя не увидеть аналогии между сюжетами «Острова Пайна» Генри Невилла (1668) и «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Единственная разница – Пайн, потерпев кораблекрушение, оказался на острове вместе с четырьмя женщинами, и к концу жизни у Пайна было потомство в количестве чуть меньше двух тысяч человек. Смешение рас, половая невоздержанность, инцест – таков список запретов, с легкостью нарушаемых Джорджем Пайном и его потомками [5]. Бесспорно, элементы утопии присутствуют на этом острове, ведь Г. Невилл смоделировал на острове идиллию: один правитель, один народ и полное материальное изобилие. Но спустя не так много лет эта идиллия оборачивается хаосом. В итоге безграничная свобода превращается в нетерпимость, а безвластие – в деспотизм. Как ни парадоксально, но эта фантазия об абсолютном воплощении плотских желаний и колониальных амбиций, эта утопия патриархального рая может быть прочтена как история человеческой дегенерации, деградации, как мрачная антиутопия об абсолютизме, переход в примитивное и крайне непродуктивное состояние [5].

Такой отрицательной семантикой нередко наполнена островная тематика в литературе модернизма и постмодернизма. Например, в рассказе Дэвида Герберта Лоуренса «Человек, который любил острова» (1927) подробно описывается усиленное, непреодолимое притяжение острова и его влияние на переосмысление определенных жизненных ситуаций и всей жизни в целом. Роль острова здесь является негативной, поскольку побег в любой защищенный или изолированный мир препятствует важному контакту с миром человеческих отношений, который хотя и может иметь болезненный характер, но имеет решающее значение для жизни и роста личности [6].

Роман Олдоса Хаксли «Остров» (1962), в котором фигурирует остров Пала, рай науки и религии, – это история как о деформации современного мира, так и о неизлечимом романтическом утопизме дикаря. В этой книге исследуется изолированность как ответ на беспокойство современности. Это вымышленное государство изображено в столь абсурдной форме, что позволяет отнести «Остров» О. Хаксли к категории «ложного рая» [4].

При разработке темы острова как инициационного пространства в произведениях литературы нередко используется мотив смерти-воскрешения, что провоцирует возникновение ситуации переходности. Попадание на остров может быть истолковано как смерть, отплытие – как возрождение. Иногда физическая смерть может заменяться метафизической, которая представляется с помощью искажения сознания персонажей (сон, транс, обморок, галлюцинации и т. п.), возникающего при попадании на остров. Семантика острова как инициационного пространства включает мотивы нестабильности, испытаний и промежуточного состояния, большинство акцентов смещается [2, с. 18]. Человек, волей случая попавший на остров, существенно меняется. Именно на островах чаще всего происходят глобальные изменения в сознании персонажей, духовная трансформация и переломы в мировоззрении. Остров, таким образом, может выступать как катализатор духовных возможностей.

В художественной литературе в таком виде остров чаще всего предстает в эпизодах кораблекрушения, когда герой оказывается выброшенным на необитаемый остров и после спасения тела и души будто заново рождается, и ему даруется новая жизнь. Данные мотивы можно найти в классических примерах робинзонад – отдельной жанровой формы, в рамках которой появилось множество схожих по сюжету произведений, интерпре-

тирующих мифологему острова. Помимо упомянутых выше «Робинзона Крузо» Д. Дефо и «Путешествий Гулливера» Д. Свифта, к числу таких произведений можно отнести «Таинственный остров» Жюля Верна (1874–1875), «Остров доктора Моро» Герберта Уэллса (1896) и многие другие. «Буря» Уильяма Шекспира (1610–1611) также содержит в сюжете элемент робинзонады. Сложная интерпретация темы острова, объединяющая в себе все три рассматриваемых в данной статье варианта, представлена в повести-робинзонаде Уильяма Голдинга «Воришка Мартин» (1956), в которой остров сначала воспринимается героем как спасение от гибели (рай), затем превращается в место невыносимых мучений (ад), и только в финале повести выясняется, что остров был шансом на искупление грехов и духовное преображение (то есть местом инициации), которым герой не воспользовался [1].

В романе Жюль Верна «Плавучий остров» (1895) основной сюжет построен вокруг Стандарт-Айленда, громадного плавучего острова-корабля, безостановочно плавающего по Тихому океану. Для главных героев это непростое путешествие, ведь спокойствию острова постоянно что-то угрожает: нападение хищников и пиратов, соперничество двух влиятельных семейств за власть, распад острова на две части и полное его разрушение. Подобные приключения не могут не оставить след в характерах героев [6].

В целом даже краткий обзор различных интерпретаций темы острова в мифологии, фольклоре и литературе свидетельствует о том, что тематика острова обладает богатым символическим содержанием. Остров часто выступает местом развития сюжетов утопии и антиутопии, так как дает возможность обособления от остального мира и взгляда со стороны на существующие культурные и социальные нормы. Писатели с совершенно различными творческими подходами обращаются к теме острова, вводя ее в свои произведения с учетом предшествующей культурной традиции и трансформируя объект универсального мифологического мышления в индивидуальную составляющую субъективного мифа. Дальнейшее изучение различных интерпретаций темы острова в литературе поможет создать ее более детальную типологию.

Список использованной литературы

1. *Голдинг У.* Воришка Мартин / пер. с англ. М.: АСТ, АСТ Москва, 2009. 224 с.
2. *Горницкая Л.И., Ларионова М.Ч.* Место, которого нет... Острова в русской литературе. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 226 с.
3. *Морская Л.Ю.* Символика островного пространства в литературе // Изв. Саратов. ун-та. 2014. №. 3. С. 112–115.
4. *Хаксли О.* Остров / пер. с англ. М.: Академический проект, 2000. 368 с.
5. *Эрлихсон И.М.* Английский утопический роман Реставрации (1660–1689 годов) – «Остров Пайна» Генри Невилла // MagistraVitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-utopicheskiy-roman-restavratsii-1660-1689-gody-ostrov-payna-genri-nevillya-1 (дата обращения: 15.02.2019).
6. *Stephanides S., Bassnett S.* Islands, Literature, and Cultural Translatability. URL: http://transtexts.revues.org/212 (дата обращения: 15.02.2019).

М.К. Клименчук
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

УДК 81.37

Языковые приемы комического и их функции в повести С.Д. Довлатова «Заповедник»

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию языковых приемов комического в повести С.Д. Довлатова «Заповедник» и описанию их функций. Проведенный анализ функционирования языковых приемов дает возможность более полного изучения особенностей идиостиля писателя, а также способствует более глубокому анализу образов героев, в частности образа главного героя повести. Осуществленное исследование позволяет определить, что комическое в данном произведении служит своеобразной маской для героев, а также выявляет склонность главного героя к ироничному осмыслению действительности.

Ключевые слова: С.Д. Довлатов, идиостиль, комическое, функции комического, языковые средства комического, язык художественного произведения.

M.K. Klimenchuk
Fast Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

Linguistic Means of Representing Comic and Their Functions in Short Novel "Pushkin Hills" by S.D. Dovlatov

Abstract. This article is focused on researching different linguistic means of representing comic in S.D. Dovlatov's short novel "Pushkin Hills" and describing their functions. Analyzing the way they function allows one to thoroughly examine the writer's ideostyle and its features, and helps with gaining a deeper understanding of the short novel's characters, especially the main character. Research shows that comic serves as a mask for the characters, and also reveals the main character's aptitude for thinking in an ironic way.

Keywords: S.D. Dovlatov, ideostyle, comic, functions of comic, linguistic means of representing comic, language of art work.

Статья посвящена анализу лингвистических особенностей, а также исследованию функционирования языковых приемов комического в повести С.Д. Довлатова «Заповедник». В данном произведении, по нашему мнению, наиболее ярко представлены языковые возможности категории комического.

Используя метод контекстуального анализа, мы выявили основные языковые приемы репрезентации комического в повести, а также определили функционирование каждого из исследуемых приемов в художественном целом. Рассмотрим их подробнее.

1. Прием смешения высокого и низкого. Является наиболее частотным языковым приемом в произведении, его можно разделить на следующие подтипы.

1.1. Соединение высоких и низких понятий

Прием заключается в комическом смешении стилистически нейтральных слов, которые, однако, могут выражать высокое или низкое понятие. Так, в приведенном ниже примере на одном уровне перечисляются труды историков, литературоведов, известных

© М.К. Клименчук, 2019

исторических личностей и брошюра, небольшое пособие, не имеющее серьезного, научного содержания:

Прочтите ***Гордина, Щеголева, Цявловскую… Воспоминания Керн****… И какую-нибудь популярную* ***брошюру*** *о вреде алкоголя* [1, с. 177].

1.2. Соединение высокой и низкой лексики

Данный прием заключается в смешении книжных слов, среди которых мы, вслед за Н.М. Шанским, выделяем устаревшие слова, неологизмы, варваризмы, официально-деловую, поэтическую лексику и др. [3, с. 145–146], а также сниженные слова. Например:

К ночи застольная беседа переросла в ***дискуссию*** *с оттенком* ***мордобоя*** [1, с. 223].

В приведенном примере смешиваются книжное слово *дискуссия* и сниженное *мордобой.*

1.3. Употребление высокой лексики в бытовой ситуации

Прием заключается в использовании книжных слов при описании бытовой ситуации. Например:

Утро. Шаги, заглушаемые ***алой*** *ковровой дорожкой. Внезапное прерывистое бормотание репродуктора. Плеск воды за стеной. Грузовики под окнами. Неожиданный отдаленный крик петуха* [Там же, с. 187].

Здесь эпитет *алый*, который в большей степени употребляется в книжной речи, используется в описании местной заурядной (на что указывают грузовики под окнами и крик петуха) гостиницы. Алая ковровая дорожка, создавая комическое несоответствие ситуации, кажется в этом описании лишней.

В следующем примере мы видим описание местного ресторана. Весьма комично по отношению к официанту этого заведения использовать книжное слово *пресыщенный*. Очевидно, писатель хотел показать комичность нарочитой вычурности ресторана:

Официант, ***пресыщенный*** *разнообразием жизни, молчал* [Там же, с. 176].

1.4. Соединение высокой / низкой лексики и высоких / низких понятий

Например:

Вот ***засранец****! – неожиданно произнесла Галина. И через минуту: – Как хорошо, что* ***Пушкин*** *этого не видит* [Там же, с. 184].

Пример иллюстрирует использование в речи героини сниженного слова *засранец*, которое контрастирует с высоким понятием *Пушкин*. Комичность состоит в том, что, очевидно, для Галины привычно использование сниженных просторечных слов, однако, когда речь заходит о Пушкине, стиль её речи нарочно меняется.

2. Использование оценочных слов

Прием заключается в том, что автор использует оценочные слова, которые не соответствуют описанной ситуации. Например, оценочные слова *современный, изящный* имеют стилистический плюс и обычно употребляются при описании положительных явлений. В приведенном же примере данные слова используются при описании отрицательного события – развода, что отражает ироничное отношение главного героя к жизни:

Мы развелись полтора года назад. Этот ***современный, изящный*** *развод чем-то напомнил перемирие* [Там же, с. 221].

3. Прецедентные феномены

3.1. Прецедентные имена

Например:

Аврора*, – сказала она, протягивая липкую руку.*

А я, – говорю, – ***танкер Дербент****. Девушка не обиделась* [Там же, с. 177].

Здесь упоминается название знаменитого крейсера «Аврора» и название повести Ю. Крымова «Танкер Дербент». Герой, называя себя таким прецедентным именем в диалоге с экскурсоводом, делает намек на то, что имя девушки вызывает ассоциации с крейсером «Аврора».

3.2. Прецедентные тексты

Например:

Вера, крикнул Марков, – дай опохмелиться! <…> Минуя промежуточную ***эпоху развитого социализма****…* [Там же, с. 263].

В данном примере использовано название исторической эпохи, которую именовали «эпохой развитого социализма». В СССР люди стремились к коммунизму, в котором видели счастливую жизнь, герой хочет миновать эпоху социализма, сразу перейти от социализма к коммунизму, что для него значит – «опохмелиться».

4. Использование перифраз

С.Д. Довлатов может вкладывать в перифразы иное, отличающееся от традиционного значение. Например:

Пребывал в ***местах не столь отдаленных****. Диагноз – хронический алкоголизм!..* [Там же, с. 259]

В данном примере перифраз «места не столь отдаленные» означает «психоневрологический диспансер».

5. Смешение лексико-семантических вариантов одной лексемы

Прием заключается в смешении основного значения слова и его производных, переносных значений. Например:

– Спасибо, **милая.**

Тон резко изменился.

– Какая я вам милая?! Ох, умираю… Милая… Скажите пожалуйста… Милую нашел… [Там же, с. 188]

Основное значение слова *милый* – «располагающий к себе, славный, хороший» [2, с. 270]. Третье значение – «возлюбленный, возлюбленная» [Там же]. Так, мы видим смешение основного значения слова (именно это значение имеет в виду герой) и 3 значения, которое ошибочно распространяет на себя собеседница героя.

Исследуя приемы комического, характеризующие речь персонажей, мы выявили, что главный герой произведения склонен к ироническому осмыслению жизни. Также мы определили, что комичность служит для персонажей своеобразной маской, которая скрывает их истинные эмоции, мысли и привычную речь, что и передается с помощью выявленных языковых приемов.

Таким образом, в ходе исследования мы составили классификацию основных языковых приемов комического, использованных С.Д. Довлатовым в повести «Заповедник», и описали их функционирование в произведении.

Список использованной литературы

1. *Довлатов С.Д.* Заповедник. СПб.: Азбука-классика, 2004. 528 с.

2. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 2. 736 с.

3. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 312 с.

Я.О. Козлова
Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск

УДК 82-32

Проблема свободы человека в календарных рассказах А.П. Чехова «Ведьма», «На пути»

Аннотация. В 1886–1887 гг. формируется художественность «зрелого» А. П. Чехова. Важнейшую роль в психологических и идеологических исканиях писателя этого периода играет проблема свободы человека. Она составляет сюжетную основу рассказов «Ведьма» и «На пути» (оба – 1886). Соотношение внутренней свободы и видимой «заданности» судьбы личности анализируется в жанровой парадигме календарного рассказа, что осложняет репрезентацию характера персонажа «многомерностью» прочтений.

Посредством включения анализируемых произведений в состав календарной прозы раскрывается связь с фольклорной традицией (инфернальное начало, народные поверья и обычаи, «чужое» пространство). Последняя находит отражение – в редуцированном и видоизмененном виде – в системе персонажей.

Ключевые слова: А.П. Чехов, календарный рассказ, свобода человека, фольклорная традиция.

Ya.O. Kozlova
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

The Problem of Human Freedom in a Calendar the Short Stories by Anton Chekhov “The witch”, “On the way”

Abstract. The artistic merits of ‘mature’ works by A.P. Chekhov completely formed in 1886–1887. During this period the most important role in writer’s psychological and ideological strivings belongs to the question of human freedom. It represents a plot baseline for short novels “The Witch” and “On the Road” (both 1886).

The correlation between internal freedom and visible ‘predetermined’ fate of a person is analyzed in the genre paradigm of calendar novel, which makes the representation of characters more complicated due to the multidimensionality of rendition. By designating the examined novels as calendar novels we reveal the connection with folklore tradition (infernal origin, folk belief and traditions, ‘alien’ area). The latter is reflected – in a reduced and altered form – in the characters.

Keywords: A.P. Chekhov, calendar novel, human freedom, folklore tradition.

«Нейтральная» позиция повествователя, за которой скрывается поиск «бога живого человека», является одной из самых узнаваемых особенностей чеховского письма [2; 3; 5]. Выявление подлинного содержания личности, ее внутренней свободы составляет основную задачу писателя. В переходный период это творческое задание ставилось, в частности, в таких календарных рассказах*, как «Ведьма» и «На пути» (оба – 1886).

* Календарными называют произведения, обусловленные календарной приуроченностью и обладающие определенным сюжетным наполнением. К типологическим признакам календарной словесности можно отнести: а) тесную связь с той или иной календарной системой (церковной, сельскохозяйственной, светской); б) устойчивость сюжетных ситуаций (например, в большинстве святочных рассказов встречаются упоминания о гаданиях и гадающих, различных святочных увеселениях, столкновении с инфернальными силами); в) глубокое эмоциональное воздействие на слушателей.

© Я.О. Козлова, 2019

А.П. Чехов активно разрабатывал сюжеты календарных произведений: всего им написано свыше шестидесяти пяти рассказов, относящихся к данному жанру. В анализируемых в статье рассказах, в отличие от ранних календарных рассказов писателя, уже не наблюдается иронии, характерной праздничной атрибуции и смешных ситуаций, связанных с тем или иным обрядом (например, гаданием или распеванием колядок) («Кривое зеркало» (1883), «Страшная ночь» (1884), «Орден» (1884) , «Зеркало» (1885), «То была она!» (1886) и др.). В рассказах «Ведьма» и «На пути» А. П. Чехов сосредоточивает свое внимание на ключевых, «программных» для его зрелого творчества, идеях: выборе нравственного идеала, единении с близкими, жертвенности и самоотречении, сохранении внутренней свободы человека.

Сюжетный конфликт в рассказе «Ведьма» основывается на обвинении дьячком Савелием Горыгиным своей жены Раисы Ниловны в ведьмовстве: он уверен, что по ее вине разыгралась метель и завьюжило почту: «<…>всё это твои дела, чертиха! Твои дела, чтоб ты пропала! И метель эта, и почту кружит... всё это ты наделала! Ты!» [7, с. 377]. По мнению Савелия, Раиса пользуется своими сверхъестественными способностями, чтобы завлечь заблудших путников. Не обращая внимания на справедливые упреки жены в пустых выдумках, дьяк продолжает злиться и припоминает другие случаи разбушевавшейся «по вине» жены непогоды, неизменно приуроченные к церковному календарю, а потому свидетельствующие об инфернальной сущности молодой дьячихи. Так, «под пророка Даниила и трех отроков* была метель <…> и мастер греться заехал. Потом на Алексея, божьего человека**, реку взломало, и урядника принесло… <…> В Спасовку*** два раза гроза была, и в оба разы охотник ночевать приходил. <…> А этой зимой перед Рождеством на десять мучеников в Крите, когда метель день и ночь стояла... помнишь? – писарь предводителя сбился с дороги и сюда, собака, попал...» [7, с. 377–378]. Привязка мнимых колдовских происков жены к датам православного календаря неслучайна: жизнь персонажей чеховских рассказов «проходит не во времени, размеченном абстрактными вехами, а во времени, наполненном конкретным значением, размеченном символами, несущими смысл, содержащим отсылки к историческим событиям и народным обычаям» [4, с. 18]. Тем более естественно мерить время по церковному календарю для особы духовного сана.

В рассказе нет точного указания на время, когда разворачиваются события. Известно, что снежная буря разыгралась поздним вечером, когда «время шло к ночи», а на улице «была оттепель» [7, с. 375], однако отнесение упоминаемых событий в воспоминаниях дьячка к определённым церковным датам и аналогия «метель – нежданные гости» дает нам некоторое основание причислить это произведение к календарным.

Кроме временной приуроченности (зимняя вьюга, ночная пора), в рассказе явно присутствует инфернальное начало, воплощенное в образе Раисы и враждебности стихии, что позволяет установить связь сюжетного события с фольклорной традицией и святочными текстами в частности. Так, считалось, что нечистая сила, особенно опасная во время праздников, активизируется поздним вечером или ночью; встреча с инфернальным существом происходит в отдаленном от людей месте (церковная сторожка стоит на отшибе); метель символизирует свадьбу черта с ведьмой или игрища бесов («какая-то победительная сила гонялась за кем-то по полю, бушевала в лесу и на церковной крыше, злобно стучала кулаками по окну, метала и рвала, а что-то побежденное выло и плакало...») [7, с. 375]. Значимая деталь, неоднократно повторяющаяся в повествовании, – бе-

---

* Память пророка Даниила и трех отроков: Анании, Азарии и Мисаила – 30 декабря.

** Память преподобному Алексею, человеку Божьему, – 17 марта.

*** В августе православные отмечают три Спаса: Медовый (14 августа), Яблочный (19 августа) и третий Спас (в народе Хлебный, или Ореховый) (29 августа).

лая шея молодой женщины, а также ее бледность, взгляд, загоревшийся каким-то необъяснимым огнем, – отсылает читателя к узнаваемым образам гоголевских ведьм – Солохи («Ночь перед Рождеством», 1832), злой мачехи, погубившей падчерицу-панночку («Майская ночь, или Утопленница», 1830), и красавицы-панночки, отходную которой три ночи читал Хома Брут («Вий», 1835).

Завывания ветра, звенящие стоны почтового колокольчика, звуки неистового плача за окном можно трактовать как недобрые предзнаменования для обитателей сторожки. Мечтам молодой женщины, выданной замуж по расчету, обрести личное счастье и оставить нелюбимого мужа не суждено сбыться: обаятельный почтальон, один из заблудившихся путников, освобождается от сонных чар и собирается в дорогу. Судьба Раисы, отдавшей свою молодость старому ворчливому дьячку, глубоко трагична.

Однако и муж Раисы по-своему несчастен. Если горе молодой женщины во многом объясняется внешними обстоятельствами (вышла замуж по воле родителей), то неудовлетворенность жизнью Савелия кроется в его неспособности освободиться от стереотипного, несвободного от предрассудков мышления. Он уверен в причастности жены к дьявольскому миру, хотя в самой его фигуре также прослеживается нечто хтоническое. По мнению Г.П. Козубовской и М. Бузмаковой, рыжие волосы дьячка – признак домового; немытые ноги вызывают прочные ассоциации с дьяволом, а его рябое лицо, переваливающаяся с боку на бок походка указывают на зооморфность персонажа [1, с. 288]. Своеобразие походки персонажа и его нечистоплотность может свидетельствовать о его духовной неполноценности в контексте средневекового мировоззрения (разная длина ног – телесный изъян, указывающий на дьявольскую природу).

Из-за ограниченности, узости мировоззрения (молодая женщина отказалась распоряжаться своей судьбой, предоставив выбор своим родителям; дьячок, несмотря на духовный сан, верит в колдовство и возможность управлять погодой с помощью сверхъестественных сил) персонажи духовно несостоятельны, а значит, и не свободны. Равнодушие Раисы к тому, как сложится собственная судьба («Тут прежде в дьячках мой папенька были, а потом, как пришло им время помирать, они, чтоб место за мной осталось, поехали в консисторию и попросили, чтоб мне какого-нибудь неженатого дьячка в женихи прислали. Я и вышла» [7, с. 381]), нежелание решить вопрос своей жизни согласно стремлениям и наклонностям, корыстные мотивы (вышла замуж с целью сохранения места) не находят одобрения в авторской системе нравственных координат, хотя поначалу читатель невольно сочувствует отягощённой одиночеством дьячихе. На наш взгляд, инфернальная подоплека, кроющаяся в ее образе, – ведьмовство, связь с бесовским миром – намеренно вводится А.П. Чеховым с целью развенчания ложного «оправдательного» мнения, которое может сложиться при чтении рассказа. Подобный прием использован и при описании черт и характера Савелия, которому проще объяснить приход нежданных гостей колдовством жены, чем попытаться разобраться в истинных причинах радости Раисы при встрече со «свежими», живыми людьми. Именно поэтому в начальной ситуации рассказа при описании разыгравшейся бури неоднократно подчеркивается жалобный вой ветра, в котором «звучал не призыв на помощь, а тоска, сознание, что уже поздно, нет спасения» [7, с. 375]. Так и для Раисы с Савелием нет иного пути, кроме продолжения жизни «по привычке», в невежестве, страхе и невозможности изменить свою судьбу.

В святочном рассказе «На пути», действие которого разворачивается в канун Рождества, герои – Григорий Петрович Лихарев и Мария Михайловна Иловайская, которая из-за метели вынуждена остановиться на ночлег в спальной комнате трактира, – как и персонажи рассмотренного выше рассказа, не могут обрести внутренней гармонии и обречены быть несчастными.

В полуночной беседе за самоваром, который ставит хромой мальчик (повторяющаяся деталь, «намекающая» на святочные инфернальные приметы), Лихарев живостью сво-

ей натуры, увлеченностью и неистребимой способностью горячо «верить» во всевозможные идеи, будь то искания славянофилов, позитивистов, нигилистов и др., – производит сильное впечатление на молодую женщину: «Жестикулируя, сверкая глазами, он казался ей безумным, исступленным, но в огне его глаз, в речи, в движениях всего большого тела чувствовалось столько красоты, что она, сама того не замечая, стояла перед ним как вкопанная и восторженно глядела ему в лицо» [8, с. 473]. Из исповеди героя становится ясно, что он готов жертвовать своими интересами (едет в безлюдную степь управляющим в шахты), способен любить и сопереживать (с нежностью относится к больной дочери, сожалеет о бывшей жене), однако не живет полной жизнью: его мировоззрение сформировано привнесенными извне идеями, которые кратко переживаются героем как свои собственные, а затем отвергаются. Такие идеи овладевают человеком «насильно» и не могут дать истинного знания.

В 1889 г. в письме к А.Н. Плещееву А.П. Чехов писал: «Буду держаться той рамки, которая ближе к сердцу и уже испытана людьми посильнее и умнее меня. Рамка эта – абсолютная свобода человека, свобода от насилия, от предрассудков, невежества, чёрта, свобода от страстей и проч.» [6, с. 186]. Повторим: Лихарев не свободен от своих «вер»: «Каждая моя вера гнула меня в дугу, рвала на части мое тело» [8, с. 470].

Мария Михайловна Иловайская также не обретает счастья в финале рассказа. Начав убеждать героя отказаться от поездки на тяжелую работу, она внезапно испугалась ответственности за судьбу «пропащего, заброшенного человека» [8, с. 476]. Чтобы как-то облегчить его участь, она даже хотела «откупиться» от Лихарева, предложить ему денег, но в последний момент, засмущавшись, сунула четвертную бумажку себе в карман. Поступки героини свидетельствуют о невозможности для нее самопожертвования, о ее неспособности поддаться лучшим порывам души и спасти от духовной гибели другого человека. А.П. Чехов сознательно разрушает канон святочного рассказа, отказываясь от благополучного финала и надежды на светлое будущее для героев.

В произведении большое внимание уделено непогоде и инфернальному началу, как и в рассказе «Ведьма». Злобная вьюга, чьи звуки сливались в «нечеловеческую музыку», напоминает об игрищах бесов (аллюзия с «Бесами» А.С. Пушкина) [8, с. 463]. В трактире, на первый взгляд кажущемся единственным спасительным островком от разыгравшейся стихии, в которой «слышались и злобствующая тоска, и неудовлетворенная ненависть, и оскорбленное бессилие того, кто когда-то привык к победам...», оказывается, невозможно укрыться от бесовского начала [8, с. 463]. Так, например, Иловайской, согласно наблюдениям С.Я. Сендеровича, присущи змеиные черты: она такая же юркая, острая и имеет портретное сходство со змеей (мотив оборотничества) [4, с. 40–41]. Хромой мальчик, в ночи принесший самовар путникам до обедни, подталкивает их к нарушению поста и греховному разговению, приобретая сходство с искусителем. И даже ряженые со звездой, поутру испугавшие барышню, поют не шуточные колядки, а призывают к убийству жида.

В календарных рассказах «Ведьма» и «На пути» герои заключены в рамки невежества, кружковых объединений, собственного безволия, поэтому оказываются неспособны возвыситься нравственно и стать полноценными личностями. Посредством творчества А.П. Чехов пытается обосновать идеологическую концепцию невозможности обретения духовной целостности и гармонии с собой в отрыве от свободы во всех ее проявлениях.

Список использованной литературы

1. *Козубовская Г.П., Бузмаков М.* Рассказ А.П. Чехова «Ведьма»: Жанровый архетип // Культура и текст. 2008. С. 287–298.

2. *Лакшин В.Я.* О «символе веры» Чехова // Чеховиана: статьи, публикации, эссе. М.: Наука, 1990. С. 7–19.

3. *Линков В.Я.* Художественный мир прозы А.П. Чехова. М.: МГУ, 1982. 128 с.

4. *Сендерович С.Я.* Чехов – с глазу на глаз: История одной одержимости А.П. Чехова: Опыт феноменологии творчества. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 288 с.

5. *Фрайзе М.* Проза А.П. Чехова / под ред. И.В. Корина, Н.Л. Маишевой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.

6. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 3. 575 с.

7. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 4. 552 с.

8. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 5. 704 с.

Т.Ю. Колягина
Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут

УДК 82.94

Утрата детства-рая в «Воспоминаниях» Т.Л. Сухотиной-Толстой

Аннотация. В статье анализируется мотив утраты детства-рая в мемуарах Т.Л. Сухотиной-Толстой. Детство представлено в «Воспоминаниях» как счастливое время, проживаемое «в раю», рядом с близкими, и противопоставляется «трудным годам» отрочества и последующей взрослой жизни. Взросление героини и переход в отроческий статус осмыслено через сюжет «изгнания из рая» (переселение из привычного пространства детской комнаты, разобщение с родными и с миром, появление греховных помыслов и поступков, смерть брата). Делается вывод о том, что автору мемуаров присуще сознание «усадебной личности», гармонично воспринимающей и принимающей законы жизни.

Ключевые слова: мир детства, детство-рай, взросление, мемуары, женская мемуаристика, Т.Л. Сухотина-Толстая.

T.Yu. Kolyagina
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

The Loss of Childhood-Paradise in the "Memoirs" by T.N. Sukhotina-Tolstaya

Abstract. The article analyzes the motive for the loss of childhood-paradise in the memoirs of T.L. Sukhotina-Tolstaya. Childhood is represented in "Memoirs" as a happy time spent "in paradise", close to loved ones, and contrasted with the "difficult years" of adolescence and subsequent adulthood. The heroine's growing up and transition to adolescent status is comprehended through the plot of "expulsion from paradise" (relocation from the usual space of the children's room, separation from family and the world, the appearance of sinful thoughts and actions, the death of a brother). It is concluded that the author of the memoirs is inherent in the consciousness of the "manor person", harmoniously perceiving and accepting the laws of life.

Keywords: the world of childhood, childhood-paradise, growing up, memoirs, women's memoirs, T.L. Sukhotina-Tolstaya.

Изучение темы детства и образа ребёнка, запечатлённых в многочисленных произведениях русских писателей и в мемуарно-биографической литературе, остаётся одним из актуальных и востребованных направлений филологии, психологии, педагогики, культурологии.

Именно автодокументальная проза наиболее полно и многогранно репрезентирует мир ребёнка и «детскую сферу» жизни человека. Известно, что в жанровый канон воспоминаний в качестве обязательного элемента повествования входит описание детства субъекта, времени, когда формировались его представления о мире, система ценностей, происходили становление и рост личности. Потому обращение к автодокументам в этом ключе кажется нам очень привлекательным, тем более что в современном литературоведении заметно усиление интереса к этим текстам как к полноценным самостоятельным

© Т.Ю. Колягина, 2019

художественным произведениям, происходит преодоление взгляда на мемуарно-биографическую прозу как «периферийную» и нехудожественную [1; 2; 3; 7].

Актуальным является также и обращение к т.н. женским автодокументам, написанным в разное время женщинами [4; 5; 9]. Статус и роль женщины – дочери, жены, матери семейства, её особый «голос», несомненно, наиболее полно и открыто отражают и характеризуют мир ребёнка и саму сферу детства.

Объектом исследования в нашей работе стали главы «Воспоминаний» Т.Л. Сухотиной-Толстой, описывающие детство автора.

До сегодняшнего дня мемуары старшей дочери Льва Толстого рассматривались в литературоведении исключительно как прикладные в плане изучения особенностей личности и биографии писателя. Они всегда считались «правдивыми» (в отличие от литературной репутации мемуаров младшей дочери Толстого Александры), на них опирается официальное толстововедение. Как самостоятельный объект изучения «Воспоминания» Сухотиной-Толстой не рассматривались никогда. Одной из первых и единственных работ, где сквозь биографию «великого отца» проглядывает интерес к личности самой Сухотиной-Толстой, является предисловие А.И. Шифмана к составленной им публикации «Воспоминаний» Татьяны Львовны [8]. Но и он, отмечая их «искренность, достоверность и психологическую тонкость», всё же видит основную ценность «Воспоминаний» в том, что они посвящены Толстому: «…об отце, о его образе жизни, о Толстом в повседневном быту, за работой, в общении с родными, друзьями, с народом» [8].

Прикладной характер носит также использование мемуаров Т.Л. Сухотиной-Толстой в монографии основателя педагогической антропологии Б.М. Бим-Бада и его последователей. Здесь «Воспоминания» наряду с прочими многочисленными автобиографиями XVIII–XX вв. рассмотрены в качестве иллюстративного материала к изучению проблемы «человек в процессе воспитания» [1]. По понятным причинам художественная ценность мемуаров в область исследовательских задач авторов монографии не входила.

Однако «Воспоминания» Т.Л. Сухотиной-Толстой представляют интерес и как самостоятельный «текст культуры», и как важный «документ эпохи», и как яркий, художественно воплощённый образ дворянского усадебного мира, центром которого является Дом, Семья, детство.

Рассмотрим лишь один из аспектов темы детства в данных мемуарах, а именно сюжет утраты детства-рая.

Первую часть своих воспоминаний («Детство Тани Толстой в Ясной Поляне») автор предваряет небольшой преамбулой, в которой настойчиво повторяет мысль о том, что её детство (в сравнении с отрочеством и последующими этапами жизни) – «безоблачная» «счастливая пора» [6]. Действительно, её рождение и первые десять лет жизни совпали с идиллией в семействе Толстых; сама Татьяна росла в окружении любви и заботы обоих родителей, в то время как «трудная пора» её отрочества и взросления пришлась на период осложнения отношений между отцом и матерью и, как следствие, ухудшения духовной атмосферы в семье.

В числе «главных» лиц, повлиявших на развитие и становление героини мемуаров, Сухотина-Толстая называет родителей и – с особенным благоговением – англичанку Ханну. Именно «время с Ханной» для «старших» детей Толстых становится временем детства-рая. Райское время, полное беззаботного счастья, веселья и чистоты, – так описывает Сухотина-Толстая свою жизнь в детской комнате вместе с братьями и любимой воспитательницей: «Было у меня в жизни и после детства много хороших и счастливых минут, – но то состояние душевной ясности и сердечного спокойствия, которое я испытала при жизни с Ханной в детской со сводами, – никогда уже не повторилось...». Это время шумных игр и шалостей, познавательных прогулок и первых уроков нравственности, рождественских обедов и святочных увеселений.

При этом имя Ханны в «Воспоминаниях» овеяно аурой искренней любви и бесконечной привязанности: «милая», «первый человек в мире», «никого они [дети Толстых – *так как*] так уже любить не будут». В образе Ханны для девочки Тани и мемуаристки Сухотиной-Толстой парадоксальным образом слились черты матери и отца: именно своей гувернантке дети обязаны уроками душевной мягкости и суровой нравственности, безусловной любви, заботы и непоколебимой верности своему долгу.

Отъезд Ханны в Кутаис для восстановления здоровья и помощи Кузьминским в воспитании дочерей воспринимается Таней (и её матерью) как «конец счастья». О времени «после Ханны» Татьяна пишет так: «Одно из самых мрачных времён моей жизни»; «С отъездом Ханны кончилось моё счастливое детство. Прошла навсегда та пора беззаботности, доверия к старшим, безоблачной любви ко всем и ко всему окружающему, которой отличается эта пора жизни».

Интересно, что вслед за «уходом» Ханны из яснополянского дома происходит «отселение» самой Тани от братьев из детской комнаты внизу на второй этаж, за которым последовали долгие месяцы одиночества, тоски по прошлому, ощущения неприкаянности: «После веселых игр с братьями и Ханной я была обречена на полное одиночество»; «Я чувствовала себя в это время одинокой и несчастной. Мальчики от меня отошли. Я с ними видалась редко. Они жили внизу с Фёдором Фёдоровичем… вели с ним разговоры об охоте, ружьях, собаках и лошадях. Меня они в эти разговоры не посвящали, и я не принимала в них участия. Мамá я тоже вижу мало: она всегда или за работой, или кормит одного из своих многочисленных детей, или с быстротой молнии строчит что-нибудь на своей ножной швейной машине, или же переписывает какую-нибудь рукопись для папá. О папá и говорить нечего. Он «занимается» по целым дням. А когда он не «занимается», то он усталый и какой-то отсутствующий и нас, детей, мало замечает. Мы, дети, сознавали, что его «занятие» очень важно и значительно, и я понимала, что все мои переживания перед его работой – ничто. Поэтому я никогда не решилась говорить с ним о них. Может быть, если бы я на это решилась и сумела бы рассказать ему про свое душевное состояние, он нашёл бы слова, которые успокоили бы и утешили меня. Но я ревниво замкнулась сама в себе и никому не рассказывала о тяжелых переживаниях, которыми полны были года моего отрочества».

До каких масштабов доходили переживания одиночества и собственной ненужности ребёнком, можно лишь догадываться, читая фрагменты «Воспоминаний», где девочку-подростка, лишённую общения и дружеского участия, посещают мысли о собственном сумасшествии, воображение и перо рисует ей несуществующего «друга», живущего в «сиреневом кусту» и т. д. Но оставим размышления о степени тяжести переживаний девятилетней девочки специалистам по детской психологии и педагогической антропологии. Нам же очевидно, что в мемуарах события, связанные с отъездом Ханны и «отселением» Татьяны от братьев, воспринимаются не только как конец счастливого детства героини и начало её отрочества, но и как «изгнание из рая». Обратим внимание, что именно с этим периодом мемуаристка связывает появление в своём характере отрицательных черт, а также пагубных привычек и «дурных манер», таких как мрачность, раздражительность, замкнутость, скрытность, лукавство, угрюмость, грубость со слугами, непослушание.

Интересно, что такое же вынужденное «схождение с небес на землю» претерпевает и четырёхлетний брат Татьяны Лёва. Трогательно описывает мемуаристка его «переселение» к старшим братьям на первый этаж, когда после отъезда Ханны для Серёжи, Ильи и Льва был нанят воспитатель Фёдор Фёдорович: «Как сейчас, вижу его маленькую хорошенькую фигурку с золотистыми кудрявыми волосами, стоящую на верху лестницы и упирающуюся, чтобы не сойти вниз…:

– Я лучше не пойду туда... Я там испорчусь...»

Ему, пишет Татьяна Львовна, «хочется подольше сберечь свою душу чистой и нежной и не покидать еще детской, где все дышит лаской, теплотой и невинностью. Но для него колесо жизни не остановилось и не пощадило его детской души. И его заставляют переселиться к большим мальчикам, где он боится “испортиться”».

Мир ребёнка и детства в мемуарах Сухотиной-Толстой соседствует с миром старости и смерти. Автор «Воспоминаний» постоянно напоминает о многочисленных «насельниках» усадебного дома Толстых: помимо хозяев, детей и слуг, это пожилая тётка писателя Татьяна Александровна Ёргольская и целый штат приживальщиков («старые горничные», старухи-странницы, карлики, монахи и проч.). Символичен эпизод, в котором мемуаристка описывает, как «тётенька» Татьяна Александровна приняла решение переселиться в маленькую деревянную пристройку из просторной комнаты, которую она ранее занимала, велев отдать её под детскую: «Комната моя хороша и вам понадобится. А если я умру в ней, <…> вам будет неприятно воспоминание, так вы меня переведите, чтоб я умерла не здесь». Такое восприятие мира и себя в нём характерно для «усадебной личности» (термин мой. – *Т.К.*), живущей в особенном месте – русской дворянской усадьбе, где природа и человек слиты воедино, проходят единый цикл от рождения к умиранию, где дети и старики рядом, где смерть понимается не как трагедия, а как свершение высшего Закона природы. По нормам усадебного бытия даже смерть ребёнка воспринимается как «тяжёлая ступень в жизни», которую нужно перенести «без ропота, а с мыслью, что нам нельзя понять, что мы и зачем, и только смиряться надо».

Итак, анализ показал, что главы о детстве и отрочестве Тани сюжетно оформлены, их движение определяется не только этапами жизни главной героини. Они противопоставлены друг другу как счастье и несчастье, полусознательность – «необъятная область мысли», беззаботность – заботы, слияние с миром и людьми – период отчуждения и разобщения со всем окружающим, жизнь в раю – метафорическое «изгнание из рая». Символично в этом смысле и окончание главы об отрочестве, предваряющей переход к главе о взрослой жизни мемуаристки «Друзья и гости Ясной Поляны»: глава заканчивается описанием смерти и похорон ребёнка (умирает братец Петя – воплощение здоровья и жизненной силы). Так символически мемуаристка «хоронит» своё детство, прощается с ним, оставляя для него лишь «зарницы памяти» – вспышки-воспоминания о любимых людях и вещах, событиях, запахах и звуках, с ними связанных.

Список использованной литературы

1. *Елизаветина Г.Г.* «Последняя грань в области романа…» (Русская мемуаристика как предмет литературоведческого исследования) // Вопросы литературы. 1982. № 10. С. 147–171.

2. *Николина Н.А.* Поэтика русской автобиографической прозы: учебное пособие. М.: Флинта. Наука, 2002. 424 с.

3. Природа ребёнка в зеркале автобиографии: учебное пособие по педагогической антропологии / под ред. Б.М. Бим-Бада и О.Е. Кошелевой. М.: Изд-во УРАО, 1998. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/Autobiographies_from_anthropological_p_of_v/autobiographies_from_anthropological_p_of_v.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

4. *Пушкарева Н.Л.* У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–69.

5. *Савкина И.Л.* Разговоры с зеркалом и зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 440 с.

6. *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания / сост., вступ. ст. и примеч. А.И. Шифмана. М.: Художественная литература, 1960. URL: http://az.lib.ru/s/suhotinatolstaja_t_l/text_0020.

shtml (дата обращения: 01.03.2019). Здесь и далее в статье текст цитируется по этому изданию.

7. *Тартаковский А.Г.* Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35–55.

8. *Шифман А.И.* Воспоминания дочери // Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания / сост., вступ. ст. и примеч. А.И. Шифмана. М.: Художественная литература, 1960. URL: http://az.lib.ru/s/suhotinatolstaja_t_l/text_0010.shtml (дата обращения: 01.03.2019).

9. *Шкляева Е.Л.* Мемуары как «текст культуры»: женская линия в мемуаристике XIX–XX веков (А.П. Керн, Т.А. Кузьминская, Л.А. Авилова): дис. … канд. филол. наук. Барнаул: БГПУ, 2006. 168 с.

Г.В. Кукуева
Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут

УДК 811.161

Смешанные формы чужой речи в женской прозе конца XX – начала XXI века

Аннотация. Статья посвящена анализу смешанных форм чужой речи в женской прозе конца XX – начала XXI века. Задача статьи – выявить роль смешанных форм чужой речи в речевой композиции текстов. В ходе анализа текстового материала установлено, что данный тип речи в женской прозе рассматриваемого периода представляет собой особый художественно-стилистический прием. В произведениях Т. Толстой смешанные формы чужой речи организуют сказовое повествование, в котором рассказчик (рассказчица) представлен авторской маской, подчиняющей себе речевую партию персонажа. В рассказах Л. Петрушевской смешанные формы речи используются для передачи внутренне напряженного состояния рассказчика или героя.

Ключевые слова: женская проза, постмодернизм, речевая композиция, смешанные формы чужой речи.

G.V. Kukueva
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

The Mixed Forms of Someone Else's Speech in Female Prose in the end of the XX – the Beginnings of the XXI Century

Abstract. Article is devoted to the analysis of the mixed forms of someone else's speech in female prose of the end of the XX – the beginnings of the XXI century. Article task – to reveal a role of the mixed forms of someone else's speech in speech composition of texts. During the analysis of text material it is established that this type of the speech in female prose of the considered period represents special art and stylistic reception. In works by T. Tolstaya the mixed forms of someone else's speech will organize the skazovy narration in which the story-teller (storyteller) is imagined by the author's mask subordinating speech party of the character. In stories by L. Petrushevskaya the mixed forms of the speech are used for transfer internally of tension of the story-teller or the hero.

Keywords: female prose, postmodernism, speech composition, the mixed forms of someone else's speech.

Художественно-речевая структура является центральным понятием лингвистической поэтики. Материалом для организации данной структуры выступает национальный язык во всей его функциональной и экспрессивно-стилевой сложности. В лингвистической поэтике художественно-речевая структура предстает как индивидуальная словесная структура, слагающаяся из скомпонованных в рамках коммуникативного задания автора субъектно-речевых сфер. Составляющие художественно-речевой структуры – речь автора и речь персонажей, репрезентирующиеся в речевой ткани текста различными формами речи. Особое место в типологии данных форм занимают смешанные формы, которые в текстах середины XX – начала XXI веков становятся способами передачи речевых партий автора и персонажей. Эти формы представляют собой совмещение нескольких типов чужого высказывания «в единую, очень крупную по размерам конструкцию, объединен-

© Г.В. Кукуева, 2019

ную интонационно и пунктуационно и являющуюся коммуникативной единицей, объединяются компоненты разнородные в композиционном отношении; по субъектным сферам, выраженным и не выраженным формами чужой речи; по цели высказывания; по эмоциональной окрашенности» [4, с. 28].

Цель данной работы – установить роль смешанных форм чужой речи в женской прозе конца XX – начала XXI веков.

Женская проза конца XX – начала XXI веков как материал исследования обнаруживает сходство на уровне жанровых, стилистических и языковых особенностей. В качестве ее основных черт исследователи [1; 6] называют доминирование устной разговорной речи, диалогичность, интертекстуальность, экспериментирование с разными стилями, или, говоря словами Н. Фатеевой, «наличие «индивидуальной полистилистики», которая свойственна современной литературе в целом, а женской в особенности, поскольку «именно авторы-женщины интуитивно улавливают невозможность индивидуально-языкового развития в одной жестко заданной стилистической парадигме» [6, с. 351].

В рамках данной статьи будут проанализированы смешанные формы передачи чужой речи в текстах Т. Толстой и Л. Петрушевской. Наш выбор обусловлен тем, что в их произведениях отражены два противоположных взгляда на мир. Произведения первого автора относятся к явлению интеллектуальной прозы, изображающей мир интеллигенции или стилизованный детский мир. Произведения второго автора представляют собой бытовые зарисовки внутреннего мира современного человека, попавшего в сложные жизненные обстоятельства.

В рассказах Т. Толстой смешанные формы передачи чужого высказывания становятся основой сказового мифологического повествования с элементами эклектики. Сказовая форма письма формирует особый тип рассказчика (рассказчицы), выстраивающийся посредством чередования временных планов, условности изображения пространства. На уровне речевой организации сказ Т. Толстой просматривается «в сочетании контрастных стилистических элементов, увеличении частотности и повышении функциональной значимости конструкций с косвенной и тематической речью, несобственно-прямой речью» [2, с. 39]. В рамках сложного предложения объединяются несколько субъектно-речевых сфер, не имеющих устойчивых синтаксических, пунктуационных и графических сигналов смены одного речевого субъекта другим. Смешанные формы передачи чужой речи практически полностью заменяют прямую речь персонажей как самостоятельную композиционно-речевую форму, например:

«...Темная городская зима, холодная струя воздуха из коридора – кто-нибудь из взрослых вносит на спине огромный полосатый мешок с дровами – растапливать круглую коричневую колонку в ванной. А ну марш из-под ног! Ура, сегодня купаться будем! Через ванну перекинута деревянная решетка; тяжелые облупленные тазы, кувшины с горячей водой, острый запах дегтярного мыла, распаренная сморщенная кожа на ладонях, запотевшее зеркало, духота, чистое наглаженное мелкое белье – и вжжжжж – бегом по холодному коридору, и гзлюх! – в новенькую постель: блаженство! – Нянечка, спой песенку!» («Любишь – не любишь»).

Данный текстовый фрагмент представляет собой форму несобственно-прямой речи персонажа. Описание происходящего события подается с точки зрения рассказчика-ребенка. Об этом свидетельствует разговорный синтаксис с неполными («*холодная струя воздуха из коридора / сморщенная кожа на ладонях»* – в предложениях есть конкретизаторы глагольного действия, однако глаголы отсутствуют*)* и номинативными предложениями («*Темная городская зима / тяжелые облупленные тазы / кувшины с горячей водой / острый запах дегтярного мыла / запотевшее зеркало/духота/чистое наглаженное мелкое белье*), звукоподражания («*вжжжжж», «гзлюх*»), придающие образность и естественность происходящему, лексемы с семантикой восприятия *(«острый запах», «запо-*

тевшее зеркало», «духота»). Однако событие, описываемое в анализируемом фрагменте, предстает перед читателем как целостная история со своим действием и героями, она имеет не только звуковой фон, но и многоголосое звучание. В речевую партию рассказчика вклинивается прямая речь «необозначенных» персонажей («*А ну марш из-под ног!»)*, причем данный ввод осуществляется свободно, без сопровождения традиционных синтаксических (наличие ремарки) и графическо-пунктуационных маркеров. Лишь стилистические показатели: эмоциональная сторона высказывания, употребление императивного междометия, использующегося в неофициальной обстановке для выражения приказа, – указывают на смену речевого регистра. Далее аналогичным способом вводится прямая речь рассказчика-ребенка (*«Ура, сегодня купаться будем!»*). Таким образом, отсутствие репрезентирующих компонентов, вводящих чужую речь, с одной стороны, создает эффект со-присутствия читателя в ситуации «здесь и сейчас», с другой стороны, указывает на размывание границ между субъектно-речевыми сферами внутри несобственно-прямой речи как стилистического приема, формирующего сказ Т. Толстой.

Смешанные формы передачи чужой речи в малой прозе Л. Петрушевской служат основой формирования «романности» и повышенной диалогичности рассказа. Отметим, что признак романности у этого автора «проступает в особом тоне повествования, необычности зачина, концовки, где совмещаются житейские дребезги с истинно романной болью за жизнь как целое, а также в необычности соотношения реальности, ограниченной рамками рассказа, с затекстовой реальностью» [3, с. 230]. Смешанные формы чужой речи включаются в поток сознания героя. Рассмотрим пример:

«Дом только что похороненной тетки, престарелой и нищей, выглядел почерневшим от дождей, но был вполне крепкий. Внутри оказалось пыльно, пахло яблочной гнильцой (на просторном чердаке лежали в газетах морщинистые коричневые прошлогодние яблочки, тетка не успела их вывезти, вывезли в больницу ее самое). Две комнаты и терраса, однако, были вполне пригодны для жизни, разве что замусорены до ужаса, просто разграблены посмертными посетителями, все было высыпано как из рога изобилия.

Правда, шкаф и кое-какую мебелишку не вынесли вон, было на чем есть и спать. <…> Тетка жила тут безвылазно, одиноко, никого собой не обременяя, идеальный случай, хотя слегка и тронулась, видимо, потому что соседки рассказали, что ранней весной, приехав на посадки редиса по снегу (такой способ), застали ее на участке (в последний год жизни) и спросили, каково-то было тут обитать одной, а она ответила, что я не одна, со мной Александр Блок, вон он, навещает, и она кивнула на дом. Вид у нее уже был плохой, но какой-то даже счастливый» («Лабиринт»).

В приведенном фрагменте представлена картина дачного домика, который получила в наследство после умершей тетки девушка Д. В повествовании нет четких маркеров, указывающих на границы между речевыми партиями автора и героини, однако по некоторым лексическим и грамматическим показателям, а именно лексемам со значением оценки («***вполне*** *крепкий» «****вполне*** *пригодны»*), дериватам с суффиксами оценочного характера (*«яблочная гнильца», «яблочки», «мебелишка»*), устойчивым выражениям *(«высыпано как из рога изобилия», «было на чем есть и спать»),* вводно-модальным слову *(«правда»)* становится понятно, что текст окрашен субъективными нотами «голоса» героини.

Особый интерес представляет предложение из 2 абзаца (см. выше), в которое включены: 1) фрагмент речевой партии рассказчика, окрашенный субъективными нотами героини; 2) фрагмент пересказываемого диалога тетки с соседками. Речь соседок оформляется традиционным вариантом косвенной конструкции («*соседки* ***рассказали*** (ремарка), ***что*** *ранней весной, приехав на посадки редиса по снегу (такой способ), застали ее на участке (в последний год жизни) и* ***спросили*** (ремарка), ***каково-то*** *было тут обитать*

одной»). Реплики тетки воспроизводятся полупрямой речью *(«она **ответила** (ремарка), что **я** не одна, со **мной** Александр Блок, вон он, навещает»*): пунктуационно и синтаксически данный тип речи представляет собой косвенную конструкцию, но формы первого лица указывают на близость с прямой речью.

Таким образом, немаркированные переходы от одного типа чужой речи к другому ведут к синтаксическому слиянию текста рассказчика, текста персонажа, диалоговых реплик. При такой организации повествования позиция рассказчика оказывается зыбкой, в большинстве случаев он говорит языком изображаемых героев. Синтактико-стилистическая спаянность субъектно-речевых сфер в рассказах Л. Петрушевской создает эффект «подвижной диалогичности» [5, с. 11], заложенной в сознании говорящего, погруженного в сферу быта.

Итак, подведем итоги. Активность смешанных форм передачи чужой речи в малой прозе Т. Толстой и Л. Петрушевской, во-первых, связана с влиянием на тексты данных авторов принципов постмодернизма, во-вторых, с самим явлением «женская проза», имеющей установку на рефлексию, на изображение внутреннего состояния героя. Именно поэтому в художественно-речевой структуре ведущим типом речи становится не диалог, а несобственно-прямая речь.

Смешанные формы передачи чужой речи в рассказах Т.Н. Толстой используются для воссоздания целостной, полифонически звучащей картины прошлого, возникающего в сознании главного героя. Проанализированные формы речи лежат в основе сказового повествования как способа мифологизации событий прошлого, в которых сконцентрировано повествование. В произведениях Л.С. Петрушевской рассмотренные формы речи выступают в качестве приема, с помощью которого воспроизводится поток сознания говорящего субъекта (героя, рассказчика). Благодаря данным формам речи тексты становятся предельно субъективированными, так как все события, время, пространство пропускаются сквозь сознание главного нарратора – героя.

Смешанные формы передачи чужой речи в женской прозе конца XX – начала XXI веков выполняют художественно-стилистические функции, придают языковой ткани текста нестандартность, делают его ярким и выразительным.

Список использованной литературы

1. *Богданова О.В.* Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века). СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2004. 716 с.

2. *Кукуева Г.В.* Маркеры риторичности как один из приемов эффективной коммуникации в текстах рассказов Т. Толстой // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4. С. 34–41.

3. *Липовецкий М.Н.* Трагедия и мало ли что ещё // Новый мир. 1994. № 10. С. 229–232.

4. *Покровская Е.А.* Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ. Ростов-на/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 2000. 436 с.

5. *Прохорова Т.Г.* Проза Л. Петрушевской как система дискурсов: автореф. дис. … доктора филол. наук. Казань, 2008. 48 с.

6. *Фатеева Н.* Современная русская «женская» проза: способы самоидентификации женщины-как-автора. URL: www.owl.ru/avangard/sovremennayarus.html (дата обращения: 05.03.2019).

Л.А. Мельникова
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского,
Балашовский институт (филиал),
г. Балашов

УДК 821.161.1(1-87) + 821.(4).09

Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в восприятии и оценке немецкого писателя Г. Бёлля

Аннотация. В статье рассматриваются особенности рецепции романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» немецким писателем Г. Бёллем, представленной в его развернутой рецензии «Способность скорбеть». Последняя представляет собой опыт многоаспектного анализа поэтики произведения на различных его уровнях, а также содержит рассуждения немецкого автора о значении Сталинградской битвы для немецкого самосознания и включает в себя критику советской политической системы, органично вплетенную в размышления о художественных достоинствах романа.

Ключевые слова: роман, В. Гроссман, «Жизнь и судьба», Г. Бёлль, Сталинградское сражение.

L.A. Melnikova
Balashov Institute of Chernyshevsky
Saratov State University
Balashov, Russia

V. Grossman's Novel "Life and Fate" in the Perception and Assessment of the German Writer H. Böll

Abstract. The paper considers the peculiarities of the reception of V. Grossman's novel "Life and Fate" by the German writer H. Böll presented in his detailed review "The Ability to Mourn". The latter is an experience of a multidimensional analysis of the poetics of the work at its various levels, and also contains the reasoning of the German author about the meaning of the Battle of Stalingrad for German self-consciousness, and also includes criticism of the Soviet political system organically woven into reflections on the artistic merit of the novel.

Keywords: novel, V. Grossman, "Life and Fate", H. Böll, Battle of Stalingrad.

Немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Генрих Бёлль (1917–1985) неоднократно обращался к творческому наследию русских писателей XIX–XX вв. (среди них – Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, К.Г. Паустовский, Ю.В. Трифонов, А.И. Солженицын и др.), делая поэтику их произведений предметом своего художественного и критического осмысления. Г. Бёлль был также известен оказанием активной поддержки писателям-диссидентам: В.Н. Войновичу, В.П. Некрасову и др. Со Львом Копелевым, например, его связывала многолетняя дружба. Авторы, имеющие в СССР статус «персоны нон-грата», для Г. Бёлля таковыми отнюдь не являлись, а скорее, наоборот: Иосифа Бродского он пригласил принять участие в своем фильме «Достоевский и Петербург», способствовал публикации романа А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на Западе. Объектом его творческой рецепции становится и запрещенный в СССР в течение почти 30 лет роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», который был

© Л.А. Мельникова, 2019

впервые опубликован только за рубежом в 1980 году [2, с. 10]. В 1984 году Г. Бёлль написал развернутую рецензию, посвященную анализу его художественных особенностей. Она увидела свет в СССР в 1988 году в журнале «Новое время» в переводе И. Щербаковой «Способность скорбеть» («Die Fähigkeit zu trauern»).

В своей рецензии Г. Бёлль подвергает роман разностороннему и многоаспектному анализу. Первое, на что он обращает внимание, – это жанр произведения: Бёлль констатирует, что данный роман являет собой «не военно-исторический труд». Немецкий автор отмечает широту охвата В. Гроссманом действительности, развернутость персонажного ряда, а также справедливо указывает на то, что тема войны в данном произведении не является преобладающей.

Общая высокая оценка, данная Г. Бёллем роману, сочетается с размышлениями о его дальнейшей судьбе: «Это могучее свершение, не просто книга, это даже больше, чем несколько связанных между собой романов, у нее есть своя история и свое будущее. Сколько же еще предстоит породить исследований, статей, споров этому роману, появившемуся на свет спустя двадцать лет после того, как автор поставил точку!» [1, с. 36].

Г. Бёлль рассматривает данное произведение в отрыве от остального творчества советского писателя, но в контексте русской литературы в целом, осуществляя сопоставление творческих манер В. Гроссмана и Л.Н. Толстого в отдельных аспектах: «Гроссман описывает бои, реже битвы, которые он рисует такими выпуклыми мазками, что мы видим общую картину происходящего, а уж потом начинаем вглядываться в позиции и маневры, которые у великого Толстого изображены обычно слишком детально, почти кинематографично и потому в художественном отношении, так сказать, “провисают”» [Там же].

В своей рецензии Г. Бёлль сосредоточивает внимание на центральных темах и наиболее ярких образах романа. Одним из таковых является образ полковника-танкиста Новикова, нарушившего приказ и начавшего наступление на восемь минут позже строго назначенного времени, в результате чего первая часть Сталинградского сражения оказалась выигранной. Образный анализ в данном случае включает в себя рассуждения немецкого писателя о философии истории: «Новиков – выдуманная, даже преувеличенная фигура, и все же он реален, в нем правда истории. Потому что повороты в ней происходят именно таким образом» [Там же, с. 37].

Бёлль размышляет о значимости итогов Сталинградского сражения для обеих участвовавших в ней сторон. Он подвергает беспощадной критике отдельные направления политики И.В. Сталина (имеется в виду антисемитская кампания), решавшего судьбы миллионов людей, в том числе и «судьбу спасенных Советской Армией евреев, над которыми он ровно через десять лет после добытой народом победы в Сталинграде занес вырванный из рук Гитлера топор палача. Сталин знал лучше всех в мире: победителей не судят. Это был час его триумфа над кровавым прошлым и кровавым будущим» [Там же].

Тема критики сталинизма, занимающая важное место в романе В. Гроссмана, получает дальнейшее развитие и в рецензии Г. Бёлля. Она оказывается органично вплетенной в размышления о художественных достоинствах произведения. Так, отмечая условность художественного мира романа, посредством которого можно отчетливо показать конфликты и противоречия истории, немецкий автор констатирует, что художественный вымысел дает возможность соединить жизни и судьбы, которых не соединила, но должна была соединить история, соединяет, чтобы показать ее суть, ее противоречия и конфликты, которые не в силах передать самая детальная историография. Наиболее показательно это демонстрирует встреча одного из крупных чинов СС Лиса со старым большевиком Мостовским, когда Лисс высказывает утопическую идею сближения и слияния двух систем (социалистического государства и фашистской империи), а Мостовской подвергает эту мысль об их возможном сходстве скептической оценке.

Но Г. Бёлль беспристрастно формулирует таковое, выступая, таким образом, с критикой советской политической системы: «Ему можно было бы ответить, что сходство не в идеологии, а в воздействии голой, освобожденной от идеологии власти, в атмосфере подозрительности и недоверия рождающей в людях страх, покорность, трусость. Есть сходство в разложении академической среды, высоко привилегированной номенклатуры, представители которой избегают общения с оклеветанными, с гонимыми, с коллегами-евреями, как то было в немецких университетах. Едва на человека падала тень подозрения в политической неблагонадежности или в расовой неполноценности, вокруг него за одну ночь возникала пустота. Люди такого толка покорились бы и в условиях фашизма, если бы он победил, став при этом, как пишет Гроссман, «внутренне преображенными человекообразными существами» [Там же].

Г. Бёлль подводит исторический итог Сталинградского сражения для немцев: «До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных, что не существует «проигранных побед», есть только битвы, выигранные другими, что советские пленные не были для них такими же, как они, солдатами, что почти 60 процентов из них погибло в немецких лагерях <…> в то время как процент смертности немецких военнопленных почти вдвое меньше» [Там же]. Писатель осуждает позицию тех, кто считает Сталинград для немцев «проигранной победой».

Достаточно много внимания Г. Бёлль уделяет в своей рецензии месту и роли автора в художественном мире данного произведения, отмечая тот факт, что «автор постоянно присутствует в этой космологии и космографии» [Там же, с. 39] и не только тогда, когда прямо комментирует, анализирует, рассуждает или даже атакует, размышляя, например, о проблеме антисемитизма, или когда он в разговоре героев о литературе ясно дает почувствовать свою любовь к Чехову. Выражает он и свое сочувственное отношение к немецким солдатам.

Из всего вышесказанного следует вывод, что рецензия Г. Бёлля представляет собой опыт развернутого и разностороннего анализа поэтики романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Помимо этого, немецкий автор также выражает в ней свои взгляды на значение итогов Сталинградского сражения для немецкого самосознания, а также подвергает критике сталинизм, что объясняется, с одной стороны, тем фактом, что сталинизм является одной из ведущих тем самого исследуемого романа, а с другой – тем, что рецензия писалась Г. Бёллем в период охлаждения его отношений с советским руководством.

Список использованной литературы

1. *Бёлль Г.* Способность скорбеть. О романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Новое время. 1988. № 24. С. 36–39.

2. *Сарнов Б.М.* Как это было: к истории публикации романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Вопросы литературы. 2012. № 6. С. 9–47.

Я.В. Погребная
Ставропольский государственный
педагогический институт,
г. Ставрополь

УДК 82.0

Диалектика неомифологизма в современной литературе

Аннотация. В статье анализируется феномен современного неомифологизма в аспекте его диалектичности: как типа художественного сознания, порождающего неомиф в современном художественном произведении, и как исследовательской стратегии, направленной на идентификацию и анализ мифологических элементов в современном художественном произведении. Характеризуются категориальные черты неомифологизма XX века, выступающие следствием интерпретации определяющих качеств мифа – предперсональности героя и цикличности времени, которые в современном произведении принимают форму двойничества и повторения судеб героев.

Ключевые слова: неомифологизм, тип художественного сознания, прием, архетип, миф, роман.

Ya.V. Pogrebnaya
Stavropol State Pedagogical Institute,
Stavropol, Russia

The Dialectic of Neonatologist in Modern Literature

Abstract. The article examines the phenomenon of modern neonatologist in the aspect of its dialectical: as a type of artistic consciousness, generating the neomyth in the modern artwork and as a research strategy aimed at the identification and analysis of mythological elements in modern fiction. Characterized by categorical features of neonatologist of the twentieth century, acts as a consequence of the interpretation of the defining qualities of myth – prepersonality hero and the cyclical nature of time, which in today's work take the form of duplicity and repetition of the fate of the characters.

Keywords: neonatologist, type of artistic consciousness, technique, archetype, myth, novel.

В современной науке о литературе феномен неомифологизма идентифицируеся как эстетический и методологический: с одной стороны, неомифологизм – тип художественного сознания и художественная система произведения, им определяемая, с другой стороны, неомифологизм – это совокупность методов и приемов анализа образной системы произведения и его поэтики. На диалектичность неомифологизма, или мифологизма XX века, одним из первых указал Е.М. Мелетинский: «“Мифологизм” является характерным явлением литературы XX в. и как художественный прием, и как стоящее за этим приемом мироощущение» [3, с. 349]. В более обобщенном виде диалектичность феномена неомифологизма с точки зрения его содержательных характеристик представлена тем, что, с одной стороны, неомифологизм – это черта сознания человека XX века, выявляющая, благодаря открытиям психоанализа и аналитической психологии, глубинный этаж сознания, выводящий к юнговским архетипам, универсальным первообразам, объединяющим отдельное сознание с коллективным бессознательным человечества, с другой стороны, неомифологизм – это эстетическая система XX века, конструктивной основой которой являются художественно выраженные и интерпретированные средствами совре-

© Я.В. Погребная, 2019

менного искусства категории архаического мифа (прежде всего, предперсональность героя и цикличность времени).

Антропологические характеристики неомифологизма, таким образом, обусловлены, во-первых, универсальностью мифа, во-вторых, его неотчуждаемостью от сознания современного человека, в особенности творящего сознания. Современный мифолог Мирча Элиаде указывал на то, что черты архаического мышления мы, с одной стороны, распознаем в искусстве и религии архаических народов, с другой, – открываем в себе, обращаясь к глубинным этажам собственного сознания: архаические формы образности уже не просто выступают объектом внешнего изучения и осмысления, а должны вычитываться из глубин сознания современного человека, который может идентифицировать себя через архаический миф [7, с. 39]. Мысль об этажности сознания выражает В.В. Налимов, рассматривающий неомифологизм как способ конструирования модели мира, в том числе художественной, по общим принципам и параметрам архаического, мифологического мышления. В монографии В.В. Налимова «Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности» [4] выдвигается теория уровней сознания, причем два последних имеют сверхличностный, космический уровень, соотносимый с архетипами коллективного бессознательного.

Антропологический поворот в гуманитарных науках актуализировал действенность мифологических моделей, обращающихся к архетипам коллективного бессознательного, при создании политических мифов и стереотипов общественного поведения, причем не в аспекте их обращенности к архаике, а именно в аспекте мифологизации их современных бытовых составляющих. М.Н. Эпштейн подчеркивал принципиальную разницу между мифопорождающей ситуацией в XX веке и в архаическую эпоху, поскольку новая мифология зарождается «в недрах общественного и технического прогресса» [8, с. 273] и мифологизирует события повседневной жизни. М. Элиаде подчеркивает, что современные политические мифы продуцируют в первую очередь миф как «элемент цивилизации», воспринимаемый на микроуровне как «тип человеческого поведения», то есть сотворяют морфологию мифа по модели традиционных культур [7, с. 27]. Неомифологизм выступает одновременно инструментом и творческим материалом для создания современного мифа, причем этот неомиф может представлять любую область общественного и индивидуального сознания – от политики до современных СМИ.

Исследования в области политических и бытовых мифов, показывающие, как возобновляется механизм порождения мифологического содержания применительно к новому явлению (например, анализ С.И. Дмитриевой рассказов о встрече с НЛО по жанровой аналогии с традиционной быличкой [2, с. 133–159]), важны для осознания особенностей неомифологизма XX века уже в узком применении специфически к литературному процессу в том отношении, что именно они показывают: содержанием (явлением, объектом, типом поведения), подвергающимся мифологизации, может быть любое означаемое, означающееся через категории мифологического мышления. Именно эта специфичность порождения мифа в истории и культуре, ставшая доминирующей в порождении форм общественного сознания XX века, выражается через феномен неомифологизма.

Если мифологизм XIX века идентифицировался в интерпретациях архаических, христианских мифов и мифологизации сюжетов и образов рыцарской литературы (особенно в творчестве немецких романтиков, в первую очередь Новалиса), то неомифологизм XX века не всегда ориентирован на некоторый прототекст, соотносимый с тем или иным конкретным мифом. В современном неомифологизме новый миф конструируется по общим законам порождения мифа в архаический период согласно общим особенностям мышления архаического мифотворящего человека. Интерпретация предперсональности героя в современном неомифе принимает форму двойничества, а цикличность времени находит выражение в приеме повторяемости судеб героев, как в романе Г.Г. Марке-

са «Сто лет одиночества» (1967). В литературе рубежа XX–XXI веков. тенденция ресемантизировать принципы мифологического мышления сохраняется в творчестве Ч. Паланика («Бойцовский клуб», 1996), А. Нотомб («Антихриста», 2005), Дж. Литтелла («Благоволительницы»,2006), М. Палей («Дань саламандре», 2012). Во всех названных романах ведущим художественным приемом выступает двойничество, содержательно значимое в контексте поиска идентичности главным героем.

Современный неомифологизм, как неотчуждаемая составляющая творящего сознания, постулирует тотальность мифа, выражающуюся в неизбежном присутствии элементов архаической образности в современном литературном произведении. Путь диахронического раскодирования образа, направленный на актуализацию его мифологического значения, или, как указывает С.Б. Адоньева, «диахронического “развертывания” знака в культурную форму» [1, с. 28], направлен на реконструкцию полноты смысла образа. Идентичный путь выявления и анализа неомифа разработан в школе мифореставрации С.М. Телегина [6]. При этом наиболее мифологически «нагруженными», многосмысленными, способными приобретать статус символа и разворачиваться в инвариантную смысловую парадигму в действительности, искусстве и литературе Нового времени выступают те художественные образы, те явления и сущности, которые сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Поэтому символический статус и способность к диахроническому раскодированию приобретают самые обыденные предметы быта (окно, дверь, стена, чаша, очаг, стол, шапка, равно как и само жилище и его расположение и наполнение), ориентация в пространстве (центр – периферия, верх – низ), отношение к человеку и человеческой общности (свое – чужое), постоянно сопровождающие человека растения и животные (деревья и их виды, цветы и их виды, пес, конь, кошка, корова), ориентация во времени (сезоны года, времена суток). Не менее символически многомерными выступают постоянные события человеческой жизни, ранее мифологически и ритуально отмеченные. К ним принято относить переход из одного возрастного этапа в следующий: от детства к зрелости (обряд инициации, соответствующий юнговским архетипам анима / анимус, персона / самость), от зрелости к старости (в некоторых случаях – шаманские посвящения, соотносимые с юнговским архетипом мудрого старика /мудрой старухи); явления рождения и смерти; перехода из мира живых в мир мертвых; отношения жизни и смерти. Как устанавливается в ходе диахронического раскодирования семиотики такого рода вещей и явлений, самыми хронологически отдаленными и при этом самыми семиотически ёмкими вполне закономерно выступают явления природы, природные стихии и их модификации.

В литературе неомифологизм выступает одновременно содержательно формирующим принципом эстетики и поэтики произведения и инструментом его описания, анализа и интерпретации. Неомифологизм в художественной литературе, в отличие от традиционного мифологизма, а именно мифологизма XIX века, не предлагает интерпретации архаического мифа (как, например, Ф. Кафкой предлагается четыре версии мифа о прикованном Прометее, новый миф о Посейдоне или С. Дали интерпретирует миф о соблазнении Леды Зевсом в облике лебедя в изображении «Атомной Леды»), не выстраивает хронотоп современного произведения искусства по аналогии с мифологическим прототекстом (как, например, Дж. Джойс в «Улиссе» (1921) или Дж. Апдайк в «Кентавре» (1963)). Современный неомиф в литературе и искусстве порождается путем актуализации общих принципов мифологического мышления, извлекаемых из глубин коллективного подсознательного. Эти законы мифологического мышления трансформируются в принципы и приемы создания художественного образа человека и мира, которому свойственны формы мифологической предперсональности: через приемы двойничества («Превращение» Ф. Кафки (1912), «Степной волк» Г. Гессе (1927), «Маисовые люди» М. Астуриаса (1949), «Море, море» А. Мердок (1978)), создания коллективного героя («Сто лет одино-

чества» Г.Г. Маркеса (1967)) или экстраполяции мира и героя из воображения творца («Смотри на арлекинов!» В.В. Набокова (1974)) и циклической концепции времени («Шум и ярость» У. Фолкнера (1929), «Осень патриарха» Г.Г. Маркеса (1975)). В современном словаре русской культуры «Константы» Ю. Степанов, давая характеристику категории «ментальные миры», указывает на единство в начальной точке развития миров ментальных и мира Вселенной [5, с. 216]. Необходимо подчеркнуть, что вычитывание архетипов из глубин собственного сознания и продуцирование их в порождаемый и художественно реализуемый неомиф представляет собой способ не столько реставрации архаического способа мышления, сколько приобщения к эпохе, синхронизируемой с этим способом, выход за пределы линейного времени. К.Г. Юнг подчеркивал, что художник, говорящий языком архетипов, «постигает, преодолевает и вместе с тем возводит обозначаемое им из единичного и преходящего до сферы сущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества» [9, с. 59].

Таким образом, неомифологизм идентифицируется в современной науке как новая редакция традиционного мифологизма, направленная на транспонирование мифологических смыслов и порождаемых ими образов в новые миры, мифологически идентичные инварианту реальности. С другой стороны, в ойкумене художественной литературы и искусства неомифологизм предстает не только качеством, определяющим особенности содержания, но и совокупностью приемов, порождающих это художественное содержание неомифа, и исследовательским инструментом, направленным на раскодирование этого художественного приема и его смысловой функции в сотворенном таким образом неомифе.

Список использованной литературы

1. *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Пальмира, 2018. 335 с.
2. *Дмитриева С.И.* Мифологические представления русского народа в прошлом и настоящем (Быличка и рассказы об НЛО) // Современная российская мифология: сб. ст. М.: Прометей: РГГУ, 2005. С. 133–159.
3. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 480 с.
4. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Прометей, 1989. 288 с.
5. *Степанов Ю.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
6. *Телегин С.М.* Ступени мифореставрации. Из лекций по теории литературы. М.: Компания Спутник+, 2006. 376 с.
7. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии / пер. с англ. М.: Рефл-Бук. Ваклер, 1996. 288 с.
8. *Эпштейн М.* Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
9. *Юнг К.-Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Академический проект, 2007. 130 с.

О.В. Руднева
Сургутский государственный
педагогический университет,
г. Сургут

УДК 81'42

Образно-экспрессивные и оценочные компоненты в описании внешности героев в художественном дискурсе И.А. Бунина

Аннотация. В статье на материале художественной прозы И.А. Бунина описываются тропеические номинации и образно-экспрессивные и оценочные компоненты в структуре портретных описаний. Выделяются виды стереотипизации в описании внешности человека. Среди разнообразных аспектов оценки внешности человека выделяются собственно социальный, возрастной, этнический, эмоциональный и эстетический аспекты. У Бунина типична схема отсылочного (ассоциативного) характера описания внешности героев. Особое место уделяется национальному стереотипу в структуре описания как одному из главных в характеристике человека в бунинском дискурсе. Также отмечаются авторские отсылки к известным деятелям науки и культуры как прототипам внешности тех или иных персонажей. Делается вывод о том, что принципы стереотипизации имеют культурно-обусловленный характер. Образная аналогия как один из важнейших приемов познания внешнего мира имеет общенациональные и индивидуальные особенности в контексте характеристики человека.

Ключевые слова: бунинский дискурс, прототип, этнический стереотип, портретное описание, образ человека.

O.V. Rudneva
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

Figurative-Expressive and Evaluative Components in the Description of the Character's Appearance in I.A. Bunin's Artistic Discourse

Abstract. The article on the materials of I.A. Bunin's prose describes tropical nominations and figurative-expressive and evaluative components in the structure of portrait descriptions. Types of stereotyping in the description of appearance of the person are allocated. Social, age, ethnic, emotional and aesthetic aspects stand out among the various aspects of assessing a person's appearance. Bunin has a typical scheme of reference (associative) character description of the character's appearance.A special place is given to the national stereotype in the structure of the description as one of the main characteristics of a person in Bunin's discourse. Also noted are the author's references to famous figures of science and culture as prototypes of the appearance of certain characters. It is concluded that the principles of stereotyping are culturally conditioned. Figurative analogy as one of the most important methods of knowledge of the outside world has national and individual characteristics in the context of human characteristics.

Keywords: Bunin, discourse, prototype, ethnic stereotype, portrait description, human image.

Описание внешности персонажа литературного произведения (иными словами, создание его "портрета") является важнейшей составляющей формирования художественного образа – проблемы, которая в последнее время привлекает особое внимание исследователей в связи с появлением новых направлений лингвистических разработок. Современные лингвистические, психолингвистические, семиотические, когнитивные теории [1; 3; 4], изучающие ассоциативно-образные связи внутри лексических единиц, по-разному

© О.В. Руднева, 2019

подходят к осмыслению тех или иных явлений. В науке сложилось множество подходов к рассмотрению образов-концептов (в данном случае мы взяли понятие, введенное М.П. Одинцовой). По словам О.В. Коротун (Золтнер), «словарно-семантическое пространство «внешний человек» с точки зрения наивного носителя языка структурировано неравномерно: ключевым (центральным) понятием этого пространства является понятие «тело человека», которое характеризуется различными параметрами: временными, социальными, психологическими, интеллектуальными, гендерными – и обладает различными свойствами: физической формой, положением в пространстве, запахом, звуками. Параметры, свойства, части тела человека отображаются в языке лексическими и фразеологическими единицами, реализующимися в различных лексико-семантических и грамматических сочетаниях, построениях» [2, с. 17].

Изучение механизмов создания образных номинаций важно для лингвистики нового поколения, так как она выявляет механизмы и закономерности мышления, устойчивые вербально-ассоциативные сети, пронизывающие существующую в сознании человека образную картину мира, а также специфику каждого языка. Если опираться на точку зрения Вероники Николаевны Телия, образ способен совмещать в себе «абстрактное и конкретное, а механизм ассоциативной номинации приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние коллектива, и его языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной невидимую картину мира – создать ее языковую картину, воспринимаемую за счет вербально-образных ассоциаций составляющих ее слов и выражений» [3, с. 180]. Тропеические номинации и образно-экспрессивные и оценочные компоненты отражают мировидение человека и являются формой вербализации оценочных суждений и отличительных черт картины мира отдельной языковой личности, что позволяет с помощью анализа данных единиц описать ее фрагменты. Формированию концептуальной картины мира в сознании человека способствует аналогия объектов. Образная аналогия – один из важнейших приемов познания внешнего мира, в результате которого возникает новое знание о нем. Ученые говорят о стереотипности тех или иных представлений о внешности человека в сознании говорящих, опоре на некий стандарт, который помогает описать внешность, углубить впечатление дополнительными смыслами, связанными с объектом сравнения.

Для бунинских текстов характерны следующие типы стереотипизации:

А) Зооморфный стереотип: человек как животное.

Тут-то и пришел Талдыкин, здоровый, толстый мещанин с физиономией мопса: блестящие, злые черные глаза, форма носа, скулы, – все напоминало в нем эту собачью породу («Танька»), *еврей-инженер, сухой, черненький, подвижной, вроде той собачки, которую поймал Турбин* («Учитель»). У Бунина редко используются родовые понятия, чаще видовые. Сравнение с собакой лишает характеристику человека человечности, что далее оправдано бездушным поведением героя (он покупает за бесценок у находящейся в крайней нужде семьи лошадь).

При нахождении сходства Бунин отмечает, прежде всего, действия или пространственное положение героев или, реже, внешнее сходство, выражая их в разных тропеических формах: творительный сравнения: *медведем вставал; быком глядя; ястребом следить*; сравнительный оборот с компонентом «как»: *сижу, как сыч; работая ногами, как водяные пауки; расселись, как вороны, подняли гам; грубый и крепкий, как старая лошадь; смеется, сипит, как змей; задремал, как сурок...*; предикативная конструкция с компонентом «похож, подобен»: *отец мой похож на ворона; старуха мещанка, похожая лицом на старую львицу*; определение, распространенное или одиночное: *голова толкачом, голая, наденет круглые очки – чистый филин*. Для более точного наглядного эффекта Бунин в некоторых случаях прибегает к номинативной метафоре с описательным ат-

рибутивным перечислением, называющим те признаки, по которым сравниваются два денотата: Это *столетняя обезьяна в овчинной куртке и лохматом бараньем курпее, рыжем от дождей, от солнца, от времени* («Темир-Аксан-Хан»).

Б) Антропологический стереотип: «человек как человек».

Для образных средств концептосферы «Человек» характерна еще одна парадигма: человек – прототип, которая базируется на внешнем типизировании закрепленного в сознании шаблона по возрасту, национальной, социальной принадлежности или портретном сходстве с известной личностью. Интересен, прежде всего, принцип отбора образных сравнений: типическое доминирует над индивидуальным. В этой группе выделяются:

– **персональный прототип** (внешнее сходство с известными личностями):

дряхлый повар в отставке, похожий на ***Дон-Кихота*** («Антоновские яблоки»)*; Марья Яковлевна, небольшая женщина лет сорока, похожая лицом на* ***Фонвизина****, мыла чашки* («Белая лошадь»)*; ...вся наружность имела то сходство с* ***Александром II****, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования* («Темные аллеи»)*; Среди гостей на даче Данилевских был коротконогий и похожий на* ***Сократа*** *профессор* («Зойка и Валерия»)*; В читальне, уютной, тихой и светлой только над столами, стоя шуршал газетами какой-то седой немец, похожий на* ***Ибсена****, в серебряных круглых очках и с сумасшедшими, изумленными глазами* («Господин из Сан-Франциско»). Отметим, что прототипы являются реальными (историческими) и вымышленными (литературными героями), что говорит о языковой личности автора как о человеке образованном, имеющем представление о внешности данных людей;

– **национальный прототип** (сходство по национальному признаку):

Да, ты ничего себе, ***похож на грузина*** *и довольно красив, прежде был уж очень тощ и зелен лицом* («Натали»); *Темноволосая, тоже чернобровая и тоже еще красивая не по возрасту женщина, похожая на пожилую* ***цыганку*** («Ночлег»); *ноги тонки и* ***по-татарски*** *кривы* («Жизнь Арсеньева»); *А мы,* ***как татаре*** *какие, и в церкви ни разу не были!* («На чужой стороне»); *Богаут, молодой человек, здоровый и жизнерадостный,* ***как немец*** («Без роду-племени»); *Она была бледна какой-то* ***индусской*** *бледностью* («Русь»);

– **социальный прототип** (сходство по социальному или профессиональному признаку):

…**похож был на молоденького офицера** – *только белый картуз с голубым околышем был у него студенческий, все прочее на военный образец* («Антигона»); *мужик в туго подпоясанном армяке, серьезный и темноликий, с редкой смоляной бородой,* ***похожий на старинного разбойника*** (Темные аллеи); *...я не брит,* ***как беглый каторжник*** («Зойка и Валерия»); *Он прошел мимо Няньчука, приподнял ворот и,* ***как оперный певец****, боящийся простуды, закрывая рукой горло, густо сказал себе в бороду* («Петлистые уши»)*; Старик открыл трубку, помял пальцем красневший в ней огонь и на время так жарко раскурил ее, что смутно осветил свои седые* ***солдатские*** *усы и ворот зипуна* («На чужой стороне»);

– **возрастной прототип** (сходство по возрастному признаку):

Маме сорок лет, но ведь она ***стройна, как барышня****, и страшно моложава* («Зойка и Валерия»); *Зимой гостила иногда в усадьбе странница Машенька, седенькая, сухенькая и* ***дробная, как девочка*** («Баллада»). У Бунина частотны сопоставления стариков и детей, сравнение базируется на общности признаков: *Улыбка осветила суровое лицо Павла Антоныча, и давно уже не озарялось оно такою добротою, такою* ***старчески-детскою*** *радостью* («Танька»). Иногда сопоставление разных признаков создает антиномичные сочетания: *И уже совсем необычно было лицо – лицо* ***подростка лет под сорок*** (Птицы небесные);

– гендерный прототип:

Дьячок Скрябин был самый убогий человек в селе. Унылый, поблекший нос, жидкая коса, слезящиеся глаза, – все в нем ***напоминало старуху*** («Учитель»); ***женоподобный****, нечистоплотный художник* («Муза»).

Остановимся на описании и характеристике образов детей. Семантическим компонентом, отличающим ребенка от взрослого, является его подвижность, неугомонность: *Тут она, как* ***зверок****, садилась на корточки и быстро ловила в густой похлебке сальце и закусывала огурцами и картошками* («Танька»). Бунин отмечает детскую невинность, связанную с чистотой, безгрешностью: *Он счастлив, он свеж и чист,* ***как ангел*** («Подснежник»), *личико с русыми локонами вдоль щек,* ***как у ангела*** («Галя Ганская»). Зачастую образы девочек отличаются гендерной номинацией: *она* ***походила на мальчика*** («Танька»).

В описании внешности героев Бунин, как правило, использует ряд конституирующих компонентов: этнический, социальный, возрастной, гендерный: *Очень красивый был человек, дородный, высокий, с чудесной бронзовой бородой, полуполяк, полухохол, с повадками большого барина, гордый и изысканно-вежливый, внутренне очень замкнутый, но делавший вид очень открытого человека* («Галя Ганская»). Этнический стереотип является определяющим и поведение героев: *«Черт вас знает, кто вы, сицилианец какой-то», – сказал он сонно; и характер был у меня южный, живой, постоянно готовый к счастливой улыбке, к доброй шутке* («Чистый понедельник»). Доминантной является сравнение человека с животными, особенно это касается мужчин: *Когда я зверски кинул ее на подушки* («Галя Ганская»). Центральным компонентом в описании является лексема *лицо*, а в фигуре особо выделяются ноги (ступни и колени) в описании женщин.

Оценка внешности человека – это сложный комплекс представлений, опирающийся, с одной стороны, на укорененные (и формирующиеся) в исторически данной культуре эталоны, с другой – отражающий многоаспектный характер включенности человека в реальную действительность. Среди разнообразных аспектов оценки внешности человека выделяют собственно социальный, возрастной, этнический, эмоциональный и эстетический аспекты. У Бунина типична схема отсылочного (ассоциативного) характера описания внешности героев. Таким образом, описание внешности героев является собой отражение национально-культурного компонента восприятия человека внешнего, а эпитеты носят культурно-обусловленнный характер.

Список использованной литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Образ (опыт концептуального анализа) // Референция и проблемы текстообразования. М.: Наука, 1988. С. 117–129.

2. *Коротун (Золтнер) О.В.* Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2001. 193 с.

3. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 173–204.

4. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / под ред. З.Д. Попова, И.А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. 314 с.

В.В. Сердечная
Издательский дом «Аналитика Родис»,
г. Краснодар

УДК 821.161.1

Уильям Блейк в культуре русского зарубежья

Аннотация. Статья посвящена рецепции наследия Уильяма Блейка в традиции русского зарубежья. Вопреки распространенному мнению, Блейк в период 1900–1950-х годов был достаточно известен русской интеллигенции как поэт и художник. Когда после революции 1917 года большая часть русских писателей была вынуждена уехать в эмиграцию, Блейк был «вывезен» с ними: он вдохновляет Бориса Анрепа и супругов Ремизовых, упоминается у Набокова и в дневниках Ирины Одоевцевой, в журнале «Звено». Таким образом, опровергается распространенное мнение, что Уильям Блейк был практически неизвестен в русской культуре до 1957 года. Автор рассматривает влияние русской зарубежной рецепции на отечественную рецепцию наследия Уильяма Блейка.

Ключевые слова: Уильям Блейк, рецепция, русско-английские связи, Борис Анреп, Алексей Ремизов, русская эмиграция.

V.V. Serdechnaya
Publishing house "Analitika rodis",
Krasnodar, Russia

William Blake in the Culture of the Russian Abroad

Abstract. The article is devoted to the William Blake heritage in the tradition of Russian White émigré. Contrary to popular beliefs, Blake in the period 1900-1950-ies was quite known as a poet and artist. When, after the 1917 revolution, most Russian writers were forced to emigrate, Blake was "taken out" with them: he inspired Boris Anrep and the Remizov spouses, he was mentioned in Nabokov's prose and in the diaries of Irina Odoyevtseva, in the *Zveno* journal. Thus, the widespread opinion is refuted that William Blake was virtually unknown in Russian culture until 1957. The author examines the influence of the White émigré reception on the domestic reception of William Blake heritage.

Keywords: William Blake, reception, Russian-English relations, Boris Anrep, Aleksey Remizov, White émigré.

Революция 1917 года, перевернув былое устройство России, перевернула и ее культуру: часть интеллигенции была вынуждена эмигрировать, а оставшиеся подверглись жесткому идеологическому контролю. В раннем СССР Уильям Блейк был признан писателем неактуальным и вредным, буржуазным мистиком. Вплоть до 1957 года в советской прессе о Блейке практически не упоминают.

Главным «наследником» Блейка в русской истории оказался Борис Анреп, известный главным образом как адресат ахматовской лирики (тот самый голос, что «звал утешно», что «за остров зеленый / Отдал, отдал родную страну»). Сын известного врача и политика, Анреп первым из семьи искал себя в творчестве и вначале проявил себя как поэт. В архиве Николая Недоброво, находящемся в ИРЛИ, хранятся его произведения, в том числе поэмы «Создание мира» (1904) и «Сотворение человека» (1905), прямо вдохновленные образами Блейка [8]. В 1916 году поэма Анрепа «Человек», написанная белым стихом и также очевидно вдохновленная Блейком, была опубликована в акмеистском

© В.В. Сердечная, 2019

«Альманахе муз». Другой поэме Анрепа было обязано своим названием литературное общество «Физа», собрания которого посещали Гумилев, Ахматова, Г. Иванов.

Анреп не просто увлекался Блейком; он, с детства читавший Библию, по всей видимости, и английский язык познавал через английскую Библию и стихи романтика. По крайней мере, как писала Аннабел Фарджен, в стихах Анрепа в 1909 году «ощущалось влияние Библии и Блейка» [10, с. 48]. Он написал на английском «Предисловие к Книге Анрепа», короткую поэму, которая была оформлена как самостоятельная книга. Эта самодельная книга с красной кожаной обложкой, очевидно, стала воссозданием принципов создания рукотворных книг Блейка. Она была снабжена акварельными иллюстрациями «с причудливыми узорами и картинками» [10, с. 69]. Акварельные иллюстрации напоминают о технике иллюминированной печати, изобретенной Блейком. В «Предисловии к Книге Анрепа» очевидно влияние риторики и образности лирики и малых поэм Блейка, в особенности поэмы «Тириэль».

Подобно Блейку, изобретателю нового метода гравировки, Анреп также в определенном смысле был ремесленником; его увлечением, а затем и профессией стала мозаика. Произведения Блейка стали темой одной из самых известных мозаик Анрепа. Темой восьми многоугольных панно стали «Пословицы Ада» из поэмы «Бракосочетание Рая и Ада». Эта сложная, интересная мозаика стала важнейшей репликой в творческом диалоге русского поэта и мозаичиста Анрепа и английского романтика Блейка.

Борис Анреп, очевидно, повлиял и на интерес к Блейку со стороны Николая Гумилева. В последний свой визит в Англию Гумилев общался с Анрепом, оставил у него свой архив и, очевидно, именно после этого перевел начало поэмы Блейка «The Mental Traveller» [7].

Алексей Ремизов, русский писатель-авангардист, эмигрировал в Европу из России в 1921 году вместе с женой, Серафимой Павловной, ученым-палеографом и переводчицей. В эмиграции она стала первой переводчицей поэмы Блейка «The Marriage of Heaven and Hell» на русский язык (1920–1930 годов): этот перевод долгие годы лежал в архивах и был введен в научный оборот совсем недавно [9].

Подобно Блейку, Ремизов был самобытным художником и «издавал» свои книги рукописным способом. В 1930-х годах, когда супруги жили в Париже, альбомы и портреты авторства Ремизова помогали им выжить. Правда, сам Ремизов невысоко ценил одаренность Блейка-художника (а может быть, был не так хорошо знаком с его наследием с этой стороны). Так, в очерке «Рисунки писателей» Ремизов называет Блейка рядом с Э.Т.А. Гофманом и М.А. Кузминым, однако замечает: «Гравюры Блейка, по крайней мере для меня, не больше как дополнения к его Венчанию Неба и Ада» [6, с. 396].

Ремизов приводит авторские переводы отрывков произведений Блейка; так, в 1931 году в статье, посвященной памяти Блока, он цитирует перевод одной из «Пословиц Ада» из поэмы «Бракосочетание Рая и Ада»: «Человек, никогда не меняющий своих мнений, подобен стоячей воде, и в мыслях своих рождает гадов» [6, с. 333]. В другом произведении он вновь ассоциирует с Блоком отрывок из этой поэмы: «Если бы двери восприятий были очищены, всякая вещь показалась бы людям такой, какая она есть, – бесконечной» [4, с. 14]. Ремизов приводит отрывок из поэмы в контексте судьбы творческого человека: «…все эти гениальные, эти извращенные, эти святые, эти пророки – ну что может быть противоестественнее, как Исаия, который ел человеческое кало, об этом я узнал у Блейка, которого жизнь вот уж крутила!...» [5, с. 329]. Цитирует Ремизов и заключительную часть поэмы: «А пока что Блейк прав: ‘один закон для льва и вола – принуждение’» [5, с. 295]. Таким образом, «Бракосочетание Рая и Ада», очевидно, является для Ремизова наиболее важным текстом Блейка.

Набоков числит Блейка среди источников своих аллюзий. Например, к нему есть отсылки в «Лолите»; приведем проникнутый иронией и Блейком отрывок, в контексте

романа отсылающий к противопоставлению опыта и невинности: «Я ее подобрал как-то в мае, в ‘порочном мае’, как говорит Элиот, где-то между Монреалем и Нью-Йорком, или, суживая границы, между Тойлестоном и Блэйком, у смугло горевшего в джунглях ночи бара под знаком Тигровой Бабочки, где она пресимпатично напилась» [3, с. 382–383]. «Тигровая Бабочка», в оригинале бар *Tigermoth*, аллюзия сразу на два знаменитых стихотворения Блейка: «The Tyger» и «The Fly»; интересное объединение «устрашающей симметрии» тигра и недолговечности мошки, которая так похожа на недолговечного человека. «Toylestown» – переосмысление фразы «toil’s town» (град тяжкого труда), цитата из стихотворения Блейка «London» [11, с. 422]. Таким образом, «подобранная» героем Рита находилась между городом трудов, Лондоном, и Блейком, в баре с блейковским названием: воистину интертекстуальный персонаж.

Интересны цитаты из писем Ирины Одоевцевой. В письме В.Ф. Маркову в 1956 году она с любопытными аргументами пишет о том, что правильно писать «Блэк», а не «Блейк»; но затем признает правоту собеседника, прибавляя: «Все-таки я считаю правильное классическое начертание Блэк» [2, с. 700–704]. В комментариях к этому письму говорится о том, что начертание «Блэк» использовалось и в статьях в парижском журнале русской эмиграции «Звено».

Цитат из «Звена», касающихся Блейка, удалось найти совсем немного. Чаще всего они касаются Блейка опосредованно, при анализе творчества Андре Жида. Однако В. Вейдле пишет более подробно и о сути творчества самого Блейка: «Полуосознанная потребность истинного таланта первоначально ищет в живописи осуществить замысел чисто поэтический; лишь впоследствии ложная поэзия призывается на помощь там, где подлинная была помочь бессильна; за неудачей гения следуют полуудачи его сговорчивых и неверных учеников. Так было в Англии с Блэком и после Блэка. <…> О неосуществимости можно судить по примеру Блэка, создавшего такие пронзительно простодушные стихи и почти всегда остававшегося в рисунках условным, риторическим, прилизанным в духе второстепенных граверов своего века и иллюстраций столь прославляемого им Фюзели. Его считали самоучкой, но самоучкой он был только в стихах; то, что ему мешало эти стихи рисовать, была как раз излишняя выученность и виртуозность: хорош он там, где неумел, силен лишь, когда беспомощен. По времени (и по гению, может быть) Блэк – первый мученик поэзии рисунка; в нем уже средоточие всех ее трудностей, всех неудач, всех ее несбывающихся истин. С ним и после него, какой огромный груз традиций, навыков, форм приходится ей с себя сбросить, какое великое прошлое забыть!» [1, с. 274, 277]

Собранные свидетельства доказывают, что, вопреки распространенному мнению, Блейк в период 1900–1950-х годов был достаточно известным участником литературного процесса. После революции 1917 года в России память о Блейке ушла в литературное подполье: он считался писателем-декадентом, буржуазным мистиком, что удалось преодолеть только в 1957 году, когда русская критика объявила его «революционным романтиком». Однако Блейк был «вывезен» за границу деятелями русского зарубежья в 1920-х годах, и творческий диалог с ним продолжался – в переводах, аллюзиях и критических работах.

Список использованной литературы

1. *Вейдле В.В.* Поэзия рисунка // Звено. 1927. 1 ноября. № 5. С. 272–279.

2. *Коростелев О.А.* (ред.) «Если чудо вообще возможно за границей...»: эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. М.: Русское зарубежье: Русский путь, 2008. 814 с.

3. *Набоков В.* Лолита. СПб.: Азбука, 2012. 480 с.

4. *Ремизов А.* Собрание сочинений. М.: Русская книга, 2000. Т. 8. 704 с.

5. *Ремизов А.* Собрание сочинений. М.: Русская книга, 2002. Т. 9. 512 с.

6. *Ремизов А.* Собрание сочинений. М.: Русская книга, 2003. Т. 10. 592 с.

7. *Сердечная В.В.* Духовные странники. Малоизвестные страницы творческого Николая Гумилева с Уильямом Блейком // Русская литература. 2019. № 3.

8. *Сердечная В.В.* Из творческого наследия Бориса Анрепа // Д.Н. Жаткин (ред.) Художественный перевод и сравнительное литературоведение. Вып. 10. М., 2018. С. 156–171.

9. *Сердечная В.В.* Первый русский перевод поэмы Уильяма Блейка «The Marriage of the Heaven and the Hell»: Загадка рукописей из архива Ремизовых // Новое литературное обозрение. 2017. № 146. С. 202–213.

10. *Фарджен А.* Приключения русского художника: Биография Бориса Анрепа. СПб.: Звезда, 2003. 304 с.

11. *Nabokov V.* The Annotated Lolita. McGraw-Hill, 1970. 440 p.

А.А. Смагина
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 821.161.1

Власть vs религия (по роману Ю. Арабова «Чудо»)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о сюжетном противостоянии власти и религии в романе Ю. Арабова «Чудо». В статье рассмотрены образ города Гречанска, а также образы главных его чиновников. В каждом из них обозначены ключевые черты, образы, мотивы, которые характерны для религиозной стороны личности, а также для стороны, относящейся к власти. Сделаны выводы о необходимости взаимообусловленности этих элементов, а также показаны разные пути интерпретации текста романа для читателей с разным уровнем готовности к восприятию постмодернистского текста.

Ключевые слова: чудо, легенда, Стояние Зои, власть, религия, постмодернизм.

A.A. Smagina
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Reign vs Religion (Based on the Novel "Miracle" by Yu. Arabov)

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue of the plot of opposition between the reign and religion in the novel "The Miracle" by Y. Arabov. The article considers the image of the city of Grechansk, as well as the images of its main officials. In each of them, key features, images, and motifs are identified that are characteristic of the religious side of the individual, as well as the side related to authority. Conclusions about the need for interdependence of these elements are made, and different ways of interpreting the text of the novel for readers with different levels of readiness to perceive the postmodern text are shown.

Keywords: miracle, legend, Zoya's Standing, reign, religion, postmodernism.

Действие романа Юрия Арабова «Чудо» происходит в 50-е гг. XX века в промышленном городе Гречанске, атеистическом по требованиям времени и религиозном несмотря ни на что. Именно такую эстетику повествования выбирает автор текста: близкое поэтике абсурда сочетание гражданского и духовного, в котором явно прослеживается противостояние власти и религии.

Противостояние власти (в образе города, чиновников и в метафорическом понимании власти идеологии над жизнью людей) и религии (её мы понимаем как духовность, моральные скрепы, основы христианского учения) выражена в образах нескольких персонажей романа. В этом плане наиболее важными являются образ города, образы главных чиновников Гречанска.

Градообразующее предприятие Гречанска – металлургический завод, вокруг массивных и мрачных корпусов которого разросся убогий жилой сектор с узкими тёмными улочками. Домики как бы съеживаются, жмутся поближе к махине, ведь жизнь есть только там. Сам жилой сектор *нарублен* под рабочую слободу, прагматически обслуживающую своим трудом завод. Он мыслится сердцем города: не умолкает, трудится даже тогда, когда весь город спит, он – самый важный объект города.

© А.А. Смагина, 2019

Интересно сопоставить предприятие и единственную сохранившуюся в городе церковь. Завод как бы пытается подавить намоленное место: едкий дым несётся в сторону церкви, отходы сбрасываются в речку неподалёку, а в окна дома городского священника видны лишь трубы завода, пытающиеся как бы «застрелить» небо: «Завод с одинокой трубой, похожей на жерло наведенной на небо пушки…» [1, с. 8].

Таким образом, закономерным в эстетике романа становится и то, что *ангел*, летевший в ночном небе морозной тёмной ночью, насмерть разбился о стекло жилого дома – ведь лампочки в фонарях люди сами когда-то разбили рогатками, и теперь для благодати спуститься на землю без происшествий невозможно. Да ещё и в *воскресенье*.

Яркое противостояние религии и власти проявляется и в образах политиков, фигурирующих в романе. Первый крупный чиновник, с которым знакомится читатель, – это Михаил Борисович Кондрашов, уполномоченный по делам религии при местном Совете. В духе постмодернистской эстетики в образе Кондрашова (его облике, поступках, словах) отражаются разные пласты мировоззренческих концепций и формируются абсолютно разные слои интертекстуальности, которые отражают его причастность к обеим сторонам рассматриваемой проблемы.

Приведём несколько примеров. Уже в описании уполномоченного кроется мировоззренческий конфликт: человек, явно щеголяющий своим здоровьем (с большими щеками, розовой кожей, доставшейся от матери-крестьянки, – чистая анкета советского человека) и очень похожий на персонажа совсем не пролетарского писателя – Гоголя, *сладостью* своего лица невольно напоминает помещика Манилова. Рождённый государственным человеком, он всегда чувствовал себя похожим на членов Советского правительства, именно поэтому в его лексиконе и поведении мы находим «правильные» выражения и слова, например, *мракобесие, сектантка*. Девиз уполномоченного: «Равнодушие – залог объективности» [1, с. 78], «Станет знаменитой, как Валентина Леонтьева» [1, с. 83].

Самой интересной деталью в образе Кондрашова является, на наш взгляд, его рациональная вера в существование Бога. Уполномоченный по делам религии ходит в церковь на проповеди отца Андрея, спокойно рассуждает «о чуде, который наш боженька совершил» [1, с. 77], крестится в храме.

Но эти религиозные проявления не мешают ему совершать действия совершенно не богоугодные: посылать жену на пятый аборт, измерять алтарь линейкой, указывать пальцем в небо (имея в виду *высшие силы*), рассуждая о власть имущих.

Проявления рациональной веры выражаются, например, в том, что «Библию Михаил Борисович читал частенько и уважал как литературный труд священных секретарей. И этой скрытой пламенной любовью к Богу – любовью наоборот – отличались многие активные атеисты». Кондрашов точно знал, что есть Бог, а раз он допускает такие оплошности, как смерть или нищета, и никак не может помочь людям или исправить своё же творение, его нужно высмеять.

Именно поэтому Кондрашов соблюдает христианские нормы поведения в церкви и в то же время совершенно естественно говорит о скором сносе церкви и превращении её в клуб для молодёжи. Важной деталью является и то, что Кондрашов, сам того не подозревая, как бы пророчески рассказывает анекдот про самолёт с Хрущёвым, экстренно совершивший посадку на военном аэродроме такого города, в котором «даже нет, извините за выражение, приличного клозета» [1, с. 135]. А ведь так и будут развиваться события в романе: самолет с Хрущевым приземлится в аэропорту Чкалов-8, и всё пребывание главы государства в Гречанске будет напоминать одну горькую шутку.

Образ Первого секретаря ЦК КПСС парадоксально сочетает привычные для литературы соцреализма черты партийного функционера с религиозными мотивами, что создает комический эффект.

Находясь в самолёте, между небом и землей, Хрущев-политик размышляет о сущности коммунизма, о Сталине и решении проблем советского народа и в то же время постоянно обращается к теме веры в Бога и очищения души перед смертью. В драматические моменты полета тщетно пытается вспомнить известные с детства молитвы, пытается зачитывать строчки из «Манифеста коммунистической партии», надеясь, что хотя бы такая псевдомолитва очистит его душу. В отчаянии даже произносит неподобающие для воинствующего атеиста слова: «Человек интеллигентного труда должен знать хотя бы одну молитву. Тем более коммунист…».

Именно этот момент расставляет приоритеты в пребывании Хрущева в Гречанске: Первый секретарь ЦК КПСС снисходит, как благодать с неба, в разруху Гречанска, чтобы решить дела религиозные, не политические.

Формально являясь лидером страны, он всё ещё думает о культе личности, старается выражаться нейтрально («гражданин архиерей»), но все его столкновения с народом имеют скорее духовный характер. Так, встретив Первого секретаря, без раболепства люди молят о лучшей жизни, ведь их повседневная жизнь – *ад.*

Но в этом аду ночью на кровати в неуютной гостинице с клопами Хрущев слышит голос, отвечающий на все его дневные вопросы. Естественно, это должен быть глас Божий или, как минимум, голос подсознания. Но и здесь работает приём художественного снижения: голос был с лёгким кавказским акцентом (читателям становится понятно, что это голос Сталина).

Ярого противостояния политики и веры в образе Хрущева, как и в образе Кондрашова, не наблюдается. Скорее, в образе Первого секретаря более четко прослеживается взаимообусловленность и необходимость двух элементов для характера одного персонажа. Например, мы узнаем, что Никита Сергеевич был крещен, что, кстати, совершенно естественно для 1894 года, когда он появился на свет. Его имя, согласно обычаю и в полном соответствии с эстетикой романа, было дано в честь Никиты Новгородского – известного русского святого, которого называли *Бесогоном*.

Но, несмотря на эти скрепы, в ключевой момент разговора с архиереем в доме по улице Чкалова, где всё еще находится окаменевшая девица с иконой в руках, Хрущёв отходит от духовного, оставаясь верным политике. Архиерей, бывший офицер, тонко намекает Хрущёву о необходимости соборности церкви и власти, как бы нравственно подправленной идеологии. Резкий и даже немного сумасшедший ответ Хрущёва даёт понять: политик боится такой религиозной глубины. В этот момент автор сравнивает Хрущёва с гоголевским Хомой Брутом, возможно, именно в резком отказе автор видит беду Первого секретаря.

Своеобразным завершением истории пребывания Хрущева в Гречанске являются слова его помощника, так ничего и не понявшего: «Чудо в другом, – сказал вдруг Валериан Григорьевич. – Вы взяли в руки палку, и только после этого они все зашевелились. <…> – Чудо как красиво, – не выдержал Хрущев. – Как будто ангелы летают. – Это не ангелы. Это облака, – напомнил ему Валериан Григорьевич. – А что такое облака? – наставительно добавил он: – Сгустки воды и газов» [1, с. 196–197].

Противостояние религии и власти в романе Ю. Арабова имеет скорее характер иллюстрации многогранности души (человеческой, души города), нежели характер открытой враждебности между этими силами. Даже открытые к противоречиям места в повествовании при помощи поэтики постмодернизма приобретают смежность и неразделимость. Именно поэтому вопрос, вынесенный в заголовок данной статьи, подразумевает неоднозначность противостояния.

Поясним, что мы имеем в виду. Следуя концепции У. Эко [2], известного теоретика постмодернизма, в том числе изучающего взаимодействие читателя и писателя, мы предполагаем, что текст романа может быть прочитан по-разному.

Для обычного читателя, который улавливает сюжетную канву и считывает минимальный пласт авторского замысла, ответ на вопрос о противостоянии власти и религии в тексте будет однозначно положительным: Кондрашов старается замести следы *чуда*, позорного для коммунистов, Хрущёв высмеивает архиерея, в городе закрывается последняя церковь.

Но идеальный читатель, снимая все культурологические пласты, ответит на наш вопрос иначе, принимая во внимание все аспекты, проиллюстрированные нами выше. Именно поэтому перспектива изучения романа Ю. Арабова в рамках постмодернизма представляется нам наиболее интересной на данном этапе научного исследования.

Список использованной литературы

1. *Арабов Ю.* Чудо. М., 2009. 221 с.
2. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М., 2005. 502 с.

Раздел 5
НОВЫЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ: АППАРАТ И МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ

Е.А. Абросимова
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

Т.В. Шкайдерова
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь

УДК 811.161.1

Типология интермедиальных знаков современного медиатекста: к постановке проблемы

Аннотация. Статья посвящена типологии интермедиальных отношений в современном медиатексте. Рассматривается проблема интермедиальности медиатекстов в целом и типологии интермедиальных отношений в частности. Так как существующие интермедиальные исследования так или иначе основаны на принципах теории интертекстуальности, на основе наиболее актуальных концепций интертекстуальности и с учетом природных свойств текста СМИ делается попытка применения понятий «поэтическая формула» и «цитата» к интермедиальным знакам современного медиатекста на материале журнала «Наука и жизнь», популярных интернет-СМИ и интернет-мемов. Делаются выводы о типах информации, передаваемой с помощью интермедиальных включений, о различной функции этих включений.

Ключевые слова: интермедиальноть, интертекстуальность, медиатекст, СМИ, поэтическая формула, цитата.

E.A. Abrosimova
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

T.V. Shkayderova
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

About the Question of Typology of Intermedial Signs in Modern Mediatext

Abstract. The article is devoted to the typology of intermedial relations in modern media text. The problems of the intermediality of media texts in general and the typology of intermedial relations in particular are considered. As the intermedial studies are based on the principles of the theory of intertextuality, based on the most relevant concepts of intertextuality and the properties of the media text, an attempt to apply the concepts of “poetic formula” and “quotation” to the intermediary signs of modern media text is made. The materials are texts of the journal “The science and the Life”, the popular online media and internet memes. Conclusions about the types of information transmitted by intermedial inclusions, about the different functions of these inclusions are drawn.

Keywords: intermediality, intertextuality, media text, media, poetic formula, quotation.

© Е.А. Абросимова, Т.В. Шкайдерова, 2019

Одним из следствий кризиса логоцентризма становится все большее внимание исследователей (лингвистов, литературоведов, искусствоведов, журналистов) к феномену интермедиальности, в основе которого лежит так или иначе глобальная идея о синтезе искусств, восприятий, дискурсов, технологий. Этот интерес проявляется в появлении огромного количества зарубежных и отечественных работ, посвященных данному феномену [1; 3–9 и др.]. Интермедиальность, с одной стороны, называют универсальным принципом творчества, отражающим саму сущность искусства и текста в широком понимании этого слова, а с другой – авторской стратегией, направленной на достижение определенной цели.

Феномен интермедиальности традиционно исследовался и продолжает исследоваться применительно к искусству, причем, если говорить о словесном искусстве, то с интермедиальной точки зрения исследованы в основном прозаические произведения. Практически все существующие типологии интермедиальности выполнены на материале произведений искусства [6; 8; 9]. При этом феномен интермедиальности выходит за пределы собственно искусства и расширяет свое влияние в СМИ. Несмотря на то что интермедиальность является неотъемлемой, практически родовой характеристикой медиатекста, категория интермедиальности не нашла последовательного описания, особенно лингвистического, на материале СМИ. Есть лишь несколько работ, выполненных на материале медиатекста [1; 7].

Существующие интермедиальные исследования так или иначе основаны на принципах теории интертекстуальности, поэтому классификации интермедиальных включений и взаимодействий во многом соотносятся с типологиями интертекстуальных знаков: «В интермедиальной типологии текста нашли свое отражение такие понятия и концепты интертекстуальности, как заимствование и переработка тем, сюжетов и образов, явная и скрытая цитация, аллюзия, реминисценция, подражание, пародия, перевод» [3, с. 210].

Попытка создания типологии интермедиальных отношений, релевантных для медиатекста, должна учитывать такие природные свойства текста СМИ, как нацеленность на передачу информации, массовость, расчет на типовое восприятие и т. д., так же, как это учитывается в существующих классификациях интертекстуальных знаков. Так, разделение интертекстуальных знаков СМИ на актуальные и фоновые (А.А. Негрышев, М.Ю. Казак, Н.А. Кузьмина) показывает «прикладное» значение интертекстем, с помощью которых в медиатексте происходит передача того или иного вида информации: актуальные интертекстемы представляют собой «отсылки к источникам информации и формируют в информационных и аналитических журналистских материалах описательный слой текста («содержательно-фактуальную информацию»), предъявляя «чужое» слово, т. е. мнение и позицию своего современника, в виде прямой или трансформированной цитаты» [1, с. 175–176], тогда как фоновые интертекстемы включают в себя тексты и символы культуры, «обладающие лингвокультурологической ценностью и формирующие образ, оценку («содержательно-концептуальную информацию»)» [1, с. 176].

Вероятно, разделение знаков на актуальные и фоновые возможно не только для интертекстем, но и для «интермедиатем». При этом знаки иных семиотических кодов (изображения, видео-, аудиозаписи) в современном медиапространстве распространяются очень быстро во многом благодаря легкости восприятия по сравнению с вербальным кодом, поэтому они мгновенно тиражируются и с легкостью используются в совершенно непредсказуемых контекстах (см., например, мемы о страдающем Средневековье), поэтому из фоновых моментально превращаются в актуальные, и граница между ними стирается.

Попытаемся рассмотреть особенности интермедиальных знаков, применив типологию, основанную на энергетической теории интертекста, согласно которой энергия определяется как «комплексная величина, состоящая из эксплицитной и имплицитной части. Эксплицитная составляющая определяет способность текста быть одинаково восприня-

тым… различными носителями языка» и направлена «на сохранение стабильности интертекста», тогда как «имплицитный компонент – это переменная, зависящая от времени и модели мира индивида», которая «определяет разное понимание сообщения от субъекта к субъекту» [2, с. 39]. Согласно данной теории интертекста выделяется два типа интертекстуальных знаков: цитата и поэтическая формула. **Цитата** – это «фрагмент текста, принадлежащий Другому». В цитате важны такие признаки, как индивидуализированность, уникальность, связанность с конкретным прототекстом или автором, дистанция между Я и другим, «отношение автора к воспроизводимому фрагменту как к чужому», а следовательно, диалогичность [2, с. 100–101]. Цитата, помимо эксплицитной, обладает имплицитной энергией, необходимой для установления контекста и интерпретации. **Поэтическая формула** – «способ индивидуального образного мышления о мире в категориях, выработанных коллективной поэтикой», поэтому формула монологична, «не связана ни с конкретным автором, ни с конкретным текстом, она воспринимается как уже созданный знак, многократно употреблявшийся в различном языковом окружении» [2, с. 100–101]. Поэтическая формула несет в основном эксплицитную энергию, требуя от адресата узнавания скорее внешней формы.

Интермедиальная цитата, в соответствии с таким подходом, представляет собой знак иного семиотического кода, несущий информацию об авторе, жанре, вступающий в диалог с вербальной составляющей медиатекста. Интермедиальной цитатой можно назвать изображение картины определенного художника при ее вербальном описании, то есть так или иначе подразумевается трактовка, интерпретация изображения. Так, в материале, посвященном изображению лягушек на банкнотах («Лягушачий хор», Наука и жизнь, № 11, 2018), приведено изображение колумбийской банкноты с портретом поэта-романтика Хосе Асунсьона Сильве на лицевой стороне и с рисунком лягушки и светлячка на другой. Автор материала подробно комментирует изображение, приводя для наглядности поэтические строки Сильве, в которых упоминаются и лягушка, и светлячок: «Картина на обратной стороне банкноты достоинством в 5000 песо – иллюстрация к стихотворению Хосе Асунсьона Сильвы «Давней ночью». На памятнике поэту написан текст упомянутого стихотворения: *Давней ночью, / Ночью, полной ароматов. Полной шепота и плеска / Птичьих крыльев; Давней ночью, Ночью свежей, ночью / Брачной, освещенной / Колдовскими светляками….<…> Онемевший, одинокий / Снова проходил я той дорогой. / И собаки выли на луну, На бескровную луну, / И гремели лягушачьи хоры… / И в меня ворвался холод…*». Примечательно, что даже после процитированного стихотворения, в котором вроде бы уже были обозначены все нужные смыслы, автор еще раз подчеркивает связь изображения и текста: «Из этих строк становится понятно, почему на банкноте изображены лягушка, светлячок и огромная луна» (Наука и жизнь, № 11, 2018. С. 73). В данном случае журналист доносит до читателя содержательно-концептуальную информацию, заложенную в изображении. Что же касается вышеупомянутых интернет-мемов, сконструированных на основе средневековых картин, то они являются продуктом комической интерпретации, при которой обнаруживается, безусловно, не заложенная средневековым автором, но обнаруженная и наведенная современным интерпретатором содержательно-подтекстовая информация.

Интермедиальная формула – это знак невербального семиотического кода, который не вступает в диалогические отношения с вербальной составляющей медиатекста, а является узнаваемым, привычным способом выражения той или иной журналистской темы. Так, статья «Молочные сомнения» («Наука и жизнь», 2018, № 11, рубрика «Беседы о питании» с. 98–100) о влиянии молочных продуктов на ожирение сопровождается известнейшей картиной Яна Вермеера «Молочница» (1658–1660). Никаких эксплицитных связей между текстом публикации и изображением в журнале нет, но картина доходчиво иллюстрирует основной предмет статьи – молоко, молочные продукты. При этом попу-

лярные интернет-СМИ в публикациях на эту же тему в качестве знака-заставки используют однотипные стоковые фотографии, на которых изображено либо молоко в стакане, либо красивая девушка, пьющая / только что выпившая молоко. Вне зависимости от качества и происхождения самого изображения интермедиальная формула передает только содержательно-фактуальную информацию, лишь обозначая предмет / тему материала.

По-видимому, и интермедиальные цитаты, и интермедиальные формулы так или иначе характеризуют СМИ, являясь маркерами качества издания и его направленности. Вероятно, можно говорить и об определенных интермедиальных полях, специфичных для тех или иных медиаформатов, жанров, изданий, авторов-журналистов. В современных медиатекстах на первый план выходят скорее формулы, создающие определенный, узнаваемый аудиторией стиль оформления и подачи материалов (ср. иллюстрации из классической живописи в журнале «Наука и жизнь» и глянцевые стоковые картинки в популярных изданиях). При этом одни и те же изображения могут выступать и в качестве интермедиальных формул, и в качестве интермедиальных цитат, например, та же «Молочница» Вермеера в одних медиатекстах служит формулой и передает лишь застывший живописный образ (как в примере из журнала «Наука и жизнь», где принято в качестве заставки размещать известные произведения живописи), а в других – цитатой, которую творчески интерпретируют (например, в комическом переосмыслении в мемах).

В аспекте рассматриваемой проблемы интересным представляется замечание Э.Г. Шестаковой о парадоксальном стремлении современного медиатекста к знаковой насыщенности, что сближает медиатекст с формами художественной словесности [7]. Однако, как нам представляется, в отличие от художественного произведения интермедиальные формулы в текстах СМИ становятся слишком «своими» – однотипными и даже шаблонными, а цитаты – слишком «чужими», требующими конкретных показателей чуждости – подробного толкования или явной пародии.

Список использованной литературы

1. *Казак М.Ю., Махова А.А.* Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 24 (119). Вып. 12. С. 175–182.

2. *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в эволюции поэтического языка. Издательство УрГУ, Екатеринбург, 1999. 270 с.

3. *Седых Э.В.* К проблеме интермедиальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2008. Вып. 3. Ч. II. С. 210–214.

4. *Тимашков А.* К истории понятия интермедиальности в российской и зарубежной науке // Фундаментальные проблемы современной культурологии. Культурная динамика. СПб.: Алетейя, 2008. Т. III. С. 112–119.

5. *Тишунина Н.В.* Интермедиальность: к определению границ понятия // Тезисы I Междунар. конференции «Литература в системе искусств: методология междисциплинарных исследований» (23–25 марта 2000 г.). СПб., 2000. С. 17.

6. *Ханзен-Леве О.* Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду. М.: РГГУ, 2016. 450 с.

7. *Шестакова Э.Г.* Интермедиальность: мягкая «экспансия» художественности в словесность массовой коммуникации // Вестник КемГУКИ. 2013. № 25. С. 234–246.

8. *Rajewsky I.O.* Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality // Intermedialites. 2005. № 6. P. 43–64.

9. *Wolf W.* Intermediality Revisited. Reflections on Word and Music Relations in the Context of a General Typology of Intermediality // Word and Music Studies. Essays in Honor of Steven Paul Scher and on Cultural Identity and the Musical Stage. Amsterdam; New York, 2002. P. 13–35.

Э.В. Акаева
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 81.25

Анализ языковой личности врача и телеведущего Александра Мясникова

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой личности врача и телеведущего Александра Мясникова, принадлежащего к элитарному типу языковой личности. Автор выделяет особенности авторского стиля ведущего и рассматривает языковые средства, используемые для воздействия на целевую аудиторию. Коммуникативное поведение врача – ведущего научно-популярной медицинской программы – отличается структурированностью, с одной стороны, и творческим подходом к организации процесса коммуникативного воздействия, с другой.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативное поведение, речевое воздействие, целевая аудитория, коммуникативная цель.

E.V. Akaeva
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Doctor and TV Presenter Alexander Myasnikov Speech Personality

Abstract. Antropocentric paradigm of modern linguistics defined interest to professional communication and professional speech personality in it. The article deals with doctor and TV presenter Alexander Myasnikov speech personality as he is a representative of elite speech culture.The author reveals the features of author's style and stylistic devices used for target audience. Doctor's communicative behavior is well-structured, but creativity is typical of it.

Keywords: language personality, communicative behavior, linguistic manipulation, target audience, communicative intention.

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания обусловила интерес к профессиональной языковой личности. Интерес к программам, посвященным здоровью, в современном социуме велик, так как здоровье является одной из базовых человеческих ценностей. Дискурсивная специфика научно-популярных медицинских программ предполагает спонтанный диалог или полилог равностатусных субъектов (врачей-экспертов) и разностатусных субъектов, если речь идет об участниках программы в студии или телезрителях. Для представителей так называемых лингвоактивных профессий язык является не только средством общения, но и своеобразным «орудием труда», предоставляющим возможность управлять аудиторией.

Современная лингвоперсонология занимается анализом воплощения языковых способностей конкретного индивида. Изучение проблемы языковой личности в отечественной лингвистике связано прежде всего с именем Ю.Н. Караулова. По мнению Ю.Н. Караулова, языковая личность – это «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание им речевых произведений (текстов)» [1, с. 3]. В структуре языковой личности существуют и взаимодействуют три уровня: вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационный уровень, единицы которого ориентиро-

© Э.В. Акаева, 2019

ваны на прагматику и проявляются, по мнению Ю.Н. Караулова, «в коммуникативно-деятельностных потребностях личности» [1, с. 3].

Основной характеристикой языковой личности является принадлежность к элитарной речевой культуре. «Носителю элитарной речевой культуры свойственны высокая свобода в текстопорождении любой тематической и жанрово-стилистической оформленности; высокая продуктивность переработки всех услышанных и прочитанных текстов; большой объем активного словаря; владение всеми функционально-стилевыми разновидностями литературного языка; сочетание разностилевых элементов речи, адекватное целям и задачам общения; свободное владение как устной, так и письменной формой речи и безошибочный выбор формы речи в зависимости от коммуникативных целей; соблюдение существующих этических норм, всемерное уважение к адресату» [2, с. 14–24].

Ведущий, врач Александр Мясников, являясь профессиональной языковой личностью, использует в своей речи разнообразные языковые средства:

– специальную лексику: *ангиография, анкилозоспондилоартрит*;

– сравнения: *Специфичные изменения, где крестец примыкает к костям таза, там спайки, как бамбуковое дерево*;

– метафору: *Накопительного эффекта не будет: это не отопление, которое подкрутили*;

– гиперболу: *Посмотрите, сколько у вас бумаг: будто том «Войны и мира»!*;

– фразеологизмы: *Болит голова – это признак, притянутый за уши*.

Коммуникативное поведение ведущего зависит от его авторских интенций. Языковая личность стремится наиболее полно выразить собственное мнение, эмоции, оценочные суждения. Выбор языковых средств обусловлен экстралингвистическими факторами. Индивидуальный стиль Александра Мясникова характеризуется обращением к комплексу речевых средств.

Речевое поведение элитарной языковой личности отличают логичность, точность, целесообразность, эффективность, корректность, аргументированность. Важной особенностью элитарной языковой личности является проявление творческого начала в процессе речепорождения. Оно проявляется в самобытности речи, которая не изобилует речевыми штампами. Элитарной языковой личности свойственно стремление к оригинальности речевого высказывания, в том числе это выражается в использовании авторских метафор:

Лекарства от гипертонии – ***костыли****.*

Вам особо важно держать свое ***давление в узде!***

Он не чувствует, так как это ***тихий убийца****. Давление* ***точит*** *сердце****,*** *мозг, сосуды.*

Дальше тогда ***массированное поражение****.*

Приглушали мотор. Сердце *как насос* ***плохо качает****.*

Немая *стенокардия бывает у 30 % больных*

Натравливая одну колонию микробов *на другую.*

Депрессия – тихая вещь, *и связанные с ней соматотропные расстройства* ***выпивают*** *здравоохранение.*

Призыв отказываться от прививок – ***вражеская агитация.*** *Биологическое оружие бывает страшнее взрывчатки.*

Убедительность высказывания достигается ссылкой на авторитеты в данной области:

Вы помните ***теорию моего дедушки, академика****, о том, что гипертония – болезнь неотреагированных эмоций.*

Освещать вопрос буду не я, а ***лучший педиатр, которого я встречал, эксперт ВОЗ, европейски образованный профессор Таточенко****.*

С целью сближения с участниками и слушателями программ используется сниженная лексика. Эмоциональность высказывания значительно повышается за счет употребления просторечных элементов с ярко выраженной негативной оценкой:

*Дисбактериоз – это не болезнь**, это артподготовкадля того, чтобы вам, извиняюсь, впаривать** пробиотики и другие лекарства**.***

*Дисбактериоз – привлекательная **страшилка, извиняюсь, для лохов**.*

Употребление интеллигентным носителем языка сниженных средств в обиходно-деловых ситуациях демонстрирует функционально-регистровое языковое поведение, является формой самовыражения и, будучи тактическим приемом, оказывает речевое воздействие на коммуникативного партнера.

Такие факторы, как ориентация на целевую аудиторию для поддержания контакта и удержания интереса, следование коммуникативной цели, обусловливают стиль ведущего и отбор соответствующих лексических единиц.

В общении с целевой аудиторией Александр Мясников демонстрирует богатый научный и информационный тезаурус:

*В Европе доколумбовых времен не было **ревматоидного артрита**.*

***Болезнь Бехтерева** известный невропатолог и психиатр еще при царе описал.*

*Не такая редкая болезнь **анкилозоспондилоартрит.***

*Впервые болезнь описали **на раскопках египетской мумии**.*

***Протоколы лечения**: бедному Людовику XIII каждый день давали 40 раз делали кровопускание противорвотное, клизму.*

Интимизации общения с целевой аудиторией способствует специфический юмор:

Под угрозой убиения пришла тетя в отделение. Ей сказали: «Что вы, тетя, вот убьет, тогда придете!»

Если хочется, можно колбаски, пельмешек, рюмочку засадить.

Таким образом, для элитарной языковой личности Александра Мясникова важна установка на доверительное общение с аудиторией, достигаемая за счет использования лексики различной функциональной направленности, четкой аргументации, упорядоченного изложения информации, палитры разнообразных выразительных средств.

Список использованной литературы

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2003. 262 с.

2. *Кочеткова Т.В.* Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. 1996. Вып. 26. С. 14–24.

Д.С. Васильева
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 81

Этические оценки в телевизионном жанре ток-шоу

Аннотация. В статье рассматривается определение этической оценки, предлагаются параметры описания этических оценок в телевизионном жанре ток-шоу на примере передачи «Андрей Малахов. Прямой эфир». Интересно проанализировать использование этических оценок в дискурсе телевизионных ток-шоу. Этические оценки в таких программах формируют ценности социума. Задачей данной статьи является попытка предложить параметры описания для систематизации этических оценок. На исследуемом материале определены следующие параметры описания: знак оценки (положительная / отрицательная) и соотнесенность её с конкретной ценностью / антиценностью; объект оценки; степень субъективности (солидарности субъекта оценки с общественным мнением).

Ключевые слова: этические оценки, моральные ценности, медиадискурс, систематизация оценок, ток-шоу.

D.S. Vasilieva
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Ethical Evaluations in the Television Genre Talk-Show

Abstract. The article is reviewed the definition of ethical evaluation, an attempt is made to offer description parameters for ethical evaluations in the talk show television genre on the example of the program “Andrey Malakhov. Live”.

It is interesting to analyze the use of ethical evaluations in the discourse of television talk shows. Ethical evaluations in such programs form the values of society. The objective of this article is to attempt to offer description parameters for systematizing ethical evaluations. The following description parameters are determined on the studied material: a mark of evaluation (positive / negative) and its correlation with a specific value / anti-value; object of evaluation; degree of subjectivity (solidarity of the subject of evaluation with public opinion).

Keywords: ethical evaluations, moral values, media discourse, systematization of evaluations, talk-show.

Процесс познания человеком окружающей действительности невозможно представить без применения им такой универсальной категории, как оценка. Это понятие является предметом изучения логики, философии, этики, социологии, лингвистики. В философии под оценкой подразумевается способ установления значимости объекта для познающего и действующего субъекта – человека, группы лиц [2].

Ученые-лингвисты пришли к мнению, что для определения значимости объекта необходимо существование некоего эталона, находящегося на шкале оценивания. Эталоном оценивания служат ценности общества и индивида: норма, мораль, представления о добре и зле, идеалы, принципы [3, с. 128]. Для того чтобы соотнести объект со шкалой, необходимо сравнить предмет с идеалом / другим предметом, сопоставить их свойства, определить роль в жизнедеятельности субъекта и его результаты. Данные процессы от-

© Д.С. Васильева, 2019

ражаются в сознании и языке в виде позитивного, негативного или нейтрального отношения. Тем самым субъект выражает одобрение / неодобрение качеств или свойств объекта, сложившееся в результате восприятия свойств объекта в ценностном аспекте.

Следовательно, можно говорить о том, что в оценке заложена семантика, выражающая положительное либо отрицательное отношение автора высказывания к объекту. Существует два компонента оценочного значения: субъективный и объективный. Первый – это оценочная реакция субъекта на свойства объекта, второй – соответствие объекта оценочной норме, принятой социумом. При этом нормы, обозначенные социумом, изменяются с течением времени. Они соотносятся с культурными установками (правилами поведения), стереотипами, фоновыми знаниями [7, с. 60].

Исходя из того что оценочные значения максимально абстрактны (одна оценка может быть положительной, отрицательной и нейтральной в зависимости от субъекта и контекста), их сложно классифицировать [6, с. 68].

Широкую известность получила классификация оценочных значений Н.Д. Арутюновой. Она разделила их на общеоценочные (прилагательные *хороший-плохой* и их синонимы) и частнооценочные. Частнооценочные значения затрагивают лишь один из аспектов объекта и делятся на сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические [1].

Этические и эстетические оценки связаны с психикой, удовлетворением духовных потребностей [4, с. 226]. Индивиду необходимо выразить мнение по поводу чего-либо, охарактеризовать субъект с позиции нормы, морали, принятой в обществе и сложившейся в его сознании. Этические оценки характеризуют человека в аксиологическом пространстве «сущее-должное» с позиций ценностных координат «добро-зло», «хорошее-плохое». Основой для этической оценки являются сложившиеся в обществе представления, в которых находит выражение нравственное сознание личности, сформированное требованиями со стороны социума, нравственными убеждениями, чувствами, привычками [5, с. 131].

Стоит учесть, что для общества нейтральная оценка соответствует норме. Следовательно, норма связывается с нейтральным и положительным значениями. Большую актуальность в речи приобретает необходимость отразить отступление от нормы. Поведение и характеристики объекта, которым присваивается отрицательная оценка, осуждаются и являются предостережением.

Интересно проанализировать с этой точки зрения использование этических оценок в медиадискурсе, а именно в дискурсе телевизионных ток-шоу. Этические оценки в таких программах формируют ценности социума. Формирование собственных мировоззренческих установок телезрителей происходит в значительной степени под воздействием телевизионных СМИ.

Люди имеют право свободно высказывать мысли по поводу проблем, с которыми может столкнуться каждый зритель по ту сторону экрана. В зале зачастую царит атмосфера напряженности, конфликта, возникают явные или скрытые столкновения, так как представления о норме у разных героев передачи не совпадают. Это воздействует на телезрителей, стимулирует переживания, сочувствие героям программы, подогревает интерес аудитории.

Задачей данной статьи является попытка предложить параметры описания для систематизации этических оценок. В перспективе это позволит рассмотреть употребление этических оценок с точки зрения прагмалингвистики: показать средства выражения морально-этических позиций говорящих, различие точек зрения, способы воздействия на целевого адресата телешоу.

Материалом исследования стала передача канала «Россия 1» «Андрей Малахов. Прямой эфир» от 9 января 2018 года. Это ток-шоу – одно из самых известных в России,

ставшее, по словам создателей, «настоящей хроникой нашей жизни». За историями героев следит многомиллионная аудитория, которой ежедневно транслируются этические представления участников передачи.

Программа посвящена памяти внучки Л.И. Брежнева Виктории Евгеньевны. Анализ материала показал, что обсуждение героев включает этические оценки, в которых отражены моральные ценности. Анализ оценок производился нами с учетом контекста.

Положительные оценки выявили спектр моральных ценностей, к которым, в порядке убывания частотности, относятся:

– общие или слабо дифференцируемые этические оценки, не соотносимые с какой-то конкретной добродетелью (возможно, в данном случае следует говорить о порядочности как наиболее общей, абстрактной моральной ценности): *очень хорошим человеком, уважаемую даму, уважаемый, достопочтенная, прекрасный человек;*

– благоразумие: *серьезным, вдумчивым, спокойным, налаженный, ну и нужный порядок, руководила тихо и мудро, дипломатическим путем, приземляюсь*;

– дружба: *близкая подруга, крепкая дружба, дружила, подружились, мы были как сестры; настоящей, сплоченной семьи*;

– долг: *долг материнский, человеческий, нормальный, обыкновенный*;

– любовь: *всю любовь они отдавали Виктории, любовь к маме, теплые отношения*;

– душевная чистота: *простая, она ребенок была, дева*;

– добро: *поддерживал, помогал; прощать* и жалость как проявление доброты: *сожаление;*

– верность: *ходить с семьей, восстановить отношения*;

– счастье: *жизнелюбивый, восторженная натура*;

– справедливость: *правильно*;

– честность: *честно*;

– вера: верующий*;*

– внутренняя гармония: *межсозерцание*.

Присутствуют и отрицательные оценки, отражающие такие моральные антиценности, как непорядочность: *подпаивали, пользовались, травили*; неблагоразумие: *неадекватные, страсти, избалованной, капризная, бомжевала*; ненависть: *разбежались, злобный, чудесное время* (сарказм), *рвать*; черствость: *бросила свою дочь, упекла в психиатрическую больницу* и другие слабо дифференцируемые оценки*: преступление, гулевание, нарисовался, обсуждать, обокрали*.

Положительных оценок больше, чем отрицательных. Это соотношение задает тон передачи: на вечере памяти об ушедшем человеке стараются вспоминать только хорошее и не делать громких заявлений. Можно заметить, что в эфире присутствует широкое многообразие оценок, отражающих этические нормы – значит, обсуждение охватывает разные стороны личности.

Оценка характеризует ее объект. В качестве объекта может выступать не только человек (*близкая подруга, дева, прекрасный человек*), но и поступок (*помогли ей приобрести, подпаивали, помилуют*) и линия поведения (*скрытный, злобный, были как сестры*).

При оценивании объекта субъект может быть солидарен с общественным мнением или придерживаться собственного мнения. Данный параметр (степень субъективности) также может основанием классификации. По нему разграничиваются субъективная позиция индивида (1); позиция, совпадающая с позицией социума (2); позиция, отражающая неоднозначность ситуации (3). В человеке как субъекте этической оценки представления о моральном и аморальном, сформированные традицией, взаимодействуют с собственным нравственным опытом, индивидуально-личностными мировоззренческими установками. См. примеры:

(1) *необыкновенная звезда* (для говорящей Мариус Лиепа был идеалом, но общество скептически настроено по отношению к славе и звездам), *межсозерцание* (для автора высказывания это значит приход к богу, однако в общественном понимании созерцание – это бездействие);

(2) *прекрасной женщине* (человек, хороший во всех отношениях), *прощать* (одна из главных добродетелей), *трагической* (несчастье, вызывающее сопереживание);

(3) *богатое терпение* (терпеть всё зло – с одной стороны, это показатель доброты, смирения, с другой – бесхарактерности).

Итак, определены и апробированы на материале одной из передач программы «Прямой эфир» следующие параметры описания: знак оценки (положительная / отрицательная) и соотнесенность её с конкретной ценностью / антиценностью; объект оценки; степень субъективности (солидарности субъекта оценки с общественным мнением). Они коррелируют со структурой оценки, в которой обязательны основание, субъект, объект, отношение субъекта к объекту.

Материал показывает, что в современных ток-шоу допустимо выражение этических оценок, осуждения / одобрения человеческой личности, ее поступков, линии поведения. Расширение материала позволит уточнить представление об актуальных ценностях и антиценностях, о репертуаре ситуаций, которые провоцируют конфликтные этические позиции.

Список использованной литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 346 с.

2. Всемирная энциклопедия: Философия / под ред. А.А. Грицанова. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.

3. *Гибатова Г.Ф.* Аксиология в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2 (121). С. 127–131.

4. *Егорова А.М.* Духовные потребности человека // Молодой ученый. 2012. № 2. С. 224–226.

5. *Сулименко Н.Е.* Этическое пространство текстового слова // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 124–132.

6. *Таирова М.Р.* К вопросу о понятии оценки как лингвистической категории // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 1. С. 60–68.

7. *Токарев Г.В.* К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филологические науки. 2003. № 3. С. 56–60.

Е.Н. Гуц
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

Ю.Ю. Прохоренко
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 811.161.1

Тексты социального проекта «Возраст счастья»: прагматический аспект[*]

Аннотация. Статья посвящена исследованию текстов социального проекта «Возраст счастья». Цель статьи – выявить и представить жанровые особенности исследуемых текстов, в частности определить наличие информативных и императивных речевых жанров и их специфику. Анализ материала позволяет сделать вывод о наличии в текстах речевых жанров «рассказ», «совет», «рекомендация», а также императивного жанра, совмещающего признаки рекомендации и инструкции. Исследование текстов в прагматическом аспекте предполагало и анализ языковых средств (риторических вопросов, обращений, восклицаний, сравнений, иронии, разговорной лексики), обеспечивающих достижение основной цели автора текстов – убеждения читателя в правильности и эффективности «секретов здоровья», которыми обладают герои статей.

Ключевые слова: социальный проект, «Возраст счастья», речевой жанр, информативные и императивные жанры, совет, рекомендация, инструкция.

E.N. Gouts
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Yu.Yu. Prokhorenko
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The Texts of the Social Project "Age of Happiness": the Pragmatic Aspect

Abstract. The article is devoted to the study of texts of the social project "The Age of Happiness". The purpose of the article is to identify and present the genre features of the texts under study, in particular, to determine the presence of informative and imperative speech genres and their specificity. Analysis of the material makes it possible to conclude that the texts contain speech genres "story", "advice", "recommendation", as well as an imperative genre combining the features of a recommendation and instruction. A pragmatic study of texts suggested the analysis of linguistic means (rhetorical questions, addresses, exclamations, comparisons, irony, colloquial vocabulary) ensuring the achievement of the author's main goal – convincing the reader of the correctness and effectiveness of the "health secrets" possessed by the heroes of the articles.

Keywords: social project, "Age of Happiness", speech genre, informative and imperative genres, advice, recommendation, instruction.

---

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

© Е.Н. Гуц, Ю.Ю. Прохоренко, 2019

Люди «третьего возраста» – один из самых представительных социально-демографических слоев населения нашей страны, являющийся важнейшим элементом социальной структуры российского общества. Возрастные границы людей «третьего возраста» достаточно условны: в соответствии с разработанной Всемирной организацией здравоохранения возрастной классификацией люди третьего возраста делятся на 3 возрастные группы: пожилые мужчины (60–74), женщины (55–74), старые (75–84) и долгожители (85 лет и старше); в геронтологии границы «третьего возраста» определены с 60 до 74 лет.

Современная культура поклонения молодости акцентирует неприятие старости, проблему конфликта поколений. «*Старость*» и «*пожилые люди*» часто ассоциируются (и в разговорной речи, и в СМИ) со словами «*дряхлый*», «*угасший*», «*ущербный*», «*отживший*». Современные пожилые люди, оказавшись на социальной периферии, озабочены своим физическим состоянием, отягощены материальными, бытовыми проблемами.

Между тем, по мнению ученых, современный пожилой человек развивает в соответствии со своими интересами, привязанностями и потребностями широкий диапазон различных форм активности: культурной, профессиональной, общественной, художественной, спортивной.

Таким образом, обращение к исследованию текстов, транслирующих широкий диапазон различных форм активности людей пожилого возраста, безусловно, актуально.

Цель статьи – выявить жанровые особенности текстов социального проекта Владимира Яковлева «Возраст счастья».

Материалом данного исследования послужили тексты социального проекта «Возраст счастья», представленные в печатном издании «Здоровее будешь: 30 историй тех, кто на своем собственном примере доказал, что здоровье и красивое тело вполне можно сохранять далеко за 50». Автор анализируемых тестов – журналист Т. Хрылина.

В аннотации к этому изданию Владимир Яковлев отмечает, что за последние несколько лет он встретился с десятками людей, которые живут долго и счастливо, сохраняя при этом превосходное здоровье, и с огромным удивлением обнаружил, что главный секрет их веселой, здоровой и счастливой жизни после 50 вовсе не в физических занятиях или специальных диетах, а в особенном стиле жизни: «Суть этого стиля жизни в том, чтобы не строить бесконечные воображаемые альтернативные сценарии происходящих событий и не плодить бесконечных “могло бы быть...”, “если бы было”, “жаль, что нет” и “правильнее было бы”. Вместо этого надо стараться получить максимум удовольствия от того, что есть здесь и сейчас» [5, с. 8].

Предметом исследования являются особенности речевых жанров «совет» и «рекомендация», представленных в анализируемых текстах и транслирующих основную идею социального проекта, которую можно выразить простой формулой: «пожилой возраст = возраст счастья».

Слова *совет* и *рекомендация* в толковых словарях русского языка определяются как *‘наставление, пожелание, указание, предложение, как поступить’*. Данные дефиниции позволяют объединить имена исследуемых жанров по общности коммуникативной цели – вызывать «осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных или, напротив, нежелательных, опасных для кого-то из участников общения» [4, с. 91] и рассмотреть их в группе императивных речевых жанров.

Л.В. Рехтин относит «совет» к классу так называемых «неуказаний», которые «обладают низкой эффективностью, так как адресат может оценивать предлагаемые автором аргументы» [1, с. 23]. Эти признаки характерны и для «рекомендации». Так же, как и автор совета, автор рекомендации не заинтересован лично в выполнении адресатом рекомендуемого действия.

А.А. Соловьева в работе «Речевой жанр “совет” в разных типах дискурса» делит советы на обиходные и институциональные. Институциональные советы, в отличие от обиходных, «в большинстве случаев являются нейтральными и не характеризуются высокой степенью эмоциональной напряженности. Это можно объяснить тем, что участники институциональных советов значительно отличаются по социальному статусу и вынуждены соблюдать нормы общения в пределах данного дискурса» [2, с. 176].

Для данного исследования важно и высказывание Т.А. Яковлевой об образе автора «совета»: «Прескриптор совершенно очевидно располагает большими по сравнению с адресатом знаниями и опытом совершения действия. Вполне вероятно, что прескриптор просто старается не показать адресату своего превосходства, что в свою очередь объясняет и выбор средств выражения» [6, с. 138]. Можно добавить, что и для «рекомендации» характерен образ автора, обладающего определенными знаниями и полномочиями.

Однако если бы черты этих жанров полностью совпадали, мы не могли бы говорить о рекомендации как о самостоятельном жанре. Отличия этих жанров связаны с изменением сферы общения. Если совет принадлежит к бытовой сфере общения и реализуется в основном в устной речи, то рекомендация может относиться как к бытовой, так и к профессиональной сферам общения и реализуется в основном в письменной речи.

Наиболее существенное различие совета и рекомендации – это набор выполняемых ими функций. «Совет» – это императивный жанр, основной целью которого является побуждение, и он предполагает необязательный характер выполнения. Речевому жанру «рекомендация» также свойственна императивность. Однако «рекомендация» содержит прямое указание на необходимые действия адресата и основывается на возможности квалифицированной помощи со стороны автора предлагаемой рекомендации.

Автор текстов, содержащих речевые жанры «совет» или «рекомендация», имеет более высокий коммуникативный статус, нежели адресат. Это неравенство обусловлено различным уровнем компетентности участников коммуникации.

Важно отметить и наличие информативной функции у исследуемых речевых жанров, что позволяет рассматривать их и в группе информативных жанров, «цель которых – различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение» [4, с. 91]. Однако термин «информативная функция» используется нами в узком смысле, для обозначения жанров, для которых «различные операции с информацией» важны; в широком смысле информативная функция свойственна всем жанрам без исключения» [2, с. 180].

Таким образом, рассмотренные речевые жанры «совет» и «рекомендация» имеют общие типологические черты и целевые установки, однако отличаются характером функционирования и назначения.

Анализ материала позволил выявить возрастные границы героев: от 60 до 95 лет. Секрет здоровья у всех героев разный, например путешествия и прыжки с парашютом, занятия тяжелой атлетикой, регулярные тренировки, занятия танцами.

Обязательным композиционным элементом исследуемых текстов является лид (аннотация, «шапка» статьи). Лид типичен для каждого текста Т. Хрылиной, это некая предыстория перед цельным текстом. Далее журналист *рассказывает* об эксперименте, который провел герой для улучшения здоровья и борьбы с болезнями, о его «секрете здоровья», а также цитирует *советы*, которые дает герой рассказа исходя из результатов проведенного им эксперимента. *Например, «Нельзя съедать столько, чтобы быть сытым, – говорит Ксавье. – Нужно заканчивать есть в том момент, когда вы уже не голодны, но чувствуете, что с удовольствием съели бы еще немножко».* Сохранение этой композиции во всех статьях сборника создает целостность и единство повествования.

Языковые средства выразительности, к числу которых мы отнесли обращение к аудитории, риторические вопросы, восклицания, разговорную лексику и просторечие,

фразеологизмы, тропы (ирония, сравнение), создают особое эмоционально-позитивное повествование.

Во всех статьях обязательно присутствуют императивные речевые жанры «совет» или «рекомендация». Соотношение исследуемых жанров следующее: «совет» представлен в 29 текстах, «рекомендация» только в 1 тексте, герой которого по профессии является врачом-онкологом. Автор статьи «о Роджере Оллсоппе, который переплыл Ла-Манш», цитирует своего героя, выстраивая его рекомендации в строгой последовательности: *1. Боритесь с сонливостью. 2. Тренируйте мозг. 3. Не обедайте в одиночестве. 4. Изменяйте привычкам. 5. Ешьте больше орехов, растительного масла, рыбы и зелени. 6. Ограничьте потребление соли. 7. Держите баланс. 8. Танцуйте.*

Анализ композиции и языкового материала данной статьи позволяет предположить наличие смешанного (контаминированного) императивного жанра *рекомендации и инструкции,* так как отличительной особенностью жанра «инструкция» является сообщение адресату порядка, способов, правил осуществления какого-либо действия с тем, чтобы каузировать его соответствующие поведение [3, с. 214].

Таким образом, исследуемые тексты выполняют две основные функции: информативную (рассказ о герое и его секрете здоровой и счастливой жизни) и императивную (побуждение читательской аудитории к действию). Т. Хрылина с большим уважением относится к жизненным позициям, взглядам, действиям, экспериментам, советам героев статей. Она от их лица, используя такие глаголы, как «попробуйте», «убедитесь», «не останавливайтесь», в сочетании со словами «счастье», «здоровье», «жизнь», убеждает читателя в эффективности предлагаемого пути для достижения желаемого здоровья и в правильности формулы «третий возраст = возраст счастья».

Оказывают ли тексты влияние на читательскую аудиторию и побуждают ли читателей изменить свой стиль жизни? Ответить на эти вопросы можно только после проведения психолингвистического эксперимента и анкетирования, результаты которых смогут верифицировать наши предварительные выводы.

Список использованной литературы

1. *Рехтин Л.В.* Заметки о речевом жанре инструкции // Текст: структура и функционирование: сб. ст. Вып. 7. / под ред. С.М. Козловой, Н.В. Халиной. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 22–30.

2. *Соловьева А.А.* Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2007. 176 с.

3. *Чабан Т.Ю.* Инструкция // Культура русской речи: словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 213–214.

4. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.

5. *Яковлев В.* Здоровее будешь. 30 историй тех, кто на своем собственном примере доказал, что здоровье и красивое тело вполне можно сохранять далеко за 50. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 168 с.

6. *Яковлева Т.А.* Семантика и прагматика императивных и прохибитивных конструкций в текстах полезных советов и инструкций // Актуальные проблемы семасиологии. Л., 1991. 138 с.

А.В. Зеленин
Университет Тампере, Финляндия

Н.Л. Иванова
Университет Тампере, Финляндия

УДК 81'25

Мотивация выбора родителями детского имени в полилингвальных семьях (финский контекст)

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные аспекты выбора родителями личного имени ребенка в иноязычном и инокультурном окружении. С целью выяснения мотивировок при выборе имени в 2018 году был проведен социолингвистический эксперимент в моно- и полилингвальных семьях в Финляндии. Общее количество проанализированных детских имен – 57. Ведущими в ситуации имянаречения как в моно-, так и в полингвальных семьях являются историко-культурные, языковые (фонолого-фонетические, ассоциативно-смысловые) и религиозные мотивировки имянаречения.

Ключевые слова: многоязычие, личное имя ребенка, поликультурность, идентификация.

A.V. Zelenin
Tampere University, Finland

N.L. Ivanova
Tampere University, Finland

The Motivation of the Parents Choice of Baby Name in Polylingual Families (Finnish Context)

Abstract. The article discusses the socio-cultural aspects of the parent's choice of the child's personal names in a foreign cultural environment. In 2018, a sociolinguistic experiment was conducted to clarify the parent's motivations for choosing children's names in mono- and multilingual families in Finland. The total number of children's names which were analyzed was 57. The leading motivations in the situation of choice of children's names both in mono- and polylingual families are historical, cultural, linguistic (i.e. phonological, associative and semantic) and religious reasons.

Keywords: polylinguism, child personal name, multiculturalism, identification.

Личное имя – важный знак личностной и социальной самоидентификации индивида. Личное имя как антропонимический феномен в культурном пространстве социума, с одной стороны, обращено в прошлое как хранитель памяти и традиций, с другой – устремлено в будущее, фиксируя те или иные инновации, свидетельствующие о сдвигах в антропонимической системе, а значит, в изменениях ценностной матрицы этнической, национальной группы. В данной статье речь пойдет о способах и мотивации выбора родителями личного имени ребенка, рожденного в монолингвальных или полилингвальных семьях, использующих (в разной степени) русский язык вне российского культурно-языкового ареала, а именно – в финском контексте.

Представление социолингвистического эксперимента. Материалом исследования послужили данные, собранные в монолингвальных (оба родители русские или один родитель русский, другой мог быть выходцем из бывшего СССР: латыш, карел, грузин;

© А.В. Зеленин, Н.Л. Иванова, 2019

языком семьи являлся русский) и полилингвальных семьях (один родитель – русский, другой – финн; язык семьи – финский или английский). С помощью сайта webanketa.com была создана электронная анкета для всех предполагаемых информантов (взрослых и детей). Целью социолингвистического анкетирования в проекте являлось получение информации от родителей, которые дали имена своим детям, а также от самих детей об их отношении к своим именам. Были составлены вопросы, адресованные отдельно родителям и детям; эти вопросы концентрировались вокруг двух сфер коммуникации: внутри семьи (включая родителей, братьев, сестер, родственников; микросоциум) и вне семьи (окружение ребенка в детском саду, школе, в общении со сверстниками; макросоциум).

Общее количество собранных анкет – 44: из монолингвальных семей получено 13 анкет (содержится 24 детских имени и мотивация родителей по их выбору); из полилингвальных семей получено 8 анкет (10 детских имен); анкет, заполненных детьми, было собрано 19 (в них упоминалось 23 детских имени). Кроме электронного анкетирования, пришлось прибегнуть к личному интервьюированию родителей и детей, анкеты которых или были наиболее содержательны, или, напротив, были недостаточны; в том и другом случаях требовалось получение дополнительной уточняющей информации (было проведено 4 интервью). Общее количество проанализированных детских имен – 57 (в некоторых анкетах родители указывали двое и более детей, максимум – пять), из общего числа анкетируемых мальчиков – 33, девочек – 24, причем 29 детей дошкольного возраста, 28 детей школьного возраста.

Для начала кратко охарактеризуем русскую и финскую антропонимические системы, чтобы показать тот антропонимический фон, в котором приходится принимать решения родителям при рождении ребенка и выборе имени.

Русская антропонимическая система. Трехчленное именование людей – имя, отчество, фамилия – особенность русского языка. Данная трехчленная формула именования стала использоваться в официальном и светском обиходе в России во времена правления Петра Первого.

Имя. И.П. Лысакова выделяет в русском языке пять форм личного имени: официальная, сокращенная, уменьшительно-ласкательная, пренебрежительно-фамильярная и звательная [7, с. 146].

Официальная форма имени, или полное имя, в русском языке используется редко, в основном в обращении ко взрослым. В финском языке полное имя является нейтральным и применяется в обращении как к вышестоящему лицу, так и к близким людям.

Сокращенная форма имени – стилистически-нейтральная форма имени, производная от официальной формы имени. При повседневном употреблении происходит сокращение имени при общении в семье и с друзьями (*Павел > Павлик, Паша*). В финском языке роль сокращенной формы имени чаще всего играет форма полного первого имени.

Уменьшительно-ласкательная форма имени употребляется в непринужденной обстановке при выражении положительной эмоций чувств, любви, дружбы, нежности: *Валенька, Катенька*. В финском языке уменьшительно-ласкательные имена используют родственники и друзья [5, с. 15–19]. Приведем пример образования такой формы имени: в обеих культурах есть близкие по звучанию формы полного имени *Яна* и *Jaana*, и если русский назовет Яну *Яночкой, Янушкой, Янчиком* (по материалам анкет), то финн – *Jaansku, Jaanski, Jaanssu, Jaanska.* В финском языке форма имен с суффиксом ***-k-*** является функционально близкой к русской форме и может быть отнесена к уменьшительно-ласкательной: *Unto – Untski*

Пренебрежительно-фамильярная форма имени в русской антропонимике образуется с помощью суффикса ***-к-***: *Сашка, Ванька, Петька, Анька.* Эта форма имени может быть стилистически-нейтральной в дружеском отношении; выражать дружеское расположение или иметь отрицательную характеристику (последнее встречается чаще).

Звательная форма имени образуется от сокращенной формы имени и используется исключительно как обращение: *Тань, Надь, Дим.* В финском языке звательная форма отсутствует.

Помимо имени, отчества и фамилии в русскую антропонимическую систему входят прозвище и псевдоним, которые выполняют функцию индивидуализации и характеризации человека в микро- или макросоциуме. В исследовании прозвища и псевдонимы детей исключены из вопросника и, следовательно, не участвуют в построении антропонимического портрета ребенка. (В скобках заметим, что, несмотря на многомиллионное число русскоязычных, проживающих вне России, к сожалению, количество исследований антропонимов (личные имена, прозвища, псевдонимы, криптонимы, гипокористики) вне материнской культуры измеряется единицами.)

Финская антропонимическая система. Финская антропонимическая формула состоит из имени и фамилии. Согласно Закону «О личном имени» (Etunimilaki), принятому 20 декабря 1945 года, у каждого гражданина Финляндии должны быть фамилия и имя: одно или несколько, не больше четырех. При рождении личное имя сообщается в евангелическо-лютеранский или католический приходской дом, в другую официальную церковную общину или в другой законный регистр граждан. Запрещено давать мальчику женское имя и девочке – мужское (в реальности происходит смешение женских и мужских имен при имянаречении; отчасти это объясняется отсутствием категории рода в грамматической системе финского языка). Имя не должно иметь оскорбительного значения. Первые имена братьев и сестер должны различаться. Нельзя использовать в качестве имени фамилию, но можно зарегистрировать ребенка под уменьшительно-ласкательной формой личного имени (*Annikki* – вместо *Anna*).

Имя. В финской культуре родители могут дать ребенку одно или несколько имен (не больше четырех, начиная с января 2019 г.): *Pihla Maria Kaukonen, Okko Viljam Olavi Turunen* [6, с. 192].

Второе (и третье или четвертое) имя. Как правило, вторым или последним именем становится самое длинное или наиболее фонетически тяжелое имя: *Olli Aleksanteri, Maija Melissa Orvokki.* Второе (третье, четвертое) имя в форме отчества образуется с помощью имени отца и конечного элемента *-poika* (имя мальчика)/*-tytär* (имя девочки): *Visa Joonanpoika* (букв.: Виса, сын Йоны), *Sirpa Katariina Pekantytär* (букв.: Сирпа Катарина, дочь Пекки).

Звательное имя (kutsumanimi, puhuttelunimi). Это имя, которое используется в качестве обращения. Чаще всего в роли такового в финской культуре выступает первое имя. Однако носитель имени может сам выбрать одно из своих имен для обращения. Некоторые носители двух имен могут использовать в качестве звательного имени сразу два имени: *Miia Inari*. Возможна ситуация, когда разные люди используют разные звательные имена, например, девушку по имени *Silja Onneli* одни будут называть *Silja*, другие – *Onneli*. В большинстве случаев при знакомстве финн называет только звательное имя. В анкетах после граф «Имя» и «Фамилия» возможна отдельная графа «Звательное имя». При отсутствии данного пункта звательное имя подчеркивается.

Основным ориентиром для именования ребенка служит календарь имен (yliopiston almanakka), издаваемый университетом Хельсинки (последнее обновление имен было в 2015 г.). В нем указаны самые распространенные финские имена и даты имен. Кроме того, в Финляндии издается аналогичный календарь со шведскими именами. Нынешние финские фамилии соответствуют закону о фамилиях, принятому 9-го августа 1985 года. Обобщим краткие антропонимические сведения в таблице:

Компонент антропонимической формулы	*Русский язык*	*Финский язык*
Фамилия	+	+
Имя	+	+
– полная форма	+	+
– сокращенная форма	+	–
– уменьшительно-ласкательная форма	+	+
– пренебрежительно-фамильярная форма	+	–
– звательная форма	+	–
Второе (третье) имя	–	+
Звательное имя	–	+
Отчество	+	–

Теоретические позиции. Изучение детского имени и его использование вне материнской среды родителей (или одного из родителей) требует для раскрытия данной темы привлечения таких важных аспектов исследовательского поля, как сочетание теоретических положений билингвизма, поликультурности и самоидентификации личности, чтобы не остаться на почве социолингвистического эмпиризма. Имя связывает нас с нашим культурно-историческим наследием и делает уникальными в нем, а индивидуальная идентификация начинается с личного имени и желания и родителей (родственников), и самого индивида (в разумном, осмысленном возрасте) придать ему значение. Присваивая имя ребенку, родители задают ему определенную идентификацию, которая получает свое дальнейшее развитие и наполняется новым содержанием, новыми формами и ассоциациями в процессе социализации индивида [1; 2, с. 16].

Г. Хофстеде утверждает, что знание различных культур способствует развитию «многокультурной компетенции», поскольку культура регулирует использование чувств и способов их выражения [9, pp. 9–10]. А. Валлин рассматривает мультикультурализм как взаимодействие и сосуществование, проявляющееся как диалог, гармония и интеграция [13, p. 44].

Самоидентификация – широкое понятие, включающее в себя, например, такие аспекты, как «отождествление себя с кем-то и в чем-то и одновременно различения себя от кого-то и от чего-то» [3, с. 55], «восприятие собственного «я» через взаимодействие и соотнесение себя с другими индивидами» [10, p. 16].

Личное имя является неотъемлемым атрибутом человека. В каждом имени может также отражаться не только история носителя имени, но и история имядателя. Данный тезис подтверждает английский социолог Фелли Нквето Симмондс (Felly Nkweto Simmonds) в своей работе «Naming and identity». Она пишет, что родилась в колониальной центральной Африке, где ее дедушка и бабушка по отцу дали ей имя Нкветова Чилинда (Nkwetowa Chilinda), где второе имя является именем прадеда [12, p. 113].

Как правило, для анализа функционирования личного имени в микро- и макросоциуме важно выяснение следующих факторов: идентификация человека; язык, которым индивид пользуется; культура, к которой он принадлежит; общество, в котором он живет; межличностные отношения в этом обществе [4, с. 9]. Таким образом, антропонимическая идентификация – это составная и важная часть социокультурной идентификации любого человека. Приведем характерный пример, показывающий, насколько важна антропонимическая идентификация человека для общей самоидентификации. Так, англо-американский лингвист немецкого происхождения Николайсен определяет свою антропонимическую идентификацию 23 различными формами имени [11, p. 185]. Каждый вариант имени, по его мнению, отражает различные стороны его собственного «я» в отношении к себе и окружающему миру в разные периоды жизни.

Русская антропонимическая система чрезвычайно богата количеством производных от полного (нейтрального) имени; так, мужское имя *Александр* имеет 126 производных

форм [8, с. 30–36]. Разумеется, этот корпусный (тезаурусный) спектр имени в реальной жизни конкретного индивида не представлен, однако сама потенциальность всего словообразовательного гнезда в русском языке весьма показательна. Через антропонимическую призму имени ребенка происходит социокультурная самоидентификация как родителей, так и ребенка.

Родительская самоидентификация в иносоциуме осуществляется в смешении *прежней* и *новой культур*. Понятие *прежняя культура* подразумевает этническую культуру, которую родители впитали во время жизни, например, в России до момента миграции в Финляндию. Понятие *новая культура* включает в себя финскую культуру, которую приобретают родители, переехавшие в Финляндию.

В результате смешения этих двух культур появляется смешанная, гибридная культура (назовем ее *гибридная культура-1*). *Гибридная культура-1* включает моделирование родителями культуры на основе имеющейся прежней культуры с включением новых элементов (поведенческих, социальных стереотипов, морально-этических ценностей). Фрагменты этой *гибридной культуры-1* путем имянаречения детей родители и пытаются транслировать своим детям.

Данную модель можно изобразить схематично следующим образом:

Социокультурная (и связанная с этим антропонимическая) ***самоидентификация ребенка*** формируется уже с помощью трех компонентов:

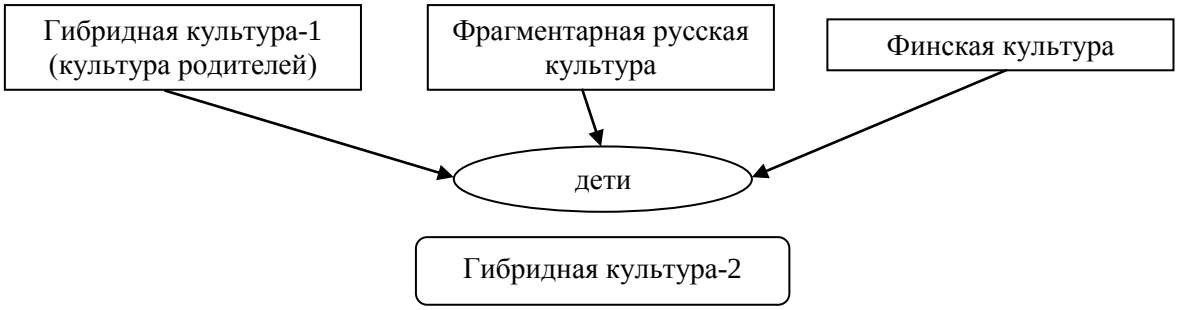
1) *гибридной культуры-1*, являющейся смешанной (прежней и новой) культурой родителей;

2) *фрагментов русской культуры*, возможной (но не обязательной) для ребенка в случае его поездок в Россию (или республики бывшего СССР), просмотра российского телевидения, участия в социальных медиа, использования Интернета, участия в праздниках русскоязычных в Финляндии;

3) *финской культуры* (повседневное окружение ребенка).

Сочетание этих трех компонентов формирует так же, как и в случае с родителями ребенка, *симбиозную, гибридную культуру*, но скомпонованную уже другим соотношением и семантикой фрагментов культур. В симбиозной культуре поддерживается относительно независимое сосуществование родительских традиций и актуальной, повседневной современности в различных сферах жизни индивида.

Это можно изобразить схематично следующим образом:



Поликультурный социум представляет собой пространство, в котором находятся люди разной этнической, языковой, социальной, религиозной принадлежности. Большая часть населения поликультурного пространства является полиязычной, а языковое сознание полилингва представляет собой гибкую структуру, вмещающую две и более знаковые системы. Как общая социокультурная самоидентификация человека, так и его антропонимическая имеют лабильный, меняющийся характер, не остаются постоянными на всю жизнь, а отражают сложный комплекс психических, возрастных, профессиональных, семейно-родственных, социальных параметров жизни индивида. Следовательно, варианты имени имеют для индивида свое содержание и с научно-исследовательской точки зрения очень важны для определения личностной идентификации.

Большинство русских (или иных) имен является непростым в произношении в финском обществе. Так, может возникать расхождение в формах имен, близких по написанию, обусловленное следующими причинами: разным типом ударения в русском (подвижное) и финском (фиксированное на первом слоге) языках (*Mirón – Míron, Milána – Mílana*); наличие долгой гласной в имени, что представляет фонетическую трудность для русскоговорящих (*Jana – Jaana, Lena – Leena*); наличие двойной согласной в имени (*Mila – Milla, Jana – Janna*); существование двух аналогичных форм (*Aleksandr – Aleksanteri, Artur – Artturi*); финаль на *-ия* в русском имени, которое на финском произносится как *-иа* (*Marija – Maria, Ksenija – Ksenia*); наличие краткой формы имени (*Tatjana – Tanja, Jekaterina – Katja*). В некоторых случаях все-таки можно найти эквиваленты русским именам в финских именах.

Интерпретация результатов анкетирования в монолингвальных семьях. При анализе собранного материала было выявлено количество имен и соответствующее количество детей по каждому варианту имянаречения (одно имя, два и три имени).

Количество имен	*Число детей*	*%*
Одно имя	14	61 %
Два имени	7	30,5 %
Три имени	2	8,5 %

Естественно, что дети, рожденные в России и переехавшие в Финляндию с родителями, имеют одно имя. Однако в монолингвальных семьях русские родители, которые зарегистрировали своего ребенка, рожденного в Финляндии, предпочитают имянарекать ребенка уже двумя-тремя именами. С помощью анкетирования выявлены следующие мотивы такого имянаречения, свойственные финскому антропонимикону:

а) следование национальной этикетной традиции. Три компонента в имени мотивируются так: «Мы хотели, чтобы у ребенка было три компонента в имени как ФИО, но так как отчества нет, мы дали второе имя»[*];

б) стремление сблизиться с финским обществом: «у всех по два / три имени»;

в) необычное имя для русского социума (ориентация родителей на материнскую культуру): «второе имя часто соединяют с первым, и называют это двойным именем».

В монолингвальных семьях родители придерживались следующей мотивации в процессе подбора имени ребенку:

[*] При цитировании ответов орфография и пунктуация источников сохраняется.

Ответы	График	%	Количество
значение (пр.: Евгений - "благородный")		43.75	7
красивое звучание		75	12
новизна, исключительность		31.25	5
исключительно по принадлежности к корням родного народа		12.5	2
просто очень понравилось		56.25	9
по церковному календарю		12.5	2
нравится короткое или наоборот длинное имя		31.25	5
в честь какого-либо члена семьи (бабушки, дедушки)		31.25	5
в честь знаменитых, известных людей		12.5	2
другое		6.25	1
		Всего ответов:	16
		Не ответивших:	1

Итак, для родителей в монолингвальных семьях на первое место выходит критерий «красивое звучание» (75 %). Больше половины респондентов (56,25 %) ответили, что выбранное имя «просто очень понравилось». Немаловажное для большинства респондентов (43,75 %) имеет значение имени. Наименее популярными способами имянаречения являются: по церковному календарю (12,5 %) и в честь знаменитых / известных людей (12,5 %).

В монолингвальных семьях родители и их родные и близкие используют общие ласкательные имена. Как правило, родственники и близкие используют те формы ласкательных имен, которые используют сами родители. Так, ласкательные формы личного имени *Мирон* используют все члены семьи и близкие: *Мироша, Мирончик, Миро*, а *Милу* родители и близкие родственники зовут *Мили, Милушка, Милка, Милочка, Милашка, Миланя, Милёнок*. Общие для всей семьи ласкательные имена: *Миланя, Милаша*.

Как правило, в монолингвальных семьях, в которых один родитель русскоговорящий, но относится к другой национальности, дети имеют более широкое разнообразие уменьшительно-ласкательных форм личного имени. Например, в одной грузинско-карельской семье, где общий язык – русский, ребенок с именем *Maia* приобретает ласкательные имена от мамы (карелка): *Маюсик, Макусик* и от папы (грузин): *Maku, Makuni, Maiko, Makutsebi*. Интересно, что грузинские и финские уменьшительно-ласкательные формы личного имени в данном случае фонетически очень близки: *Maku* (груз.) – *Maiku* (фин.), *Makuni* (груз.) – *Maikuni, Maikuli* (фин.).

Рассмотрим редкий случай выбора имени, когда родители более понравившееся и часто употребляемое имя регистрируют в официальных документах – в качестве второго имени. Так, ребенка с именем *Aleksanteri Sebastian* мама и папа зовут *Себушка, Себастьянчик, Себусик, Себка*. Родственники и близкие, проживающие в России: *Шурка, Сашенька* (в России используют первое имя: *Aleksanteri* (фин.) – *Александр* (рус.)). Общее для всей семьи ласкательное имя – *Себусик* (то есть сокращенная и уменьшительно-ласкательная гибридная форма от второго финского имени). В таком разнообразии имен ребенка в микросоциуме явственно прослеживается стремление родителей сохранить и поддерживать русскую антропонимическую модель.

Имена детей в полилингвальных семьях. В таких семьях один родитель – русский или русскоговорящий, второй родитель – финн: это семьи, в которых общий язык может быть финским (по преимуществу) или любым другим*.

При анализе собранного материала выявлено количество имен и соответствующее число детей по каждому варианту имянаречения (одно имя, два имени и три имени).

* В ходе проведенного анкетирования и интервьюирования обнаружились семьи, в которых языком семьи является или финский, или английский, или русский, или немецкий.

Количество имен	*Число детей*	*%*
Одно имя	1	8,3 %
Два имени	9	75,2 %
Три имени	2	16,5 %

Таким образом, в полилингвальных семьях отмечено более чем двойное преобладание двух или даже трех имен детей в сравнении с монолингвальными семьями, что свидетельствует о гораздо более тесной связи, аккультурации родителей в финский социум и желании видеть в ребенке (при помощи антропонимической формулы) члена финского общества, ничем не выделяющегося среди своих сверстников. На вопрос о мотивации выбора имени (имен) детей родители дали такие ответы:

Как и в монолингвальных семьях, полилингвальные семьи отдают предпочтение следующим критериям: «красивое звучание» (27 %), «просто очень понравилось» (19,2 %), «значение имени» (15,4 %). Но важно отметить такой факт, который перекликается с предыдущим аспектом (количеством имен ребенка): в отличие от респондентов из монолингвальных семей, русскоговорящие респонденты полилингвальной группы менее заинтересованы имянарекать ребенка исключительно по принадлежности к родным (материнским) корням (3,8 %). В этом, в первую очередь, отражается трансформация самоидентификационной матрицы родителей и видна проекция как на свою жизнь и будущее, так и на жизнь ребенка (детей).

Среди опрошенных полилингвальных семей, в которых мать – русская или русскоговорящая, а отец – финн, детские имена со стороны мамы имеют (как и ожидалось) большое разнообразие уменьшительно-ласкательных форм, например, имя *Нелли* имеет шесть форм: *Нелёнок, Нелечка, Неллюшка, Нелёныш, Нелленька, Нелёк*. Со стороны папы-финна ситуация выглядит иначе: папа зовет именем *Nelli* – в этой форме и полное, и звательное (kutsumanimi) имя в финском языке совпадают (*Nelli*), ласкательной формы данного имени в финском языке нет, и папа не особенно утруждается придумыванием какого-либо аналога ласкательной формы имени дочери, в отличие от своей жены, мамы Нелли. Рассмотрим еще один именной случай в той же семье: имя *Виктор* со стороны мамы имеет пять уменьшительно-ласкательных форм: *Витек, Витёныш, Витюшка, Витёнок, Викторушка*; со стороны папы (финн) – лишь одну форму уменьшительно-ласкательного имени: *Viksu*. Также по национальному признаку вариации форм имени повторяются у родственников и других членов семьи (микросоциум): у русских родственников – *Викторушка, Витюшка*, у финских – *Viksu*. Общее для всей семьи ласкательное имя *Viksu*.

Выводы

Ответы респондентов обнаружили тесную связь между антропонимической и психокультурной (само)идентификациями как родителей, так и ребенка. Разумеется, само-

идентификационные модели родителей и детей могут в чем-то совпадать, но в чем-то и различаться.

Родители понимают, что в поликультурном обществе русское (или иное, не финское) имя ребенка подвергается переинтерпретации и возможным искажениям (способными вызвать стресс и дистресс ребенка). Выбор имени ребенка родителями в инокультурном окружении связан с целым комплексом вопросов, которые родители до рождения ребенка тщательно обдумывают. Ведущими мотивациями для родителей в ситуации имянаречения как в моно- так и в полингвальных семьях являются историко-культурные, языковые (фонолого-фонетические, ассоциативно-смысловые) и религиозные мотивировки имянаречения.

Вместе с тем очевидны различия в антропонимическом (имянаречении детей) поведении родителей в моно- и полилингвальных семьях: в монолингвальных семьях материнская более цепко держит родителей, представляет для них бóльшую ценность, значимость, чем в полилингвальных. Основой и объяснением этого служит социально-поведенческая рамка, которая была описана как *гибридная культура-1*: в моно- и полингвальных семьях в сознании родителей взаимоотношения и пропорции материнской и новой, финской, культур в ее построении различны, что влияет и на мотивировку выбора имен детей.

Список использованной литературы

1. *Гарагуля С.И.* Имя личное как знак идентичности индивида // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. СПб., 2007. Сер. 9. Вып. 4. Ч. 2. С. 108–114.

2. *Гарагуля С.И.* Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен США): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Москва, 2009. 42 с.

3. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.

4. *Комова Т.А.* Концепты языка в контексте истории и культуры. М.: МАКС-Пресс, 2003. 120 с.

5. *Морозова Ю.Г.* Обращения к родственникам в России и Финляндии // Коммуникативное поведение. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2005. Вып. № 23. С. 15–19.

6. *Морозова Ю.Г.* Сходства и различия в антропонимических формулах русского и финского языков и их учет в преподавании РКИ в финноязычной аудитории // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 116. С. 189–193.

7. Практическая стилистика русского языка для учащихся с неродным русским языком: учебное пособие для продвинутого этапа (I–II сертификационные уровни). И.П. Лысакова [и др.]. М.: Русский язык. Курсы, 2007. 168 с.

8. *Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г.* Словарь русских личных имен. М.: Школа-Пресс, 1995. 736 с.

9. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 596 p.

10. *Mathews G.* Global Culture / Individual Identity: Searching for Home in the Cultural Supermarket. London: Routledge, 2000. 224 p.

11. *Nicolaisen W.F.H.* In the beginning was the name& Selected essays by Professor W.F.H. Nicolaisen. Scottish Place-Name Society, 1999. 393 p.

12. *Simmonds F.N.* Naming and identity. Reconstructing Womanhood, Reconstructing Feminism. Writing on Black Women. Edited by D. Jarret-Macauley. L.; N.Y.: 1996, pp. 104–115.

13. *Wallin A.* Monikulttuuriosaaminen: uudistuvan työyhteisön valttikortti. Riihimäki: Klaava Media, 2013. 103 p.

И.В. Крашенинникова
Корпоративный университет
Группы компаний «Волга-Днепр»,
г. Ульяновск

О.В. Ломакина
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
Российский университет дружбы народов,
г. Москва

УДК 81'23

Современные песни в аспекте лингвоэкологии

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о современных массовых песнях в аспекте лингвоэкологии. «Массовая песня» понимается как сольная или хоровая песня, созданная профессиональным композитором, которая рассчитана на массовое распространение как в общественной жизни, так и домашнем быту. Она максимально доступна для всеобщего исполнения и восприятия.

Удовлетворение собственных потребностей, личные интересы, явное пренебрежение по отношению к семейным ценностям и ни к чему не обязывающие межличностные отношения выходят на первый план в популярных песнях. Более того, современный песенный текст является выразителем лингвокультуры, в которой ярко проявляется противопоставление лирического героя всему остальному миру, четко прослеживаются кризис одиночества и мотив смерти, а также ощущение бессмысленной и потерянной жизни.

Ключевые слова: массовая песня, лингвоэкология, массовая культура, языковая травма, песенное творчество.

I.V. Krasheninnikova
"Volga-Dnepr" Corporate University,
Ulyanovsk, Russia

O.V. Lomakina
Orthodox St. Tikhon humanitarian University,
RUDN Univercity,
Moscow, Russia

Modern Songs in the Aspect of Linguoecology

Abstract. This article deals with the popular songs in ecolinguistics. Well-known song is a solo or choral piece created by a professional song writer. It is possible to listen to such kind of songs everywhere: on the radio, TV, in the street and etc.

Mostly popular songs reflect personal interests, loss of family relations and casual relationship. Moreover, the speaker is often contrasted with the whole world, thus he feels lonely, miserable and thinks about death.

Keywords: popular song, ecolinguistics, mass culture, language trauma, song art.

© И.В. Крашенинникова, О.В. Ломакина, 2019

Смена социального строя в 90-е гг. XX в. в нашей стране повлекла за собой крушение прежних идеалов, доминирование либеральных ценностей, приведшее к свободе нравов и изменению системы ценностей, снижению общего уровня образования и культуры. Эти цивилизационные подвижки оказали влияние не только на культуру, но и на язык, охрана которого стала в последнее десятилетие первостепенной задачей. Существует «необходимость в изменении отношения к родной истории, литературе, языку. Без этих духовных столпов, без четко сформулированной национальной идеи невозможно воспитать полноценного гражданина России» [1, с. 14–16].

В связи с возникшей в 90-е гг. ситуацией появилась необходимость в сохранении языка как одного из признаков национальной идентичности, поэтому появление лингвоэкологии как одного из направлений лингвистической науки стало очевидным. Сегодня многие специалисты в этой области квалифицируют лингвоэкологию как дисциплину, в которую, помимо собственно вопросов культуры речи, также вовлекаются вопросы воспитания, морального развития, культурного совершенствования носителей языка.

Согласимся с наблюдением М.М. Раевской, отмечающей важное значение песенного творчества, называя его «мощным и влиятельным ресурсом воспроизводства ценностей и конструирования реальности в современной массовой культуре» [6, с. 65–76].

Выбор массовых песенных текстов в качестве объекта нашего изучения связан с тем, что именно словесно-музыкальные тексты сопровождают человека в современном мире повсюду, а также проникают во все сферы его деятельности.

Под «массовой песней» понимается сольная или хоровая песня, созданная профессиональным композитором (или любителем) и рассчитанная на массовое распространение как в общественной жизни, так и домашнем быту. Общезначимость содержания массовой песни в сочетании с простотой формы, поэтического и музыкального языка, использование певческих голосов в наиболее употребительных регистрах обусловливают ее максимальную доступность для всеобщего исполнения и восприятия [2, с. 238].

В психологическом плане проблематике языкового развития и языковой деградации в исследуемом материале соответствует оппозиция конструктивной и деструктивной направленности песен.

Конструктивная направленность текста – это, прежде всего, ее соответствие понятиям «биофилия», или «жизнелюбие» (данные понятия трактуются как абсолютные синонимы). Базовая оппозиция конструктивности / деструктивности восходит, как уже было показано [4, с. 85], к фундаментальным оппозициям «либидо» и «Танатос» [10], «биофилúя» и «некрофилúя», «жизнелюбие»и «деструктивность» [11]. В психологическом плане общая постановка вопроса «восходит к важнейшей прагматичной цели интегративной психологии – изменить структуры и формы сознания человека, обретающего в результате способность мыслить, рефлексировать, действовать адекватно в соответствующей социокультурной среде» [2, с. 76].

Деструктивная направленность текста связана с понятием «некрофилия», которое Э. Фромм определил как стремление к смерти, разложению и уничтожению [10]. В этом смысле песенные тексты конструктивной направленности в наибольшей степени отвечают требованиям лингвоэкологии и, следовательно, являются «экологичными» текстами. В то же самое время песенные тексты деструктивной направленности в лингвоэкологическом аспекте оказываются «неэкологичными» текстами.

Полезной представляется семиуровневая пирамида установок, предложенная в исследовании А.В. Пузырева [5, с. 54–62], который предлагает выделять семь уровней установок и потребностей личности (перечислим их снизу доверху): установки физического, личностного, межличностного, этнического, социального, принципиального и интегративного характера. На каждом из указанных уровней установок могут наблюдаться как конструктивный, так и деструктивный тренды [5, с. 54–62].

В соответствии с этим экологичность песенного текста проявляется в доминировании установок верхнего порядка (интегративные, социальные, принципиальные и этнические установки), а неэкологичность текста песни проявляется в доминировании установок нижнего порядка (физических, личностных и межличностных установок).

Как известно, популярные и распространенные песенные тексты существуют в современном культурном пространстве и являются значительной частью массовой культуры. Именно массовая культура воплощает массовые идеалы и стереотипы поведения и одновременно с этим транслирует принятые в данной национальной культуре нормы и ценности, образцы жизненных ситуаций и способов их разрешения. Более того, массовая культура заимствует образцы (язык, технологии, стиль и т. п.) из высокой профессиональной культуры [3].

В современной массовой культуре песенный текст прочно занимает свое место, чему прежде всего способствует трансляция различных телепередач («Голос», «Главная сцена»), проведение музыкальных фестивалей («Новая волна», «Супер Дискотека 90-х» и др.). Благодаря активной деятельности продюсерских центров создаются новые группы, «раскручивают» новых исполнителей, песни которых молниеносно становятся хитами. Все это напоминает один большой круговорот: массовые песни звучат на радио, телевидении, в ночных клубах, широко распространяются посредством электронных носителей музыкальной информации и так же быстро «падают» с вершин различных хит-парадов или же вовсе исчезают из теле- и радиоэфира, уступая место новым музыкальным «шедеврам».

Специфика популярных песенных текстов как текстов массовой культуры состоит в том, что они оказываются на вершине лишь на короткое время и, как правило, эпизодически востребованы в определенный исторический период

Удовлетворение собственных потребностей, личные интересы, пренебрежение по отношению к семейным ценностям и ни к чему не обязывающие межличностные отношения выходят на первый план в следующей песне:

Ты прячешь откровенные детали / Как будто мы с тобой друг друга не знали / Мы независимость пересекали (Нюша «Воспоминание»).

В наше время современный песенный текст является выразителем лингвокультуры, в которой ярко проявляется противопоставление *Я* лирического героя всему остальному миру, четко прослеживаются кризис одиночества и мотив смерти, а также ощущение бессмысленной и потерянной жизни: *Кто поверит, я и сам не верю / То ль на счастье, то ли на беду / У меня семь пятниц на неделе / И тринадцать месяцев в году // Я счастливый, как никто! Я счастливый лет уж 100 / Я счастливый! Я не вру! Так счастливым и уйду! (Григорий Лепс «Я счастливый»).*

В подобных песнях отчетливо видны черты, свидетельствующие об утрате национальной самоидентификации и глубоком отрыве от предшествующей культуры (приоритет личного благополучия и т. д.).

К проблемам, негативно влияющим на язык, учёные относят неоправданные заимствования, избыточную аббревиацию, вульгаризацию языка и др. [см.: 7; 9; 11; 12]. Анализ подобных примеров в языке СМИ позволил А.П. Сковородникову и Г.А. Копниной предложить для обозначения подобных явлений термин *языковая травма* – «издержки, которые приходится «платить» языку за слишком быстрое и неоднозначное по своим результатам развитие общества» [8, с. 70]. Учёные предложили классификацию языковых травм в зависимости от типа воздействия на язык: лингвоастенические, лингвотоксические и лингвоперверсивные явления [8]. Представляется возможным утверждать, что наблюдения над отдельными болезнями языка и речи, возникающими в результате их травмирования этими и другими негативными явлениями, необходимо перенести и на другие тексты с целью обобщения и системного описания популярных жанров массовой

культуры, что является перспективным для лингвистики в целом и лингвоэкологии в частности.

Список использованной литературы

1. *Левитская Н.А., Ломакина О.В.* Язык и литература как средства формирования национального самосознания у молодых россиян // X Всероссийская научно-практическая конференция «Образование в России: медико-психологический аспект»: материалы конференции. Т. 2. Калуга: Калужский гос. пед. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2005. С. 14–16.

2. Музыкальная энциклопедия: в 6 томах / Редакционная коллегия: В.А. Белый, В.С. Виноградов, Л.В. Данилевич, М.С. Друскин, О.Е. Левашева, И.И. Моравек, В.В. Протопопов, И.М. Ямпольский, Б.М. Ярустовский. М.: Советская энциклопедия, 1976. 552 с.

3. *Полежаева А.Н.* Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект: дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2011. 206 с.

4. *Пузырев А.В.* Об одной из важнейших проблем психологии, не вошедших в вузовские учебники. Материалы 6-й Всероссийской научной конференции «Язык и мышление»: Психологический и лингвистический аспекты / отв. ред. проф. А.В. Пузырев. М.; Ульяновск: Ин-т языкознания РАН; Ульяновский гос. ун-т, 2006. С. 85–100.

5. *Пузырев А.В., Борисова Е.П., Морозова А.Г.* Направленность хитовых песен радиостанций Европа+, Русское радио, радио DFM и Love Radio в 2012 г. // Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 15–18 мая 2013 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырев. М.: Институт языкознания РАН; Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2013. С. 54–62.

6. *Раевская М.М.* Песенный дискурс как коммуникативное событие: жанровая специфика и современная исследовательская парадигма // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук: сборник статей X Международной научно-методической конференции. Москва, 16 марта 2018 г. М.: РУДН, 2018. С. 65–76.

7. *Савельева Л.В.* Языковая экология: русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во Карел. гос. пед. ун-та, 1997. 143 с.

8. *Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) // Медиалингвистика. 2017. № 4 (19). С. 70–79.

9. *Сметанина С.И.* Медиатекст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.

10. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 635, [5] с. (Philosophy).

11. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: Коллективная монография / Н.Н. Панченко, А.А. Штеба, В.И. Шаховский, Н.Г. Солодовникова, А.В. Пузырев, С.В. Ионова, П.С. Волкова, О.В. Врублевская, Н.И. Коробкина, И.В. Крюкова, Е.Н. Сердобинцева, Н.А. Сребрянская, Л.П. Амири, В.В. Жура, Е.С. Кара-Мурза. В.И. Карасик, Е.Ю. Кислякова, Н.И. Клушина, С.И. Маджаева, А.А. Романов и др. Волгоград, 2013. 450 с.

12. *Юдина Н.В.* Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. 296 с.

Е.В. Максимюк
Сибирский государственный
автодорожный университет,
г. Омск

УДК 81-13:811.1/2

Психоэмоциональные особенности жанрового наполнения речевого портрета подростка (на материале сериала «Деффчонки»)

Аннотация. Статья посвящена жанровому составу речевого портрета подростка. Автором описываются ценностные установки, эксплицированные в речи. Особое внимание уделяется рецептивным особенностям, характерным для подростка, тактикам и стратегиям, которые они применяют в процессе речевой интеракции. Отмечается активное использование языковых средств в качестве инструмента достижения и реализации своих интенций и описано их функциональное своеобразие. Автором фиксируется несовпадение ценностных установок и ориентиров подростков с ценностными ориентирами и установками представителей старшего поколения и описывается стремление к рефлексивной конфронтации, отраженной в речи подростка.

Ключевые слова: жанр, коммуникация, восприятие, языковые средства, подросток.

E.V. Maksimyuk
Siberian State Automobile
and Highway University,
Omsk, Russia

Psychoemotional Perculiarities of the Genre Filling in Teenager's Speech Portrait (Based on TV Series "Deffchonki")

Abstract. The paper is devoted to the genre content of the teenager speech. The author describes the value scales explicated in speech. Special attention is paid to the receptive peculiarities as teenager speech ehavior characteristic as well as to the tactics and strategies applied in the process of speech interaction. Active use of linguistic resources as an instrument to achieve and realize teenager intentions was admitted and depicted with its functional originality. The author fixes opposite values and views of teenagers with representatives of the previous generation. The tendency to the reflective confrontation expressed in teenager's speech was represented in the article.

Keywords: genre, communication, perception, language tools, teenager.

В современной лингвистике проблемы речевой коммуникации как самостоятельного объекта приобрели особую актуальность. Внимание исследователей привлекают специфика различных сфер речевой коммуникации и факторы, определяющие эту специфику; жанровая организация речи; межтекстовые коммуникативные связи; проблемы релевантности понимания сообщения, возможности различных интерпретаций его смысла, явление коммуникативных неудач и др. Ведущим методом исследования при этом становится дискурсивный анализ. Моделирование ментальной сферы предполагает, что говорящий находится внутри своей семиосферы, которая понимается как конгломерат объектов, оценок, фактов и событий. Деятельность говорящего детерминируется по меньшей мере двумя семиотическими моделями мира: национальной и индивидуальной [5, с. 5].

Речевая коммуникация многокомпонентна по своему содержанию. В ее состав входят адресант, адресат, ситуация, интенция, язык как знаковая система, текстовое вопло-

© Е.В. Максимюк, 2019

щение коммуникации [6, с. 5]. Эти компоненты по-разному реализуются в условиях официальной и неофициальной коммуникации, массовой и персонально адресованной, межличностной и социально ролевой, устной и письменной и т. д. Речевое общение имеет свои особенности в каждой из разновидностей речевой культуры народа, поэтому исследователями должны учитываться культурно обусловленные сценарии речевого поведения [1, с. 263].

В последние годы все более детально прослеживается зависимость речевой коммуникации от этнической принадлежности, пола (гендерные исследования речи и языков), возраста, профессии, типа образования, от принадлежности к той или иной речевой культуре, от социальной ориентации человека, его психофизиологических особенностей [2; 3; 4].

Объектом для анализа стала Василиса – самый молодой и самый эксцентричный персонаж из сериала «Деффчонки». Особое внимание было уделено первой серии, поскольку именно эта серия имеет своей целью “involving” (включение) зрителя в событийный континуум, погружение с целью удерживания внимания в течение всего сериала. Стартовая серия должна отразить то, что актуально и интересно для целевой аудитории в возрастном диапазоне 15–25 лет.

Самыми актуальными в речевом дискурсе подростка оказались жанры:

• ***комплимента (20 %):***

(Вася) Лелька, вот это look! Это Федор покупал?

(Леля) Нет, сама.

• ***предложения (20 %):***

(Вася) Может, потом покажешь мне Третьяковку? Может, лучше ЦУМ или клуб «Рай»?

• ***упрека (20 %):***

(Маша) Благодаря этим правилам я выжила в этом городе и встала на ноги.

(Вася) Работаешь официанткой. Это называется – встала с колен, а не встала на ноги.

• ***жалобы (15 %):***

(Вася) У меня тут деньги неожиданно улетели.

Остальные 25 % дискурса организованы рефлексивными жанрами: возражения, согласия, отказа и обещания:

(Вася) Надзирательница, можно подумать, что в 17 лет ты никуда не ходила.

(Маша) Ходила, но это были приличные места.

(Вася) Ага, лавочки, скамейки, подъезды…

В тематическом плане подростка больше всего волнует ***досуг (35 %):***

Пр. (Вася) Поехали к Лельке в пентхаус.

Столь же актуальной является тема ***денег и денежного достатка (30 %)***:

(Маша) Никаких рок-групп, там одни негры.

(Вася) Наш негр – очень крутой барабанщик с Ямайки!

(Маша) Ты хоть знаешь, что там СПИД, наркотики и детская проституция? И вообще неизвестно, что он делает здесь в Москве.

(Вася) Он учится в МГИМО, у него папа – посол.

(Маша) МГИМО – это хорошо. Не могла бы ты давать всю информацию целиком, а не частями, чтобы не создавалось превратное впечатление?

Чуть менее, но все же достаточно актуальной для подростка является тема ***внешности и имиджа (20 %):***

(Василиса пытается увеличить ватой объем груди) (Маша) Что ты засовываешь?

(Вася) Это для имиджа.

(Маша) Это не имидж – это позор!

Оставшаяся часть речевого дискурса (**15 %**) в равной степени раскрывает темы:

• ***будущей профессии (5 %):***

Пр. (Маша Васе) Никаких тебе прослушиваний! Никаких рок-групп! Тебе надо готовиться к поступлению!

(Вася) Надзирательница, можно подумать в 17 лет ты никуда не ходила.

• ***манеры поведения (5 %)*:**

(Вася Павловне) Скрючилась, скукожилась, рожу кирпичом сделала и чешет на работу. А как мы, молодые, ходим: систе – пофиг, подарки – пофиг, пацаны – пофиг, все – пофиг!

• ***одаренности (5 %):***

(Вася) Я в жизни с таким крутым музыкантом не пела. А главное – он сам такой нелепенький, некузявенький: ручки – плеточки, ножки – макаронинки. Но как начал играть, у меня прямо все перевернулось.

В качестве особенностей речевого поведения подростка можно выделить:

1. **Когнитивную глухоту** (подросток не слышит собеседника, убежден в своей правоте):

пр. (Вася обращается к милиционеру) Можно забрать свою сестру, ее сегодня ваши менты, то есть милиционеры замели, то есть задержали? Можно ее освободить?

(милиционер) Нет!

(Вася). А меня к ней посадить?

(милиционер) Нет!

Современный подросток отличается тем, что он мгновенно начинает подбирать альтернативные пути решения, не слышит и не хочет воспринимать отказ:

пр. (Вася обращается к милиционеру) У Вас есть сын? А он, случайно, не сатанист? А то у меня есть диск. Мерлин Менсон. Последний альбом. Ценность. Шеф, командир, начальник, может, договоримся?

(милиционер) Нет!

При этом акцент можно сделать именно на коммерческом способе решения вопросов – предложении материальных благ в обмен на услугу.

Амбивалентность оценки, отсутствие границ (подросток обсуждает и оценивает то, что находится в зоне табу, и таким образом, что человеку становится неловко): оценочная шкала перемешана – плюсы и минусы «в одном флаконе»:

(Вася) По-моему, Пална не сильно разжирела, не намного толще, чем в школе была.

2. **Поверхностность** отношения к человеку (оценка человека по внешности):

(Яша) Здравствуйте, Василиса. Меня зовут Яша. Я играю на 5 разных инструментах: рояле, скрипке, контрабасе, саксе и волынке.

(Вася) Я набираю рок-группу, а не хор мальчиков – одуванчиков.

(Яша) Впрочем, зря вы так! Военный оркестр Великобритании играет на волынке, «Битлз» и «Ролинг стоун» тоже.

(Вася) Если я буду набирать военный оркестр, я тебе первому позвоню.

3. **Утилитарный подход** к любой ситуации:

(Маша) Мама сказала, что посадила тебя в поезд с приличными людьми.

(Вася) Я потом с одной бабкой поменялась за сотку. Делов-то!

4. **Манипулирование близкими** (подростки давят на жалость):

(Вася) Приехала в Москву, сижу, как дура. В контакт стыдно войти. Друзья спрашивают, где была. Что мне ответить – на кухне сидела?

5. **Несовпадение ценностных установок** и ориентиров с ценностными установками представителей старшего поколения:

(В музее экскурсовод) В этой картине художник отразил жизненную драму бедной девушки, которая будет игрушкой в доме богатого и властного старика.

(Вася) Старик-то вот-вот крякнется, а бедная девушка останется со всеми активами и лавандосами. По-моему, эта картина должна называться «Удачный брак».

6. Высокую степень **образности речи**:

(Вася Леле) Очень круто, прямо Перис Хилтон.

(Леля) Я тебя не беру, ты облажаешься и меня опозоришь.

(Вася) Я, как рыбка, вольюсь в твою тусовку.

7. Желание **поучать** взрослых:

(Вася) Сечешь?

(Павловна) Понятно.

(Вася) Не понятно, а ясен перец!

8. **Креативные** способы выражения (словотворчество на базе прецедентных феноменов):

(Вася поет) Вот оно какое, наше лето, делать нефига, и бабок нету, систе будет час нудеть. Ла-а-ла-ла – ла-а-ла-ла!

9. Стремление везде получить свою **выгоду**:

(Вася) Полторы тысячи, и встреча не состоится.

10. **Пререкание**:

(Павловна Васе) Майкл Джексон в твои годы уже платиновый альбом выпустил.

(Вася) С Куинси Джонсом и обезьяна платиновый альбом выпустит.

11. **Стремление приукрасить действительность (вранье)**:

(Вася на вечеринке врет о Леле и себе) Она как была халявщицей, так и осталась. А у меня красная икра в крови, я на ней выросла.

12. **Прямолинейность, максимализм**:

Это Отрадный или отрыжка, здесь мы с девками снимаем квартиру, так себе квартирка, но зато Москва. Москва, это тебе не Саратов! Тут возможности и вообще!

В качестве психоэмоциональных особенностей жанрового наполнения речевого портрета подростка можно отметить экспрессивность, образность эллипсоидного характера, креативность и словотворчество. В речи подростка легко «приживается» и находит применение все странное и необычное (речевые выражения маргинального характера). Наблюдается смешение речевых регистров и стилей. Речь характеризуется постоянной сменой тактик и стратегий на пути к достижению и реализации неречевых целей. Зафиксировано присутствие амбивалентных оценок, связанных с недоформированностью и подвижностью некоторых фрагментов картины мира подростка, в рамках которой материальные блага часто доминируют над духовными.

Список использованной литературы

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 263–305.

2. *Ерофеева Т.И.* Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1991. 135 с.

3. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90–135.

4. *Ляпон М.В.* Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1995. 286 с.

5. *Максимюк Е.В.* Когнитивно-семантическое моделирование образов счастья в дискурсе различных жанровых реализаций. Омск: Изд-во СибАДИ, 2010. 196 с.

6. *Сиротинина О.Б., Гольдин В.Е.* Речевая коммуникация и ее изучение // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 184 с.

Е.Г. Малышева
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
Омск

О.С. Рогалева
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
Омск

УДК 81'42

Медиаобразы сибирских городов в региональных СМИ: опыт сопоставительного анализа

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу медиаобразов двух сибирских городов – Омска и Томска, создаваемых в региональных информационных интернет-СМИ в один период. Рассматривается проблема конструирования медиаобраза посредством использования количественного и качественного контент-анализа, который позволил выявить базовые тематико-аксиологические группы и охарактеризовать особенности формируемых в СМИ медиаобразов регионов. Особое внимание уделено факторам, которые влияют на формирование структуры медиаобраза, а также характеристике аксиологической и когнитивной природы изучаемого феномена.

Ключевые слова: медиадискурс, медиаобраз, контент-анализ, тематико-аксиологические группы, региональные СМИ.

E.G. Malysheva
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

O.S. Rogaleva
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Media Image of Siberian Cities in the Regional Media: Experience of Comparative Analysis

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of media image of two Siberian cities – Omsk and Tomsk, created in regional information Internet media in one period. The problem of media image design addresses through the use of quantitative and qualitative content analysis, which identified the underlying topical axiological groups and describe features of the media image region formed in the media. Particular attention is paid to the factors that influence the formation of media image structure, as well as the characterization of the axiological and cognitive nature of the studied phenomenon.

Keywords: media discourse, media image, content analysis, topical axiological groups, regional media.

Медиаобраз – это репрезентированный в медиатекстах фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивая, непрерывно развивающаяся виртуальная модель того или иного объекта / явления действительности, конструируемая СМИ, которая как отражает, так и рефреймирует и / или формирует знания и представления адресата [3, с. 58].

© Е.Г. Малышева, О.С. Рогалева, 2019

По нашему мнению, медиаобраз – «эластичная» категория, объем которой зависит от специфики дискурса, в котором он конструируется, и медиаполя, в котором функционирует дискурс.

В последнее время в России и за рубежом «интенсивное развитие мультидисциплинарных дискурс-исследований опирается на коммуникативный подход», однако ключевые понятия и терминология связаны с когнитивным моделированием и концептуальным анализом дискурса [1, с. 422].

Одной из продуктивных методик сопоставительного анализа медиаобразов регионов является, на наш взгляд, методика качественного контент-анализа, позволяющая наиболее полно и целостно реконструировать медиаобраз, охарактеризовать его аксиологическую и когнитивную сущность.

По итогам качественного контент-анализа объективируются наиболее частотные тематико-аксиологические группы, которые отражают не только тематические доминанты анализируемых дискурсов, но и прагматические характеристики: превалирующую модальность, оценку, тональность.

Целью такого рода сопоставительного исследования является выявление основных медийных смыслов, транслируемых СМИ различных регионов, и объективированных в медиатекстах когнитивных стереотипов, которые характеризуют медиаобраз города, представляющий собой фрагментарную виртуальную модель реальной действительности.

Материалом для данного исследования послужили новостные тексты региональных интернет-СМИ.

Так, в рамках исследования медиаобраза Омска проанализировано 254 контекста, опубликованных на сайте информационного агентства «Новый Омск» (https://newsomsk.ru). Анализ медиаобраза Томска проведен на материале медиатекстов информационного портала «РИА Томск» (https://www.riatomsk.ru) – 189 контекстов.

Период наблюдения – сентябрь-декабрь 2017 года. В качестве единицы анализа выбрана синтагма – отдельное сообщение в рамках информационного новостного анонса, например: *«Беззащитный бор: Главное управление лесного хозяйства не принимает действенных мер по предупреждению незаконных рубок»* («Новый Омск»); *«Механический “дворник” очистил тротуары Кировского района Томска»* («РИА Томск»).

Проведенный контент-анализ позволяет выделить общие для медиатекстов информационных агентств двух регионов базовые, доминантные тематико-аксиологические группы сообщений, к которым относятся «Дороги», «Здравоохранение», «Культура», «Образование», «Общественный транспорт», «Правонарушения и криминал», «Политика и власть», «Происшествия», «Социальная сфера», «Спорт», «Экология», «Экономика».

Все перечисленные тематико-аксиологические группы можно обозначить как «топики», встречающиеся в любом массово-информационном интернет-дискурсе, однако специфика конструирования медиаобраза регионов проявляется как в частотности репрезентации той или иной группы, так и в соотношении характеристик «положительная / нейтральная / негативная тональность» при освещении событий.

Результаты частотности презентации в медиатекстах названных групп и превалирующей тональности сообщений представлены в следующей таблице:

Тематико-аксиологическая группа	*Контексты количество %*		*Негативная тональность количество %*		*Положительная тональность количество %*		*Нейтральная тональность количество %*	
	«Новый Омск»	*«РИА Томск»*	*«Новый Омск»*	*«РИА Томск»*	*«Новый Омск»*	*«РИА Томск»*	*«Новый Омск»*	*«РИА Томск»*
«Дороги»	15 (6,0 %)	6 (3,2 %)	5 (2 %)	0 (0 %)	10 (4 %)	2 (1,1 %)	0 (0 %)	4 (2,1 %)
«Здравоохранение»	15 (6,0 %)	15 (7,9 %)	7 (2,8 %)	3 (1,6 %)	7 (2,8 %)	6 (3,2 %)	1 (0,4 %)	6 (3,2 %)
«Культура»	20 (7,9 %)	12 (6,3 %)	1 (0,4 %)	0 (0 %)	18 (7,1 %)	5 (2,6 %)	1 (0,4 %)	7 (3,7 %)
«Образование»	7 (2,8 %)	37 (19,6 %)	1 (0,4 %)	4 (2,1 %)	4 (1,6 %)	29 (15,4 %)	2 (0,7 %)	4 (2,1 %)

Окончание табл.

Тематико-аксиологическая группа	*Контексты количество %*		*Негативная тональность количество %*		*Положительная тональность количество %*		*Нейтральная тональность количество %*	
	«Новый Омск»	*«РИА Томск»*	*«Новый Омск»*	*«РИА Томск»*	*«Новый Омск»*	*«РИА Томск»*	*«Новый Омск»*	*«РИА Томск»*
«Общественный транспорт»	13 (5,1 %)	7 (3,7 %)	6 (2,4 %)	2 (1 %)	3 (1,2 %)	2 (1 %)	4 (1,5 %)	3 (1,7 %)
«Правонарушения и криминал»	18 (7,1 %)	14 (7,4 %)	12 (4,7 %)	8 (4,2 %)	1 (0,4 %)	1 (0,6 %)	5 (2 %)	5 (2,6 %)
«Политика и власть»	26 (10,2 %)	10 (5,3 %)	8 (3,1 %)	0 (0 %)	14 (5,5 %)	3 (1,6 %)	4 (1,6 %)	7 (3,7 %)
«Происшествия»	84 (33,1 %)	40 (21,2 %)	71 (27,9 %)	38 (20,1 %)	8 (3,2 %)	2 (1,1 %)	5 (2,0 %)	0 (0 %)
«Социальная сфера»	13 (5,1 %)	11 (5,8 %)	6 (2,4 %)	0 (0 %)	3 (1,2 %)	11 (5,8 %)	4 (1,5 %)	0 (0 %)
«Спорт»	13 (5,1 %)	15 (7,9 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	8 (3,1 %)	8 (4,2 %)	5 (2 %)	7 (3,7 %)
«Экология»	16 (6,3 %)	13 (6,9 %)	14 (5,5 %)	1 (0,5 %)	0 (0 %)	11 (5,9 %)	2 (0,7 %)	1 (0,5 %)
«Экономика»	14 (5,5 %)	9 (4,8 %)	5 (2 %)	1 (0,5 %)	7 (2,8 %)	6 (3,2 %)	2 (0,7 %)	2 (1 %)
Всего:	254 (100 %)	189 (100 %)	136 (53,5 %)	57 (30,2 %)	83 (32,7 %)	86 (45,5 %)	35 (13,7 %)	46 (24,3 %)

В ходе анализа удалось выяснить, что в омских СМИ тематико-аксиологическая группа «Происшествия» является доминирующей среди всех остальных групп. Специфической чертой данной категории контекстов является то, что «Новый Омск» прямо или косвенно (имплицитно) связывает ДТП с проблемами города и региона, например с социальной проблемой алкоголизма или некачественной эксплуатацией дорожного полотна (чаще всего в Омске, по оценке СМИ, ДТП случаются из-за плохого дорожного покрытия, из-за некачественной уборки улицы, из-за гололеда):

Под Омском ***пьяный водитель*** *иномарки, не имеющий прав, влетел в стоящий на обочине КамАЗ* (15.09.2017); *В Омской области в аварии* ***с участием пьяного водителя*** *погиб человек* (29.09.2017); ***Из-за гололеда*** *в Омске за два часа произошло 14 аварий. Пик аварийности пришелся на промежуток с семи до девяти часов утра* (25.10.2017).

Кроме того, в исследуемый период информационное агентство «Новый Омск» многократно обращалось к теме выбросов в Омске; все контексты по этой теме имеют негативную окраску, усиливающуюся за счет публикации конкретных цифр, доказывающих угрозу опасности для жителей города. Журналисты подчеркивают повторяемость происшествий *(«опять», «вновь», «в очередной раз»*):

В Октябрьском округе ***концентрация формальдегида превысила норму в 8 раз*** (29.09.2017); ***Год экологии для Омской области обернулся полным провалом****. Атмосферный воздух в Омске стал опасным для жизни* (12.12.2017).

Однако следует отметить, что, по сравнению с предыдущими периодами жизни региона, которые были исследованы нами ранее [2; 3], медиаобраз Омска трансформировался: преобладает положительная и нейтральная тональность в освещении таких традиционно «проблемных» тем региона, как «Дороги», «Политика и власть», «Экономика» и др. Мы склонны связывать эти изменения как с реальным положением дел (например, с активным ремонтом омских дорог), так и с изменением политических сил в регионе с приходом нового и.о. губернатора.

Традиционно наиболее позитивными чертами медиаобраз Омска обладает в аспекте конструирования «культурной» и «спортивной» медиареальности. Большое внимание уделяется достижениям омских деятелей культуры и спорта, что, безусловно, формирует положительный медиаобраз города как культурной и спортивной столицы Сибири: *Не пытайтесь покинуть ад:* ***премьера в омской драме****. Зрителям представили новый спектакль по пьесе американского драматурга Теннесси Уильямса* (01.12.2017); ***Омский ансамбль «Звонница» с триумфом выступил в Индии.*** *Омские артисты дали в Южной Азии три концерта за семь дней* (18.10.2017); ***Омский хор получил от Путина прези-***

дентский грант (24.12.2017); ***Омские гимнастки*** *получили деньги* ***«за прославление региона»*** (08.09.2017); ***В Омске*** *на Левобережье* ***построят новые спортивные объекты.*** *Спортплощадки и комплекс откроют до конца года* (27.11.2017).

Что касается «РИА “Томск”», то большинство контекстов в группе «Происшествия» также имеет негативную коннотацию. Преобладают семантические единицы, влияющие на формирование негативного медийного образа (*«пострадали», «тяжелые травмы», «погиб», «насмерть», «сбил»* и т. д.). Помимо большого количества контекстов по теме «ДТП», журналисты уделяют внимание бытовым происшествиям. В них конструируются медийные смыслы *‘невнимательность’, ‘неосторожность’, ‘гибель’, ‘рана’, ‘болезнь’*.

Но есть ряд контекстов, относящихся к этой тематико-аксиологической группе, которые формируют положительный медиаобраз Томска. Они связаны, как правило, с действиями специалистов, направленными на помощь лицам, которые столкнулись с бытовыми происшествиями. В отличие от Омска, техногенные происшествия, связанные с выбросами, загрязнением воздуха, практически не встречаются в томских СМИ, была обнаружена лишь одна новость по этому поводу. Кроме того, сообщения о происшествиях разного рода в томских СМИ менее частотны.

Показательным в создаваемых медиаобразах двух сибирских городов является количественная и качественная разница характеристик текстов, относящихся к тематико-аксиологической группе «Образование».

Если в материалах «Нового Омска» эта группа занимает 12-е (последнее) место и составляет всего 7 % от остальных контекстов, то в «РИА Томск» образование на 2-м месте по частотности. В положительном аспекте СМИ характеризует участие студентов и школьников Омска в различных конкурсах и конференциях, а также их творческую деятельность. В то же время можно увидеть сообщения, в которых поднимается проблема коррупции и мошенничества в учебных заведениях, и это негативно влияет на формирование медиаобраза Омска:

Экс-ректор ОмГПУ *Волох* ***присвоил себе 4 млн. рублей****, направленных на творческие мероприятия* (27.11.2017).

В текстах томских журналистов преобладают такие медийные смыслы, как *‘Томск – город для студентов’, ‘В Томске процветает образование’*:

Химики ТГУ создали первую отечественную технологию *синтеза пентамина* (04.12.2017); *Более 20 студентов* ***стали обладателями знака «Будущее Томской области»*** (20.12.2017); ***ТГУ и ТПУ существенно поднялись в рейтинге*** *QS по странам БРИКС* (23.11.2017); ***Четыре томских вуза вошли в топ-300*** *рейтинга QS для стран ЕЕСА* (17.10.2017); ***Российско-китайский центр оценки инноваций будет создан в ТПУ*** (15.12.2017).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов как частного, так и общего характера.

Очевидно, что медиаобраз одного и того же объекта будет отличаться, если рассматривать его в разных типах дискурса и в разных измерениях медиаполя. В данной статье медиаобразы сибирских городов рассматриваются в одном типе дискурса – новостных интернет-СМИ – и в одном измерении медиаполя – региональный медиадискурс. Можно предположить, что медиаобраз изучаемых регионов, созданный, например, в телевизионных региональных или федеральных СМИ, будет отличаться, однако константные черты этого образа, своеобразные стереотипные представления о регионе могут быть сохранены.

Именно типом дискурса обусловлено то обстоятельство, что тематический спектр освещаемых информационными интернет-СМИ событий одинаков в различных регионах. Специфика конструирования медиаобраза обнаруживается в частотности репрезентации той или иной тематико-аксиологической группы, а главное – в актуализации то-

нальности сообщений, оценочности, наконец, в особенностях интерпретации СМИ фактов действительности.

Еще раз подчеркнем, что медиаобразы регионов, с одной стороны, «эластичная категория», подверженная трансформации в связи с целым рядом экстралингвистических факторов, с другой – за медиаобразом объекта может быть закреплен комплекс стереотипных представлений, которые транслируются СМИ на протяжении долгого времени и которые определяют в массовом сознании константные черты, присущие объекту (такие, например, как Омск – театральный и спортивный город, а Томск – сибирская научная столица).

Сказанное позволяет выдвинуть предположение о том, что медиаобразу объекта, в том числе региона, присуща структура поля, ядром которого являются стереотипные представления, которые сформированы достаточно давно и до сих пор активно воспроизводятся в медиатекстах различных СМИ. Эти стереотипные элементы конструируемой СМИ картины мира можно назвать облигаторными.

Периферию названного поля представляют вариативные компоненты модели объекта, которые могут актуализироваться под влиянием фактов действительности, информационной политики СМИ и т. п. в определенный период.

Список использованной литературы

1. *Краснова Т.И.* Направление медиа дискурсивных исследований в России // Журналистика в 2016 году: творчество, профессия, индустрия: сборник материалов междунар. науч.-практич. конф. М.: МедиаМир; Факультет журналистики Московского гос. ун-та, 2017. С. 422–423.

2. *Малышева Е.Г., Гриднев Н.А.* Формирование медиаобраза региона в федеральных информационных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) // Научный диалог. 2016. № 12 (60). С. 134–145.

3. *Малышева Е.Г., Гриднев Н.А.* Реконструкция медиаобраза Омска (на материале текстов регионального телевизионного массово-информационного дискурса и данных ресурса «Медиалогия») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 4 (17). 2017. С. 57–61.

Ю.А. Нелюбина
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

УДК 81

Языковой облик врача в кинодискурсе

Аннотация. В центре внимания статьи находится языковой облик врача в российском кинодискурсе на материале телесериала «Доктор Котов». Главным героем фильма является врач ветеринарной клиники Фёдор Котов. Автор исследует способы вербализации облика врача в кинотексте, приходит к выводу, что образ врача создается, главным образом, благодаря речевому поведению персонажа в прецедентных для него ситуациях. Наиболее продуктивными языковыми средствами создания облика врача являются медицинские термины, профессионализмы и клише, характерные для профессионалов данной сферы.

Ключевые слова: образ профессионала, образ врача, ветеринар, кинодискурс, кинотекст.

Yu.A. Nelyubina
Chelyabinsk State Univeristy,
Chelyabinsk, Russai

Image of Doctor in Film Disourse

Abstract. The article focuses on the linguistic image of the doctor in the Russian film discourse based on the material of the TV series "Doctor Kotov". The protagonist of the film is the doctor of the veterinary clinic Fyodor Kotov. The author researches the ways of verbalization of the image of the doctor in the film text and comes to the conclusion that the image of the doctor is created mainly due to the speech behavior of the character in precedent situations. The most productive means of creating the image of a doctor are medical terms, professionalisms and clichés typical for professionals in this field.

Keywords: professional image, doctor image, veterinarian, film discourse, film text.

Кинематограф – это вид искусства, который оказывает значительное влияние на современного зрителя, он одновременно и отражает картину мира потребителя, и формирует ее. Несомненно, что кинодискурс представляет собой широкое поле для лингвистических исследований (подробнее см.: [3]). В центре кинематографа – человек, а значит, в кругу лингвистических исследований кинодискурса также главенствует человек.

Одной из основных социальных ролей человека, представленного в кинодискурсе, является его профессия, а одной из ключевых профессий, отражаемых в советском и российском кинематографе, является врач. В данном исследовании мы анализируем способы формирования языкового облика врача на примере главного персонажа телесериала «Доктор Котов» (реж. А. Кещян, 2018) Фёдора Котова и его коллег.

Фёдор Котов – врач ветеринарной медицины. До настоящего времени описание образа ветеринарного врача в кинодискурсе не проводилось, что создает особую актуальность данного исследования.

Вопреки распространенному мнению о том, что ветеринар занимается исключительно поддержанием здоровья животных и их лечением, профессиональные компетенции и обязанности врача ветеринарной медицины обширны: «По своей подготовке врач ветеринарной медицины универсален. Это высокоэрудированный специалист широкого профиля. В одном лице он совмещает терапевта, инфекциониста, паразитолога, хирурга,

© Ю.А. Нелюбина, 2019

акушера, токсиколога, санитарного эксперта, педиатра и т. д.» [1]; одной из важнейших задач ветеринара является защита здоровья людей: «Ветеринарная медицина <…> имеет самое непосредственное отношение к охране здоровья людей, благодаря проведению практических мероприятий и научных исследований по разработке надежных методов профилактики болезней, общих для человека и животных или передающихся через них (зооатропонозы), пищевых токсикоинфекций и интоксикаций» [1].

Далее проанализируем языковой облик профессионального врача. Согласно исследованию М.А. Ереминой, профессионал обладает следующими признаками: компетентностью, высокими интеллектуальными способностями, ответственностью, опытом, целеустремленностью, честностью, трудолюбием, пунктуальностью, самообладанием и надежностью [2, с. 84]. Большинством этих признаков обладает и врач Котов в анализируемом кинотексте. Стоит отметить, что профессионалами своего дела в представленном кинотексте являются и другие сотрудники ветеринарной клиники «ЗвероВита».

Облик врача формируется посредством автодискурса:

(1) *«Я ведь не орнитолог, не ратолог, не герпетолог, я хирург. А мне тащат весь вот этот птичий рынок»*.

(2) *«Я ж хирург, а не психотерапевт»*.

Котов всячески подчеркивает свою узкую профессиональную направленность, он является профессионалом только в одной конкретной сфере, в другие он вторгаться не намерен, как мог бы поступить на его месте непрофессионал. Через отрицание других специальностей ветеринарного дела он показывает высокий уровень профессионализма, опыта в своей сфере, ответственности за результат, честность и надежность.

Прецедентная ситуация «Операция» посредством кинодиалога также создает образ врача:

(1) *«Зажим. Тампон. Подсуши тут»*.

(2) *«Кость не задета, дробину я извлек, рану промыл»*.

Использование профессиональной лексики медицинской сферы способствует формированию образа врача – мастера своего дела.

Гетеродискурс представлен характеристиками врача из уст хозяйки ветеринарной клиники Светланы, сотрудников клиники, пациентов:

(1) *«Котов, ты не просто хирург, ты талант»*.

(2) *«Он прекрасный врач»*.

Данные реплики показывают отношение говорящего к врачу, оценивают его высокий профессионализм, опыт, результаты работы.

Периферийные персонажи кинотекста также создают общий образ врача, главным образом за счет гетеродискурса:

(1) *«Игорь Николаевич – очень хороший доктор. Если он говорит, что все в порядке, то значит, так оно и есть»*.

(2) *«Муля на лапку не наступает, ты ее лечить должен»*.

Фраза (1) помогает создать образ компетентного врача, чей диагноз точен ввиду его опыта и профессионализма. Однако не все хозяева пациентов готовы верить на слово врачу, которого считают непрофессионалом, так как имеют свои представления о состоянии питомца. Здесь же хозяйка тойтерьера указывает на прямые обязанности врача – лечение больных.

Языковой облик врача в данном кинотексте также поддерживается парадискурсом – надписями над входами в отделения (Терапевтическое отделение, Хирургическое отделение), надписями на бейджах (Врач-хирург Фёдор Михайлович Котов), на документах (Биохимические исследования), вывесками (ЗвероВита. Ветеринарная клиника).

Все проанализированные средства позволяют создать положительный языковой образ врача ветеринарной медицины. Посредством автодискурса и гетеродискурса создается образ профессионального врача с присущими ему профессионально-деловыми и лич-

ностными качествами, а парадискурс создает общий образ врача в поддержку реальности ситуации.

Список использованной литературы

1. Ветеринария // УО «Витебская ордена «Знака почета» государственная академия ветеринарной медицины. URL: https://www.vsavm.by/vetirinariya (дата обращения: 09.03.2019).

2. *Еремина М.А.* Образ профессионала в русском языковом сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2018. № 7. С. 81–89.

3. *Нелюбина Ю.А.* Кинодискурс как объект лингвистического исследования // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3 (24). С. 71–74.

Л.Б. Никитина
Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

УДК 811.161.1

Человек в интернет-формате традиционного речевого жанра

Аннотация. Статья содержит характеристику речевого жанра «разговор» как феномена интернет-коммуникации, осуществляемой посредством мессенджеров. Данный речевой феномен рассматривается в аспекте речетворческой активности человека по преобразованию традиционных форм устного общения. Установлено, что выбор вербальных и невербальных средств письменного интернет-общения осуществляется в соответствии с коммуникативной целесообразностью и предоставляемой речевым жанром возможностью творческой самореализации человека.

Ключевые слова: речевой жанр, разговор, интернет-коммуникация.

L.B. Nikitina
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

People in the Online Format of Traditional Speech Genre

Abstract. The article contains a description of the speech genre “conversation” as a phenomenon of Internet communication carried out by means of messengers. This speech phenomenon is considered in the aspect of speech-making activity of the person on transformation of traditional forms of oral communication. It is established that the choice of verbal and non-verbal means of written Internet communication is carried out in accordance with the communicative expediency and the possibility of creative self-realization of a person provided by the speech genre.

Keywords: speech genre, conversation, Internet communication.

В контексте размышлений о бесспорном антропоцентризме языка и речи не перестают быть актуальными высказывания М.П. Одинцовой о глобализации образа человека как субъекта языковой концептуализации окружающего мира и как центрального объекта этого мира, познание и языковое отражение которого осуществляется безостановочно: «Образ человека в языковой картине мира – это концентрированное воплощение сути тех представлений о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» [8, с. 309]; «Субъект речи-мысли, что общепризнанно, – главная языковая ипостась человека <…>. Главная потому, что человек в процессе и отдельных актах порождения и восприятия мысли и речи (как формы мысли) творит и развивает и мысль, и язык, и мировидение, и культуру, в частности традиции, нормы, стили, жанры коммуникации <…>» [8, с. 402].

В настоящее время с развитием электронных технологий формируются правила и нормы интернет-коммуникации, возникают новые жанры. Очевидно, что творцом этих жанров является человек, осваивающий новые коммуникативные условия. Однако все новое в языке и речи возникает не на пустом месте: интернет-общение имеет много общего с традиционными коммуникативными практиками, традиционные речевые жанры видоизменяются, предстают в новом формате. Сказанное имеет прямое отношение к ком-

© Л.Б. Никитина, 2019

муникации, осуществляемой посредством мессенджеров, и, соответственно, к речевому жанру, который мы вслед за О.К. Голошубиной называем разговором в мессенджере [2].

Сегодня трудно найти человека, который бы не общался в режиме on-line посредством персонального компьютера или мобильных приложений. Последние, например WhatsApp и Viber, приобрели особую популярность: они делают общение максимально удобным с точки зрения скорости передачи и получения информации. Интересно, что разговор в интернет-формате выбирается даже чаще, чем устный разговор по телефону. На вопрос почему, многие отвечают так: переписку можно совмещать с другими делами, она дает возможность не отвлекать собеседника и не отвлекаться самому; кроме того, не все хочется говорить, иногда лучше «спрятаться» за написанным; и, наконец, письменная форма разговора воспринимается как своего рода игра в виртуальном пространстве.

Как и в устном бытовой разговоре, темами для обсуждения становится все, что волнует, занимает человека в данное время: по преимуществу это темы сугубо бытовые, личные, важные и интересные для собеседников. Общение посредством мессенджеров в равной степени удовлетворяет потребность коммуникантов в получении и передаче информации и желание поболтать, получая от этого удовольствие.

Разговор в мессенджере – это по преимуществу разговор близких людей (родственников, друзей, хороших знакомых), объединенных общими интересами, имеющих общие фоновые знания. Возрастных ограничений в on-line общении нет, хотя молодежь, безусловно, составляет наиболее активную часть пользователей Интернетом и мобильными приложениями.

Посредством мессенджеров происходят и официальные речевые контакты, разговоры (переписка) незнакомых или малознакомых собеседников, однако разговоры такого плана существенно менее частотны и, как правило, кратковременны, имеют целью срочную передачу необходимой информации. В то же время даже официальный разговор в мессенджере в силу ряда обстоятельств (скорости передачи информации, опосредованности и дистантности общения) приобретает черты, свойственные устной спонтанной речи (например, это выражается в отличающихся краткостью репликах-переспросах, вопросах уточняющего характера). Замечено, что даже официальный контакт в мессенджере может отходить от жестких канонов делового общения и приобретать игровой характер.

Статус речевого жанра «разговор в мессенджере» может быть определен в разных контекстах предлагаемых исследователями классификаций и квалификаций речевых жанров.

Так, ориентируясь на концепцию М.М. Бахтина о первичных и вторичных речевых жанрах, можно говорить о вторичности рассматриваемого жанра, его производности от жанра устного бытового разговора; «условия более сложного и относительно высокоразвитого и организованного общения», о которых пишет Бахтин [1, с. 239], применительно к разговору в месенджере – это опосредованная Интернетом естественная письменная речь, в терминологии Н.Б. Лебедевой [5].

Опираясь на концепцию К.Ф. Седова о гипержанровых формах как макрообразованиях, объединяющих в своем составе несколько жанров [7, с. 14], разговор в мессенджере можно квалифицировать как один из жанров в составе гипержанра «разговор», выделяемых наряду с такими жанрами, как разговор по душам, светский разговор и другие виды разговоров, различающихся по разным параметрам, например по тематике, официальности / неофициальности общения, отношениям коммуникантов и т. д. Разговор в мессенджере характеризуется набором возможностей выбора речевых средств выражения внутри жанра, предопределяемых стратегиями и тактиками речевого поведения. Последние обусловливают присутствие в on-line-разговорах речевых актов, характерных для типичных ситуаций повседневной коммуникации: приветствие, совет, упрек, оценка, призыв и многих других, которые по отношению к речевому жанру «разговор в мессенджере»,

вслед за К.Ф. Седовым, можно именовать внутрижанровыми тактиками, представляющими собой «сюжетный поворот в рамках внутрижанровой интеракции» [7, с. 15].

Итак, письменное общение посредством мессенджеров, имеющее много общего с устным бытовым разговором (в частности, и для того, и для другого характерны добровольность, приватность, непринуждённость, тематическое разнообразие, ориентация на ближайшее прошлое и будущее) и отличающееся от него рядом особенностей, главная из которых связана со способом осуществления речевого контакта (связь между устным бытовым разговором и разговором в мессенджере убедительно показана в исследовании О.К. Голошубиной [2]), с одной стороны, породило новый речевой жанр, с другой стороны, расширило возможности традиционного, давно освоенного человеком речевого жанра.

Каким же предстает сам человек в формате этого нового старого жанра? Какие возможности речевой самореализации открылись перед человеком говорящим в связи с новыми коммуникативными условиями?

Во-первых, отметим максимальную свободу выбора общающимися языковых и невербальных средств передачи информации. Кроме лексического и синтаксического разнообразия этих средств, среди которых выделяются разговорные слова, жаргонизмы, обсценная лексика, окказионализмы, акронимы, безличные и неполные предложения, парцелляция, анаколуфы и обрывы, расчленённые и сегментированные синтаксические конструкции и многое другое, что свойственно живой разговорной речи в ее устной форме, отметим разнообразие средств графических (например, эмотиконы, смайлы, эмодзи, стикеры), удовлетворяющих стремление коммуникантов сделать опосредованное мессенджером письменное общение максимально приближенным к живому устному разговору с богатством его интонаций и мимических сигналов. Невербальные сопроводители и заменители речи позволяют компенсировать трудности обратной связи, отсутствие визуального контакта, а их выбор, осуществляемый в соответствии с целями, настроениями, эмоциями коммуникантов, требует от человека определенных творческих усилий: говорящий выбирает иллюстрации для своей речи, как бы создавая картину того, о чем он говорит:

(1) *– 30го! пейнтбол, а потом жарим шашлыки)) восколько, потом еще точно скажу, в часа два наверно?– А мясо брать надо? Ну или еще чего))) – хахах ага каждый со своим шампуром, насаженным мясом приходит)))))))));*

(2) *– Гыгыг, зато там лифтёр! // //Прям как на Титанике – ахахахах а если бы лифтерша была? уже не айс? – Да я особо не смотрела на него, я только удивилась, что там есть чел, обслуживающий лифт))) // Молодой чел)));*

(3) *– Можно устроить барбекю))) // А пока зима просто покататься на горках пока они не растаяли.*

Увлеченные самим процессом общения и стремящиеся к скорости передачи информации, собеседники зачастую не отслеживают качество набора текста, следствием чего является большое количество опечаток, орфографических и пунктуационных ошибок. Наблюдения показывают, что наличие последних в принципе не препятствует взаимопониманию коммуникантов, больше неудобств создают не исправленные пишущим (или неудачно исправленные системой) опечатки, заставляющие возвращаться к написанному, комментировать его и, соответственно, замедлять скорость разговора.

Заметим, что в целом интернет-общение (и в частности общение посредством мессенджеров) сделало особо актуальным вопрос о коммуникативных аспектах правописания, в частности об экспрессивной орфографии, нуждающейся, по мнению Б. И. Осипова, в специальном исследовании [6, с. 202–207].

Отмеченная выше свобода выбора общающимися средств передачи информации объединяет в себе две противопоставленные тенденции: с одной стороны, стремление к соблюдению норм письменной речи, проявляющееся, в частности, в метаязыковой рефлексии, с другой – пренебрежение языковыми правилами по причине элементарной неграмотности или так называемой псевдонеграмотности, «которая хорошо известна нам по разговорной речи знатоков языка, намеренно нарушающих правила, искажающих слова, пародирующих речевые ошибки, смешивающих стили для создания иронического эффекта» [4, с. 170]. В последнем случае мы имеем дело с оригинальностью и нестандартностью языкового выражения в интересах общающихся и шире – с предоставляемой речевым жанром возможностью проявить речетворческие способности (проблема «жанр и творчество» рассматривается В.В. Дементьевым в [3]).

Следовательно, во-вторых, отмечаем лингвокреативную активность общающихся в мессенджере. В интернет-формате можно экспериментировать с орфографией, пунктуацией, графикой, здесь обнаруживается больший простор для трансформации прецедентных единиц и мемов (последние сами по себе являются порождением интернет-коммуникации), в конечном счете разговор в мессенджере как таковой – это своего рода игра, инструментом которой является техническое устройство:

(4) – *пИриУэД!) – Привет – каГдила?) – Нормально. А ты как? – да ничотак, жыВзДаров)*;

(5) – *Здарофф. Ну как ты? – Да ужо лучшее*;

(6) – *Ну што, щи слива ва путя?)*;

(7) – *Всё-)) инциньдент исчерпан – Так ты убежал, трус. – Так ты недо говорила?! // До говаривай! // Дагавариииила роща золотаааааааая!*;

(8) – *этот володя че у кличко уроки брал?))) // «да, утром все не так хорошо складывалось как показал вечер» – Ахаха*.

Сопровождающая разговор в мессенджере языковая игра – это знак того, что для общающихся важна не только информация и скорость ее передачи, но и удовольствие, получаемое от процесса создания текста, возможная ответная реакция собеседника на речетворчество.

Разговор в мессенджере располагает к языковой игре в большей степени, чем устный разговор: здесь задействованы знаки разных семиотических систем, характерных для естественной письменной речи с ее ярко выраженной креализованностью (см об этом в [5]). Интернет-формат расширил инструментарий лингвокреативности за счет сочетания вербальных и графических средств, среди которых языковые знаки, шрифтовое и буквенное оформление текста, разнообразные невербальные сопроводители и заменители речи.

Отмечая творческий потенциал речевого жанра «разговор в мессенджере», нельзя сбрасывать со счетов персонологический аспект проблемы «жанр и творчество»: «Личность играет огромную роль в раскрытии творческих потенций речевого жанра, как и в творчестве вообще» [3, с. 19].

Итак, интернет-формат видоизменил традиционный речевой жанр разговора, создав гибрид устной и письменной речи, придав общению игровой характер посредством соединения в тексте вербального и графического рисунка. Освоение новых коммуникативных условий предоставило человеку широкие возможности выбора между правильным и неправильным, удобным и неудобным, стандартным и оригинальным. Наблюдения показали, что человек в интернет-формате традиционного речевого жанра, балансируя между свободой речевого выражения и стремлением к нормативности, ориентируется, как и в устном общении, на коммуникативную целесообразность, а опосредованная мессенджером коммуникация предоставляет ему новые возможности творческой самореализции, которыми он активно пользуется.

Список использованной литературы

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

2. *Голошубина О.К.* Комплексное моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере»: дис. … канд. филол. наук. Омск, 2005. 175 с.

3. *Дементьев В.В.* Парадоксы жанра: к проблеме «жанр и творчество» // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 8: Памяти Константина Федоровича Седова. Саратов: Издательство «Лабиринт», 2012. С. 7–26.

4. *Елина Е.Г., Фризен М.А.* «Новая грамотность», «новая неграмотность» и речевые жанры // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 168–171.

5. *Лебедева Н.Б.* Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ. Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 4–10.

6. *Осипов Б.И.* К истории русского языка, культуры и письма: Избранные статьи. Омск: ЛИТЕРА, 2014. Т. 1. Развитие языка и методика его преподавания. 448 с.

7. *Седов К.Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.

8. Miscellanea: Памяти профессора М.П. Одинцовой / под ред. О.В. Коротун (Золтнер), Л.Б. Никитиной, Н.В. Орловой. Омск: Полиграфист, 2014. 488 с.

В.В. Петров
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

УДК821.161.1

*Стратегии интерпретации поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в фанфикшн-словесности**

Аннотация. Работа посвящена исследованию границ вариативности поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в фанфикшн-текстах. В работе выделяются три основные повествовательные стратегии, избранные фикрайтерами для моделирования собственного сюжета по мотивам классического произведения. Во-первых, фикрайтеры пародируют гоголевский сюжет, цитируя оригинал или копируя его образы «обратного контраста». Во-вторых, читатели-писатели создают лирические тексты по мотивам «Мертвых душ» в духе дидактической поэзии. В-третьих, авторы фанфиков трансформируют авантюрный сюжет о герое-путешественнике или плуте-соглядатае. В статье отмечается, что нарративные вариации поэмы Гоголя в фанатских сообществах связаны с алогичностью как композиционным свойством поэмы и образом фиктивного читателя в первоисточнике, который может выступать в роли наблюдателя-творца.

Ключевые слова: фанфикшн, «Мертвые души» Н.В. Гоголя, нарративная стратегия, интерпретация, вариативность.

V.V. Petrov
Tyumen State University,
Tyumen, Russia

Strategy Interpretation of N. Gogol Poem's "Dead Souls" in Fanfics-Literature

Abstract. The paper is devoted to the research of boundaries of the variability of N.V. Gogol's "Dead Souls" in fanfiction texts. Author highlight three main narrative strategies, that are chosen by ficwriters. Firstly, ficwriters write a parody on Gogol's work, quoting the source text or copying its images of 'reverse contrast' (V. Nabokov). Secondly, readers-writers create lyrics based on "Dead Souls" in the spirit of didactic poems. Thirdly, fan authors transform the picaresque plot about character-traveler or dodger-spectator. In fanfiction communities the narrative variations of Gogol's work is connected with non-logicality as a peculiarity of its composition and the image of fictional reader in "Dead Souls", who can acts as a spectator and creator.

Keywords: fanfiction, N.V. Gogol's "Dead Souls", narrative strategy, interpretation, varilability.

Интернет-пространство представляет большие возможности для конвертации классической литературы. Тексты школьной программы активно конвертируются в интерактивных сообществах читателей-писателей (*фикрайтеров*). Фикрайтеры не только создают собственные произведения-*фанфики* по мотивам популярной литературы, но и общаются с другими читателями, оценивают и комментируют чужие тексты [1, с. 131]. Интерактивность, незавершенность онлайн-адаптаций позволяет рассматривать фанфики как особую форму дигитальной словесности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00127

© В.В. Петров, 2019

На русскоязычном портале фикрайтеров «Книга фанфиков» [3] существует и регулярно пополняется архив фанатских текстов, написанных по мотивам поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (37 вхождений на 14.01.2019). Корпус текстов по мотивам поэмы неоднороден по своему жанровому составу, по избранным фикрайтерами стилю, хронотопу и другим текстовым элементам. Для определения читательских стратегий интерпретации произведения-первоисточника мы анализируем актантную структуру [2, с. 2160] произведений и рассматриваем, как фикрайтеры трансформируют систему персонажей первоисточника и его жанр, меняют мотивации поступков героев Гоголя.

Одна из наиболее явных тенденций в интерпретации поэмы Н. В. Гоголя заключается в редукции системы персонажей первоисточника. В фанфиках повествовательная модель произведения редуцируется до двухактантной (Чичиков / объект корыстного желания), что связано с пародийной установкой фикрайтеров [8, с. 164]. Читатели-писатели меняют мотивацию главного героя, который жаждет не обогащения, а взаимной любви. Например, в фанфике «Мертвых душ не продадите?» (автор: Создающая) сделка о продаже крестьян оказывается лишь предлогом, под которым Чичиков завязывает романтические отношения с каждым из помещиков. В фанфике мотивация Чичикова снижается, герой-любовник попадает в комические и абсурдные ситуации. В текстах «Chi-Chi Koo!, или Повесть о японском помещике» (автор: Анимешная Губерния) и «Мотылек» (автор: Yakov_Gyro), продолжающих поэму Гоголя, у Чичикова появляется возлюбленная. Другая пародийная стратегия фикрайтеров – создание истории о Чичикове-безумце («Душевный дисбаланс Чичикова», автор: M. Witch), одержимом идеей скупки мертвых душ.

Основными приемами пародирования первоисточника являются цитирование гоголевского текста или копирование его образов «обратного контраста» [7, с. 105]: например, в фанфике «Мертвых душ не продадите?» Плюшкин показан как уязвимый, нуждающийся в сочувствии и сострадании герой абсурда. Несмотря на то что фикрайтеры, прибегая к пародии, снижают стиль классического произведения, они воспроизводят черты абсурдной поэтики Гоголя.

Вторая стратегия интерпретации классического произведения – конвертирование первоисточника в рамках малых лирических жанров (эпиграмма, философское стихотворение, поэтический отрывок). Фанатская лирика отражает читательскую рецепцию жанра «поэмы», который фикрайтерами воспринимается как нестандартный. Так, читатели-писатели, стремясь переписать и дополнить лирические отступления первоисточника, создают поэтический комментарий к гоголевскому сюжету: «Материальная ценность – / Дороже всего, / Духовная... / Они слова не знают сего» («Живые о мёртвом пекутся так сильно…», автор: the Ripper anonymous). Фикрайтеры восстанавливают имплицированную в первоисточнике нравоописательную стратегию автора, которая в поэме нейтрализуется под влиянием «плутовской» традиции [5, с. 331]. Это ведёт к усилению двух лирических характеристик первоисточника. С одной стороны, создавая «философскую лирику» по мотивам произведения Гоголя, фикрайтеры делают более явной философскую монологичность «Мертвых душ». С другой стороны, фикрайтеры трансформируют гоголевский текст в духе дидактической лирики: 1) воспроизводят поучительную интенцию дидактических жанров; 2) актуализируют другой аспект «дидактического»: «когда в данном стихотворении определенной формы трактуются правила этой формы» [9, стб. 202]: «Эй, тройка! стань же мне ответом, / И мчись всё также хорошо» (речь идет о поэтическом ответе «Русь-Тройка!», автор: VeriTectas); «Конец поэмы непристоен: / Вопросов множество у нас, / Я дам на них ответ сейчас» («Мертвые души. Том 2.», автор: Кусочек души). Лирические произведения фанатов связаны с практикой школьной интерпретации «идейного содержания» произведения: например, композиция фанфика «Зарисовка на тему «Мертвых душ»» (автор: Катя Лаврова) отражает структуру учебного сочинения. В фанфиках, где сюжет поэмы представлен в стихотворной форме, оси борьбы и желания

первоисточника нейтрализуются. Если в первоисточнике Чичиков стремится к благосостоянию, желая выгодно купить души, то в стихотворных фанфиках отсутствует описание авантюрной коллизии, а лирический сюжет включает в себя философское рассуждение или медитацию.

Третьей стратегией интерпретации произведения является создание авантюрного сюжета (1/3 от общего корпуса фанфиков) о Чичикове-плуте. В авантюрных фанфиках ось коммуникации (автор / Русь) и ось борьбы (помещики, чиновники) совмещаются: фикрайтеры конструируют историю о бесконечном путешествии Чичикова. Так, в фанфике «Путевые заметки Чичикова» (автор: The Infernal Witch Of Salem) герой странствует по просторам всей Руси, скупает мертвые души и рассуждает о нравах российского помещичьего и крестьянского общества XIX века. В финале Чичиков разоблачает местных жителей, которые пытаются обокрасть его, и сбегает из очередного поместья. Адресантом, помощником и противником Чичикова в фанфике является не конкретный помещик, а «фатум». Подобная нарративная схема частично продиктована сюжетом первоисточника: герой случайно, по навету судьбы, посещает поместье, где хочет купить мёртвые души, но, будучи обманут, терпит фиаско и сбегает. В фанфике «У каждого свои недостатки» (автор: Сара-Бара-Бу) Чичиков, скрываясь от жандармов, переодевается в женское платье и обманывает преследователей. Персонаж романа М. Митчелл «Унесённые ветром» Ретт Батлер принимает персонажа поэмы за свою подругу. В фанфике Чичиков действует как герой-пройдоха: переходит в низшее сословие, оказывается преступником, случайно участвует в подлоге.

Разрабатывая авантюрный сюжет, фикрайтеры конструируют возможный диалог героев Гоголя и персонажей других произведений классической литературы: создается единый «суперканон». В произведении «Горе от школы и его производные» (автор: Фенрир Лаватейн) девятиклассник Чичиков продаёт последнее место в очереди на школьную прививку, за что в итоге вынужден оправдываться перед учителем. Покупателями выступают его одноклассники, тоже герои программных текстов: Татьяна Ларина, Евгений Онегин, Емельян Пугачёв, Остап Бендер. В фанфике «Who's gonna love you like me?» (автор: Mrs. Autumn) Чичиков влюбляется в Печорина, которого он когда-то обманул. В фанфике «Неразделённая любовь» (автор: Syper_OLao) Чичиков приходит в гости к Онегину. Герой Гоголя в фанатских текстах наблюдает за частной жизнью персонажей других произведений русской литературы. Фикрайтеры совмещают в образе Чичикова черты плута-преступника и героя-«свидетеля»: в фанфиках собеседниками героя оказываются рефлексирующие, способные к исповеди герои русской классики (Евгений Онегин, Григорий Печорин и др.). В пространстве «суперканона» повествовательные функции персонажей могут инвертироваться: например, герой Гоголя оказывается адресантом исповеди в окружении обманщиков и авантюристов (кроссовер «Мертвых душ» и «Мастера и Маргариты»: «Мёртвых душ не желаете?», автор: _Nevermore).

В авантюрных фанфиках эксплицируются повествовательные возможности поэмы, которые позволяют сопоставить ее с «литературой подсматривания» [5, с. 332]: Чичиков, как плут-соглядатай, может подсматривать как за частной жизнью другого персонажа, так и за самим процессом создания чужого фикционального мира.

Таким образом, стратегии трансформации поэмы «Мертвые души» в фанатском сообществе обусловлены поэтикой самого первоисточника. Например, в фанфиках реализуется авторская стратегия «нравственного воскресения» Чичикова, связанная с замыслом второго тома: в фанфике «Путевые заметки Чичикова» (автор: The Infernal Witch Of Salem) герой Гоголя, мчась в тройке, описывает пороки человечества и размышляет о своей участи и судьбе Руси.

Нарративные вариации классического повествования связаны с «символико-ассоциативным принципом объединения материала» [6, с. 382] и алогичностью как ком-

позиционным свойством поэмы. Оппозиции живого / неживого, звериного / человеческого, морального / преступного, свойственные первоисточнику, развиваются в фанфиках с открытым травестийным сюжетом (жанры гомоэротической прозы, пародии, фанфики о герое-безумце). Вопреки тому, что читательская точка зрения (читатель «не знает морального исхода» [4, с. 293]) предзадана в первоисточнике, фикрайтеры активно экспериментируют с художественным миром произведения. Это позволяет говорить о том, что неожиданность и «направленность» [4, с. 253] как оппозиция замкнутости и остановки соотносится не только с мотивной структурой поэмы, но и со скрытыми в ней повествовательными возможностями. Эти возможности заданы «стереоскопической» оптикой первоисточника, которая воспринимается фикрайтерами как устойчивый компонент романа: в фанфиках акцентируется повествовательная функция Чичикова-наблюдателя.

Исследование конвертаций поэмы «Мертвые души» в сообществе читателей-писателей позволяет нам выделить одну из ключевых черт повествовательной структуры первоисточника: имплицированный читатель может выступать в романе не только как реципиент идеологического сообщения, но и как носитель творческого видения.

Список использованной литературы

1. *Горалик Л.* Как размножаются Малфои. Жанр «фэнфик»: потребитель масскультуры в диалоге с медиа-контентом // Новый мир. М., 2003. № 12. С. 131–146.

2. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический Проект, 2004. 368 с.

3. Книга фанфиков. URL: https://ficbook.net (дата обращения: 11.02.2019).

4. *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–292.

5. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. 2-е изд, дополненное. М.: Художественная литература, 1988. 413 с.

5. *Манн Ю.В.* Гоголь // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1983–1994. Т. 6. С. 369–384.

6. *Набоков В.В.* Николай Гоголь // В.В. Набоков. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 45–114.

7. *Райнхардт Р.О.* Фанфик как феномен современной художественной литературы: кейс «Евгения Онегина» // Научный диалог. Екатеринбург. 2018. № 4. С. 161–168.

8. *Рукавишников И.С.* Дидактика // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. А-П. Стб. 202–203.

И.П. Ромашова
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
Омск

УДК 81.2Рус-5

Виды дискурсивных технологий

Аннотация. В статье рассматривается понятие «дискурсивная технология», актуальное для современных отечественных и зарубежных дискурс-исследований. Автор предлагает методику анализа дискурсивных технологий, синтезирующую идеи Н. Фэйркло о необходимости исследования в дискурс-анализе не только текстовой составляющей, но и практик создания и применения текстов и методику лингвокогнитивной деконструкции дискурсивных технологий С.Н. Плотниковой. Автор статьи предлагает классификацию дискурсивных технологий. Исследование выполнено на материале корпоративного дискурса.

Ключевые слова: дискурсивная практика, дискурсивная технология, корпоративный дискурс.

I.P. Romashova
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The Types of Discursive Technologies

Abstract. The article discusses the concept of “discursive technology” that is relevant to modern domestic and foreign discourse research. The author proposes a methodology for analyzing discursive technologies, synthesizing the ideas of N. Fairklo about the need for research in discourse analysis not only of the textual component, but also the practice of creating and applying texts with the methods of linguistic-cognitive deconstruction of Plotnikov’s discursive technologies. The author of the article proposes a classification of discursive technologies. The study was performed on the material of corporate discourse.

Keywords: discursive practice, discursive technology, corporate discourse.

Начиная с классического определения Н.Д. Арутюновой, которое довольно часто цитируется в трудах отечественных лингвистов, дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [1, с. 136–137]. Согласно данному определению и подходу ученые преимущественно исследуют то, каким образом внеязыковая реальность влияет на текст, находит в нем отражение, концептуализируется. В ряде направлений изучается также и обратный процесс – воздействие дискурсивных конструктов на внеязыковую реальность: на мнение, установки и поведение людей. Именно такой подход представлен в теории речевого воздействия (П.Б. Паршин, А.Н. Баранов, Г.Г. Почепцов, И.А. Стернин, О.С. Иссерс, Л.А. Киселева, Ю.Ю. Гребенкина и др.), в неориторике (А.Н. Баранов, Г.Г. Хазагеров, В.З. Демьянков, Е.Н. Зарецкая, И.А. Стернин). Значимые наблюдения, касающиеся особенностей конструирования в языке и с помощью языка идеологических ценностей и иных общественных установок, поведения находим в работах когнитологов (Е.С. Гриценко, С.Н. Плотниковой, З.И. Резановой, Е.В. Федосеевой). Изучение диалектики взаимодействия дискурса и общества привело исследователей к представлению о дискурсе как о типе деятельности (И.П. Сусов,

© И.П. Ромашова, 2019

В.В. Красных, А.Г. Баранов, М.Ю. Олешков, В.Е. Чернявская), в том числе со своими практиками и технологиями.

Первоначально представление о дискурсе как о деятельности существовало в лингвистике скорее как метафора. Но осмысление дискурсивных практик конца XX – начала XXI вв. постепенно приводит отечественных и зарубежных ученых к выводу, что дефиниция дискурса как деятельности отражает некоторые особенности его функционирования. В обществе появились профессиональные **дискурс-технологи** (представители медиаиндустрии, маркетологи, PR-специалисты), способные создавать дискурс-проекты и воплощать их в реальность, делая их достоянием сознания и моделью поведения целевых аудиторий. Следствием развития коммуникативно-деятельностного подхода стало включение в терминологический аппарат дискурсивной лингвистики ряда понятий, к числу которых относится и терминосочетание «дискурсивная технология» (С.Н. Плотникова, Л.В. Куликова).

Как уже было отмечено, первоначально такие дискурсивные технологии разрабатывались не лингвистами, а в маркетологами, рекламистами и PR-специалистами. И лишь в 90-е гг. XX века данные технологии стали изучаться филологами: сначала зарубежными в таком направлении, как «критический анализ дискурса», а затем, начиная с 2010-х гг., – отечественными исследователями. Впервые о технологизации дискурсивной деятельности начал писать британский лингвист Норман Фэйркло, который под технологизацией понимал: 1) исследовательскую работу по изучению эффективных коммуникативных практик; 2) разработку дискурсивных конструктов в соответствии с институциональными целями; 3) обучение персонала этим разработанным дискурсивным конструктам [5, с. 71].

В России изучением дискурсивных технологий занимается коллектив ученых Иркутского государственного лингвистического университета, который возглавляет С.Н. Плотникова [4], и филологи Сибирского федерального университета под руководством Л.В. Куликовой [3]. Под дискурсивной технологией (здесь и далее ДТ – *И.Р.*) названные авторы чаще всего понимают **дискурсивные практики создания текста и включения его в социальную деятельность для достижения запланированного технологом эффекта, который чаще всего видится в обеспечении эффективности этой деятельности.** Авторы предлагают методику анализа («деконструкции») ДТ, которая включает, в первую очередь, моделирование того **когнитивного эффекта,** которого добивается дискурс-технолог, а затем проводится анализ языкового и невербального оформления дискурса для достижения запланированного результата.

Для автора данной статьи проблема ДТ стала актуальной в связи с изучением речевых практик отечественных корпораций и корпоративного дискурса. Как показало исследование, корпорации активно используют ДТ, в результате изучения которых мы пришли к следующему пониманию дискурсивных технологий, понимая под этим терминосочетанием применение последовательности дискурсивных практик, пошаговая реализация которых должна обеспечить запланированный когнитивно-перлокутивный эффект. В подобной трактовке мы исходим из общефилософского понимания термина «технология» как «операционального процесса деятельности людей, который позволяет получать одни и те же результаты всем людям, овладевшим технологией» [2, с. 336].

Опираясь на основной методологический принцип изучения ДТ, предложенный в работах С.Н. Плотниковой, Л.В. Куликовой, мы дополнили его изучением тех социальных и дискурсивных практик, которые применяются в отечественных компаниях и организациях при создании и внедрении текстовых разработок в деятельность корпораций.

Исследование позволило выделить три вида дискурсивных технологий (здесь и далее – ДТ).

Первый вид ДТ связан с конструированием таких текстов, которые обеспечивали бы внедрение дискурсивных конструктов в жизнь. Обозначим этот тип «технология кон-

струирования текстов». Основной принцип ДТ первого типа заключается в детальном моделировании в тексте определенной коммуникативной ситуации профессионального общения. Данный тип ДТ мы обнаружили при изучении таких корпоративных текстов, как «речевые модули» (иначе их называют в компаниях «скрипт***ЫI***»). Модули предназначены для формирования новых, эффективных речевых практик персонала. Качественно составленный речевой модуль включает конкретные фразы, которые должен произнести работник в той или иной ситуации профессионального общения, причем произнести со строго определенной интонацией и невербальным сопровождением. Кроме того, в модуле конструируется «дискурс реагирования» – возможные ответные реплики клиента, – а также детальное описан тот когнитивно-перлокутивный эффект, который планируется достичь в результате использования речевого модуля. Основными принципами первой ДТ, как следует из анализа материала, являются: 1) тотальность охвата всех без исключения ситуаций корпоративного общения (в том числе конфликтных и периферийных); 2) модули всегда включают **варианты** речевого поведения персонала (в них коммуникативная ситуация представлена в виде алгоритма и дается на выбор несколько вариантов языкового оформления высказывания).

Исследование также показало, что даже самое тщательное моделирование коммуникативной ситуации в таких текстах не гарантирует достижения запланированного когнитивно-перлокутивного эффекта – того, например, что клиент приобретет продукт или сформирует необходимое мнение о корпорации. Для успешного применения разработанного дискурсивного конструкта в корпорациях используется еще **один тип ДТ (второй)**, который включает практики разработки текстов. Данные практики призваны обеспечить внедрение дискурсивных конструктов в сознание и поведение целевых аудиторий. Анализ текстов речевых модулей, а также изучение экспертных интервью дискурс-технологов, создающих подобные тексты для компаний и организаций, позволило установить, что технология их разработки универсальна и представляет собой ряд последовательно реализуемых этапов, каждый из которых обслуживается определенными речевыми жанрами. (1) Сначала идеи и технологии создания текста обсуждаются с руководством и ведущими специалистами организации в формате беседы, совещания, тренинга или мозгового штурма. (2) Далее из практики успешных специалистов корпораций извлекаются эффективные модели профессиональной коммуникации. (3) Потом создается проект речевого модуля с применением уже рассмотренной ДТ конструирования текста. (4) На следующем этапе проект текста обязательно обсуждается на семинарах и собраниях с менеджерами и работниками. Необходимость данного этапа объясняется тем, что, по мнению экспертов, обсуждение обеспечивает легитимацию новых ДП, т. е. их одобрение персоналом или хотя бы менее критичное восприятие. (5) И, наконец, разработанные речевые модули проходят процедуру институционализации – они закрепляются как нормативные в приказах и распоряжениях компании.

Третий вид ДТ направлен на эффективное включение дискурсивных конструктов в профессиональное общение работников. Применительно к речевым модулям ДТ внедрения заключается в том, что тексты модулей заучиваются корпорантами и отрабатываются на тренингах и мастер-классах. Необходимым этапом ДТ внедрения является контроль за применением речевого модуля. Например, усвоение новых речевых навыков персонала контролируется с помощью такого жанра, как «check-лист», или с помощью интервью «тайный покупатель». Последним обязательным этапом ДТ внедрения становятся **санкции** за неиспользование речевых модулей. Санкции осуществляются в форме приказов, распоряжений, графически (в жанре стенгазеты). Соответственно, речевые жанры собрания, семинара, тренинга, приказа (распоряжения), форм контроля составляют те социальные (и одновременно дискурсивные) практики, которые формируют ДТ внедрения

высокотехнологичных текстов, какими являются речевые модули, в профессиональную деятельность корпорантов.

Таким образом, изучение практик дискурсивного конструирования подтвердило мысль Н. Фэйркло о технологизации дискурсивной деятельности. Нашло подтверждение и методологически значимое положение британского исследователя о необходимости трехуровневого анализа дискурса: не только его текстовой составляющей, но и практик разработки текстов, а также способов включения дискурсивных моделей в социальную деятельность. Этот методологически важный принцип, как представляется, позволяет осмыслить новую, **социально-конструкционистскую,** роль дискурса в современном обществе. Думается, что понятие «дискурсивная технология» стало той категорией, в которой отразились представления дискурс-аналитиков о том, каким образом язык вписан («погружен») в жизнь на современном этапе развития постиндустриального общества.

Список использованной литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

2. *Войтов А.Г.* История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. М.: Дашков и К, 2004. 692 с.

3. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография. Красноярск: Сиб. Федер. Ун-т, 2015. 182 с.

4. Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 320 с.

5. *Fairclough N.* Technologisation of discourse // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. N.Y.: Routledge, 1996. P. 71–84.

Е.В. Соловцова
Горловский институт
иностранных языков,
г. Горловка

УДК 81'37:81'367.625(045)

Семантическое поле русских перформативных глаголов современного газетного дискурса

Аннотация. Статья посвящена исследованию перформативных глаголов, зафиксированных в современных российских газетных изданиях и представленных в Национальном корпусе русского языка. Основанием для выделения перформативных глаголов является актуализация в перформативном высказывании иллокутивной силы речевого акта. Произведена классификация перформативных глаголов русского языка, за основу которой принята семантико-грамматическая дифференциация иллокутивных актов, основанная на иллокутивной силе высказывания.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, иллокутивный глагол, перформатив, газетный дискурс.

E.V. Solovtcova
Gorlovka State Pedagogical
Institute of Foreign Languages,
Gorlovka

Semantic Field of Russian Performative Verbs in Modern Newspaper Discourse

Abstract. The article is devoted to the study of illocutionary verbs recorded in modern Russian newspapers and presented in the Russian National Corpus. The basis for distinguishing performative verbs is the actualization of the illocutionary power of the speech act in the performative utterance. The classification of the performative verbs of the Russian language is made taking the semantic-grammatical differentiation of illocutionary acts as a basis that is grounded on the illocutionary power of the utterance.

Keywords: lexical-semantic field, lexical-semantic group, illocutionary verb, performative, newspaper discourse.

Функционирование перформативных глаголов в текстах средств массовой коммуникации, в частности газет, их системные и специфические текстовые характеристики представляют особый интерес для прагмалингвистического исследования. Перформативные глаголы являются эксплицитным средством выражения интенции адресанта и средством осуществления влияния на получателя информации.

Перформативность является уникальным феноменом, выраженным специфическим глаголом и реализованным в коммуникативном контексте перформативного высказывания. В центре такого высказывания находится глагол, обозначающий действие, которое совершает говорящий в момент произнесения этого глагола, то есть это высказывание, эквивалентное поступку.

В данном исследовании нас интересует прямое, эксплицитное выражение речевого акта, то есть использование перформативного глагола в его классической форме (1-е лицо единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения активного залога).

© Е.В. Соловцова, 2019

Теория перформативности была предложена Дж. Остином. На основе сближения иллокутивных функций речевых и перформативных актов иссследователь выделяет такие типы перформативных глаголов: вердиктивы, экзерситивы, коммиссивы, бехабитивы, экспозитивы [3, с. 119]. Развивая идеи своего предшественника, Дж. Серль разграничивает иллокутивный акт и пропозициональное содержание иллокутивного акта и предлагает следующие составляющие классификации иллокутивных актов и, следовательно, оформляющие их классы перформативных глаголов: ассертивы, комиссивы, директивы, декларативы, экспрессивы [4, с. 178].

Анализ работ Ю.Д. Апресяна [1], И.М. Кобозевой [2], Н.Н. Формановской [5] и др., в которых предметом анализа являются перформативные глаголы и высказывания русского языка, позволяет сделать вывод: исследования этих языковедов основываются на теории Дж. Остина и Дж. Серля.

Наиболее полно вопрос перформативности в российском языкознании разработан в исследованиях Ю.Д. Апресяна. При классификации перформативных глаголов на материале русского языка ученый учитывает лексический и грамматический аспекты. Ю.Д. Апресян выделяет в русском языке 15 тематических групп перформативных глаголов, называя их каноническими, так как каждый из глаголов оформляет определенный иллокутивный акт: сообщения, утверждения, признания, обещания, просьбы, предложения и советы, предупреждения и предсказания, требования и приказы, запреты и разрешения, согласия и возражения, одобрения, осуждения, прощения, речевые ритуалы, социализированные акты передачи, отчуждения, отмены, отказы, называния и назначения [1, с. 200–202]. Основанием для выделения перформативных глаголов является актуализация в перформативном высказывании иллокутивной силы (содержания речевого акта) с помощью ИГ в определенной форме.

Совместив выделенные Ю.Д. Апресяном группы перформативных глаголов, отражающими в большей мере семантическую дифференциацию перформативных высказываний, с классификацией Дж. Серля, в основе которой лежит иллокутивная сила (цель высказывания), произведем классификацию перформативных глаголов русского языка на материале российского газетного дискурса:

1. Перформативные глаголы, эксплицирующие **ассертивную интенцию**:

1) сообщения и утверждения: *докладывать, допускать, извещать, информировать, заявлять, заверять, констатировать, напоминать, настаивать, сообщать, уверять, утверждать и др.: – **Свидетельствую**, что это была коварная ложь. Только скромное содержимое оружейной комнаты имелось в наличии у сторонников Верховного Совета* (Э. Лимонов. Русские стреляли в русских // Известия, 2013.10.03);

2) согласия и возражения: *возражать, отрицать, отклонять, признавать, оспаривать, протестовать, соглашаться и др.: А значит, я **признаю** факт, что если ты любишь, если ты щедр, то с тобой случается хорошее* (В. Иванова. Джейсон Флеминг: «Вий у каждого свой» // Известия, 2014.01.27).

2. Перформативные глаголы, эксплицирующие **комиссивную интенцию**:

1) обещания: *давать обещание, давать слово, заверять, обещать, уверять и др.: Я все расследую, **обещаю** вам. Я выведу злоумышленников на чистую воду* (А. Беляков. «Пять негритят занялись культурой. Решили, что они вечные, в натуре» // РБК, 2013.07);

2) клятвы: *зарекаться, клясться, присягать* и др.: ***Клянусь**, что это будет совершенно другой бой – «разорву» оппонента* (Э. Сержан. Руслан Проводников: «Злые языки меня хоронят живьем» // Известия, 2014.06.19);

3) гарантия и поручительство: *гарантировать, ручаться: **Гарантирую**, что отныне в секторе Газа будет изначальная бесплодная пустыня* (О. Бакушинская. Дурной пример, 2005.08);

4) обязательство: *брать обязательство, давать обязательство, обязываться: Владимир Познер: – Когда я* ***беру обязательство*** *сделать работу, должен выполнить ее.* (Что вы делаете, когда не успеваете справиться с работой?, 2008.08).

3. Перформативные глаголы, эксплицирующие **директивную интенцию**:

1) просьбы: *просить, ходатайствовать*: *Я* ***прошу*** *граждан проявить благоразумие и разблокировать работу государственных органов* (Я. Соколовская. Киевская встреча ОБСЕ не сможет примирить майдан и власть // Известия, 2013.12.04);

2) требования: *требовать*: *Я* ***требую****, чтобы тут не было ни одного журналиста, мне пиар не нужен!* (Л. Брагина. Собачья жизнь Филиппа Киркорова // Труд-7, 2009.11);

3) мольба: *заклинать, молить, умолять: Только об одном тебя* ***заклинаю*** *– ни в коем случае не говори, что он тебя не устраивает как мужчина* (Б. Войцеховский. Наши комплексы в постели // Комсомольская правда, 2002.06.20);

4) предложения и советы: *предлагать, рекомендовать, советовать и др.:* ***Советую*** *всем, кто собирается купить диковинного зверька, подумать, сколько их гибнет при отлове и перевозке* (А. Велигжанина. Нелегальная перевозка экзотических животных: Кобра в батоне, лемур в термосе // Комсомольская правда, 2014.07.17);

5) предупреждения и предсказания: *предостерегать, предупреждать, предрекать, предсказывать:* ***Предупреждаю****, что буду жестко, в том числе публично, реагировать на любые попытки оказывать давление на следствие, – подчеркнул министр* (Л. Подобедова. Обыски в «Нафтогазе» остановили переговоры с «Газпромом» // Известия, 2014.03.21);

4) приказы: *велеть, приказывать, повелевать*: **Повелеваю** немедленно снять с него оковы и выгнать вон, чтоб он не развратил этих невинных людей (Я. Лёвен. Удали грех из своего сердца // Труд-7, 2000.08);

5) запреты: *воспрещать,запрещать и др.: – Я категорически* ***запрещаю*** *деятельность всяких экстернов,* ***запрещаю*** *деятельность всяких вечерних школ в Дагестане* (А. Гришин. В Дагестане прикроют «будки по выдаче дипломов» // Комсомольская правда, 2013.10);

6) разрешения: *благословлять, давать право, позволять, разрешать: Однако я ни о чем заранее не задумываюсь, просто* ***позволяю*** *себе плыть по течению* (А. Велигжанина: «Личная жизнь у меня на первом месте. И никак иначе!» // Комсомольская правда, 2013.09.02).

4. Перформативные глаголы, эксплицирующие **декларативную интенцию**:

1) одобрения и осуждения: *винить, обвинять, осуждать, проклинать, хвалить и др.: – Вина лежит на нем самом? – Нет, я* ***обвиняю*** *его маму. Она слегка напоминает тех женщин, которых я видел в Москве – больше заинтересованных в том, как они выглядят, чем в своем ребенке* (Я. Тимофеев. «Пусть ваша консервативная публика ищет причину беды внутри страны» // Известия, 2013.01.17); – *Слуцкого* ***хвалю****, и буду хвалить, пока армейцы будут так играть* (В. Усачев. Валерий Рейнгольд о победе ЦСКА: Слуцкого хвалил, и буду хвалить! // Советский спорт, 2013.07.14);

2) прощения: *оправдывать, прощать и др.: – Слышал о новостях из Самары, – говорит Карлос. – Я* ***прощаю*** *этого болельщика. Желаю ему и его семье здоровья и счастья* (Ю. Яковлева. Карлос готов встретиться с «бананщиком» // Советский спорт, 2012.03.17);

3) конвенциональные специализированные акты: *завещать, объявлять (мужем и женой и т. п.), провозглашать и т. д.: Я* ***провозглашаю*** *немедленное и безоговорочное прекращение огня между вооруженными силами и воюющими группами, при условии, что будет введен эффективный механизм, позволяющий следить за выполнением этого соглашения всеми сторонами», – заявил президент* (О. Радько. В Дарфуре наступил кратковременный мир // Новый регион 2, 2008.11.13);

4) называния и назначения: *назначать, называть, нарекать, провозглашать (суверенитет): – Тогда я* ***назначаю*** *вас исполняющим обязанности до избрания нового главы Ингушетии, – ответил ему Путин* (Е. Кривякина. Глава Ингушетии Евкуров досрочно подал в отставку, чтобы потом снова возглавить республику // Комсомольская правда, 2013.07.04);

5) специализированные акты передачи, отчуждения, отмены, отказа: *завещать, капитулировать, отвергать, отводить (кандидатуру), отказываться (от чего-либо), освобождать (от слова), отменять, отрекаться (от престола), подавать в отставку, посвящать, сдаваться, уполномочивать* и т. д.: *Однажды я даже пошутил по этому поводу и написал Вишневской, что* ***завещаю****, если умру в Париже, срочно нанять «Конкорд», собрать друзей и вместе с моим гробом полететь в Нью-Йорк* (Е. Караколева. «Жить и умирать надо весело!» // Труд-7, 2007.05));

6) признания: виниться, каяться, признаваться, сознаваться: – ***Признаюсь****, я очень хочу, чтобы Артем выступал за «Спартак», – заявил «Известиям» Рейнгольд* (А. Керопян. Мурат Якин намерен сохранить Дзюбу в «Спартаке» // Известия, 2014.06.24).

5. Перформативные глаголы, эксплицирующие **экспрессивную интенцию**:

1) речевые ритуалы:

– благодарность: *благодарить, выражать благодарность, выражать признательность:* ***Выражаю благодарность*** *тысячам полицейских, журналистам и волонтерам. Похитители выполнили требования вернуть ребенка* (М. Сафина. Похитительница мальчика подстригла ему волосы // Комсомольская правда, 2012.04);

– извинение: *извиняться, приносить извинения, просить прощения / извинения:* ***Прошу прощения****, что упомянул не всех, ребята, это невозможно сделать* (В. Вобленко. Свидетельство очевидца: Горячее лето 2010 // Комсомольская правда, 2013.07.30);

– пожелание: желать: ***Желаю*** *всем кандидатам удачи, каждый из них достоин большого уважения и многое сделал для того, чтобы СБР стал таким, какой он есть сейчас* (Г. Маковецкий. «Работа с регионами – основа сильного состава сборной России» // Известия, 2014.05);

– поздравление: *поздравлять: Этих людей я от всей души* ***поздравляю*** *с праздником и желаю, чтобы покоренное ими небо всегда оставалось чистым* (В. Алексеев. Отчего же, десантура, ты ведешь себя, как дура? // Комсомольская правда, 2013.08);

– сожаление: *соболезновать, сожалеть, сочувствовать:* ***Сожалею****, что политические оппоненты используют пожилых людей в своих целях* (А. Туманов. Вице-губернатор Тульской области обозвала старушку «подзаборной бабкой» // Комсомольская правда, 2013.10));

– приветствие и прощание: *приветствовать, прощаться:* ***Приветствую*** *вас всех, независимо от года пребывания и эпохи!* (Е. Несын. Артек – это ностальгия по сказке // Комсомольская правда, 2014.03); *Я благодарю тебя и* ***прощаюсь*** *с тобой, мой славный слушатель, и, похоже, уже навсегда, навсегда, навсегда…* (Н. Варсегов. Исповедь россиянки (без сокращений) // Комсомольская правда, 2007.12);

2) окказиональные перформативные глаголы: *кланяться, крестить, припадать, целовать* и др. Анализ иллюстративного материала дает основания утверждать, что в экспрессивных речевых актах перформативное значение могут приобретать глаголы, не включенные в ряд перформативных. Так называемые окказиональные перформативы обозначают физические действия, жесты, сопровождающие речевую деятельность, например: *Вызвала машину. Пока –* ***целую****… И уехала* (Р. Мурашкина. Дочь Марины Голуб Анастасия: «К виновнику аварии Русакову я ненависти не испытываю...» // Комсомольская правда, 2013.10.09).

Анализ текстов современного газетного дискурса по материалам Национального корпуса русского языка отражает разнообразие употреблений перформативных глаголов, демонстрирующих модели речевых действий и интенции говорящих. Внешние условия коммуникации (языковая ситуация, контексты общения и т. п.) обусловливают взаимопереходы перформативных глаголов не только внутри одного класса, но и между различными их типами.

Список использованной литературы

1. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР: Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. С. 208–223.
2. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
3. *Остин Дж.Л.* Слово как действие// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов: [сборник / общ. ред. Б.Ю. Городецкого]. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
4. *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов: сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
5. *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 408 с.

О.В. Хрипункова
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
г. Санкт-Петербург

УДК 821.161.1

Интернет-коммуникация в творческой рефлексии В.О. Пелевина (на примере произведения «Шлем ужаса»)

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности воплощения интернет-коммуникации в постмодернистском тексте. Автор анализирует своеобразие языка и стиля виртуального общения на примере произведения Виктора Пелевина «Шлем ужаса». Виктор Пелевин является одним из современных авторов, активно использующим ресурсы «компьютерного» языка и модели общения интернет-среды. Его произведение «Шлем ужаса», написанное в форме интернет-чата, представляет собой наиболее яркий пример отражения специфических особенностей виртуального общения людей в произведении современной русской литературы.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, виртуальная реальность, постмодернизм, современная русская литература, постмодернистский текст.

O.V. Khripunkova
Saint-Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

Internet Communication in the Creative Reflection of V.O. Pelevin (on the Example of the Work “The Helmet of Horror”)

Abstract. The article considers the specificities of the embodiment of Internet communication in the postmodern text. The author analyzes the originality of the language and style of virtual communication on the example of the work of Victor Pelevin “The Helmet of Horror”. Victor Pelevin is one of the modern authors who actively uses the resources of the «computer» language and communication model of the Internet environment. His work “The Helmet of Horror” is written in the form of an Internet chat. This work is an example of reflection of specific features of virtual communication of people in the work of modern Russian literature.

Keywords: Internet communication, virtual reality, postmodernism, modern Russian literature, the postmodern text.

Интернет принадлежит к одному из наиболее феноменальных явлений современной культуры. Практически с момента своего появления виртуальное пространство стало существовать как некое самостоятельное образование. Кроме того, оно обладает довольно сильной тенденцией к культурной автономии. Сегодня мировая сеть служит уже не только для обмена информацией. Это целая культурная среда, обладающая специфическими характеристиками, в рамках которой существуют свои собственные правила и нормы поведения. В виртуальном пространстве получил развитие свой особый язык, рождается свой фольклор и свои оригинальные виды искусства.

Интернет-коммуникация все стремительнее врывается в сознание современного человека. Общение людей в чатах, мессенджерах и социальных сетях стало уже вполне ординарным явлением и космополитической чертой нашего времени.

© О.В. Хрипункова, 2019

На рубеже XX–XXI веков филологи все чаще стали обращаться к исследованию влияния компьютерных технологий на современный язык и литературу. Многие исследователи говорят о том, что языковая и литературная среда все живее реагирует на активную компьютеризацию жизни. При этом поэтика художественных произведений современных писателей претерпевает значительную трансформацию под воздействием компьютерного дискурса. Как отмечает исследователь А.Г. Сидорова, литература новейшего времени «становится более технологичной» [8, с. 5].

Одним из современных авторов, активно использующим ресурсы компьютерного языка и модели общения интернет-среды, без сомнения, является В.О. Пелевин. Можно сказать, что «виртуальная компьютерная реальность является для Пелевина средством моделирования собственных текстовых миров» [4, с. 160]. Наиболее яркое воплощение языковые особенности интернет-коммуникации нашли в произведении писателя «Шлем ужаса».

Исследователи творчества В. Пелевина до сих пор не пришли к единому мнению относительно жанровой природы данного произведения. Его определяют как «роман-миф» [2], «драматическую повесть» [3], «пьесу» [1]. Сам автор утверждает, что «Шлем ужаса» не является романом, скорее, «это нечто достаточно внежанровое, ближе к пьесе – пересказ мифа о Минотавре в форме интернет-чата» [5].

Но, на наш взгляд, данное произведение сложно назвать пьесой в строгом понимании данного термина, так как необходимой формой присутствия автора в драматическом тексте являются ремарки. Ремарки формируют отношение читателя или зрителя к тем или иным персонажам, описывают действия и эмоции этих персонажей, определяют хронотоп текста. В «Шлеме ужаса» нет авторских ремарок, вследствие чего данное произведение перестает быть пьесой. Также здесь нет и фигуры повествователя с его позицией и отношением к происходящим событиям, что является характерным для романа или повести.

Поэтому наиболее верным, хоть и несколько необычным определением жанра данного произведения можно считать слово, указанное автором в названии, – «креатифф». «Слово «креатифф» – это иронически переделанное “креатив”»…, что «в жаргоне российских рекламщиков означает идею в широком смысле этого слова» [9]. Креативом может называться не только идея рекламного сообщения, но и форма его подачи. Как правило, «креатив, креативная идея, креативная реклама должны содержать оригинальное творческое решение подачи информации нужной аудитории» [Там же].

Произведение «Шлем ужаса» написано в форме интернет-чата и целиком состоит из реплик персонажей, которые общаются между собой в этом чате, что позволяет проанализировать своеобразие воплощения интернет-коммуникации в художественном тексте.

Исследуя языковые особенности сетевого общения, сегодня можно с определенностью говорить о формировании в виртуальном пространстве своеобразного сленга, который соотносится с определенной субкультурой. Одним из специфических явлений современной интернет-коммуникации является так называемый «албанский язык», широко распространившийся в русскоязычном интернете в начале XXI века и обладающий своими особенными характеристиками и правилами. К наиболее характерным чертам этого «языка» сетевого общения можно отнести проявления ненормативности по отношению к современному русскому литературному языку, формирование собственной специфической «нормы» и системы экспрессивных клише.

В «Шлеме ужаса» «албанский» язык представлен в основном в репликах персонажа, выступающего под именем «Sliff_zoSSchitan» и в меньшей степени в речи остальных участников коммуникации: «[Nutscracker]: Про Слива тоже нельзя сказать, что он ошибки делает. Просто он пишет по-албански» [6].

В «албанском» дискурсе можно наблюдать постоянное искажение орфографической нормы средствами фонетической записи или смены традиционного произношения и

написания: «[Nutscracker]: Они кантралируютт фесь наш разгавор», «[Sliff_zoSSchitan]: Меня ламает всего. Фсе тело болит» [Там же].

«Албанский» язык характеризуют такие явления, как отказ от большинства знаков пунктуации, нерегулярное слияние полнозначных и служебных слов, например, «непомню…», «нисмишно…», «фзеркало», «изтово», «издругово», «патамучто». Часто используется удвоение, а порой и умножение наиболее экпрессивных звуков: «[Sliff_zoSSchitan]: «Меня ташнитть. Здесь пиво имеицца?»; «[IsoldA]: Эта вы дураччитись?; [Romeo-y-Cohiba]: У миня и ф мыслях не была дурачицца» [Там же]. Характерной особенностью «албанского» является использование в письме одновременно кириллицы и латиницы: «Это научный fuckT» [Там же]; либо написание английских слов кириллицей: «Лаберинт сакс!» [Там же].

В языке сетевой коммуникации сформирован свой устойчивый набор экспрессивных идиом, понятных лишь интернет-пользователю: «аццкий сотона», «плюс адин» и т. п.

Герои произведения В. Пелевина часто общаются друг с другом на смеси русского и английского языков, что также является одной из ярких особенностей языка участников сетевой коммуникации: «[IsoldA]: Завтра в три, Ромео. I date your car. [Romeo-y-Cohiba]: Our car»; «[Nutscracker]: (…) Раз есть world wide web, сказал он, должен быть и soul sucking spider») [Там же].

В «Шлеме ужаса» нередки отсылки к реалиям современной жизни: рекламе, описанию интернет-сайтов и т. п.: «[Ariadna]: На флаге была эмблема Merrill Lynch – у них, если помните, такой веселый бычок – и подпись “Be Bullish!”»; «[Organizm(-:] (…) По дизайну то, что на экране, – имитация сайта газеты «Гардиан». Там такая же шапка – «Guardian Unlimited» [Там же].

Некоторые герои произведения активно используют компьютерную терминологию: «[Organizm(-:] В Windows есть скрин-сэйвер, который называется “maze”. Вот он у меня и построен. Только не из пикселей, а из досок. На моей памяти это единственный случай, когда из софта сделали хард» [Там же].

Автор в своем произведении использует также весь обширный графический инструментарий интернет-чатов: «смайлики», «антисмайлики», доллары, «звездочки» и т. п. Например, даже главы не нумеруются, как обычно, а обозначены «смайлами».

Важную роль в интернет-коммуникации играет также самоназвание ее участников, т. е «никнейм», или «ник». Имя в сетевом дискурсе – это первое и самое верное средство самоидентификации участника виртуального общения. «Для сетевой личности nomen всегда est omen. (…) Это, пользуясь юнгианской терминологией, его Персона. Это то, чем сетевая личность хочет быть и казаться...» [7, с. 51]. Никнейм зачастую позволяет участнику виртуальной коммуникации сразу обратить внимание потенциального сетевого собеседника на свой социальный статус, образованность, убеждения и т. п.

Но герои «Шлема ужаса» не сами выбирают свои имена. «Дурацкие обидные прозвища» им раздает незримый режиссер-модератор: «…что касается имени, его не я придумал. Оно само появляется на экране, когда я отправляю сообщение» [6]. Обозначение каждого персонажа произведения тем или иным «никнеймом» наделяет его заданным набором поведенческих характеристик и провоцирует на исполнение определенной роли. «У них имена обязывают, – говорит о Ромео и Изольде Monstradamus, – представь себе, что тебя зовут Ромео. Что тебе остается делать?» [Там же].

В «Шлеме ужаса» читатель имеет дело с полилогом, который не просто вбирает в себя действие, а сам является действием произведения. Речь героев становится их виртуальным (и единственным в рамках произведения) бытием. Она является единственным способом взаимодействия персонажей друг с другом. И даже сам факт существования собеседника подтверждается только его речевыми действиями.

Подобная ситуация, разумеется, порождает сомнения в подлинности собеседника, окружающего мира и самого себя: «[Monstradamus]: … феноменологически она (Ариадна – примеч. автора) существует в виде неясно откуда берущихся сообщений, подписанных “Ариадна”. <…> То же самое может относиться к любому из нас» [Там же].

Представители постмодернизма часто представляют «мир как текст», а «Шлем ужаса» В. Пелевина – это «мир как кто-то, кто скрывается за текстом». И неизвестно, существует ли этот «кто-то» на самом деле. И сами герои произведения, и читатель видят лишь буквы на экране монитора, и никто не знает, кто или что скрывается за этими буквами. Кто угодно может оказаться кем угодно – как реальным участником коммуникации, так и «шуткой модератора» [Там же]. Ведь бытующая в пространстве виртуальной коммуникации гиперреальность (термин Жана Бодрийяра) зиждется на неспособности, а зачастую и невозможности современного сознания отличить реальность от фантазии.

Список использованной литературы

1. *Бавильский Д.* Вы слышите их? // Взгляд (интернет-газета). URL: http://vz.ru/culture/2005/12/13/15575.html (дата обращения: 25.02.2019).

2. *Басинский П.* Ужас «Шлема» // Лениздат. Ру. URL: https://lenizdat.ru/articles/1035663/ (дата обращения: 25.02.2019).

3. *Верницкий А. Пелевин В.* Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре // Новое литературное обозрение. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2006/80/ve25.html (дата обращения: 25.02.2019).

4. *Катаев Ф.А.* Семантика и функции компьютерного дискурса в прозе Виктора Пелевина // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 2 (14). С. 160–168.

5. *Пелевин В.О.* История России – это просто история моды // Газета.Ru. URL: http://pelevin.nov.ru/interview/o-gaz/1.html (дата обращения: 25.02.2019).

6. *Пелевин В.О.* Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре. URL: http://turbo-suslik.info/books/Pelevin_V._Shlem_Ujasa.a6.pdf (дата обращения: 25.02.2019).

7. *Романова Т.П.* Особенности реализации виртуального дискурса в жанровой и номинативной структуре романа В. Пелевина «Шлем ужаса» // Современный роман: Русский и зарубежный / под ред. А.В. Татаринова. Краснодар: ZARLIT, 2010. С. 50–54.

8. *Сидорова А.Г.* Коммуникативные стратегии и культурные практики в поле литературы. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2009. 214 с.

9. Словарь рекламных терминов и жаргонизмов в Интернете. URL: http://propel.ru/slovar/kreative.php (дата обращения: 25.02.2019).

Н.В. Часовский
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

УДК 81

Особенности коммуникации подростков в социальной сети «Instagram»

Аннотация. Статья посвящена специфике общения подростков в социальных сетях. Утверждается, что вовлеченность молодежи в виртуальную коммуникацию возрастает с каждым годом. При этом для большинства пользователей социальные сети, помимо привлекательного канала коммуникации, выступают важным средством самопрезентации. В социальных сетях пользователи находят различные способы общения в соответствии со своими желаниями и намерениями. В качестве объекта исследования избрана социальная сеть Instagram, отличие которой от других заключается в преобладании невербального общения над вербальным.

Ключевые слова: социальные сети, виртуальное общение, невербальное общение, визуализация.

N.V. Chasovsky
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

Features of Teenagers' Communication in the "Instagram" Social Network

Abstract. This article is devoted to the study of modern teenagers' communication in social networks. Involvement in virtual communication of teenagers is increasing every year. At the same time, for most users, besidesthe communicative function, social networks serve as a way of self-presentation. In social networks, users find various ways of communication according to with their desires and intentions. The research object is the Instagram platform. The peculiarity of this social network is the prevalence of non-verbal communication over verbal.

Keywords: social networks, virtual communication, non-verbal communication.

Виртуальная коммуникация и Интернет являются неотъемлемой частью жизни современного человека. При этом быстрыми темпами развиваются мобильные технологии. Все большее распространение получают смартфоны и планшеты, позволяющие общаться онлайн в любое удобное время и в любом месте, где можно подключиться к Интернету. Доступность технологических средств, обеспечивающих доступ к виртуальному общению, а также отсутствие возрастного ценза приводят к снижению возраста пользователей. Следствием этого является увеличение присутствия подростков в виртуальном коммуникативном пространстве, представленном социальными сетями.

Социальные сети для современного подростка служат одним из основных источников познания мира и в то же время являются способом самопрезентации. Instagram изначально являлся приложением для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети, а не отдельной социальной сетью как таковой. Однако на сегодняшний день его принято выделять в отдельную социальную сеть. Количество пользователей с момента запуска приложения в 2010 году выросло до 1 миллиарда в 2018 году [3]. В связи с этим можно смело говорить о высокой популярности данной социальной сети и широком охвате разнообразной аудитории (по национальности, полу, возрасту, географическому положению, политическим и религиозным взглядам и т. д.). Единственным огра-

© Н.В. Часовский, 2019

ничением Instagram является регистрация лица не младше 13 лет. Подростковая аудитория в возрасте 13–17 лет в 2016 году составила 12,3 % пользователей [4], правда, в 2017 году – лишь 7 % [5]. Отмеченная динамика связана не с оттоком подростков, а с регистрацией в Instagram пользователей более старшего возраста.

Итак, Instagram создавался для обмена фотографиями и видеозаписями с возможностью их сопровождения комментариями автора и других пользователей. Другими словами, изначально это была социальная сеть со значительным уклоном именно в визуальное наполнение и использование хештегов (от англ. *hashtag, hash* – знак «решётка», *tag* – метка), чтобы было легче находить фотографии, места и пользователей. Гораздо позже появилась возможность вербального сопровождения публикаций. В 2016 году вышло обновление приложения под названием Instagram Stories. Оно позволяет создавать фото- и 10-секундные видеоизображения с возможностью наложения текста. На сегодняшний день на самих фотографиях комментарии можно писать только в Instagram Stories. Вербальное сопровождение обычных публикаций ограничено и, как правило, выражается в кратком описании публикации или хэштегах. Они служат для раскрытия темы фотографии. По хэштегам другие пользователи могут найти фотографию. Максимальное количество хэштегов в одной публикации – 30.

Для современного подростка Instagram, как и любая другая социальная сеть, в первую очередь является способом самопрезентации. При этом зачастую главный акцент делается на восприятии и демонстрации себя счастливым человеком [6]. Публичность коммуникации приводит к стремлению создавать более привлекательный образ себя. Соответственно, и вербальная составляющая выражается в кратких, лаконичных фразах, описывающих ситуацию, в которой была сделана публикация, и состояние автора. При этом ситуация и состояние могут быть созданы искусственно, не соответствовать реальности.

В последнее время в Instagram набирают популярность видеоролики в стиле Tik Tok, суть которого состоит в сопровождении текста песни невербальными средствами общения – движениями и жестами. В данном направлении стиль самопрезентации подростков отличается по гендерному признаку. Если девушки стремятся выглядеть милыми, то парни стараются привлечь к себе внимание через юмористическую интерпретацию вербальной составляющей песни (что в полной мере отвечает стилю интернет-общения, см. об этом в [1], [2]).

Так, например, в музыкальной композиции исполнителя Diazz «Вся моя» поется:

Девочка, ты знаешь, что ты вся моя:
Губы, руки, шея – ты вся моя.
Со всеми приколами ты вся моя,
Целуй, кусай, но меня ты не оставляй.

В ролике пользователя, размещенном в Instagram, девушка-подросток жестами сопровождает звучащие в песне номинации *девочка, губы, руки, шея*, показывая на себя при слове «девочка» и демонстрируя соответствующие части тела; глаголы *целуй, кусай* также иллюстрируются ею указанными действиями.

В видеоролике пользователя-юноши звучит песня исполнителя LIZER «Корабли»:

Наш корабль идёт ко дну.
Помоги мне, я утону,
Протяни мне свою ладонь,
Наш корабль идёт ко дну…

Фраза «идет ко дну» сопровождается жестом, изображающим идущего человека, с последующим движением кистями рук, при котором указательные пальцы на обеих руках указывают вниз. При словах «помоги мне» ладони сложены в жесте мольбы; на словах «я утону» – нос зажимается одной рукой, а вторая совершает волнообразное движе-

ние. Во время исполнения фразы «протяни мне свою ладонь» ладонь молодого человека протягивается по направлению к камере. Далее движения повторяются.

Большинство авторов публикаций стараются, чтобы жесты как можно точнее соответствовали словам песни, однако довольно часто пользователи просто напевают текст песни и танцуют под нее на камеру.

Каждая публикация обязательно сопровождается хэштегами с использованием латиницы или кириллицы, например: #cover #кавер #rucover #musically_cover #music #slowmotion #musically_rus #мьюзикали #мьюзикли #musical_ly #musicallygirl #musicall #musicallyvideo #musically2018 #russiangirl #tiktok и т. д. Это делается для увеличения количества просмотров и лайков. Стоит отметить, что большинство взрослых пользователей не совсем верно оценивают цели подростков, делящихся подобными публикациями. Желание набрать как можно большее количество просмотров и лайков связано не только со стремлением самореализации в социальном аспекте. Для многих подростков Instagram, с ростом числа подписчиков и лайков, является возможностью заработка денег: за каждые 10000 «живых» подписчиков им могут заплатить от 500 до 5000 рублей.

Таким образом, можно говорить о том, что в отличие от других социальных сетей общение в Instagram в большей степени основано на невербальных способах коммуникации. Вербальное сопровождение выполняет здесь второстепенную роль и используется для облегчения поиска интересующих публикаций по ключевым словам, а также кратких комментариев автора и реципиентов.

Список использованной литературы

1. *Голованова Е.И.* Бдыжь, Блондинко, Мастер йода… и другие (о стратегиях автономинации в Интернете) // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: материалы VI Международной научной конференции. Днепропетровск: Нова ідеологія, 2013. С. 73–76.

2. *Голованова Е.И., Часовский Н.В.* Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 135–141.

3. Добро пожаловать в IGTV // Информационный центр Instagram. URL: https://instagram-press.com/blog/2018/06/20/welcome-to-igtv/ (дата обращения: 30.02.2019).

4. Исследование аудитории Instagram: сервисом пользуется каждый десятый в России, большинство – женщины // Forbs. 2018. URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/343331-issledovanie-auditorii-instagram-servisom-polzuetsya-kazhdyy-desyatyy-v-rossii (дата обращения: 01.03.2019).

5. *Козлова Н.С.* Социальная сеть «Инстаграм» как социально-психологическое явление // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 387–390.

6. Родители идут в Instagram: аудитория приложения старше 35 лет выросла в четыре раза // Forbs. 2018. URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/358331-roditeli-idut-v-instagram-auditoriya-prilozheniya-starshe-35-let-vyrosla-v-chetyre (дата обращения: 01.03.2019).

И.А. Шашков
Стахановский педагогический колледж
Луганского национального университета
им. Тараса Шевченко,
г. Стаханов

УДК (81'42+81.161.1):004

Языковая личность продуцента в религиозном интернет-дискурсе

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию языковой личности продуцента как одного из основных элементов, обеспечивающих успешное функционирование русскоязычного религиозного интернет-дискурса, пространство которого представлено вебсайтами разнообразных религиозных сетевых сообществ. Автор даёт определение исследуемому объекту на основе изучения когнитивно-прагматических средств, используемых в подготовленном гипертекстовом материале, предлагаемом в открытом доступе в русскоязычном сегменте Сети Интернет.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический потенциал, языковая личность продуцента, русскоязычный религиозный интернет-дискурс.

I.A. Shashkov
Stakhanov Pedagogical College
of Taras Shevchenko Lugansk National University,
Stakhanov

Producent's Language Identity in the Religious Internet-Discourse

Abstract. The article is devoted to researching the producent's language identity as one of the main elements providing successful functioning of the russian language religious internet-discourse the space of which is represented by websites of different religious social networks. The author defines the researched object on the grounds of studying cognitive pragmatic tools used in the prepared hypertext material which is freely offered in the russian language segment of the Internet.

Keywords: cognitive pragmatic potential, producent's language identity, Russian language, religious internet-discourse.

Религиозный интернет-дискурс представляет собой вид информационно-дистрибутивной практики (ИДП), функционирование которой в сетевом пространстве, по нашему мнению, способствует реализации когнитивно-прагматического потенциала языковой личности продуцента (ЯЛПр). Возрастающий интерес к изучению разнообразных дискурсивных практик объясняется их масштабностью в сегменте Глобальной Сети, что обусловливает столь же масштабное, постоянно обновляющееся и трансформирующееся присутствие языковых личностей инициаторов (т. е. ЯЛПр) существования дискурсных пространств.

Актуальность исследования определена необходимостью изучения данного типа дискурса с позиции языковой личности продуцента как основного участника и инициатора создания исследуемого типа ИДП, функционирующей в пространстве русскоязычного сетевого сегмента, представленного разнообразными религиозными сетевыми сообществами.

Теоретико-методологической базой послужили работы О.С. Иссерс [2], В.И. Карасика [3], Ю.Н. Караулова [4], Л.Н. Синельниковой [5], а также исследования феномена

© И.А. Шашков, 2019

языковой личности (language identity) интерактантов через призму их участия и реализации в речекоммуникативных процессах, представляющих жанровую организацию различных дискурсивных пространств.

В основу данной работы заложена гипотеза о том, что реализация религиозного интернет-дискурса (РИД) определена когнитивно-прагматическими установками продуцента, воплощаемыми в русскоязычном гипертекстовом материале. Заявленные установки являются основным условием создания и существования того или иного религиозного сообщества и дискурсного образования в частности. Без наличия когнитивных установок продуцента и прагматических средств, используемых им с целью донесения ценностных ориентиров посредством ретрансляции их массовому реципиенту как представителю социокоммуникативного религиозного сообщества, существование исследуемого типа дискурса не может быть возможным в принципе. Следовательно, когнитивно-коммуникативные задачи продуцента направлены на учёт и удовлетворение когнитивно- и социо-коммуникативных потребностей реципиента. Благодаря функционально-технической природе сетевого пространства, в котором реализуется РИД, языковая личность продуцента наделяется статусом авторитетного ретранслятора ценностей, анонсируемых тем или иным религиозным сообществом. Возникает необходимость уточнения самого понятия «языковая личность продуцента» в русскоязычном РИД.

Уместно заметить, что разнообразие трактовок объекта нашего исследования сопоставимо с многообразием трактовок дискурса как лингвистического феномена. На наш взгляд, оба явления взаимозависимы, так как трактовка понятия «языковая личность» напрямую зависит от заложенной когнитивно-прагматической составляющей дискурса / дискурсивной практики, в которой языковые личности участников рассматриваются как субъекты продуцент-реципиентных отношений. «Дискурс даёт возможность подключать к анализу языковой личности факторы широкого диапазона: ментальные, психологические, прагматические и др.» [5, с. 43]. Целесообразно предположить, что исследование объекта с позиций нескольких аспектов (*социолингвистического, лингвокогнитивного и лингвопрагматического*) позволит дать наиболее полное определение понятия «языковой личности продуцента». Например, с позиции *лингвокогнитивного подхода* языковая личность продуцента рассматривается как инициатор ретрансляции знаний, смыслов, ценностей, мнений, намеренно подготовленного информационного материала (Ф.С. Бацевич, Р. Водак, И.С. Шевченко, М. Фуко). С позиции *социолингвистического подхода* языковая личность продуцента представляется как информационный ретранслятор, обладающий определенным авторитетным социо-коммуникативным статусом. Вариации дискурсивных практик обеспечивают разнообразие способов реализации языковой личности участника дискурсивного пространства. С позиции *лингвопрагматического подхода* языковая личность продуцента представляется как участник и компетентный создатель информационно-дистрибутивной практики, реализующейся посредством подбора лингвопрагматических средств в спектре разнообразия коммуникативных ситуаций с учетом социокоммуникативных интенций и потребностей предполагаемого реципиента, подразумевающей адекватную интерпретацию информационного материала, предназначенного для последнего.

В.И. Карасик считает, что языковая личность есть человек, «существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [3, с. 7]. Гипертекстовый материал является средством практического воплощения когнитивно-прагматических установок языковой личности продуцента в пространстве религиозных сетевых сообществ, предлагающих информационный материал на русском языке. Другими словами, гипертекстовый материал является средством, обеспечивающим существование языковой личности в пространстве дискурса. Кроме того, продуцент является инициатором и автором созда-

ния гипертекстового материала, а значит, наделён способностью оказывать воздействие на языковую личность реципиента с целью внушения собственно созданной иерархической системы ценностей. Согласимся с Л.Н. Синельниковой, считающей, что «под языковой личностью понимается особый носитель языка или группа носителей, охарактеризованных с точки зрения использования средств языка для отражения действительности (картины мира)» [5, с. 42].

Принимая во внимание тот факт, что инициатива создания информационного материала и его ретрансляции для социо-коммуникативного общества по сетевым каналам (например, через вебресурсы религиозных сетевых сообществ) принадлежит именно продуценту, то возможно допустить, что объект исследования также наделён и способностью трансформировать концептуальное содержание ценностных ориентиров, а также наделять ключевые концепты иными смыслами посредством анонсирования личностно-приоритетных ценностей, что обеспечивает в результате успешное воздействие на массовую языковую личность реципиента. «Быть субъектом речевого воздействия – значит регулировать деятельность своего собеседника при помощи речи» [2, с. 24]. Эффект манипулятивного воздействия в пространстве русскоязычного РИД обеспечивается к тому же масштабностью и скоростью распространения информации.

Анализ подходов к трактовкам «языковой личности» позволяет квалифицировать **языковую личность продуцента** в русскоязычном религиозном интернет-дискурсе как **компетентного инициатора создания дискурсивного пространства религиозного направления, с присущими ему социо-коммуникативными и когнитивно-прагматическими установками в отношении массовой языковой личности реципиента, реализация которых обеспечивается через гипертекстовые средства**.

Коммуникативно-прагматический потенциал, заложенный в гипертекстовом фрагменте, способствует реализации рассматриваемой дискурсивной практики и достижению ее основной цели: инициировать у реципиента необходимость обратиться к посреднику (церкви и пастору) между ним и Абсолютом с просьбой о рассмотрении определенной проблемы в надежде получить авторитетное решение. Достижение названной цели осуществляется посредством использования совокупности стратегий и тактик, репрезентирующих когнитивно-прагматический интенсионал продуцента. Рассмотрим когнитивно-прагматические особенности реализации языковой личности продуцента на материале жанра «Молитвенная просьба»:

(ОТПРАВИТЬ ПРОСЬБУ О МОЛИТВЕ)[3+4]

«Бывают ситуации[1]*, когда сам не справляешься и нуждаешься в сверхъестественной помощи*[5]*. Если Вам нужна такая помощь*[7]*, напишите нам*[3] *– (вся церковь будет молиться)*[8] *(за Вашу ситуацию)*[1]*)*[2]*.*

(ВАЖНО![4]***)*** *Дорогие друзья! Часто*[1]*(помощь Господа и решение проблемы лежит в простой подсказке)*[6]*, (совете*[6] *(духовного человека). ((Пастор*[3]*прочитывает)*[8+9]*ваши молитвенные просьбы и (также молится о вас)*[8]*. (Возможно, уже есть ответ (на вашу нужду))*[6]*. Если вы оставите*[7]*свой e-mail, (мы сможем прислать вам ((совет*[6]*))*[9] *((пастора*[9]*)* ***«Потому что немудрое Божие премудрее людей), и немощное Божие сильнее людей» (1 Коринфянам 1:25)****»* (http://newlife.by/otpravit-prosbu-o-molitve).`

Разберем совокупность ряда тактик, представляющих когнитивно-прагматический интенсионал языковой личности продуцента и направленных на реализацию стратегии привлечения к участию в молитвенных прошениях / просьбах, а значит – к соблюдению внутренних правил соучастия в дискурсивном пространстве религиозного сетевого сообщества: 1) ***бывают ситуации, ваша ситуация, часто*** (тактика указания на частотность и персональность ситуации способствует восприятию ее как относящейся ко всем и адресату, читающему текст, в частности); 2) ***за вашу ситуацию*** (тактика акцентирования через использование притяжательного местоимения «***вашу***» создает эффект ощущения

заинтересованности в проблеме реципиента); 3) ***ОТПРАВИТЬ ПРОСЬБУ О МОЛИТВЕ, напишите нам*** (тактика косвенного инициирования действия реципиента посредством указания на конкретный вид действия, что выражается через форму глагола в повелительном наклонении; 4) ***ОТПРАВИТЬ ПРОСЬБУ О МОЛИТВЕ, ВАЖНО!*** (тактика обращения внимания читателя через техническое выделение текстового фрагмента строчными буквами и восклицательным знаком); 5) ***когда сам не справляешься и нуждаешься в сверхъестественной помощи*** (тактика демонстрации невозможности принять самостоятельное решение, применение тактики наблюдается в выражении состояния неспособности посредством а) глаголов с негативным значением ***«не справляешься, нуждаешься»***, б) прилагательного, наделяющего предмет необъяснимыми свойствами и признаком чудодейственности, т. е. продуцентом имплицитно закладывается установка на возможность чудодейственной помощи извне); 6) ***Возможно, уже есть ответ на вашу нужду; Помощь Господа и решение проблемы лежит в простой подсказке*** (а) тактика завуалированного способа решить проблему, наблюдаемая в использовании вводного слова ***«возможно»***, которое «выражает не совсем уверенное подтверждение» [1, с. 142] существующей помощи через обращение к Абсолюту; б) тактика наделения Абсолюта особыми способностями и превосходством через выражение простого способа выхода из сложной ситуации, т. е. ***«простой подсказки»*** или ***«совета»***); 7) ***Если вам нужна такая помощь…, Если вы оставите свой e-mail…***. (тактика косвенного побуждения к налаживанию паравербального контакта с медиумом / посредником, в данном случае – пастором посредством канала электронного сообщения); 8) ***вся церковь будет молиться, пастор … также молится о вас*** (тактика ролевой репрезентации церкви как социокоммуникативного сообщества, т. е. группы способных оказать услугу молитвенной просьбы и пастора, наделенного признаком статусного преимущества над сообществом); 9) ***пастор прочитывает…; Мы сможем прислать вам совет пастора*** (тактика репрезентации ведущей роли Мы-посредника между участником и пастором, статус посредника утверждается через соблюдение серии поэтапных обязательных действий: *отправка просьбы → получение и передача Мы-посредником просьбы пастору → прочтение просьбы пастором → сообщение совета Мы-посреднику → сообщение совета пастора посредством Мы-посредника*.

Считаем, что правомерным будет следующий вывод: языковая личность продуцента в религиозном интернет-дискурсе представляется создателем русскоязычного гипертекстового материала ретранслятором ценностно-ориентированной информации, наделённым компетентной способностью намеренного подбора адекватных стратегий, тактик и приёмов, способствующих реализации когнитивно-прагматических установок и достижению перлокутивного эффекта в отношении языковой личности реципиента.

Список использованной литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

2. *Иссерс О.С.* Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

5. *Синельникова Л.Н.* Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 1 (21). Февраль 2013. С. 42–44. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528198.pdf (дата обращения: 01.02.2019).

Раздел 6
ПРЕПОДАВАНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Р.А. Айкенова
Университет «Туран-Астана»,
г. Астана, Казахстан

Ж.М. Искакова
Университет «Туран-Астана»,
г. Астана, Казахстан

УДК 378:44.5

Мультимедиа технологии в обучении неродному языку

Аннотация. В данной статье затрагивается проблема эффективного овладения неродным языком с применением мультимедиа технологий. Рассматриваются технологии применения электронных обучающих средств для максимальной автоматизации упражнений и тестовых заданий в процессе обучения неродному языку. Подчеркивается, что аудирование как вид речевой деятельности служит эффективным средством обучения неродному языку. Использование аутентичных и учебно-аутентичных материалов позволит эффективно осуществлять обучение видам речевой деятельности, поможет результативно осуществить овладение неродным языком.

Ключевые слова: мультимедиа технологии, механизм аудирования, акустические факторы, аудитивные навыки, дидактические принципы, синхронное проговаривание, аудиовизуальный технический комплекс.

R.A. Aykenova
Turan-Astana University,
Astana, Kazakhstan

Zh.M. Iskakova
Turan-Astana University,
Astana, Kazakhstan

Multimedia Technology in Teaching a Second Language

Abstract. This article is devoted to using informative communicative technology in teaching audition that plays an important role in teaching any languages. The main parts of mechanism of using individual computer technology in teaching audition have been separated by the author. They note some peculiarities of their using in pedagogical process.

Keywords: multimedia technologies, listening mechanism, acoustic factors, auditory skills, didactic principles, synchronous speaking, audiovisual technical complex.

В процессе обучения неродному языку одним из важных проблемных вопросов современной методики является обучение аудированиюс применением мультимедиа техно-

© Р.А. Айкенова, Ж.М. Искакова, 2019

логий (ММТ). Процесс овладения неродным языком может быть эффективным, намного облегчает труд обучающего, повышает мотивацию и интерес обучаемых к дисциплине, если использовать максимальную автоматизацию упражнений и тестовых заданий по аудированию. Обучение с помощью электронных обучающих средств облегчает всю процедуру подачи учебного материала и способствует результативному овладению языком.

В лингвистической науке также встречается определение аудирования как смыслового восприятия речи, или восприятия на высшем смысловом уровне, слушание с пониманием, или понимание речи на слух (Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев) [3]. Аудирование можно определить как аналитико-синтетический процесс по обработке акустического сигнала, результатом которого является осмысление воспринятой информации. Механизм аудирования как процесс распознавания слуховых образцов очень сложный и представляет собой многоступенчатое отображение речевого воздействия:

1) восприятия звучащего текста;
2) преобразование исходного сигнала в спектрально-временное представление;
3) слияние и сличение с находящимся в памяти;
4) обработка речевого сигнала в соответствии с уровнями языковой иерархии;
5) вероятностное прогнозирование: контекстуальное или ситуационно-обусловленное;
6) извлечение нужной информации [1].

В процессе обучения неродному языку для достижения поставленной цели, для того чтобы студент понимал иноязычную речь на слух и тем самым был способен участвовать в актах устного общения, необходимо постоянное восприятие речи на слух. Студенты испытывают трудности при восприятии и понимании речи на слух, поскольку она является единственным видом речевой деятельности, при которой от лица, ее выполняющего, ничего не зависит. Так как предмет сообщения и языковые средства определяются говорящим, реципиент вынужден воспринимать сообщение в том виде, в котором оно ему передается. Слушающий бессилен что-либо изменить в выполняемой деятельности, облегчить ее, приспособить к своим возможностям и тем самым создать благоприятные условия для приема информации.

Другим фактором, усложняющим процесс овладения данным видом речевой деятельности, является то, что аудирование требует напряженной психической деятельности, тем самым вызывая быстрое утомление и отключение внимания слушающего. Восприятие связной речи сопровождается сложной мыслительной деятельностью и протекает в особых условиях, определяемых рядом акустических факторов. Отсюда возникает необходимость в упражнениях, направляющих внимание на осмысление содержания воспринимаемой речи. Такие упражнения принято называть речевыми. Как известно, речь – основная составляющая мышления [4].

Аудирование как вид речевой деятельности служит эффективным средством обучения неродному языку и участвует при воспроизведении других видов речевой деятельности, так во время чтения как вслух, так и «про себя» человек пользуется речью, причем в последнем случае внутренней речью. Она позволяет ему контролировать себя и правильность своих высказываний. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что аудирование – один из способов тренировки проговаривания, без овладения которым невозможно воспользоваться остальными видами речевой деятельности (РД). Следовательно, роль аудирования в формировании коммуникативных умений во всех видах речевой деятельности, в особенности говорении, невозможно переоценить. Без умения слушать и понимать речь собеседника не может быть коммуникации. Следовательно, будучи тесно связанным с другими видами речевой деятельности, аудирование играет важную роль в изучении неродного языка.

Ученые выделяют три физически выраженных речевых параметра: интонация, паузация и логическое ударение. Значит, для успешного понимания иноязычного текста следует обратить внимание на развитие у студентов навыков адекватного восприятия интонации, паузации и логического ударения.

Основная сложность при восприятии иноязычной речи заключается в том, что языковая форма долгое время является ненадежной опорой для смыслового прогнозирования, потому что именно на ней концентрируется внимание обучаемого, хотя изменить ее он не может. Путем фильтрации, селекции и приблизительного осмысления необходимо вырабатывать у него способность понимать информацию даже при наличии незнакомых языковых явлений. Студентов необходимо специально обучать умению понимать на слух речь, содержащую незнакомую лексику [2].

Одной из трудностей в формировании аудитивных навыков является отсутствие необходимых фоновых знаний (ментальности, особенностей в выражении мысли носителей языка и т. д.), поэтому, чтобы преодолеть эту трудность, язык, являясь феноменом определенной цивилизации, должен изучаться в контексте этой цивилизации. Данное положение находит отражение в социолингвистическом и социокультурном компонентах коммуникативной компетенции. Для преодоления этой трудности обучающийся должен получать необходимую информацию о стране изучаемого языка и ее народе. В этом смысле источником могут служить учебные фильмы, а также художественные фильмы, в том числе и сериалы, если действие в них происходит в стране изучаемого языка, учебные телефильмы, видеопрезентации и интернет-путешествия, применение учебных компьютерных программ и электронных обучающих средств и т. д. Наилучшая результативность возможна только за счет использования аудиовизуальных источников и применения мультимедиа технологий.

Немаловажное значение имеет акцентирование внимания студентов на специфике поведения носителей языка, знакомство их с обстановкой, в которой происходит акт общения (магазин, метро, аэропорт, учебная аудитория, театр и пр.). Сюжеты актов общения достаточно широко освещены в интернете. Виртуальное участие в различных ситуациях создает реальные условия протекания общения и точно передает необходимые смысловые значения незнакомой лексики, оказывает существенное влияние на поведение общающихся. Просмотр фрагмента или целого фильма позволяет познакомиться с характерными особенностями страны и жизни людей в ней.

В соответствии с поднятой проблемой применения в аспекте обучения аудирования представляет особый интерес такое понятие, как присутствие в аутентичных аудитивных материалах звукового ряда (environmental clues): шум транспорта, разговоры прохожих, звонки телефона, музыка и прочее. Это помогает лучше понять характер предлагаемых обстоятельств, формирует навык восприятия иноязычной речи на фоне разнообразных помех.

В процессе обучения аудированию особая роль отводится использованию аутентичных материалов, которые очень функциональны. Аутентичные материалы – это материалы, взятые из оригинальных источников, которые характеризуются естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью используемых языковых средств.

Применение мультимедиа в процессе обучения аудированию создает иллюзию приобщения к естественной языковой среде, что, по мнению многих ведущих специалистов в области методики, является главным фактором в успешном овладении неродным языком. Обучение естественному современному неродному языку возможно лишь при условии использования материалов, взятых из жизни носителей языка или составленных с учетом особенностей их культуры, в соответствии с принятыми и используемыми речевыми нормами.

Работа над аутентичным материалом приближает студентов к реальным условиям применения языка, знакомит его с разнообразными лингвистическими средствами и готовит к самостоятельному употреблению этих средств в речи. При обучении аудированию на аутентичных материалах достаточно хорошо развивается именно речевой слух, что способствует преодолению трудностей.

Поэтому необходимо широкое применение учебно-аутентичных и подлинно аутентичных записей. Именно в этом аспекте наиболее актуально применение информационно-коммуникативных средств, в частности Интернета, мобильных телефонов, интерактивной доски и т. д.

Необходимость широкого внедрения мультимедиа в обучение неродному языку в вузе обусловлена тем, что их применение раскрывает большие возможности для реализации дидактических принципов: принципа наглядности, индивидуализации, учета индивидуальных способностей, положительной мотивации, управления речевыми действиями.

В методике обучения неродному языку в последние годы активно исследовались учебные возможности ММТ. В результате обобщения опыта и результатов проведенных исследований было установлено, что рациональное применение ММТ позволяет:

1) восполнять отсутствие естественной иноязычной среды на всех этапах обучения;

2) полнее реализовать важный дидактический принцип наглядности;

3) осуществлять обучение с учетом индивидуальных типологических особенностей каждого обучающегося;

4) создавать лучшие условия для программирования и контроля;

5) обеспечивать ускоренное формирование и развитие навыков слухового самоконтроля;

6) максимально использовать аналитические и имитационные способности обучающихся, полнее мобилизовать их внутренние ресурсы;

7) более или менее точно определять качественные показатели иноязычной речи обучаемых в электронной записи;

8) выполнять многие активные виды упражнений со всеми студентами одновременно, включая говорение и другие виды РД.

Современные мультимедиа технологии обладают более широкими возможностями и могут осуществлять функции представления учебного материала блоком или отдельными фрагментами с использованием гиперссылок, различных программ, анимаций и т. д.

Однако не надо забывать о роли виртуального преподавания, мультимедийных учебников, дистанционного обучения, индивидуализации обучения. Эффективна также демонстрация роликов и фильмов на иностранном и изучаемом языке, которые также могут быть источником новых знаний, новой информации, углубления знаний и т. д. Постоянное применение технологий воспроизведения материалов для аудирования, синхронного проговаривания, роль контроля и самоконтроля (электронные тесты) и т. д. достаточно результативны.

Методика обучения языкам с применением мультимедиа имеет некоторые особенности по сравнению с обычными формами педагогического процесса:

1. Во время интерактивного занятия преподаватель превращается из лектора в комментатора. Практика показывает, что основным источником информации в этом случае должен служить именно аудиовизуальный технический комплекс, который позволяет самостоятельно заниматься, сосредоточиться на определенном материале, больше запоминать.

2. Электронная программа должна быть составлена заранее. Преподаватель должен хорошо ориентироваться в материале, знать «точки остановок» для комментариев и разъяснений.

3. Длительное применение любых ММТ утомляет студентов, поэтому их использование должно быть ограничено. Рациональное использование ММТ дает преподавателю возможность нагрузить речевой и слуховой каналы обучаемых разумных пределов и активизировать их речевую деятельность в требуемом направлении.

Использование подобных аутентичных и учебно-аутентичных материалов, представляющих собой естественное речевое произведение, созданное с применением мультимедийных технологий, позволит с большей эффективностью осуществлять обучение всем видам речевой деятельности, особенно аудированию.

Список использованной литературы

1. *Зимняя И.А.* Психология обучения неродному языку. М., 1989. 223 с.

2. Использование современных информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе: учебно-методическое пособие / авторы-составители: Д.П. Тевс, В.Н. Подковырова, Е.И. Апольских, М.В. Афонина. Барнаул: БГПУ, 2006.

3. *Леонтьев А.А.* Деятельность, сознание, язык // Вопросы философии, 1977. № 12. С. 66–68.

Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1990. 270 с.

Г.Н. Боева
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
г. Санкт-Петербург

УДК 372.882

Дискурсивный разлом: восприятие студентами-рекламистами литературных концептов

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования, проведенного среди студентов-рекламистов. Предложенные им для интерпретации литературные концепты, связанные с произведениями школьной программы, получили неоднозначное, неточное, а зачастую и неверное толкование. В качестве причин дискурсивного разлома в восприятии литературных концептов называются изменение социокультурных условий и все большее дистанцирование от классики, а также слабая филологическая подготовка в школе. Делаются прогнозы о возможной в скором будущем потере медиадискурсом литературоцентричности.

Ключевые слова: дискурсивный разлом, литературный концепт, восприятие, литературоцентричность, медиадискурс.

G.N. Boyeva
St. Petersburg State University
of Industrial Technology and Design,
St. Petersburg, Russia

Discursive Break: Perception of Literary Concepts by Advertisement Students

Abstract. The article provides the results of a study, conducted among the advertisement students. Literary concepts taken from works in the secondary school program and offered for explication to the students resulted in vague, imprecise, and often wrong interpretations. Among the reasons of the discursive break in the perception of literary concepts are changes in socio-cultural conditions, an ever-increasing distance from classical literature, and an inadequate philological training in secondary school. A prognostication is made of a possible loss in the near future of literature-centrism in media discourse.

Keywords: discursive break, literary concept, perception, literature-centrism, media discourse.

В современном медиадискурсе русская классика (в ее школьном изводе) – самый мощный источник заголовков, реминисценций и аллюзий. Цитата из классической литературы – знак приобщенности к культуре, надежный способ заручиться поддержкой и пониманием читателя, «тайный код» общего языка. Литературоцентричный в своих истоках, медийный дискурс продолжает сохранять свою преданность Книге.

Всегда ли прецедентные тексты воспринимаются как некие культурные константы – или они меняются с течением временем? А если меняются, то для всех ли носителей национальной культуры? Каким образом обнаруживаются эти метаморфозы?

Ответить на эти вопросы помогает проведенное исследование. Студентам-первокурсникам, будущим рекламистам, было предложено проинтерпретировать с точки зрения смысла и возможных сфер применения в медиасфере / рекламе / журналистике следующие литературные по своему происхождению концепты (связанные исключительно с обязательной программой средней школы): *«маленький человек», «лишний человек», «тургеневская барышня», «бедные люди», «униженные и оскорбленные», «мертвые*

© Г.Н. Боева, 2019

души», «обыкновенная история», «отцы и дети», «обломовщина», «преступление и наказание», «дубина народной войны», «энциклопедия русской жизни», «держиморда», «что делать», «кто виноват», «кому на Руси жить хорошо», «гоголевская шинель», «луч света в темном царстве», «молчалины», «горе от ума», «пошлость», «горьковский босяк», «окаянные дни». Некоторые из предложенных концептов оказались сложными для толкования вследствие незнания текстов. Другие понятия зачастую оказывались истолкованными крайне приблизительно или неверно, вплоть до извращения смысла.

Предлагаем выборку из наиболее примечательных ответов, свидетельствующих о весьма прихотливом понимании молодыми людьми литературных образов.

«Маленький человек» – разъяснения этого понятия даются примерно одинаковые и вполне приемлемые (не без помощи интернет-подсказок): «обыватель, ничем не отличающийся от серой массы», «человек низкого социального статуса, безобидный», но контексты предлагаются удивительные: *директора школы назвали «маленьким» человеком; статья в газете о человеке, который решил покончить с собой из-за каких-то жизненных неудач; интервью у продавщицы в школьной столовой; репортаж о человеке, не играющем никакой роли (в области политики, искусства).* Разумеется, встречается много ответов, которые можно расценить как, скорее, адекватные значению предложенных литературных концептов: *несправедливо обижаемый; жертва судебной ошибки* и т. п., но мы сейчас фиксируем те, которые демонстрируют как раз расхождение с привычным пониманием.

«Лишний человек» – «обладающий значительными способностями, но не умеющий их реализовать», «тот, кто никуда не вписывается»: *статья про жизнь Маяковского с Лилией Брик и ее мужем; статья о музыканте в провинциальном городе; статья о талантливом актере театра, который играет лишь незначительные роли; человек, замедляющий какой-либо процесс* (в политике, социальной деятельности). Наряду с этим – вполне приемлемые проекции на проблемы адаптации человека, который только что освободился из места заключения, проблемы трудоустройства специалиста без стажа.

«Униженные и оскорбленные» – «люди, страдающие от сильных мира сего, несправедливо обиженные»; некоторые предложенные контексты вызывают недоумение: *статья об обманутых инвесторах; о людях, страдающих от чиновников, о тяжелых условиях жизни, например, врачей городской больницы; заголовок статьи о недооцененных артистах / художниках*.

«Бедные люди» – «люди, не имеющие денег и страдающие от этого», контексты: *недостаточность средств к существованию в комплекте с капризностью, взыскательностью и презрением к другим людям; жалкие, никчемные и бесполезные люди; жители деревни; разговор двух праздных бабушек у подъезда в дом, которые осуждают каждого проходящего; статья о чиновнике или миллиардере, находящемся на грани банкротства; чем-то неудовлетворенные люди; статья про снос городского парка*.

«Обломовщина» – «лень, апатия», контексты: *период стагнации в чем-либо, например, при строительстве метро, застой*.

«Мертвые души» странным образом ассоциируются с *бесчувственными, погибшими внутри людьми; живыми людьми с мертвой душой; выдуманными людьми; людьми нравственно, духовно неразвитыми; бесполезными людьми; людьми, которые загубили себя духовно и душевно (статья о заключенных)*.

«Гоголевская шинель» – для одних это «характеристика гуманистических традиций классической русской литературы», для других – «маленькие люди с пустыми мечтами», «существование, наполненное смыслом». Предлагается так назвать *статью о человеке, который продал почку, чтобы купить новый IPhone; самую заветную мечту, недостойную мечту; заметку в газете о мужчине, который долгое время копил на машину, а сразу после долгожданной покупки ее разбил; дорогой, старый предмет; статью о людях, которые вынуждены работать до изнеможения, чтобы купить себе вещи; тягу к вещам.*

«Горьковский босяк» представляется *как человек высоконравственный, уверенный в себе, любящий свободу; личность, не вызывающая особого уважения; бомж; незнакомый человек; человек, судьба которого никого не интересует; политический лидер*.

Толкования некоторых литературных концептов поражают и неточностью, и безразмерностью. Так, затруднительно было бы на основе студенческих работ составить собирательный портрет «тургеневской девушки», которая в разных характеристиках предстает одновременно *и чувственной, и целомудренной, дурнушкой и красавицей, леди и «с косой», статной и похожей на мальчика, дикаркой и смелой, не очень образованной и интеллектуальной, прекрасно одетой и равнодушной к своему внешнему виду.* Неудивительно, что на такой основе вырастают предложения назвать таким заголовком *и статью, посвященную нормам поведения, и моде на женственную одежду, и этикету, и психотипу интровертки, и русской женщине как воплощению национальных черт.*

Приведенных примеров из студенческих работ вполне достаточно для демонстрации дискурсивного разлома в восприятии базовых культурных концептов. Приблизительное представление о них говорит и о неактуальности школьного канона для молодых людей, приходящих в профессию, связанную с рекламой и медиакоммуникациями, и о все больших социокультурных изменениях нашей жизни, делающих затруднительным понимание классики.

По мнению Д.С. Лихачева, слово «Обломов» «в потенции» способно вызвать в нашем сознании «целый мир столичной и деревенской жизни, мир русского характера, сословных и возрастных особенностей и т. д.» [2, с. 246]. Иными словами, «в идеале» одни и те же концепты в силу своей заместительной («подстановочной») природы вызывают в нас одни и те же чувства, мысли, ощущения. Однако этот «идеальный» тип восприятия литературного концепта оказывается все менее достижимым. В скобках заметим, что, по лихачевской логике, если человек совсем не читал «Обломова» или даже не подозревает о существовании этого романа, то в его сознании не будет высвечиваться никакого понятия.

Разумеется, в числе причин дискурсивного разлома, который нам приходится констатировать, важно указать то, что литература как предмет изучения сейчас «на задворках». Сочинение хотя и стало обязательным для всех выпускников средней школы, оценивается по довольно либеральным критериям («зачет» / «незачет»). Лишь небольшая часть абитуриентов выбирает ЕГЭ по литературе, а с 2019 года в сочинении, входящем в обязательный ЕГЭ по русскому языку, запрещается использовать «литературный аргумент» (аргумент, почерпнутый из художественного произведения). Потеря интереса молодежи к чтению имеет много причин как социокультурного (идеологическая составляющая литературного образования перестала быть актуальной в постсоветское время), так и цивилизационного характера. Очевидно одно: современная средняя школа не готовит начитанных абитуриентов.

И если в настоящее время заголовки цитатного типа, медиаобразы, рекламные мемы, связанные с классикой, весьма популярны *(«Русский Букер, бессмысленный и беспощадный», «Счастливые килограммов не наблюдают»* [1] и т. п.), то можно прогнозировать, что со временем ситуация изменится и литературоцентричность будет постепенно уходить из медиадискурса.

Список использованной литературы

1. *Боева Г.Н.* «Канон русской литературы» как культурная матрица профессиональной деятельности рекламщиков // Реклама и PR в России: современное состояние и перспективы развития: XV Всероссийская научно-практическая конференция, 15 февраля 2018 г. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 45–48.

2. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 240–251.

С.Н. Волкова
Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, Москва

УДК: 811.161.1 (082)

Основные тенденции развития речевой культуры современных студентов

Аннотация. В статье описываются результаты социологического исследования, проведённого в одном из российских вузов. Данное исследование позволило сделать ряд выводов, касающихся основных тенденций развития речевой культуры студенчества, среди которых: недостаточное развитие у студентов умений целесообразно использовать родной язык; мощное влияние массовой культуры на общую и речевую культуру студентов; неспособность студентов к языковой рефлексии; при этом студентами признаётся необходимость повышения уровня развития речевой культуры, пропаганды речевой культуры в СМИ.

Ключевые слова: речевая культура современных студентов, социологическое исследование, владение нормами современного литературного языка, языковая рефлексия.

S.N. Volkova
Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia

The Main Trends of Modern Students Speech Culture Development

Abstract. The article describes the results of sociological research conducted in one of the Russian universities. This study allowed to draw a number of conclusions concerning the main trends in the development of speech culture of students, including: insufficient development of student's skills it is advisable to use their native language; powerful influence of mass culture on the general and speech culture of students; the inability of students to the language reflection, while their recognition of the need to increase the level of development of speech culture, to promote the culture of speech in the media.

Keywords: speech culture of modern students, sociological research, knowledge of the norms of modern literary language, language reflection.

Актуальность исследования состояния речевой культуры современного российского общества не вызывает сомнений. Студенчество – социально-возрастная группа, представляющая большой интерес для изучения, так как именно студенты быстрее всех подмечают различные изменения в языке, реагируют на них и, в свою очередь, сами оказывают влияние на состояние современной речи, а значит, и на формирование языка в целом. Немаловажно и то, что во время обучения в вузе происходит становление и развитие языковой личности студента, формирование его коммуникативной компетенции [3; 4; 5, 6]. Поэтому представляется весьма актуальным проанализировать тенденции развития речевой культуры современных студентов.

Социологическое исследование «Состояние речевой культуры современных студентов» было проведено нами в Смоленском государственном медицинском университете в 2014 г. Целями нашего исследования были следующие: выявить способности современных студентов к языковой рефлексии, к оценке процессов, происходящих в современном русском литературном языке; определить уровень владения респондентами нормами русского литературного языка. Эти показатели, на наш взгляд, могут дать адекватное представление о тенденциях развития речевой культуры современного студенчества.

© С.Н. Волкова, 2019

Для проведения исследования была использована анкета, подготовленная Российским обществом преподавателей русского языка и литературы при участии Санкт-Петербургского государственного университета и Института комплексных социальных исследований [1, с. 9].

Вначале дадим краткую социологическую характеристику респондентов. В состав группы опрошенных вошли 34 человека. Все они являлись студентами двух факультетов СГМУ: факультета психолого-социальной работы (специальности «клиническая психология» (очное отделение) и «социальная работа» (очное, заочное отделение)) и факультета высшего сестринского образования (заочное отделение). Усреднённый социологический портрет респондентов можно представить следующим образом: в основном лица женского пола (28 девушек /6 молодых людей), в возрасте от 18 до 24 лет; удовлетворены или почти удовлетворены своей жизнью; половина всех опрошенных считают себя патриотами России, 3 человека ответили на этот вопрос отрицательно, 35 % затруднились ответить. Студенты ориентированы на ценности общечеловеческого и морально-этического характера. Одним из вопросов анкеты был следующий: «Отметьте, пожалуйста, важнейшие для Вас жизненные ценности *(не более 3–4 вариантов):* справедливость, деньги, здоровье, семья, вера, интересная работа, друзья, другое». Из тридцати четырёх отвечавших назвали в качестве самых важных для себя ценностей *семью* – 30 человек, *здоровье* – 24 человека, *справедливость* – 23 человека. Наименее важной ценностью для студентов являются *деньги* (7 человек).

Проведённое исследование показало, что учащиеся отрицательно относятся к нарушению норм речевой культуры. В частности, у 70 % опрошенных вызывают негативную реакцию нарушения норм произношения, неправильные ударения, а также использование инвективной лексики. У 60 % студентов неодобрительное отношение вызывает распространение жаргонных слов и выражений. Большинство учащихся отрицательно относится к нарочитому искажению русского языка и речи в интернете.

Подавляющее большинство учащихся (90 %) считает недопустимым использование ненормативной лексики в публичной сфере общения (средствах массовой информации), 60% респондентов настаивают на недопустимости использования инвективной лексики в литературе, искусстве. Однако в неофициальном бытовом общении (в разговорной речи) уместность использования ненормативной лексики, по мнению опрошенных, зависит от ситуации: почти 50 % респондентов сочли использование инвективой лексики возможным при определенных обстоятельствах. Более 70 % студентов поддерживают закон о введении штрафа за нецензурную речь в общественных местах.

В общении студенты предпочитают русские слова заимствованным, отражающим реалии современной жизни. Так, в синонимичных парах: *бизнесмен – предприниматель, шопинг – покупки, коммуникация – общение, инвестировать – вкладывать, тинэйджер – подросток, секьюрити – охрана* – учащиеся отдают предпочтение слову русского происхождения. Они используют заимствованный вариант в том случае, если слово хорошо освоено русским языком. Так, например, обстоит дело со словом *парковка,* которое студенты употребляют гораздо чаще его русского эквивалента *стоянка*. Половина опрошенных считает, что вывески на иностранных языках без перевода допустимы только в том случае, если это названия торговых марок. Хотя 20 % считают, что вывески на иностранных языках без перевода – это нормально.

Анализ частотности обращения к лексике, лежащей за пределами русского литературного языка (сленговой и жаргонной), дал возможность проверить уровень владения лексическими нормами современного русского литературного языка. Проведенное исследование показало, что лишь 19 % учащихся часто используют в речи сленговые языковые единицы (наиболее распространены слова *прикольно, клёво, тусоваться*), периодически обращаются к сленговой или жаргонной лексике 43 % респондентов. Анкетиро-

вание показало, что студенты стремятся совершенствовать свою речевую культуру – реже использовать жаргонные слова.

Проверка владения студентами акцентологическими нормами русского литературного языка выявило следующую картину. Было дано 10 пар слов с различными вариантами ударения и предложено выбрать правильный вариант (например: *д**о**говор – догов**о**р; эксп**е**рт – **э**ксперт; звон**и**т – зв**о**нит* и др.). Респонденты продемонстрировали сравнительно высокий уровень владения акцентологическими нормами современного русского литературного языка: 58 % опрошенных не допустили ни одной ошибки при выборе правильного варианта постановки ударения в предложенных словах, лишь в двух парах слов преимущественно выбирался неправильный вариант: *обл**е**гчить – облегч**и**ть* (прав.), *включ**и**шь* (прав.) – *вкл**ю**чишь*.

Проведённое исследование выявило, что у студентов в основном не возникает языковых, речевых трудностей в общении с людьми, в установлении взаимопонимания, хотя некоторые из них отмечают периодически возникающие ситуации общения на «разных языках», прежде всего с людьми старшего возраста. У половины всех опрошенных возникают трудности в точном, полном выражении своих мыслей в речи (когда «мысль в слово не идет»).

Половина студентов признают, что на их отношение к человеку влияет уровень его речевой культуры. Учащиеся отмечают, что они редко встречают людей, чья речь им нравится, доставляет удовольствие. Большинство студентов признают, что иногда они сталкиваются с тем, что ведущие программ на ТВ и радио нарушают нормы русской речи. На вопрос «Кому из известных людей, часто выступающих на ТВ и радио, Вы присудили бы приз за отличное владение русской речью?» почти половина опрошенных ответить затруднились. Среди тех, кто ответил, наблюдается следующая картина: по 30 % принадлежит Е. Андреевой, И. Урганту и Т. Канделаки. Студентами отмечается также хорошая речь А. Малахова и С. Безрукова. Встречается такой ответ: «всем дикторам ЦТ во времена СССР, а сейчас нет таких». Самыми важными, привлекательными качествами речи собеседника (выступающего) для студентов являются: *уважение к собеседнику, аудитории; чувство юмора; простота, ясность.* Наименее существенными считают опрошенные такие свойства речи, как *критичность; ироничность; образность и метафоричность; лаконизм и краткость*.

44 % опрошенных написали, что их всё удовлетворяет (или удовлетворяло) в преподавании русского языка в школе: «русский язык был на высшем уровне, именно поэтому этот предмет мне очень нравится», «во всех школах, в которых мне посчастливилось учиться, русский язык преподавали отлично», «мне повезло, у нас была грамотная учительница с хорошей дикцией, интонацией, её речь радовала слух», «учителя были великолепные». Среди недовольных преподаванием русского языка в школе встречались такие ответы: «некоторые учителя мало разбирали теоретический материал», «не до конца раскрывали тему урока», «маленькое общение с учениками, диктовка, подавление инициативности», «огромная текучесть учителей», «медленный темп речи преподавателя», «1 час в неделю в 10, 11 классе перед ЕГЭ», «недостаточное обращение внимания на важность правильной речи вне урока». Многие полагают, что необходимо увеличить количество часов на изучение русского языка (60 %), литературы (50 %), необходимо заинтересовывать учащихся интересными внеклассными мероприятиями по русскому языку [2]. 70 % учащихся считают, что среди итоговых экзаменов при окончании школы должно быть сочинение.

34 % ответивших считают, что для совершенствования речевой культуры необходимо «больше читать». Встречаются ответы: «общаться вживую, а не в интернете», «стараться свести к минимуму употребление нецензурной лексики», «контроль речи (без жаргонизмов и нецензурной лексики)», «не засорять язык заимствованными словами»,

«хороший препод.», «изучение норм произношения нужно увеличить», «ввести запрет на нецензурную лексику», «пропаганда речевой культуры в СМИ», «хорошие радио- и телеведущие, познавательные программы», «самосовершенствование», «реклама художественной литературы, пропаганда посещений театров».

Проверка знаний респондентов в области современного литературного процесса выявила следующую картину. Студенты довольно критично относятся к современному литературному процессу. На вопрос «В произведениях каких **современных** писателей Вы встречаетесь с образцовой русской речью?» половина студентов ответить затруднились; 20 % признались, что читают редко или совсем не читают. (Заметим, что на отдельный вопрос анкеты: «Любите ли Вы читать?» ни один студент не ответил отрицательно, 70 % ответили «да», 30 % – «не очень».) Для ответивших чаще всего образцовой русской речью являются книги Д. Донцовой и Ю. Шиловой. Интересно отметить, что среди отвечавших есть немало тех, кто к числу **современных** писателей отнёс Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока, И.С. Тургенева.

Вопрос о любимых писателях, направленный на выявление литературной эрудиции респондентов, показал следующее: у 40 % студентов любимыми писателями являются А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой, 20 % учащихся любят читать Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и М.А. Булгакова. Также нередко назывались И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь, С.А. Есенин, М.Ю. Лермонтов, А.Т. Твардовский, А.И. Солженицын; из зарубежных – А.К. Дойл, Дж.Р.Р. Толкин, О. Уайльд.

Выбор любимой сказки не вызвал у студентов видимых затруднений. Наиболее популярной является сказка «Колобок» (у 15 %). Любимы также «Золушка», «Морозко», «Спящая красавица», «Русалочка» и мн. др.

Среди любимых пословиц и поговорок лидером является «Семь раз отмерь, один раз отрежь» (10 %). Популярны также такие пословицы, как «Делу время, потехе час», «Под лежачий камень вода не течёт», «Тише едешь, дальше будешь».

На вопрос «Есть ли у Вас любимые русские народные песни?» отрицательно ответили 60 % студентов. Встречались также следующие ответы: «Ой, цветёт калина в поле у ручья», «У леса на опушке жила зима в избушке», «Отговорила роща золотая...», «Катюша», «На поле танки грохотали», «Калинка», «Валенки», «Ой мороз, мороз», «Вишнёвая шаль», «При долине куст калины» и др.

На вопрос «Какое вежливое обращение к людям Вам более всего нравится?» чаще всего давались следующие ответы: молодой человек / девушка – 40 %, по имени-отчеству – 12 %, извините – 12 %.

Опрошенные считают, что приезжающие из-за рубежа на работу в Россию (мигранты, гастарбайтеры) должны сдавать экзамен на знание русского языка (75 %) и экзамен на знание русской культуры (65 %).

Итак, проведенное исследование позволило сделать выводы, касающиеся основных тенденций развития речевой культуры студенчества. Уровень владения студентами современными литературными нормами в целом можно признать довольно высоким. Однако отметим, что полученные в школе умения целесообразного использования родного языка развиты у студентов недостаточно. Также исследование показало, что массовая культура оказывает сильнейшее влияние на общую и речевую культуру студентов, их языковой вкус, представления о речевом идеале. Основными источниками информации в современной речевой среде оказываются интернет и телевидение, снижается роль книги. К сожалению, следует признать, что студенты не способны и не стремятся анализировать, правильно оценивать процессы, происходящие в современной речевой среде. При этом молодые люди считают необходимым уделять больше внимания изучению русского языка и культуры речи в школе и вузе; настаивают на необходимости пропаганды речевой культуры в СМИ (увлекательные акции, мероприятия, специализированные про-

граммы, передачи), которые позволили бы повысить уровень развития речевой культуры современных носителей русского литературного языка.

Список использованной литературы

1. *Аниськина Н.В., Ухова Л.В.* Русский язык и культура речи: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. 152 с.

2. *Колтакова Е.В., Татаринова Н.В., Волкова С.Н.* Олимпиады по русскому языку как инструмент поддержки талантливых школьников // Русский язык за рубежом. 2018. № 2 (267). С. 94–101.

3. *Леорда С.В.* Речевой портрет современного студента: автореф. дис … канд. филол. наук. Саратов, 2006. 19 с.

4. *Лешутина И.А., Данилова И.В.* Академическая риторика: феномен и раритет // Смоленский медицинский альманах. 2015. № 2. С. 15–19.

5. *Ляшенко Т.М.* Коммуникативная успешность как характеристика коммуникативного акта // Педагогика и просвещение. № 1 (21), 2016. С. 106–113.

6. *Ляшенко Т.М.* Содержание понятия «коммуникативная успешность» в языковом сознании студента-первокурсника // Метод Л.С. Выготского в современных социальных практиках. Ч. 1. М.: Левъ, 2018. С. 66–71.

Н.Н. Вольская
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва

УДК 81.1

Журналистское образование: проблемы и перспективы

Аннотация. В современных социально-экономических условиях важное значение приобретают не только прочные фундаментальные знания специалиста, но и его способность оперативно реагировать на запросы динамично меняющейся действительности и постоянно пополнять свой интеллектуальный багаж новой информацией, непрерывно занимаясь самообразованием и максимально эффективно используя источники информации для решения профессиональных, социальных и бытовых проблем. Поэтому в последнее время наличие определенного круга компетенций в заданной области деятельности считается одним из основных требований к сотрудникам. Компетентностный подход в определении целей и содержания общего образования не является совершенно новым, а тем более чуждым для российской высшей школы. Набор компетенций, освоение которых предполагает формирование профессиональных и личностных навыков будущего журналиста, чрезвычайно актуален. Современное журналистское образование должно быть включено в контекст мировых тенденций.

Ключевые слова: компетенции, журналистика, профессиональные задачи, федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования.

N.N. Volskaya
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Journalism Education: Problems and Prospects

Abstract. In modern socio-economic conditions, it is important not only to acquire solid fundamental knowledge of a specialist, but also his ability to respond quickly to the demands of a dynamically changing reality and constantly replenish his intellectual baggage with new information, continuously engaged in self-education and making the most effective use of information sources to solve professional, social and domestic problems. Therefore, in recent years, the presence of a certain range of competencies in a given area of activity is considered one of the main requirements for employees. Competence-based approach in determining the goals and content of General education is not completely new, and even more alien to the Russian higher education. A set of competencies, the development of which involves the formation of professional and personal skills of the future journalist, is extremely relevant. Modern journalistic education should be included in the context of global trends.

Keywords: competences, journalism, professional tasks, Federal state standard of higher professional education.

Журналистика является социальным институтом, берущим начало в далекой древности. Это определенная форма организации социальной жизни со сложными связями и отношениями, обеспечивающая поддержание баланса в обществе и опирающаяся на исторически востребованный вид духовно-практической деятельности с набором функций, принципов, профессий, специфических социальных и правовых норм, на мощную инфраструктуру в виде редакционно-издательских комплексов и общественно-профессиональных организаций, а также на систему специальных знаний, представленную от-

© Н.Н. Вольская, 2019

раслями науки и учебными дисциплинами, формирующими профессиональные компетенции журналистов.

В современных социально-экономических условиях важное значение приобретают не только прочные фундаментальные знания специалиста, но и его способность оперативно реагировать на запросы динамично меняющейся действительности и постоянно пополнять свой интеллектуальный багаж новой информацией, непрерывно занимаясь самообразованием и максимально эффективно используя источники информации для решения профессиональных, социальных и бытовых проблем. Именно такие требования предъявляют сегодня к выпускникам профессиональных учебных заведений заказчики образования – представители рынка труда.

В последнее время наличие определенного круга компетенций в заданной области деятельности считается одним из основных требований к сотрудникам.

Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования рассматривает компетенцию как способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Предполагается, что, «покидая стены вуза, выпускник должен обладать определенными компетенциями – профессионально-релевантными качествами, тем потенциалом, который будет актуализирован в процессе осуществления профессиональной деятельности» [2, с. 54–58].

Компетенции рассматриваются и как «факторы, обеспечивающие выдающуюся эффективность работы. Соответственно, большинство компетенций включают в себя ряд основополагающих знаний, навыков, способностей» [1, с. 17].

Компетентностный подход в определении целей и содержания общего образования не является совершенно новым, а тем более чуждым для российской высшей школы. Набор компетенций, освоение которых предполагает формирование профессиональных и личностных навыков будущего журналиста, чрезвычайно актуален. Современное журналистское образование должно быть включено в контекст мировых тенденций. Своеобразным «стандартом» для академического сообщества стала Тартуская декларация Европейской ассоциации подготовки журналистов 2006 года, которая включает в себя систему компетенций, освоение которых предполагается в рамках учебного процесса. Совершенствование процесса подготовки журналистов предполагает также взаимодействие с потенциальными работодателями, чьи предложения и требования должны учитываться при составлении рабочих планов и создании карт компетенций. Современный ФГОС-3+ подготовки бакалавра практически не дает никаких установок относительно наполнения программы, помимо предметов «Физическая культура», «Иностранный язык», «Философия», «История» и «Безопасность жизнедеятельности». Таким образом, вузам предоставляется возможность осуществления образовательной программы в соответствии с собственными представлениями о реализации компетентностного подхода.

Основа профессии журналиста – информационная деятельность, и наличие информационной компетентности, на наш взгляд, является необходимым условием деятельности представителей данной профессии.

Сущность журналистики можно выявить через характеристику деятельности журналистов по сбору, обработке, компоновке и распространению информации в обществе. Отсюда вытекают и основные функции журналистики: информационная функция, коммуникативная функция и функция формирования и отражения общественного мнения. Журналистская информация является частью социальной информации – той информации, которая циркулирует в обществе, проходит через сознание людей и используется в управлении общественными процессами. Все это накладывает на журналиста огромную ответственность.

Профессия журналиста – одновременно производственно-творческая и индивидуально-коллективная социальная профессия. Журналиста-профессионала отличает спо-

собность к скрупулезному и оригинальному анализу – обязательной составляющей его мастерства.

Творческая природа журналистской деятельности проявляется на всех ее этапах: при выборе темы и постановке проблемы, при сборе фактического материала, при отборе языковых средств на этапе создания медиатекста.

Творческий подход необходим при обработке информации и презентации ее массовой аудитории. Особенно это касается социальной информации, которая должна быть сугубо документальной, идейно и фактически насыщенной, оперативно изложенной в соответствующей форме.

Подготовка современного профессионального журналиста в системе высшего учебного образования – это подготовка культурного, широко образованного человека, способного легко адаптироваться в специализированной среде. Быстро меняющиеся условия профессиональной и конкурентной среды приводят к необходимости постоянного саморазвития. Образовательные модели должны предполагать включение в систему образования с самого начала обучения распределение студентов по творческим мастерским, систему кураторства и разработанные модульные карты – основополагающие виды вербальных, видео-, аудио- и фотоматериалов современных медиатекстов. В этих модульных картах должны содержаться задания, развивающие профессиональные компетенции у студентов-журналистов.

Выполнение за все время обучения профессиональных задач, включенных в модульные карты, поможет выпускнику сформировать необходимые для практической работы навыки.

Список использованной литературы

1. *Паркинсон М.* Использование психологии в бизнесе: практическое руководство для менеджеров. М.: HIPPO, 2003. 252 с.

2. *Плотницкая С.В., Еременок О.И.* Формирование коммуникативной компетенции с использованием электронных СМИ // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Т. 25 (64). № 2. Ч. 2. С. 54–58.

Е.В. Гетманская
Московский педагогический
государственный университет,
г. Москва

УДК 374.31

Внешкольные факторы литературного образования

Аннотация. В статье актуализируется дидактическая функция литературного музея. В современной образовательной ситуации музейная среда приобретает новые обучающие возможности, отличающиеся от традиционного педагогического инструментария. Литературная экспозиция рассматривается автором в качестве своеобразного и многомерного «гипертекста» русской национальной культуры, гармонически объединяющего литературное образование учащихся и сакральные ценности отечественного историко-литературного процесса.

Ключевые слова: литературное образование, музейная экспозиция, литературоцентричность.

E.V. Getmanskaya
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia

Out-of-school Factors of Literary Education

Abstract. The article is updated didactic function of the literary Museum. In the modern educational situation a Museum acquires new learning opportunities that differ from the traditional pedagogical tools. Literary exposition is considered by the author as a kind and multidimensional “hypertext” Russian national culture, harmoniously combining student´s literary education and sacred values of Russian historical-literary process.

Keywords: literary education, Museum exposition, literary centrality.

Андре Мальро, известный писатель и исследователь искусства, анализируя целостное место искусства в культуре, обращал особое внимание на музей как на «храм метаморфоз», где исторические смыслы, навсегда ушедшие вместе с их временем, оказываются вновь живыми и необходимыми. Исследователь отмечал: «Роль музеев в восприятии нами произведений искусства … велика. Мы позабыли, что музеи радикальным образом изменили восприятие человеком искусства» [3, с. 17].

Переходя от определения специфики музея вообще к анализу функционирования литературного музея, следует подчеркнуть его особую палитру, не повторяющую логику художественной экспозиции и, в то же время, остающуюся «храмом метаморфоз». Если мы предполагаем в качестве музейной аудитории школьников, то необходимо обеспечивать для неё системную работу по восприятию экспозиции литературного музея. «Мы приводим детей в музей и оказываемся в ситуации замятинского романа, когда главный герой, попадая в Древний Дом, не может увидеть утилитарной целесообразности находящихся в нём предметов. Но предмет в этом доме, по мысли автора, не функция, он ценен сам по себе, он – подлинник времени. Современный школьник в восприятии музейной среды близок к героям антиутопии – ему также трудна притягательная иррациональность музея и, особенно, музея литературного. При этом очевидно, что продуктивность знаний по предмету, полученных вне школьного кабинета, а в литературном музее, чрезвычайно высока» [1, с. 52].

© Е.В. Гетманская, 2019

Восприятие музейной среды старшеклассниками (а именно им, по нашему мнению, созвучна композиционная и содержательная сложность литературного музея) определяется психолого-возрастными особенностями учащихся, их конкретными интересами и задачами литературного образования в целом. «На протяжении двух последних столетий русская культура и русская общественная жизнь складывалась литературоцентрично: основной интеллектуальный потенциал нации выражался литературно и литераторами» [2, с. 5]. Литературоцентричность русской культуры в течение XX века последовательно фиксировалась музейными собраниями. В них накапливался уникальный историко-литературный материал, не востребованный в должной мере ни школьной методикой, ни музееведением. Кроме того, изменилась и сама социальная доминанта литературного музея. Современное функционирование литературной экспозиции кардинально отличается от канонов музейной деятельности, принятых ещё 15–20 лет назад. Документирующая функция как основополагающая функция музея всё более уступает место педагогическим, коммуникативным, гедонистическим аспектам восприятия. Привлечение литературной экспозиции в качестве средства изучения литературы обусловлено и состоянием современной материальной культуры. Дети постиндустриальной России вместе с серийностью в одежде, с модой на одни и те же предметы потребления теряют понимание эталонной предметной культуры. Из нашей жизни уходит способность ощущать уникальность подлинника, его историческую, образную, духовную наполненность. Если мы действительно преподаём курс *истории литературы,* то пласт овеществлённой истории литературы, представленной в литературной экспозиции, имеет, на наш взгляд, не меньшую значимость в условиях современного образования, чем традиционный путь изучения творчества писателя в школе. Задачи, решаемые в процессе восприятия музея старшеклассниками, изучающими историко-литературный курс, как нам представляется, состоят в следующем:

• приобретение конкретных знаний по биографии и творческому пути писателя, не дублирующих хрестоматийную информацию;

• развитие художественного восприятия учащихся, в том числе умение отличать подлинные произведения искусства от суррогата;

• формирование навыков и умений, необходимых для творческого использования полученных в музее знаний;

• выявление фактов историко-литературного процесса, заложенных в содержании конкретной музейной экспозиции;

• понимание сакральности подлинника, где онтологический подтекст может иметь и заявление А.Н. Островского о приёме его на службу в Совестный суд, и галоши, сшитые собственноручно Л.Н. Толстым.

В процессе работы над темой статьи нам часто приходилось слышать учительские высказывания о неравномерном присутствии литературных музеев в регионах России. Изучая проблему, мы пришли к выводу: в том или ином виде литературные экспозиции представлены в каждом районном центре, являясь нередко частью краеведческого музея, следовательно, экскурсия в литературный музей, так или иначе, не только привилегия столичных школ. Примером методической работы с экспозицией периферийного музея может послужить музей М.А. Шолохова в городе Камышине Волгоградской области. Именно там во время войны писатель создавал отдельные главы романа «Они сражались за Родину». Музей и учителя города сотрудничают постоянно. В музее проходит ежегодный конкурс среди старшеклассников на лучшего экскурсовода по шолоховской экспозиции. Такую форму работы, близкую литературному факультативу с музейной составляющей, скорее следует отнести к литературному краеведению, о котором В.Г. Маранцман писал так: оно «помогает в привычном, обыденном окружении обнаружить высокую культурную тенденцию… Культура начинается с памяти. Человек, чувствующий слои

прошлых времён, которые его окружают повседневно, не может вести себя как дикарь. Литературное краеведение оживляет опыт прошлых поколений в непосредственной, конкретной, наглядной форме» [4, с. 106].

Намечая в школьном планировании ту или иную литературную экскурсию, мы должны руководствоваться содержанием федеральных программ, музейным потенциалом региона и, не в последнюю очередь, объёмом литературной экспозиции. Иными словами, нам следует двигаться от «камерных» экспозиций в начале года к большим музейным собраниям к концу годового курса. Вместе с тем при выборе музея должна учитываться степень отражения в экспозиции всего историко-литературного процесса, а не только творческого пути изучаемого писателя.

Исходя из того что историко-литературный курс изучается в 10–11-х классах, программу сотрудничества с музеем также следует планировать на два года. Темы и локусы экскурсий могут строиться многовариантно. Ниже приводится последовательность посещения литературных музеев, находящихся в пределах досягаемости для старшеклассника средней полосы России. Последовательность соответствует основным вехам историко-литературного процесса и содержательно привязана к конкретным литературным экспозициям государственных литературных музеев:

1. И.С. Тургенев. Личность писателя (по материалам Государственного музея-заповедника писателя в Спасском-Лутовинове).

2. А.Н. Островский. Жизненные идеалы драматурга (по материалам Государственного мемориального и природного музея-заповедника А.Н. Островского в Щелыково).

3. Н.А. Некрасов. Общественные идеалы писателя и его литературная позиция (по материалам Государственного музея-заповедника в Карабихе).

4. Ф.И. Тютчев. Личность поэта. «Всё отнял у меня казнящий Бог…» (по материалам музея-усадьбы им. Ф.И. Тютчева в Мураново).

5. Ф.М. Достоевский. Судьба писателя (по материалам музея-квартиры писателя во флигеле Мариинской больницы, Москва).

6. Л.Н. Толстой. Нравственно-философские искания писателя (по материалам музея-усадьбы в Хамовниках).

7. А.П. Чехов. Личность писателя и его художественный мир (по материалам Литературно-мемориального музея-заповедника в Мелихово).

8. Мир стихий в лирике Блока (по материалам Историко-литературного и природного музея-заповедника писателя в Шахматове).

9. Мир человека и мир природы в лирике Есенина (по материалам Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в Спас-Клепиках).

10. Судьба и творчество Марины Цветаевой (по материалам дома-музея Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке, Москва).

11. В.В. Маяковский. Противоречивость личности и творчества поэта (по материалам Государственного музея писателя в Лубянском проезде, Москва).

12. М. Горький. Человек и писатель (по материалам Мемориального музея-квартиры писателя на Малой Никитской в Москве).

13. «Написанное Шолоховым – высокая классика литературы XX века» (С.И. Кормилов) (по материалам дома-музея писателя в ст. Вёшенской).

14. Б. Пастернак в русской культуре. «Быть знаменитым некрасиво. Не это подымает ввысь» (по материалам Дома-музея Б.Л. Пастернака в Переделкино).

Несомненно, предлагаемая последовательность, скорее, идеальная педагогическая перспектива, в то же время сегодня, в период смены всей традиционной образовательной парадигмы, литературный музей становится полноценным педагогическим объектом, способным дополнить классно-урочную систему. Литературная экспозиция и предмет «литература» имеют тождественные объекты изучения: это и творческий путь автора, и

художественные тексты. Кроме того, существует и некий «метатекст» литературного музея, который прочитывается «по правилам чтения» музейной информации и в этом смысле выходит за рамки школьного урока литературы, приобретая общекультурное звучание.

Список использованной литературы

1. *Гетманская Е.В.* Литературный музей как дидактическое средство изучения литературы в старших классах // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 8. С. 52–55.

2. *Гетманская Е.В.* Формирование духовной культуры старшеклассника в пространстве литературного музея: монография. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. 204 с.

3. *Мальро А.* Антимемуары. СПб.: Владимир Даль, 2005. 324 с.

4. *Маранцман В.Г.* Школьные факультативы как процесс общения учеников с искусством // Поиск новых путей. М., 1990. С. 104–110.

Е.С. Замашанская
Бийский технологический институт
(филиал АлтГТУ им. И.И. Ползунова),
г. Бийск

УДК 372.881.1

Типы грамматических ошибок в диалогической речи на иностранном языке у студентов неязыковых вузов

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования типов грамматических ошибок, выявленных в образцах устной диалогической речи на английском языке студентов неязыкового вуза. Автором рассмотрены наиболее частотные ошибки, обозначены причины их возникновения. Описана методика анализа устных текстов. Предложены способы преодоления выявленных грамматических трудностей в рамках коммуникативного подхода в преподавании иностранного языка в вузе.

Ключевые слова: диалогическая речь, грамматические ошибки, иностранный язык, речевая деятельность, структура предложения, форма глагола.

E.S. Zamashanskaya
Biysk Institute of technology
(branch of Polzunov Altai State Technical University),
Biysk, Russia

Types of Grammar Mistakes in Dialogical Speech in Foreign Language of Non-Linguistic University Students

Abstract. This article presents the results of a study of the types of grammar mistakes found in samples of oral dialogical speech in the English language. Mistakes analysis was carried out on the material of oral samples of dialogical speech produced by students of a non-linguistic university. The author considered the most frequent mistakes, indicated the reasons for their occurrence. The method of analysis of oral texts is described. The ways to overcome the identified grammar difficulties according to the communicative approach in teaching a foreign language at the university are proposed.

Keywords: dialogical speech, grammar mistakes, foreign language, speech activity, sentence structure, verb form.

Предметом изучения многих исследователей являются лексические, грамматические, фонетические и другие ошибки, возникающие в устной и письменной речи (И.И. Антонова, Г.И. Богин, Л.О. Бутакова, Т.Н. Киселева, В.А. Патрушев, С.Г. Тер-Минасова, Б.М. Чойбонова и др.: [1; 2; 3]). Данные исследования являются актуальными, так как позволяют выявить причины возникновения ошибок и разработать методы, позволяющие предупредить их появление в устной и письменной речи. Изучение речевой деятельности студентов неязыкового вуза представляется значимым, поскольку позволяет выявить типичные ошибки, обозначить причины их возникновения и разработать приемы, способствующие повышению качества речи с позиции нормативного аспекта. Многие лингвисты и методисты не рекомендуют сразу разбирать ошибки, сделанные говорящим в процессе коммуникации, так как акцент на «правильное» и «неправильное» в речи способствует возникновению психологических барьеров, препятствующих развитию коммуникативных навыков. Однако необходим систематический мониторинг параметров

© Е.С. Замашанская, 2019

речи изучающих иностранный язык (соответствие лексики коммуникативным задачам, соблюдение норм произношения, грамматики и др.). После выявления общих (частотных для анализируемой группы) и индивидуальных ошибок в речи возможна организация процесса обучения с использованием приемов, направленных на коррекцию ошибок в комфортной форме, в частности посредством игровых методов.

В данной статье представлены результаты мониторинга речевой деятельности студентов технического вуза (146 информантов, студенты I и II курсов очной формы обучения). Материалом исследования послужили образцы устной диалогической речи (234 диалога), которые не были подготовлены заранее, а составлялись на занятии (время на подготовку – 5 минут). Отметим, что перед информантами не стояла задача составить диалог определенного объема, в зависимости от уровня подготовки студентов объём диалогов составил в среднем от 10 до 24 реплик. Перед информантами стояла задача составить диалог, например, по темам «путешествие», «учеба в институте», «роль компьютеров в современном обществе» и др.

Аудиозапись диалогов не осуществлялась, выявленные факты сразу заносились в карту грамматических ошибок, и далее высчитывалась частность их употребления. Целесообразно было оценить спонтанную речь, безусловно, ошибки в устной неподготовленной речи – это характерное и допустимое явление, но именно частотность нарушения нормативности на уровне грамматики служит основанием для определения существенных пробелов в знании грамматики иностранного языка.

В карте выявленных ошибок были обозначены следующие группы: 1) нарушение порядка слов в вопросительном, утвердительном, отрицательном предложениях, 2) нарушение формы глагола (активный и пассивный залог, модальные глаголы), 3) отсутствие артикля или неправильное употребления артикля, 4) неверная степень прилагательного, 5) нарушение числа существительного, 6) неверное употребление местоимения.

Необходимо подчеркнуть, что в данные группы вошли самые частотные ошибки с целью получить инвариантную картину грамматических ошибок, характерных для устной диалогической речи студентов неязыкового вуза, следовательно, единичные случаи нами не рассматривались. В частности, неличные формы глагола (причастия, герундий) не употреблялись информантами, а использование инфинитива зафиксировано только в функции части составного глагольного сказуемого (с модальным глаголом).

В графах карты ошибок фиксировались различные нарушения внутри каждой группы. Например, в группе ошибок, связанных с нарушением порядка слов в вопросительных предложениях, отмечались следующие: отсутствие вспомогательного глагола, например, «How you get to the institute?», неверное местоположение вспомогательного глагола в предложении («Where you are working now?»), неправильное употребление вопросительного слова, например, «Where do you get to your institute?» вместо *when*. В структуре утвердительных и отрицательных предложений выявлено такое нарушение, как пропуск главного члена предложения (подлежащего или сказуемого), например: «Sometimes play computer games» вместо *I sometimes play* или «They in the laboratory on the first floor» вместо *They are in the laboratory on the first floor*. Кроме того, в трех типах предложений была зафиксирована ошибка в месте расположения дополнения или обстоятельства, например: «I do in my laboratory experiments» вместо *I do experiments in my laboratory*.

Согласно полученным результатам, данная группа грамматических ошибок является самой частотной и ее встречаемость составляет 47 % по отношению к другим группам. Это обусловлено значительным влиянием грамматического строя предложения родного языка, для которого характерен свободный порядок слов, следовательно, информанты переносили коммуникативный опыт в процессе продуцирования неподготовленного высказывания. В количественном отношении именно в вопросительных предложениях

наблюдалось преобладание грамматических ошибок, в частности, неверное употребление или пропуск вспомогательных глаголов, нарушение порядка слов в структуре предложения.

Необходимо отметить, что при анализе образцов устной монологической речи (доклады, сообщения по теме) не представлены вопросительные предложения, в связи с этим доля грамматических ошибок меньше, чем в массиве образцов устной диалогической речи. Таким образом, при обучении продуцированию диалогических высказываний необходимо обратить особое внимание на рассмотренные ранее языковые ошибки.

Вторая группа грамматических ошибок, связанных с нарушением форм глаголов, составила 29 %. Целесообразно отметить, что в образцах диалогической речи в большей степени использовалась группа времени Simple и Progressive в активном залоге, глагол to be, to have, а также незначительно использовалась конструкция there is / are. Кроме того, информанты активно употребляли модальные глаголы (can, may, must, should). Пассивный залог употреблялся в единичных случаях, как и группы Perfect и Perfect Progressive. Употребление неличных форм глагола (причастий, герундия, инфинитива) в различных функциях также носило единичный характер.

С частотностью 13 % были отмечены случаи пропуска или неправильного употребления артикля, причем в преобладающем большинстве информанты игнорировали необходимость его употребления, например, «I'am reading book on Chemistry». С частотностью 6 % отмечается неверное употребление местоимения, например, «Give he my laptop»; неверное употребление степени прилагательного с частотностью 2 %, например, «This computer is better in our shop»; нарушение числа существительного составило 3 %, например, «Many student study at my institute».

Рассмотрев типы выявленных в процессе коммуникации на иностранном языке грамматических ошибок, мы пришли к выводу, что в устной диалогической речи преобладают ошибки, связанные с нарушением структуры предложения. Это обусловлено переносом специфики грамматического строя предложений родного языка на особенности построения высказываний на иностранном языке. При этом в большей степени нарушения фиксировались в вопросительных предложениях, а значительная доля ошибок в выборе форм глагола также свидетельствует о низком уровне понимания особенности системы времен в английском языке. Таким образом, важно увеличить объем заданий, направленных на преодоление выявленных затруднений на уровне грамматики в процессе изучения иностранного языка в техническом вузе.

Список использованной литературы

1. *Бутакова Л.О.* Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи // Вестник Омского гос. ун-та. 1998. № 2. С. 72–76.

2. *Патрушев В.А.* О путях психолингвистического исследования письменной и устной речи // Психолингвистические исследования (речевое развитие и теория обучения языку). М., 1978. С. 118–126.

3. *Чойбонова Б.М.* Влияние межъязыковой и внутриязыковой интерференций на формирование ошибок в речи обучаемых // Вестник Бурятского университета. 2009. № 11. С. 157–162.

И.В. Зензеря
Куйбышевский филиал
Новосибирского государственного
педагогического университета,
г. Куйбышев

УДК 811.161.1

Проблема выделения обращений в художественном тексте в вузе и школе

Аннотация. В статье представлен анализ структурных разновидностей обращений в поэтических текстах. Рассматриваются сложные случаи выделения обращений и схожих с ними конструкций.

Ключевые слова: обращение, именительный темы, анализ поэтического текста, категория обращённости.

I.V. Zenzerya
Kuibyshev Branch
of Novosibirsk State Pedagogical University,
Kuibyshev, Russia

The Problem of Highlighting Appeals in the Artistic Text in the University and School

Abstract. The article presents an analysis of the structural types of references in poetic and prosaic texts. We consider the complex cases of the allocation of references and structures similar to them.

Keywords: address, nominative themes, analysis of poetic text, category of reversal.

Проблема научного анализа художественного произведения – одна из самых сложных теоретических проблем филологической науки. Для того чтобы раскрыть смысл произведения, его идею, порой достаточно обратить внимание на средства категории обращенности, используемые в тесте, что важно при изучении литературных произведений как в школе, так и в вузе.

Так, опираясь на работу И.В. Зензери [2, с. 5], мы выделили омонимичные обращению конструкции: обособленный именительный падеж, приложение, сегментированные конструкции, вокативные и номинативные предложения.

Попытаемся развести данные понятия, определяя их отличительные признаки.

Нейтрализация функциональных различий обособленного именительного падежа наблюдается прежде всего в контексте высказываний с формами местоимений 2-го лица.

Сравним неоднозначность толкований обособленного имени в поэтических текстах: *В награду пьяным он нальёт / И пунш и грог душистый, / А* <u>*вам*</u>*,* ***спартанцы****, поднесёт / Воды в стакане чистой!* (А. Пушкин)

Здесь обособленные формы именительного падежа могут восприниматься и как обращение *(Вам, дорогие спартанцы...),* так как оно проявляет функции адресации, соотносясь с личным местоимением *ты*, номинации (некоторые – характеризации) одновременно, но могут быть прочтены и как: *Вам, так как вы – спартанцы и т. д.,* и в этом случае выделенные лексические единицы будут являться обособленными приложениями.

Для того чтобы более чётко разграничивать **обращения и приложения**, воспользуемся методом трансформации, который впервые был предложен Л.В. Щербой. Один из его вариантов рассматривает Г.Т. Аль-Кадими [1, с. 14], который утверждает: «Если при

© И.В. Зензеря, 2019

трансформации с изменением падежа местоимения допустимо и изменение падежной формы уточняющего существительного, чаще субстантивированного прилагательного, то, следовательно, оно является приложением. Если же существительные или другие субстантивированные формы в этих условиях не допускают замены его формой косвенного падежа, то оно является обращением». Невозможность такой замены свидетельствует о том, что существительное или субстантивированное прилагательное здесь имеет не форму именительного падежа, противопоставленную всем другим падежным формам, а особую звательную форму, не обладающую таким противопоставлением.

В поэтических текстах встречается приложение в рамках обращения, выраженное отдельным характеризуемым словом, причём статус приложения номинатива при обращении проявляется ярче, когда между ними ставится дефис: *Расступись,* ***о старец-море,*** */ Дай приют моей волне!* (М. Лермонтов)

Роль маркера при данном обращении, осложнённом приложением, выполняет императив *расступись.*

Заметим, что если в «цепочке» обращения сочетаются личные и предикатные имена, то, соответственно их семантике, первое выступает в роли собственно обращения, а второе в роли обособленного приложения в рамках обращения: *Здравствуй,* ***Вульф, приятель мой!*** */ Приезжай сюда зимой...* (А. Пушкин).

В качестве таких адресатов могут выступать не только лица, но и метонимически сориентированные на одушевлённого адресата географические названия: ***О Русь, волшебница суровая****, Повсюду ты своё возьмёшь* (Н. Гумилёв).

В поэтическом тексте **именительный темы** не всегда легко отделить от обращений, так как они в основном направлены к неживому, тому, что представляет предмет, тему внутреннего лирического диалога. Остановимся на этом более подробно.

Сегментированные высказывания, в широком понимании этого термина, – это выделение синтаксически и интонационно части высказывания – сегмента. При разграничении обращений и именительного темы необходимо учитывать следующее:

1) интонации, характерные, с одной стороны, для обращения (звательная), с другой – для именительного темы (интонация представления темы);

2) характер личных местоимений в предложении, следующим за этими конструкциями;

3) лексико-семантическую сторону разграничиваемых конструкций.

Обращение произносится с так называемой звательной интонацией, но, как это отмечал А.М. Пешковский, звательную интонацию часто трудно отличить от интонаций другого типа. Кроме того, восстановление интонации по письменной речи порою весьма проблематично.

Именительный темы обычно соотносится с личными местоимениями 3-го лица, а обращение не может вступать в такую связь. Оно, соответственно, соотносится с местоимениями 2-го лица. Сравним*: А всё же по старой памяти – / Ты хороша,* ***Любовь! – О любовь!*** *Спасает мир – она! / В ней одной спасенье и защиты* (М. Цветаева); *Как грустно мне твоё явленье, /* ***Весна, весна!*** *пора любви!* (А. Пушкин.) **–** ***Весна, весна!*** *Она томна, / Как тайна приоткрытой двери* (А. Блок).

Проблема разграничения данных конструкций может возникнуть и в том случае, когда в предложении, следующим за номинативом, помимо коррелятивных местоимений, имеется общее обозначение того, что выражено обособленной формой именительного падежа, например*:* ***Москва!*** *Какой огромный / Странноприимный дом! / Всяк на Руси – бездомный / Мы все к тебе придём...* (М. Цветаева).

Такую конструкцию Л. Е. Крупина [3, с. 13] называет “обращением темы”. Оно произносится с восклицательной интонацией или с интонацией размышления и соотносится с местоимением 2-го лица. Но, видимо, описываемая единица проявляет функцио-

нальный синкретизм (чему способствует дистантность местоимения 2-го лица *тебя,* что создаёт синкретичность восклицания *Москва!*): она представляет и тему, о чём свидетельствует и указанная интонация, и семантический повтор (*дом*) с характеризующим определением.

Зыбки и подвижны также границы между **обращением и вокативным предложением**.

Звательная (призывная) и фатическая функции, общность обособленной падежной формы объединяют вокативы и обращения как часть и целое. Справедливее было бы даже считать вокативы центральной, исходной для обращения единицей, хотя они, конечно, обладают своей спецификой, о которой О.А. Мизин пишет как об односоставных предложениях, осложнённых выражением мысли, чувства, волеизъявления: «Эти обращения, нередко повторяемые, уже не столько называют для привлечения внимания, сколько становятся знаками отдельных мыслей, непременно связанных с адресатом речи и сближаются по многозначности и функции с междометием». Действительно, семантика их диффузна, но призывность (а значит, и звательность) является их основным назначением.

Заканчивая свои рассуждения, подчеркнём, что мы остановили внимание только на тех обособленных номинативах, которые проявляют функциональный синкретизм. Есть номинативы, которые нетрудно отделить от обращений другого типа, например, бытийные*: **Ночь. Улица. Фонарь. Аптека;*** уточнения*: Брат был не в домашнем костюме, как обычно, –* ***бумажные брюки, вельветовая куртка***; присоединения*: И под водой ты не растеряешься –* ***акваланг***; названия*: «**Ася**».*

Мы фокусировали именно синтаксическую диффузность «обособленных» номинативов, характерную для стихотворного языка, в котором содержание обращения значительно расширяется, ведь это не только лицо, но и предмет. Оно нередко представляет тему стихотворения, становясь сильной позицией текста. В связи с указанным основные функции обращения нередко притушевываются, соединяются с функциями характеризации, оценки и представления. Синкретизм особенно ярко проявляется в «обращении темы». Наблюдения над обращениями в стихотворной речи, которая, как известно, отличается эмоциональной насыщенностью, убеждает в том, что вокатив и обращение не стоит разделять, тем более что источником обращения являются «нейтральные» вокативы (личные имена, имена родства). Можно говорить о семантико-синтаксической категории обращенности, периферия которой пересекается с другими обособленными номинативами, отграничение которых от обращения представляет определённые трудности. Условия для возникновения синтаксической омонимии создаёт форма именительного падежа имени. Обращение схоже с приложением, именительным предикативным, сегментированными конструкциями, вокативными и номинативными предложениями. Приводя различные примеры из поэтических текстов, мы попытались развести данные понятия, определяя их отличительные признаки. Но, несмотря на существующие методы разграничения, поэтические тексты свидетельствуют о синкретизме обращения и приложения, обращения и именительного темы.

Обобщив вехи структурно-семантического подхода к обращению как элементу синтаксического уровня языка, мы особо выделили те положения, которые «подготовили» важные для нашего исследования пути описания представленности обращения (в частности его смысловые связи в предложении) в тексте, а именно в стихотворных произведениях, являющихся предметом школьного и вузовского изучения. Теория обращения определяет его положение в структуре синтаксического уровня языка, но, чтобы природа этого феномена высветилась в полной мере, следует обратить внимание на его функциональную сторону – стилистико-функциональную и коммуникативно-прагматическую.

Список использованной литературы

1. *Аль-Кадими Г.Т.* Обращение в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1968. 20 с.

2. *Зензеря И.В.* Семантико-функциональное проявление обращённости в стихотворных произведениях Б. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2003. 23 с.

3. *Крупина Л.Е.* Функционирование номинативов в художественных текстах // Семантика и функционирование единиц языка и речи. Уфа, 1996. С. 109–116.

О.В. Золтнер
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 800

Проблемы лингвистической подготовки школьников к участию в олимпиадах филологического профиля

Аннотация. Статья посвящена вопросам подготовки обучающихся к участию в школьных олимпиадах филологического профиля; выявляются и описываются проблемы, связанные с лингвистической подготовкой участников, а также описывается система подготовки к олимпиадам в Омске и Омской области.

Ключевые слова: школьная олимпиада, лингвистическая подготовка, система подготовки к школьным олимпиадам, Всероссийская олимпиада школьников, Филологическая олимпиада ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

O.V. Zoltner
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Problems of Linguistic Training of Schoolchildren to Participate in Olympiads of Philological Profile

Abstract. The article is devoted to the preparation of schoolchildren to participate in school competitions of philological profile; identifies and describes the problems associated with the linguistic training of participants, and describes the system of preparation for the Olympics in Omsk and the Omsk region.

Keywords: school Olympiad, linguistic training, system of preparation for school Olympiads, all-Russian Olympiad of schoolchildren, Philological Olympiad of Dostoevsky Omsk State University.

Школьные олимпиады давно и прочно вошли в российское образовательное пространство не только как одна из форм организации внеурочной деятельности учащихся, но и как средство выявления, поддержки и развития их способностей. Исходя из этого школьные олимпиады требуют высочайшего профессионального уровня от всех, кто занимается организацией разных этапов олимпиад и подготовкой участников.

В этой связи остро встаёт вопрос о том, какие именно факторы способствуют тому, чтобы участники олимпиад добивались успеха на разных этапах их проведения и демонстрировали именно тот уровень знаний и творческого потенциала, который члены предметно-методических комиссий (ПМК) и жюри надеются выявить и поддержать в каждом из участников. Поскольку «цена победы» в олимпиадах, результаты которых учитываются при поступлении в вузы, очень высока и желанна и для участника, и для его наставника, а также для того образовательного учреждения, который они представляют, обсуждение данных проблем представляет особую актуальность и должно являться специальным предметом научных исследований.

На факультете филологии и медиакоммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского в течение каждого учебного года проводятся этапы двух важнейших олимпиад для школьников, результаты которых учитываются при поступлении в вузы России: Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку (далее – ВсОШ) (муниципальный и регио-

© О.В. Золтнер, 2019

нальный этапы) и Филологической олимпиады ОмГУ им. Ф.М. Достоевского для школьников 5–11-х классов (очный и заочный этапы; с 2019 года – Филологическая олимпиада «Юный словесник»; эта олимпиада создана на факультете филологии и медиакоммуникаций и регулярно включается в Перечень Российского совета олимпиад школьников).

Предметные методические комиссии и жюри указанных олимпиад состоят из опытных преподавателей вузов Омска – доцентов и профессоров Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ), Омского государственного педагогического университета (ОмГПУ), Института развития образования Омской области (ИРООО); в состав ПМК и жюри также входят учителя ведущих средних общеобразовательных учебных заведений г. Омска.

Прежде чем говорить о результатах, по которым можно судить об уровне лингвистической подготовки участников олимпиад, следует представить систему подготовки к таким интеллектуальным соревнованиям, имеющейся в нашем регионе.

Формы подготовки к участию в олимпиадах по русскому языку в Омске и Омской области:

1) самостоятельная подготовка участников;

2) индивидуальные занятия с учителями-наставниками;

3) групповые занятие в школе / на специальных курсах;

4) занятия в Круглогодичной школе для одарённых детей: организуются Министерством образования Омской области в дистанционной форме на базе ИРООО; занятия проводятся один раз в неделю по 2 часа; во время осенних и весенних школьных каникул организуются выездные очные школы; слушатели школы – обучающиеся школ Омской области, отобранные по результатам участия в муниципальном и региональном этапах ВсОШ по русскому языку;

5) «Зимняя школа»: подготовка к региональному этапу ВсОШ (на базе ОмГУ): организуется Министерством образования Омской области совместно с ОмГУ им. Ф.М. Достоевского непосредственно перед региональным этапом; приглашаются будущие участники регионального этапа – победители и призёры муниципального этапа;

6) «Весенняя школа»: подготовка к заключительному этапу ВсОШ (на базе ОмГУ): организуется Министерством образования Омской области совместно с ОмГУ им. Ф.М. Достоевского непосредственно перед заключительным этапом; приглашаются участники, прошедшие на заключительный этап, а также «резерв» – потенциальные участники заключительного этапа следующего года;

7) научно-методические семинары для учителей (на базе ОмГУ): организуются факультетом филологии и медиакоммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского во время проведения этапов ВсОШ по русскому языку и Филологической олимпиады школьников; на этих занятиях члены ПМК и жюри работают с учителями-наставниками: анализируют результаты олимпиад, демонстрируют приёмы работы с олимпиадными заданиями и пр.

Как видно из этого перечня, о результативности форм подготовки 1–3 можно судить только косвенно, так как организаторы олимпиад не имеют к ним отношения (поэтому и комментарий к ним отсутствует), но формы 4–7 – это, к сожалению, то малое, что мы имеем сегодня. Эффективны ли эти формы? Считаем, что однозначно нет, и об этом ярко свидетельствуют результаты участия школьников. Точнее будет сказать, что неэффективны не сами формы (те участники, которые используют такие формы подготовки, регулярно становятся победителями и призёрами этапов ВсОШ, в том числе заключительного), неэффективность заключается в их случайном характере и нерегулярности. «Случайный характер» следует пояснить:

1) далеко не все обучающиеся имеют доступ к таким занятиям, хотя они и бесплатны: во-первых, участники из области из-за удалённости от областного центра находятся в

заведомо невыгодном положении по сравнению с городскими ребятами; во-вторых, для участия в Круглогодичной школе, например, отбирается только 1 обучающийся от муниципалитета;

2) преподавательский ресурс ограничен, налицо «кадровый голод»: это всего лишь около десятка специалистов в нашем регионе (опытные члены ПМК и жюри), которые в свободное от основной работы время могут вести эти занятия на высочайшем профессиональном уровне; других специалистов в нашем регионе просто нет, поэтому в настоящий момент невозможно организовать работу одновременно нескольких групп участников;

3) участие наставников в научно-методических семинарах доступно не всем учителям, особенно учителям из области; сами семинары непродолжительны (3–4 учебных часа) и проводятся только в 1 день.

Итак, какой уровень лингвистической подготовки демонстрируют участники из нашего региона в таких непростых условиях? В качестве примера представим результаты участия в региональном этапе ВсОШ по русскому языку в январе 2019 года:

Класс	*Максимальный набранный балл*	*Максимальный возможный балл*	*Средний балл*
9 класс	48,5	90	30
10 класс	46,5	100	29
11 класс	62,5	110	35

Как видно из этих данных, максимальный набранный балл – это всего лишь примерно 50 % от максимального балла. Это очень низкий результат, сравните: для прохождения на главный, заключительный, этап ВсОШ по русскому языку минимальный порог участника обычно составляет около 75 % от максимального балла регионального этапа. Возникает сложная ситуация, когда представители нашего региона практически не имеют возможности для участия в заключительном этапе: например, в 2019 году наш регион представляла всего лишь одна участница, отобранная по квоте, предоставляемой Центральной ПМК регионам (к счастью, эта участница стала призёром заключительного этапа).

Что мешает добиваться участникам ВсОШ достойных результатов? Ведь для участия в этой олимпиаде, главной в России, в школах отбираются самые достойные: те, кто имеет несомненные лингвистические способности и проходит отборочные этапы с лучшими результатами.

Анализ ответов участников на муниципальном и региональном этапах позволяет выявить «проблемные» зоны в лингвистической подготовке: это те области лингвистического знания, а также те умения и навыки, невладение которыми не даёт участнику максимально раскрыться и получить лучшие баллы:

Проблемные зоны		
Знания	*Умения*	*Навыки*
• орфография; • пунктуация; • грамматика (морфология, синтаксис, законы словообразования) • стилистика	• морфемный анализ слова; • синтаксический анализ предложения	приёмы работы с олимпиадными заданиями

Объём статьи, к сожалению, не позволяет проанализировать каждую из таких «зон», это пока лишь повод для размышлений и поиска решения выявленных проблем, но для наглядной демонстрации конкретных проявлений указанных «проблемных зон» предста-

вим 2 задания муниципального этапа ВсОШ для 11-го класса и примеры ошибочных ответов к ним.

Задание 7. Синтаксис

Прочитайте отрывок из известного детского стихотворения:

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон. (С.Я. Маршак)

Известно, что Им. падеж синтаксически многозначен: слова в этой форме могут выполнять самые разнообразные синтаксические функции в предложении. Выпишите слова в именительном падеже (кроме прилагательных) и укажите их синтаксические функции.

Эталонный ответ:

Кто – подлежащее; *5 (пять)* – определение, *это* – подлежащее, *он – сказуемое* (повтор не учитывается), *почтальон* – приложение.

Каковы были ответы участников? Ни один из участников не дал полностью правильного ответа. Данное задание не относится к сложному уровню: это типичное задание для выявления базовых знаний и последующего ранжирования участников олимпиады. Однако ответы участников (обратим особое внимание: это задание для обучающихся 11-го класса, т. е. лингвистическая компетенция в базовых вопросах должна быть уже сформирована) продемонстрировали неумение производить синтаксический анализ предложения и синтаксическое членение текста, а также неумение определять части речи и, следовательно, их синтаксические функции. В результате среди неправильных ответов (а они были массовыми!) были такие варианты: *кто, 5, это* не были определены как члены предложения, *он* – подлежащее / не член предложения, *почтальон, дверь* – подлежащее.

Задание 5. Морфология

Всем известна знаменитая картина К.П. Брюллова «Последний день Помпеи». В передаче канала «Культура» об истории этого древнего города и о его гибели было сказано: «Перед нами встаёт картина настоящих Помпеев» (октябрь 2016 г.). Объясните, почему в формах *Помпеи* и *Помпеев* использованы разные окончания. Поясните, как этот факт можно было бы объяснить с точки зрения истории языка.

Эталонный ответ.

В названии картины К.П. Брюллова использована форма Род. падежа ед. числа: *Помпея (нач. форма) – Помпеи*; в современном тексте – Род. падеж множ. числа: *Помпеи (нач. форма) – Помпеев*. Эта разница объясняется тем, что в XIX веке была традиция употреблять название этого города в ед. числе, по греческому образцу: греч. Πομπηία; позже закрепилось употребление название этого города во множ. числе по итальянскому образцу: итал. Pompei. Поэтому в современных текстах название города Помпеи склоняется во множ. числе.

Это задание относится к сложному уровню: от участников требовалось не только продемонстрировать свои знания в области склонения существительных, но и проявить навыки наблюдения над морфологическими категориями, их сопоставления, а в результате – выявить тенденцию развития форм этого имени собственного в истории русского языка (XIX век – XXI век); также разработчики задания надеялись, что лучшие из участников продемонстрируют свою общекультурную и лингвистическую эрудицию (в частности, в описании путей заимствования названия этого древнего города).

Что было выявлено при анализе ответов? Во-первых, как оказалось, практически никто из участников не был знаком с этой картиной (хотя эта картина входит в общемировой культурный фонд, знакомство со знаменитым полотном кисти великого Карла Брюллова и с событиями, запечатлёнными на ней, происходит ещё в школе) и не знал ничего об этом древнем городе и о том событии, из-за которого он вошёл в мировую историю, следовательно, мало кто понимал значение слова *Помпеи (Помпеев)*. Во-вторых, участники с трудом определяли грамматические формы анализируемого существительного и не могли определить начальную форму *Помпея* (в названии картины К. Брюллова) и *Помпеи* (в современном тексте), в результате сопоставить эти формы и выявить между ними разницу участники не смогли.

Подобные «пробелы» в лингвистической подготовке выявляются при проверке олимпиадных заданий каждый учебный год, это системное явление, которое не позволяет участникам добиваться максимальных результатов.

Итак, в чём же мы видим источник таких неудач? Конечно, легче всего сказать: виноваты сами участники, которые не обладают достаточными знаниями для того, чтобы решать подобные задания. Но это только вершина айсберга, ведь и результаты олимпиад, и результаты итоговой аттестации (ЕГЭ и ОГЭ) демонстрируют ***не процесс, а результат*** работы всей образовательной системы.

На наш взгляд, причины неудач представляют собой целый комплекс проблем, который в настоящее время трудно разрешим:

• отсутствие системной подготовки и участников, и наставников: выше была продемонстрирована система подготовки к участию в олимпиадах в нашем регионе, но её трудно назвать именно системой: занятия носят нерегулярный и непродолжительный характер, они доступны не всем участникам и наставникам;

• низкий уровень базовых лингвистических и общекультурных знаний участников олимпиад;

• отсутствие представлений о системном устройстве языке и о взаимосвязях уровней этой системы;

• неумение работать с текстом задания;

• неумение применять логические операции при поиске ответа.

Если основной задачей олимпиад по русскому языку является выявление и поддержка лингвистически одарённых детей, которые в будущем будут развивать науку, то всем участникам образовательного процесса необходимо задуматься над тем, какими средствами и способами этот результат будет достигнут. Без решения этого сложнейшего вопроса получить достойные результаты будет весьма и весьма трудно.

А.Н. Карташёва
Атырауский государственный университет
им. Х. Досмухамедова,
г. Атырау, Казахстан

С.К. Кенжегалиева
Атырауский государственный университет
им. Х. Досмухамедова,
г. Атырау, Казахстан

УДК 372.8

Проблема преподавания русского языка в национальной аудитории

Аннотация. В статье рассматривается проблема отбора текстового материала и заданий к нему как важнейший фактор формирования профессиональных компетенций студентов национальных групп.

Ключевые слова: функциональная грамотность, компетентностное образование, общеобразовательные и профессиональные компетенции, учебный текст, задания к тексту.

A.N. Kartashyova
Dosmukhamedov Atyrau State University,
Atyrau, Kazakhstan

S.K. Kenzhegaliyeva
Dosmukhamedov Atyrau State University,
Atyrau, Kazakhstan

The Problem of Teaching Russian in a National Audience

Abstract. In this article is under consideration the problem of selection material in the text and tasks to it as the most important factor in the formation professional competences of students from national groups.

Key words: functional literacy, competent education, General and professional competences, educational text, tasks to the text.

Говоря о современных требованиях к высшему образованию, ориентированных на формирование профессиональных компетенций у будущих специалистов, мы, в первую очередь, имеем в виду, что получаемые студентами знания и умения должны помочь им использовать их после учебы в реальных условиях и служить базой для самостоятельного приобретения ими новых навыков.

Векторами в образовательном процессе становятся понятия «функциональная грамотность», «компетентностное образование», «воспитание полиязычной и поликультурной личности» и др.

Наличие необходимых компетенций у молодого специалиста означает овладение не только чисто профессиональными знаниями, но и наличие коммуникативных качеств, способности к сотрудничеству, умение работать в группе и продолжать дальнейшее са-

© А.Н. Карташёва, С.К. Кенжегалиева, 2019

мообразование, т. е. то, что в современных учебных программах обозначается не только как «знание», но и «понимание», «применение», «анализ», «синтез», оценка».

Всеобщий интерес к изучению иностранных языков приводит к смене парадигм в рамках преподавания русского языка в национальной аудитории. В современных условиях глобального экономического и политического пространства вырастает потребность молодежи в получении языковых и речевых знаний, связанных с их будущей профессиональной деятельностью.

Современная программа обучения русскому языку учащихся национальных групп неязыковых факультетов казахстанских вузов предусматривает изучение и общеобразовательных, и профессионально направленных тем, что дает возможность развития речевых компетенций студентов в различных сферах. Усилилась не только образовательная, но и самообразовательная функция иностранного языка, который, как и родной язык, служит базой для общего и специального образования. В нашей республике ведутся разнообразные поиски эффективных форм и методов обучения иностранным языкам, в том числе и русскому. Это вызвано, с одной стороны, требованиями современной жизни, а также сферой деятельности, в которой предстоит трудиться молодому специалисту. С другой стороны, в рамках уже сложившихся традиций изучения русского языка в казахстанских учебных заведениях выявляются определенные проблемы.

В быстро меняющихся внешних экстралингвистических обстоятельствах, когда реалии, отражаемые языком, носят непостоянный характер, актуальной становится не проблема создания стабильного учебника, а конструирование необходимых в учебных ситуациях текстов с прилагающимися к ним заданиями, способными обеспечивать решение учебных, в том числе и профессиональных, задач.

Надо также сказать, что проблемным является и подробный анализ научного стиля русского литературного языка, изучаемого либо параллельно с лексическими темами, либо являющегося их продолжением на более высоком уровне. Объясняется это обстоятельство тем, что школьная программа русского языка в казахских классах не предусматривает детального рассмотрения этой темы, и многие понятия, особенно грамматического характера, такие как сложное синтаксическое целое (ССЦ), коммуникативная задача текста (КЗТ) и др., осваиваются студентами впервые. К тому же надо учитывать и то, что в сознании учащихся закладывается матрица для использования особенностей научного стиля и на родном языке, так как на неязыковых факультетах казахский язык не изучается.

Основной единицей обучения русскому языку выступает учебный текст и организующий его лексический и грамматический материал. Поскольку цели обучения тесно связаны с профилем будущей специальности студентов, тематика изучаемого материала диктуется общеобразовательными и профессиональными интересами учащихся. Необходимая информация реализуется на тематическом, текстовом, лексическом, грамматическом уровнях, предназначенных для обучения продуктивным видам речевой деятельности. Данные тексты предназначены стать моделями для дальнейшего самостоятельного восприятия и продуцирования текстов подобного характера.

Для того чтобы учебный материал отвечал критериям формирования необходимых навыков и умений в различных сферах речевой деятельности и для полноты раскрытия темы, готовые тексты, взятые из художественных и публицистических изданий, обычно нуждаются в модификации и обработке.

Искусственные конструкции, создаваемые в учебных целях и обеспечивающие развитие необходимых компетенций, должны подкрепляться глубоко продуманной системой заданий.

До чтения текста желательно предусмотреть самостоятельную работу со словарями и предтекстовые задания для дальнейшего адекватного восприятия текста, функции ко-

торых не ограничиваются контролем усвоения профессиональной информации, а обеспечивают также и дальнейшее развитие общих языковых навыков.

Отдельные данные и факты, способствующие раскрытию полноты, точности, глубины понимания, фиксируются в памяти при помощи вопросов, закрепляющих объем извлеченной информации.

Комплекс заданий разрабатывается с учетом оптимальной организации познавательных действий студента, приближенных к естественному познавательному процессу:

– задания, обеспечивающие автоматизацию использования определенных фреймов, необходимых для общеобразовательного и профессионального развития учащихся;

– задания, направленные на развитие навыков использования морфологических и синтаксических конструкций;

– задания, развивающие грамматическую правильность сообщений, закрепляющие определенные правила русского языка;

– задания, обеспечивающие успешную межъязыковую и межкультурную коммуникацию.

Работа над самим текстом позволяет развить такие умения и навыки, как:

– умение выяснить проблему, раскрыть коммуникативную задачу текста;

– в соответствии с содержанием текста сконструировать экспозицию и вывод из прочитанного;

– сформулировать и защитить свои идеи, возникшие по ходу изучения текста;

– отыскать и связать между собой определенные данные в тексте;

– установить очередность и взаимосвязь фактов, имеющихся в тексте;

– структурировать знакомую информацию и установить ее место в ряду других по этой теме;

– осмыслить информацию и установить ее место в ряду других по этой же теме.

Перед преподавателем русского языка ставится задача не просто сформировать у студентов лингвистическую компетенцию, но и выработать межкультурную компетенцию средствами языка.

По определению О.Р. Бондаренко, под межкультурной компетенцией понимается «ориентация говорящего на иностранном языке не носителя языка своего речевого поведения на иностранного адресата, т. е. успешное использование фоновых знаний о культурно обусловленных коммуникативных особенностях иностранного адресата, а также комплекс умений учитывать имеющиеся межкультурные коммуникативные расхождения в процессе общения с носителями данного иностранного языка» [2, с. 38].

М.Я. Блохом были сформулированы основные правила, способствующие успешному межкультурному взаимодействию:

1) внятность речи;
2) понятность речи;
3) вежливость (поведенческая уместность) речи;
4) стилеуместность речи;
5) кооперативный вызов на нужную реакцию;
6) переакцентуация лиц (в центре внимания слушающий);
7) оптимальная протяженность речи;
8) разумность (логичность);
9) интерес для слушающего;
10) кооперативное паралингвальное поведение [1, с. 3–7].

Огромную роль в приближении учащихся к языковой и культурной среде страны изучаемого языка играют тексты, в которых может быть представлена презентация речевых средств на русском языке, выражающих ту или иную интенцию.

Предлагаем вашему вниманию пример работы с учебным текстом исторического дискурса «Великое наследие казахского народа».

Перед знакомством с текстом и после его чтения выполняются предтекстовые и послетекстовые задания.

Задание 1. Прочитайте слова и словосочетания, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю.

Нашествие, транзитный, стратегический, стык, медресе, паром, ханская ставка, мемориал, уникальный.

Задание 2. Укажите способы образования следующих слов.

Водопровод, поохотиться, безопасность, городок, исторический, куполовидный.

Задание 3. Прочитайте текст. Выпишите из текста ключевые слова. Сформулируйте основную мысль текста.

Великое наследие казахского народа

Дату возникновения Сарайшыка историки относят к XIII веку, то есть связывают с периодом нашествия Чингиз-хана и хана Батыя. Название Сарайшык означает небольшой дворец, так как городок в XIII веке был небольшим торговым центром. Но позже он стал центром Ногайской Орды и значительно расширился. Прекрасным было его месторасположение. Это транзитная точка на торговом пути из Европы в Азию, в частности в Китай, Индию, Иран через Поволжье и Хорезм по реке Жайык.

Судя по археологическим находкам, сосудам с надписями, Сарайшык был городом с развитой культурой. Построенный на узловом в стратегическом отношении участке стыка Европы и Азии, он обеспечивал безопасность караванов, следовавших из Европы в Азию. В Сарайшыке строились дворцы, бани, мечети, медресе. В городе действовали уникальный водопровод и канализация из керамических труб. Несколько труб сохранились до наших дней. На них можно посмотреть в областном историческом музее и музее комплекса «Хан Ордасы Сарайшык». Со временем стратегическое расположение, связывавшее Восток с Западом, сделало город крупным центром торговли. В некоторых источниках сообщается даже о пароме по реке Жайык. Окрестности города были местом отдыха, сюда приезжали поохотиться и порыбачить знатные люди со всей Орды. После нападения войск Тамерлана город был восстановлен в 30–40 годах XV века и со второй половины XV века стал политическим центром Ногайской Орды. Здесь располагалась ханская ставка. Считается, что в Сарайшыке похоронены семь казахских ханов. В их честь возведен куполовидный мемориал с указанием имен всех семи ханов с датами их жизни и правления. Богатое укрепление привлекало внимание многих ханов и завоевателей. Город неоднократно грабили, сжигали и вновь восстанавливали. Примерно в 1580 году Сарайшык был разрушен казаками, орудовавшими на берегах Волги, и больше уже не восстанавливался.

Задание 4. Составьте пять вопросов по содержанию текста и запишите ответы на них.

Задание 5. Составьте тезисный план текста.

Задание 6. К какому стилю относится данный текст?

Задание 7. Определите тему и микротемы текста.

Задание 8. Выявите способ изложения материала в тексте.

Задание 9. Назовите средства связи предложений в тексте.

Задание 10. Подготовьте пересказ текста.

Во внеаудиторное время организуется экскурсия в музейный комплекс «Хан Ордасы Сарайшык», после которой студенты пишут эссе, а также могут выступить в роли экскурсоводов для приезжающих туристов.

Учебные тексты подобного рода разрабатываются для учащихся, у которых базовым языком является казахский и доминантным стал речевой механизм родного языка. Учебный материал, содержащийся в текстах, призван осуществить комплексную цель развития навыков письменной и устной речи, служить необходимой базой для дальнейшего совершенствования профессионального русскоязычного дискурса и тем самым решить проблему нехватки учебников с актуальными на данный момент текстовыми характеристиками.

Список использованной литературы

1. *Блох М.Я.* Прагматика, этика и эстетика языкового общения // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире. М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004. С. 3–7.

2. *Бондаренко О.Р.* Межкультурные аспекты коммуникативной компетенции на иностранном языке // Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе: сборник научных трудов МГЛУ. М.: МГЛУ, 1991. С. 38–48.

М.В. Лопатина
Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

УДК 372.881.1

Основы обучения лексической стороне иноязычной речи студентов вуза (на примере немецкого языка)

Аннотация. Статья посвящена особенностям обучения студентов вуза лексике иностранного языка на примере немецкого. В ней рассматриваются понятия лексики, лексического навыка, проблемы формирования лексического минимума и принципы его отбора. Автор определяет критерии трудностей при овладении отобранным материалом. Уделяется внимание характеристике этапов формирования лексических навыков, а также способов семантизации на этапе введения нового лексического материала.

Ключевые слова: иноязычная лексика, лексический навык, отбор лексического минимума, семантизация, рецептивная лексика, продуктивная лексика.

M.V. Lopatina
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

Basics of Learning the Lexical Side of Foreign Language Speech University Students (on the Example of the German Language)

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of teaching university students foreign language vocabulary through the example of German. It examines the concepts of vocabulary, lexical skill, the problems of forming a lexical minimum and the principles of its selection. The author determines the criteria of difficulty in mastering the selected material. Attention is paid to the characteristics of the stages of lexical skills formation, as well as the methods of semantization at the stage of introducing a new lexical material.

Keywords: foreign language vocabulary, lexical skill, selection of a lexical minimum, semantization, receptive vocabulary, productive vocabulary.

Роль лексики для овладения иностранным языком невозможно переоценить. Владение словом является важнейшей предпосылкой говорения. Кроме того, лексика имеет решающее значение для развития способности мыслить на иностранном языке. Элементарные акты сознания человека включены в семантическую структуру слова в виде его значений и конкретных смыслов. Мыслительные процессы и их результаты в виде суждений, понятий, категорий и концептов фиксируются в сознании обучаемого с помощью все тех же лексических единиц языка. Таким образом, любое иноязычное слово с помощью своего внутреннего содержания активно участвует в процессах развития и становления речевого и языкового сознания обучаемых [10, с. 3].

Что такое лексика? Лексика – это словарный состав языка, совокупность слов. Чем богаче и разнообразнее словарный запас учащихся, тем легче им решать стоящие перед ними речевые задачи. Поэтому они должны владеть «набором» лексических средств, включающим единицы разного уровня сложности: слова, устойчивые сочетания, речевые клише и фразеологические обороты – лексические единицы. На основе лексических единиц формируются лексические навыки.

© М.В. Лопатина, 2019

Приобретаемые лексические навыки и умения влияют: а) на правильный выбор соответствующего значения иноязычного слова; б) на умение комбинировать лексические единицы между собой на основе правил лексической и грамматической валентности; в) на умение выражать мысли имеющимися лексическими средствами [3, с. 107].

Ученые по-разному понимают сущность лексического навыка. Согласно словарю методических терминов, лексический навык представляет собой автоматизированное действие по выбору лексической единицы адекватно замыслу и ее правильному сочетанию с другими единицами в продуктивной речи и автоматизированное восприятие и ассоциирование со значением в рецептивной речи [1, с. 133].

Профессор Р.К. Миньяр-Белоручев полагает, что навык нельзя отождествлять ни с операцией, ни с действием, так как операцию и действие можно отлучить от конкретного деятеля и рассматривать как компонент деятельности, как ее элемент, а навык всегда связан с субъектом, с его способностями; поэтому, заключает ученый, навык есть не операция, не действия, а способность автоматизированно совершать действие, включенное в осознанно совершаемую деятельность [6, с. 3].

Ю.Г. Давыдова полагает же, что в понятии «действие» имплицитно представлена связь с субъектом, с деятелем, поэтому трактовка навыка как автоматизированного действия, предложенная в словаре методических терминов, отражает его суть [4, с. 58].

В своей статье она освещает различные позиции ученых в отношении компонентного состава операций, входящих в лексический навык. И хотя некоторые из них полагают, что операция сочетания лексических единиц друг с другом не является операцией лексического навыка, исследователь, опираясь на анализ научной литературы, делает заключение, что в компонентный состав лексического навыка входят операции вызова (выбора слова), сочетания единиц и словообразования [Там же].

По критерию участия в процессе порождения / восприятия речи методисты выделяют экспрессивные (или продуктивные) и рецептивные лексические навыки. Под экспрессивными лексическими навыками понимаются навыки интуитивно правильного словоупотребления и словообразования в устной и письменной речи в соответствии с ситуациями и целями коммуникации. При репродукции имеют место такие лексические операции, как нахождение в долговременной памяти и актуализация нужной лексической единицы по мгновенному импульсу, исходящему из речевого центра и связанному с намерением что-то сказать, а также сочетание между собой «найденных» таким образом и включенных в оперативную память лексических единиц с соблюдением правил лексической и грамматической сочетаемости, соответствующих норме данного языка.

Под рецептивными лексическими навыками подразумеваются навыки узнавания и понимания при восприятии на слух или при чтении лексических явлений. При рецепции происходит узнавание и вычленение лексических единиц в процессе слушания или чтения, раскрытие значения слов с помощью контекста.

Подход к слову с точки зрения выделения только его формы и звучания или только значения ущербен. Нужно воспринимать слово как «языковой знак, отличающийся единством, гармонией содержания и формы» [7, с. 163]. Поэтому лексику можно рассматривать с точки зрения формы, функции и значения.

Под формой понимается фонетическая и орфографическая стороны слова, его структура и грамматические особенности.

Содержательную сторону слова образует его значение, в котором закрепляется психическое представление об обозначаемом данным словом предмете или явлении действительности (денотате).

Важной функциональной характеристикой слова является сочетаемость. Благодаря способности слова к сочетаемости с другими словами образуются словосочетания. В сочетаемостных свойствах ближайших лексических эквивалентов двух языков наблюдают-

ся, как правило, существенные расхождения. Динамичный характер лексики, появление неологизмов постоянно увеличивают и углубляют расхождение между языками. В то же время лексические заимствования и интернационализмы способствуют их сближению.

Что касается лексических трудностей именно немецкого языка, то тут можно выделить частое использование частиц и широко развитую систему словообразования. Сложные существительные немецкого языка переводятся на русский при помощи словосочетаний. «Ложные друзья переводчика», клише, фразеологизмы также становятся проблемой для обучаемых.

Каков объём лексики современного немецкого языка? Одна из последних редакций словаря DUDEN содержит около 500 000 самостоятельных лексических единиц [11]. Кроме того, словарь ежегодно обогащается примерно 4 000 новых слов и выражений. Освоить такой объём сложно, если не сказать невозможно, даже носителю языка, не говоря уже о человеке, который изучает его как иностранный. Исходя из этого как для носителей немецкого языка, так и для лиц, изучающих немецкий язык как иностранный на любом уровне, следует проводить различие между пассивным и активным словарным запасом [8, с. 421]. В активный лексический минимум входят лексические единицы, используемые во всех видах речевой деятельности. Это наиболее важные для общения единицы, освоение которых обязательно. В пассивный лексический минимум входят лексические единицы, воспринимаемые и понимаемые учащимися при чтении и аудировании.

Для повышения эффективности обучения лексике необходимо проанализировать лексические единицы по определенным критериям, то есть применить методическую типологию лексики. Для градации трудностей одни авторы сравнивают объем значения слов родного и иностранного языков и соотносят значение и форму лексического материала. Другие учитывают при отборе два критерия: соотношение значения и формы слова в родном и иностранном языках с учетом возможной интерференции и характера самого слова в изучаемом языке.

Наиболее же перспективными являются такие подходы к типологии лексики, в которых учитываются как количественные (включающие употребительность и распространенность слов, а также их длину), так и качественные характеристики (формальные, функциональные и семантические особенности иноязычного слова).

При отборе лексики нужно определиться с измерительными признаками и показателями, на основе которых производится оценка лексики. В методике разработана система принципов комплексного отбора лексики. По характеру признаков и показателей все принципы можно разделить на три взаимосвязанные группы: статистические, лингвистические и методические. Принципы отбора варьируются в зависимости от цели, метода, условий обучения, в связи с чем их можно разделить на основные и дополнительные.

Первая группа принципов дает возможность определить количественные характеристики лексики и выделить наиболее часто встречающиеся в конкретном языковом материале, то есть это принципы частотности и распространенности. Необходимо принимать во внимание принцип частотности, но это не означает, что он является достаточным основанием для того, чтобы выделить ту или иную лексическую единицу. В каких-то отдельных случаях мы обязаны прибегать к данному принципу, чтобы определить важность данной лексической единицы. Но при этом нельзя сбрасывать со счетов то, что «… самые частотные ранги слов не диагностируют функциональную лексическую систему» [5, с. 678].

Основные принципы второй группы – это принцип сочетаемости, стилистической неограниченности и семантической ценности. Согласно принципу сочетаемости слова с большей сочетаемостью предпочтительнее слов с редкой сочетаемостью, так как при ограниченном объеме обязательной лексики они позволяют выражать и понимать более разнообразное содержание. Принцип стилистической неограниченности означает при-

надлежность слова к нейтральному, литературному, разговорному и книжно-письменному стилям языка. Семантический принцип заключается в том, что отбираемые слова должны выражать наиболее важные понятия по той тематике, с которой встречается учащийся при изучении иностранного языка.

Третья группа принципов ориентируется на тип школы, цели обучения и на принадлежность слов к темам, зафиксированным в программах. Это, например, принцип тематической ценности слова, принцип резервности, предполагающий использование не только частотных слов, но и слов актуальных в определенных ситуациях с учетом цели, условий и ступени обучения, или принцип покрываемости, в основе которого лежит количество ситуаций, которые может отразить лексическая единица [5, с. 680–681].

Успешное овладение лексикой заключается в сознательной и мотивированной работе над словами изучаемого языка, а также в их многократном возобновлении в различных видах учебно-речевой деятельности. Надо исходить из того, что, по статистике, чтобы запомнить слово, с ним надо «столкнуться» от 7 до 12 раз, а также из того, что в кратковременной памяти слова удерживаются от ярких впечатлений, а в долговременной памяти они сохраняются благодаря предметным и умственным действиям, осуществляемым с лексическим материалом. А значит, верным методом обучения лексике будет введение, постоянное повторение и закрепление новых слов в разных контекстах и в разных видах речевой деятельности [2, с. 10–11].

Обучение лексике осуществляется в соответствии с тремя этапами формирования навыков: этап введения, включающий в себя семантизацию нового слова и первичного его воспроизведения; за ним следует этап ситуативной тренировки и создания прочных лексических речевых связей в однотипных речевых ситуациях; и, наконец, варьирующий ситуативный этап – этап создания динамичных лексических речевых связей, предполагающий «новокомбинирование» знакомых лексических элементов в различных контекстах [9, с. 85].

Презентация новых слов осуществляется педагогом на занятии, или учащиеся самостоятельно знакомятся с лексическими единицами в процессе работы над текстом. Целью введения нового лексического материала должно являться ознакомление учащихся со значением слов, с их формами и особенностями их употребления в речи. Семантизация – это раскрытие значения слова. Способ семантизации представляет систему действий, направленных на установление взаимосвязи между формой слова и значением. В методике обучения иностранным языкам принято выделять две группы способов семантизации: беспереводные и переводные.

К первым можно отнести раскрытие значения слова с использованием наглядности, которая может быть предметной, изобразительной, звуковой и контекстуальной. Этот способ доступен, прост и целесообразен. Значение нового слова можно раскрыть и с помощью определений, перечислений, с использованием синонимов или антонимов, известных способов словообразования. Самым сложным для преподавателя и самым важным для практического овладения языком можно назвать такой способ семантизации, как развитие языковой догадки через контекст.

Ко вторым – переводным – способам семантизации относят замену слова соответствующим эквивалентом родного языка или перевод-толкование, то есть когда учащемуся помимо эквивалента на родном языке сообщаются сведения о совпадении или расхождении в объеме значения слов, особенностях употребления, поясняется смысл языковой единицы.

У обеих групп способов есть свои преимущества и недостатки. Беспереводные развивают языковую догадку, увеличивают долю практики в языке, создают ассоциации для запоминания, поддерживают иноязычную атмосферу урока. В то же время переводные

обеспечивают точность понимания, требуют меньше времени и более просты в организации.

Выбор способа семантизации зависит от качественных характеристик лексической единицы, ее принадлежности к активному или пассивному минимуму, уровня обучаемых, условий обучения.

Первичное закрепление лексики предполагает выполнение языковых и условно-речевых упражнений, например таких, как чтение новых слов.

Центральным звеном работы по созданию лексических речевых навыков являются второй и третий этапы тренировки, то есть этапы создания прочных и гибких лексических речевых связей. Содержание работы на этих этапах составляют условно-речевые и подлинно речевые упражнения.

Таким образом, при овладении иностранным языком большое значение имеет именно лексический компонент языковой компетенции, поскольку лексика передает знания об объектах действительности, без которых невозможен процесс коммуникации. Без формирования лексических навыков студентов невозможно организовать дальнейшее обучение иностранному языку, направленное на развитие способностей к коммуникации для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия.

Список использованной литературы

1. *Азимов Э.Г.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: Златоуст, 1999. 472 с.
2. *Бедретдинова И.А., Будник Е.А.* Особенности обучения лексическому компоненту речи на различных этапах (на материале английского языка) // Экономика, статистика и информатика. 2014. № 2. С. 9–12.
3. *Воробьева А.Н.* Теоретические основы обучения иноязычной лексике студентов языкового вуза // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (23). С. 106–108.
4. *Давыдова Ю.Г.* К вопросу о понятии «лексическая компетенция» на продвинутых уровнях владения иностранными языками // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (72). С. 56–60.
5. *Касымова Р.Т.* Отбор тематической лексики в учебных целях // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 4. С. 676–686.
6. *Миньяр-Белоручев Р.К.* К проблеме формирования иноязычных лексических навыков // Иностранные языки в высшей школе: сб. научно-метод. статей / под ред. С.К. Фоломкиной. М.: Изд-во МПИ, 1989. Вып. 22. С. 3–9.
7. Основы методики преподавания иностранных языков / под редакцией проф. В.А. Бухбиндера, В. Штраусса. Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1986. 335 с.
8. *Саклакова Н.Н.* Формирование иноязычной коммуникативной компетенции: принципы отбора и закрепления лексического материала для написания учебного пособия по немецкому языку // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 420–422.
9. *Фокина К.В.* Методика преподавания иностранного языка: конспект лекций. М.: Высшее образование, 2008. 158 с.
10. *Шамов А.Н.* К вопросу об интеллекте и мышлении как фактор совершенствования лексического аспекта речи на иностранном языке // Иностранные языки в школе. 2013. № 11. С. 2–7.
11. DUDEN. URL: https://www.duden.de (дата обращения: 02.02.2019).

А.Э. Массалова
Тюменское высшее военно-инженерное
командное училище им. маршала инженерных войск
А.И. Прошлякова,
г. Тюмень

УДК 378.635.5:378.016:811.161.1

Преподавание русского языка как иностранного в специальных целях в военно-инженерном вузе

Аннотация. В работе рассматривается вопрос преподавания русского языка в специальных целях иностранным военнослужащим, отмечается актуальность профессионально-ориентированного обучения в условиях современной российской образовательной системы и интеграционных процессов. Описывается применение междисциплинарного подхода в практике преподавания языка специальности на примере военно-инженерного вуза.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, иностранные военнослужащие, междисциплинарная координация, профессионально-ориентированное обучение, язык специальности.

A.E. Massalova
Marshal of Engineer Troops Proshlyakov Tyumen
Higher Military Engineering Command School,
Tyumen, Russia

Teaching Russian as a Foreign Language for Special Purposes in a Military Engineering College

Abstract. The article deals with the issue of teaching the Russian language for special purposes to foreign servicemen, the relevance of professionally-oriented training in the conditions of the modern Russian educational system and integration processes. The article describes the use of an interdisciplinary approach in the practice of teaching the language of specialty on the example of military engineering University.

Keywords: Russian as a foreign language, foreign military personnel, interdisciplinary coordination, professionally-oriented training, language of specialty.

Актуализация вопроса профессионально-ориентированного обучения при изучении русского языка как иностранного (далее – РКИ) обусловлена высоким спросом образовательных услуг со стороны иностранных государств, иначе говоря, международный обмен, особенно популярный в последнее десятилетие, оказал влияние на востребованность получения профессии в российских вузах. В целях совершенствования учебного процесса преподавателям языка необходимо придерживаться важного в профессионально-ориентированном обучении принципа – межпредметной координации, – являющегося важнейшим элементом в формировании профессиональной компетенции студентов [4, с. 79]. Учет профессиональной специфики в учебном процессе, нацеленность языка на реализацию задач будущей профессиональной деятельности определены требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (см. [1], [5, с. 99]). Данная проблема разрабатывается в отечественной методике со второй

© А.Э. Массалова, 2019

половины XX века в работах таких исследователей, как Г.Н. Битехтина, Т.А. Вишнякова, Т.А. Володина, Л.П. Клобукова, О.Д. Митрофанова, Е.И. Мотина и др.

Обучение в стране изучаемого языка традиционно начинается с самого языка, в данном случае с русского языка как иностранного. Следующий этап обучения предполагает изучение специальных дисциплин, на этом этапе язык становится инструментом формирования коммуникативно-прагматической компетенции в профессиональной сфере. Как отмечают И.А. Ковынева, Н.Э. Петрова, «конечной целью обучения любому иностранному языку, в частности РКИ, является обучение свободному ориентированию в иноязычной среде и умению адекватно реагировать в различных ситуациях общения с носителями языка» [2, с. 28]. Отметим, что ключевым аспектом учебного процесса русского языка как иностранного в военном вузе является язык специальности, уровень которого должен соответствовать требованиям, предъявляемым выпускнику в соответствии с ФГОС.

Междисциплинарный подход к преподаванию РКИ заключается во взаимодействии преподавателей РКИ и специальных военно-инженерных дисциплин уже на этапе планирования содержания учебного процесса. Вопрос межпредметной координации необходимо поднимать еще на начальном этапе обучения иностранных военнослужащих (далее – ИВС) русскому языку, то есть вводить актуальную, профессионально значимую информацию на подготовительном курсе, что обеспечит готовность студентов к этапу специализации.

Русский язык как иностранный, выступающий в роли метаязыка, предназначен для функционирования в специальных сферах профессиональной деятельности.

Координация содержательного плана с параллельно читаемыми дисциплинами начинается с определения фундаментальных постулатов и методов работы с терминологией. Особое внимание уделяется терминологии, поскольку именно она отражает профессиональную специфику, специальную информацию. На данном этапе необходимо использование специально разработанных терминологических словарей, соответствующих специфике вуза. Останавливаясь на специальности военных инженеров, следует отметить, что, несмотря на существующий государственный заказ, обусловленный мировыми тенденциями и государственной политикой в системе образования, словарей / лексических минимумов по РКИ для профессиональной подготовки иностранных военнослужащих на сегодняшний день нет. В данном случае преподавателю русского языка как иностранного, помимо сотрудничества с военными кафедрами специальных дисциплин, приходится обращаться к словарям политехнических терминов, технических терминов, военных терминов. Удобным в использовании и дидактически ценным при работе с учебной информацией является сайт Министерства обороны РФ (http://mil.ru). На сайте размещены следующие словари: «Военный энциклопедический словарь», «Военно-биографический словарь», «Справочник по терминологии в оборонной сфере».

Отсутствие универсального словаря не единственная лингводидактическая проблема, с которой сталкиваются преподаватели русского языка как иностранного в военно-инженерном вузе. Не менее важной остается проблема отсутствия учебных пособий для иностранных военнослужащих инженерного профиля. Поскольку в военном вузе используется специальная терминология при изучении профильных дисциплин, преподаватель РКИ вынужден на основе имеющихся учебных пособий составлять специальные учебно-методические пособия или даже комплексы, включающие тексты профессионально-ориентированного содержания [3, с. 196].

Подводя итоги нашим размышлениям о междисциплинарной координации в практике преподавания РКИ, отметим, что в эпоху актуальности интеграционных процессов, необходимость которых обусловлена различными тенденциями (социальными, научными, образовательными), важным элементом обучения иностранных студентов/курсантов

в российских вузах становится интегрирование на уровне внутривузовских дисциплин, то есть корреляция изучаемого языка и специальных предметов.

Список использованной литературы

1. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Профессиональные модули. Первый уровень. Второй уровень / Н.П. Андрюшина [и др.]. СПб.: Златоуст, 2000. 56 с.

2. *Ковынева И.А., Петрова Н.Э.* Междисциплинарная интеграция русского языка и профильных дисциплин в медицинском вузе при обучении иностранных студентов языку специальности (из опыта преподавания) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 28–34.

3. *Массалова А.Э.* Концепция обучения русскому языку иностранных военнослужащих инженерного профиля // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 196–202.

4. *Массалова А.Э.* Основные принципы обучения русскому языку иностранных военнослужащих инженерного профиля // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 2 (38). С. 79–91.

5. *Массалова А.Э., Дзюба Е.В.* Особенности и содержание профессионально ориентированного обучения при изучении русского языка как иностранного // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. С. 99–105.

Ж. Миленич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

УДК 372.882

Актуальные проблемы изучения русской литературы в вузах Боснии и Герцеговины

Аннотация. В Боснии и Герцеговине русский язык и литературу преподают только в четырех государственных университетах: в Университете в Сараево, Университете в Восточном Сараево, Университете в Бане Луке и Университете в Западном Мостаре. В Республики Сербской действует система образования бывшей Югославии, где обучение в бакалавриате длится четыре года, а в магистратуре – два года. В Федерации Босния и Герцеговина принята Болонская система образования, где на бакалавра учатся три года, а на магистра – два года. Основные проблемы в изучении русской литературы – недостаток квалифицированных кадров и научно-методической литературы. Эти проблемы университеты пока решают, приглашая преподавателей из Сербии и Хорватии и используя литературу, опубликованную в этих же странах.

Ключевые слова: высшее образование, Босния и Герцеговина, русская литература, школьная программа, педагогическое образование.

Z. Milenich
National Research University
“Higher School of Economics”,
Moscow, Russia

Actual Problems of Studying Russian Literature in Universities of Bosnia and Herzegovina

Abstract. In Bosnia and Herzegovina, Russian language and literature is learned only in four public universities: the University of Sarajevo, the University of Eastern Sarajevo, the University of Banja Luka and the University of West Mostar. Serb Republic has a system of education like in the former Yugoslavia, where the bachelor’s degree longed takes four years, and the master's program takes two years. In the Federation of Bosnia and Herzegovina, the Bologna education system has been adopted, where studying for bachelor takes three years and studying for master’s degree two years. The main problems in studying of Russian literature – lack of qualified personnel and literature. The universities solve these problems by inviting professors from Serbia and Croatia and using literature published in these countries.

Keywords: higher education, Bosnia and Herzegovina, Russian literature, school program, pedagogical education.

Босния и Герцеговина – одна из беднейших стран в мире. В рейтинге ста стран мира по величине валового внутреннего продукта (ВВП) за 2018 год, где на первом месте США, а на последнем – Камерун, Босния и Герцеговина отсутствует. Из стран бывшей Югославии на 78 месте расположилась Хорватия, на 80 месте – Словения, а на 86 месте – Сербия [1].

Поэтому неудивительно, что бюджет, выделяемый в Боснии и Герцеговине на образование, недостаточен, что негативно отражается на качестве образования.

© Ж. Миленич, 2019

С конца Второй мировой войны 1945 года и до начала гражданской войны 1992 года в Боснии и Герцеговине школьный предмет «русский язык» изучался в первой школе 4 года (с пятого по восьмой класс), в средней школе (гимназии, ремесленные училища, ПТУ, колледжи) – 3–4 года и почти во всех университетах Боснии и Герцеговины – 4–5 лет, как и во всей Югославии. К сожалению, с начала гражданской войны 1992 года этот предмет больше не преподается ни в первой, ни в средней школе, а в вузах русистика как направление на философских факультетах существует только в четырех университетах. В энтитете Республика Сербская есть направление русистика на филологическом факультете Университета в Бане Луке и на философском факультете Университета в Восточном Сараево. В Федерации Боснии и Герцеговины направление русистика организовано на философском факультете Университета в Сараево и на философском факультете Университета в Западном Мостаре.

Всё это государственные университеты, которые существовали и во времена Югославии, кроме Университета в Восточном Сараево. После образования Боснии и Герцеговины как отдельной страны во многих городах появились частные и иностранные университеты, но ни в одном из них не преподают русский язык и литературу. Причина не в отсутствии интереса к изучению русского языка и литературы, а в нехватке преподавательского состава.

Преподавание русистики в Федерации Боснии и Герцеговины ведется по Болонской системе образования, потому что Босния и Герцеговина, как и Российская Федерация, подписала Болонское соглашение [4]. Учеба в вузах длится три года (шесть семестров) для бакалавров и два года (четыре семестра) для магистров. На философском факультете Университета в Западном Мостаре существуют направления с двумя предметами – русский язык и литература и хорватский язык и литература [5, с. 13]. В Университете в Бане Луке есть русский язык и литература и сербский язык и литература, но на филологическом факультете Университета в Бане Луке на бакалавра учатся, как в Боснии и Герцеговине до Гражданской войны, четыре года, а на магистра – всего один год [2]. Так же и на философском факультете Университета в Восточном Сараево, где есть направления с одним предметом [3, с. 21]. На Философском факультете в Сараево на направлении славистики у студентов есть выбор: изучать только русский язык и литературу или добавить дополнительное направление этого же факультета [6, с. 3].

Главная проблема преподавания русистики в вузах Боснии Герцеговины – дефицит квалифицированных кадров, особенно в Восточном Сараево и Западном Мостаре. Так, в Восточном Сараево на факультете русистики постоянно работают высшими ассистентами только два магистра (по закону о высшем образовании магистры не могут быть преподавателями) и один доцент [3, с. 39]. В Восточном Сараево работают приглашенные преподаватели с филологического факультета Университета в Белграде, а в Западном Мостаре – с философских факультетов университетов Хорватии из городов Задара и Загреба [5, с. 13]. На философском факультете Восточного Сараево студентов обучают преподаватели из университетов Сербии из городов Ниш и Крагуйевац, поэтому у студентов отсутствует возможность непрерывно изучать предметы [3, с. 39].

Из-за того что русский язык не изучают больше в первой и средней школе, первокурсники в вузах Боснии и Герцеговины не умеют ни говорить, ни читать по-русски и должны осваивать русский язык с нуля. Пока студенты изучают русский язык, научную литературу они читают на сербском, хорватском, английском или немецком языке. Научной литературы на боснийском языке очень мало, поэтому студентам рекомендована научная литература в основном на сербском и хорватском языке.

Также и русскую литературу студенты на первом курсе не могут читать в оригинале и должны с ней познакомиться из переводов на сербский, хорватский и боснийский язык. А так как переводчиков русской литературы в Боснии и Герцеговине очень мало, студен-

ты пользуются переводами на хорватский и особенно на сербский язык, потому что больше всего переводчиков русской литературы в Сербии.

Так, на направлении русистики в Западном Мостаре первый предмет, связанный с русской литературой, начинается в первом семестре – «Введение в изучение литературы». Из трех модулей первый связан с русской литературой – «История русской литературы» [5, с. 15]. Чтобы кратко познакомиться со всей русской литературой, необходимо проштудировать какую-то книгу об истории русской литературы. К сожалению, за последние сто лет никто из русистов в Югославии такую книгу не написал и не перевел с русского языка. Только в Загребе перевели с немецкого языка в 2009 году книгу «История русской литературы» Р. Лауера, которая для этого модуля обязательна. Дополнительная книга для изучения – перевод на сербский язык книги М. Бахтина «О романе», но ее трудно найти потому, что опубликована в Белграде в 1989 году, а ещё труднее отыскать сборник «Поэтика русского формализма», опубликованный в Белграде в 1970 году [5, с. 33]. Еще есть несколько книг на русском языке, но их студент первого года обучения не сможет прочитать.

Во втором семестре в программе появляется новый предмет – «Русский романтизм». Обязательны для изучения три книги Пушкина в переводе на хорватский язык и «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова в оригинале. Но на русском языке их студент-первокурсник не прочтёт. Все дополнительные книги для изучения – на английском языке. Студенты, хорошо знающие английский язык, смогут ими пользоваться, но их также трудно найти. Из Интернета возможно скачать только сборник «The Routledge Companion to Russian Literature» 2001 г. [5, с. 100].

Из приведённого обзора программы первого и последующих годов обучения видно, что наибольшая важность придаётся изучению русского языка (т. е. лингвистики), а не изучению русской литературы. Эта программа преимущественно даёт основы для преподавания русского языка в первых и средних школах (хотя, как я и сказал ранее, в этих школах русский язык как предмет пока не существует).

На втором году обучения из русской литературы добавляется предмет «Ранний и развитый реализм» и «Высокий реализм», а на третьем году – «Дезинтеграция реализма» и «Русская литература первой половины 20-го века» [5, с. 111].

На первом году магистерской программы есть важный предмет – «Перевод литературного текста». Обязательная литература – две книги на русском языке [5, с. 132]. В качестве дополнительной литературы – несколько книг на хорватском и сербском языке. Думаю, что они должны быть обязательными, но они давно опубликованы и их трудно найти. В программе отсутствует практика перевода, которую необходимо внедрить в образовательный процесс. За основу можно взять упражнения из практики перевода, которые ведет в Университете в Бане Луке опытный переводчик с русского языка Зоран Костич.

Также на первом курсе есть предмет «Современная русская литература 1», хотя студенты не изучают современную русскую литературу, только русскую литературу 20 века (до 80-х годов). На самом деле современную русскую литературу изучают на предмете «Современная русская литература 2» [5, с. 149]. В качестве необязательного предмета русской литературы – «Язык утопического и антиутопического романа» [5, с. 180].

Похожее распределение предметов на направлении «русский язык и литература» имеется в Университете в Сараево, и в Университете в Бане Луке, и в Университете в Восточном Сараево. В Университете в Восточном Сараево есть возможность обучиться один год на магистра по направлению «Русский язык и литература», но такой возможности нет в Университете в Бане Луке. К сожалению, нигде в вузах Боснии и Герцеговины нет возможности закончить аспирантуру по специальностям «русский язык» и «русская литература» [3, с. 54].

Несмотря на сложности, есть основания для оптимизма, потому что интерес к изучению русского языка и русской литературы в Боснии и Герцеговине растет. Растет и число студентов, которым интересна академическая карьера, благодаря которым будут уменьшаться проблемы недостатка квалифицированных кадров.

Список использованной литературы

1. Новости экономики. URL: http://www.econominews.ru/mirovaja-jekonomika/818-vvp-stran-mira-2018.html (дата обращения: 18.01.2019).
2. НАСТАВНИ ПЛАНИ ПРОГРАМ РУСКИ ЈЕЗИК (руски), Универзитет у Бањој Луци: Филолошки факултет. URL: https://www.flf.unibl.org/наставни-план-и-програм-руски-језик-ру/(дата обращения: 18.01.2019).
3. EVROPSKI PROSTOR VISOKOG OBRAZOVANJA (Bolonjska deklaracija). URL: www.untz.ba/uploads/file/bolonjski%20proces/Bolonjska%20deklaracija.pdf (дата обращения: 18.01.2019).
4. Nastavni plan i program preddiplomskog i diplomskog dvopredmetnog studija ruskog jezika i književnosti, Filozofski fakultet Sveučilišta u Mostaru, Mostar, 2018, с. 199
5. Odluka o izmjenama i dopunama i tehničkim ispravkama Nastavnog plana i programa Odsjeka za slavenske jezike i književnost I i II ciklusu studija, Univerzitet u Sarajevu, Filozofski fakultet, Sarajevo, 14. 7. 2017, с. 130. URL: http://ff.unsa.ba/files/trajno/npp_2017/bhs_jezik.pdf (дата обращения: 18.01.2019).
6. OKVIRNI ZAKON O VISOKOM OBRAZOVANJU U BOSNI I HERCEGOVINI, PSBiH broj 94/07, Sarajevo, 30. jula 2007. godine, с. 92. URL: http://www.unsa.ba (дата обращения: 18.01.2019).

В.А. Миллер
Омский автобронетанковый
инженерный институт,
г. Омск

УДК 81.373

Стратегии семантизации эмоционально-оценочной лексики студентами-филологами: экспериментальное исследование

Аннотация. В данной статье рассматриваются стратегии семантизации, выбираемые носителями языка при толковании эмоционально-оценочной лексики. Акцент сделан на несоответствии значения слова, отраженного в дефинициях, представленных авторами толковых словарей, и вариантов толкований, предлагаемых рядовыми носителями языка. Приводятся результаты анализа семантического эксперимента. Автор делает вывод о том, что при толковании исследуемого материала доминирующей является дефиниционная стратегия.

Ключевые слова: семантика, стратегии семантизации, семантический эксперимент, эмоционально-оценочная лексика, некодифицированная жаргонно-просторечная лексика.

V.A. Miller
Omsk Tank-Automotive
Engineering Institute,
Omsk, Russia

Strategy Semantics Emotional and Evaluative Vocabulary of Students-Philologists: Experimental Study

Abstract. The article deals the strategies of semantization chosen by native speakers in the interpretation of emotional evaluation vocabulary. The emphasis is made on the discrepancy between the meaning of the word reflected in the definitions presented by the authors of dictionaries and the variants of interpretations offered by ordinary native speakers. The results of the semantic experiment analysis are presented. The author concludes that the definition strategy is dominant in the interpretation of the material under study.

Keywords: semantics, strategy, semantics, semantic experiment, emotional and evaluative vocabulary, tacit slang vernacular vocabulary.

Введение

Современное состояние русской лексикографии характеризуется большим количеством словарных изданий разных типов. Несомненно, актуальной остается проблема репрезентации языковых единиц в словарях.

Особый интерес для нас представляют словари некодифицированной лексики: в них проявляется противоречие, которое заключается в несоответствии значения слова, отраженного в дефинициях, представленных авторами-составителями, и в вариантах толкований, которые дают рядовые носители языка. Такое расхождение выявляется в вариативности используемых для толкований стратегий семантизации.

В данной статье используется определение стратегии семантизации, данное А.Н. Ростовой: «Это закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и истолкование значений» [7, с. 120].

© В.А. Миллер, 2019

Цель данной статьи: представить анализ результатов семантического эксперимента, проведенного среди студентов-филологов, и выявить особенности семантизации некодифицированной эмоционально-оценочной лексики участниками эксперимента.

Испытуемые: студенты I–III курсов факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (далее – ОмГУ) в возрасте от 19 до 22 лет.

Метод исследования – семантический (психолингвистический) эксперимент.

Материал исследования: для толкования информантам были даны слова, относящиеся к лексике, служащей для оценки человека, его физических, психологических и моральных качеств. Данные лексемы были получены в ходе анкетирования, проведенного в декабре 2017 года среди курсантов Омского автобронетанкового инженерного института и студентов Омского колледжа транспортного строительства. Во время анкетирования информанты получили следующее задание: «Подумайте и постарайтесь как можно быстрее записать слова, которые вы используете для отрицательной и/или положительной оценки человека». После обработки 225 анкет были выбраны наиболее частотные слова с пометами «+» и «–». Далее методом случайных чисел были получены десять слов для семантического эксперимента: *олень, монстр, чмо, молот, косяк, няшка, дичь, мэн, лох, мачо.*

Процедура эксперимента и обработки данных: исследование проводилось в мае 2018 года в ОмГУ. Перед началом исследования реципиенты получили анкету со списком слов и задание: «Дайте дефиниции следующих слов». Запись толкований производилась в течение 20 минут. В анкете респонденты указывали свой пол и возраст.

Полученные определения были проанализированы с точки зрения стратегий семантизации, используемых информантами в процессе толкования слов. В данном исследовании была использована классификация стратегии семантизации, разработанная Т.Ю. Кузнецовой: *дефиниционная, описательная, ассоциативная, контекстная, мотивационная* и *отсылочная* [5, с. 95–96].

Результаты

Применение **дефиниционной стратегии** при объяснении лексики «представляет собой процесс соотнесения слова с денотатом и набором видовых признаков» [7, с. 97]. Данной языковой стратегии свойствен тип отношений, который «предопределен устройством самого языка, <…> модель ориентирована на отражение неких стандартов, типовых ситуаций, известных большинству говорящих» [1, с. 142].

Приведем примеры толкований с использованием данной стратегии. Отметим, что при анализе толкований, представленных реципиентами, были выявлены вариативность денотата и вариативность дифференциальных признаков:

1. Вариативность денотата: *Олень – дурак / глупый человек / осел / животное с рогами. Монстр – мастер / чудовище. Молот – молоток / молодец / инструмент для забивания гвоздей. Косяк – самокрутка / наркотик / человек, который косячит. Няшка – девушка / милашка / миловидное существо. Мэн – мужчина / человек / парень. Лох – неудачник / бестолочь. Мачо – мужчина / альфа–самец / мэн.*

2. Вариативность дифференциальных признаков: *Олень – глупый / наивный / неповоротливый / тупой. Монстр – безжалостный / жуткий / сильный / страшный. Чмо – аморальный / ничтожный / противный / слабохарактерный / плохой/ некультурный. Няшка – милый / красивый / симпатичный. Дичь – странный / дикий / приличный / болтливый / впечатлительный. Мэн – смелый / крутой / прошаренный / сильный / грубый. Лох – жалкий / простодушный / нудный / скучный. Мачо – высокий / привлекательный / смелый / вызывающий / привлекательный / популярный.*

Используя **описательную стратегию**, информанты характеризуют слово путем перечисления разнообразных признаков, свойств, действий. Ср.: *Олень – глупый человек.*

Олень – человек, который сделал что-то очень глупое. Монстр – добившийся успеха. Монстр – человек, который может многое, больше, чем все. Чмо – ничтожный человек. Чмо – человек, который не стоит уважения, так как он поступает плохо по отношению к другим людям.

Отсылочная стратегия была представлена ***лексико-отсылочным способом***, при котором реципиенты производили ссылку на синоним: *Олень – то же, что и осел. Лох – это то же, что и чмо. Мачо – это мэн. Няшка – это как симпатичный. Чмо – это как лох, глупый.*

При использовании ассоциативной стратегии носитель языка не актуализирует дифференциальные признаки слова. Объяснение посредством ***ассоциативной стратегии*** происходит через спонтанные реакции реципиентов на слово. Так, на слово *олень* получены ассоциации, связанные с ареалом обитания животного: *живет в лесу*; синонимичные ассоциации: *база отдыха на Алтае, магазин для охотников и рыболовов.* На слово *молот* получены ассоциации, связанные с местом, где может использоваться инструмент: *есть в кузнице у кузнеца*.

Толкование с помощью **контекстной стратегии** происходит через употребление слова в конкретном контексте, шире – в прецедентных текстах [6, с. 103]. Так, при толковании слова *олень* испытуемые приводили в пример строчку из песни «Лесной олень»: *неси меня, олень, в свою страну оленью*, на слово *молот* – книгу *«Молот ведьм»*; на слово *дичь* – цитату из кинофильма «Бриллиантовая рука»: *«Федя, дичь!»*

Отметим отсутствие описанной в методике Т.Ю. Кузнецовой **мотивационной стратегии**. Данная стратегия направлена на «актуализацию мотивировочного признака, положенного в основу номинации» [7, с. 102]. Думается, что отсутствие мотивационной стратегии связано с характером экспериментального материала: данные слова не представляли интереса для реципиентов с точки зрения этимологии и морфемики, поэтому и обращения к внутренней форме не произошло.

Выводы

1. Языковой материал был представлен жаргонно-просторечными словами, однако большинство испытуемых (91 %) объясняли значение слов, отказы составили 9 %.

2. Слова *олень, молот, дичь* реципиенты оставляли без толкования (11 %), давали общеупотребительные дефиниции (70 %) или приводили ассоциации (19 %). Отметим, что слова *дичь* и *молот* в тех значения, которые информанты давали на первом этапе отбора лексики («неадекватно реагирующий человек» и «тот, кто справляется со всеми проблемами»), имеют локальное употребление и в словарях жаргона не встречаются. Мы предположили, что реципиентам, участвующим в эксперименте на втором этапе, значения данных слов были незнакомы, что впоследствии подтвердилось во время беседы.

3. При толковании реципиенты использовали жаргонно-просторечную лексику, так как сам языковой материал задает «сниженную неофициальную тональность общения и повышает вероятность появления ответов-жаргонизмов» [2, с. 139]. Поэтому испытуемые, действуя по аналогии, использовали слова той же стилистической, а иногда и эмоциональной тональности, что и некоторые слова-стимулы [3, с. 133].

4. Слова *монстр, мэн* и *мачо* на этапе отбора материала определялись информантами как слова с положительной оценкой. Второй этап показал амбивалентность оценки: 69 % респондентов дали им положительную характеристику (*сильный, тот, кто многое может / совершивший смелый поступок, сильный, крутой / привлекательный, решительный*), 31 % респондентов дали дефиниции с отрицательной оценкой (*страшный, жуткий / грубый, злой / слишком высокого мнения о себе / вызывающий*). Думается, что реципиенты подчеркивали актуальное для них значение слова, так как «называние и понимание всегда связаны с переживанием именуемого или идентифицируемого» [4, с. 50].

5. Исследование показало, что превалирующей стратегией осмысления значения является дефиниционная стратегия (79,2 %). Менее продуктивными являются описательная (8,2 %), ассоциативная (7,6 %), отсылочная (9,1 %), контекстная (5 %). Думается, что присутствие последних стратегий оправдано тогда, когда участник эксперимента не может или не хочет давать толкование слова. В результате у испытуемых возникают ассоциации, отсылки к контексту.

Доминирование дефиниционной стратегии, видимо, объясняется тем, что в эксперименте принимали участие студенты-филологи, знакомые с термином «дефиниция» и с требованиями, предъявляемыми к оформлению словарной статьи. Таким образом, строго следуя полученному заданию объяснить значение слова, испытуемые давали толкование с опорой на денотат так, как это принято в словарях. Полученные в ходе эксперимента данные могут стать основой для дальнейшей работы по изучению стратегии семантизации эмоционально-оценочной лексики: перспектива исследования видится в верификации полученных результатов с привлечением студентов неязыковых вузов.

Список использованной литературы

1. *Балабанова А.Г.* О дефиниционной стратегии семантизации медицинских терминов (на материале определений студентами терминов из понятийной сферы «инфекционные болезни») // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2014. №4 (60). С. 142

2. *Гольдин В.Е., Сдобнова А.П.* Языковое сознание школьников в современной коммуникативной ситуации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 133–141.

3. *Гуц Е.Н.* Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект: дис. … докт. филол. наук. Омск, 2005. 487 с.

4. *Залевская А.А.* Некоторые особенности естественного семиозиса // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Вып. 3. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. С. 49–61.

5. *Кузнецова Т.Ю.* Метаязыковая деятельность рядового носителя языка: типы стратегий толкования узкоспециальных и общеупотребительных слов // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 94–105.

6. *Кузнецова Т.Ю.* Стратегии семантизации слов и факторы, детерминирующие выбор // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2011. №3 (43). С. 15–18

7. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.

И.Л. Муль
Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

Е.Ю. Виданов
Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

УДК: 811.161.1'271.1

Речетворческое моделирование в процессе изучения русского языка как иностранного, или Языковая игра устами инофона

Аннотация. Статья посвящена особенностям игровой речетворческой деятельности иностранцев, изучающих русский язык. Авторы исследуют речевые техники, используемые инофонами в процессе сознательной языковой игры. Доказано, что наибольшую склонность к речевому творчеству проявляют те иностранцы, которые имеют высокий уровень мотивации к освоению русского языка, нестандартное мышление и широкий кругозор, обеспеченный включенностью этих инофонов в различные лингвокультуры. Одним из базовых принципов языковой игры выступает отношение к изучаемому языку как к набору элементов, манипулятивное отношение к которым приводит к созданию языковой шутки. Реализация данной стратегии позволяет говорящему ощутить коммуникативное удовольствие благодаря выходу за рамки регламентированного общения.

Ключевые слова: языковая игра, инофоны, лингвокреативная деятельность, игровое словопроизводство, речевое моделирование.

I.L. Mul
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

E.Yu. Vidanov
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia

The Game Spelling Modeling in the Process of Studying Russian as a Foreign Language, or a Language Game of the Mouths of Foreign Students

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the game spelling activity of foreigners learning the Russian language. The authors explore the speech techniques used by foreigners in the process of conscious language play. It is proved that those foreigners who have a high level of motivation to master the Russian language, innovative thinking and broad horizons, ensured by the inclusion of these inophones in various linguistic cultures, show the greatest inclination to speech creativity. One of the basic principles of the language play is the attitude towards the language being studied as a set of elements, the manipulative attitude towards which leads to the creation of a language joke. The implementation of this strategy allows the speaker to feel the communicative pleasure due to going beyond the framework of the regulated communication.

Keywords: language play, ino-phones, linguocreative activity, play word-formation, speech modeling.

© И.Л. Муль, Е.Ю. Виданов, 2019

Механизмы языкового творчества инофонов, осваивающих русский язык, – сфера менее изученная, нежели другие области лингвокреативной деятельности. Между тем именно постижение игровых техник, используемых иностранцами в процессе общения на русском языке, позволяет глубже проникнуть в природу творчества вообще и в его лингвистическую ипостась в частности.

Признавая многоаспектность феномена языковой игры и его творческую составляющую в качестве сущностного принципа [2, с. 4], обратимся к описанию некоторых лингвокреативных техник, реализованных инофонами в процессе коммуникации на русском языке. Сразу подчеркнем, что в данной сфере языковая игра обнаруживает свои базовые свойства, выступая как «производное от индивидуальных черт homo ludens («человека играющего» – Й. Хейзинга), его речевой инициативы (лингвистической активности и креативности) и одновременно как реализация в речевой деятельности операциональных (вариативных, нежестких), системно заданных языковых алгоритмов» [2, с. 4].

Наши наблюдения показывают, что склонность к метаязыковой рефлексии в её игровом проявлении обнаруживают прежде всего те иностранные учащиеся, которые обладают высоким уровнем мотивации к изучению русского языка, имеют мощный интеллектуальный багаж, сформированный как в процессе получения профессионального образования, так и в ходе освоения других языков, преимущественно индоевропейских. К данной группе учащихся мы относим стажёров из Японии (сотрудников торгово-инвестиционных компаний), которые приезжают в ОмГПУ с целью «не только освоить русский язык, но и постичь особенности русского мира во всём его многообразии, поскольку условия ведения успешного бизнеса требуют от них постоянного проживания в России и разноформатного взаимодействия с российскими партнёрами» [1, с. 110].

Особенности коммуникативного поведения именно этой группы студентов состоят в том, что им свойственно отношение к языку как к набору элементов, которые, подобно деталям сложного конструктора, можно комбинировать, создавая речевые единицы различного порядка. Так, увидев изображение наручников и не имея в индивидуальном лексиконе узуального наименования данного предмета, японский студент Рой создаёт окказиональную лексическую единицу *рукозакрыватель*, демонстрируя познанную технику словопроизводства (ср: *снегоочиститель*, *сахарозаменитель* и под.). Созданная единица не вызывает отторжения у носителя языка, поскольку она согласуется с типичными для русского языкового сознания механизмами деривации (вспомним хрестоматийные *мокроступы* вместо *калоши*, *человекоподъёмник* вместо *лифт* и др.). Или другой пример, иллюстрирующий противоположный вектор данной техники: японский стажёр Рё, забыв в очередной раз переобуться перед уходом домой, возвращается на кафедру со словами: – *Опять забыл! «Опять» – это потому, что пять раз забыл? А десять раз забыл – будет «одесять»?* В данном случае осуществляется попытка говорящего обнаружить потенциально выводимую внутреннюю форму (не истинную с точки зрения этимологии), коррелирующую с актуальной коммуникативной ситуацией, в которой это слово было употреблено (он забыл переобуться не в первый раз, а, возможно, как раз в пятый).

Приведенные примеры позволяют увидеть, что инофоны воспринимают русский язык как набор элементов, с помощью которых можно реконструировать определенный участок языковой системы, используя имеющийся в распоряжении говорящего языковой инструментарий (в данном случае – набор морфем). Безусловно, подобные лексические инновации и попытки реконструкции внутренней формы слова не продиктованы установкой на языковую игру, но они, как факты «компенсационной креативности» [2, с. 47], свидетельствуют о том, что постигнут закон, механизм, которым впоследствии можно манипулировать в игровых целях.

Рассмотрим собственно игровые контексты, в которых инофон реализует установку на сознательную эксплуатацию (нарушение) познанных законов русской языковой си-

стемы в результате обостренной языковой рефлексии, свидетельствующей о лингвистической одаренности говорящего и его стремлении к самовыражению через осознаваемую языковую игру.

Намеренно ошибочную (шуточную) расшифровку аббревиатуры в диалоге с преподавателем демонстрирует японский стажёр Косаку: *П.: – Если сломалась машина, то нужно обратиться на СТО – станцию технического обслуживания. К.: – На станцию трудолюбивых отцов.* Ср. также другой диалог: Рой читает текст о реформе ЖКХ, произнося аббревиатуру как *[жэ-кэ-хэ]*. Преподаватель поправляет: – *Рой, не хэ, а ха!* Рой: – *Жэ-кэ-ха! Ха-ха-ха!*

Большой пласт игровых инноваций связан с морфо-деривационными особенностями русского языка. Представляется, что морфема выступает для инофона удобным знаком, используя который говорящий может относительно свободно создать новую номинацию.

Преподаватель заходит на кафедру и слышит, что японские студенты говорят между собой по-японски. Он делает им замечание: – *Что такое?! Говорите по-русски!* Косаку: – *Мы говорим по-ройски!* В данном случае наблюдается использование узуальной словообразовательной модели *по-+-ски*, которая заполняется неузуальным базовым элементов – именем собственным *Рой*, при этом Рой является одним из участников беседы и воспринимается всеми коммуникантами как организующий центр. Кроме этого, дополнительным стимулом для продуцирования игровой инновации служит созвучное наречие *по-русски*, используемое в качестве прототипа.

Аналогичным образом инофонами используются модели словопроизводства русских отчеств. Так, преподаватель и Косаку обсуждают плакат, на котором написано: «Ночь работе не помеха!». Косаку: – *Я не хочу работать круглосуточно. Это Евгений Юрьевич – Евгений Круглосуточнович…* Другой пример, в котором инициатором игровой ситуации выступает сам преподаватель, обращаясь к коллеге: – *Ирина Сенсеевна!* Косаку, вступая в разговор, рассуждает: – *Сенсей всегда сенсей.* Коллега обосновывает правомерность игровой номинации: – *Но мой папа был учителем, значит, я могу быть Сенсеевной.* Косаку: – *Значит, я Косаку Инженерович.*

Игровое словопроизводство не только является показателем освоенности языковых законов, но и служит лингводидактическим целям: речевое моделирование способствует обогащению лексического запаса инофонов. Преподаватель и Рой пьют чай. П.: – *Рой, подай, пожалуйста, сахарницу. Я купил сахар.* Рой подаёт сахарницу, преподаватель высыпает туда сахар. П.: – *Рой, дай конфетницу*. Рой подаёт конфеты в вазочке. П.: – *Рой, дай салфетницу*. Рой неожиданно подаёт одну салфетку. Преподаватель объясняет, что суффикс *-ниц-* выражает, в частности, значение ‘вместилище, посуда’. Салфетница – это посуда для салфеток. Рой: – *Тогда кафедра – это евгенница*.

Показателем достаточно высокого уровня владения русским языком служит игровая интерпретация грамматической формы, которая была ошибочно сконструирована стажёром, только начавшим изучать русский язык. Рой, заглянув в планшет Юдзиро, видит подписанные именами преподавателей папки: *Ирина, Наталья, Евгенее*. Задаёт вопрос преподавателю, который этих папок не видел: – *Евгений Юрьевич, вы компаратив?* Преподаватель в недоумении переспрашивает Роя: – *Компаратив? Почему?* Рой, показывая на надпись в планшете: – *Евгенее, суффикс -ее – значит, вы компаратив!*

Речетворческий потенциал инофона обнаруживается и на уровне семантики, что проявляется в установлении непривычных для носителя русского языка ассоциативных связей. Так, после наступления осенних холодов преподаватель замечает*: – О, Рё, у тебя одна куртка, вторая…* Рё: – *Да, я матрёшка.* Данный пример демонстрирует механизм семантического сближения на основе нестандартной метафоризации, ведь для нас более

привычными в этой ситуации являются иные контексты: *оделся как капуста, дед во сто шуб одет* и т. д.

Подводя итоги, подчеркнём, что коммуникативное удовольствие, обеспеченное возможностью почувствовать себя «хозяином» не родного языка, имманентно природе языковой игры как лингвокреативной деятельности. Японские стажёры, будучи вовлеченными в смеховую стихию русской речи, обретают, как представляется, желанное чувство свободы, которое контрастирует со стереотипными представлениями о чётко регламентированных, ранжированных способах общения в японской корпоративной и национальной лингвокультуре. Иными словами, языковая игра в исследуемой сфере проявляет свою рекреативно-гедонистическую функцию. Бесспорным представляется и то, что языковая игра в речи инофонов обнаруживает антропоцентрическую направленность: она являет собой продукт речетворческой деятельности индивида, отражая его аксиологические ориентиры.

Кроме того, необходимо оценить ту скорость, с которой японские студенты продуцируют игровые номинации применительно к каждой конкретной коммуникативной ситуации. Шутка оказывается точной, к месту, что усиливает её эмоционально-эстетический заряд и служит показателем высокого уровня владения русским языком как иностранным. Обучающиеся проявляют себя как создатели языковой шутки, сознательно оперирующие имеющимся в их распоряжении языковым инструментарием.

Список использованной литературы

1. *Виданов Е.Ю., Муль И.Л.* Креативный потенциал языковой системы в процессе межкультурного взаимодействия // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 102–114.

2. *Гридина Т.А.* Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008. 165 с.

С.Б. Невежина
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 378.14

Получение опыта творческой деятельности в процессе изучения иностранного языка студентами вуза

Аннотация. Статья посвящена получению студентами опыта творческой деятельности в процессе изучения иностранного языка. Дается определение творческой деятельности и опыта творческой деятельности. Обращается внимание на готовность студентов к получению опыта творческой деятельности как необходимое условие присвоения этого опыта. Подчеркивается значимость осознанности и осмысленности их деятельности в этом процессе. Анализируются результаты опроса студентов, проведенного с целью актуализации для них вопросов развития творчества и потенциала иностранного языка в этом развитии. Делаются выводы о необходимости учета преподавателем результатов опроса при организации педагогического процесса.

Ключевые слова: высшее образование, иностранный язык, творческие способности, творческая деятельность, опыт творческой деятельности.

S.B. Nevezhina
Dostoyevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

The Experience of Creative Activity in the Process of Learning a Foreign Language University Student

Abstract. The article is devoted to the creative activity experience that students get in English learning. Creative activity and creative activity experience are defined. Student's preparedness and awareness as requirements for effective gaining creative activity experience are paid attention. The results of the student questionnaire on creativity development by means of English learning are analyzed and recommendations for teaching are given.

Keywords: higher education, foreign language, creativity, creative activity, creative activity experience.

О необходимости развития творческой личности как востребованной обществом будущего (с его вызовами, нестабильностью, текучестью и прочими особенностями) сегодня говорят повсеместно, подчеркивая потенциал иностранного языка в ее развитии.

Однако, как показывает практика преподавания этой дисциплины в неязыковом вузе, задания, призванные развивать творческие способности студентов, не всегда встречают понимание и поддержку в учебной группе, чему есть ряд причин (объективного и субъективного плана, к тому же не всегда очевидных). Особенно настораживает это явление в группах с высоким уровнем языковой подготовки. Очевидно, что сегодня творческая деятельность студентов требует внимания и осмысления с точки зрения ее содержания, целей и форм в педагогическом процессе в рамках преподавания иностранного языка в неязыковом вузе.

Творческую деятельность мы понимаем достаточно широко: это деятельность, результатом которой является создание **качественно новых** материальных и духовных ценностей [1].

Творческая личность развивается в деятельности через получение студентами опыта творческой деятельности, условия для которого и должен создавать преподаватель в ходе учебного процесса.

© С.Б. Невежина, 2019

Из имеющихся определений опыта творческой деятельности нам близко определение Т.Е. Тлегеновой, для которой это «результат творческого активного освоения и реализации теоретической (знания) и практической (умения, навыки) готовности к осуществлению их критической переработки, способности мобилизовать их в нестандартной ситуации и осмыслить свое отношение к деятельности (удовлетворенность, стремление к самостоятельности, видение проблемы и путей ее решения, новизну результата деятельности) с учетом личностных потребностей, возможностей и способностей» [3, с. 11].

Но опыт может быть присвоен или не присвоен студентом в зависимости от степени его готовности, на что, в свою очередь, влияет степень осознанности и осмысленности происходящего в ходе учебного процесса. Учитывая прагматичность современной молодежи, логично предположить, что осознанность будет способствовать вовлеченности студентов в процесс обучения, а значит, и эффективному освоению опыта творческой деятельности.

С этой целью было проведено анкетирование, посвященное творческой деятельности. Для студентов оно должно было актуализировать вопросы развития творчества, а для преподавателя стать ориентиром при планировании дальнейшей работы в группах по получению опыта творческой деятельности уже с учетом результатов опроса и мнения студентов.

В опросе приняли участие 27 человек – студенты двух групп I курса бакалавриата факультета компьютерных наук ОмГУ (уровень языковой подготовки – Intermediate и Upper-Intermediate / Advanced). Им было предложено ответить на 6 вопросов анкеты (вопросы закрытого и полузакрытого типа, поливариантные и шкалированные). В первом пункте анкеты студентам предлагалось оценить важность творческой составляющей личности в современном мире (от 0 до 10, 10 – «чрезвычайно важно»). Ответы студентов (табл. 1) ранжировались от 6 до 10, при этом основная масса ответов была в границах отметок 7–8, таким образом, можно сказать, что подавляющее число студентов признают достаточно высокую (выше среднего) важность творческой составляющей личности в современном обществе.

Таблица 1

Важность творческой составляющей личности в современном мире

Отметка на шкале	6	7	8	9	10
Количество ответов	5	9	6	2	5

Однако, признавая востребованность в обществе творческой личности, не все студенты положительно ответили на следующий вопрос анкеты: «Должна ли учеба в вузе способствовать развитию творческих способностей?». Один человек затруднился ответить на этот вопрос, пять человек ответили «нет» (табл. 2). При этом четверо уверены, что человек должен сам развивать творческие способности; один человек считает, что вуз должен развивать профессиональные качества (таким образом, творческие способности в принципе исключаются им из понятия профессиональных качеств специалиста в области компьютерных наук). Возможностью привести аргументы в пользу развития творческих способностей в вузе воспользовались 19 респондентов. Их ответы можно разделить на две группы: 1) представляющие общие утверждения о необходимости развития таких качеств будущего профессионала, как умение мыслить нестандартно, быть более гибким в будущем (подавляющее большинство) и 2) носящие так называемый «прикладной характер»: творческая деятельность должна «скрасить» обучение, облегчить учебу в вузе, сделав ее более увлекательной и интересной, не монотонной, способствовать повышению мотивации именно к учебе (5 человек). Один респондент заметил, что творческая деятельность в вузе должна быть «опциональной», так как «навязывание творческого развития может привести к потере мотивации».

Таблица 2

Должна ли учеба в вузе способствовать развитию творческих способностей?

Ответ	ДА	НЕТ	НЕ ЗНАЮ
Количество ответов	21	5	1

Ответы на следующий вопрос: «Насколько творческой личностью Вы себя считаете?» распределились по всей шкале от 1 до 10, миновав отметку 2 (табл. 3).

Таблица 3

Насколько творческой личностью Вы себя считаете?

Отметка на шкале	1	3	4	5	6	7	8	9	10
Количество ответов	1	2	4	2	5	4	4	1	3

Основная масса ответов сосредоточена на показателях от 6 до 8, т. е. подавляющая часть студентов считает это качество у себя скорее как средне выраженное. Один респондент посетовал, что ему недостаточно 10 баллов, чтобы описать, насколько он творческий.

Далее предлагалось поразмышлять над понятием творчества через определение творческого человека, при этом можно было выбрать несколько определений (табл. 4: после косой черты в таблице приведены данные, когда ответ выбирался в качестве единственного варианта). Сочетание определений (1) и (2) встретилось 14 раз. Таким образом, больше половины студентов близки к пониманию творческой деятельности как к деятельности, которую отличает принципиальная новизна результата.

Таблица 4

Творчество

Творческий человек – это тот, кто	Создает качественно новый результат (1)	Действует нестандартно (2)	Применяет свои знания и опыт в новой ситуации (3)	Стремится к самостоятельности в поиске знаний (4)	Связан с искусством (5)
Количество ответов	17/2	19/2	5/0	5/0	14/2

В пятом вопросе предлагалось подумать над тем, «какие задания на уроках иностранного языка могут способствовать развитию творческой составляющей студента». При этом давалась возможность дополнить ответ своими вариантами. Проекты, по общему признанию педагогов, обладают наибольшим потенциалом в развитии творческих способностей [2], что и было отмечено студентами (табл. 5). В качестве дополнительных вариантов были предложены написание рецензий, комментариев к различным произведениям, обсуждение фильмов и книг, исследования структур английского высказывания, написание творческих рассказов.

Таблица 5

Творческие задания

Вид творческого задания	Проект	Презентация	Эссе	Элементы исследования
Количество ответов	20	17	6	13

Последний вопрос в анкете касался личной готовности каждого участвовать в выполнении творческих заданий. В целом результаты (табл. 6) показывают отсутствие у студентов большого энтузиазма по отношению к творческим заданиям.

Таблица 6

Готовность участвовать в творческих заданиях

Отметка на шкале	0	1	4,5	5	6	7	8	9	10
Количество ответов	2	2	1	6	4	7	2	2	1

Интересно посмотреть, как коррелируют между собой ответы на вопросы № 1 (важность творческой личности в современном мире), № 2 (должна ли учеба в вузе способствовать), № 3 (насколько творческой личностью вы являетесь) и № 6 (готовность участвовать в творческих заданиях), что отражено в табл. 7. Вполне понятна низкая готовность участвовать в творческих заданиях (0/1), если при важности творческой личности (10) студент не считает, что учеба в вузе должна способствовать развитию творческих способностей, а также если студент видит себя очень творческой личностью (10). Однако если при высокой важности творческой личности (10) и низком уровне развитости у себя творческих способностей (1) нет готовности участвовать в творческих заданиях, то в этой ситуации преподавателю приходится признать право студента на личный выбор.

Таблица 7

Результаты ответов на шкалированные вопросы 1, 3, 6

Вопрос / *№ п/п*	*№1*	*№2*	*№3*	*№6*	*Вопрос* / *№ п/п*	*№1*	*№2*	*№3*	*№6*	*Вопрос* / *№ п/п*	*№1*	*№2*	*№3*	*№6*
1	10	–	6	0	10	8	+	5	6	19	7	+	–	7
2	10	+	7	5	11	8	+	8	7	20	7	+	6	7
3	10	+	1	1	12	8	+	8	9	21	7	+	6	6
4	10	+	10	7	13	8	+	7	6	22	7	–	6	5
5	10	+	9	9	14	7	+	3	5	23	6	–	10	1
6	9	+	6	8	15	7	+	8	5	24	6	н*	4	4,5
7	9	+	7	8	16	7	+	3	5	25	6	+	4	0
8	8	–	6	7	17	7	+	4	5	26	6	+	7	6
9	8	–	5	10	18	7	+	10	7	27	6	+	4	7

Результаты опроса показывают, что не все студенты в полной мере готовы к получению опыта творческой деятельности, они недостаточно понимают сущность творческой деятельности и недооценивают потенциал иностранного языка в развитии своих творческих способностей, что, естественно, снижает отклик и эффективность работы на занятиях в группе. Это непременно следует учитывать преподавателю в своей работе при создании условий для получения опыта творческой деятельности, прежде всего способствуя осмыслению студентами своей деятельности, ее целей, задач и результатов; также необходимо быть внимательным и открытым при отборе форм работы в зависимости от конкретных групп и их актуального состояния.

Список использованной литературы

1. Википедия // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/28233 (дата обращения: 18.01.2019).

2. *Стрекалова И.В.* О реализации творческого подхода при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13869 (дата обращения: 18.01.2019).

3. *Тлегенова Т.Е.* Формирование опыта творческой деятельности студента в дистанционном образовании: автореф. дис. … канд. пед. наук. Оренбург, 2012. 26 с.

* Ответ «не знаю».

С.А. Песина
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
г. Магнитогорск

УДК 130.121.4

Проблемы преподавания филологических дисциплин: развитие лексической компетенции у студентов лингвистического направления

Аннотация. В статье представлено обоснование гипотезы о том, что в процессе формирования лексической компетенции у студентов языковое сознание обучающегося не обращается сразу ко всему объему словарного значения, как это принято в общепринятых семантических описаниях, достаточна активация только самых общих, необходимых для понимания речевого контекста семантических компонентов. Делается предположение о том, что за семантической структурой многозначного слова в языковом сознании стоит вариативный семантический кластер как совокупность ядерных, наиболее устойчивых и частотных семантических признаков. В результате использования предлагаемого подхода происходит эффективное формирование навыков и умений иноязычного общения, формирование культуры мышления и познавательных интересов обучающихся.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, лексические навыки, семантический кластер, лексическое значение, словарный запас, семантика, когнитивная лингвистика.

S.A. Pesina
Nosov Magnitogorsk State
Technical University,
Magnitogorsk, Russia

Problems of Teaching Philological Disciplines: the Development of Lexical Competence of Linguistic Students

Abstract. The article presents the rationale for the hypothesis that in the process of formation of students' lexical competence, the linguistic consciousness of the student does not immediately address the entire volume of dictionary meaning, as is customary in the generally accepted semantic descriptions, only the most general vocabulary necessary for understanding is sufficient semantic components. It is assumed that the semantic structure of a multivalued word in the linguistic consciousness is behind the variable semantic cluster as a set of nuclear most stable and frequency semantic features. As a result of using the proposed approach, effective formation of skills and abilities of foreign language communication, formation of a culture of thinking and cognitive interests of students take place.

Keywords: communicative competence, lexical skills, semantic cluster, lexical meaning, vocabulary, semantics, cognitive linguistics.

В современной теории и методике преподавания иностранных языков и культур общепризнанным считается тот факт, что именно лексическая компетенция является первостепенным условием освоения других компонентов лингвистической компетенции, а для ее формирования требуется целенаправленная работа в процессе организации обучения иностранным языкам в университете [14, с. 102]. На базисном уровне иноязычная речемыслительная деятельность студентов осуществляется в виде сформированных в процессе обучения ассоциативных семантических связей, компактных схем, гештальтов,

© С.А. Песина, 2019

лексических категорий, концептов, фреймов, семантических сетей и т. п., что позволяет им в условиях коммуникативного цейтнота успешно декодировать получаемую в ходе иноязычного общения информацию.

Мы считаем, что в процессе обучения лексике опора при декодировании переносных значений многозначных слов на первое номинативно-непроизводное значение не всегда приводит к адекватному толкованию и дальнейшему усвоению контекстуально связанных значений. В процессе иноязычного общения неизбежно возникает необходимость решать проблемы восприятия, запоминания и оперирования многозначными словами, число значений которых достигает зачастую нескольких десятков (например, многозначные слова to make, to do, to put, to take, a thing, a head и пр.).

В этой связи сразу возникает ряд методико-педагогических и лингвистических проблем, связанных с обучением студентов лексическим навыкам на разных этапах их речевой компетенции. Как помочь студентам овладеть необходимым запасом лексических единиц, если до 90 % всей частотной лексики составляют многозначные слова с очень развитой семантической структурой? Для этого необходимо ответить на вопрос о том, в каком виде в ментальном лексиконе индивида хранятся значения многозначных слов, что представляют собой значения и как обеспечивается к ним быстрый доступ.

Именно по причине того, что в процессе понимания иноязычной речи вначале актуализируются не все стоящие за значением семантические компоненты (отраженные в словарных дефинициях), а только самые базовые, частотные, к которым в сознании всегда наличествует самый быстрый доступ и ведут самые устойчивые нейронные связи, значение слова с полным основанием можно трактовать как неустойчивое, зыбкое, нежесткое, контекстное. Следовательно, для того чтобы эффективно строить процесс обучения лексике, необходимо понимать, что значение – это не что-то незыблемое и прочно закрепленное за какой-либо формой, а подвижный *семантический кластер*, включающий конфигурацию необходимых семантических компонентов, формируемый в сознании носителя языка исходя из особенностей окружающего контекста [9; 11; 14; 15].

По мере пополнения словарного запаса в процессе обучения возникает необходимость в категоризации и кластеризации полученных семантических признаков для быстрого доступа к ключевым узлам семантической сети. Чем чаще встречается семантический признак, тем большим количеством связей он обрастает, тем более выгодное положение он получает наряду с остальными признаками. В дальнейшем такой признак становится инвариантным и способен удерживать вокруг себя группу признаков, формируя отдельный кластер [1; 4].

Итак, если в сознании обучаемого значение слова представляет собой совокупность идентифицирующих и функциональных признаков, относящихся к определенному кластеру, то процесс восприятия и анализа такого семантического кластера многозначного слова происходит автоматически и обучающийся не успевает осознать связи, которые были отброшены или приняты к обработке. Вследствие того что данная операция осуществляется за доли секунды, обучающийся не осознает процесс отбора признаков, но интуитивно ощущает «связи», «нечто общее», что сложно выразить вербально [2; 5].

Подобная кластерная организация существует на языковом уровне, позволяя в кратчайшие сроки провести анализ существующих данных и найти связи между значениями. В пользу того, что наше восприятие опирается на кластеры признаков, а не на готовые значения и словосочетания, говорит исследования нейропсихологов, утверждающих, что в зрительной коре головного мозга существует огромное число высокодифференцированных нейронов, каждый из которых реагирует лишь на какой-либо один признак воспринимаемого объекта.

Осуществляемое нами исследование на стыке методологии обучения иностранным языкам и биолингвистики позволяет утверждать, что кластерная организация семантики

слова напоминает нейронную сеть, а связи между семантическими признаками соответствуют синоптическим связям между нейронами в мозге человека. Другими словами, каждый нейрон заключает в себе определенный признак, полученный в ходе опыта взаимодействия с окружающей действительностью.

Процесс обучения, особенно на начальном этапе, осуществляется с использованием визуальных образов, активизирующих правое полушарие, отвечающее за образное мышление. Подобно каркасу, визуальный образ, усвоенный в детстве, служит основой для формирования семантической структуры слова. Опыт, зафиксированный в раннем детстве в виде образов, ощущений, тактильных восприятий, эмоций, в процессе обучения получает словесное оформление, что ведет к формированию значения наряду с рядом семантических признаков, вычленяемых на уровне языка. Другими словами, мы не получаем готовые значения, а вырабатываем их. Благодаря языку устанавливаются связующие лексические синоптические взаимодействия, ведущие к пониманию и усвоению информации.

Представленная в толковых словарях семантическая структура многозначного слова не отражает связей внутри слова. Ключ к пониманию данных связей лежит в основе метафорических значений, которые формируются за счет базовых семантических компонентов, наращивающих кластеры признаков [3; 6].

Кластерная организация семантической структуры многозначного слова объясняет одновременное оперирование человеком как отдельными семантическими компонентами, так и значениями многозначного слова. В данном случае удачным является аналогия человеческого мозга с компьютерной системой.

Так, при осмыслении метафоры «голова кометы», многозначного слова «голова» сознание автоматически обращается к семантическим компонентам главного значения (верхняя часть тела человека, состоящая из черепной коробки и лица). В ситуации не связанной с первым значением в интерпретирующее сознание поступает сигнал несоответствия речевому контексту, в соответствии с которым оно осуществляет поиск дальнейшей кластерной семантической связи. В соответствии с предполагаемым семантическим инвариантным кластером, сформированным по мере актуализации всей структуры этого полисеманта (*верхняя, передняя, ведущая и важная часть какого-либо объекта*), и принципом языковой экономии сознание осуществляет векторную в семантическом понимании (и синоптическую в физиологическом понимании) связь между самыми общими частотными инвариантными компонентами – передняя, главная, движущая часть кометы. В случае если декодирования значения не происходит, происходит обращение ко всему кластеру значения и, далее, к субъективным семам.

По причине того что вначале актуализируются не все семантические компоненты, а только инвариантные, к которым в сознании всегда наличествует самый быстрый доступ и ведут самые устойчивые нейронные связи, значение слова с полным основанием можно трактовать как неустойчивое, зыбкое, нежесткое, контекстное, но опирающееся на минимум идентифицирующих семантических признаков. В этой связи актуальным является определение базовой конфигурации семантических признаков, необходимых и достаточных для декодирования конкретной речевой ситуации [7; 8; 16].

Использование инвариантных кластеров, стоящих за многозначным словом, поможет устранить проблемы дидактического характера, возникающие в процессе обучения. В процессе обучения лексике такие значения, как head of beer / milk / river / tape-recorder и т. д., вполне согласующиеся с антропоцентрическим видением мира, создают трудности для русскоязычного студента, строящего фразу на иностранном языке, поскольку обучающиеся часто испытывают трудности в интерпретации метафор. Существующие толковые словари, к сожалению, дают противоречивую информацию, из которой следует, что, хотя указанное существительное и означает «голова как часть тела человека», оно иногда имеет такие значения, как «голова пива / молока / реки / магнитофона» и т. д [10;

12; 13]. Установленный семантический инвариантный кластер «top, the most important often round part of an object, the start of it» способствует толкованию метафорических значений слова (в английском их более ста): head of a mountain / column – top, important; head of a train / table / bridge – start, important и т. п.).

Представленное в данной статье многоаспектное и максимально полное исследование семантических структур многозначных слов позволяет глубже понять то, как происходит восприятие и усвоение значений в процессе обучения, каким образом устроена и функционирует память человека, его сознание, каким образом мы понимаем друг друга, используя переносные контекстуальные значения.

Список использованной литературы

1. *Песина С.А.* Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 155 с.

2. *Песина С.А.* Когнитивные механизмы профилирования профессионального знания: формирование понятий // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: ЧелГУ Вып. 57: Филология и искусствоведение № 24 (239), 2011. С. 43–45.

3. *Песина С.А.* Лексический прототип в семантической структуре слова: дис. … канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1998. 158 с.

4. *Песина С.А.* Методика определения содержательного ядра многозначного существительного современного английского языка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. 2005. № 5 (11). С. 51–59.

5. *Песина С.А.* Разграничение языка и речи в свете прототипической семантики // Вестник ТГУ. Томск, 2006. № 291: июнь. С. 177–182.

6. *Песина С.А.* Сознание и языковой организм // И вновь продолжается бой…: науч. ст., посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ, 2010. С. 201–206.

7. *Песина С.А.* Структурирование концепта и концептуальное ядро // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). Рига – Москва. 2011. С. 24–31.

8. *Песина С.А.* Философия языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 372 с.

9. *Песина С.А.* Язык как объект исследования в феноменологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2013. № 2 (10). С. 98–108.

10. *Песина С.А., Карамалак О.А.* Прототипический подход как попытка решения проблем многозначности при переводе // Научная жизнь. Научно-образовательный журнал. М.: Наука, 2006. Вып. III. С. 152–156.

11. *Песина С.А., Латушкина О.Л.* Лексический инвариант как содержательное ядро полисеманта // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2014. № 1 (038). С. 105–108.

12. *Песина С.А., Юсупова Л.Г., Морозов Е.А.* Языковая компетенция современного специалиста // Языки, литература и культура в полилингвальном пространстве: Сб. материалов Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 68–74.

13. *Песина С.А., Юсупова Л.Г.* Концепт и значение в биокогнитивистике // European Social Science Journal. 2014. № 10–1 (50). С. 208–212.

14. Позднякова Е.М. Методологические парадигмы в формировании лексической компетенции // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 101–105.

15. *Юсупова Л.Г., Песина С.А.* Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 4. С. 1083–1089.

16. *Юсупова Л.Г., Песина С.А.* Взаимодействие когнитивных и языковых структур сквозь призму воплощения. Казанская наука. № 1. 2019 г. Казань: Казанский издательский дом, 2019. С. 104–107.

Е.А. Ронина
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

УДК 811.134.2

Дискурсивные слова русской и испанской разговорной речи: проблемы перевода и преподавания

Аннотация. Статья призвана привлечь внимание переводчиков и преподавателей иностранных языков к такой специфической группе лексических единиц, как дискурсивные слова. Дискурсивные слова организуют дискурс и служат для обозначения отношения говорящего к предмету речи. Основная сфера их функционирования – разговорная речь и просторечие, значительная часть дискурсивных слов характеризуется стилистической сниженностью. Недостаточное владение этой лексикой отрицательно сказывается на естественности речи на иностранном языке и приводит к нарушению стилистической адекватности текста перевода.

Ключевые слова: перевод, преподавание, разговорная речь и просторечие, стилистически сниженный регистр, испанский язык, дискурсивные слова.

E.A. Ronina
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

Discursive Words of Russian and Spanish Conversational Speech: Translation and Teaching Questions

Abstract. The article is intended to attract the attention of translators and teachers of foreign languages to such a specific group of lexical units as discursive words. Discursive words organize discourse and serve to denote the attitude of the speaker to the subject of speech. The main sphere of their functioning is colloquial and vernacular speech, much of the discursive words are characterized by stylistic degradation. Lack of language proficiency in this lexical sphere reduces the naturalness of speech in a foreign language and leads to a violation of the stylistic adequacy of the translated text.

Keywords: translation, teaching, colloquial and vernacular speech, stylistically degraded register, Spanish, discursive words.

Дискурсивные слова уже довольно давно привлекли внимание лингвистов-теоретиков, пишущих на разных языках. Как это обычно происходит, разнообразие методологических подходов к анализу языкового явления, специфические черты самого явления в рамках того или иного языка привели к отсутствию единого взгляда на изучаемый материал, единой его классификации. Размытость класса дискурсивных слов проявляется еще на уровне терминов. В работах на разных языках к термину «дискурсивные слова» добавляются такие термины, как дискурсивные частицы, дискурсивные маркеры, дискурсивные коннекторы, прагматические маркеры, прагматические частицы, операторы, коммуникативы, фраземы и др.

Определения того круга единиц, которые должны изучаться как дискурсивные слова, также разнообразны. В современной лингвистической литературе на русском языке в класс дискурсивных единиц включаются междометия, частицы, вводные слова, союзы,

© Е.А. Ронина, 2019

модальные наречия, стереотипные высказывания и др. Онлайновый словарь социолингвистических терминов определяет дискурсивные маркеры как языковой инструмент структурирования дискурса, относя к ним «слова, фразы или звуки, которые не имеют реального лексического значения, но вместо этого обладают важной функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре» [1].

В испаноязычной лингвистике в разряд дискурсивных слов изначально было принято включать не только прагматические, но и синтаксические коннекторы, представляющие собой слово или группу слов, функция которых заключается в том, что они связывают высказывания или предложения, манифестируя различные семантические связи между ними, такие как контраст, причинность, следствие, добавление, противопоставление, приравнивание, порядок и т. д. К синтаксическим коннекторам относятся единицы типа *однако, на самом деле, хотя, так что, поэтому, во-первых, несмотря на* и т. п. (*sin embargo, en efecto, efectivamente, aunque, así que, por eso, en primer lugar, en segundo lugar, ahora bien, en ese caso, a pesar de eso, por el contrario,* etc.). Дальнейшее изучение дискурсивных слов закономерно привело к уточнению классификации этих единиц. М. А. Мартин Сорракино и Х. Портолес предлагают классифицировать дискурсивные маркеры следующим образом (сокращенный автором статьи вариант классификации):

Маркеры, структурирующие информацию:

• упорядочивающие:

– в начале высказывания: *во-первых (primero), прежде всего (antes que nada)…*

– для продолжения речи: *затем (después), с другой стороны (de otra parte)…*

– в заключение: *наконец (por último), резюмируя (resumiendo)…*

• комментирующие: *так что (pues), такие дела (así las cosas)…*

• дигрессоры: *кстати (a propósito, por cierto)…*

Коннекторы:

• дополняющие информацию: *кроме того (además), вдобавок (encima)…*

• контраргументативы: *наоборот (por el contrario), однако (sin embargo)…*

Маркеры, контролирующие контакт коммуникантов:

• вопросы и вопросы-переспросы: *да? да же?* (*¿no?) м? или? (¿eh?)*

• приглашение к коммуникации, маркеры просьбы или выражения мнения говорящего: *слушай / послушайте (oye / oiga), да ладно, ну (vamos), пожалуйста (por favor),* hombre…

• глаголы контроля понимания со стороны собеседника: *понял?* (*¿sabes?), вот видишь? (¿ves?)...*

Разговорные маркеры:

• эпистемические: *действительно (en efecto), очевидно (por lo visto)…*

• деонтические: *ладно (bueno), хорошо (vale)…*

• метадискурсивы: *ага, ну да (ya), это (esto)…* (цит. по [3, с. 24]).

Как хорошо видно даже по этому сокращенному варианту классификации дискурсивных слов, их прагматическая семантика чрезвычайно сложна и в некоторых случаях невозможно подобрать однозначный формальный и/или смысловой эквивалент дискурсивного слова одного языка в другом языке, ср. случаи: *да? да же?* (=*¿no?),* русские дискурсивы *ну; ну да; да нет; да нет, наверное*, испанское междометие *hombre*. Следует также заметить, переходя к вопросам перевода и преподавания дискурсивных слов, что не все их группы имеют одинаковую судьбу в переводческой и обучающей практике. Группы дискурсивных коннекторов и маркеров, структурирующих информацию, не представляют в этом смысле проблемы. Их эквиваленты содержатся в двуязычных словарях, в учебниках слова этих групп присутствуют как отдельные лексические единицы, подлежащие простому запоминанию. Напротив, маркеры, контролирующие контакт коммуникантов, и разговорные маркеры в систематическом виде обычно не представле-

ны в учебниках и грамматиках, игнорируются в курсах иностранных языков. Это приводит к тому, что переводчики часто «не видят» дискурсивных слов в оригинале, не анализируют их роль в высказывании и в итоге опускают такие слова в переводе полностью или частично.

Рассмотрим пример. «– Как **же** хочешь ты со мною биться? **разве** на кулаки? – **Да уж** на чем бы то ни было. – **Ну**, давай на кулаки! – говорил Тарас Бульба, засучив рукава…» – «–Y de que modo quieres batirte conmigo, a puñe-tazos? – Me es completamente igual de un modo que otro. – Vaya por los puñetazos – repuso Taras Bulba arremangándose las mangas». В этом отрывке из четырех дискурсивных слов оригинала три не переведены вовсе, а одно – *же* – частично передано за счет союза *y* (= *a*; букв. «А каким образом ты хочешь…»). Между тем совершенно очевидна та роль, которую дискурсивные слова играют в прямой речи гоголевского персонажа. Даже не вдаваясь в анализ прагматической семантики каждого из этих слов, не обсуждая их роль в языковой характеристике персонажей, можно видеть, что само их присутствие в речи является (наряду с синтаксической инверсией) важным признаком разговорно-просторечной стилистики текста. Поэтому следует заметить, что в определении дискурсивных маркеров, данном в начале статьи, существенным является указание на основную область функционирования дискурсивных слов/маркеров: разговорная речь, сфера прежде всего устной коммуникации.

Именно здесь и лежит причина недостаточного внимания к дискурсивным словам со стороны преподавателей иностранных языков и переводчиков. В отечественной школе основное внимание при изучении языка традиционно уделяется литературному и разговорно-литературному регистрам речи. Всё, что нарушает литературную норму, – диалектная лексика, просторечный регистр речи и прочие социолекты – комментируется эпизодически, главным образом при столкновении студентов с таким языковым материалом в конкретном тексте. Тем самым на практике игнорируется тот методический постулат, с которым в теории все согласны: целью обучения иностранному языку является беглая и при этом естественная речь на нем. Естественность речи в переводе предопределяется адекватной передачей её стилистических особенностей. Текст в разговорной и просторечной стилистике должен быть переведен в такой же стилистике. Если переводчик не владеет, в частности, достаточным запасом дискурсивных слов на языке перевода, он, иногда незаметно для себя, переводит в нейтральной и даже книжной стилистике, и переводной текст немедленно утрачивает естественность, вместе с речевыми характеристиками персонажей.

В советском мультфильме «Жил-был пёс» один из главных персонажей, Волк, на прощание говорит Псу: «Ты это, заходи, если что». На испанский реплика переведена следующим образом: «Ven a verme si te pasa algo». Русская фраза демонстрирует свой просторечный регистр тем, что она является незаконченной и семантически свернутой, поскольку полный смысл не проговаривается, а подразумевается и понимается из ситуативного контекста. Контекст позволяет понять смысл слов Волка: если тебе понадобится помощь или если захочешь встретиться, поговорить, приходи / заходи в гости. На испанский язык реплика Волка переведена стилистически нейтрально и полной синтаксической структурой: «Приходи ко мне, если что-нибудь с тобой произойдёт».

Метадискурсивное слово «это» в реплике Волка – пример характерного для русского просторечия употребления указательного местоимения «это», которое в просторечном регистре полностью утрачивает свой лексический и грамматический смысл. «Это» в просторечных высказываниях служит для свёртывания сколь угодно большого объёма смысла. Вся фраза, таким образом, – это яркая, хотя и экономная речевая характеристика Волка. Высказываясь так, Волк выглядит существом скромным, сентиментальным, но при этом, как всякий «суровый мужик», он стесняется проявления своих чувств. Для достижения адекватности стилистической окраски реплики в переводе необходимо сохранять

её незаконченность, скомканность, ср.: «es que… pues… ven a verme, ya sabes». Оттенки смысла высказывания могут быть переданы с помощью дискурсивных слов. Эпистемический разговорный маркер *es que* (обрывок выражения «дело в том, что») и метадискурсивное междометие *pues* в испанском разговорно-просторечном регистре являются хорошими функциональными аналогами для русских «ну», «это». Устойчивый разговорный оборот «ya sabes» (букв. «ты же знаешь») точно так же передаёт оттенок смысла высказывания «ты понимаешь, что я хочу сказать»; «мы с тобой понимаем друг друга».

Зарубежная испанистика существенно продвинулась в изучении дискурсивных слов. Им посвящены многочисленные статьи и диссертации. Создаются специализированные словари и грамматики. Лингвисты-методисты пишут о необходимости преподавать дискурсивные слова иностранцам в рамках курса испанского языка как иностранного. Например, М. Порроче Бальестерос в работе «Грамматические аспекты испанского разговорного языка для преподавателей испанского как иностранного» утверждает, что в курсе испанского разговорного следует говорить об использовании дискурсивных маркеров (цит. по: [3, с. 36–37]).

Специфическая группа дискурсивных слов – обсценная лексика. Прагматическое значение обсценного слова в коммуникации – выражение негативного отношения говорящего к предмету речи. Обсценная лексика широко употребляется в разговорном и просторечном регистрах речи как в русскоязычной, так и в испаноязычной среде. Испанские лингвисты называют обсценные единицы «выражениями повседневного использования» [4, с. 56] и указывают на необходимость их включения в словари и учебники испанского языка для иностранцев. Изучая испанские дискурсивные слова сниженного характера, М.Д. Гордон Пераль пишет, что иноязычный студент должен знать эту группу лексики, поскольку она состоит из «очень характерных для языка элементов, отмеченных высокой частотностью употребления». Эта лексика, пишет лингвист, «отсутствует в учебниках испанского языка, но студент слышит ее каждый день, находясь в испаноязычной стране или когда в родной стране он смотрит фильм или разговаривает с носителем языка» [2, с. 322–323].

В отечественной испанистике изучением дискурсивных слов и включением их в учебную литературу занимаются сторонники преподавания разговорного и просторечного регистров речи. Таким образом, важная теоретическая и методическая задача описания дискурсивных слов испанского языка для целей преподавания языка и подготовки переводчиков еще ожидает решения.

Список использованной литературы

1. Словарь социолингвистических терминов. URL: https://sociolinguistics.academic.ru/ (дата обращения: 02.02.2019).

2. *Gordón Peral Mª D.* La caracterización lexicográfica de voces malsonantes en el diccionario monolingüe de aprendizaje del español // S. Ruhstaller, Mª D. Gordón. Diccionario y aprendizaje del español. Bern: Peter Lang, 2010. P. 321–355.

3. *Holgado Lage A.* Pragmática lingüística aplicada al español para extranjeros, con especial atención a los marcadores discursivos: el Diccionario de marcadores discursivos para estudiantes de español como lengua extranjera: tesis doctoral. Salamanca, 2014. URL: https://gredos.usal.es/jspui/handle/10366/132282 (дата обращения: 05.02.2019).

4. Santos Carretero, C. Insultos y expresiones malsonantes en la clase de ELE. 2011. URL: http://www.educacion.gob.es/dctm/redele/Material-RedEle/Revista/2011_23/2011_redELE_23_26Carlos%20Santos.pdf?documentId=0901e72b8101ef34 (дата обращения: 03.02.2019).

А.В. Самсонова
Средняя общеобразовательная школа № 5,
г. Балашиха

УДК 373.51

«Нелитературные» темы сочинений в истории литературного образования

Аннотация. Статья рассматривает тематическую классификацию школьных сочинений, принятую в последние десятилетия XIX века. Анализ исторических моделей сочинения свидетельствует о том, что гимназическое сочинение не привязывалось жёстко к историко-литературному материалу; напротив, оно имело широкий спектр тем публицистического характера. Публицистические, метаметодические темы в рассматриваемый период имели наименование «отвлечённых» и сосредоточивались на историческом, географическом, автобиографическом и историко-культурном материале.

Ключевые слова: литературное образование, темы сочинений, эвристические задачи, литературное изложение, отвлечённые темы.

A.V. Samsonova
Secondary school no. 5,
Balashikha, Moscow region, Russia

"Non-literary" Essay Topics in the History of Literary Education

Abstract. The article considers the thematic classification of school essays adopted in the last decades of the XIX century. The analysis of the historical models of the composition shows that the gymnasium composition was not rigidly attached to the historical and literary material; on the contrary, it had a wide range of topics of publicistic nature. Publicistic, methametodics topics had the name "abstract" and focused on the historical, geographical, autobiographical and historical-cultural material in this period.

Keywords: literary education, essay topics, heuristic tasks, literary presentation, abstract topics.

Анализ трудов русских методистов XIX века, посвящённых письменным упражнениям школьников, свидетельствует об определённых трудностях, с которыми сталкивались в процессе работы над ними не только начинающие учителя, но и опытные преподаватели русского языка и словесности. Методические проблемы школьного сочинения, не в последнюю очередь, были обусловлены их сложной, объёмной тематической иерархией [1; 4; 8]. Широкое распространение в этот период имели темы сочинений, не связанные напрямую со школьным историко-литературным материалом и в то же время являющиеся важной тематической составляющей письменных упражнений в общем пространстве гимназического предмета «словесность». В методических трудах последних десятилетий XIX века темы сочинений такого рода причислялись к «отвлечённым», основанным на историческом, географическом, культурологическом, автобиографическом материале. В современном контексте подобные темы сочинений мы бы назвали «нелитературными», публицистическими.

Какие общие задачи актуализировались методистами в 80–90-х гг. XIX века при написании сочинений, независимо от их литературной или «нелитературной» (публицистической) тематики? М.Н. Ольшамовский в книге «Руководство к ведению письменных упражнений в гимназиях» выделял следующие задачи:

© А.В. Самсонова, 2019

• формулирование наиболее полезных видов гимназических письменных упражнений;

• определение последовательности, в которой должны следовать один за другим виды письменных упражнений;

• работа над способами и приёмами преподавания, ведущими ученика к успешному и целесообразному выполнению письменных работ [4, с. 3].

По убеждению учёного, «объяснение поэтических произведений» (т.е. анализ литературного текста) должно было быть почти исключительно устным упражнением. Это высказывание по-новому актуализирует важность публицистической составляющей в письменных упражнениях школьников.

Итак, «нелитературная» тематика сочинений была важной частью литературного образования последних десятилетий XIX века. Какую связь должны были иметь «нелитературные» ученические сочинения с различными предметами гимназического курса? В решении этого вопроса в методике не прекращалась полемика. К.Ф. Якубович подчёркивал «связь сочинений частью с русской словесностью, частью – с вопросами из области нравственности» [8, с. 12]. Е.В. Белявский делил число всех тем сочинений в старших классах гимназий на две равные части: одна половина бралась из разряда отвлечённых, а другая половина делилась между историческими и литературными темами [1, с. 39]. М.Н. Ольшамовский предлагал для учеников старших классов гимназий отвлечённые, литературные и исторические темы [4, с. 3]. Методист настаивал на том, что сочинения-рассуждения должны иметь широкий круг ассоциаций с другими учебными дисциплинами: быть в связи с историей, географией, русской и западноевропейской литературой, с произведениями греческих и римских классиков, читаемых на уроках древних языков. Целесообразность этого, с позиции учёного, определялась тем, что преподаватель не мог ограничить содержание письменных рассуждений старшеклассника одной областью, например литературной или нравственной, он находился в ситуации, когда темы из истории, географии, литературы, древних авторов становились неотъемлемой частью тематики письменных упражнений по словесности. Эти выводы учёного, на наш взгляд, трансформируют сочинение в рамках предмета «словесность» в сочинение метаметодического характера.

Рекомендации М.Н. Ольшамовского имеют надпредметное значение: «тема должна удовлетворять следующим условиям: а) в ней должно быть единство, б) она должна быть интересна, в) она должна представлять выражение краткое, точное и определённое так, чтобы ученику не приходилось блуждать в стороне от вопроса» [4, с. 66]. О надпредметной основе дисциплины «словесность» в этот же период писал К.Ф. Якубович: «Объединение всей суммы школьных знаний и сосредоточение их вокруг одного общего центра в настоящее время является лишь идеалом воспитывающего обучения. Но и теперь отечественная словесность, пользуясь для своих выводов данными из всех школьных наук, служит до некоторой степени связующей нитью между разнородными данными общего и в частности реального образования» [8, с. 14].

В методических пособиях этого периода распределение тем «нелитературного» характера по различным содержательным направлениям отличалось широтой и разнообразием [6; 7]. Возвращаясь к книге М.Н. Ольшамовского «Руководство к ведению письменных упражнений в гимназиях» (1880), отметим, что в его классификации содержится более десяти рубрик, к которым относятся отвлечённые («нелитературные») темы. Представленная ниже классификация М.Н. Ольшамовского дополнена нами формулировкой одной из тем, содержание которой учёный отождествлял с данной рубрикой:

1. Образование («Кого мы называем образованным человеком»);
2. Знания, ученье, книга, путешествия («Знания – высшее богатство»);
3. Труд и праздность («Причины праздности»);

4. Счастье, несчастье, беда («Где правда, там и счастье»);

5. Бедность, богатство, скупость, бережливость («Бедность не порок»);

6. Различные отношения человека к самому себе («Познай самого себя»);

7. Взаимные отношения между человеком и природой («О влиянии человека на природу»);

8. Взаимные отношения между людьми («Человеколюбивый и эгоист»);

9. Взаимные отношения между человеком и его действиями («Что такое лицемерие»);

10. Жизнь человека, города, государства («Значение рек и морей»);

11. Слово и письмо («Слог есть сам человек») [4, с. 83–92].

Методист подчёркивал, что предлагаемое им распределение не является чем-то жёстким и закреплённым, в то же время отвлечённые темы для него являлись неотъемлемой частью сочинений-рассуждений. При обучении сочинению-рассуждению методист настаивал на том, чтобы первыми сочинениями-рассуждениями, предлагаемыми школьникам в средних классах, были темы отвлечённого характера [4, с. 64]. К.Ф. Якубович, учитель-словесник, чьи труды оставили заметный след в истории методики, в своей речи «Значение русской словесности в системе реального образования» (1895) также подчёркивал надпредметную природу дисциплины «словесность»: «Само собою разумеется, что, вторгаясь поневоле в область других учебных предметов, преподавание русской словесности не может считать своею задачей расширение и обобщение сведений учащихся по истории, географии, математике и естественным наукам, что оно не может также обнаруживать также притязаний стать какой-то школьной философией – синтезом разнородных данных учебного курса» [8, с. 13]. В то же время, прибегая к понятиям современной методики и делая вывод о надпредметности тематических формулировок сочинений в конце XIX века, следует подчеркнуть их очевидную эвристическую направленность. Эвристический метод определяется как «половина пути» от репродуктивного к продуктивным методам обучения. «Литературное развитие учащихся, − пишет современный методист, − состоится, если двигаться постепенно – от репродукции знаний (багаж состоявшихся уроков литературы) к частично-поисковому пути в новой учебной ситуации. Если мы, из благих побуждений, минуем частично-поисковую зону, одновременное усложнение задачи (новая учебная ситуация, усиленная методом учебного исследования) может ослабить динамику литературного развития» [2, с. 72]. Если пользоваться логикой современного методиста, то работу над «нелитературными» темами сочинений в исследуемый нами период XIX века можно отнести к частично-поисковой, эвристической деятельности. Объяснить это можно следующим образом: в темах «нелитературного» характера требовалось лишь *литературное изложение* публицистического, автобиографического, исторического материала, не сопровождающееся литературоведческим анализом художественного текста, который, безусловно, имел уже характер учебного исследования. Таким образом, литературное изложение публицистического материала являлось посильной (не исследовательской, а частично-поисковой) задачей для большинства учащихся. Подтверждение нашей мысли мы находим в характеристике школьных хрестоматий по словесности, данной К.Ф. Якубовичем: «Кроме поэтических произведений в хрестоматиях для младшего и даже для старшего возраста помещаются и исторические рассказы, и географические очерки, и характеристики всех видов и форм всех царств природы, и, наконец, доступные учащимся образцовые научные рассуждения. В младших классах разнородные статьи хрестоматии читаются, конечно, с исключительною целью обогатить речь учащихся и приучить их сознательно относиться к книге, а в высших − для того, чтобы ознакомить их с важнейшими приёмами *литературного изложения* (курсив мой – *А.С.*) [8, с. 12]. В то же время, как мы подчёркивали в своей предыдущей работе на эту тему, «значительное количество тем социально-культурной

направленности сохранялось и в курсе словесности старших классах гимназии, где заканчивался курс грамматики и начиналось непосредственное изучение русской классики» [5, с. 136]. Такое положение определялось в известной степени тем, что общие цели изучения словесности в школе связывались прежде всего с овладением стилистическими и грамматическими нормами русского языка, а не с исключительно литературным анализом, как это сложилось впоследствии в XX в.

На наш взгляд, приобретение навыка литературного изложения, пожалуй, определяющая цель сочинений «нелитературного» характера в русской школе конца XIX века. Современный методист Е.В. Гетманская пишет о том, что «на сегодняшний день школа достаточно оснащена “рёбрами жёсткости” предметных методик. Но, для того чтобы представить ученикам культурологическую и мировоззренческую основу общества, необходимы методические обоснования более широкого захвата, чем рамки отдельного предмета» [3, с. 261]. Подобную задачу (формирование мировоззрения школьника) российская методика в период 80–90-х годов XIX века успешно решала, используя темы сочинений надпредметного характера. Опираясь на анализ методических трудов того периода, можно говорить о том, что благодаря формирующейся «нелитературной» тематике школьного сочинения постепенно складывалась метаметодическая модель литературного образования, а в рамках методики преподавания словесности развивались эвристические методы и приёмы.

Список использованной литературы

1. *Белявский Е.В.* Метод ведения сочинений в старших классах гимназий // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 4. С. 29–41.
2. *Гетманская Е.В.* Двойная функция эвристического метода обучения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 9 (43). С. 69–73.
3. *Гетманская Е.В.* Эвристический метод: генезис и современное функционирование // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 2. С. 261–268.
4. *Ольшамовский М.Н.* Руководство к ведению письменных упражнений в гимназиях. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. 104 с.
5. *Самсонова А.В.* Социокультурная тематика гимназических сочинений рубежа XIX–XX веков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 2–1. С. 136–141.
6. *Холевиус И.* Темы и планы для сочинений. Кн. Вторая. С практическим руководством для составления сочинений в письмах к молодому другу того же автора / пер. с нем. М. Белявской. М.: Изд. В.В. Думнова. 1912. 214 с.
7. *Шумиловский Л.И.* Руководство к самостоятельному составлению ученических сочинений. Пособие для учащихся, экстернов, для самообразования и для подготовки к конкурсным экзаменам в специальные высшие учебные заведения. СПб.: Изд. П.К. Шмулевича, 1910. 232 с.
8. *Якубович К.Ф.* Значение русской словесности в системе реального образования: Речь, произнес. 19 нояб. 1895 г. на торжеств. акте Киев. реал. уч-ща учителем рус. яз. и словесности К.Ф. Якубовичем. Киев: тип. И.И. Чоколова, 1896. 45 с

О.С. Снежицкая
Гродненский государственный
медицинский университет,
г. Гродно, Республика Беларусь

УДК 811.161.1'243-057.87

Проблемы языковой подготовки индийских студентов при изучении русского языка как иностранного

Аннотация. В данной статье рассматриваются причины существующих проблем, которые возникают при формировании слухо-произносительных навыков у индийских студентов, типичные ошибки студентов, которые вызывают затруднения при изучении фонетической системы русского языка. Указываются особенности фонетической системы языка хинди. Приводится комплекс организационно-педагогических условий и методов активизации продуктивной учебной деятельности индийских студентов.

Ключевые слова: фонетика, фонетическая система языка хинди, слухо-произносительные навыки, гласные фонемы, согласные фонемы.

O.S. Snezhytskaya
Grodno State Medical University,
Grodno, Belarus

Problems of Language Training of Indian Students in Learning Russian as a Foreign Language

Abstract. This article discusses the causes of existing problems that arise when Indian students form their hearing and pronunciation skills, and point out typical student errors that cause difficulties in learning the phonetic system of the Russian language. The features of the Hindi phonetic system are indicated. A set of organizational and pedagogical conditions and methods for enhancing the productive learning activitiesof Indian students is given.

Keywords: phonetics, phonetic system of the Hindi language, hearing and pronunciation skills, vowel phonemes, consonant phonemes.

Одной из острейших социальных проблем во всех сферах общественной жизни современного мирового сообщества в целом и Республики Беларусь в частности является установление и развитие международных и межкультурных контактов.

В настоящее время в Республику Беларусь приезжает огромное количество иностранных студентов для обучения в областных и столичных университетах. Сотрудничество в области образования является важнейшей и актуальной задачей многих стран, поскольку именно обучению и воспитанию молодёжи принадлежит важнейшая роль в процессе духовного сближения народов, интеграции мирового сообщества.

В обучении иностранцев русскому языку особую роль играет распространение звучащей речи, ее возросшая роль во всех сферах культуры. Произносительные навыки являются необходимым условием, реальной основой, средством, способом, формой осуществления иноязычной речевой деятельности. Овладение правильным произношением – необходимое условие развития навыков и умений во всех видах речевой деятельности. Речь иностранца не может совпадать с речью русского, т. е. произношение не будет безакцентным даже при обучении в языковой среде. Полное овладение произносительной

© О.С. Снежицкая, 2019

стороной русской речи достигается редко или приобретается в условиях жизни и работы в русскоязычной среде. Поэтому требования к произношению с каждым годом повышаются, потому что нарушение фонетической стороны звучащей речи на неродном языке затрудняет процесс коммуникации, делает его малорезультативным, а иногда и полностью невозможным. Обилие грубых ошибок не стимулирует интерес к общению не только со стороны слушающего, но и со стороны самого говорящего, испытывающего дискомфорт в общении в связи с артикуляционными трудностями. Стабильное, достаточно разборчивое, не затрудняющее речевую коммуникацию произношение обеспечивается автоматизированными, устойчивыми слухо-произносительными навыками, которые гарантируют правильное звуковое, акцентно-ритмическое и интонационное оформление высказывания [1].

Фонетика – один из аспектов лингвистической компетенции учащихся, требующих особого внимания на начальном этапе обучения. Обучение фонетике предполагает, что студенты овладевают теоретическими знаниями и практическими навыками, терминологической базой, необходимыми в дальнейшем при обучении всем видам речевой деятельности – аудированию, говорению, чтению и письму.

В последнее время все больше индийских студентов приезжают на учебу в Гродненский государственный медицинский университет. В 2018–2019 учебном году численность граждан Индии составляет более 200 человек. Как правило, они выбирают модель, предполагающую обучение на английском языке на протяжении всего срока обучения. Русский язык студенты изучают 4 года.

Фонетическая система языка хинди вызывает значительные затруднения у индийских студентов при изучении русской произносительной нормы. Поэтому обучение русскому языку строится с учётом родного языка студентов.

Согласно исследованию российских учёных, в частности Т.Е. Катениной [2], система гласных языка хинди представлена 10 гласными фонемами: краткие *a, i, u* и долгие *ā, ī, ū, e, o, ae, ao,* которые различаются по ряду и подъёму языка. Фонемы *a, i, ā, ī* схожи с русскими фонемами в разных позициях (долгие – в сильной позиции, краткие – в слабой), ū и *o* отличаются большей напряженностью губ при произнесении и меньшей лабиализованностью. Фонемы *ae, ao* являются дифтонгоидами и близки по произношению английским долгим [æ] и [ɔ:]. Всем вышеперечисленным гласным соответствуют назализованные гласные.

Согласные фонемы *k, g, t, d, p, b, f, m, r, s* в языке хинди напоминают по произношению русские. Однако произношение других звуков в значительной степени отличается, что вызывает существенные затруднения в усвоении русской орфоэпической нормы.

Практика выявляет типичные ошибки студентов, которые вызывают затруднения при изучении фонетической системы русского языка.

Начиная с вводно-фонетического курса на всех этапах фонетической работы требуются подробные пояснения и постоянная тренировка такой особенности в русском произношении, как качественные и количественные изменения в зависимости от сильной и слабой позиции гласных фонем, поскольку в родном языке студентов этого явления нет.

В языке хинди отсутствует фонема [ы], что вызывает трудности не только при постановке этого звука, но и различении его при произношении после твёрдых согласных и после мягких в русском языке.

В языке хинди существует особенность произношения сонанта *j,* что затрудняет различие между русской гласной фонемой [и] и согласной [й] и произнесение русских слов с сочетаниями «гласный+й» и «гласный+и». Это вызывает определённые проблемы при освоении грамматических категорий, таких как словоизменения притяжательных и личных местоимений, категории рода и числа имён существительных, особенно с мягкой основой, системы словоизменения имён прилагательных.

На начальном этапе изучения русского языка студенты очень часто не различают щелевые согласные звуки [с] и [ш], [ш] и [щ]. Также затруднение вызывает постановка звука [ж], который отсутствует в родном языке, и его распознавание в потоке речи. Поэтому студенты-носители хинди часто звук [ж] не разграничивают со звуком [з].

Трудности вызывает постановка звука [ц], который не имеет аналогов в хинди, а также в английском языке, который является вторым государственным языком в Индии.

Вызывает сложности и произнесение глухого щелевого заднеязычного [х] в различных позициях, его различение в потоке речи, а также отличие от [к] и [кх].

Особого внимания требует постановка твёрдого и мягкого [л], [д], [т] и других звуков. Также необходимо проводить кропотливую работу по различению сонанта *й* и гласного *и* в потоке речи, произнесению йотированных гласных и неразрывно связанных с этим правил фиксации мягкости и твёрдости на письме.

Новым для студентов является и различие согласных по глухости-звонкости, их произношение в различных позициях, что требует неоднократного повторения и закрепления.

Таким образом, знание орфоэпических норм русского языка и следование им является первым необходимым условием успешного овладения языком иностранными студентами.

Список использованной литературы

1. *Богатова Е.Н., Габдрахманова П.Л., Мустафина Л.Р.* Дидактический материал: упражнения по орфоэпии на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному // Научный альманах. 2016. № 10, серия 2. С. 40–44.

2. *Катенина Т.Е.* Язык хинди. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 103 с.

О.Г. Хохловская
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск

УДК 811.11

Особенности преподавания русского языка в условиях диалогической парадигмы образования

Аннотация. Настоящее сообщение отражает попытку выявления особенностей интенционального плана детского дискурса в школе диалога культур, которые заключаются в доминирующем характере конструктивных интенций, а также в доминировании нейтральной характеристики презентации референта в ситуации речевого взаимодействия. Выявленная специфика дискурса связана с таким свойством языковой личности, формирующейся в процедуре диалога, как диалогическая культура.

Ключевые слова: диалог, дискурс, интенция, презентация, речевой акт.

O.G. Khokhlovskaya
Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

Peculiarities of Teaching the Russian Language in the Conditions of Dialogue Paradigm of Education

Abstract. This message reflect an attempt of the identification of features of intentional plan children's discourse in the School of Dialogue of Cultures. It consist in the dominant character of constructive intentions and in the dominant neutral characteristics of the referent's presentation in the situation of speech interaction. The revealed specificity of discourse is associated with the property of the language personality such as culture of dialogue, which is formed in procedure of dialogue.

Keywords: the dialogue, discourse, intention, presentation, speech act.

Актуализация содержания языкового образования в школе с диалогической парадигмой происходит в связи с внедрением таких подходов в обучении, как культурологический, диалогический и текстологический принципы обучения. Основные формы деятельности ребёнка в школе данного типа – это диалог, урок-игра, урок-исследование, урок-практикум, урок-сказка, урок-беседа, взаимо- и самообучение, тренинг, “карнавализация” и др. Введение таких элективных курсов, как “Становление письменности”, “Начала математики”, “Мир как миф” и других, связано с предположением о том, что определённые этапы развития ребёнка близки определённым “возрастам” культуры, поэтому логично выстраивать последовательность образования в соответствии с исторически существующей последовательностью развития мировой культуры [4, с. 33]. Это обеспечивает естественность образовательного процесса, а также определяет упомянутые выше основные принципы актуализации содержания языкового образования.

Текстологический принцип обучения крайне существенный принцип образовательной технологии с диалогической парадигмой. Текст (подлинный текст, голос) культуры (античной или иной), а не учебник (“выжимка”, снятый результат). Текст культуры – основной посредник между этой культурой с одной стороны, учителем и учеником – с другой. Следует отметить, что тексты, изобретаемые учениками, как элемент технологии являются материалом для учебной работы наряду с реальными историческими текстами.

© О.Г. Хохловская, 2019

Это формирует умение обнаружить несовпадение собственной логики с логикой иной культуры, выстроить аргументацию в защиту своей точки зрения [2, с. 24].

Под учебными текстами, созданными детьми, мы понимаем не только тексты, но и детские рисунки, схемы, материалы исследований. Учебными они становятся тогда, когда начинают функционировать как объект изучения, осмысления и анализа в процессе учебной деятельности, диалога. Специфичным учебным материалом выступают также и аудио- и видеозаписи уроков, благодаря которым и ребёнок, и педагог могут восстановить прозвучавшие гипотезы, отстраниться от своей «вчерашней» логики и тем самым вступить в диалог с оппонентом, в том числе и с собой «вчерашним» [3, с. 42].

Несколько слов о культурологическом принципе обучения. Мы полагаем, что настоящее равенство в диалоге может существовать только при условии общения в культуре. «Культура – это из-обретение мира впервые». «Быть в культуре, общаться в культуре, самодетерминировать свою судьбу в напряжении культуры – порождать в культуре “мир впервые”», – пишет В. С. Библер [6, с. 38]. Познание, как совместное творчество-исследование учителя и ученика, совместный поиск себя в другом – вот истинные основания равенства в педагогическом общении в школе с диалогической парадигмой образования.

Диалогический принцип обучения является базовым, основополагающим в образовательных технологиях данного типа. Познавательный диалог, являясь одним из конструктивных моментов процесса образования, отличается от учебного диалога в привычном понимании, реализуя другую идею образования и иначе трактуя понимание навыка. Суть нашего подхода – изменение содержания и смысла самой идеи образования в контексте идеи культуры. Процесс обучения в данной школе – процесс целенаправленного спирального возвращения мысли в исходное начало мысли. По словам В. С. Библера, «не готовые знания, умения и навыки, но культура их формирования и изменения, трансформации, преобразования – вот чем должен обладать выпускник нашей школы» [5, с. 51]. Отметим, что диалогическое понимание не совпадает с традиционным видением навыка. Школа с доминантой диалога культур – это навык быть в культуре, навык творить культуру, это этническая компетентность. Совершается это через углублённое усвоение диалогизма, через диалог культур. В результате дети научаются видеть авторов, вести с ними диалог, приобретают возможность развития творческих способностей, философского мышления. Описанные принципы обучения позиционируют диалогическую деятельность, диалогический дискурс как один самых эффективных инструментов оптимизации познавательного процесса.

Дискурсивная деятельность детей в диалогах, несомненно, носит творческий характер, так как суть ее, как и в любом творческом процессе, не в достижении единственно возможного решения, а в широте ассоциативного поля и в способности преодолевать стереотипы на конечном этапе мыслительного синтеза. Озвучивая свою точку зрения в процессе диалога, дети в первую очередь решают свои собственные мыслительные и речевые задачи, стремясь не столько утвердить свое знание, сколько понять действительную меру своего незнания. Творческий характер дискурсивной деятельности детей в определенной мере снимает полемическую остроту и является условием преобладания конструктивных интенций говорящих. Наличие признаков творческой деятельности в диалоге позволяет определить типологию данного дискурса как диалогического, эвристического, конструктивного.

Для данного типа дискурса характерна позитивная презентация референта, которая обеспечивается такими свойствами языковой личности, как диалогическая культура и диалогичность. Таким образом, в диалогическом дискурсе первоочередным нормативным принципом речевого поведения является максима диалогической культуры. В самом широком плане под диалогической культурой понимают путь развития человечества,

противопоставленный насилию, агрессии, подавлению человека человеком, отрицанию демократии, утверждению авторитарных и тоталитарных режимов. С философской позиции, диалогическая культура – это умение видеть единство в разнообразии, а в единстве – разнообразие, такой диалектический и одновременно диалогический подход и является новой формой культуры [1, с. 75]. Говоря о диалогической культуре как максиме речевого поведения, мы имеем в виду характеристику поведения отдельного человека. В этом случае мы предлагаем следующее определение этого понятия: диалогическая культура – это учет инокультурности и / или поликультурности собеседника для осуществления презентации референта в объективном свете. В качестве иллюстрации того, что утверждалось выше, рассмотрим фрагменты одного из диалогов.

Учитель: *Он спросил: Как можно не понимать рисунок? – Саша говорил.*

Настя: *Я хочу ему ответить на вопрос, что рисунок не понимать, это можно, потому что, например, какой-нибудь мальчик написал тебе письмо или нарисовал его. Ты что-нибудь поймёшь?*

Интенция – убеждение, РА – аргумент, дискурс – аргументирующий.

Саша: *Ну, вот смотри, я вот тебе скажу, как будто я в Англии живу, я вот прислал тебе письмо, ты че не будешь его понимать?*

Интенция – возражение, РА – аргумент, дискурс – аргументирующий.

Настя: *Он захочет что-нибудь из знака тебе передать, нарисовать.*

Интенция – возражение, РА – аргумент, дискурс – аргументирующий.

Саша: *Но я же знаю это стрелка, это палочка, это кружочек. А потом надо составить че мы будем рисовать и всё.*

Интенция – возражение, РА – аргумент, дискурс – аргументирующий.

Интенция – утверждение, РА – информативы, дискурс – информирующий.

Настя: *Ну, хорошо, он тебе палочку, две палочки пришлёт, а он будет другое будет понятие иметь, не то, что ты знаешь, что составлено. А он может другое пришлёт.*

Интенция – возражение, РА – аргумент, дискурс – аргументирующий.

Саша: *Если он мне другое послание делает, то он обязательно должен сделать так, чтоб я его понял.*

Интенция – утверждение, РА – информативы, дискурс – информирующий.

Настя: *А откуда он знает, знаешь ты это или нет?*

Интенция – возражение, РА – аргумент, дискурс – аргументирующий.

Саша: *А почему он тогда именно мне делает? Если он меня знает, он знает, какие буквы я использую, он уже не будет делать свои буквы американские.*

Интенция – возражение, РА – аргумент, дискурс – аргументирующий.

Интенция – утверждение, РА – информативы, дискурс – информирующий.

Как видим, приведенный фрагмент диалогического дискурса позволяет утверждать, что в дискурсе учащихся преобладают конструктивные интенции, что подтверждает и соотношение типов речевых актов; кроме того, очевидно, что в диалогическом дискурсе существенные преимущества имеет нейтральная характеристика презентации референта, поскольку дискурсивная деятельность учащихся носит творческий характер. Все это позволяет сделать вывод о том, что обнаруженные характеристики дискурса и дискурсивной деятельности учащихся детерминированы такими свойствами языковой личности учащихся, как диалогическая культура и диалогичность.

Список использованной литературы

1. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: Два филос. введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.

2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

3. *Курганов С.Ю.* Экспериментальная программа Школы диалога культур 1–4 классы. Кемерово: «АЛЕФ» Гуманитарный Центр, 1993. 64 с.

4. *Литовский В.Ф., Месеняшина Л.А., Панова Р.А.* Проблемы формирования письменной речи / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2000. 201 с.

5. Школа диалога культур: Идеи. Опыт. Проблемы / под общ. ред. В.С. Библера. Кемерово: «АЛЕФ» Гуманитарный Центр, 1993. 416 с.

6. Школа диалога культур. Основы программы / под общ. ред. В.С. Библера. Кемерово: «АЛЕФ» Гуманитарный Центр, 1992. 96 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абросимова Екатерина Алексеевна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail:abrosimova@inbox.ru;

Айкенова Рыскельды Айкеновна, доктор филологических наук, Университет «Туран-Астана» (Казахстан); e-mail: oazis-jas@mail.ru;

Акаева Элеонора Вячеславовна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail:noraa@mail.ru;

Анисова Анна Александровна, кандидат филологических наук, Дальневосточный федеральный университет; e-mail: anisann@list.ru;

Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, Московский государственный лингвистический университет; e-mail: v-bazylev@inbox.ru;

Балонкина Ольга Викторовна, старший преподаватель, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники; e-mail: davydova_olga.85@mail.ru;

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail:bekasova@mail.ru;

Бектурова Жанат Базарбаевна, кандидат филологических наук, Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар (Казахстан); e-mail: bekturova.z@mail.ru;

Белая Елена Николаевна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: elena555-90@mail.ru;

Бобрикова Татьяна Анатольевна, магистрант, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; tatiana.bobrikowa@yandex.ru;

Боева Галина Николаевна, доктор филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; e-mail: g_boeva@ rambler.ru;

Бреусова Елена Ивановна, кандидат филологических наук, Сургутский государственный педагогический университет; e-mail:elenabreusova@yandex.ru;

Бугаева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, Российский государственный аграрный университет-МСХА имени К.А. Тимирязева; e-mail: bugaevaiv@ mail.ru;

Будейко Валерий Эдуардович, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет; e-mail: boudeyko@yandex.ru;

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: larisabut@rambler.ru;

Васильева Дарина Сергеевна, аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: darisheg@gmail.com;

Виданов Евгений Юрьевич, кандидат филологических наук, Омский государственный педагогический университет; e-mail: vidanovv@yandex.ru;

Волкова Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; e-mail: svet-volkova@yandex.ru;

Вольская Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; e-mail: navolskaya@yandex.ru;

Гетманская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, Московский педагогический государственный университет; e-mail: getmel@mail.ru;

Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, Челябинский государственный университет; e-mail: ligol@csu.ru;

Григорян Элиза Рудиковна, аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; elizagri@mail.ru;

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: egoots@yandex.ru;

Даутова Екатерина Артуровна, студент, Челябинский государственный университет; e-mail: dautovaea@list.ru;

Демидов Дмитрий Григорьевич, доктор филологических наук, Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй (Китай);e-mail: demidoffs@rambler.ru;

Димитриева Ольга Альбертовна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева; e-mail: olgaal_79@mail.ru;

Жапанова Маржан Еркеновна, кандидат филологических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана (Казахстан); e-mail: marzham.enu@gmail.com;

Замашанская Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, Бийский технологический институт (филиал Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова); e-mail: zamashanskaia@mail.ru;

Здриковская Татьяна Александровна, старший преподаватель, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: zdrikovskaya@mail.ru;

Зеленин Александр Васильевич, доктор филологических наук, Университет Тампере (Финляндия); e-mail: aleksandr.zelenin@tuni.fi;

Зензеря Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, Новосибирский государственный педагогический университет, Куйбышевский филиал; e-mail: zenzerja@rambler.ru;

Зинковская Любовь Сергеевна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: lusezin@yandex.ru;

Золтнер Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: ovlakor@yandex.ru;

Иванова Наталья Геннадьевна, магистрант, Университет Тампере (Финляндия); e-mail: aleksandr.zelenin@tuni.fi;

Исина Нурикамал Утеповна, кандидат филологических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана (Казахстан); e-mail: n.isina61@bk.ru;

Искакова Жазира Махсутовна, кандидат филологических наук, Университет «Туран-Астана» (Казахстан); e-mail: oazis-jas@mail.ru;

Кабылкова Александра Александровна, аспирант, Белорусский государственный университет; e-mail: 7193620@tut.by;

Калёнова Наталья Алексеевна, доктор филологических наук, Волгоградский государственный технический университет; e-mail: n.a.kalyonova@yandex.ru;

Калугина Валентина Владимировна, студент, Южный федеральный университет; e-mail: v_kalugina97@mail.ru;

Карташёва Анна Нахемовна, кандидат филологических наук, Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова (Казахстан); e-mail: akartasheva@mail.ru;

Кенжегалиева Сания Кожантаевна, кандидат филологических наук, Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова (Казахстан); e-mail:azetta06@mail.ru;

Киндеркнехт Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; e-mail: a_kinderknecht@mail.ru;

Киселева Ольга Дмитриевна, студент, Самарский государственный социально-педагогический университет; e-mail: kib_sam@mail.ru;

Клименчук Мария Константиновна, студент, Дальневосточный федеральный университет; e-mail: nataliy-klim@mail.ru;

Козлова Яна Олеговна, аспирант, Новосибирский государственный университет; e-mail: yana-mufka@yandex.ru;

Кокорина Юлия Георгиевна, доктор филологических наук, Московский политехнический университет; e-mail: kokorina@inbox.ru;

Колягина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, Сургутский государственный педагогический университет; e-mail: tkolyagina@yandex.ru;

Корсакова Юлиана Игоревна, аспирант, Челябинский государственный университет; e-mail: juliana647@gmail.com;

Костина Вероника Анатольевна, аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: veronika.kostina.94@mail.ru;

Крашенинникова Ирина Вячеславовна, преподаватель, Корпоративный университет Группы компаний «Волга-Днепр», г. Ульяновск; e-mail: irino4ka90@list.ru;

Кремзикова Светлана Ефимовна, доктор филологических наук, Донецкий национальный университет; e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru;

Кукуева Галина Васильевна, доктор филологических наук, Сургутский государственный университет; e-mail: kupala@inbox.ru;

Курулёнок Андрей Александрович, кандидат филологических наук, Чжецзянский университет иностранных языков Юесю, Институт европейских языков, г. Шаосин (Китай); e-mail: kurulyenok@mail.ru;

Лесников Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург; e-mail: serg@lsw.ru;

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Российский университет дружбы народов; e-mail: rusoturisto07@mail.ru;

Лопатина Марина Васильевна, кандидат исторических наук, Омский государственный педагогический университет; e-mail: m.lopatina@mail.ru;

Ляпина Алина Викторовна, кандидат педагогических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;e-mail: a.v.liapina@mail.ru;

Максимюк Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, Сибирский государственный автодорожный университет; e-mail: grechko_ev@mail.ru;

Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: malysheva_eg@mail.ru;

Мансур Мохаммед Хассан Саммани, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: hassen@bk.ru;

Массалова Александра Эдуардовна, преподаватель, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова; e-mail: massalova.alexandra@yandex.ru;

Мельникова Любовь Александровна, кандидат филологических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Балашовский институт (филиал); e-mail: lmelnikova5@mail.ru;

Миленич Жарко, аспирант, Высшая школа экономики; e-mail: milenic@gmail.com;

Миллер Виктория Александровна, старший преподаватель, Омский автобронетанковый инженерный институт; e-mail: miu.miu.miller@yandex.ru;

Михайлов Алексей Валерианович, кандидат филологических наук, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева; e-mail: avm_2006_64@mail.ru;

Михайлова Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева; e-mail: avm_2006_64@mail.ru;

Михеева Светлана Львовна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева; e-mail: mikhsveta@rambler.ru;

Муль Ирина Леонидовна, кандидат филологических наук, Омский государственный педагогический университет; e-mail: vidanovv@yandex.ru;

Назарова Наталья Александровна, кандидат педагогических наук, Омский государственный педагогический университет; e-mail: geybel@rambler.ru;

Невежина Светлана Борисовна, старший преподаватель, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: nsb@nsbonline.ru;

Нелюбина Юлия Александровна, старший преподаватель, Челябинский государственный университет; e-mail: gerbera7489@mail.ru;

Никитина Елена Аркадьевна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; e-mail: el_nikitina@rambler.ru;

Никитина Лариса Борисовна, доктор филологических наук, Омский государственный педагогический университет; e-mail: laribn@rambler.ru;

Николаева Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, Самарский государственный социально-педагогический университет; e-mail: tatanik2009@yandex.ru;

Николенко Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, Омский государственный педагогический университет; e-mail: nikolenkoolga@mail.ru;

Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: nvorl@rambler.ru;

Пашкевич Ольга Иосифовна, кандидат филологических наук, Якутский институт водного транспорта (филиал Сибирского государственного университета водного транспорта); e-mail: pashkevich1960@bk.ru;

Песина Светлана Андреевна, доктор филологических наук, доктор философских наук, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова; e-mail: spesina@bk.ru;

Петров Владимир Владимирович, магистрант, Тюменский государственный университет; e-mail: petrov.v.1337@gmail.com;

Плешков Евгений Сергеевич, старший преподаватель, аспирант, Южно-Уральский государственный университет; e-mail: evgeny-pl@mail.ru;

Погребная Яна Всеволодовна, доктор филологических наук, Ставропольский государственный педагогический институт; e-mail: maknab@bk.ru;

Позднякова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова; e-mail: helena_poz@mail.ru;

Постникова Екатерина Георгиевна, доктор филологических наук, Лаборатория народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова; e-mail: ekaterinapost@mail.ru;

Прохоренко Юлия Юрьевна, магистрант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail:prokhorenko.yu@yandex.ru;

Риферт Арина Александровна, магистрант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: arina-rifert@yandex.ru;

Рогалева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: olga_rogaleva78@mail.ru;

Рогожникова Татьяна Павловна, доктор филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: pmtr@mail.ru;

Ромашова Инна Петровна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: romashova.inna@gmail.com;

Ронина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail:elenaprofe@gmail.com;

Руднева Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, Сургутский государственный педагогический университет; e-mail: soulina@inbox.ru;

Русанова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, Новосибирский государственный технический университет; e-mail: rusanowa_7@mail.ru;

Савченко Александр Викторович, кандидат филологических наук, Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй (Тайвань); e-mail: savchenko75@mail.ru;

Садиева Дина Валентиновна, аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: dina_sadieva@mail.ru;

Самсонова Александра Владимировна, учитель русского языка и литературы, МБОУ «СОШ № 5» города Балашиха, Московская область; e-mail: samalvad111@mail.ru;

Сафонова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, Сургутский государственный педагогический университет; e-mail: natniksaf@rambler.ru;

Седова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, Омский государственный технический университет; кандидат филологических наук; e-mail: sedova2006 @mail.ru;

Сердечная Вера Владимировна, кандидат филологических наук, издательство «Аналитика Родис», г. Краснодар; e-mail: rintra@yandex.ru;

Сироткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, Сургутский государственный педагогический университет; e-mail: sirotkina71@mail.ru;

Смагина Анна Андреевна, магистрант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: smaginaanya@mail.ru;

Снежицкая Оксана Сергеевна, преподаватель, Гродненский государственный медицинский университет; e-mail: oksana.snezhitskaya@mail.ru;

Соловцова Елена Валериевна, преподаватель, Горловский институт иностранных языков; e-mail: elenasolovcova@yandex.ru;

Стрекалов Дмитрий Александрович, аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: paperbacknowriter@gmail.com;

Федяева Наталья Дмитриевна, доктор филологических наук, Омский государственный педагогический университет; e-mail: ndfed@yandex.ru;

Харламова Марина Александровна, кандидат филологических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail:khr-spb@mail.ru;

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, доктор филологических наук, чл.-корр. Академии наук Республики Башкортостан, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: hisamitdinova@list.ru;

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: chmelevskij@mail.ru;

Хохловская Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, Челябинский государственный университет; e-mail: khokh-olga@yandex.ru;

Хрипункова Оксана Васильевна, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: khripunkova.oxana@yandex.ru;

Часовский Никита Вячеславович, соискатель, Челябинский государственный университет; учитель английского языка МАОУ «СОШ № 84», Челябинск; e-mail: nikita-chas@mail.ru;

Шашков Игорь Александрович, аспирант, преп., Стахановский педагогический колледж Луганского национального университета; e-mail: study777@mail.ru;

Шифрова Екатерина Сергеевна, магистрант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;e-mail: ekaterinashifrova@gmail.com;

Шкайдерова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, Севастопольский государственный университет; e-mail: romy@mail.ru;

Щербакова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, Омский государственный педагогический университет; e-mail: nata.ro@mail.ru.